НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Сборник материалов в 8-ми томах

ТОМ 6

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЛАВНЫХ НАЦИСТСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 6

Лебедева Н.С. —
составитель, автор предисловия, научный редактор

Павлищев К.С. —
спец. научный редактор

Щемелева-Стенина Е.Е. —
перевод и сверка текста документов
на немецком языке

Валицкая В.И. —
перевод и сверка текста документов
на английском языке

Москва
“Юридическая литература”
1996

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ 6

Сборник материалов в 8-ми томах

Москва
"Юридическая литература"
1996

67.91
Н97

Н $\frac{1207000000-019}{012(01)-96}$ подписное

ISBN 5-7260-0795-6 (т. 6)
ISBN 5-7260-0015-3

Предисловие

В данный том сборника материалов «Нюрнбергский процесс» включены выступления обвинителей, касающиеся индивидуальной ответственности подсудимых. Формулировка индивидуальной ответственности за преступления, изложенные в разделах I, II, III, IV обвинительного заключения, была приведена в приложении «А»[1].

Перед судом предстали руководители целого государства, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, ставшие живыми символами расовой ненависти, террора и насилия, безжалостного истребления народов во имя установления своего господства в мире. Они не верили, что придет час расплаты. В дни, когда фашистские полчища рвались к Сталинграду, Кавказу и уже предвкушали победу, Й.Геббельс заявил на митинге в Баварии: «Наши враги заблуждаются, утверждая, что так называемые "немецкие военные преступники" предстанут перед судом. Они уже готовы представить статут этого суда. Не будем им препятствовать в этом. Кто знает, не понадобится ли нам данный статут после войны против его составителей»[2]*. Но страны антигитлеровской коалиции не заблуждались, предупреждая гитлеровских главарей об уголовной ответственности за их беспрецедентные злодеяния. Нацистские преступники были посажены на скамью подсудимых и произошло это именно в Баварии, в Нюрнберге, 20 ноября 1945 г.*

Еще в заявлении Правительства СССР от 14 октября 1942 г. в качестве главных военных преступников были названы Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. о создании Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в эту категорию зачислялось все преступное гитлеровское правительство и командование германской армии.

В рекомендации Комиссии по наказанию военных преступников при Лондонской Международной Ассамблее к главным военным преступникам были отнесены лица, винов-

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: В 8 томах. Т. 1. М., 1987. С. 320 — 329.

[2] Цит. по: *Лебедева Н.С.* Суд над фашизмом и агрессией (К 40-летию Нюрнбергского процесса). М., 1985. С. 3.

ные в организации преступных сообществ, осуществлении массового террора, в ограблении стран и народов.

В проекте обвинительного заключения, представленном 17 июля 1945 г. английской делегацией на Лондонской конференции, на первом процессе над главными военными преступниками предлагалось судить следующих лиц: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лея, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга. Франка, Фрика, Штрейхера и возможно (для обсуждения) — фон Шираха и Заукеля[1]. Таким образом, в нем не было ни одного промышленника, почти отсутствовали представители германского командования вооруженными силами и флотом, а также руководители фашистской пропагандистской машины.

В результате обмена мнениями и учета предложений советской и американской делегаций список подлежащих суду нацистских преступников был значительно расширен. Он включил в себя 24 фамилии: ведущих нацистских руководителей, промышленников, военных, дипломатов, идеологов, которые несли главную ответственность за все преступления, совершенные гитлеровцами. При этом определенные сомнения возникли в отношении Бормана, поскольку не было полной уверенности в его смерти.

В соответствии с решением Потсдамской конференции, принятым по инициативе советской делегации, первый список главных военных преступников был опубликован до 1 сентября, а именно — 29 августа 1945 г.

18 октября обвинительное заключение было вручено всем подсудимым, которые смогли выбрать себе защитников и в последующем в полной мере реализовывать свое право на защиту.

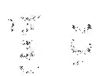
На скамье подсудимых в Нюрнбергском Дворце юстиции оказалась почти вся нацистская правящая клика, за исключением Гитлера, Геббельса и Гиммлера, покончивших жизнь самоубийством; разбитого параличом Круппа, дело которого было выделено в отдельное производство и приостановлено; исчезнувшего и судимого заочно Бормана; Лея, повесившегося в камере нюрнбергской тюрьмы после ознакомления с обвинительным заключением.

Обвинители представили многочисленные доказательства преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечности и участия в общем плане или заговоре, совершенных следующими подсудимыми:

Германом Вильгельмом Герингом — рейхсмаршалом, главнокомандующим военно-воздушными силами Германии,

---

[1]Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7445, оп.2, д. 404, л.66 — 68.

председателем Совета министров по обороне империи, генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану, ближайшим помощником Гитлера с 1922 года. Именно его объявили первым преемником фюрера. Герингу принадлежала и «честь» быть организатором штурмовых отрядов и гестапо, создателем первых концлагерей. С его именем связано начало организованного преследования и истребления еврейского населения. Геринг был самым активным после Гитлера подстрекателем, организатором и руководителем агрессивных войн с целью утверждения мирового господства, «идеологом» и разработчиком программы уничтожения целых народов, ограбления оккупированных стран, использования рабского труда военнопленных и насильственно угнанных из других стран людей. Он имел непосредственное отношение к подготовке нацистами бактериологической войны, к массовым изуверским опытам над людьми. Геринг обвинялся и был признан виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения;

Рудольфом Гессом — заместителем Гитлера по руководству нацистской партией, державшим в своих руках весь ее аппарат, членом Совета министров по обороне империи, обергруппенфюрером СС и СА, рьяным приверженцем захватнической политики фюрера, одним из непосредственных организаторов агрессии против Австрии, Чехословакии и Польши. В сентябре 1939 г. он был объявлен следующим после Геринга преемником Гитлера. 10 мая 1941 г., когда была уже установлена точная дата нападения на СССР, Гесс вылетел в Англию с целью добиться сговора со своими единомышленниками и с их помощью убедить английское правительство предоставить Германии свободу деятельности на Востоке. Там он и был интернирован до конца войны. Гессом были подписаны такие человеконенавистнические документы, как «закон об охране крови и чести», указы от 14 сентября 1935 г. о лишении евреев права голоса и работы в общественных учреждениях и от 20 мая 1938 г. о распространении антисемитских нюрнбергских законов на Австрию. Именно он являлся инициатором создания «особых уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных землях. Гесс обвинялся по всем четырем разделам обвинительного заключения, но был признан виновным лишь по первым двум;

Иоахимом фон Риббентропом — уполномоченным нацистской партии по вопросам внешней политики, послом в Англии, а затем министром иностранных дел «третьего рейха». Одновременно он являлся членом Совета министров по обороне империи и Тайного совета. Риббентроп был одним из самых активных участников преступного заговора, вдохновителем и руководителем агрессивной внешней

политики Германии. Однако сфера его деятельности не ограничивалась лишь внешней политикой. Он принимал непосредственное участие в разрешении всего комплекса вопросов, связанных с планированием, подготовкой и осуществлением агрессивных войн. Вместе с другими ближайшими приспешниками Гитлера Риббентроп разрабатывал планы колонизации оккупированных стран, ограбления, порабощения и массового истребления их граждан, активно содействовал их реализации. По его указанию, в частности, при Министерстве иностранных дел был создан «батальон особого назначения», который, следуя за передовыми частями вермахта, грабил музеи, библиотеки, частные собрания на оккупированных территориях. Риббентроп обвинялся и был признан виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения;

Вильгельмом Кейтелем — генерал-фельдмаршалом, начальником верховного командования вермахта (ОКВ), ближайшим военным советником, единомышленником и соратником Гитлера. Его руками приводилась в действие военная машина «третьего рейха». Он руководил не только подготовкой и ведением агрессивных войн, но и разработкой приказов, санкционировавших военные преступления и преступления против человечности. «Человеческая жизнь на Востоке ничего не стоит», «только драконовские меры способны обеспечить порядок в завоеванных районах» — такими выражениями пестрели подписанные Кейтелем бумаги. Генерал-фельдмаршал обвинялся и был признан виновным по всем разделам обвинительного заключения;

Эрнстом Кальтенбруннером — начальником полиции безопасности и СД, шефом главного управления имперской безопасности (РСХА), обергруппенфюрером СС, правой рукой Г.Гиммлера. Это ему непосредственно подчинялись гестапо и германская политическая разведка. Он ведал охраной концлагерей, руководил эйнзатцкомандами, осуществлявшими массовые убийства людей в душегубках, пытки, казни мирного населения. Кальтенбруннер разделял ответственность за истребление миллионов евреев, поляков, русских, за злодейские преступления против узников концлагерей и военнопленных, против женщин, стариков и детей на оккупированных территориях. Он обвинялся по I, III и IV разделам обвинительного заключения, но был признан виновным по III и IV разделам;

Альфредом Розенбергом — заместителем Гитлера по вопросам идеологической подготовки членов нацистской партии, имперским министром по делам восточных территорий, «теоретиком» фашизма, не гнушавшимся в то же время и преступной практикой. Он нес ответственность за злодеяния, совершенные гитлеровцами на оккупированных

территориях СССР, за систему организованного грабежа общественной и личной собственности во всех захваченных «третьим рейхом» странах. Именно Розенберг был духовным отцом и ярым проповедником теории «расы господ», оправдывавшей геноцид в отношении других народов. Розенберг обвинялся и был признан виновным по всем разделам обвинительного заключения;

Гансом Франком — рейхслейтером нацистской партии по правовым вопросам, президентом академии германского права, генерал-губернатором оккупированных польских территорий, превратившим их в сплошной концлагерь. Он систематически и планомерно осуществлял культурный геноцид, разграбление национальных богатств Польши, насаждал там голод и нищету, террор и бесправие, санкционировал массовое уничтожение еврейского и польского населения. Будучи фанатичным приверженцем фашизма, этот «правовед» превратил волю национал-социалистской партии в единственный критерий законности. Франк обвинялся по I, III и IV разделам обвинительного заключения, но виновным был признан только по III и IV;

Вильгельмом Фриком — имперским министром внутренних дел, рейхслейтером, членом Совета министров по обороне империи, генеральным уполномоченным по вопросам администрации, ведавшим подготовкой тыла к войне. Он участвовал в издании многочисленных законодательных актов, направленных на уничтожение в Германии демократических свобод, преследование церкви, дискриминацию евреев. В течение ряда лет в его подчинении находилось гестапо, а также другие полицейские службы рейха. Именно Фрик издал в 1940 году приказ об уничтожении душевнобольных и престарелых. В 1943 году был направлен в Богемию и Моравию в качестве имперского протектора этих земель. Он нес полную ответственность за террор в отношении чешского населения, угон мирных граждан на рабский труд, массовые депортации евреев с подвластных ему территорий протектората. Фрик обвинялся по всем разделам обвинительного заключения, но был признан невиновным по первому из них;

Юлиусом Штрейхером — одним из создателей и руководителей НСДАП, идеологом антисемитизма, «юдофобом № 1», как он сам себя называл, организатором еврейских погромов. Штрейхер в качестве издателя и редактора антисемитского листка «Дер Штюрмер» помог воспитать массовые кадры убийц, непосредственно осуществлявших преступные планы гитлеровской клики, уничтоживших 6 млн. еврейского населения, 6 млн. граждан Польши, более 10 млн. советских мирных людей, 500 тыс. цыган и др. Призывая к физическому уничтожению всех евреев, он писал:

«Только тогда, когда мировое еврейство будет уничтожено, эта проблема будет решена». Именно эта концепция была взята на вооружение фашистскими главарями, принявшими в 1942 году директиву об «окончательном решении еврейского вопроса». Штрейхер обвинялся по I и IV разделам обвинительного заключения, но был признан невиновным по I;

Гельмаром Шахтом — президентом рейхсбанка, министром экономики, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, являвшимся инициатором перевода хозяйства страны на военные рельсы. Он способствовал приходу Гитлера к власти, обеспечив ему поддержку германских промышленных и финансовых кругов. Шахт был одним из создателей военной промышленности, финансировавшим агрессивные войны «третьего рейха». Осознав в 1943 году неизбежность поражения Германии, он попытался уйти с политической арены и установить связь с генеральской оппозицией. Он обвинялся по I и II разделам обвинительного заключения, но был оправдан Международным военным трибуналом. Советский судья И.Т. Никитченко не согласился с этим решением и выразил свое особое мнение по данному вопросу;

Вальтером Функом — имперским министром экономики, президентом рейхсбанка, генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, одним из главных экономических советников Гитлера, членом Совета министров по обороне империи. Продолжая дело Шахта, он поставил на службу гитлеровской агрессии всю экономику Германии, а затем и оккупированных территорий. Именно Функ превратил кладовые рейхсбанка в место хранения ценностей, награбленных эсэсовцами на оккупированных территориях, в том числе золотых коронок, оправ от очков и других изделий из драгоценных металлов, снятых с умерщвленных в газовых камерах узников концлагерей. Функ обвинялся по всем разделам обвинительного заключения, но был признан невиновным по I разделу;

Карлом Деницем — гросс-адмиралом, командующим подводным флотом, с 1943 года главнокомандующим военно-морскими силами Германии, после самоубийства Гитлера ставшим его преемником на посту главы государства. По приказам гросс-адмирала топились госпитальные и пассажирские суда с женщинами, стариками и детьми на борту, эвакуировавшимися из районов боевых действий, не предпринимались меры для спасения команд с потопленных кораблей и т.д. Дениц обвинялся по I, II и III разделам обвинительного заключения, но был признан виновным только по II и III.

Эрихом Редером — гросс-адмиралом, являвшимся в 1935 — 1943 гг. главнокомандующим военно-морскими си-

лами рейха, принимавшим активное участие в планировании, подготовке и ведении всех агрессивных войн нацистской Германии. Идея вторжения в Норвегию, в частности, была выдвинута именно Редером. На совещании с участием фюрера 18 марта 1941 г. он призвал к оккупации Греции. За шесть дней до нападения на СССР Редер отдал приказ атаковать советские подводные лодки в Балтийском море. Он был инициатором ведения неограниченной подводной войны. Это его штаб издал кощунственную директиву об уничтожении Ленинграда (Санкт-Петербурга) и более 3 млн. его жителей. Редер обвинялся и был признан виновным по I, II и III разделам обвинительного заключения;

Бальдуром фон Ширахом — организатором и руководителем молодежной организации «гитлерюгенд», имперским наместником и гаулейтером Вены. В течение полутора десятков лет он отравлял германскую молодежь ядом расизма и милитаризма, внедряя в сознание юношей и девушек человеконенавистнические идеи. Ширах нес также ответственность за порабощение австрийского народа, за убийства сотен тысяч людей. Именно он руководил выселением из Вены 60 тыс. евреев, которые затем были уничтожены в концлагерях. Ширах обвинялся по I и IV разделам обвинительного заключения, однако был признан виновным лишь по последнему;

Фрицем Заукелем — обергруппенфюрером СС, генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, наделенным чрезвычайными правами и подчиненным непосредственно Гитлеру. С его именем неразрывно связана одна из самых зловещих страниц нацистской истории — массовый угон людей из оккупированных стран для использования в качестве рабской силы на германских предприятиях и фермах. «Всех людей, — поучал он, — следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимальных затратах». По его приказам и в результате проводимых им мероприятий на каторжные работы в Германию были отправлены более 10 млн. иностранных рабочих и военнопленных. Заукель обвинялся по всем разделам обвинительного заключения, но был признан виновным лишь по III и IV разделам;

Альфредом Иодлем — генерал-полковником, начальником штаба оперативного руководства ОКВ, заместителем Кейтеля и одним из ближайших военных советников Гитлера. Все, что касается подготовки планов и ведения агрессивных войн «третьим рейхом», неразрывно связано с его именем. Под планом «Барбаросса» наряду с подписями Гитлера и Кейтеля стоят и инициалы Иодля, непосредственно руководившего его разработкой. Это им были подготовлены приказы об уничтожении Москвы, Ленинграда и дру-

гих городов, даны официальные санкции на безжалостное, зверское истребление мирных граждан, расправы с патриотами, не смирившимися с нацистским «новым порядком». Иодль обвинялся и был признан виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения;

Францем фон Папеном — одним из активных организаторов захвата власти фашистами, вице-канцлером в первом кабинете Гитлера, затем посланником в Вене. Являясь лидером католической партии, Папен многое сделал, чтобы обеспечить гитлеровскому режиму поддержку Ватикана. Будучи послом в Турции в 1939—1941 гг., он руководил шпионской деятельностью и организовывал различные провокации. Вплоть до разгрома гитлеровской Германии фон Папен оставался верен режиму. Обвинялся по I и II разделам обвинительного заключения, но был оправдан. И.Т. Никитченко выразил несогласие с этим решением Трибунала в своем особом мнении;

Артуром Зейсс-Инквартом — одним из руководителей фашистской партии, имперским наместником в Австрии в 1938—1939 гг., заместителем генерал-губернатора Польши в 1939—1940 гг., имперским наместником в Голландии в 1940—1945 гг. Он был одним из тех, кто помогал Гитлеру осуществлять аншлюс, т.е. захват Австрии, и во время войны санкционировал массовый террор против польского и голландского народов. Обвинялся по всем четырем разделам обвинительного заключения, признан виновным по II, III и IV разделам;

Альбертом Шпеером — соратником и фаворитом Гитлера, имперским министром вооружений и боеприпасов, начальником широко разветвленной военно-строительной организации «Тодт». Именно он во время войны возглавил все военное строительство и военное производство нацистской Германии. В сотрудничестве с Леем и Заукелем бывший архитектор создал изнурительную систему эксплуатации миллионов иностранных рабочих. Награбленные на оккупированных территориях сырьевые и иные ресурсы Шпеер направлял на усиление военного потенциала гитлеровского рейха, на наращивание выпуска оружия и боеприпасов для преступной войны. Обвинялся и был признан виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения;

Константином фон Нейратом — имперским министром иностранных дел, генералом войск СС, председателем Тайного совета, членом Совета министров по обороне империи, в 1939—1943 гг. протектором Богемии и Моравии. Прусский аристократ, дипломат старой школы, он помогал Гитлеру делать первые шаги в его агрессивной политике. Всякий раз, когда нужно было закамуфлировать с помощью дипломатических махинаций очередные агрессивные акты, на сцену выступал барон фон Нейрат. В качестве протекто-

ра Богемии и Моравии он в течение четырех с половиной лет насаждал в Чехословакии режим кровавого террора — так называемый «новый порядок». Обвинялся по всем четырем разделам обвинительного заключения; был признан виновным по III и IV разделам;

Гансом Фриче — ближайшим сотрудником Геббельса, начальником отдела внутренней прессы министерства пропаганды, затем руководителем отдела радиовещания. Своими выступлениями он культивировал в немцах чувство ненависти к другим народам, добивался, чтобы его соотечественники безропотно следовали за нацистской партией. Его личная ответственность за политическое и моральное растление германского народа весьма велика. Фриче обвинялся по I, III и IV разделам обвинительного заключения, но был оправдан Международным военным трибуналом. В особом мнении И.Т.Никитченко выразил несогласие с этим решением.

Дело Густава Круппа, против которого было выдвинуто обвинение по всем четырем разделам обвинительного заключения, не рассматривалось. В результате автомобильной катастрофы, происшедшей 4 декабря 1944 г., у Круппа начался процесс органического разрушения мозга. Он находился в госпитале в Зальцбурге, и врачи считали, что он не транспортабелен. Было очевидно, что его физическое состояние никогда уже не станет таким, чтобы он смог присутствовать на процессе. Защитник Круппа Т.Клефиш обратился к Трибуналу с ходатайством отсрочить слушание дела Круппа[1]. Против этого решительно возражали главные обвинители. Р.Джексон, в частности, подчеркнул: «Более чем 130 лет эта семья была символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе, и находилась под их покровительством. В 1943 году Альфред Крупп... стал единственным владельцем крупповских предприятий. Освободить Густава Круппа фон Болен от этого процесса без замены его Альфредом — значит освободить от суда всю семью Круппа, а следовательно, аннулировать всякое осуждение тех, кто изготовлял немецкое вооружение»[2]. Крупп фон Болен и его сын Альфред оказывали всевозможную поддержку нацистам и способствовали захвату ими власти. Г.Крупп фон Болен передал в фонд нацистской партии 4,7 млн. марок. Его влияние было велико и при разработке планов агрессивных войн. Оба Круппа — Густав и Альфред — в период

[1] ГА РФ, ф. 7445, оп. 1, д.2737, л. 28 — 31.

[2] Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками: В 7 томах. М., 1957 — 1961. Т. 1. С. 172.

войны широко использовали принудительный труд иностранных рабочих и военнопленных, бесчеловечно обращаясь с занятыми у них людьми. Однако когда вопрос рассматривался на заседании Трибунала, лишь И.Т. Никитченко высказался за внесение в список обвиняемых Альфреда Круппа или, в случае отклонения этого предложения, за рассмотрение дела Густава Круппа заочно. Но большинством в 3 голоса против 1 Трибунал отклонил эти предложения и 15 ноября удовлетворил ходатайство защитника об отсрочке, при условии, что обвинения, выдвинутые против Г. Круппа, остаются в силе и дело будет рассмотрено, если физическое и умственное состояние подсудимого это позволит.

17 ноября Трибунал обсудил и вопрос, рассматривать ли дело М.Бормана, заместителя Гитлера по нацистской партии, заочно. Статья 12 Устава предусматривала такую возможность в случае неявки обвиняемого. Заместитель главного обвинителя от Великобритании Дэвид Максуэлл-Файф от имени всех главных обвинителей указал, что, поскольку нет доказательств смерти Бормана, а объявление о предъявлении ему обвинения публиковалось в нескольких газетах и в течение недели передавалось по радио, Трибунал может начать рассмотрение дела Бормана заочно. Трибунал согласился с мнением Комитета главных обвинителей и постановил судить Бормана в его отсутствие.

Заместители и помощники главных обвинителей от США, Великобритании и Франции с 8 января по 7 февраля представили исчерпывающие доказательства индивидуальной ответственности подсудимых. Все обвинители оказались на высоте задач, стоявших перед международным правосудием. И дело было не только в их профессиональном мастерстве и хорошем знании международного права, но и в понимании важности процесса для предотвращения в будущем подобных преступлений, угрожающих самому существованию цивилизации. Обвинители от США, Англии и Франции делали все возможное для доказательства виновности нацистских главарей и не изменили своей антифашистской позиции до конца процесса, хотя на них и пытались оказать давление определенные силы, не заинтересованные в осуждении военных и промышленников. Так, военное руководство США и Англии, прежде всего Д.Эйзенхауэр и Б.Монтгомери, весьма неодобрительно отнеслись к обвинению Кейтеля, Иодля, Деница и Редера и приданию их суду, считая, что их судят за принадлежность к военному сословию, а не за преступления. Далеко не однозначно оценивали происходившее в Нюрнберге разбирательство и руководящие политические деятели этих стран. Например, американский исследователь У.Босх характеризовал отношение правительства Г.Трумэна к процессу как «прагматичное и осторож-

ное». Хотя официальная позиция госдепартамента во время суда и по его окончании оставалась неизменной, его негласное отношение становилось все более негативным. Отдельные представители обвинения стали объектами нападок в реакционной прессе. Тем не менее они продолжали делать свое дело, представляя огромное количество исключительных по безупречности и силе доказательств. Стенограммы совещаний у Гитлера, приказы, составлявшиеся или визировавшиеся подсудимыми, различные инструкции, отчеты, тысячи других документов из архивов рейхсканцелярии, министерства иностранных дел, военных штабов, личных архивов подсудимых, «деловые» бумаги германских концернов легли на стол Международного военного трибунала. Они заговорили столь убедительным языком, что большинство подсудимых не смогли противопоставить им сколько-нибудь убедительных аргументов. «Обвинение против подсудимых, — констатировалось в Приговоре МВТ, — базируется в большей степени на документах, составленных ими самими, аутентичность которых не оспаривалась, за исключением одного или двух случаев»[1].

Н.С. Лебедева,
кандидат исторических наук

[1]Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками. Т. 7. С. 312.

Выступления представителей обвинения

Р. АЛЬБРЕХТ (США)

О порядке представления доказательств индивидуальной ответственности подсудимых и об индивидуальной ответственности Геринга[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 8 января 1946 г.

Господа судьи, Главный обвинитель от США возложил на меня обязанность на основании уже принятых доказательств и добавочного доказательного материала, который будет представлен, установить индивидуальную ответственность некоторых подсудимых за преступления, предусмотренные в первом и втором разделах обвинительного заключения.

Когда эти подсудимые отказались от всего того, что было признано хорошим в германской жизни, и решительно приняли участие в борьбе за достижение целей партии, они хорошо знали, что такое национал-социализм. Они знали программу, объявленную нацистской партией, и имели представление о нацистских методах. Официальная программа нацистской партии была доступной и хорошо известной. Объявленная и опубликованная перед всем миром в 1920 году, она публиковалась много раз в течение последующих лет. Нацисты не делали секрета из своих намерений сделать партийную программу основным законом Германии. Нацисты вообще не делали никакого секрета из своих намерений.

Всем представлялась возможность прочесть книгу «Майн Кампф», продукт извращенного ума фюрера. Кроме того, имелось обилие писаний и речей других руководителей, которые заняли выдающееся положение, многие из которых не сидят сейчас на скамье подсудимых. Сам Гитлер объявлял, что нацисты, при необходимости, употребят силу для достижения своих целей.

Среди заговорщиков имеются такие, которые, подобно Гессу, Розенбергу и Герингу, сотрудничали с Гитлером с самого начала заговора. Эти люди были из среды тех, кто заложил основы будущих планов. Это были люди, которые со временем наметили путь и изготовили форму, в которую

[1] IMT. Vol. 4. P. 529—557.

должно было вылиться будущее. Но имелись также и другие заговорщики, сидящие на скамье подсудимых, которые добровольно присоединились к заговору позднее.

Эти люди могут быть охарактеризованы как грубые и жестокие, но, во всяком случае, не могут быть названы тупицами или глупцами. Они имели возможность наблюдать проявление нацистского насилия и нацистских методов под эгидой свастики. Они знали природу того, в чем сами участвуют. Поэтому следует считать, что они хотели принять участие и приняли его добровольно, и поэтому нельзя предположить, что они присоединились к заговору с закрытыми глазами в то время, когда заговор постепенно набирал силу и развился наконец во всесокрушающий поток.

Большое количество доказательств преступной деятельности этих подсудимых, так же, как и других участников заговора, уже было представлено Трибуналу. Мы не будем делать полный обзор всех преступлений, которые планировались этими подсудимыми или совершались по их инициативе и за которые они, несомненно, должны нести полную ответственность. Мир уже знает больше о злых деяниях этих людей и их сообщников, чем обвинение могло бы надеяться установить в разумных пределах времени и человеческого терпения. Поэтому на данном этапе мы постараемся концентрировать внимание лишь на показательных примерах преступной деятельности конкретных заговорщиков...

Многие из этих заговорщиков совершали преступления, указанные в первом и втором разделах обвинительного заключения. Мы сплетем эти нити вместе и набросаем, как я сказал, общую формулировку полного доказательства, как это изложено в первом разделе обвинительного заключения.

Таким образом, от имени США я приступаю к доказательству того, как некоторые из этих подсудимых стали участниками общего плана или заговора о ведении агрессивной войны, и сформулирую степень их индивидуальной ответственности за их действия, связанные с проведением в жизнь этого заговора.

Прежде всего мы упомянем покойного доктора Роберта Лея, который, прибегнув к самоубийству, избежал наказания за свое участие в заговоре.

Следующим мы упомянем Круппа фон-Болен унд Гальбах, дело против которого было выделено из этого процесса.

Тем не менее следует указать, что документальные доказательства были представлены и будут представлены в поддержку обвинения, изложенного в обвинительном заключении, инкриминирующем и Лею, и Круппу участие в заговоре как заговорщиков, за преступления которых остальные подсудимые также должны нести ответственность.

Следующий подсудимый — Фриц Заукель. Дело против Заукеля было полностью представлено и поддержано большим количеством неоспоримых доказательств моим коллегой господином Доддом при представлении им дела о рабском труде. Мы считаем, что нет необходимости добавить что-либо к делу Заукеля для того, чтобы показать его истинную роль в заговоре.

Следующий подсудимый, деятельность которого следует рассматривать, Альберт Шпеер. Подобно его сообщнику Заукелю, он был глубоко причастен к заговору как один из заговорщиков. Большая часть дела против него была представлена господином Доддом при представлении им доказательств по делу о рабском труде.

В отличие от Заукеля преступная деятельность Шпеера далеко выходит за границы сферы рабского труда. Он был одним из творцов плана систематического разграбления и расхищения земель, которые были захвачены германской военной машиной. Документальное доказательство участия Шпеера в ограблении стран Западной Европы, так же, как и восточных территорий, оккупированных немцами, будет представлено позднее моими коллегами — Главным обвинителем, представляющим Советский Союз, и Главным французским обвинителем в выступлениях по остальным пунктам обвинительного заключения.

Это будут в основном доказательства, свидетельствующие, что Шпеер был участником заговора.

Однако имеется одно дополнительное доказательство, которое я бы хотел представить сейчас. Оно было получено несколько дней назад из министерского документального центра в Касселе и представляет собой досье, которое велось на подсудимого Шпеера в канцелярии рейхсфюрера СС. Я представляю эту папку как доказательство ПС-3568, США-575, из письма от 25 июля 1942 года, второй абзац:

«Имперский министр Шпеер был введен как член СС в личный штат рейхсфюрера СС под номером СС-46104 начиная с 20 июля 1942 года, согласно приказу рейсфюрера СС».

Я думаю, что это все, что нужно было прочесть из этого письма. Но я бы хотел привлечь внимание Трибунала к приложенному к письму документу. Он представляет собой вопросник, где говорится о том, что Альберт Шпеер был в организации СС с осени 1932 года и что номер его членского билета в партии был 474481.

Следующим я упоминаю подсудимого Эрнста Кальтенбруннера, дело против которого было полностью представлено в связи с определением дел гестапо и СД как преступных организаций. Мы считаем, что дальнейших доказа-

тельств о том, насколько полно этот враг своего собственного отечества — Австрии входил в заговор, не требуется.

Мы переходим к делу, пожалуй, наиболее важного заговорщика, находящегося сейчас перед Трибуналом, «нациста № 2», нациста, который стоял следующим за фюрером, нациста, который был в некоторых отношениях даже более опасным, чем фюрер и другие партийные руководители.

Мы говорим «более опасный» потому, что в отличие от многих нацистов, занимавших руководящие посты, включая Гитлера, которые в моральном и социальном отношениях принадлежали к подонкам общества до того времени, когда нацистская партия одержала успех в 1933 году, этот заговорщик вышел из порядочной семьи, из которой в прошлом выходили офицеры армии и важные гражданские деятели страны. Более того, он отличался располагающей наружностью, приятными манерами и некоторой приветливостью. Но все эти черты являлись не более чем обманом, поскольку они только помогали скрыть его стальную сердцевину, его мстительность, жестокость, стремление к увенчанию себя наградами, самопрославлению и власти.

Этот человек был наиболее опасным, поскольку его внешние характерные черты, о которых я уже говорил и которые в некотором отношении были продемонстрированы здесь, в присутствии Трибунала, использовались им для того, чтобы обмануть представителей иностранных государств, пытавшихся узнать от него о подлинных намерениях нацистского государства, которое, постоянно попирая международные обязательства, так серьезно тревожило спокойствие мира с 1933 года...

Я перечислю ряд фактов, которые уже были доказаны документами, и я не буду до тех пор, пока Трибунал этого не пожелает, ссылаться на номера тех документов или на те цитаты, которые уже были представлены и к которым мне придется обратиться. Все они имеются в досье и были переданы Трибуналу.

На фоне представленных фактов, в которые вплетены нити уже установленного соучастия подсудимого Геринга, мы представим некоторые добавочные документальные доказательства, которые необходимы для того, чтобы продемонстрировать связь Геринга с определенными фазами заговора и его личную ответственность за эти фазы.

Ваша честь, следовало раньше сказать, что документы были розданы, и сейчас перед Вами имеются три тома книг документов, озаглавленные «ДД», в которых содержатся по существу все документы, как новые, так и старые, касательно личной ответственности этого подсудимого.

Прежде всего мы обратимся к индивидуальной ответственности подсудимого Геринга за преступления против мира. Эти преступления включают участие Геринга в захвате

и укреплении власти в Германии, в экономической и военной подготовке войны и в ведении агрессивной войны.

В течение более чем двух десятилетий деятельность Геринга распространялась почти на все фазы заговора. Он был одним из заговорщиков, связанных с Гитлером с самого начала. Геринг был членом партии с 1922 года — принимал участие в Мюнхенском путче ноября 1923 года, будучи во главе СА — нацистской организации, которая была создана для применения насилия.

После путча Геринг покинул страну для того, чтобы избежать ареста. По возвращении он стал уже больше, чем командиром над уличными драчунами. Он был назначен первым политическим помощником Гитлера. Его деятельность изложена в уже представленном доказательстве, а именно: в официальной биографии Геринга, написанной Гритцбахом, где излагаются его сделки с правительством Брюнинга, его попытки сломать барьер вокруг президента фон Гинденбурга и двойная игра в рейхстаге в сентябре 1932 года, когда он, будучи президентом рейхстага, способствовал тому, чтобы правительству фон Папена не был бы выражен вотум доверия, как раз перед тем, как рейхстаг был распущен. Деятельность Геринга доказывает, что он не упускал случаев получения наград за свои усилия в осуществлении дела партии. Гитлер выразил полное доверие Герингу, и тот хвастался, что никакое звание или орден не заставляет его так гордиться, как прозвище, данное ему германским народом, — «самый верный палладин нашего фюрера». Эта короткая цитата имеется в документе ПС-2324, США-233.

В январе 1933 года с приходом нацистов к власти Геринг стал исполняющим обязанности министра внутренних дел и премьер-министром Пруссии. Занимая эти посты, он немедленно приступает к установлению режима террора в Пруссии, направленного на подавление оппозиции по отношению к нацистской программе. Главным его орудием в этой связи была прусская полиция, которая находилась под его юрисдикцией до 1936 года. В феврале 1933 года он направил все силы полиции на оказание помощи полувоенным организациям, поддерживавшим новое правительство, СА и СС, для того, чтобы при необходимости и невзирая ни на какие последствия сокрушить всех политических оппонентов силой оружия.

Трибунал примет без доказательства директивы от 10 и 17 февраля 1933 года, которые цитируются на седьмой странице нашего досье. Они входят в собрание декретов, известное как «Министерский бюллетень», 1933 год.

Геринг часто с гордостью признавал свою личную ответственность за преступления, совершенные согласно при-

казам такого характера, и я напомню его слова, сказанные перед тысячами немцев:

«Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, — есть моя пуля. Если кто-то называет это убийством, значит, это я убил. Я приказал это, я согласился с этим, я принимаю на себя всю ответственность и я не боюсь этого сделать».

Это цитата из нашего доказательства ПС-2324, США-233, которое уже было представлено.

Вскоре после того, как Геринг стал премьер-министром Пруссии, он, преследуя цели заговора, приступил к созданию гестапо, или тайной государственной полиции. Данные касательно этой террористической организации были представлены суду моим другом полковником Стори. Уже 26 апреля 1933 года он подписал первый закон, официально учреждавший гестапо в Пруссии. Согласно декрету, который он подписал, Геринг назвал себя премьер-министром и начальником прусской тайной государственной полиции. Несомненно, он был способным заговорщиком и стремился укрепить власть партии в своей стране. Уже весной 1933 года в Пруссии были созданы концлагеря. Мужчины и женщины, так называемые марксисты и другие политические оппоненты, арестованные гестапо, помещались в концлагеря без суда. Геринг сказал: «Против врагов государства мы должны действовать безжалостно». Это утверждение имеется в нашем документе ПС-2324, который уже был представлен как доказательство под номером США-233.

Политический террор под его руководством был безграничен. Достаточно взглянуть на некоторые его директивы, относящиеся к тем дням, чтобы оценить ту степень и прямолинейность, с которой подавлялся каждый голос протеста.

Я прошу Трибунал принять без доказательства некоторые из этих декретов, находящиеся в том же собрании декретов, которые уже цитировались на страницах 9 и 10 нашего досье. Здесь имеется директива от 22 июня 1933 года, в которой излагаются требования, чтобы все чиновники наблюдали за высказываниями гражданских служащих и доносили подсудимому Герингу о всех, кто допускал критические замечания.

Недонесение о таких высказываниях рассматривалось как доказательство враждебной позиции.

Там имеется также директива от 23 июня 1933 года, согласно которой подавлялась вся деятельность социал-демократической партии, включая собрания и партийную прессу, и также должна была быть конфискована собственность этой партии. Там имеется директива от 30 июня 1933 года, согласно которой руководство гестапо должно было отчи-

тываться перед уполномоченными по труду о политических взглядах рабочих, а также директива от 15 января 1934 года, согласно которой гестапо и пограничная полиция должны были следить за эмигрантами, особенно за политическими эмигрантами и евреями, живущими в соседних странах, арестовывать их и бросать в концентрационные лагеря в том случае, если они возвращались в Германию.

Жестокость Геринга далее иллюстрируется хорошо известным кровавым эпизодом. После уничтожения сил оппозиции нацисты почувствовали необходимость уничтожить несогласных с ними в их собственных рядах. Это они совершили 30 июня 1934 года акцию, известную под названием «чистка Рема». Подсудимый Фрик — один из главных заговорщиков — в этой связи указал в письменном показании, данном под присягой, что было убито много людей, ничего общего не имевших с заговором СА, но которых «просто не очень любили».

Роль Геринга в этом кровавом деле была отмечена Гитлером в речи, произнесенной в рейхстаге меньше, чем через две недели после этого события. Я представляю сейчас как доказательство документ ПС-3442, США-576, в котором содержится речь Гитлера, которую он произнес 13 июля 1934 года в рейхстаге. Она опубликована в «Дас Архив», том 4, страница 505. Я цитирую:

«В то же время премьер-министр Геринг уже получил мои инструкции о том, что в случае чистки он должен принять аналогичные меры одновременно в Берлине и в Пруссии. Своим железным кулаком он сокрушил атаку на национал-социалистское государство прежде, чем она могла получить развитие».

С приходом нацистов к власти Геринг одновременно занял ряд самых высоких и наиболее влиятельных постов также и в самой империи. Уже представленные доказательства касательно состава и функций имперского правительства и тех постов, которые занимал Геринг, показывают, что он был одним из наиболее значительных деятелей в нацистском государстве.

Член рейхстага с 1928 года и президент его с 1932 года, он был членом кабинета сначала в качестве имперского министра без портфеля. Вскоре после этого он получил портфель имперского министра авиации. Когда в правительстве на одном из ранних совещаний дискутировался акт о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, он внес предложение о том, чтобы большинство в две трети голосов было получено путем отказа в праве входа на заседание социал-демократическим делегатам. Я представляю доказательство ПС-2962, США-578, содержащее протокол этого заседания. Как вы заметите, господа судьи, это совещание

имело место 15 марта 1933 года, и там присутствовали кроме подсудимого Геринга подсудимые фон Папен, фон Нейрат, Фрик и Функ. Я зачитаю текст на странице 6 этого документа.

«Имперский министр Геринг выразил свое убеждение в том, что этот акт будет принят и получит необходимое большинство голосов в две трети. Большинство голосов могло быть получено путем недопущения социал-демократов в зал. Возможно, социал-демократы даже воздержались бы от голосования по этому акту».

В 1935 году, после того как военно-воздушные силы, существовавшие до этого тайно, демаскировались, Геринг стал их главнокомандующим. Он был заместителем фюрера в имперском совете обороны, учрежденном согласно тайному закону от 21 мая 1933 года, как изложено Фриком в его письменных показаниях. Задачей этого совета являлось следующее:

«Планирование и подготовка декретов на случай войны, которые были позднее опубликованы советом обороны империи».

Его стремление принимать на себя все бо́льшую и бо́льшую ответственность казалось безграничным. В 1936 году Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по четырехлетнему плану, в связи с чем он получил полную административную и законодательную власть над всей германской экономической жизнью. В 1938 году он стал членом тайного совета, который был учрежден как «коллегия советников по вопросам иностранной политики».

Совет обороны империи, созданный в 1939 году, принял на себя всю законодательную власть правительства, которая иным образом не регулировалась, и Геринг стал его председателем.

Проявленные Герингом активность и безжалостность были оценены Гитлером в 1939 году, когда он назначил Геринга своим преемником как законного наследника «нового порядка».

В апреле 1936 года Геринг был назначен на пост руководителя по координации сырьевых материалов и операций с иностранной валютой. Он был уполномочен руководить всей государственной и партийной деятельностью в этой области. Я представляю в подтверждение этого факта документ ПС-2827, США-577, который представляет собой выдержку из книги Рюле «Третья империя». Я читаю четвертый абзац документа, который представляет собой выдержку из декрета, подписанного Гитлером:

«Премьер-министр генерал Геринг примет необходимые меры для выполнения задач, возложенных на него, и для этого ему предоставляется право издавать декреты и

общие административные директивы. Для этой цели он уполномочен требовать отчеты и издавать директивы всем органам власти, включая высшие имперские и все организации партии и ее подразделения».

Соответственно этому положению Геринг созывал: военного министра подсудимого Шахта как министра экономики, президента рейхсбанка и министра финансов империи и Пруссии для обсуждения межведомственных проблем, связанных с военной мобилизацией. На заседании этой группы 12 мая 1936 года, когда возник вопрос о слишком высокой цене на заменители, синтетические сырьевые материалы, Геринг решил:

«Если завтра будет война, нам понадобятся заменители. Деньги не будут играть никакой роли. Если так стоит вопрос, мы должны подготовить все необходимое для этого в мирное время».

Через несколько дней, 27 мая 1936 года, на заседании той же группы Геринг выступил против каких-либо ограничений, которые диктовала ортодоксальная финансовая политика. Он сказал, что «все меры должны рассматриваться с точки зрения неизбежного ведения войны».

Хорошо известный четырехлетний план был объявлен Гитлером в 1936 году, на партийном съезде в Нюрнберге. Геринг был назначен чрезвычайным уполномоченным по выполнению этой программы, имевшей целью самообеспечение страны. Далее Геринг заявил в том же 1936 году, что его основная задача в качестве чрезвычайного уполномоченного была «перевести всю экономику на военные рельсы в течение четырех лет». Я хотел бы представить документ ЕС-408, США-579, чтобы привлечь внимание Трибунала к меморандуму от 30 декабря 1936 года отдела обороны вермахта, озаглавленного «Меморандум о четырехлетнем плане и подготовке военной экономики». В третьем абзаце перевода имеется заявление, записанное в протоколе, о том, что премьер-министр генерал-полковник Геринг властью фюрера и имперского канцлера назначается уполномоченным по четырехлетнему плану с 18 октября 1936 года.

Что касается военной экономики, премьер-министр генерал-полковник Геринг считает своей задачей «в течение четырех лет привести всю экономику в готовность к войне».

Документ, который я зачитал, является приложением к документу, который был только что представлен обвинению. Это записка для архива, датированная 2 декабря 1936 года, написанная от руки, озаглавленная «премьер-министр генерал Геринг» и написанная рукой полковника Боденшатца — начальника штаба Геринга. Я представляю этот меморандум как документ ПС-3474, США-580.

Я прошу Трибунал обратить внимание на тот факт, что дата этого документа — 2 декабря 1936 года. Это было совещание, на котором, очевидно, присутствовали старшие офицеры и генералы военно-воздушных сил. Кроме подсудимого Геринга там были генерал Мильх, генерал Кессельринг, Рудель, Штумпф, Кристиан и все руководители военно-воздушных сил. Я зачитаю его.

«Мировая пресса возбуждена по поводу высадки пяти тысяч германских добровольцев в Испании. Великобритания официально выражает недовольство и обсуждает этот вопрос с Францией. Италия предлагает, чтобы Германия и Италия послали каждая одну дивизию наземных войск в Испанию. Однако необходимо, чтобы Италия, так как она имеет интересы в Средиземном море, сначала издала политическую декларацию. Решение может ожидаться только через несколько дней.

Общее положение чрезвычайно серьезное. Россия хочет войны. Англия быстро вооружается. Следовательно, начиная с сегодняшнего дня, мы даем команду "полная готовность к боевым действиям"». Не обращая внимания на финансовые затруднения. Геринг берет на себя всю ответственность. «До 1941 года желательно сохранить мир. Однако мы не можем знать, возникнут ли затруднения раньше. Мы уже находимся в состоянии войны, только до сих пор еще не раздался выстрел».

8 июля 1938 года он выступил на совещании ряда крупнейших германских авиационных промышленников и дал основные установки относительно увеличения авиационного производства. Он указал на непосредственную близость войны с Чехословакией и хвастался, что германские военно-воздушные силы уже превосходили английскую авиацию количественно и качественно. Он сказал, что «если Германия выиграет войну, то она будет величайшей державой, господствующей на мировом рынке, и станет богатой страной. Надо рисковать, чтобы добиться этой цели».

Эта цитата, господа судьи, взята из документа Р-140, США-160.

Через несколько недель после Мюнхенского соглашения 14 октября 1938 года на другом совещании, которое состоялось в его кабинете, Геринг заявил, что Гитлер дал ему указание провести гигантскую программу вооружения, по сравнению с которой станут незначительными все предыдущие достижения. Он указал, что ему приказано увеличить военно-воздушные силы в пять раз, повысить темпы перевооружения армии и флота и сосредоточиться на наступательном оружии, особенно на тяжелой артиллерии и тяжелых танках. На этом совещании он предложил определенную программу, направленную к достижению этих целей.

Это краткое резюме к фактам, взятым из уже представленного документа ПС-1301, США-123.

В его двойной роли министра авиации и главнокомандующего ВВС Геринг также отвечал за развитие военно-воздушных сил до полной боеспособности. Еще 10 марта 1935 года в беседе с корреспондентом лондонской газеты «Дейли Мейл» маска лицемерия была снята, и Геринг откровенно объявил миру, что он создает истинно военную авиацию.

Через два месяца, выступая перед офицерами военно-воздушных сил, Геринг говорил в еще более смелом тоне.

Я представляю в качестве доказательства выдержку из документа ПС-3441, США-437, страница 242 книги «Речи и статьи Геринга». Это выдержка, которая еще не была оглашена. Геринг заявил:

«Я повторяю: я намереваюсь создать военно-воздушные силы, которые, если пробьет час, будут брошены на врага как удар возмездия. Еще до начала сражения враг должен чувствовать, что он проиграл».

В том же 1935 году, 16 марта, он подписал закон о воинской повинности, который предусматривал обязательную военную службу и представлял собой вызов со стороны нацистской Германии в нарушение Версальского договора. Трибунал без доказательства примет этот декрет — документ ПС-1654. С разрешения Трибунала я не буду его оглашать. Это закон об организации вооруженных сил и он имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1, страница 369.

Как указывалось в письменном показании посла Мессерсмитта, уже представленном Трибуналу, заявление Геринга в тот период не оставляло никаких сомнений союзным дипломатам в том, что Германия проводит полную мобилизацию военно-воздушных сил для предстоящей войны.

Фактически Геринг был центральной фигурой в подготовке Германии к военной агрессии. В области германского экономического развития он также занимал ключевые посты в течение всего довоенного периода и, хотя в области внешней политики он и не занимал официальной должности, в качестве «нациста № 2» играл важную роль во всех основных фазах нацистской агрессии в период с 1937 по 1941 год.

Во время австрийских событий Геринг был суфлером и режиссером дипломатической трагикомедии, которая была разыграна перед потрясенным, но хранившим молчание миром.

Трибунал ознакомился с вопросом об участии Геринга в агрессии против Австрии. Однако мы получили некоторые новые документы, которые показывают, что Геринг

не только активно участвовал, но непосредственно руководил осуществлением немецкого плана в отношении аншлюса. Я представляю первый из этих документов, ПС-3473, США-581.

Я не буду оглашать его, но хотел бы обратить внимание Трибунала на письмо Кепплера, который был одним из агентов Геринга, адресованное подсудимому и датированное 6 января 1938 года. Из содержания этого письма можно обоснованно заключить, что Геринг активно действовал в австрийских делах еще в 1937 году. На основании наших предыдуших доказательств можно было предположить, что он появился на сцене значительно позже. Обвинение считает, что этот документ имеет большое значение, так как он показывает, что подсудимый Зейсс-Инкварт фактически имел поручение Геринга выполнять приказы нацистских заговорщиков в Вене. Документ будет оглашен и рассмотрен при представлении материалов об индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварта. Сейчас я не буду занимать у Трибунала время чтением этого документа.

Второй документ, который я хотел бы представить, ПС-3472, США-582. Он показывает, что заговорщики пытались создать впечатление того, будто аншлюс был осуществлен законными средствами. Членам нацистской партии в Австрии, очевидно, был дан приказ — «руки прочь» для того, чтобы дать возможность провести этот дьявольский план официальными имперскими органами, а именно подсудимым Герингом и предположительно подсудимым фон Папеном в прямом контакте с австрийскими чиновниками.

Оглашаю этот документ:

«Вчера я получил сведения о том, что ландеслейтер Леопольд со своей стороны также начал переговоры с канцлером Шушнигом. В силу этого я просил министерство иностранных дел расследовать правильность этой информации, а в случае если она окажется правильной, принять меры к тому, чтобы такие переговоры не велись, так как они лишь нарушат ход других переговоров.

Я только что узнал от министерства иностранных дел, что они получили доклад из посольства в Вене, который подтверждал эти факты. Поэтому я хотел бы знать, не было бы более подходящим запретить ландеслейтеру Леопольду и другим представителям руководства вести переговоры с канцлером Шушнигом, а также с любым другим представителем австрийского правительства по вопросу о проведении в жизнь пакта от 11 июля 1936 года. Это можно делать лишь после установления контакта и получения согласия властей, которые занимаются этим вопросом в Германии».

Разрешите обратить внимание Трибунала на приписку в этом письме. Она написана синим карандашом, а под ней,

хотя в переводе не указано, имеются инициалы, большая буква «Г». Я не сомневаюсь, что помета была сделана Герингом. Она гласит:

«Согласен, лучше всего, чтобы этот приказ был дан министром Гессом или господином Борманом. Поэтому Кепплер должен запросить по телефону».

Справа наверху еще одна помета карандашом: «Передано г-ну Кепплеру г-жой Кест 11 февраля 1938 г.». Там также имеется инициал «Г». Но мы уверены, что на этот раз этот инициал обозначает фамилию госпожи Грундманн, одного из секретарей Геринга.

Третий документ — ПС-3471, США-583. Первое письмо, содержащееся в этом документе, написано тем же Кепплером тому же Боденшатцу, фамилия которого упоминалась недавно, но который к этому времени стал генералом.

С разрешения Трибунала я не буду оглашать этот документ. Я лишь вкратце изложу его содержание. Это письмо и приложения к нему показывают, что Леопольд, то есть нацистский ландеслейтер в Австрии, по-видимому, полностью не хотел подчиняться приказам из Берлина и следовал своим собственным методам для осуществления аншлюса. Второе приложение к этому письму, которое адресовано Кепплеру, из которого следует, что он был группенфюрером СС, показывает, что руководящие нацисты в Австрии высказались за то, чтобы в качестве ландеслейтера Леопольда сменил майор Клауснер. Обращаю внимание Трибунала на тот факт, что слева на препроводительном письме имеются пометки красным карандашом, тем цветом, которым, как нам известно, часто писал Геринг. Эти пометки показывают, что Геринг лично видел эти документы и что генерал Боденшатц обратил на них его внимание. Во всяком случае эти документы показывают, что Геринг был одним из основных заговорщиков в австрийском вопросе.

Когда 11 марта 1938 года наконец наступило время для проведения аншлюса, Геринг полностью владел ситуацией. Вечером того дня он по телефону руководил деятельностью подсудимого Зейсс-Инкварта и других нацистских заговорщиков в Вене.

Как вы помните, существенные выдержки из этих телефонных переговоров были оглашены. Вы также помните, что в тот же вечер, 11 марта 1938 года, он продиктовал подсудимому Зейсс-Инкварту текст телеграммы, которую последний должен был направить нацистскому правительству в Берлин с просьбой послать германские войска для того, чтобы «предотвратить кровопролитие». Через два дня он позвонил подсудимому Риббентропу, находившемуся в Лондоне, и с радостью рассказал ему о своих успехах. Кроме того, он сказал, что «басня о том, что мы предъяви-

ли ультиматум, является глупой сплетней». Я хотел бы заметить, что эта выдержка, на которую я только что сослался, имеется на странице 581 стенограммы.

Геринг также играл важную роль при проведении нападения на Чехословакию. В марте 1938 года во время аншлюса он дал торжественное заверение чехословацкому посланнику в Берлине в том, что события в Австрии не нанесут никакого ущерба отношениям между Германией и Чехословакией. Он подчеркнул, что Германия постоянно и искренне стремится улучшать эти отношения. В этой связи Геринг сказал: «Даю вам честное слово». Это заявление уже было оглашено и имеется в стенограмме на странице 962.

С другой стороны, выступая на уже упомянутом мною совещании германских авиационных промышленников 8 июля 1938 года, он ясно высказал свое личное мнение по этому вопросу, которое далеко не соответствовало его торжественным официальным заявлениям.

14 октября 1938 года, вскоре после заключения Мюнхенского соглашения, на совещании в министерстве авиации Геринг заявил, что ресурсы Судетской области должны быть использованы всеми средствами и что он рассчитывает на полную промышленную ассимиляцию Чехословакии. Тем временем, как показывают представленные Трибуналу доказательства, он с этой же целью обманывал представителей марионеточного словацкого правительства.

На следующий после совершения насилия над Чехословакией год Геринг откровенно заявил, каковы были цели Германии в течение всего этого периода. Он объяснил, что включение Богемии и Моравии в германскую экономику было осуществлено, в частности, для того, чтобы увеличить германский военный потенциал путем использования находящейся в Чехословакии промышленности.

Геринг также был движущей силой в совершении последующих преступлений против мира. В качестве назначенного преемника Гитлера, главнокомандующего военно-воздушными силами и «экономического правителя великой Германии» он был участником всей подготовки к военным операциям нацистских вооруженных сил на Востоке и Западе.

Например, что касается Польши, то именно Геринг 31 января 1935 года дал через графа Чембека заверение польскому правительству, как это указано в польской «Белой книге», которую я прошу Трибунал принять без доказательств, что «в Польше не должно существовать ни малейших опасений в отношении того, что с германской стороны он, то есть германо-польский союз, не будет продолжать действовать и в будущем». Однако через четыре года Геринг помогал составлять планы безжалостного вторжения на польскую территорию.

В отношении нападения на Советский Союз уже представленные документы показывают, что планы безжалостной эксплуатации советской территории были составлены за много месяцев до начала военных действий. Геринг был поставлен во главе этой грабительской армии, задачей которой был «захват сырья и всех важных предприятий».

Эти конкретные примеры, на которые я ссылаюсь, являются лишь иллюстрацией деятельности Геринга в области агрессивной войны. На страницах 20, 21 и 22 нашего досье имеется далеко не исчерпывающий список документов, которые уже были представлены обвинением и которые указывают на то, что Геринг знал и постоянно участвовал в проведении нацистской военной программы.

Теперь мы переходим к вопросу об ответственности Геринга за планирование и участие в принудительном захвате рабочей силы, угоне и порабощении жителей оккупированных территорий, использовании военнопленных в военной промышленности, грабеже произведений искусств и онемечивании и экономическом разграблении стран, захваченных нацистами.

Представленные доказательства детализируют программу нацистских заговорщиков по использованию рабского труда и показывают две цели этой программы, которые являются преступными. Первой целью было удовлетворить потребность нацистской военной машины в рабочей силе путем принуждения жителей оккупированных стран работать в Германии. Вторая цель — уничтожить или ослабить народы оккупированных территорий.

Было доказано, что миллионы иностранных рабочих были увезены в Германию в большинстве случаев под нажимом и обычно с применением физической силы, что эти рабочие принуждались работать в условиях неописуемой жестокости и унижения и что они часто использовались на предприятиях, которые производили только вооружение.

Геринг все время принимал участие в проведении этой программы использования рабского труда. Набор и распределение рабочей силы, установление условий труда — все это входило в его компетенцию в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана. С самого начала часть аппарата управления по четырехлетнему плану занималась этой работой...

Вскоре после падения Польши Геринг начал осуществлять массовое порабощение поляков. 25 января 1940 года генерал-губернатор Польши подсудимый Франк докладывал Герингу относительно его директивы о вербовке и транспортировке в Германию не менее миллиона сельскохозяйственных и промышленных рабочих мужского и женского пола, включая не менее 750 тысяч сельскохозяйственных

рабочих, из которых по крайней мере 50% должны быть женщины, для обеспечения сельскохозяйственного производства в Германии и для замены промышленных рабочих, которых не хватает в Германии.

Эта выдержка имеется в документе ПС-1375, США-172. Тот факт, что приказы о вербовке этого огромного количества рабочих исходили от подсудимого Геринга, становится ясным из записи в дневнике подсудимого Франка от 10 мая 1940 года, который уже был представлен в качестве доказательства.

Подсудимый Геринг также несет ответственность за жестокое обращение с этими рабочими в Германии.

8 марта 1940 года в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана и в качестве председателя правительственного совета обороны империи он издал директиву, озаглавленную «Обращение с гражданскими рабочими мужского и женского пола польской национальности в Германии». В качестве доказательства этого факта я ссылаюсь на документ США-148. С разрешения Трибунала я не буду его представлять в настоящее время, так как он будет представлен советским обвинением на более поздней стадии.

29 января 1942 года отдел по использованию рабочей силы при управлении по проведению четырехлетнего плана издал циркуляр, подписанный доктором Мансфельдом — главным уполномоченным этого управления по использованию рабочей силы. Этот циркуляр адресован различным гражданским и военным властям на оккупированных территориях и в нем говорится:

«Любые методы должны быть использованы для того, чтобы заставить рабочих ехать в Германию». Я не буду читать этот документ, но я хотел бы представить в качестве доказательства документ ПС-1183, США-585. Это циркулярное письмо от 29 января 1942 года уполномоченного по проведению четырехлетнего плана.

Ранее указывалось, что 21 марта 1942 года Гитлер издал декрет о назначении подсудимого Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Заукель должен был выполнять свои задачи в рамках управления по проведению четырехлетнего плана и был подчинен непосредственно Герингу.

27 марта 1942 года подсудимый Геринг издал важный декрет о предоставлении чрезвычайных полномочий в соответствии с декретом фюрера от 21 марта 1942 года. Трибунал уже принял без доказательства этот декрет, документ ПС-1666.

Так как подсудимый Заукель работал в рамках четырехлетнего плана, на подсудимого Геринга ложится вся ответ-

ственность за тяжелейшие военные преступления, совершенные Заукелем в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Об этих преступлениях уже говорилось при представлении материалов по вопросу о рабском труде и незаконном использовании военнопленных. Тогда же было доказано, что нацистские заговорщики принуждали военнопленных работать в опасных условиях, а также работать в производстве и перевозке вооружения и боеприпасов в нарушение законов ведения войны и статей 31 и 32 Женевской конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 года. Подсудимый Геринг участвовал в совершении всех этих преступлений.

На совещании 7 ноября 1941 года, посвященном вопросу об использовании труда граждан Советского Союза, включая военнопленных, Геринг, как становится ясным из меморандума, подписанного Кернером, который был статс-секретарем при подсудимом Геринге в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана, дал некоторые безжалостные указания относительно использования советских граждан, как военнопленных, так и гражданских рабочих в качестве рабочей силы. Ссылаюсь на документ ПС-1193, который с разрешения Трибунала я не буду представлять в качестве доказательства в настоящее время, так как он будет позднее представлен советским обвинением.

Из серии секретных директив, которые были даны Герингом, по-видимому, на том же самом совещании 7 ноября 1941 года и которые были уже представлены в качестве доказательств, становятся ясными следующие факты:

1. Из общего количества в пять миллионов военнопленных два миллиона были заняты в военной промышленности.

2. Было более рационально использовать военнопленных, чем непригодных иностранных рабочих.

3. Поляки, голландцы и т. д. должны быть охвачены как военнопленные и использованы как таковые, если не удастся получить рабочих по добровольно заключенному контракту.

Эти факты, господа судьи, указаны в документе ПС-1206, США-215.

В секретном письме имперского министра труда председателям областных бюро труда, которое уже было представлено Трибуналу, сказано, что по личному приказу рейхсмаршала, то есть подсудимого Геринга, 100 тысяч мужчин должны быть взяты из числа французских военнопленных, еще не использовавшихся в военной промышленности, и переданы в авиационную промышленность и что та нехватка в обеспечении рабочей силой, которая возникнет в связи с этим, должна быть восполнена за счет советских военнопленных.

Были также представлены доказательства, показывающие систематически осуществляемую программу нацистских заговорщиков по разграблению культурных ценностей стран Европы. Постоянная связь подсудимого Геринга с этой деятельностью уже подтверждена.

В октябре 1939 года подсудимый Геринг просил доктора Мюльмана немедленно взять на себя обязанность «обеспечить приобретение» всех польских сокровищ искусств. В уже представленном письменном показании доктор Мюльман заявляет, что он был особо уполномочен генерал-губернатором Польши подсудимым Франком по охране сокровищ искусств в генерал-губернаторстве в период с октября 1939 года по сентябрь 1943 года и что подсудимый Геринг в качестве председателя совета обороны дал ему такое задание.

Мюльман также подтверждает, что официальной политикой подсудимого Франка был захват всех ценных произведений искусств, принадлежащих польским государственным учреждениям, частным коллекциям и церкви, и что такие произведения искусств фактически конфисковывались.

Из доклада доктора Мюльмана о проведенных им мероприятиях, сделанного 16 июня 1943 года, видно, что однажды 31 ценный рисунок художника Альбрехта Дюрера был изъят из польской коллекции и лично вручен подсудимому Герингу, который отвез их в ставку Гитлера.

Роль, которую играл Геринг в разграблении произведений искусств штабом Розенберга, также была доказана. Ссылаюсь на документ ПС-141, США-368, который представляет собой уже оглашенный приказ от 5 ноября 1940 года, в котором Геринг дает указание начальнику военной администрации в Париже и специальному штабу Розенберга отправлять произведения искусств, привезенные в Лувр, в следующем порядке:

«1. Те предметы искусств, решение относительно которых фюрер оставил за собой.

2. Те предметы искусств, которые должны пополнить коллекцию рейхсмаршала.

3. Те предметы искусств и библиотечные фонды, которые могут быть полезны для создания высших учебных заведений и для деятельности Розенберга.

4. Предметы искусств, пригодные для германских музеев...»

В силу того, что согласно вышеуказанному приказу пополнение коллекции самого подсудимого имело первоочередное значение, не приходится удивляться, что Геринг продолжал помогать операциям специального штаба Розенберга. Уже установлено, что 1 мая 1941 года Геринг издал подписанный им самим приказ всем партийным, государст-

венным и военным органам с предписанием о том, чтобы они оказывали максимальную поддержку и содействие начальнику штаба рейхслейтера Розенберга.

К маю 1942 года подсудимый Геринг смог похвастаться тем, что оказал помощь работе специального штаба Розенберга. В документе ПС-1051, который был оглашен и имеется на 1678-й странице стенограммы, приводятся его слова в письме подсудимому Розенбергу о том, что лично он повсеместно поддерживает работу специального штаба и что он объясняет захват такого большого количества произведений искусств именно своим содействием штабу Розенберга.

Таким образом, ответственность подсудимого Геринга за планирование разграбления произведений искусств, которое практически было осуществлено штабом Розенберга, совершенно ясна.

Подробности проведения политики онемечивания и разграбления в западных и восточных странах, оккупированных немецкими войсками, будут впоследствии представлены французским и советским обвинением. Эти доказательства дополнительно укажут на ответственность подсудимого Геринга в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана, председателя совета министров по обороне и в других качествах.

Планы нацистских заговорщиков в отношении Польши уже были раскрыты в представленных доказательствах. Нацисты намеревались включить четыре западные провинции Польши в империю. В остальных оккупированных провинциях они создали генерал-губернаторство. Уже было показано, что нацисты намеревались безжалостно онемечить так называемые включенные в Германию территории путем вывоза польской интеллигенции, евреев и оппозиционных элементов в генерал-губернаторство для последующего истребления, путем конфискации польской собственности и угона на работу в Германию тех лиц, которые были лишены, таким образом, собственности, и путем ввоза в генерал-губернаторство немецких переселенцев. Они специально планировали использование человеческих и материальных ресурсов территории генерал-губернаторства путем захвата всего того, что было необходимо для укрепления нацистской военной машины, таким образом добиваясь обнищания этой территории и превращая ее в вассальное государство.

Подсудимый Геринг совместно с Гитлером и Ламмерсом и подсудимыми Фриком и Гессом 8 октября 1939 года подписал декрет, в силу которого ограбленные части польской территории были включены в состав империи.

Действуя со ссылкой на вышеупомянутый декрет, подсудимый Геринг в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана 30 октября 1939 года подписал

приказ относительно проведения четырехлетнего плана на восточных территориях. В своей директиве от 19 октября 1939 года, документ ЕС-410, США-298, Геринг заявил, что задача экономической политики в различных административных областях будет различной и обусловлена тем, будет ли данная область политически включена в германскую империю или останется частью генерал-губернаторства, которое, вероятно, не будет присоединено к Германии. Далее он говорил:

«На территориях, упомянутых вначале, следует стремиться к восстановлению и расширению экономики, обеспечению всех производственных ресурсов и продовольствия, а также к полному включению в экономическую систему Великой Германии в кратчайший срок. С территорий генерал-губернаторства, напротив, должно быть вывезено все сырье, лом, оборудование и т. д., которые могут быть использованы в германской военной экономике. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми для поддержания полуголодного существования населения, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком длительного периода времени и не окажется, что более практично использование этих предприятий для выполнения немецких заказов там, где они в настоящее время находятся».

Из вышеизложенных документов ясно видно участие подсудимого Геринга в проведении плана безжалостной эксплуатации Польши. Его рука также видна в проведении других нацистских планов в отношении Польши. В качестве иллюстрации следует отметить, что подсудимый Геринг совместно с Гитлером и подсудимым Кейтелем подписал секретный декрет от 7 ноября 1939 года, посредством которого Гиммлеру было поручено проведение программы онемечивания. Этот секретный декрет был уже оглашен и имеется на страницах 1522-23 стенограммы.

Уже представленные доказательства показывают со слов подсудимого Фрика и других, к каким страданиям и унижениям привело это назначение Гиммлера.

Подсудимый Геринг в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана также издал декрет от 17 сентября 1940 года относительно проведения конфискации на присоединенных к Германии восточных территориях. Этот декрет касался «собственности граждан бывшего польского государства, включенного в территории Германской империи, включая присоединенные восточные территории».

Прошу Трибунал принять без доказательства документ ПС-1665. Этот «приказ относительно использования собственности граждан бывшего польского государства» имеется

в «Рейхсгезетцблатт» 1940 года, часть 1-я, страница 1270. Я оглашу часть этого документа:

«Статья 1. Собственность граждан бывшего польского государства, входящего в состав территории Великой Германской Империи, включая присоединенные восточные территории, подлежит конфискации и управлению уполномоченными и секвестру в соответствии со следующими правилами».

Перехожу ко 2-й статье:

«1. Конфискация будет применяться в отношении собственности, принадлежащей:

а) евреям;

б) лицам, которые бежали или которые уезжали более чем на временный период.

2. Конфискация может быть проведена в том случае, если:

а) собственность необходима для общественной пользы, в особенности для целей национальной обороны и укрепления германской нации;

б) собственники или другие лица, пользующиеся правом собственности, иммигрировали на тогдашнюю территорию Германии после 1 октября 1918 г.».

Теперь перехожу к 9-й статье:

«1. Собственность, на которую наложен секвестр, может быть конфискована в пользу Германии компетентным ведомством в том случае, если этого требует общественная польза, в особенности оборона империи или консолидация германской нации».

Обвинение США также представило доказательства, которые показывают, в какой мере разграбление советской территории и ресурсов и варварское обращение с советскими гражданами были результатом тщательных планов, составленных нацистами задолго до того, как они начали агрессивную войну против Советского Союза. Нацисты намеревались уничтожить промышленный потенциал северных районов, оккупированных их армиями, и таким образом руководить производством продовольствия в южных и юго-восточных районах, которые обычно имели излишки продовольствия, чтобы население северных районов неминуемо было доведено до голода в силу отправки всех излишков продовольствия в Германию.

Было также показано, что нацисты намеревались присоединить Галицию и Прибалтийские страны к Германии, превратить Крым, районы севернее Крыма, Приволжские районы, район Баку в германские колонии.

29 апреля 1941 года, почти за два месяца до начала вторжения в Советский Союз, Гитлер уполномочил подсудимого Геринга осуществлять общее экономическое руководство в зоне военных действий и в областях, где будет

установлена политическая администрация. Геринг создал экономический штаб и вспомогательные ведомства для осуществления этих функций.

Форма этой организации, созданной Герингом, и обязанности ее различных отделов ясно показаны в серии директив «по проведению экономических мероприятий на вновь оккупированных восточных территориях», которые были изданы Герингом в качестве рейхсмаршала великой германской империи в июне 1941 года. Эти директивы имеются в очень важной «Зеленой папке», которая, как это ни странно, была напечатана военными властями. В этих документах сказано, что «приказы рейхсмаршала имеют силу во всех областях экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство. Они должны выполняться вспомогательными экономическими ведомствами...»

Восточный экономический штаб был обязан выполнять спущенные сверху приказы. Одному отделу этого штаба, сельскохозяйственной секции, было поручено выполнять следующие функции:

«Продовольствие и сельское хозяйство, использование всех сельскохозяйственных продуктов, снабжение армии в сотрудничестве с соответствующими группами армий».

Выдержки из «Зеленой папки» уже были представлены — документ США-315. В настоящее время я хотел бы представить в качестве доказательства документ ПС-1743, США-587. Это еще один экземпляр «Зеленой папки». Я хочу представить этот экземпляр для того, чтобы показать Трибуналу, что эти директивы были первоначально изданы в июне 1941 года. Документ ЕС-472, США-315, является измененным текстом этих директив, изданным в июле 1941 года. Другими словами, экономический план был готов, когда германские вооруженные силы 22 июня 1941 года вторглись на территорию Советского Союза.

Как показывают вышеупомянутые директивы, один из отделов созданной подсудимым Герингом организации по экономическим вопросам, сельскохозяйственная секция, представил доклад от 23 мая 1941 года, который содержал ряд директив относительно политики использования советского сельского хозяйства. Как вы помните, эти директивы предполагали, за некоторыми исключениями, прекращение всякого промышленного производства в районах, где был недостаток продовольствия, и использование всех излишков продовольствия для нужд Германии, даже если в результате этого неминуемо умрут миллионы людей. Эти директивы уже были оглашены и имеются на странице 1558 стенограммы.

Протокол совещания в ставке Гитлера от 16 июля 1941 года, составленный подсудимым Борманом, также был час-

тично оглашен. На этом совещании Гитлер заявил, что нацисты не намереваются когда-либо покинуть страны, которые в то время оккупировали их армии, и что, хотя мир должен быть введен в заблуждение по этому вопросу, «это не должно помешать нам принимать все необходимые меры — расстрелы, переселение и т.д. И мы примем эти меры».

Эта цитата, господа судьи, взята из документа Л-221, США-317. Далее, Гитлер обсуждал вопрос о том, чтобы Крым и другие части Советского Союза были превращены в немецкие колонии. Подсудимый Геринг присутствовал и участвовал в этом совещании.

Из меморандума от 16 сентября 1941 года, США-318, следует, что Геринг председательствовал на совещании германских военных чиновников, занимавшихся вопросом более эффективного использования ресурсов оккупированных территорий для целей германской продовольственной политики. В ходе обсуждения подсудимый Геринг заявил:

«На оккупированных территориях, в принципе, следует снабжать достаточным количеством продовольствия только тех лиц, которые будут работать на нас. Даже если бы мы хотели кормить других жителей, мы не смогли бы этого сделать на всех оккупированных восточных территориях. Поэтому неправильно было бы направлять продовольствие для этих целей, если это нанесет ущерб армии и потребует увеличения поставок из Германии».

На основании вышеизложенных документов мы утверждаем, что становится ясным участие подсудимого Геринга в проведении нацистских планов по совершению массовых военных преступлений на оккупированных территориях.

Теперь я перехожу к вопросу об участии Геринга в бесчеловечных действиях, совершавшихся в отношении гражданского населения, как до, так и во время войны. Уже было показано, что, став премьер-министром Пруссии в 1933 году, подсудимый Геринг создал в Пруссии гестапо, ставшее моделью того орудия террора, которое было распространено на всю Германию. Весной 1933 года под руководством Геринга в Пруссии были созданы концентрационные лагеря, которые затем были переданы в ведение гестапо, начальником которого он являлся.

Размеры, в которых Геринг и другие нацистские заговорщики использовали эти учреждения в качестве средства для совершения преступлений против человечности, уже были определены в представленных доказательствах. В 1936 году Гиммлер стал начальником германской полиции и после этого Геринг мог сосредоточить свое внимание на создании германских военно-воздушных сил и на экономической подготовке страны к агрессивной войне. Однако Геринг

продолжал интересоваться созданными им учреждениями. Примером этого является документ ПС-1584, США-221. Это телеграмма Геринга Гиммлеру с просьбой о том, чтобы последний предоставил в его распоряжение максимальное количество заключенных концлагерей, так как ход войны в воздухе требует перевода промышленности под землю.

В своем ответе Гиммлер телеграфом сообщил Герингу, что, как показывают данные об использовании заключенных в авиационной промышленности, 36 тысяч заключенных используются для нужд военно-воздушных сил и предполагается увеличение этой цифры до 90 тысяч.

Уже были представлены доказательства относительно медицинских опытов над людьми в концлагере Дахау. Ту роль, которую играл в этом деле фельдмаршал Мильх — статс-секретарь и заместитель подсудимого Геринга по министерству авиации, за действия которого последний должен нести полную ответственность, совершенно ясна из писем, написанных Мильхом генералу Вольфу 20 мая 1942 года и Гиммлеру в августе 1942 года. Оба эти письма, документ ПС-343, были оглашены и имеются на странице 1850 стенограммы.

В заключение я обращаюсь к вопросу об участии Геринга в создании программы устранения представителей еврейской расы из всех сфер экономической жизни Германии и планомерном истреблении всех евреев на европейском континенте.

В 1935 году подсудимый Геринг как председатель рейхстага произнес речь, в которой он настаивал на том, чтобы этот орган принял небезызвестные Нюрнбергские законы. Я представляю документ ПС-3458, США-588, выдержку из книги Рюле «Третья империя», страница 257, Геринг заявил:

«Бог создал расы. Он не хотел равенства, и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы путем отождествления ее с расовым равенством. Мы испытали, что это значит, когда народ должен жить согласно законам равенства, которые являются чуждыми и противоестественными. Такого равенства не существует. Мы никогда не признавали такой идеи и поэтому должны из принципиальных соображений исключить ее из наших законов. Мы должны соблюдать ту чистоту расы, которая предопределена природой и провидением».

Для того чтобы установить его официальную позицию, я также хочу процитировать речь, произнесенную в Вене 26 марта 1938 года. Она на странице 348 документа ПС-3460, США-437. Геринг заявил:

«Я должен сказать несколько важных слов о городе Вена. Город Вена более нельзя по праву называть герман-

ским городом, так много евреев в нем живет. Когда имеется 300 000 евреев, нельзя город назвать немецким.

Вена должна вновь стать немецким городом, потому что она должна выполнять важные задачи для Германии и ее восточных рубежей. Эти задачи лежат в области культуры так же, как в области экономики. Ни в одной, ни в другой из этих областей мы долго не сможем терпеть евреев.

Однако это нужно проводить не путем неуместного вмешательства или глупыми мерами, а систематически и тщательно. В качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана я поручаю имперскому наместнику в Австрии и имперскому уполномоченному рассмотреть и принять все необходимые шаги для переустройства еврейской торговли, а именно для ариезации деловой и экономической жизни. Этот процесс должен быть проведен в соответствии с нашими законами и безжалостно».

Действуя в рамках экономической подготовки агрессивной войны, нацистские заговорщики затем начали проводить полное устранение евреев из экономической жизни как предварительную меру к их физическому уничтожению.

Подсудимый Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану активно руководил этой фазой преследования евреев. Первым шагом его кампании был декрет от 26 апреля 1933 года, который требовал регистрации всего имущества евреев. Как Геринг, так и подсудимый Фрик подписали этот закон. Я хотел бы, чтобы Трибунал без доказательства принял этот декрет. Это документ ПС-1406. Он имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 414.

Получив такую информацию, нацистские заговорщики были вполне готовы предпринять следующий шаг. Убийство фон Рата, секретаря германского посольства в Париже, 9 ноября 1933 года было использовано как повод для широких, якобы «стихийных» выступлений, включая ограбление и поджог многих еврейских синагог, домов и лавок. Все это было тщательно организовано и проходило под наблюдением нацистских заговорщиков. Подсудимый Геринг был в полной мере оповещен о принятых мерах.

Телеграфные приказы Гейдриха от 10 ноября 1938 года уже были представлены Трибуналу и имеются на странице 1405 стенограммы. Письмо, которое Гейдрих написал Герингу на следующий день, также было оглашено. Это документ ПС-3058, США-508. Гейдрих подвел итоги так называемых «стихийных» выступлений. Через день после погромов Гейдрих доложил, что на основании официальных отчетов районных участков полиции можно сказать, что 815 магазинов было уничтожено, 171 жилой дом подожжен или уничтожен и что все это является лишь небольшой частью

действительного ущерба, нанесенного пожарами. Он также сообщил: «Ввиду спешки, с которой составлялись отчеты, полученные сообщения ограничены такими общими заявлениями, как "множество", "большинство магазинов было уничтожено"». Поэтому, говорит Гейдрих, истинные цифры, по-видимому, гораздо выше.

191 синагога была подожжена и еще 76 полностью уничтожены. Кроме того, было подожжено 11 молитвенных помещений, часовен и других подобных зданий. 20 тысяч евреев было арестовано. Было сообщено о смерти 36 человек и о серьезном ранении также 36 человек.

Непосредственно после этих так называемых стихийных выступлений 9 ноября Геринг председательствовал на совещании в министерстве авиации, которое было посвящено еврейскому вопросу. На этом совещании также присутствовал подсудимый Функ и другие заговорщики. Стенографический протокол этого совещания — удивительный документ и его не очень приятно читать. Это документ ПС-1816, США-261. Я хотел бы огласить некоторые выдержки, которые еще не цитировались. Начну читать с первой страницы, первые два абзаца первой страницы немецкого подлинника, где Геринг заявил:

«Господа. Сегодняшнее совещание имеет решающее значение. Я получил письмо, посланное по приказу фюрера начальником штаба, заместителем фюрера Борманом, с предложением о том, чтобы к еврейскому вопросу был бы найден единый подход и он был бы так или иначе теперь раз и навсегда решен. Вчера фюрер по телефону вновь просил меня осуществить координированные действия по этому вопросу.

Ввиду того, что эта проблема в основном является экономической, к ней нужно подойти именно с экономической точки зрения. Естественно, надо будет принять ряд правовых мер, которые касаются министра юстиции и министра внутренних дел, а некоторые пропагандистские меры должны быть проведены ведомством министра пропаганды. Министр финансов и министр экономики займутся теми проблемами, которые входят в их компетенцию».

Потом обсуждались специфические меры по ариезации еврейских фирм и предприятий. Был приглашен представитель германских страховых компаний для того, чтобы помочь преодолеть трудности, которые создались в результате того, что большинство еврейских магазинов и другой собственности, уничтоженных во время погромов, было застраховано. В некоторых случаях они были застрахованы иностранными страховыми компаниями. Все присутствующие согласились с тем, что было бы нежелательно принимать закон, который освобождал бы иностранные страховые

компании от их обязательств. Тогда подсудимый Геринг предложил характерное для него решение. Это имеется на 10-й странице, третий абзац 311-й страницы немецкого текста. Геринг сказал:

«Нет, я даже и не думаю о том, чтобы освободить страховые компании от платежей. Компании должны платить, но деньги эти принадлежат государству. Это совершенно ясно. Это было бы подарком для страховых компаний. Они должны будут выполнить свои обязательства. Можете быть уверены в этом».

Нет надобности далее цитировать из пространного протокола этого совещания, на котором обсуждались все фазы преследования евреев. Достаточно указать, что в тот же день подсудимый Геринг подписал три декрета, которыми проводились в жизнь наиболее важные решения, принятые на этом совещании. Первым из этих декретов — на всех немецких евреев был наложен коллективный штраф в размере 1 миллиарда рейхсмарок. Прошу Трибунал принять без доказательств декрет — документ ПС-1412, который имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 1579.

Второй декрет озаглавлен: «Декрет об устранении евреев из германской экономической жизни». Он запрещал евреям заниматься какой-либо торговлей и ремеслом. Трибунал должен принять без доказательства этот декрет — документ ПС-2875, имеющийся в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 1580.

Третий декрет, озаглавленный «Декрет о восстановлении внешнего вида улиц в еврейских экономических предприятиях», касался вопроса о страховании, который обсуждался на утреннем заседании.

В этом декрете предусматривалось, что страховка, которая подлежала выплате евреям, должна быть конфискована государством. Прошу Трибунал принять этот декрет без доказательства. Это документ ПС-2694, «Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1-я, страница 1581...

Я хотел бы представить в качестве доказательства документ ПС-069, США-589. Это циркуляр от 17 января 1939 года, подписанный подсудимым Борманом и служивший препроводительным письмом к директиве подсудимого Геринга касательно дискриминации в отношении жилищных условий для евреев. Я ограничусь этим указанием и не намереваюсь оглашать этот документ.

Второй документ, который я хотел бы представить в качестве доказательства, это документ ПС-1208, США-590. Это приказ подсудимого Геринга как уполномоченного по четырехлетнему плану от 10 декабря 1938 года, в котором предписывалось, каким образом следует производить эксплуатацию еврейской собственности, и делалось предуп-

реждение, что весь доход, получаемый в результате изгнания евреев из экономической жизни, должен поступать империи.

Я думаю, нет нужды оглашать выдержки из этого документа. Но я хотел бы обратить внимание Трибунала на тот факт, что письмо подсудимого Геринга адресовано всем главным учреждениям империи, всем политическим руководителям и руководителям различных филиальных организаций партии, всем гаулейтерам, всем имперским губернаторам и различным местным властям земель и областей германской империи.

По мере того как германские армии вторгались на территории других стран, действие антиеврейских законов распространялось зачастую в еще более жестокой форме и на оккупированные территории. Многие из этих декретов не были подписаны самим подсудимым Герингом, но они были изданы на основании декретов, которые были им подписаны. Тем не менее, на своем посту уполномоченного по вопросам четырехлетнего плана и в качестве председателя правительственного совета национальной обороны Геринг лично подписал целый ряд направленных против евреев декретов для оккупированных территорий, включая декреты, перечисленные на страницах 147—148 нашего досье.

Я прошу Трибунал приобщить к делу эти декреты без доказательства.

В течение последних лет войны программа нацистских заговорщиков, направленная на полное физическое истребление всех евреев в Европе, достигла своего апогея. В то время как выполнение этой антиеврейской программы по большей части проводилось СС и полицией безопасности, подсудимый Геринг до последнего момента принимал участие в финальных усилиях добиться решения еврейской проблемы по-нацистски.

31 июля 1941 года он написал письмо заговорщику Гейдриху. Это последний документ, на который я хотел обратить внимание Трибунала, и заключительный штрих в нашем представлении документальных доказательств по обвинению этого подсудимого. Причина, по которой это письмо было адресовано небезызвестному Гейдриху, предшественнику подсудимого Кальтенбруннера, не должна занимать наше внимание. Этот документ, ПС-710, уже был представлен в качестве документального доказательства под номером США-509 в связи с обвинением против гестапо. Хотя он уже был однажды оглашен, я хотел бы, с разрешения Трибунала, еще раз огласить это письмо, закончив тем самым представление доказательств.

Геринг писал Гейдриху:

«В дополнение к задаче, которая была поручена Вам 24 января 1939 года и которая касалась самого тщательного и выгодного разрешения еврейской проблемы, какое только возможно путем эмиграции и эвакуации, я настоящим уполномочиваю Вас провести все необходимые приготовления в отношении организационных и практических вопросов для того, чтобы достичь окончательного решения еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе. В тех случаях, когда это будет затрагивать другие правительственные учреждения, они должны сотрудничать с Вами. Я, далее, поручаю Вам направить мне в скором времени подробный план относительно организационных, экономических и финансовых мероприятий, необходимых для достижения желаемого решения еврейского вопроса».

Представление Трибуналу документальных доказательств по вопросу индивидуальной ответственности подсудимого Геринга было направлено к тому, чтобы продемонстрировать массу документальных доказательств, которые вскрывают руководящую роль, которую играл этот заговорщик на каждой стадии нацистского заговора. Итак, мы утверждаем, что ответственность подсудимого Геринга за преступления, в которых он обвиняется согласно первому и второму разделам обвинительного заключения, установлена.

Ваша честь, таким образом, я закончил представление документов по поводу индивидуальной ответственности подсудимого Геринга.

П. МУНЬЕ (Франция)
Об индивидуальной ответственности Геринга[1]

Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 7 февраля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи. В связи с ограниченным временем, которое имеется в моем распоряжении, я буду вынужден, имея честь излагать обвинение против подсудимого Геринга, пропустить 1-ю и 2-ю страницы в тексте моего выступления и обратиться сразу к 3-й странице.

Я хотел бы изложить перед Трибуналом вопрос об ответственности подсудимого Геринга за те меры, которые были приняты против отрядов командос и союзных летчиков, которые попадали в руки немцев в ходе проводимых ими операций.

[1] IMT. Vol. 7. P. 90 — 99.

Во время судебного разбирательства уже неоднократно говорилось о приказе, который был отдан Гитлером 18 октября 1942 года. Этот документ, ПС-498, РФ-1417, был предъявлен впервые американским обвинением 2 января 1946 года. В этом приказе уточняются те меры, которые надлежало принять в отношении командос в ходе операции в Европе и Африке. Командос должны были быть уничтожены вплоть до последнего человека, даже если они были одеты в военную форму, и вне зависимости от того, каким образом они были доставлены: на судне, на самолете или сброшены с парашютом. Был отдан приказ никого в плен не брать. Отдельные командос, которые попадали в руки германских вооруженных сил на оккупированных территориях, должны были быть немедленно переданы СД — организации, входившей в состав РСХА.

Этот приказ не распространялся на солдат противника, которые попадали в плен или сдавались в ходе сражения в период военных операций.

Наряду с другими организациями этот приказ предназначался и для высшего командования германских военно-воздушных сил. В связи с этим подсудимому Герингу как главнокомандующему ВВС было известно об этом приказе. Кроме того, он как командующий соединениями одного из трех видов вооруженных сил разделяет в полной мере ответственность руководителей других видов вооруженных сил.

Нам известно также, что в тот же день, 18 октября 1942 года, Гитлер разослал пояснительную записку к вышеизложенным инструкциям. В ней было дано следующее уточнение: в том случае, если для получения от них сведений будет временно сохранена жизнь одного или двух пленных, их следует предать смерти немедленно после допроса.

Я ссылаюсь на документ ПС-503, РФ-1418, от 9 января 1946 года. Делегация США, которая предъявляла этот документ, уже огласила его перед Трибуналом. Я не буду возвращаться к нему, так как целый ряд аналогичных документов доказывает, что в большинстве случаев этот приказ строго выполнялся.

С другой стороны, Трибуналу уже известно, что многочисленные союзные летчики, которые попадали на германскую территорию после гибели их самолетов, подвергались зверскому обращению с согласия властей — немцы учиняли над ними самосуд.

Мы хотим представить в качестве доказательства сказанного лишь приказ от 10 августа 1943 года, которым Гиммлер запрещал полиции принимать участие в случаях самосуда и одновременно запрещал препятствовать ему. Я ссы-

лаюсь на документ Р-110, РФ-1419, представленный 19 декабря 1945 года.

В своей статье в «Фолькишер Беобахтер» Геббельс высказывался аналогичным образом.

Меморандумом от 30 мая 1944 года Борман подтвердил эти инструкции и предписал делать сообщения по этому вопросу административным органам не в письменной, а лишь в устной форме. Я ссылаюсь на документ ПС-057, РФ-1420, который был оглашен членом делегации Соединенных Штатов 17 декабря 1945 года.

Эти инструкции выполнялись пунктуально, и доказательством этого служит то, что после капитуляции американские вооруженные силы привлекли к суду значительное число немецких гражданских лиц, которые убивали безоружных союзных летчиков.

Но подсудимый Геринг не был удовлетворен лишь этим попустительством происходящему. Во время совещания, которое состоялось 15 и 16 мая 1944 года, он заявил, что предложит фюреру, чтобы отныне убивали на месте немедленно не только тех, кто выбросился с парашютом, но и американские и английские экипажи самолетов, которые принимали участие в налетах на города или на пассажирские поезда во время их следования.

Имеется в виду документ Л-166, РФ-1421, уже представленный 31 января 1946 года представителем американского обвинения.

Действительно, Геринг встретился с Гитлером между 20 и 22 мая 1944 года. Генерал авиации Кортен направил подсудимому Кейтелю записку, в которой указывалось, что Гитлер принял решение, в соответствии с которым летчики противника со сбитых самолетов должны быть преданы смерти без суда, если они принимали участие в действиях, которые квалифицируются как террористические. Имеется в виду документ ПС-731, РФ-1407, который мы предъявляем Трибуналу в виде фотокопии...

В связи с этим было согласовано с ОКВ, что Гиммлеру, Герингу и Риббентропу будет предложено высказать свое мнение относительно мер по этому вопросу. Риббентроп предлагал, чтобы любой налет на германские города рассматривался как террористический акт. Со своей стороны генерал Варлимонт, выступив от имени ОКВ, предложил следующие две меры: самосуд и то, что он называл «особым обращением», которое заключалось в передаче захваченных лиц органам безопасности, где бы их подвергали особым формам обращения. Одна из этих форм пользуется особой известностью, это известная в своем роде акция «Кугель», о которой уже было сообщено Трибуналу. Она заключалась в том, что захваченные лица уничтожались.

Я ссылаюсь в связи с этим на документ ПС-735, РФ-1452, от 9 января 1946 года.

17 июня 1944 года Кейтель написал Герингу письмо, прося его одобрить квалификацию определенных действий как террористических актов в той форме, какая была дана Варлимонтом. 19 июня 1944 года Геринг ответил через своего адъютанта, что следует запретить населению действовать так, как оно действовало до этого по отношению к летчикам противника, и что последних следует предавать суду, учитывая, что этим летчикам было запрещено совершение террористических актов союзными правительствами. Я ссылаюсь в данном случае на документ ПС-732, РФ-1405, который я вручаю Трибуналу.

В связи со сказанным обращаю внимание Трибунала на документ, датированный 19 июня 1944 года. Рейхсмаршал Геринг заявил о том, что он является сторонником судебного преследования летчиков, о которых здесь говорится.

Сохраним в памяти, господа судьи, эту дату — 19 июня 1944 года, так как она важна. 26 июня 1944 года адъютант подсудимого Геринга позвонил по телефону в штаб оперативного руководства ОКВ, который настаивал на получении вполне определенного ответа, и сообщил о согласии своего начальника, рейхсмаршала Геринга с квалификацией, которая была дана в отношении террористических актов, а также с предложенной процедурой, которая, как я напоминаю, предусматривала две возможности: либо применение к данным лицам "особого обращения", либо предание их немедленной казни. Я ссылаюсь на документы ПС-733 и -740, РФ-1423 и -1424, которые были приведены 30 января 1946 года представителями французского обвинения.

Наконец, Гитлер в памятной записке от 4 июля 1944 года сообщил, что, поскольку англичане и американцы совершали не вызванные военной необходимостью воздушные налеты на небольшие города в качестве ответной меры против ФАУ-1, он предложил сделать сообщение в печати и по радио, что любой неприятельский летчик, чей самолет будет сбит в ходе такого рода налета, будет после того, как его захватят в плен, немедленно предан смерти.

Таковы факты, которые явствуют из совершенно неоспоримых документов. Если я и привел, например, ответ, данный 19 июня 1944 года подсудимым Герингом или, точнее, его адъютантом, то я это сделал из-за того, что стремился представить для судебного разбирательства во всей полноте документы, представляющие важность для этого вопроса.

Но несмотря на наличие приказа от 19 июня 1944 года, я считаю себя обязанным заключить, что подсудимый Герман Геринг несет за это ответственность целиком и полностью.

Действительно, подсудимый Герман Геринг оспаривает, что он когда-либо давал свое согласие на проведение этих мер и, по его словам, капитан Брейер, который имел телефонный разговор со штабом оперативного руководства ОКВ, действовал, не уведомив его предварительно. К своим заявлениям Геринг добавил, что не может нести ответственность за все бессмысленные или незначительные действия, которые были совершены его подчиненными.

Но, господа судьи, даже не ссылаясь на известный принцип фюрерства, я считаю, что здесь не место применять по отношению к заинтересованной стороне какие-либо положения германских законов — при любых обстоятельствах подсудимый Геринг несет ответственность как начальник. Там, где существует власть, существует и ответственность.

К тому же, что предпринял он для того, чтобы остановить массовые расправы над летчиками, которые производились людьми, которым он предписывал обратное, в соответствии с приказами, которые не разрешалось передавать в письменной форме?

Но даже если мы и рассмотрим занятую им позицию в приказе от 19 июня 1944 года, к которому я обращался, как позицию, свидетельствующую о его действительном отношении в то время к расправам над летчиками и парашютистами, то нам необходимо учесть, что 19 июня 1944 года даже самые недальновидные люди Германии видели, что силы империи будут в скором времени сокрушены под нажимом союзных армий. В течение же всей войны в Германии истребляли союзных летчиков. Более того, если подсудимый Герман Геринг утверждает, что письмо от 19 июня 1944 года написано его адъютантом, он вынужден признать, что письмо от 26 июня 1944 года, также написанное его адъютантом, может быть вменено ему в вину, хотя и подписано его подчиненным.

В связи со сказанным мы считаем, что, хотя этот документ и подписан адъютантом подсудимого Геринга, он должен быть инкриминирован подсудимому.

Господин председатель, господа судьи, я не буду пространно излагать вопрос об ответственности подсудимого Германа Геринга за насильственный угон на работы, но я почтительно прошу Трибунал учесть те моменты, на которые я пытался указать в этом досье с тем, чтобы внести ясность в отношении позиции, которую занимал в этом вопросе подсудимый.

Я более не буду говорить об использовании военнопленных и узников концлагерей, на что указано на 10-й странице моего выступления. Я хотел бы лишь сказать несколько слов по вопросу об экономическом разграблении и о разграблении произведений искусств.

Господа судьи, говоря об экономическом разграблении, я не буду особо останавливаться на том, что подсудимый Геринг в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану играл значительную роль в проведении мероприятий, которые были направлены на то, чтобы лишить все страны Запада буквально всех средств к существованию. Я укажу лишь на один факт, который, как я полагаю, не был вам еще сообщен.

После подписания перемирия в 1940 году подсудимый Геринг произвел с помощью Рехлинга, официально производящего конфискацию и передачу всех конфискованных предприятий, принадлежащих семье де Вендель, в Лотарингии, передачу всех этих заводов компании «Герман Геринг Верке».

Подобные акции нужно рассматривать наряду с другими мероприятиями по экономическому разграблению, относительно которых экономическая секция французского обвинения уже предъявила Трибуналу все необходимые данные.

В связи с этим Трибунал, конечно, будет считать, что подсудимый Геринг разделяет ответственность за это ограбление с подсудимыми Розенбергом, Риббентропом, а также Зейсс-Инквартом в отношении Голландии.

Господа судьи, относительно разграбления произведений искусств в нашем распоряжении имеются документы, позволяющие нам сделать заключение, которое будет в высшей степени неприятно для человека, занимавшего такое высокое положение, как Геринг, а именно: что часть произведений искусств и ценностей, которые были награблены в странах Запада, были предназначены для него, причем без какой бы то ни было компенсации с его стороны. Я не буду останавливаться на том, что такие действия совершенно определенно квалифицируются во внутреннем законодательстве. Я предоставляю Трибуналу, когда он будет выносить приговор, употребить в связи с этим соответствующие юридические термины. Но сегодня я хотел бы сказать, что присвоение подсудимым Германом Герингом произведений искусств в личных целях явствует из совершенно неоспоримых документов, которые уже были предъявлены Трибуналу.

Я, в частности, сошлюсь на документ ПС-141, США-368, предъявленный 18 декабря 1945 года.

Этот документ, РФ-1309, был предъявлен экономической секцией французского обвинения. Я вкратце напомню, что этот документ предписывал подвергнуть собранные в Лувре произведения искусств классификации: «прежде всего, произведения искусств, относительно предназначения которых будут сделаны указания лично фюрером. Во-вторых, произведения искусств, предназначенные для по-

полнения коллекции рейхсмаршала...» и так далее, я не буду далее оглашать этот документ. Каковы были последствия этих захватов, этих присвоений для личных нужд?

Уплатил ли что-либо за это подсудимый Геринг?

Становится ясным обратное, так как в протоколе допроса подсудимого Розенберга, который был нами предъявлен под номером РФ-1332 и к которому я уже обращался на этом заседании, указывается, что подсудимый Геринг отбирал произведения искусств из числа тех, которые были собраны штабом Розенберга, и не вносил за них соответствующие суммы в имперскую казну.

Для того чтобы не злоупотреблять временем Трибунала, я почтительно прошу обратиться к 10-й странице протокола допроса, на который я сослался, из которого можно установить, что подсудимый Геринг участвовал в захвате произведений искусств и что никакая сумма за них не была уплачена. Я лишь замечу попутно, что это заявление, сделанное в ответ на вопрос, заданный полковником Хинкелем, находится на 11-й странице, наверху. Полковник Хинкель спросил следующее:

«Разве не было сказано в последнем абзаце этого письма, что Вы не думаете, что Геринг должен будет оплатить эти предметы, которые он отобрал, поскольку намеревался поместить в картинную галерею?»

Ответ подсудимого Розенберга: «Это не совсем так».

Я хотел бы добавить, господа судьи. То, что следует далее, по-моему, представляет интерес.

«Я почувствовал себя несколько в затруднительном положении, когда узнал, что Геринг взял лично для себя некоторую часть художественных ценностей, отправленных в Германию эйнзатцштабом».

Это все, господа судьи. Я не буду более говорить по этому вопросу. Я хотел лишь указать, что даже сам начальник специального штаба почувствовал себя в затруднительном положении, узнав об этом.

Господин Председатель, господа судьи! Я не буду останавливаться и на вопросе об участии подсудимого Геринга в преступлениях против человечности и, в частности, на вопросе о концентрационных лагерях. Я попрошу лишь Трибунал, если он располагает для этого временем, обратиться к тем абзацам, где я вкратце освещаю этот вопрос. Но имеется один документ, который, по-моему, не был еще представлен Трибуналу, и я хотел бы сегодня его предъявить. Это документ, в котором говорится о так называемых «медицинских экспериментах», о которых еще ранее не упоминалось.

Вам уже было многое сказано относительно экспериментов доктора Рашера, заключавшихся в помещении

людей попеременно в условия низкой и высокой температуры, но в данном случае имеется в виду вопрос, который касается документа РФ-1427, предъявляемого сегодня. Это документ Л-170, являющийся отчетом, составленным майором британской армии Лео Александером относительно Института кайзера Вильгельма. Майор Лео Александер занимался расследованием после победы союзных армий над Германией. Им было проведено расследование в связи с экспериментами доктора Рашера, он же занимался расследованием экспериментов, которые производились в Институте кайзера Вильгельма. Предъявляемый Трибуналу отчет озаглавлен: «Невропатология в Германии во время войны». В Институте кайзера Вильгельма производились эксперименты в области мозга. Раньше институт находился в Берлине. Он был разделен на три учреждения: первое — в Мюнхене, третье — в Геттингене и второе, которое представляет для меня интерес, находилось в Дилленбурге в Гессен-Нассау. Работой в области специальной патологии там руководил доктор Халлерфорден. Здесь представляет интерес, господин Председатель...

Председатель: Можем ли мы ознакомиться с подлинником?

Мунье: Прошу Вас, господин Председатель (вручает досье).

Председатель: Имеется ли ссылка на серию «Л» в письменном показании майора Кугана?

Мунье: Господин Председатель, я хочу сообщить Вам, что документ Л-170 совпадает с тем, который упоминается в книге документов Лео Александера относительно экспериментов доктора Рашера. Здесь тот же номер...

Я ограничусь тем, что воспроизведу Трибуналу лишь то, что я считаю наиболее разительным в этом документе, а именно, каким образом доктор Халлерфорден приказывал, чтобы ему поставляли головной мозг для исследования. Он показал следующее:

«Я слышал, что они собираются "это делать", то есть убивать содержащихся в различных учреждениях людей с помощью окиси углерода. Это показывает доктор Халлерфорден американскому следователю майору Александеру. Тогда я подошел к ним и сказал: "Послушайте, друзья мои, поскольку вы все равно убьете этих людей, сохраните хотя бы мозг, чтобы его можно было использовать". Тогда они спросили меня: "Над сколькими вы можете провести исследования?" Я ответил: "Над неограниченным числом. Чем больше, тем лучше". Я оставил им фиксаторы, банки, коробки и дал необходимые инструкции, как надо извлекать мозг...»

Я обращаю внимание Трибунала на поистине зверский характер мер, принимавшихся в отношении людей, которых убивали только для того, чтобы подвергнуть исследованию их мозг, так как для проведения этих опытов они были «отобраны из различных отделений медицинских учреждений с помощью чрезвычайно быстрого и простого способа. В большой части этих учреждений из-за нехватки медперсонала, а также из-за перегруженности или безразличия к этому вопросу, врачи перепоручали отбирать больных, которых должны были убить, медсестрам и санитарам. Тех, кто казался слабым или, с точки зрения санитаров, требовал много хлопот, включали в список и направляли в то место, где производилось умерщвление. Самое скверное в этом — жестокость, развивавшаяся у медперсонала. Каждый отбирал тех, кто ему не нравился, а у врачей было столько пациентов, что они их даже не знали и включали их в список».

На этом я заканчиваю цитату, господин Председатель. Далее я хотел бы сказать... Или, возможно, Трибунал предоставит слово доктору Штамеру...

Председатель: *Хорошо, теперь мы выслушаем то, что желает сказать доктор Штамер.*

Штамер *(защитник Геринга): Я хочу возразить против оглашения, которое только что было сделано, так как нет никакой связи между тем, что происходило, и подсудимым Герингом. Я хочу сказать, что то, что написано в документе, совершенно неизвестно подсудимому Герингу. Геринг не имел ничего общего с такими вещами и, насколько мне известно, само обвинение не выяснило этого.*

Председатель: *Мне придется прервать Вас, доктор Штамер. Вы будете иметь полнейшую возможность представить нам Ваши доводы для того, чтобы показать, что доказательства, которые представляются сейчас против подсудимого Геринга, в действительности не имеют к нему отношения. Вы будете иметь возможность сделать это на соответствующей стадии процесса, когда Вы будете осуществлять защиту. Единственный вопрос, который мы рассматриваем сейчас, — правовой вопрос. Он состоит в следующем: является ли этот документ допустимым как доказательство. Мы, конечно, это рассматриваем, но сейчас не время Вам представлять свои доводы о том, что этот документ не относится к Герингу, и о том, что Герингу не было известно об этом документе. В этом будет состоять Ваша защита. Вы ведь не высказываете возражения относительно допустимости этого документа, а приводите доводы о том, что Геринг ничего не знал об этом документе и ничего не знал об экспериментах. Вы понимаете, что я хотел сказать?*

Штамер: *Да, сэр...*

Мунье: *Господин Председатель, я позволю себе сказать, что мой коллега господин Элвин Джонс напомнил*

мне, что этот документ был принят как доказательство. Имеется в виду документ под названием «Невропатология и нейрофизиология, в том числе и электроэнцефалография в Германии во время войны».

Выдержки из него имеются в копии на английском языке, которые я имею честь представить в книге документов, только что мной предъявленной...

Процитировав эту короткую выдержку, я хотел показать те истинно зверские методы обращения, которым подвергали людей для того, чтобы получить необходимый материал для так называемых «экспериментов». Это касается, по мнению обвинения, Германа Геринга, потому что, как Трибуналу известно, эти эксперименты производили в целях получения научных или псевдонаучных сведений по вопросу о влиянии, которое бывает оказано на мозг летчиков во время несчастных случаев, которые с ними могут произойти.

Эти эксперименты были связаны с экспериментами доктора Рашера, по вопросу о которых велась переписка, которая не могла остаться неизвестной Герингу, так как она затрагивала непосредственно интересы военно-воздушных сил, командующим которыми он являлся.

Я привожу в качестве примера письмо от 24 октября 1942 года, адресованное Гиммлером доктору Рашеру. Я предъявляю сегодня это письмо Трибуналу под номером ПС-1609, РФ-1409. Для того чтобы сберечь время Трибунала, я не буду оглашать это письмо, а лишь сошлюсь на другой документ, который уже был процитирован. Это документ ПС-343, США-463, который был уже предъявлен обвинением США 20 декабря 1945 года. Этот документ является письмом, из которого явствует, что еще 20 мая 1942 года фельдмаршалу Мильху было поручено подсудимым Герингом передать специальную благодарность СС за ту помощь, которую СС оказало военно-воздушным силам в области псевдомедицинских экспериментов. В связи с этим мы считаем, что ответственность подсудимого Германа Геринга в этом пункте полностью установлена.

Господин Председатель, господа судьи! На этом я закончу свои замечания касательно подсудимого Геринга, к которым я хотел привлечь внимание суда. В моем досье по делу подсудимого Геринга имеется заключение, я не буду его оглашать, с разрешения Трибунала. Это заключение является выдержкой из старинной книги от 1669 года, которая, конечно, общеизвестна или, по крайней мере, известна в Германии. Она называется «Симплициус Симплициссимус» Гриммельсгаузена. Персонажи этого произведения строят эфемерные планы. К несчастью, эти планы были претворены в действительность при национал-социалистском режиме.

Д. МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности фон Риббентропа[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 8 и 9 января 1946 г.

Господа судьи, если члены Трибунала соблаговолят взглянуть на приложение «А» к обвинительному заключению на 28-й странице английского текста обвинительного заключения, то они найдут там данные относительно этого подсудимого и увидят, что обвинения в его отношении делятся на три группы. После перечисления тех официальных постов, которые он занимал, в приложении к обвинительному заключению далее говорится, что подсудимый Риббентроп использовал вышеупомянутые посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что он содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков, как это изложено в первом разделе обвинительного заключения. Он способствовал подготовке к войне, как об этом говорится в первом разделе обвинительного заключения.

Вторая группа преступлений. Подсудимый участвовал в политическом планировании и подготовке нацистских заговорщиков к агрессивной войне и к войнам в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств, как это изложено в первом и втором разделах обвинительного заключения. В соответствии с принципом фюрерства он принял на себя полную ответственность за осуществление планов внешней политики нацистских заговорщиков, как это изложено в первом разделе обвинительного заключения.

Третья группа преступлений. Он уполномочивал, руководил и участвовал в совершении военных преступлений, как это изложено в третьем разделе обвинительного заключения; в совершении преступлений против человечности, как это изложено в четвертом разделе обвинительного заключения, включая прежде всего преступления против лиц и в отношении собственности на оккупированных территориях. Я надеюсь, что для Трибунала будет удобно, если я буду следовать тому же порядку. Мы подобрали доказательства по каждому из обвинений, изложенных в обвинительном заключении в том же порядке. Поэтому я сейчас приступаю, в первую очередь, к доказательствам по обви-

[1] IMT. Vol. 4. P. 557 — 572. Vol. 5. P. 1 — 19.

нению в том, что этот подсудимый содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков.

Трибуналу уже известно, что этот подсудимый занимал целый ряд официальных постов. Они перечисляются в его собственном заявлении, которое уже было представлено в виде документа ПС-2829, США-5. Я думаю, что будет уместно, если я вкратце поясню различные стадии деятельности и официальные должности подсудимого, которые перечисляются в этом перечне. Из перечня видно, что он стал членом нацистской партии в 1932 году. Согласно полуофициальному сообщению в вестнике «Дас Архив», он стал работать для партии еще до того времени. В этом полуофициальном сообщении далее говорится, что он сумел использовать свои деловые связи для контакта с политическими кругами, начав деятельность в интересах партии в 1930 году.

В период решающей борьбы за власть в империи Риббентроп играл важную, если не выдающуюся роль в организации решающих совещаний между представителями имперского президента и руководителями нацистской партии, которые подготавливали приход нацистов к власти 30 января 1933 года. Эти совещания так же, как и совещания между Гитлером и фон Папеном, происходили в доме Риббентропа в Берлине. Таким образом, этот подсудимый принимал активное участие в захвате власти нацистами и в последующий период.

После этого в течение короткого периода он был советником партии по вопросам внешней политики. Он официально значился как советник фюрера по вопросам внешней политики. Позднее он стал представителем по вопросам внешней политики в штабе заместителя фюрера. Затем в ноябре 1933 года он стал депутатом рейхстага. В организации партии он стал оберфюрером СС. Затем он был произведен в группенфюреры СС и в обергруппенфюреры СС. После этого он занимал официальные правительственные посты. 24 апреля 1934 года он был назначен представителем имперского правительства по вопросам разоружения. Это было после того, как Германия покинула конференцию по вопросам разоружения. В этой своей должности он посетил столицы иностранных государств. Затем ему был присвоен более важный и, несомненно, более многозначительный ранг германского полномочного посла по особым поручениям, и в этом качестве он участвовал в переговорах об англо-германском военно-морском соглашении 1935 года.

В 1936 году, после того как нацистское правительство реоккупировало Рейнскую область, которая была демилитаризирована в соответствии с условиями Версальского и Локарнского договоров и когда этот вопрос был поставлен на

Совете Лиги наций, подсудимый Риббентроп обратился к Совету в защиту этих действий со стороны Германии.

Вскоре последовало назначение его на новый пост. 11 августа 1936 года Риббентроп был назначен германским послом в Лондоне. Он занимал этот пост в течение 18 месяцев. Его деятельность на этом посту не имеет особого отношения к тем вопросам, которые сейчас обсуждаются перед Трибуналом. Однако в этот период он, будучи полномочным послом Германии, подписал от имени фюрера Антикоминтерновский пакт с Японией в Берлине в ноябре 1936 года и в 1937 году — дополнительное соглашение с Италией, которая также присоединилась к этому пакту.

Наконец, 4 февраля 1938 года этот подсудимый был назначен министром иностранных дел, заменив фон Нейрата, и одновременно стал членом тайного правительственного совета, образованного декретом Гитлера от того же числа.

Все то, что относится к периоду его пребывания на посту министра иностранных дел и к деятельности его на этом посту, будет изложено в подробностях позднее.

Затем имеется также выдержка относительно происхождения руководителей СС, документ Д-636, ВБ-131. Я не буду утомлять Трибунал перечислением рангов подсудимого, которые я уже назвал. Здесь нет речи о том, что какой-либо из рангов был почетным. Здесь сказано о том, что подсудимому был присвоен чин группенфюрера и затем, конечно, в соответствии с существовавшим законом приводилась его родословная...

Я хочу представить Трибуналу один новый документ — ПС-1337, ВБ-129, в котором говорится о создании тайного правительственного совета и о деятельности подсудимого в министерстве иностранных дел. Это относится к деятельности подсудимого в начале его карьеры. По мнению обвинения, эти документы неоспоримо доказывают, что подсудимый преднамеренно и настойчиво содействовал приходу нацистов к власти и установлению их контроля над Германией на ранних этапах их деятельности.

Теперь я перейду ко второй части обвинений, изложенных в обвинительном заключении, где говорится, что подсудимый Риббентроп совместно с нацистскими заговорщиками участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств. Я думаю, что для Трибунала окажется удобным, если я буду представлять доказательства вкратце и в такой же последовательности, в какой совершались агрессии, и буду вкратце упоминать о тех частях обвинения, которые уже излагались Трибуналу, обращая внимание Трибунала только на те представляемые мною документы, которые не представлялись ранее.

Первая часть моих доказательств относится к аншлюсу Австрии. Трибунал вспомнит, что подсудимый Риббентроп присутствовал на совещании в Берхтесгадене 12 февраля 1938 года, на котором Гитлер и фон Папен встретились с канцлером Австрии фон Шушнигом и его министром иностранных дел Гвидо Шмидтом. Трибунал найдет официальный отчет об этой встрече в документе ПС-2461, ВБ-132. Трибунал также найдет, что точный отчет об этой встрече имеется в документе ПС-1780, США-72. Это дневник подсудимого Иодля. К данному вопросу главным образом относятся записи в дневнике от 11 и 12 февраля 1938 года. Это весьма краткие записи, и я надеюсь, что Трибунал будет настолько любезен, что разрешит мне огласить выдержки, в которых рассказывается об оказании на канцлера Шушнига давления, чтобы доказать обвинение против подсудимого. Это документ ПС-1780.

В конце страницы 1 этого документа имеется запись от 11 февраля, в которой подсудимый Иодль пишет:

«Вечером 12 февраля генерал К., то есть Кейтель, генерал фон Рейхенау и Шперле — в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Р. Г. Шмидтом вновь были подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23.00 Шушниг подписал протокол.

13 февраля. Вечером генерал Кейтель пригласил адмирала Канариса и меня к себе домой. Он сообщил нам, что фюрер приказал продолжать оказывать военное давление путем бутафорской демонстрации военной силы до 15 числа.

Предложения об этих вводящих в заблуждение маневрах были составлены и представлены фюреру по телефону на утверждение.

14 февраля. В 2 час. 40 мин. получено подтверждение от фюрера. Канарис выехал в Мюнхен в отдел контрразведки 7-го военного округа и начал проводить различные мероприятия.

Эффект был быстрым и сильным.

В Австрии создано впечатление, что Германия производит серьезные военные приготовления».

Любопытно сопоставить эти откровенные записи подсудимого Иодля с бесцветными фразами официального коммюнике, также представленного мною. Таковы факты о встрече с Шушнигом, которые обвинение представляет Трибуналу.

Я прошу Трибунал опустить тот абзац досье, где говорится, что подсудимый посетил Муссолини перед аншлюсом. Это утверждение приводится со слов одного из его сотрудников, а другой сотрудник отрицает это. Поэтому я прошу Трибунал исключить упомянутый абзац.

Следующий пункт, который не вызывает никаких сомнений, — телефонный разговор между подсудимым Герингом и подсудимым Риббентропом от 13 марта 1938 года, когда подсудимый Риббентроп еще находился в Лондоне.

Трибунал вспомнит, что на этом подробно останавливался мой коллега господин Олдерман[1]. Обвинение доказало лживость утверждения о том, что не предъявлялось никакого ультиматума. Факты, подтверждающие существование такого ультиматума, были разъяснены во время предыдущих телефонных разговоров с подсудимым Герингом в Вене. Затем подсудимый Геринг передал это подсудимому Риббентропу, находившемуся в Лондоне, с тем, чтобы последний мог распространять среди политических кругов Лондона ложную версию о том, что якобы никакой ультиматум не предъявлялся. Об этом говорится в записях телефонных переговоров, документ ПС-2949, США-76, который, как я уже сказал, подробно излагался.

После возвращения подсудимого из Лондона его третья акция заключалась в следующем.

Хотя он был назначен министром иностранных дел, в феврале он вернулся в Лондон, чтобы уладить свои дела в посольстве. Он оставался в Лондоне до тех пор, пока не произошел аншлюс. Но он подписал закон, согласно которому Австрия стала провинцией Германской империи. Это документ ПС-2307, ВБ-133. Ссылка на это имеется в «Рейхсгезетцблатт». Таковы были действия подсудимого в отношении Австрии.

Далее мы переходим к Чехословакии. Здесь вы имеете почти классический пример агрессии, которая проводилась различными путями. Я вновь вкратце обращаю внимание Трибунала только на наиболее важные пункты.

Во-первых, вопрос о том, чтобы провоцировать волнения внутри страны, против которой планировалась агрессия.

Подсудимый как министр иностранных дел принимал участие в том, чтобы возбудить активность судетских немцев во главе с Генлейном. В документах ПС-3060, ПС-2789, ПС-2788, ПС-3059, США-93, -94, -95, -96, показаны связи между министерством иностранных дел и Генлейном. Все эти документы уже оглашались господином Олдерманом.

Я хотел бы только показать Трибуналу результат, к которому привели эти документы. Он заключался в развитии движения судетских немцев для совместных действий с правительством Германии.

После этого подсудимый Риббентроп 28 мая 1938 года присутствовал на совещании с Гитлером, на котором Гитлер

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1988. С. 478—517.

дал необходимые указания о подготовке нападения на Чехословакию. Об этом уже говорилось ранее на странице 742 стенограммы процесса. Я хочу обратить внимание Трибунала на документ ПС-2360. Это отчет о речи Гитлера, помещенной в «Фелькишер Беобахтер». Я прошу Трибунал обратить внимание на этот документ, так как эту дату полезно запомнить для оценки истории агрессии против Чехословакии. Именно в этот день Гитлер объявил о своем решении напасть на Чехословакию. Это очень краткая выдержка. И я прошу Трибунал обратить внимание на следующий отрывок, который является важным:

«В результате наглой провокации, которая еще более усугубляется вероломным преследованием наших немцев, я намерен решить вопрос судетских немцев окончательным и радикальным образом».

Это было в январе 1939 года.

Далее Гитлер говорит:

«28 мая я приказал провести военные приготовления против-этого государства, которые должны быть закончены ко 2 октября».

Важно то обстоятельство, что именно 28 мая были изданы приказы о вступлении в силу плана «Грюн», который должен был быть проведен в жизнь в начале октября. Вторая стадия заключалась в том, «чтобы подготовить заранее планы агрессии». «Третья стадия — обеспечение того, чтобы соседние государства не могли причинить Вам беспокойство».

Таким образом, 18 июля 1938 года этот подсудимый имел беседу с итальянским послом Аттолико, во время которой обсуждался вопрос нападения на Чехословакию. Об этом говорится в документе ПС-2800, представленном в качестве документального доказательства под номером США-85.

Затем происходили дальнейшие переговоры, о которых говорится в доказательствах ПС-2791 и ПС-2792, США-86 и -87.

Мне достаточно указать на то, что значение этих документов заключается в том, что во время этих бесед были открыты перед итальянским правительством замыслы германского правительства выступить против Чехословакии.

Другим государством, заинтересованным в этом, была Венгрия, которая имела определенные территориальные интересы в отношении некоторых областей Чехословацкой республики. 23 и 25 августа подсудимый присутствовал на этих переговорах и сам беседовал с венгерскими политическими деятелями Имреди и Каниа, и об этом говорится в документах ПС-2796 и -2797, США-88 и -89. Этот подсудимый стремился к тому, чтобы заручиться поддержкой Венгрии. И хотя венгерское правительство тогда было не готово

связать себя обязательством действовать, оно отнеслось к плану со всей благожелательностью...

Я уже упоминал о том, что поддерживался контакт с судетскими немцами. Было недовольство, которое существовало долгое время и которое следовало использовать. Но на последующей стадии надо было не только иметь возникшее недавно недовольство, но и возбудить волнения и превратить это недовольство в их первоисточник. Итак, между 16 и 24 сентября германское министерство иностранных дел, главой которого был подсудимый, раздувало волнения в Праге. Это весьма ясно подтверждается документами США-97 — 101. Это документы ПС-2858, ПС-2855, ПС-2854, ПС-2853 и ПС-2856. Я перечислил их в хронологическом порядке. Для Трибунала представит интерес обратить внимание на эти документы.

Эти документы должны следовать сразу же за предыдущими оглашенными мною документами, начиная с ПС-2858. Я обращаю внимание Трибунала на следующую инструкцию министерства иностранных дел, адресованную немецкому посольству в Праге от 19 сентября.

«По просьбе Конрада Генлейна передайте заместителю Кундту, чтобы он немедленно установил контакт со словаками и побудил их начать выставлять свои требования об автономии».

В других документах говорится об арестах и о тех мерах, которые будут приниматься против всех чехов, находящихся в Германии, с тем, чтобы сделать положение более затруднительным.

Такова была роль, которую играл подсудимый во время до Мюнхенского кризиса.

Впоследствии, как помнит Трибунал, 29 сентября 1938 года был подписан Мюнхенский пакт. Это доказательство ВБ-23, документ ТС-23, который я уже представил Трибуналу.

После этого я еще раз обращаю внимание Трибунала на весьма интересный документ, который показывает, какие действия со стороны министерства иностранных дел ожидало командование германских вооруженных сил.

Трибуналу уже был представлен документ от 1 октября С-2, США-90. Это обширный документ, в котором перечисляются бесчисленные нарушения международного права, которые могли иметь место или предугадывались в результате действий в отношении Чехословакии.

Там запрашивалось мнение министерства иностранных дел по всем отдельным случаям. Это, конечно, осталось на том этапе только гипотетическим вопросом, так как тогда война не возникла.

С разрешения Трибунала мы перейдем ко второй стадии захвата Чехословакии, а именно: после присоединения

Судетской области были приняты меры к созданию кризиса в Чехословакии, чтобы использовать его в качестве предлога для захвата остальной части.

Трибунал вспомнит важность этих событий, так как это был первый случай, когда германское правительство нарушило свое собственное заверение, что оно ограничится только территориями с немецким населением.

В этом вопросе подсудимый Риббентроп вновь проявил активность. 13 марта, когда события приближались к кульминационному пункту, он послал телеграмму германскому посланнику в Праге, который был его подчиненным, в которой он предписывал:

«Чешское правительство не должно иметь возможности установить с Вами контакт в течение ближайших нескольких дней, если оно того пожелает».

Это документ ПС-2815, США-116.

В то же время подсудимый виделся с членами делегации пронацистски настроенных словаков в Берлине. Во время совещания с Гитлером, на котором присутствовал подсудимый и Тисо, одному из руководителей пронацистски настроенных словаков были даны указания провозгласить создание независимого словацкого государства с целью содействия распаду Чехословакии.

Об этом говорится в документе ПС-2802, США-117. Трибунал может сравнить это с предыдущим совещанием с другим словаком — Тука, имевшим место месяцем раньше, о котором говорится в документе ПС-2790, США-110. Таким образом, подсудимый вновь содействовал разжиганию внутренних волнений.

14 марта 1939 года, на следующий день, Гаха, президент Чехословакии, был вызван в Берлин. Подсудимый присутствовал на этой встрече. Здесь, как помнит Трибунал, было оказано обычное давление и применялись угрозы, пока престарелый президент не дал согласия на передачу Чехословакии Гитлеру. Трибунал найдет это на странице 911 официальной стенограммы. К этому вопросу относится и документ ПС-2798, США-118. Это протокол беседы между Гитлером и Гаха, на которой присутствовал подсудимый. Вы найдете это также в отчете Чехословацкого правительства, документ ПС-3061, США-126.

Наступил конец существования чешской части Чехословакии.

На следующей неделе подсудимый Риббентроп подписал договор со Словакией. Это документ ПС-1439. Я представляю его в качестве документального доказательства ВБ-135. Я хочу обратить внимание на 2-ю статью, имеющую наибольшее значение, согласно которой германскому правительству предоставлялось право строить

военные сооружения и создавать военные посты и держать в них свои гарнизоны на территории Чехословакии. Это ПС-1439, ВБ-135...

Таким путем подсудимый, окончательно ликвидировав по условиям этого договора Богемию и Моравию как независимое государство, добился того, что Германия приобрела военный контроль также в Словакии.

Прежде чем я перейду к Польше, я хотел бы остановиться на одном небольшом, но интересном вопросе, который касается Северной Прибалтики. Я обращаю внимание Трибунала на этот вопрос для того, чтобы показать, как подсудимый не мог удержаться от того, чтобы не вмешиваться во внутренние дела других государств, даже если речь шла о сравнительно малозначащем вопросе.

Трибунал вспомнит, что 3 апреля 1939 года, как об этом говорится в документе ТС-5-3(а), ВБ-4, Германия оккупировала Мемельскую область. Казалось бы, что позиция Германии в отношении Прибалтийских государств была удовлетворенной, однако если Трибунал обратит внимание на документы ПС-2953 и -2952, ВБ-136 и -137, то он увидит, что подсудимый действовал в тесном сотрудничестве с заговорщиком Гейдрихом, возбуждая волнения в Литве, используя для этой цели группу пронацистски настроенных лиц, которые именовались «сторонниками Вольдемараса».

Документ ПС-2953. Это письмо от Гейдриха подсудимому Риббентропу. В нем говорится:

«Дорогой товарищ по партии фон Риббентроп, при сем прилагается дальнейший отчет относительно, сторонников Вольдемараса. Как уже говорилось в предыдущем отчете, сторонники Вольдемараса, все еще просят поддержку от империи. Поэтому я прошу Вас рассмотреть вопрос об оказании финансовой поддержки, который был вновь поставлен, сторонниками Вольдемараса, на странице 4, абзац 2 прилагаемого отчета, прошу Вас принять определенное решение по этому вопросу.

Просьбу сторонников Вольдемараса о финансовой поддержке, по моему мнению, следует удовлетворить. Однако не следует ни при каких обстоятельствах снабжать их оружием».

Следующий документ, ПС-2952, представляет собой более полный отчет. В конце этого документа имеется приписка, сделанная от руки:

«Я за регулярную выплату небольших сумм, примерно 2—3 тысячи марок каждый квартал». Подписано «В». Я думаю, что это — подпись статс-секретаря.

Я огласил это только для того, чтобы показать, в какой степени осуществлялось вмешательство в дела других, даже сравнительно маловажных стран.

Теперь я перехожу к агрессии против Польши. Этот вопрос уже полностью излагался полковником Гриффит-Джонсом. Однако я считаю целесообразным разбить представляемые мною доказательства по отдельным периодам, чтобы облегчить работу Трибунала.

Первый период, или, как его можно назвать, Мюнхенский период, продолжался до конца сентября 1938 года. В этот период Польшу всячески ублажали. Трибунал вспомнит об этом.

Важными документами, относящимися к этой части обвинения, являются документы ПС-2357, ВБ-30, речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 года и ТС-76, ВБ-31. Это секретный меморандум министерства иностранных дел от 26 августа 1938 года. Следующее доказательство — документ ВБ-27, ТС-73.

Документ ТС-73 — «Белая книга» польского правительства. Это выдержка из протокола беседы между польским послом господином М. Липским и подсудимым.

И последний документ в этой группе, ТС-73, речь Гитлера в Спортпаласе от 26 сентября 1938 года, в которой Гитлер заявил, что его территориальные проблемы в Европе разрешены. Он также говорил о своей безграничной симпатии к полякам.

Следующая стадия охватывает период после подписания Мюнхенского соглашения до захвата Праги. На следующей стадии были осуществлены акты агрессии в отношении Чехословакии, но кое-что еще оставалось доделать. Поэтому в отношениях с Польшей, хотя и произошла незначительная перемена, атмосфера продолжала оставаться дружелюбной. Это началось с беседы между послом М. Липским и подсудимым, о чем сказано в документе ТС-73, ВБ-27.

Во время этой беседы подсудимый Риббентроп выдвинул весьма миролюбивые предложения по поводу урегулирования вопроса о Данциге. Ответ Польши содержится в документе ТС-73, ВБ-28.

Председатель*: Вы не назвали дату, не так ли?*

Максуэлл-Файф*: Первый документ относится к 25 октября 1938 года. Это польский ответ, в котором говорилось, что возврат Данцига империи является неприемлемым, но предлагалось заключить двустороннее соглашение. Отчет датирован 31 октября 1938 года.*

Трибунал помнит, на основании документа С-137, ВБ-33 от 21 октября, что в период между этими двумя датами германское правительство вело приготовления к тому, чтобы неожиданным ударом захватить Данциг.

И хотя эти приготовления уже были произведены примерно двумя месяцами позднее, 5 января 1939 года, еще до захвата Праги, Гитлер предложил господину Беку, поль-

скому министру иностранных дел, новое решение вопроса. Об этом говорится в документе ТС-73, ВБ-34 — запись беседы Гитлера и Бека 5 января 1939 года.

На следующий день этот подсудимый имел встречу с Беком, на которой заявил, что не может быть и речи о решении вопроса о Данциге путем применения силы, что происходит дальнейшее укрепление дружественных отношений. Об этом говорится в документе ТС-73, ВБ-35.

Не удовлетворившись этим, подсудимый направился 25 января в Варшаву, и, согласно отчету о его речи, который имеется в документе ПС-2530, ВБ-36, он распространялся там о продолжавшемся развитии и укреплении дружественных отношений. Примерно в таких же тонах распространялся и Гитлер, произнося речь в рейхстаге 30 января 1939 года. Документ ТС-73, ВБ-37. Такова была вторая стадия. О Данциге говорили с медом на устах, потому что тогда еще не совершилось насилие и не был осуществлен захват Праги.

Затем следует припомнить, что ближе к лету, 23 мая 1939 года, состоялось совещание в имперской канцелярии. Об этом говорится в документе ТС-79, США-27. Этот документ неоднократно оглашался и я сейчас хочу только напомнить об этом. В этом документе Гитлер вполне ясно заявил, что Данциг не имеет ничего общего с существом польского вопроса. Я должен заняться вопросом Польши, потому что я хочу жизненного пространства на Востоке, вот к чему сводится содержание той части документа, который столь часто оглашался перед Трибуналом. Из него вытекало, что Данциг был всего лишь предлогом.

Важно помнить, что это совещание состоялось 23 мая 1939 года. Интересно проследить за совпадением установки. Документ показывает, как четко Риббентроп воспринял установку Гитлера и как складывалось такое мнение, а именно: как подсудимый Риббентроп занял ту же точку зрения, что и Гитлер. Об этом говорится во вступлении к дневнику графа Чиано, документ ПС-2987, США-166. Я не думаю, чтобы эта часть дневника «вступительная часть» уже оглашалась перед Трибуналом. Это документ ПС-2987 и он следует после документа Л-79 «Малая папка Шмундта». Этот документ включен в наше досье, как в этом может убедиться Трибунал.

Граф Чиано говорит:

«Летом 1939 года Германия выставила требование по отношению к Польше, естественно, без нашего ведома. Фактически Риббентроп несколько раз отрицал в беседах с нашим послом, что Германия имела какие-либо намерения довести противоречия до крайности. Несмотря на эти опровержения я продолжал сомневаться. Я хотел выяснить этот

вопрос для себя. 11 августа я поехал в Зальцбург. В своей резиденции в Фушле Риббентроп сообщил мне перед тем, как сесть за стол, о решении начать игру с огнем. Он сообщил мне об этом точно так же, как если бы он говорил о самом маловажном и общем вопросе административного характера. "Но, — спросил я Риббентропа, когда мы прогуливались по саду, — что Вы хотите, коридор или Данциг?" — "Нет, больше мы этого не хотим, — ответил он и взглянул на меня своими холодными глазами. — Мы хотим войны"».

Я напоминаю Трибуналу о том, в какой степени это подтверждает заявление, которое Гитлер сделал на совещании в своей канцелярии 23 мая, а именно, что это больше не было вопросом Данцига или коридора, а это был вопрос войны для того, чтобы захватить жизненное пространство на Востоке.

Я напоминаю Трибуналу, что план нападения на Польшу был датирован 3 и 11 апреля 1939 года. Это вне всякого сомнения доказывает, что подготовка тогда уже проводилась полным ходом.

Затем имеется также другая запись в дневнике графа Чиано, которая еще не оглашалась и которая вносит ясность в этот вопрос. Я оглашу ее, так как она не оглашалась прежде.

«Я подобрал протоколы совещаний с записями моих бесед с Риббентропом и Гитлером. Я укажу на некоторые мои впечатления лишь в общих чертах. Риббентроп ведет себя уклончиво каждый раз, когда я спрашиваю его относительно деталей предстоящих действий со стороны Германии. У него не чиста совесть. Он лгал столько раз относительно намерений Германии в отношении Польши, что сейчас он не может не испытывать замешательства по поводу того, что он вынужден мне говорить и что готовится сделать.

Воля сражаться непоколебима. Он отрицает всякое решение вопроса, которое могло бы удовлетворить Германию и предотвратить войну. Я убежден в том, что если бы даже немцам дали все, что они требуют, то они все равно произвели бы нападение, так как они одержимы демоном разрушения.

Иногда наш разговор принимал драматический оборот. Я не колеблясь излагаю свое мнение в самой резкой форме. Но это, однако, совершенно на него не действует. Я понимаю, как мало значения эта точка зрения имеет для немцев.

В отношениях чувствуется холод. Этот холод отражается также на отношениях между нашими приближенными. Во время обеда мы не обменялись ни единым словом. Мы не доверяем друг другу. Но, по крайней мере, у меня совесть чиста, у него же — нет».

3 Заказ 1429

Какие бы недостатки мы ни находили у графа Чиано, однако нельзя найти оценки ситуации, которая в большей степени подтверждалась бы документами, нежели его диагноз ситуации летом 1939 года.

Мы переходим к следующей стадии германского плана, а именно, усиленному нажиму на требования Данцига. Это началось немедленно после того, как было окончательно покончено с Чехословакией 15 марта. Видно, насколько быстро эти события последовали вслед за захватом Праги. Впервые в резкой форме требования были выставлены 21 марта, как это видно из документа ТС-73, ВБ-38. Это давление продолжало нарастать, как это уже излагал Трибуналу полковник Гриффит-Джонс[1].

Теперь мы переходим к последним дням накануне войны. Здесь имеется один весьма интересный штрих. Господин фон Дирксен, германский посол в Лондоне, вернулся из Лондона 18 августа 1939 года. Относительно этого случая говорится в протоколе допроса подсудимого Риббентропа, документ Д-490, ВБ-138.

Я не намереваюсь оглашать эту выдержку перед Трибуналом, так как содержание ее можно изложить вкратце следующим образом.

Подсудимый Риббентроп не помнит о том, что он видел германского посла в Англии после его возвращения. Он думает, что он помнил бы его, если бы он его видел, и он допускает, что он его не видел. В этом именно и заключается дело, так как, когда было хорошо известно, что война против Польши вовлечет Англию и Францию, то такие действия со стороны подсудимого можно было объяснить либо тем, что он не был достаточно заинтересован в мнении Лондона и поэтому не взял на себя труда принять своего посла, или же, по его собственным намекам, он назначил столь слабого дипломата на пост посла в Лондоне, что его мнение не принималось во внимание ни самим подсудимым, ни Гитлером. В любом случае его совершенно не интересовало то, что мог сообщить ему его посол относительно мнения, существовавшего в Лондоне, или относительно возможности войны. Я считаю, что даю весьма умеренное истолкование этого вопроса, говоря, что в последние дни, накануне 1 сентября 1939 года, этот подсудимый делал все, что он мог, для того, чтобы избежать мира с Польшей и чтобы избежать всего того, что могло бы помешать развязыванию войны, которую, как мы знаем, он хотел. Он поступал таким образом, будучи хорошо осведомлен о том, что война против Польши неизбежно вовлечет Великобританию и Францию.

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 3. М., 1989. С. 88—138.

Об этом подробно говорилось полковником Гриффит-Джонсом.

Сейчас я не буду вновь останавливаться на этих деталях, но я хотел бы для удобства работы Трибунала сослаться на официальную стенограмму судебного заседания, страницы 1000—1059, где господин Липский суммировал все происходившие события в своем отчете от 10 октября 1939 года. Документ ТС-73, ВБ-27.

Такова была деятельность подсудимого по вопросам, касавшимся Польши. Я с удовлетворением сообщаю Трибуналу, что в отношении других стран представляемые доказательства гораздо короче.

Теперь я перехожу к Норвегии и Дании. Обращаю внимание Трибунала на тот факт, что 31 мая 1939 года подсудимый Риббентроп от имени Германии подписал пакт о ненападении с Данией, который предусматривал, что Германская империя и Королевство Дания ни при каких обстоятельствах не вступят в войну друг против друга и не применят силу какого-либо рода. Это документ ТС-24, ВБ-77. Однако с целью фиксации даты напомню Трибуналу, что 9 апреля 1940 года германские вооруженные силы вторглись на территорию Дании и в тот же день — в Норвегию.

Что касается Норвегии, то мы имеем три документа, которые показывают, что подсудимый имел самые подробные сведения относительно ранних приготовлений к агрессии. Трибунал вспомнит, что мой коллега майор Элвин Джонс указал в деталях на отношения между Квислингом и подсудимым Розенбергом[1]. Но Розенберг при этом нуждался в содействии со стороны подсудимого Риббентропа. И если Трибунал соблаговолит обратить внимание на документ ПС-957, который я представляю под номером ВБ-139, то он увидит, что это первый из документов, который относится к связи Риббентропа с началом деятельности Квислинга.

Первый документ — ПС-957. Это письмо подсудимого Розенберга подсудимому Риббентропу. В нем говорится:

«Дорогой товарищ по партии фон Риббентроп, товарищ по партии Шейдт вернулся и сделал подробный доклад тайному советнику фон Грундкерру, который сообщит Вам об этом. Мы решили на днях, что для этой цели должно быть немедленно ассигновано 200—300 тысяч рейхсмарок. Однако советник Грундкерр заявляет, что второй взнос может быть предоставлен только через 8 дней. Но так как Шейдту необходимо выехать обратно немедленно, то я прошу Вас распорядиться о том, чтобы ему немедленно выдали вторую сумму. В случае если отсутствие затянется, то это на-

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 258—280.

рушит контакт и с Вашими представителями, что сейчас будет весьма неблагоприятным, особенно при определенных обстоятельствах. Я считаю, что в общих интересах, чтобы Шейдт немедленно вернулся обратно».

Это было 24 февраля.

Следующий документ — доклад Розенберга Гитлеру. Документ ПС-004. Если Трибунал соблаговолит обратить внимание на страницу 4 документа, где говорится относительно деятельности Квислинга, то он найдет доказательства связи подсудимого с этой деятельностью.

Это доклад подсудимого Розенберга Гитлеру:

«Помимо финансовой поддержки, которая поступала из империи в виде иностранной валюты, Квислингу также было обещано поставить такие товары, как уголь и сахар, которые были так необходимы Норвегии. Была обещана также дополнительная поддержка. Эти поставки следовало производить под прикрытием новой торговой компании, которая должна была быть создана в Германии, или специально отобранными действующими фирмами. Грузополучателем в Норвегии должен был быть Хагелин, который уже беседовал с соответствующими министрами правительства Нюгордсволя, как, например, с министром торговли и снабжения, и получил заверение в том, что будет дано разрешение на импорт угля».

В то же время транспорты с углем, возможно, должны были служить для технического обеспечения всего необходимого для того, чтобы Квислинг мог начать политические действия в Осло с помощью Германии. Квислинг составил план посылки ряда специально подобранных и особо надежных людей в Германию для прохождения краткосрочного курса в изолированной школе. Затем этих людей следовало прикреплять в качестве знатоков языка и местности к германским специальным войскам, последние должны были быть перевезены в Осло на угольных баржах для осуществления политических мероприятий. Таким образом, Квислинг планировал захватить своих основных противников в Норвегии, включая короля, и предотвратить возможность вооруженного сопротивления с самого начала. Вслед за этим политическим актом и по формальному запросу Квислинга правительству Германской империи должна была состояться военная оккупация Норвегии. Все военные приготовления должны были быть закончены предварительно. Хотя в этом плане имелось большое преимущество — фактор неожиданности, но существовал и целый ряд опасностей, которые могли привести к его провалу. Поэтому его рассматривали очень долго, но в то же время он не был отвергнут норвежской стороной.

В феврале рейхслейтер Розенберг после совещания с генерал-фельдмаршалом Герингом сообщил министериаль-

директору управления по вопросам четырехлетнего плана Вольтату только лишь о намерении подготовить доставку угля в Норвегию названному доверенному лицу — Хагелину. Остальные детали обсуждались на совещании между Вольтатом, директором Шикеданцом и Хагелином. Так как Вольтат не получал никаких инструкций от генерал-фельдмаршала, министр иностранных дел фон Риббентроп после консультации с рейхслейтером Розенбергом решил ускорить эти поставки через свое министерство. На основании доклада рейхслейтера Розенберга фюреру на этом совещании была также достигнута договоренность выдавать Квислингу через Шейдта как посредника 10 тысяч английских фунтов в месяц в течение трех месяцев, начиная с 15 марта, чтобы обеспечить его деятельность.

Эти денежные суммы были переданы через Шейдта, имя которого упоминалось ранее.

Следующий документ — Д-629, письмо подсудимого Кейтеля, адресованное подсудимому Риббентропу от 3 апреля 1940 года. Я хочу огласить перед Трибуналом только первый абзац, где подсудимый Кейтель писал:

«Дорогой господин фон Риббентроп!

Военная оккупация Дании и Норвегии по приказу фюрера в течение долгого времени подготавливалась верховным командованием германских вооруженных сил. Верховное командование вооруженных сил поэтому имело достаточное время в своем распоряжении для того, чтобы заниматься всеми вопросами, связанными с проведением этой операции. Однако время, которым Вы располагаете для политической подготовки к этой операции, наоборот, весьма ограничено. Я полагаю, что я действую в Ваших же интересах, направляя Вам при сем не только пожелания вооруженных сил относительно того, что должны выполнить правительства в Осло, Копенгагене и Стокгольме по чисто военным соображениям, но также целую серию запросов, которые, безусловно, затрагивают германские вооруженные силы только косвенным образом, но которые, однако, имеют огромное значение для выполнения этой задачи».

Затем, в этом письме он попросил министерство иностранных дел установить контакт с определенными командующими. Я огласил этот документ по очень важной причине, ибо здесь, насколько мне известно, впервые мы встретились с открытым заявлением Кейтеля, что подготовка военного вторжения в Норвегию и Данию проводилась в течение долгого времени. И в этой связи интересно взглянуть на официальную сторону жизни Риббентропа. Я оглашу только одно предложение, чтобы показать этот поразительный контраст:

«С оккупацией Норвегии и Дании 9 апреля 1940 года, лишь за несколько часов до высадки английских войск на этих территориях, началась битва против западных держав».

Далее говорится о Голландии и Бельгии.

И вполне ясно, что если кто-то знал об этом, а кто-то не знал, то подсудимый Риббентроп был замешан в заговоре Квислинга и по уши увяз в нем. И за неделю до начала вторжения Риббентропу уже ясно сообщили о том, что вооруженные силы Германии и подсудимый Кейтель в течение долгого времени готовили этот акт агрессии.

Я думаю, Ваша честь, что этим завершаются доказательства по вопросу агрессии против Норвегии, так как в деталях об этом говорил уже мой друг майор Элвин Джонс...

Господа судьи! Когда вчера был объявлен перерыв, я коснулся последних двух документов о Норвегии. Теперь я их представляю — ВБ-140 и -141. Их номера — ПС-004 и Д-629...

Я хотел бы сказать несколько слов относительно агрессии против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Факты агрессии против этих стран в течение периода, когда подсудимый был министром иностранных дел, были полностью изложены моим коллегой господином Робертсом. Эти ссылки имеются на страницах 1100—1125 стенограммы и нет надобности задерживать внимание Трибунала на этой части доказательств обвинения.

Я хочу еще напомнить Трибуналу, что 10 мая 1940 года Риббентроп в качестве министра иностранных дел сделал заявление представителям иностранной печати относительно причин германского вторжения в эти страны. Я смею утверждать, что доказательства, представленные господином Робертсом, показывают, что объяснение этих причин было ложью.

Теперь, милорд, я перехожу к актам агрессии в Юго-Восточной Европе против Греции и Югославии. И первая значительная дата в этой связи — совещание в Зальцбурге в августе 1939 года, на котором присутствовал подсудимый Риббентроп и на котором Гитлер заявил, что страны оси решили ликвидировать некоторых нейтралов. Это документ ПС-1871, ВБ-142. Я хотел бы сослаться на выдержку, которая имеется на 2-й странице английского текста в середине 5-го абзаца, 6-я строчка сверху, где имеются слова «в общем и целом».

Председатель: *Пожалуйста.*

Максуэлл-Файф: *«В общем и целом лучше всего ликвидировать псевдонейтралов одного за другим. Это можно сделать достаточно легко, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого, пока тот приканчивает одного из*

ненадежных нейтралов. Италия может рассматривать Югославию как такого ненадежного нейтрала.

Во время беседы с принцем-регентом Павлом он, то есть фюрер, предложил, в особенности учитывая интересы Италии, чтобы принц Павел каким-нибудь жестом определил свою политическую позицию в отношении держав оси. Он думал о более тесной связи Югославии с державами оси и о том, чтобы Югославия вышла из Лиги наций. Принц Павел согласился на это. Недавно принц-регент был в Лондоне и пытался получить заверение со стороны западных держав. Произошло то же самое, что и с Гафенку, который во время посещения Германии также занимал очень примирительную позицию и отрицал какую-либо заинтересованность в целях западных демократий. Впоследствии было выяснено, что он занял противоположную позицию, когда был в Англии. Среди балканских стран державы оси могут полностью надеяться только на Болгарию, которая некоторым образом является естественным союзником Италии и Германии... Однако в тот момент, когда для Германии и Италии произойдет поворот к худшему, Югославия открыто перейдет на другую сторону, надеясь, таким образом, окончательно повернуть дело против стран оси».

Такова была позиция в отношении ненадежных нейтралов.

Еще в сентябре 1940 года подсудимый, совместно с Муссолини, рассматривал военное положение. Он подчеркивал, что на Англию «из мести» производятся тяжелые бомбовые удары с воздуха и что Лондон скоро будет превращен в развалины. Стороны согласились, что только итальянские интересы затронуты в Греции и Югославии и что Италия может рассчитывать на немецкую поддержку. Затем Риббентроп объяснил Муссолини испанский план нападения на Гибралтар и роль Германии в этом плане, а также тот факт, что он, фон Риббентроп, возвратившись в Берлин, намеревается подписать протокол с Испанией, который вовлечет последнюю в войну.

Это документ ПС-1842, который в книге документов идет после документа, только что рассмотренного Трибуналом. О Греции и Югославии говорится в середине первой страницы. Разрешите мне огласить лишь краткую выдержку:

«В отношении Греции и Югославии министр иностранных дел подчеркнул, что этот вопрос затрагивает лишь итальянские интересы и должен быть решен только Италией, причем она может быть уверена в помощи Германии».

Мне кажется, что дальше нет надобности читать.

Биддл: По-моему, следует прочесть и следующий абзац.

Максуэлл-Файф: «Но нам казалось желательным на этом этапе не касаться этих проблем, а сосредоточить все силы на уничтожении Англии. Что касается Германии, то она

интересуется северо-германскими районами — Норвегией и т.д. Это было признано дуче».

Я очень благодарен за указание, Ваша честь.

Это документ ВБ-143.

Через месяц или два после этого в январе 1941 года, на совещании между Гитлером и Муссолини, на котором присутствовал подсудимый, обсуждались операции против Греции, Гитлер заявил, что германские войска в Румынии предназначаются для использования в планируемой кампании против Греции. Этот документ значится под номером С-134, ВБ-119. Я не намереваюсь его вновь цитировать, я лишь хочу обратить внимание Трибунала на конец 3-й страницы английского текста.

Об этом совещании также говорится в дневнике графа Чиано, который в качестве итальянского министра иностранных дел также присутствовал на совещании. В записи от 20— 21 января Чиано излагает свои впечатления от этого совещания:

«Дуче был в общем и целом доволен переговорами. Я был менее доволен, главным образом потому, что Риббентроп, который в прошлом всегда так хвастал, ответил на мой прямой вопрос о том, как долго продлится война, что он не видит возможности окончить войну до 1942 года».

Несмотря на это несколько пессимистическое заявление графа Чиано, позднее, через три недели, подсудимый занял более оптимистическую позицию, когда встал вопрос о подстрекательстве японцев.

13 февраля 1941 года он встретился с японским послом Осима. Запись этой беседы имеется в документе ПС-1834, США-129. Он уже был оглашен и я лишь хочу сослаться на страницу 3 английского текста, предпоследний абзац, где в оптимистических тонах говорится о военном положении и о позиции Болгарии и Турции. Я не хочу читать эту выдержку, но обращаю на нее внимание Трибунала.

После этого в марте подсудимый предпринял усилия, чтобы втянуть Югославию в «Пакт оси». 25 марта подсудимый в ноте премьер-министру Цветковичу, документ ПС-2450, ВБ-123, дал заверение о том, что:

«В течение этой войны правительства держав оси не будут требовать от Югославии, чтобы она разрешила проход или переброску войск через югославскую территорию».

Следует указать, что после этого в Югославии произошел государственный переворот. Генерал Симович стал премьер-министром и через два дня после того, как было дано только что прочитанное заверение, на совещании от 27 марта 1941 года в присутствии подсудимого Гитлер изложил планы военной кампании против Югославии и обещал уничтожение Югославии и разрушение Белграда германскими военно-воздушными силами. Об этом говорится в докумен-

те ПС-1746, ВБ-120. Мой коллега полковник Филлимор огласил этот документ на более ранней стадии и мне нет надобности читать его вновь.

Последнее действие подсудимого в отношении Югославии заключается в том, что после вторжения в эту страну фон Риббентроп был одним из лиц, получивших от Гитлера поручение установить границы, которыми разделялась и расчленялась Югославия. Предварительное указание по этому поводу имеется в документе ПС-1195, ВБ-144.

Теперь мы переходим к вопросу об агрессии против Советского Союза.

Председатель: Документ ПС-1195 был оглашен?

Максуэлл-Файф: Нет, не был. Спасибо, милорд, что Вы обратили мое внимание на это. Я оглашу ту фразу, которая относится к делу. На 2-й странице, 2-й раздел, милорд увидит слова: «Определение границ». Абзац первый гласит:

«Если определение границ не произведено в вышеуказанном разделе 1, то эта работа будет выполнена верховным командованием вооруженных сил в согласии с министерством иностранных дел», то есть этим подсудимым, уполномоченным по проведению четырехлетнего плана и имперским министром внутренних дел.

Председатель: Кто был министром внутренних дел?

Максуэлл-Файф: По-моему, подсудимый Фрик.

Председатель: Да, мне тоже так кажется.

Максуэлл-Файф: Я благодарен, милорд. Я забыл, что это не было оглашено.

Теперь переходим, как я уже сказал, к вопросу об агрессии против Советского Союза, и первый документ, который еще не был представлен и который я представляю, — советско-германский пакт о ненападении. Его номер — ПС-25, ВБ-145.

23 августа 1939 года подсудимый подписал германо-советский пакт о ненападении. Он, по-видимому, впервые рассмотрел особые проблемы, связанные с агрессией против Советского Союза, вскоре после 20 апреля 1941 года, когда подсудимый Розенберг и он встретились или обменялись письмами относительно проблем, которые могли возникнуть на восточных оккупированных территориях. Подсудимый назначил своего советника Гросскопфа офицером связи с Розенбергом, а также направил к нему в качестве сотрудника генерального консула Бройтигама, который имел многолетний опыт работы в СССР. Это показано в документе ПС-1039, США-146. Я не намереваюсь вновь цитировать этот документ, так как он уже был оглашен, но я хотел бы сослаться на первый абзац сверху на 2-й странице, начиная со слов «после оповещения имперского министра иностранных дел». Я только что упомянул именно об этом абзаце.

Это произошло в апреле 1941 года. Через месяц, а именно 18 мая 1941 года германское министерство иностранных дел подготовило декларацию, устанавливающую оперативные зоны в Ледовитом океане, в Балтийском и Черном морях, в которых должны были действовать германский военно-морской флот и военно-воздушные силы во время предстоящего вторжения в Советский Союз. Это документ С-77, который я представляю под номером ВБ-146. Это очень короткий документ, и я, пожалуй, процитирую его, так как он еще не был оглашен:

«Министерство иностранных дел подготовило для использования при проведении плана «Барбаросса» прилагаемый проект декларации относительно оперативных зон. Министерство иностранных дел, однако, оставляет за собой решение относительно даты, когда декларация будет обнародована, а также относительно обсуждения деталей».

Таким образом, эти документы ясно показывают, что подсудимый Риббентроп принимал активное участие в подготовке и этого акта агрессии. Затем 22 июня 1941 года подсудимый объявил всему миру, что германские армии вторглись в СССР, Трибунал видел это в фильме, показанном 11 декабря.

Насколько лживы были названные им причины, раскрывается докладом его посла в Москве, который писал, что делалось все, чтобы избежать столкновения. Ссылка на этот документ имелась в речи генерального прокурора Великобритании, 888-я страница стенограммы.

Теперь переходим к агрессии, связанной с Японией и направленной против США. Первый документ по этому вопросу значится под номером ПС-2508, ВБ-147. Этот документ показывает, что 25 ноября 1936 года в результате переговоров, которые вел подсудимый, Германия и Япония подписали Антикоминтерновский пакт. По-моему, этот документ не был оглашен, и, если разрешите, я хотел бы прочитать введение, где излагаются цели соглашения.

«Правительство Германской империи и императорское правительство Японии, признавая, что цель Коммунистического Интернационала, известного как Коминтерн, заключается в том, чтобы всеми возможными средствами разложить и покорить существующие государства, будучи уверены в том, что терпимость в отношении вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран не только угрожает их внутреннему миру и социальному благосостоянию, но также является угрозой всеобщему миру, желая сотрудничать в деле защиты от подрывной коммунистической деятельности, согласились о следующем». Далее идут статьи этого пакта, на основании которого обе стороны действовали совместно в течение 5 лет и который был подписан подсудимым.

27 сентября 1940 года подсудимый в качестве министра иностранных дел подписал трехсторонний пакт с Японией и Италией, которым был оформлен военный и экономический союз, направленный к созданию «нового порядка» как в Европе, так и в Восточной Азии. Это документ ПС-2643, США-149. Он был уже оглашен.

Затем 13 февраля 1941 года, то есть через месяц или два после этого, подсудимый убеждал японцев напасть на британские владения на Дальнем Востоке. Это показано в документе ПС-1834, США-129, который уже был оглашен моим коллегой господином Олдерманом. Это произошло в феврале.

Затем в апреле 1941 года, на совещании с Мацуока, который представлял Японию, в присутствии подсудимого Гитлер обещал, что Германия объявит Соединенным Штатам войну в случае, если в результате японской агрессии на Тихом океане начнется война между Японией и США.

Это показано в документе ПС-1881, США-33, который уже был оглашен и который я не намереваюсь вновь цитировать.

Следующий документ, подтверждающий эту мысль, значится под номером ПС-1882, США-153. Я хотел бы зачитать только два коротких абзаца, так как они отражают изменение психологического состояния подсудимого и его взгляды в то время. Я цитирую первые два абзаца документа, которые имеются на первой странице документа.

«Мацуока затем говорил об общем высоком моральном духе в Германии и упомянул о счастливых лицах рабочих в Германии, которые он видел во время недавнего посещения завода Борзиг. Он высказал сожаление по поводу того, что ход событий в Японии еще не достиг той же точки, что в Германии, и что в его стране интеллигенция все еще имеет значительное влияние.

Имперский министр иностранных дел ответил, что в лучшем случае только страна, которая достигла своих целей, может позволить себе роскошь существования интеллигенции, большинство которой — паразиты.

Однако страна, которая борется за место под солнцем, должна отбросить интеллигенцию. Интеллигенты погубили Францию. В Германии они уже начали свою коварную деятельность, но нацисты прекратили ее. Интеллигенты, несомненно, послужат причиной падения Великобритании, которого с уверенностью следует ожидать».

Далее продолжается в том же тоне. Этот последний документ датирован 5 апреля 1941 года. Наступила следующая стадия. Через месяц после того, как 22 июня 1941 года германские армии вторглись в Советский Союз, Риббентроп настаивал, чтобы его посол в Токио предпринял максималь-

ные усилия, чтобы заставить японское правительство напасть на Советский Союз в Сибири.

Это подтверждается двумя уже представленными документами: ПС-2896, США-155 — телеграмма некоему Отту, немецкому послу в Токио, и ПС-2897, США-156 — ответ посла Отта. Оба эти документа были оглашены моим коллегой господином Олдерманом. Я не буду вновь утруждать Трибунал.

Но следующий документ — Д-656, ВБ-146, является новым, захваченным у японцев. Это перехваченная телеграмма японского посла в Берлине, посланная непосредственно перед нападением на США. Я хотел бы огласить лишь одну краткую выдержку из речи подсудимого. Подсудимый говорил это 29 ноября 1941 года, то есть приблизительно за неделю до нападения на Перл-Харбор. Цитирую первый абзац:

«Открывая совещание, Риббентроп снова спросил, получил ли я какие-либо сведения о японо-американских переговорах. Я ответил, что мне официально ничего не сообщено.

Риббентроп: Важно, чтобы Япония, не теряя этой возможности, установила новый порядок в Восточной Азии. Никогда не было и, вероятно, никогда не придет время, когда более тесное сотрудничество в рамках трехстороннего пакта имело бы столь важное значение, как теперь. Если Япония будет колебаться в то время, как Германия будет устанавливать новый порядок в Европе, то вся военная мощь Великобритании и США будет сосредоточена против Японии.

Как сказал сегодня фюрер, существуют коренные расхождения между Германией и Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой, относительно самого права на жизнь. Нам сообщили, что фактически нет никаких надежд на то, что японо-американские переговоры будут успешно завершены в силу того, что США занимают решительную позицию.

Если это действительно так и если Япония примет решение воевать с Великобританией и США, то я уверен, что это не только будет в обоюдных интересах Германии и Японии, но приведет к благоприятным результатам для самой Японии.

Посол: Я не могу сделать никакого определенного заявления, так как мне неизвестны конкретные намерения Японии. Считает ли Ваше превосходительство, что между Германией и Соединенными Штатами будет установлено состояние войны?

Риббентроп: Рузвельт — фанатик, и невозможно сказать, что он сделает».

Далее говорится:

«Так как Риббентроп в прошлом говорил, что Соединенные Штаты несомненно попытаются избежать встречи с

немецкими войсками и, судя по тону недавнего выступления Гитлера, а также Риббентропа, я считаю, что Германия начинает занимать гораздо более решительную позицию в отношении Соединенных Штатов. В настоящее время нет признаков того, что Германия откажется воевать с Соединенными Штатами, если это будет необходимо».

Во втором разделе излагается чрезвычайно оптимистический прогноз хода войны против Советского Союза. Однако я думаю, что сейчас нет оснований оглашать эту выдержку.

Потом имеется несколько замечаний относительно предполагаемых десантных операций против Англии, которые я также не буду цитировать в настоящее время, но в третьем разделе снова указывается на умонастроение этого подсудимого. Я цитирую:

«Во всяком случае Германия не имеет намерений установить мир с Англией. Мы полны решимости устранить всякое английское влияние в Европе. Поэтому в конце войны Англия не будет иметь абсолютно никакого влияния в международных делах. Островная империя Великобритании может остаться, но все ее другие владения, разбросанные по всему миру, вероятно, будут разделены между Германией, Соединенными Штатами и Японией. В Африке Германия в общем удовлетворится теми территориями, которые прежде были германскими колониями. Италия получит основную часть африканских колоний. Главное, что Германия хочет, — контроль над европейской частью России».

Выслушав эти замечания подсудимого, посол сказал:

«Я полностью осознаю тот факт, что военная кампания Германии развертывается гладко и по плану. Однако предположим, что возникнет положение, при котором не только Великобритания будет противником Германии, но и все те страны, где имеется английское влияние, и те, которые в настоящее время помогают Великобритании. При таких обстоятельствах район военных действий, конечно, значительно расширится. Каково Ваше мнение относительно войны при таких обстоятельствах?

Риббентроп: Мы хотели бы закончить эту войну в течение следующего года, то есть 1942 года, однако при некоторых обстоятельствах возможно, что придется ее продолжать и в 1943 году.

Если Япония будет вовлечена в войну против Соединенных Штатов, Германия, конечно, немедленно вступит в войну. При этих обстоятельствах совершенно невозможно, чтобы Германия заключила сепаратный мир с Соединенными Штатами. Фюрер это твердо решил».

Этот документ самым тесным образом связывает подсудимого с актом агрессии Японии против Соединенных Штатов.

Другой новый документ — также перехваченная японская дипломатическая телеграмма. Это документ Д-657, ВБ-149. Если разрешите, я зачитаю первые две фразы, которые раскрывают сущность документа.

Японский посол пишет:

«Сегодня, 8 декабря в 13.00 я посетил министра иностранных дел Риббентропа и сказал ему, что для нас желательно, чтобы Германия и Италия немедленно официально объявили войну Америке. Риббентроп ответил, что Гитлер находится на совещании в ставке и рассматривает вопрос о том, каким образом официально объявить войну с тем, чтобы это произвело хорошее впечатление на германский народ, и что Риббентроп немедленно передаст ему Ваше пожелание и предпримет все возможное, чтобы оно было быстро выполнено. Риббентроп сказал мне, что утром 8-го, то есть до объявления войны, Гитлер издал приказ всему германскому флоту о нападении на американские корабли, где бы и когда бы они ему ни встречались.

Само собой разумеется, что настоящее сообщение является конфиденциальным и только для Вашего сведения».

Как Трибунал помнит, 11 декабря 1941 года подсудимый Риббентроп от имени германского правительства объявил о том, что между Германией и Соединенными Штатами существует состояние войны.

Следующая стадия — его попытки заставить Японию напасть на Советский Союз.

Во время переговоров Риббентропа с Осима в июле 1942 года и в марте и апреле 1943 года он продолжал настаивать на том, чтобы Япония приняла участие в агрессии против Советского Союза. Это показано в документе ПС-2911, США-157, который уже был оглашен, а также в документе ПС-2954, ВБ-150. Это новый документ, и если разрешите, я хотел бы раскрыть его сущность при помощи очень короткой цитаты. Это запись беседы подсудимого Риббентропа с послом Осима. Она начинается следующими словами:

«Посол Осима заявил, что он получил телеграмму из Токио и что по приказу своего правительства он должен сообщить имперскому министру иностранных дел следующее:

Предложение германского правительства о нападении на Россию явилось предметом обсуждения на совместном совещании японского правительства и имперской ставки, в ходе которого этот вопрос был детально обсужден и рассмотрен. Результат следующий: японское правительство полностью признает опасность, которая угрожает со стороны России, и полностью понимает желание своего германского союзника, чтобы Япония со своей стороны также начала войну против России. Однако для японского правительства невозможно, учитывая нынешнее военное положение, вступить в войну. Наоборот, оно считает, что в

общих интересах не следовало бы начинать войну против России в настоящее время. С другой стороны, японское правительство никогда не упустит из виду русский вопрос».

А в середине следующего абзаца подсудимый возобновил натиск. Третья фраза, начинающаяся на четвертой строчке, гласит:

«Однако было бы гораздо правильнее, если бы все державы трехстороннего пакта объединили свои усилия для того, чтобы совместно нанести поражение не только Англии и Америке, а также и России. Нехорошо, когда одна сторона вынуждена вести борьбу в одиночестве».

В следующем документе — ПС-2929, США-159, показано, как на Японию оказывался нажим для того, чтобы она напала на Россию. Если разрешите, я процитирую эту выдержку с тем, чтобы покончить с этим вопросом. Она очень короткая.

«Имперский министр иностранных дел вновь подчеркнул, что нынешний год несомненно представляет наиболее благоприятные возможности для Японии, если она чувствует себя достаточно сильной и имеет в своем распоряжении достаточное количество противотанкового оружия для того, чтобы напасть на Россию, которая, несомненно, никогда не будет так слаба, как в настоящий момент».

Это было 18 апреля 1943 года.

Господа судьи, этим я завершаю представление доказательств по второму обвинению относительно агрессивной войны. Я утверждаю, что это обвинение более чем доказано.

Третье обвинение заключается в том, что подсудимый Риббентроп санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Я, конечно, рассматриваю этот вопрос только с точки зрения планирования этих преступлений, потому что совершение преступлений будет рассматриваться моими французскими и советскими коллегами. Однако важно показать, как подсудимый Риббентроп участвовал в планировании таких преступлений.

Во-первых, я коснусь вопроса об убийстве союзных летчиков, во-вторых, истребления народов Европы и, в-третьих, преследования евреев.

Во-первых, убийство союзных летчиков.

В 1944 году, когда усилились союзные воздушные налеты авиации союзников на Германию, германское правительство решило провести план запугивания англо-американских летчиков с тем, чтобы они более не предпринимали налетов на немецкие города. В протоколе совещания, на котором должны были определиться конкретные меры, фиксируется точка зрения, на которой настаивал подсудимый Риббен-

троп. Это документ ПС-735, ВБ-151, протокол совещания в ставке фюрера 6 июня 1944 года. Если разрешите, я хотел бы огласить первый абзац.

Обергруппенфюрер Кальтенбруннер 6 июля сообщил заместителю начальника штаба оперативного руководства в Клессгейме, что незадолго до этого имело место совещание по этому вопросу между рейхсмаршалом подсудимым Герингом, имперским министром иностранных дел подсудимым Риббентропом и рейхсфюрером СС Гиммлером. Вопреки первоначальному предложению имперского министра иностранных дел, который хотел охватить понятием акции по устрашению все виды нападений на германское гражданское население, включая воздушные налеты на города, на этой конференции было решено, что лишь те нападения, во время которых производится пулеметно-пушечный обстрел гражданского населения и его имущества, могут рассматриваться как критерий доказательства преступления в этом смысле. «Самосуд должен стать нормой. Не может быть и речи о военном трибунале или передаче полиции».

Таким образом, подсудимый Риббентроп настаивал на том, чтобы летчики передавались на расправу толпе даже в случае обычного налета на немецкий город. Другие же утверждали, что нужно ограничить такие действия только теми случаями, когда летчики обстреливали гражданское население из пулеметов или иного оружия.

В абзаце «б» сказано:

«Заместитель начальника штаба оперативного руководства заявил, что помимо самосуда следует установить порядок отбора таких вражеских летчиков, которых подозревают в подобных преступных действиях до того, как они будут направлены в лагерь для летчиков в Оберурзеле. Если подозрения будут подтверждаться, то их надо передавать службе безопасности для специальных мер».

Как я понимаю, если толпа с самого начала не расправлялась с летчиками, то они отделялись от военнопленных, которые, конечно, находились под защитой третьей стороны, защищавшей права военнопленных. Если подозрение в отношении них подтверждалось, они должны были передаваться службе безопасности для уничтожения.

В третьем абзаце указывается, как они намеревались обосновать самосуд. Здесь сказано:

«6 июня на совещании с полковником фон Браухичем, представителем главнокомандующего военно-воздушных сил, было решено, что следующие действия должны рассматриваться как акты террора, оправдывающие применение самосуда:

а) пулеметно-пушечный обстрел с низких высот гражданского населения, как отдельных лиц, так и толпы;

б) обстрел в воздухе немецких летчиков, которые выбросились с парашютом;

в) пулеметно-пушечный обстрел пассажирских поездов;

г) пулеметно-пушечный обстрел военных госпиталей, больниц и санитарных поездов, которые ясно обозначены красным крестом».

Таким образом, в этих случаях летчики должны были подвергаться самосуду, а не во всех случаях бомбардировок городов, как предлагал подсудимый Риббентроп.

Затем, на последней странице документа, имеются довольно любопытные комментарии подсудимого Кейтеля. Замечания начальника ОКВ относительно повестки дня от 6 июня 1944 года. Это тот же самый документ, который Трибунал только что рассматривал.

«Совершенно секретно. Передавать только через офицера...

Если разрешить народу проводить самосуд, то трудно будет добиваться соблюдения правил. Министериальдиректор Брандт застрелил вражеского летчика на дороге. Я против судебной процедуры. Из этого ничего не выйдет.

Подпись: Кейтель».

Далее имеются комментарии подсудимого Иодля.

«Это совещание недостаточно. В сотрудничестве с министром иностранных дел следует точно определить следующие вопросы:

1. Что мы рассматриваем как убийство? Согласен ли МИД с пунктом 3-б?

2. Как осуществить эту процедуру: а) населением, б) властями?

3. Как мы можем гарантировать, что такие меры не будут приниматься в отношении других вражеских летчиков?

4. Следует ли установить какую-нибудь судебную процедуру или нет?

Подпись: Иодль».

Мне кажется важным отметить, что этот подсудимый и министерство иностранных дел были в курсе этих нарушений законов и обычаев ведения войны и то, насколько четко министерство иностранных дел понимало, что речь идет о нарушениях законов и обычаев ведения войны, явствует из документа ПС-728, ВБ-152. Это документ министерства иностранных дел, утвержденный подсудимым Риббентропом и пересланный через некоего Риттера, одного из его чиновников. Тот факт, что подсудимый Риббентроп утвердил этот документ, специально отмечается в следующем документе — ПС-740, который я представляю в качестве доказательства под номером ВБ-153. По-моему, этот документ не

был ранее оглашен и поэтому я намереваюсь процитировать одну или две выдержки. Он начинается следующими словами:

«Несмотря на очевидные возражения, основанные на международном праве и внешней политике, министерство иностранных дел в основном согласно с предлагаемыми мерами.

При рассмотрении конкретных случаев следует проводить разграничение между случаями самосуда и случаями применения особых мер службой безопасности.

1. В случаях самосуда не имеет большого значения точное установление фактов, которые могут повлечь за собой наказание в соответствии с пунктами 1—4 сообщения от 15 июня. Во-первых, германские власти не будут нести прямой ответственности, так как смерть наступит до того, как какое-либо германское официальное лицо вмешается в это дело. Кроме того, сопутствующие обстоятельства будут таковыми, что будет не трудно представить это дело в надлежащем свете при предании его гласности. Таким образом, в случаях самосуда самое главное внимание нужно обратить на правильную подачу конкретного дела при публикации о нем.

2. Предлагаемая процедура применения СД особого обращения, включая последующую публикацию об этом, было бы реальным только в том случае, если Германия открыто отвергнет свои обязательства в плане международного права, которые имеют силу и еще признаются Германией. Когда вражеский летчик захватывается военными властями или полицией и передается в лагерь Оберурзель для военнопленных летчиков, он получает статус военнопленного.

Конвенция о военнопленных от 27 июля 1929 года устанавливает определенные правила относительно судебного преследования и наказания военнопленных, включая исполнение смертного приговора. Например, в статье 66 говорится: "Смертный приговор может приводиться в исполнение только через три месяца после того, как держава, защищающая интересы военнопленных, будет оповещена о вынесении приговора".

"Статья 63. Военнопленный может быть предан только тем же судам в соответствии с той же процедурой, что и военнослужащие германских вооруженных сил".

Эти правила являются столь определенными, что было бы бесполезно пытаться прикрыть их нарушение какой-либо хитрой фразеологией при публикации обстоятельств того или иного дела. С другой стороны, министерство иностранных дел по этому поводу не может рекомендовать официального аннулирования Конвенции о военнопленных.

Решение в этой ситуации заключается в том, чтобы помешать летчикам, находящимся под подозрением, получить статус военнопленных, то есть немедленно после того, как

они будут схвачены, сообщить им, что они рассматриваются не как военнопленные, а как уголовные преступники, что они будут переданы не ведомствам, занимающимся вопросами военнопленных, а будут переданы властям, которые ведут расследование уголовных дел, и что дела их будут рассматриваться в порядке суммарного производства. Если в суде выяснится, что специальная процедура неприменима в данном случае, то соответствующие летчики могут впоследствии получить статус военнопленных путем перевода в лагерь для летчиков в Оберурзеле.

Конечно, даже такой порядок не исключает возможности того, что Германия будет обвиняться в нарушении существующих договоров, и даже того, что в отношении немецких военнопленных будут применены репрессии. Во всяком случае, это решение даст нам возможность следовать намеченному курсу и освободит нас от необходимости открыто денонсировать действующие соглашения или при публикации об обстоятельствах каждого отдельного случая давать объяснения, которым никто не будет верить».

Я далее не буду зачитывать, но я хотел бы обратить внимание Трибунала на первую фразу третьего раздела:

«Из вышеизложенного следует, что самосуд должен быть основной мерой. Если эта кампания будет проведена столь энергично, что цель "устрашение летчиков противника" будет достигнута, чего желает министерство иностранных дел, тогда обстрел гражданского населения летчиками противника должен будет представляться пропагандой в совершенно другом свете».

Я больше не буду говорить об этом документе, который ясно показывает точку зрения подсудимого. Я хочу обратить внимание Трибунала на следующий документ, в котором говорится в начале второго абзаца:

«29 июня Риттер сообщил нам по телефону, что министр иностранных дел утвердил этот проект».

Таково положение по вопросу об обращении с военнопленными летчиками. Я утверждаю, что хладнокровно и преднамеренно был применен порядок, который полностью противоречил международному праву.

Второй вопрос — истребление народов Европы. В отношении Польши я не буду вдаваться в детали, но хочу напомнить Трибуналу о показании свидетеля Лахузена, которое имеется на страницах 618—619 стенограммы от 30 ноября прошлого года и на страницах 713—716 от 1 декабря.

Затем идет вопрос о Богемии и Моравии. 16 марта 1939 года был принят декрет фюрера и рейхсканцлера, подписанный подсудимым Риббентропом, относительно протектората Богемия и Моравия. Этот документ, ТС-51, уже был представлен под номером ВБ-8. В силу этого закона импер-

ский протектор занял чрезвычайно высокое положение при фюрере.

Я хотел бы обратить внимание Трибунала на статью 5.

«...Имперский протектор в качестве представителя фюрера и рейхсканцлера и как уполномоченный имперского правительства обязан наблюдать за выполнением политических принципов, установленных фюрером и рейхсканцлером.

3. Назначение членов правительства протектората должно утверждаться имперским протектором. Он может взять свое утверждение обратно.

4. Имперский протектор должен знать обо всех мерах, принятых правительством протектората, и давать советы. Он может возражать против мер, которые могут нанести ущерб Германии, и, в случае опасности, издавать директивы, требуемые общими интересами.

5. В случае, если имперский протектор имеет какие-либо возражения, приостанавливается опубликование законов, декретов и других актов, проведение мероприятий административного порядка и исполнение приговоров».

В силу этого закона были назначены два имперских протектора Богемии и Моравии, а также их заместители. После этого были совершены различные преступления, о которых будут говорить подробно мои советские коллеги.

Что касается Нидерландов, то 18 мая 1940 года подсудимый фон Риббентроп подписал декрет фюрера относительно осуществления административных функций в Нидерландах. Это документ ПС-639, который я представляю под номером ВБ-154. В первом разделе говорится:

«Оккупированные голландские территории будут управляться имперским уполномоченным по оккупированным голландским территориям... Имперский уполномоченный охраняет интересы империи и обладает верховной гражданской властью.

Доктор Зейсс-Инкварт настоящим назначается имперским уполномоченным по оккупированным голландским территориям».

На основании этого декрета имперский уполномоченный подсудимый Зейсс-Инкварт издавал такие приказы, как, например, приказ от 4 июля 1940 года относительно конфискации собственности тех лиц, которые способствовали или могли способствовать деятельности, направленной против Германской империи, и были приняты временные меры относительно переселения голландского населения. Но этим вопросом более детально займутся мои французские коллеги. В настоящий момент я лишь представляю для ссылки на него общий приказ подсудимого Зейсс-Инкварта. Это документ ПС-2921, ВБ-155. Я не буду оглашать его, я

уже говорил о действии, произведенном этим приказом, а более подробно этим вопросом займутся мои французские коллеги.

Я хочу обратить внимание Трибунала на то, что по вопросу о Бельгии и Голландии подсудимого Риббентропа обвиняют в том, что он заложил основу и создал административную структуру, в рамках которой были совершены военные преступления и преступления против человечности...

Наконец, я перехожу к вопросу о преследовании евреев. В декабре 1938 года подсудимый Риббентроп в беседе с господином Боннэ, который в то время был министром иностранных дел Франции, высказал свою точку зрения по вопросу о евреях. Посол Соединенных Штатов господин Кеннеди сообщил об этом Государственному департаменту. Доклад господина Кеннеди является документом Л-205, ВБ-157. Если разрешите, я оглашу второй абзац:

«В течение дня нам позвонили из конторы Беранже в Париже. Нам сказали, что Боннэ во время переговоров с фон Риббентропом поднял вопрос о беженцах. Результат был очень плохой. Риббентроп, в ответ на настояния Боннэ, сказал ему, что евреи в Германии, все без исключения, являются ворами, бандитами и убийцами. Собственность, которую они имеют, была приобретена противозаконным путем. Поэтому германское правительство решило отождествлять их с преступными элементами населения. Незаконно приобретенная собственность будет у них отнята. Они будут вынуждены жить в районах, где проживают преступные элементы. Как и другие преступники, они будут находиться под полицейским надзором и должны будут являться в полицию как остальные преступники. Германское правительство ничего не может поделать, если некоторые из этих преступников совершат побег в другие страны, которые так хотят, чтобы они у них жили. Однако германское правительство не позволит им брать с собою имущество, добытое преступным путем. Таким образом, оно действительно ничего не может и не будет делать в этом направлении».

Это краткое изложение точки зрения подсудимого на евреев. Она более подробно развита в пространном документе, разосланном им через министерство иностранных дел. Документ ПС-3358, ВБ-158. Я не намереваюсь читать весь этот весьма мрачный документ. В нем очень ясно изложены взгляды подсудимого по вопросу обращения с евреями. Я попрошу Трибунал обратить внимание прежде всего на 3-ю страницу, где стоит заголовок: «Еврейский вопрос как фактор германской внешней политики в 1938 году». Далее, через четыре абзаца, говорится:

«Не случайно, что роковой 1938 год приблизил решение еврейского вопроса, одновременно с осуществлением

"идеи Великой Германии", так как политика, проводимая в отношении евреев, была в одно и то же время основой и следствием событий 1938 года».

Эта мысль развивается затем на 4-й странице во втором абзаце, первая фраза которого гласит:

«Конечная цель германской политики в отношении евреев заключается в эмиграции всех евреев, живущих на немецкой территории». Эта мысль очень пространно развивается на протяжении многих страниц, а в конце 7-й страницы говорится:

«Эти примеры из отчетов, полученных от властей за границей, могут быть дополнены. Они подтверждают правильность того предположения, что критика проводимых мер по удалению евреев из пределов германского жизненного пространства представляет собою временное явление, так как эти меры были неправильно поняты во многих странах из-за недостатка фактов. И как только население этих стран увидит воочию, какую опасность представляют для них евреи, маятник качнется в другую сторону. Чем беднее будет еврейский иммигрант и чем большей обузой он явится для принявшей его страны, тем энергичнее будет реагировать эта страна, тем желательнее будет эта реакция для германской пропаганды. Эти действия Германии направлены к будущему международному решению еврейского вопроса, продиктованному не ложным состраданием к "еврейскому меньшинству", а полным пониманием всеми народами опасности, которую оно представляет для расового состава нации».

Как Трибунал увидит, этот документ широко распространялся министерством, которым руководил подсудимый, и был разослан подчиненным ему органам и большому числу лиц перед началом войны 25 января 1939 года, то есть непосредственно после заявления, сделанного им господину Боннэ. Антисемитизм подсудимого, по-видимому, все больше развивался, потому что в июне 1944 года подсудимый Розенберг проводил подготовку к созыву международного антиеврейского конгресса, который должен был состояться 11 июля 1944 года в Кракове. Почетными членами должны были стать подсудимые Риббентроп, Гиммлер, Геббельс и, по-видимому, подсудимый Франк. Министерство иностранных дел должно было пригласить видных иностранцев из Италии, Франции, Венгрии, Голландии, Аравии, Ирака, Норвегии и т.д. для того, чтобы придать этому конгрессу международный характер. Однако военные события июня 1944 года побудили Гитлера отменить этот конгресс, так как ввиду высадки союзных войск в Нормандии он потерял свое значение. Эти факты изложены в документе ПС-1752, ВБ-159. В конце первой страницы Трибунал видит

перечень почетных участников конгресса, здесь значится: имперский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. Таким образом, нет сомнения в том, что этот подсудимый стоял за созданием программы против евреев, в результате которой они помещались в концлагеря вместе со всеми, кто был против нацистской системы, и мы утверждаем, что как министр иностранных дел, будучи тесно связан с верхушкой правительства, он должен был знать, что происходило повсюду в Германии и в концлагерях. Человек, который проповедовал идею нацизма и занимал такой значительный пост, не мог не знать о том, как эта политика проводилась. Таковы доказательства по третьему обвинению, и мы утверждаем, что представленные Трибуналу доказательства подтверждают все три перечисленные обвинения.

Что касается второго обвинения, то Гитлер сам сказал следующиее:

«В исторический 1938 год министр иностранных дел фон Риббентроп оказал мне большую помощь посредством своих правильных и смелых суждений и чрезвычайно умного подхода ко всем проблемам внешней политики».

В ходе агрессивной войны подсудимый поддерживал тесную связь с другими нацистскими заговорщиками. Он давал им советы, предоставлял в их распоряжение требовавшуюся информацию через немецкие посольства и миссии за границей и временами, как я уже сказал, участвовал в планировании военных преступлений и преступлений против человечности. Мы утверждаем, что все обвинения, содержащиеся в приложении «А» к обвинительному заключению, в отношении этого подсудимого полностью доказаны.

ДЖ.М. ГРИФФИТ-ДЖОНС (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности Гесса[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 февраля 1946 г.

Господа судьи, моей задачей является представить доказательства по первому и второму разделам обвинительного заключения по делу подсудимого Гесса.

Милорд, судебное досье, которое, я полагаю, находится сейчас перед Трибуналом, изложено в форме достаточно

[1] IMT. Vol. 7. P. 120—145.

полной записки о тех доказательствах, на которые я намереваюсь ссылаться, и Трибуналу будет целесообразно иметь его перед собой в течение заседания.

Разрешите мне сначала представить доказательства о постах, которые он занимал и которые перечислены в приложении «А» обвинительного заключения, и кратко остановиться на раннем периоде его жизни.

Подсудимый родился в 1894 году. Сейчас ему 52 года. В течение прошлой войны он служил в германской армии, а в 1919 году поступил в Мюнхенский университет. Там он стал руководителем нацистской организации этого университета, а в 1920 году — членом самой нацистской партии. Он был одним из первых членов СА и стал руководителем студенческих полицейских отрядов. В 1923 году он принимал участие в Мюнхенском путче и в результате этого был приговорен к 18 месяцам тюремного заключения. Половину этого времени он провел в тюрьме вместе с Гитлером. Я подчеркиваю это, поскольку именно в течение этих семи с половиной месяцев тюремного заключения вместе с Гитлером последний диктовал ему «Майн кампф»...

Теперь я перехожу к его назначениям.

С 1925 по 1932 год он был личным секретарем и адъютантом Гитлера, в 1932 году стал председателем Центрального политического комитета партии, заняв это место после Грегора Штрассера. В марте 1933 года, после того как нацистская партия пришла к власти, он стал членом рейхстага и в апреле того же года был назначен заместителем фюрера. Этот пост он занимал до отлета в Англию в мае 1941 года.

Доказательства этого полностью содержатся в двух документах, один документ — книга под названием «История НСДАП в датах», написанная Фольцом, которая уже была представлена под номером ПС-3132, США-592. Второй документ — «Дойчес фюрерлексикон», документ ПС-3191, США-593.

1 декабря 1933 года он стал имперским министром без портфеля — это еще один пост, который он занимал в течение всего времени, пока оставался в Германии. Об этом говорится в «Рейхсгезетцблатт» — документе ПС-3178, который я сейчас представляю в качестве доказательства за номером ВБ-248.

4 февраля 1938 года он стал членом тайного совета. Милорд, это документ ПС-1389, ВБ-249.

30 августа 1939 года он стал членом совета министров по обороне империи — документ ПС-2018, ВБ-250.

1 сентября 1939 года он был назначен преемником фюрера, после Геринга. Как вы помните, Геринг был «преем-

ником № 1». В это время Гесс имел звание обергруппенфюрера СС и СА.

Тем самым завершается формальное доказательство того, что подсудимый занимал посты, которые перечислены в обвинительном заключении. Сейчас я бы хотел сказать о власти, которой он пользовался, занимая эти посты. Трибунал вспомнит, что, назначив Гесса своим заместителем, фюрер приказал в декрете, которым он произвел это назначение:

«Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства».

Размах его деятельности в качестве заместителя фюрера можно представить по партийному ежегоднику за 1941 год, о котором вкратце скажу Трибуналу. Этот документ находится на 104-й странице книги документов. Это документ ПС-3163 и он уже был представлен как доказательство США-255. Цитирую из этого ежегодника:

«Декретом фюрера от 21 апреля 1933 года заместитель фюрера получает полную власть принимать решения от имени фюрера по всем вопросам, касающимся партийного руководства. Таким образом, заместитель фюрера является его представителем, облеченным полной властью над всем руководством национал-социалистской германской рабочей партии. Канцелярия заместителя фюрера, таким образом, является канцелярией самого фюрера. В сущности, в обязанность заместителя фюрера стало входить руководство основными политическими мероприятиями партийной работы, а также давать директивы и заботиться о том, чтобы вся работа партии проводилась согласно принципам национал-социализма. Все нити партийной работы сходятся в руках заместителя фюрера. Ему принадлежит окончательное слово партии по вопросам всех внутренних партийных планов и по всем жизненно важным вопросам существования германского народа. Заместитель фюрера издает директивы, которые требуются для всей партийной работы с тем, чтобы обеспечить единство, решительность и боевую мощь национал-социалистской германской рабочей партии в качестве носителя национал-социалистского мировоззрения.

В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает широкими полномочиями в области государственной деятельности.

Во-первых, этими полномочиями является участие в разработке государственного и земельного законодательства, включая подготовку декретов фюрера. Заместитель фюрера, таким образом, придает юридическую силу концепции партии как организации, стоящей на страже национал-социалистского мировоззрения.

Во-вторых, заместитель фюрера предлагает кандидатуры на посты руководителей официальных учреждений и Трудового фронта.

В-третьих, он обеспечивает влияние партии на автономные правительства провинций».

Я прошу Трибунал обратиться к странице 119 книги документов, где показана схема, изображающая организацию канцелярии заместителя фюрера. Это документ ПС-3201, ВБ-251. Я особенно обращаю внимание Трибунала на квадрат в центре, где обозначен офицер связи германских вооруженных сил, тем самым доказывая тесную связь заместителя фюрера с армией. Затем наверху правого столбца имеется надпись: «Начальник заграничной организации», о котором я через несколько минут буду говорить Трибуналу; «Уполномоченный по вопросам внешней политики», что показывает его причастность к внешней политике германского государства; «Уполномоченный по всем техническим и организационным вопросам»; «Уполномоченный по политике в отношении университетов», что показывает его интерес к системе образования в Германии. Ниже — «Управление по вопросам расовой политики», что показывает его связь с последующей антиеврейской политикой нацистского правительства, и внизу снова надпись: «Специалист по вопросам образования».

Один взгляд на эту схему показывает, что Гесс действительно имел отношение к каждой области нацистской жизни, а также к организации и управлению государством.

В законе об обеспечении единства партии и государства от 1 декабря 1933 года устанавливалось, что его задачей, в качестве имперского министра без портфеля, являлось гарантировать тесное рабочее сотрудничество партии и СА с государственной властью. Это документ ПС-1395, ВБ-252.

Он достиг широкой законодательной власти, как это уже явствует из выдержки, которую я зачитал из нацистского ежегодника за 1941 год. Я хотел бы обратить особое внимание Трибунала на декрет Гитлера от 27 июля. Выдержка, которую я намереваюсь зачитать, находится в судебном досье. Она уже оглашалась и поэтому я сейчас лишь обращу на нее внимание Трибунала. Это документ Д-138, США-403.

Следует вспомнить, что согласно закону о защите народа от 24 марта 1933 года Гитлер и его кабинет предоставили себе законодательные полномочия независимо от рейхстага, и этот подсудимый, будучи членом кабинета, несомненно разделял эти полномочия.

То, что он одобрил этот закон, можно видеть из речи, которую Гесс произнес 16 января 1937 года, краткий отры-

вок из которой находится в досье, представленном Трибуналу.

«Национал-социализм позаботился о том, чтобы обеспечение нашего народа предметами первой необходимости более не могло зависеть от какого-то рейхстага, а также становиться предметом споров между партиями. Вы видите, что в новой Германии решения исторического масштаба выносятся фюрером и его кабинетом в течение нескольких часов, причем такие решения, которым в других странах должны предшествовать парламентские дебаты в течение многих дней и недель».

Этот отрывок взят из документа ПС-2426, ВБ-253. То, что полномочия и посты не являлись синекурой, явствует из приказа самого Гесса, который он издал в октябре 1934 года. Я не буду оглашать его сейчас, так как он уже зачитывался. Это документ Д-139, США-406. Трибунал вспомнит, что Гесс издал декрет, в котором говорилось, что фюрер дал ему право участвовать в законодательном процессе. В соответствии с ним все учреждения, осуществляющие законотворчество, к которому он должен был иметь отношение, обязаны были передавать ему своевременно проекты законов для того, чтобы в случае своего несогласия с законопроектом он мог принять действенные меры.

Я полагаю, что отрывок, который я огласил из партийного ежегодника, в достаточной степени характеризует его полномочия, и мне нет необходимости ссылаться более чем на два других документа по этому вопросу. Из судебного досье, страница 5, явствует, что он получил полномочия и принимал участие в организации и производстве по четырехлетнему плану. Я цитирую из лекции подсудимого Фрика, прочитанной 7 марта 1940 года, документ ПС-2608, который уже был представлен как доказательство под номером США-714. Но короткий отрывок, который я сейчас цитирую, фактически не зачитывался. В этой лекции Фрик говорил:

«Для того чтобы обеспечить согласованность между различными экономическими учреждениями, работающими по четырехлетнему плану, эти учреждения были объединены в общем совете под председательством Геринга. Его членами являются статс-секретари учреждений, работающих в области военной экономики, начальник управления военной экономики и представитель заместителя фюрера».

И, наконец, цитата из «Националь Цайтунг» от 27 апреля 1941 года. Это документ М-102, ВБ-254. Он находится на 4-й странице судебного досье. Я цитирую отрывки из досье в целях экономии времени, чтобы не заставлять Трибунал обращаться к книге документов. Этот документ находится на 12-й странице книги документов, если Трибунал захочет ознакомиться со всем отрывком полностью.

«Еще давно — это было еще до начала войны — Рудольфа Гесса однажды назвали "совестью партии". Если мы зададим себе вопрос, почему заместителю фюрера дали такую, несомненно, почетную характеристику, то мы легко узнаем причину этого. Нет такого явления в нашей общественной жизни, которое бы не касалось заместителя фюрера. Его работа и обязанности так многосторонни и разнообразны, что их невозможно определить в нескольких словах. В связи с характером тех обязанностей, которые возложены на заместителя фюрера, широкая общественность мало слышит о деятельности Рудольфа Гесса. Немногие знают о том, как много мер, принятых правительством, особенно в области военной экономики и по линии партии, и встречаемых единодушным одобрением после их обнародования, исходят от непосредственной инициативы заместителя фюрера».

Возможно, что мне следует сейчас напомнить Трибуналу о декрете о создании тайного совета, который был назначен Гитлером для того, чтобы консультировать его по вопросам внешней политики. В приложении к этой книге документов Трибунал найдет несколько фотографий. Они не имеют большого значения и помещены сюда для того, чтобы напомнить Трибуналу о фильме, который был показан на более ранней стадии процесса. Трибунал вспомнит, что подсудимый Гесс появлялся почти в каждой сцене этого фильма — «Приход нацистской партии к власти». Эти фотографии не являются фактическими кадрами из фильма; это другие фотографии, до некоторой степени аналогичные тем, и я представляю к ним письменное показание под присягой, гласящее о том, что эти фотографии были сняты личным фотографом Гитлера. Это письменное показание под присягой, документ ВБ-255.

Таким образом, мы представили доказательства по вопросу о постах и полномочиях Гесса и, возможно, мне разрешат сделать краткое замечание в этой связи. Я делаю его в отношении подсудимого Гесса, хотя это замечание может быть сделано в отношении каждого из подсудимых.

Обвинение представило дела отдельных подсудимых в форме сборников документов, которые непосредственно касаются этих подсудимых и связывают их с определенными эпизодами их участия в различных преступлениях, которые были совершены Германией. Милорд, я считаю, что для того, чтобы обосновать и довести до конца осуждение этого человека и его коллег, достаточно лишь представить доказательства о тех постах, которые они занимали в нацистском государстве и по контролю над этим государством, а также общие доказательства их преступлений. Пожалуй, только сейчас, на этой поздней стадии процесса, когда день за днем становится все яснее масштаб этих преступлений, мы

осознаем, что эти преступления не могли совершаться сами по себе. Преступления подобного размаха должны быть организованы, согласованы и осуществлены под соответствующим руководством. Если правительство нацистской Германии или правительство любой другой страны не является руководящей и координирующей организацией, то кто же является таковой? Если члены германского общества, которые совершали эти преступления, не являются ответственными за них, тогда, я полагаю, возникает справедливый вопрос, кто же является ответственным?

Милорд, не может быть сомнения в том, что эти люди знали, что делалось. Таким образом, по мере того как раскрывается вся картина совершенных преступлений, я полагаю, что каждый человек в Германии должен был знать о том, что происходило, и если каждый знал, тогда, я полагаю, эти люди, несомненно, должны были знать обо всем, что происходило, и я настаиваю перед Трибуналом на том факте, что осуждение этих людей не должно основываться только на случайности, заключающейся в большем или меньшем количестве захваченных документов, с их подписью. Могло бы случиться и так, что никакие документы не были бы захвачены. Но обвинение полагает, что эти люди, без тени сомнения, могли бы одинаково полно и справедливо быть признаны виновными в их роли и заговоре уже на основании доказательств о постах, которые они занимали, и доказательств о размахе и масштабе тех преступлений, которые были совершены подвластным им народом.

Милорд, таково мое мнение и я, пожалуй, сейчас коротко остановлюсь на многочисленных менее значительных вопросах, которые непосредственно связывают Гесса почти с каждым видом преступлений нацистской Германии и с ее жизнью.

Я обращаюсь к 6-й странице досье...

Милорд, следовало ожидать, что, занимая свои посты, Гесс играл руководящую роль в захвате власти нацистской партией и в укреплении контроля над государством. Законом от 1 августа 1934 года посты имперского президента и имперского канцлера были объединены под властью Гитлера. Гитлер занял оба эти поста. Этот декрет вместе с другими подписан также Гессом. Гесс также подписал декрет от 20 декабря 1934 года, декрет, который назывался «Законы о подрывных действиях против государства и партии». Согласно статье 1 этого декрета, на каждого, делающего ложные заявления, приносящие ущерб престижу правительства, партии или ее организациям, налагались наказания, а согласно статье 2 налагались наказания за высказывания, проявляющие враждебное отношение к партии или к ее руководителям. Этот декрет был подписан Гессом, и именно

Гесс должен был издать необходимые постановления для проведения этого декрета в жизнь.

Он играл руководящую роль в получении контроля над назначением на правительственные посты. Я приведу по всем этим вопросам лишь несколько примеров. Если цитировать все декреты, которые подписал подсудимый, и освещать все действия, которые он предпринял, пришлось бы написать историю нацистской партии от 1920 до 1941 года и историю Германии с 1933 до 1941 года. Из 7-й страницы судебных выдержек явствует, что за подписью Гесса имеются самые различные декреты. Декрет от 24 сентября 1935 года предусматривал консультацию с Гессом при назначении имперских гражданских служащих; декрет от 3 апреля 1936 года предусматривал участие Гесса в назначении чиновников управления по вопросам труда. Я снова ссылаюсь также на декрет от 10 июля 1937 года, который предусматривал консультацию с Гессом при назначении гражданских служащих менее высокого ранга.

В отношении контроля нацистской партии над германской молодежью опять-таки имеются различные декреты, подписанные этим подсудимым. Из судебных выдержек — я обращаю особое внимание на книгу, которая была уже представлена, — книга Фольца о знаменательных датах нацистской партии — явствует, что Гесс назначил партийную университетскую комиссию, которая находилась под его контролем. Трибунал вспомнит, что мы уже узнали из схемы его аппарата, что ему был подведомствен отдел, занимавшийся университетами и преподавателями. Я цитирую тот же документ: «Декретом от 18 июля 1934 года нацистская лига германских студентов была непосредственно подчинена заместителю фюрера».

Подсудимый, как Трибунал уже слышал, был сам обергруппенфюрером СС и СА. То, что он был связан с этими организациями, явствует из трех документов. Среди документов, найденных в архивах Круппа, имеется циркуляр, посланный Гессом, очевидно, различным промышленным предприятиям, в котором он просит о сборе денежных средств по подписке для оказания помощи «фонду Адольфа Гитлера». Это документ Д-151, ВБ-256. Соответствующая выдержка помещена для удобства в досье:

«"Фонд Адольфа Гитлера" основан по договоренности между имперским руководством нацистской партии и видными представителями германской промышленности».

Затем излагается цель фонда: «Предоставить в распоряжение имперского руководства средства, которые требуются для адекватного решения задач, которые выпали на долю СА, СС, гитлерюгенд и других политических организаций». Им же подписан декрет и от 9 июня 1934 года. Для

удобства Трибунала мне, пожалуй, следовало сказать, что последний документ, который я упомянул, можно найти на 5-й странице книги документов. 9 июня 1934 года он подписал декрет, согласно которому была создана служба безопасности рейхсфюрера СС как единственная организация службы политической информации и защиты партии. 14 декабря 1938 года он издал декрет, по которому СД, учрежденное Гиммлером, отделилось от учреждений партии и по этому декрету подчинялось в организационном смысле СС. Оба декрета подписаны Гессом. Они находятся в одном документе — ПС-3385, ВБ-257, и помещены на странице 172 книги документов Трибунала.

Милорд, уже было представлено много доказательств о ниспровержении церквей, об уничтожении партий, враждебных нацистской партии. Гесс принял участие в законотворчестве и по этим вопросам, и в досье на страницах 8 и 9 помещен ряд декретов, которые были предъявлены Трибуналу при рассмотрении дела Бормана.

Следует вспомнить о том, что Борман в то время и позднее, до самого отлета Гесса в Англию, был заместителем Гесса. Поэтому я утверждаю, что за те декреты, которые издавал Борман, будучи заместителем заместителя фюрера, несомненно, несет ответственность также и этот подсудимый.

Из соображений экономии времени я не буду останавливаться на этом вопросе, поскольку у Трибунала имеются ссылки на декреты и члены Трибунала помнят те доказательства, которые уже были представлены по делу подсудимого Бормана.

Я перехожу к участию Гесса в преследовании евреев. Снова следует вспомнить о том, что в схеме его организации был показан один из его отделов, который являлся отделом по вопросам расовой политики. Выражение его собственных взглядов на расовый вопрос можно найти в речи, произнесенной им 16 января 1937 года, которая помещена в сборнике его речей, являющемся документом ПС-3124, ВБ-253. Выдержка, которую я намереваюсь огласить, имеется в досье. Этот документ находится на странице 98 книги документов.

«Организации национал-социалистской партии будут использованы в целях просвещения народа по вопросам расы и народного здравоохранения. Как у нас на родине, так и в иностранных государствах немцы должны находиться под влиянием организаций национал-социалистской партии, проникаясь духом национал-социализма. Немцы должны быть воспитаны таким образом, чтобы снова гордиться тем, что они немцы, чтобы держаться всем вместе и уважать друг друга. Они должны быть воспитаны так, чтобы ставить не-

мцев выше любого иностранца, независимо от его подданства или происхождения».

Именно Гесс подписал закон о защите крови и чести — один из Нюрнбергских законов от 15 сентября 1935 года. Это документ ПС-3179, США-200. Следует вспомнить, что согласно этому же декрету и согласно закону об имперском гражданстве, изданному в тот же день, заместитель фюрера должен был издать необходимые декреты и постановления в дополнение к этим законам и в целях проведения их в жизнь — так называемые Нюрнбергские законы.

14 ноября 1935 года Гесс издал указ, согласно закону об имперском гражданстве, по которому евреи лишились избирательных прав и права занимать государственные посты. Это документ ПС-1417, ВБ-258.

В силу декрета, изданного позднее, 20 мая 1938 года, эти законы распространились на Австрию, и этот декрет о расширении сферы действия закона был также подписан подсудимым. Это документ ПС-2124, ВБ-259.

Как я уже сказал, это лишь несколько примеров издававшихся этим человеком декретов и его деятельности, направленной на осуществление захвата и укрепление власти нацистской партии. У меня имеется документ, который я сейчас вручу Трибуналу и который Трибунал, возможно, сможет добавить к книге документов. Имеется также экземпляр на французском языке для уважаемого французского судьи. В этом и в других документальных доказательствах имеются примеры, о которых я сейчас не упоминал, но которые уже были предъявлены Трибуналу при представлении доказательств по делу Бормана. За такие декреты, как я уже сказал, данный подсудимый должен нести ответственность.

Как вы увидите, под различными заголовками здесь помещен ряд документов, причем имеется один или два экземпляра на немецком языке, а остальные на английском: «Связь с СД и гестапо», «Уничтожение церквей» и «Преследование евреев».

Я буду говорить сейчас о той роли, которую подсудимый играл в планировании и подготовке агрессивной войны. Уже в 1932 году он занимался вопросами перевооружения и реорганизации военно-воздушных сил. Трибунал вспомнит документ ПС-1143, США-140, датированный 20 октября 1932 года, из которого явствует, что начальником штаба Розенберга Гессу был послан отчет о подготовке материальной части и обучении персонала военно-воздушных сил, которая производилась в целях перевооружения военно-воздушных сил. Этот документ, для сведения Трибунала, находится на странице 43 книги документов.

Это было в 1932 году. В течение ряда лет мы можем проследить его причастность к перевооружению германских военно-воздушных сил. 16 марта 1935 года Гесс подписал декрет о введении обязательной воинской повинности. В речи, произнесенной 11 октября 1936 года, он подхватил лозунг Геринга — «Пушки вместо масла», сказав:

«Мы готовы в будущем, если будет необходимо, иногда есть немного меньше жиров, немного меньше свинины, немного меньше яиц, поскольку мы знаем, что эта маленькая жертва является жертвой, принесенной на алтарь свободы нашего народа. Мы знаем, что, сэкономив таким образом на импорте, мы ускорим производство вооружения».

И сегодня все еще очень злободневно звучит фраза: «Пушки вместо масла». Это документ М-104, ВБ-260, и он находится на странице 14 книги документов Трибунала.

В мае 1941 года Гесс произнес речь на заводе Мессершмидта. Трибунал уже видел фотографию, снятую по этому случаю. Это одна из тех четырех фотографий, которые мы просмотрели несколько минут тому назад. В этой речи Гесс сказал:

«Германский солдат должен понимать, что за совершенство и обилие его оружия и материальной части он должен быть благодарен Адольфу Гитлеру, в течение многих лет неустанно посвящавшему этому свои усилия». Отчет об этой речи появился в «Фолькишер Беобахтер» 2 мая 1941 года. Это документ М-105, ВБ-261. Он помещен на 15-й странице книги документов Трибунала.

Одним из наиболее важных видов участия подсудимого в подготовке агрессивной войны явилась организация им знаменитой германской пятой колонны. В качестве заместителя фюрера он был ответственным за заграничную организацию нацистской партии. История этой организации, кратко изложенная, имеется в американском официальном издании — документ ПС-3258, ВБ-262. Он помещен на 147-й странице книги документов.

Я упомяну сейчас только о двух вопросах. В октябре 1933 года эта организация была поставлена под непосредственный контроль Гесса, а годом позже сам Гесс дал ей укрепившееся за ней название — «Заграничное ведомство».

Для удобства работы Трибунала имеется схема организационного строения партии, которая помещена в книге за 1938 год. Это документ ПС-2354, США-430, который находится на 69-й странице книги документов Трибунала. Я считаю, что нет необходимости сейчас подробно знакомиться с этой схемой. В этой организации были объединены различные отделы: гражданской службы, культуры, прессы и пропаганды, трудового фронта, внешней торговли, различные отделы, связанные с германским флотом, что

4 Заказ 1429

предоставляло, конечно, отличные возможности для распространения нацистской пропаганды во все порты мира.

Трибунал уже много слышал о подобной же организации, руководимой Розенбергом, — иностранном отделе партии. Мне кажется, что различие между двумя организациями можно определить в нескольких словах. Оно заключается в том, что иностранный отдел партии занимался вербовкой лиц не немецкого происхождения и пропагандой среди них, в то время как заграничное ведомство занималось работой среди немцев, живущих за границей, которые, конечно, должны были создать базу для деятельности пятой колонны в последующие годы. Члены Трибунала увидят, что под заголовком «Масштаб работы ведомства» имеются два документа. Мне кажется, что сейчас достаточно сослаться на первый из них — ПС-3401, ВБ-263, который члены Трибунала найдут на 173-й странице книги документов.

Эта статья начинается словами:

«Национал-социализм является идеологией, которая должна стать достоянием наших братьев-немцев и сплотить их для того, чтобы они твердо придерживались германского национального характера и германских обычаев».

И дальше говорится о том, что орудием практического применения этой политики и принципов является заграничная организация нацистской партии, которая подчинена непосредственно заместителю фюрера — Гессу. Я цитирую только последние три строчки этого абзаца:

«Деятельность заграничного ведомства охватила буквально всю землю и следующий лозунг мог бы вполне справедливо быть вывешен в его помещении в Гамбурге: "Поле моей деятельности — весь мир". Эта организация, под руководством гаулейтера Боле, которому помогает большой штат экспертов и квалифицированных сотрудников, сейчас включает более 350 земляческих групп и центров нацистской партии во всех частях света и в дополнение к этому также связана с большим числом отдельных членов партии в самых различных местах».

Милорд, ради экономии времени я не буду ссылаться на остальные документы, касающиеся деятельности и масштабов работы этой организации. Материал по этому вопросу можно найти в документе ПС-3258, ВБ-262, на 150-й странице книги документов. Кроме того, имеется отрывок из основного Британского справочника о Германии, который является дополнением к книге документов. Я думаю, он фактически не включен в досье. Это доказательство М-122, ВБ-264.

Две другие организации, которые подчинялись заграничной организации, назывались: «Объединение немцев,

живущих за границей» — ФДА и «Союз немцев востока» — БДО.

Я прошу членов Трибунала обратиться к документу, который они найдут на странице 38-й книги документов. Это документ ПС-837, ВБ-265, письмо. На следующей странице вы увидите, что оно подписано Гессом и датировано 3 февраля 1939 года. Циркулярный приказ: «Не подлежит оглашению». Тема: «Объединение немцев, живущих за границей» и «Союз немцев востока». Я цитирую первый абзац: «Руководитель ведомства по вопросам, касающимся немцев, проживающих за пределами империи, группенфюрер СС Лоренц». Это агентство — «Фольксдойче Миттельштелле» — было еще одной аналогичной заграничной организацией, руководимой Гиммлером и СС. Все эти господа, по-видимому, имели свои собственные заграничные организации. Без сомнения, все они преследовали одни и те же цели. Организация Гиммлера называлась «Фольксдойче Миттельштелле». Цитирую снова: «Руководитель этого ведомства от моего имени разработал следующее новое руководство по вопросам, связанным с проблемой расы и с работой в пограничных областях. "Объединение немцев, живущих за границей" — ФДА, представляет собой ассоциацию, проводящую работу среди лиц германской национальности за границей».

Я перехожу к последним двум строчкам этого абзаца: «ФДА разделена на федеральные ассоциации, территориально соответствующие областным делениям НСДАП». И затем две первые строки следующего абзаца:

«"Союз немцев востока" — БДО — представляет собой объединение, ответственное за работу в пограничных областях».

Я обращаюсь к следующей странице этого письма:

«ФДА является единственной организацией, отвечающей за работу по расовой линии за границей. Настоящим я запрещаю партии, ее организациям и ее дочерним ассоциациям проводить какую-либо работу по расовой линии за границей. Единственным компетентным органом для выполнения этой задачи является агентство по вопросам, касающимся немцев вне империи, и ФДА в качестве его замаскированного механизма. Внутри самой империи ФДА, в общем, является ответственной лишь за обеспечение средств, необходимых для работы по расовой линии за границей. Партийные организации должны всемерно поддерживать ФДА. Однако следует избегать любого внешнего проявления связи партии с ней».

Дальше рассматривается деятельность БДО и в последнем абзаце говорится:

«Партийные учреждения должны всемерно поддерживать деятельность ФДА и БДО. Национал-социалистские ру-

ководители обеих ассоциаций со своей стороны должны обеспечивать энергичное сотрудничество во всех задачах, возложенных на них нацистской партией. Характер этих задач определяется соображениями внешней политики, и ассоциации должны иметь это в виду, выступая публично».

Я перехожу сейчас к рассмотрению вопроса о деятельности заграничного ведомства, которое явилось, как я сказал, основой для образования пятой колонны в начале войны. Я рассматриваю участие Гесса в предварительной оккупации Австрии и Чехословакии, которая вела к агрессивным войнам.

Гесс принимал участие в подготовке к оккупации Австрии с самого начала. Осенью 1934 года он назначил Рейнтгаллера руководителем австрийских крестьян в нацистской партии в Австрии, после провала путча в июне 1934 года. Это доказательство уже было представлено как документ ПС-812, США-61, и соответствующий отрывок помещен на 504-й странице стенограммы.

Другой документ, который уже был представлен как доказательство ПС-3254, США-704, — заявление Зейсс-Инкварта от 10 декабря 1935 года, где он упоминает о встрече с Герингом и Гессом в 1936 году.

12 марта 1938 года, когда германские войска фактически вошли в Австрию, Гесс и Гиммлер были первыми германскими правительственными лидерами, которые появились в Вене к полудню этого дня. Именно Гесс на следующий день подписал закон от 13 марта о присоединении Австрии к Германии. И Трибунал, без сомнения, вспомнит то событие, которое было подробно описано господином Олдерманом. Я имею в виду скандальное торжество по поводу годовщины убийства Дольфуса, торжество, которое состоялось 24 июля 1938 года, кульминационным моментом которого была речь Гесса.

Я прошу Трибунал обратиться к документу, который находится на 165-й странице книги документов, который проливает, по его собственным словам, некоторый свет на деятельность Гесса в связи с Австрией и Чехословакией. Это речь, произнесенная им 28 августа 1938 года на ежегодном собрании заграничного ведомства. Это документ ПС-3258, ВБ-262. Я процитирую последний абзац на странице 165 книги документов.

«Заканчивая свое выступление, Рудольф Гесс вспомнил дни прошлого года в Штутгарте, когда немецкие мужчины и женщины, юноши и девушки в национальных костюмах появились там, охваченные энтузиазмом при мысли об идеалах Великой Германии, до глубины души взволнованные национал-социализмом, но тем не менее формально оставаясь немцами, имеющими иностранное подданство».

Гесс продолжал:

«Сегодня они снова открыто стоят в наших рядах. Счастливые и гордые они пройдут в рядах национал-социалистского движения мимо своего фюрера в Нюрнберге. И на этот раз они будут германскими гражданами. Сердца наши наполняются радостью, когда мы видим их. Они выдержали продолжительную и жестокую битву, битву против предательского и лживого врага»... и так далее.

На следующей странице и далее он обсуждает вопрос о борьбе судетских немцев:

«Германский народ смотрит на своих собратьев по расе в Чехословакии с глубоким сочувствием к их страданиям. Никто из тех, кто любит свой собственный народ и гордится им, не упрекнет нас, если отсюда мы обращаем наши мысли к судетским немцам, если мы скажем им, что, проникнувшись восхищением, мы видим, как они поддерживают железную дисциплину, несмотря на ужаснейшие интриги, несмотря на террор и убийства. Если бы для этого были нужны какие-либо доказательства».

Я не думаю, пожалуй, что есть необходимость зачитывать далее этот документ, но он показывает, как я уже сказал, его интерес к Чехословакии. А документом ПС-3061, США-126, было доказано, что в течение лета 1938 года, а эта речь была произнесена в августе 1938 года, в течение всего этого лета периодически велись переговоры между Генлейном и Гитлером, Гессом и Риббентропом, что давало информацию имперскому правительству об общем положении в Чехословакии. Этот документ зачитывался и он вошел в протокол суда. Но что полностью обвиняет Гесса в участии в этом действии, так это, без сомнения, письмо от 27 сентября 1938 года, которое Трибунал уже знает. Оно было написано Кейтелем Гессу и содержало просьбу о том, чтобы партия приняла участие в секретной мобилизации, которая должна была произойти даже без объявления для этого кодового слова. Это письмо было написано 27 сентября 1938 года. Это документ ПС-388, США-26, страница 30 в книге документов Трибунала.

Я хочу обратить внимание Трибунала на один короткий документ, который находится на 120-й странице книги документов. Это еще одна речь подсудимого, произнесенная 7 ноября 1938 года по случаю включения партии судетских немцев в состав нацистской партии Германии.

«Если бы мы должны были защищать свои права, то всем пришлось бы узнать нас, немцев, национал-социалистов. Фюрер познал этот урок. Он вооружился со скоростью, которую никто не считал возможной. Когда фюрер достиг власти и, в особенности, с тех пор, как фюрер пробудил решимость германского народа употребить силу для

того, чтобы защищать свои права, тогда создалась возможность для того, чтобы права Германии были признаны».

Можно удивиться, о каких правах могла идти речь в то время, в ноябре 1938 года, после того, как Гитлер уже сказал 26 сентября, что у него больше нет территориальных притязаний, по крайней мере, в Европе.

Я обращаюсь к доказательствам об участии Гесса в ведении агрессивной войны против Польши. На странице 16-й книги документов помещен отчет о речи, произнесенной им 28 августа 1939 года, которая показывает, что он тогда, по крайней мере, принимал участие в официальной пропаганде, которая активно проводилась в те дни для мирового общественного мнения за два дня до того, как была объявлена война.

Я цитирую второй абзац:

«Рудольф Гесс, постоянно прерываемый бурными аплодисментами как германских граждан, проживающих за границей, так и соотечественников из района Штирия, подчеркнуто говорил о беспримерном терпении, проявленном немцами по отношению к Польше, которое выразилось в великодушном предложении фюрера, обеспечивавшем мир между Германией и Польшей. Об этом предложении господин Чемберлен, по-видимому, забыл, поскольку он говорит, что он ничего не слышал о том, чтобы Германия пыталась разрешить некоторые острые современные проблемы путем мирных переговоров. Чем же могло было быть подобное германское предложение, как не попыткой таких переговоров».

Затем он продолжает, обвиняя Польшу в ведении агитации за войну, в отсутствии у Польши ответственности. Документ уже был представлен в качестве доказательства М-107, ВБ-266.

После нападения на Польшу Гесс подписал декрет, по которому Данциг вошел в германскую империю. Это декрет от 1 сентября 1939 года. Далее, декрет от 8 октября 1939 года о присоединении польских территорий к империи, а 12 октября 1939 года им был подписан декрет о польской территории, согласно которому должны были быть изданы дальнейшие постановления о планировании германского жизненного пространства и об экономическом пространстве. Все эти декреты имеются в «Рейхсгезетцблатт». Я сожалею, что упомянутые мной последние два декрета, по существу, не включены в книгу документов Трибунала, но выводы о последствиях, которые они имели, изложены в досье.

Это все, что я предполагаю предъявить в связи с Польшей, касательно организации им пятой колонны. Из этого должно быть ясно, что мое утверждение заключается в том, что подсудимый был глубоко причастен как к планированию, так и к подготовке агрессивной войны.

Перехожу к примерам его участия в военных преступлениях и в преступлениях против человечности. Я сошлюсь только на два документа. Один из них находится на странице 18 досье. Это документ ПС-3245, ВБ-267. Это приказ, изданный Гессом через партийную канцелярию, в котором он требует поддержки партии для набора в войска СС. Я процитирую один абзац, который находится в досье.

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, более подходящи, чем другие вооруженные соединения для выполнения особых задач, которые следует решать на оккупированных восточных территориях, благодаря усиленной национал-социалистской подготовке этих войск в отношении расовых и национальных вопросов».

Но среди того, что натворили и что еще намеревались натворить на оккупированных восточных территориях войска СС, я знаю, что мы не забыли ту роль, которую они играли в разгроме варшавского гетто. Я полагаю, что вывод, который можно сделать из этого письма, разоблачает их полностью.

Имеется еще один документ, Р-96, ВБ-268, который находится на странице 175 книги документов. Это письмо, написанное имперским министром юстиции начальнику имперской канцелярии 17 апреля 1941 года. В нем рассматриваются проекты уголовных законов в отношении евреев и поляков на оккупированных восточных территориях. Оно совершенно ясно показывает, что Гесс участвовал в обсуждении этого вопроса, поскольку там имеются ссылки на целый ряд предложений, сделанных им самим. Милорд, я хотел бы обратить внимание Трибунала на один или два отрывка. Я процитирую это письмо с начала страницы 175:

«С самого начала мое мнение было таково, что особые условия, превалирующие на присоединенных восточных территориях, требуют особых мер по линии уголовного законодательства и уголовного судопроизводства в отношении поляков и евреев».

Я перейду ко второму абзацу и зачитаю первые две строчки:

«Цель создания специального закона для поляков и евреев, проживающих на восточных территориях, достигалась в соответствии с планом путем введения указа от 6 июня 1940 года. По этому указу германское уголовное право, которое уже применялось с самого начала на восточных территориях, было официально утверждено как действующее на этих территориях».

Пропускаю три строчки:

«Процедура, предусматривавшая обязательное предъявление обвинения, была упразднена, поскольку считалось совершенно нетерпимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского государственного

обвинителя предъявлять им обвинение. Поляки и евреи были также лишены права возбуждать судебное преследование от своего имени или участвовать в деле на стороне государственного обвинения. В дополнение к этому специальному закону в области судопроизводства несколько особых положений было включено во 2-ю статью введенного указа. Эти положения были установлены с согласия имперского министра внутренних дел на основе вызвавшей их необходимости. С самого начала существовало намерение, в случае необходимости, число этих особых положений увеличить. Когда эта необходимость стала через некоторое время явью, был издан приказ, который был добавлен к первоначальному указу и на который имелась ссылка в письме от заместителя фюрера».

Перехожу к следующей странице. Читаю:

«Позже мне сообщили об особом желании фюрера. В принципе, к полякам и, я полагаю, также к евреям следует в области уголовного законодательства подходить иным образом, чем к немцам. После предварительного обсуждения... я подготовил прилагаемый проект касательно уголовного права и процесса в отношении поляков и евреев».

Перехожу к следующему абзацу:

«Проект представляет собой законодательство особого типа как в области уголовного права, так и в области уголовного процесса. Предложения заместителя фюрера были при этом приняты во внимание в очень большой степени.

Статья 1, часть 3 содержит в себе общую формулу преступления, на основании которой любой поляк или еврей на восточной территории может в будущем быть подвергнут судебному преследованию и любому наказанию за какое-либо высказывание или действие, которое считается наказуемым и которое направлено против немцев».

Перехожу к следующему абзацу: «В соответствии с мнением заместителя фюрера я исходил из той точки зрения, что поляков в меньшей степени следует подвергать обычному тюремному заключению». И несколькими строками ниже: «Согласно этим новым видам наказания заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть привлечены к тяжелому и тяжелейшему труду».

Перехожу к следующей странице:

«Введение телесного наказания, которое заместитель фюрера вынес на обсуждение, не было включено в проект. Я не могу согласиться с этим видом наказания, потому что применение его, по моему мнению, не соответствует культурному уровню германского народа».

Милорд, я сказал, что целью представления этого документа было доказать, что заместителю фюрера было хорошо известно то, что происходило на оккупированных восточных территориях, и более того, он высказывался за еще

более жестокие меры, чем те, с которыми был готов согласиться имперский министр юстиции.

Я перехожу теперь к представлению имеющихся доказательств касательно полета подсудимого Гесса в Англию 10 мая 1941 года.

В тот вечер он приземлился в Шотландии, совсем близко, в 12 милях от резиденции герцога Гамильтона, и немедленно попросил, чтобы его доставили к герцогу Гамильтону, которого он хотел видеть. Он назвался чужим именем и был арестован. На следующий день, 11 мая, он имел беседу с герцогом Гамильтоном, отчет о которой изложен в приложении к книге документов. Я прошу Трибунал обратиться сейчас к этому небольшому приложению к книге документов...

Первый — документ М-116, который я представляю как доказательство под номером ВБ-269. Это отчет о беседе Гесса с герцогом Гамильтоном 11 мая 1941 года. Я могу изложить вкратце большую часть этого отчета, сказав, что он представился как Гесс. Он заявил, что познакомился с герцогом Гамильтоном на Олимпийских играх в 1936 году и что его старый друг Гаусгофер, который учил его в Мюнхенском университете после прошлой войны, предложил, чтобы он, Гесс, установил контакт с герцогом Гамильтоном.

Он сказал, что для осуществления этого он пытался вылететь три раза: в первый раз в декабре предыдущего, 1940 года. Причины его посещения, так как он их изложил тогда, можно найти на второй странице этого документа. Я начну цитировать с конца четвертой строки.

Простите. Пожалуй, мне действительно следовало сказать раньше, что он заявил, еще раньше во время беседы, что Германия желает заключить мир с Англией, что Германия уверена в победе в войне и что он сам стремился остановить ненужную бойню, которая, в противном случае, неизбежно имела бы место. Итак, цитирую:

«Он спросил меня, смогу ли я собрать руководящих лиц моей партии для того, чтобы переговорить по разным вопросам, связанным с мирными предложениями. Я ответил, что в этой стране имеется в настоящее время только одна партия. Тогда он сказал, что он мог бы сообщить, на каких условиях Гитлер согласился бы заключить мир.

Во-первых, он настаивал бы на таких условиях, согласно которым наши две страны никогда бы больше не воевали. Я спросил его, на каких же условиях может состояться подобное соглашение. И он ответил, что одним из условий будет, конечно, отказ Великобритании от ее традиционной политики всегда противостоять сильнейшей державе в Европе».

Я полагаю, что нет никакой необходимости зачитывать далее этот документ, поскольку в последующих беседах, состоявшихся 13, 14 и 15 мая, с господином Киркпатриком

из министерства иностранных дел он более подробно освещал те же предложения.

Я обращаюсь к документу М-117, ВБ-270, который представляет собой другой официальный отчет о беседе с господином Киркпатриком 13 мая. Я также могу вкратце изложить его содержание.

«Он начал с разъяснения ряда последовательных обстоятельств, которые привели его к настоящему положению, охватив всю историю Европы с конца прошлой войны до настоящего времени. Он говорил о событиях в Австрии, Чехословакии, Польше, Норвегии, заявляя каждый раз, что Германия во всех этих случаях была права и что Германия должна была вмешиваться в события только по вине Англии и Франции. В развязывании войны он целиком обвинял Англию».

Здесь я процитирую одну строчку, представляющую интерес, затрагивающую Мюнхен. Итак, он заявил:

«Чехословацкий кризис был вызван решимостью Франции, выраженной французским министерством военно-воздушных сил, сделать Чехословакию воздушной базой против Германии. Долгом Гитлера было не допустить осуществления этого заговора. Вмешательство господина Чемберлена и конференция в Мюнхене были источниками большого облегчения для Гитлера».

Следует вспомнить, что на этом процессе цитировались слова Гитлера, когда он высказывался о том, что он, конечно, никогда не имел намерения вообще придерживаться этого соглашения, что этого никогда не будет.

Я продолжаю рассматривать этот документ.

«Затем он сказал о том, что Германия должна выиграть войну. Он заявил, что бомбардировки Англии только начались, причем с большой неохотой».

Далее, наверху второй страницы, что «производство подводных лодок в Германии было огромно, на оккупированных территориях у Германии имеются огромные ресурсы сырья, что вера в Гитлера и в окончательную победу нерушима и что не имеется никакой надежды на то, что германский народ затеет какую-либо революцию».

Он излагает дальше причины, вызвавшие его прибытие на самолете, опять-таки речь идет о его личных причинах, связанных с его ужасом перед перспективой продолжительной войны.

«Англия не может выиграть войну и поэтому ей лучше сейчас же заключить мир. Он сказал, что у фюрера нет никаких враждебных намерений в отношении Англии. Что у него нет намерений добиться мирового господства и что он глубоко сожалел бы, если бы Британская империя распалась».

Я цитирую последние три строчки большого абзаца в середине страницы:

«В этом месте Гесс попытался заставить меня содрогнуться, подчеркивая, что алчные американцы имеют враждебные планы по отношению к Британской империи. Канада, несомненно, будет присоединена к Соединенным Штатам».

Говоря о мнении Гитлера, он сказал, что недавно, 3 мая, после речи в рейхстаге, Гитлер заявил ему, что у него нет захватнических притязаний по отношению к Англии.

«Гесс предложил в качестве разрешения проблемы, чтобы Англия дала Германии возможность сделать все, что она пожелает в Европе, а за это Германия даст Англии полную свободу в империи, с единственным только условием, что Германии будут возвращены ее бывшие колонии, которые ей необходимы как источник сырья. Для того чтобы дать ему возможность высказаться на тему отношения Гитлера к России, я спросил его, включает ли Гитлер Россию в Европу или в Азию. Он ответил: "В Азию". Я возразил тогда, что согласно условиям его предложения, так как Германия будет иметь возможность свободно действовать только в Европе, то она не сможет напасть на Россию. Гесс немедленно отреагировал, заметив, что у Германии есть определенные требования к России, которые должны быть удовлетворены путем переговоров или в результате войны. Однако он добавил, что слухи, которые сейчас распространяются о том, что Гитлер намеревается вскоре напасть на Россию, не имеют оснований.

Я спросил его тогда, какие цели ставит перед собой Италия, и он сказал, что это ему неизвестно. Я сказал, что это довольно важный вопрос. Он обошел этот вопрос и сказал, что он уверен, что требования Италии не будут чрезмерными. Я высказал мысль о том, что вряд ли Италия заслуживает чего-либо, но он просил подойти к этому вопросу по-другому. Италия оказала Германии большие услуги, и кроме того, Англия после прошлой войны компенсировала побежденные страны, такие, как Румыния.

В конце концов, когда мы выходили из комнаты, Гесс бросил прощальную фразу. Он забыл подчеркнуть, заявил он, что следует понимать, что предложение может быть рассмотрено только в том случае, если переговоры между германским и британским правительствами будут иметь место при другом британском правительстве. Он заявил, что господин Черчилль, который планировал войну с 1936 года, и его коллеги, которые отнеслись благосклонно к этой политике войны, не являются лицами, с которыми фюрер мог бы вести переговоры».

Милорд, возможно, когда он прибыл в Англию, он не намеревался острить. Из этих отчетов можно лишь сделать заключение о том, что немцы и германское правительство в то время не имели ни малейшего представления о том, что происходило в Англии. Но из этих отчетов видно, что этот человек считал, что Англией правили Черчилль и маленькая шайка поджигателей войны. Он предполагал, что ему только следует явиться с мирными предложениями для того, чтобы в течение двух или трех дней правительство Черчилля потерпело крах...

Я перехожу к другой беседе, к беседе от 14 мая, которая изложена в документе М-118, ВБ-271. Беседа начинается с нескольких жалоб Гесса на обращение с ним и с целого ряда просьб, включая просьбу дать ему книгу «Трое в одной лодке...» — один из очень немногих признаков, указывающих на то, что кто-то из этих подсудимых обладает какой-то культурой или нормальными человеческими чувствами.

Тут он описывает свой полет в Англию, и далее, с третьего абзаца:

«Затем он перешел к политическим вопросам. Он сказал, что, подумав, он вспомнил, что он опустил еще два условия, связанные с мирными предложениями. Первое: Германия не может оставить Ирак в беде. Жители Ирака сражались за Германию и поэтому Германия будет просить нас, чтобы мы эвакуировались из Ирака. Я заметил, что это выходит за рамки первоначального предложения, где говорилось, что интересы Германии ограничиваются Европой, но он возразил, что в целом его предложение более чем справедливое. Второе условие заключалось в том, что мирное соглашение должно включать в себя пункт о взаимном возмещении британским и германским подданным, чья собственность была экспроприирована во время войны.

В заключение господин Гесс сказал, что он хочет внушить нам, что Германия должна выиграть войну путем блокады. Мы не представляем себе, какое количество подводных лодок строится теперь в Германии. Он сказал, что Гитлер всегда делает все в больших масштабах и что опустошительная подводная война, при поддержке новыми типами самолетов, несомненно очень скоро приведет к установлению полной и действенной блокады Англии. Бесцельно предполагать, что, если бы Англия капитулировала, войну продолжала бы вести Британская империя. Намерением Гитлера при такой возможности является продолжать блокаду Англии, даже если Британские острова капитулируют. Таким образом, нам пришлось бы столкнуться с преднамеренным преданием голодной смерти населения этих островов...»

Я думаю, что могу уже закончить рассмотрение этой беседы, поскольку в ней нет больше ничего нового. Я перехожу к документу М-119, ВБ-272, представляющему собой отчет о третьей и последней беседе Гесса с господином Киркпатриком 15 мая. Я процитирую третий абзац. В начале беседы есть упоминание об Ираке, а затем мистер Киркпатрик пишет:

«Затем я поднял перед ним вопрос об Ирландии. Он сказал, что во всех его беседах с Гитлером Ирландия никогда не упоминалась, разве что случайно. Ирландия ничего не сделала для Германии в этой войне и поэтому предполагалось, что Гитлер не будет интересоваться англо-ирландскими отношениями. Мы остановились на трудностях уладить интересы Севера и Юга, а затем перешли к американским интересам в Ирландии и, таким образом, к Америке.

По вопросу об Америке Гесс принял следующую точку зрения:

1. Немцы принимают во внимание возможность вмешательства Америки и не боятся этого вмешательства. Им известно все о производстве американской авиационной промышленности и о качестве самолетов. Германия может построить больше, чем Англия и Америка вместе взятые.

2. У Германии нет никаких планов в отношении Америки. Так называемая "германская опасность" является нелепым плодом воображения. Интересы Гитлера ограничиваются Европой.

3. Если мы заключим мир сейчас, Америка будет в бешенстве. Америка, несомненно, хотела бы заселить Британскую империю.

В заключение Гесс сказал, что Гитлер действительно желает установления прочного взаимопонимания с нами на основе, которая сохранит целостность империи. Целью его собственного полета было предоставить возможность начать переговоры без ущерба для нашего престижа, и если мы откажемся от этого шанса, это будет явным доказательством того, что мы не хотим взаимопонимания с Германией и поэтому Гитлер будет иметь право, собственно, это будет его долг, полностью разгромить нас и держать нас после войны в состоянии полного подчинения».

Милорд, эти отчеты раскрывают всю сущность его посещения. Причины гуманитарного характера, приводившиеся им в объяснение его прибытия в Англию, которые так хорошо звучали между 10 и 15 мая, получили совсем новое освещение, когда немного позднее, чем через месяц, Германия напала на Советский Союз.

Невозможно не провести точную параллель между этим положением и тем, которое существовало перед тем, как Германия напала на Польшу, когда были сделаны все уси-

лия, чтобы не дать Англии вступить в войну и, таким образом, вести войну только на одном фронте. По-видимому, тут происходило то же самое. Более того, во время этих бесед сам Гесс заявлял, что Германия в то время якобы не имела намерения немедленно атаковать Россию. Но это очевидная ложь, поскольку, как следует вспомнить, и доказательства этому изложены в досье, еще в ноябре 1940 года разрабатывались первоначальные планы вторжения в Россию.

Согласно директиве от 18 декабря 1940 года было приказано закончить подготовительные мероприятия к 15 мая 1941 года. 3 апреля 1941 года были отданы приказы, согласно которым выполнение плана «Барбаросса» было отложено на пять недель, а 30 апреля 1941 года, за десять дней до прибытия Гесса в Англию, была назначена точная дата вторжения в Россию — 22 июня.

Таким образом, я полагаю, что человек, занимавший такие посты, как подсудимый — в то время он был руководителем заграничного ведомства партии, заместителем фюрера, за год до того он был назначен его «преемником № 2» — не мог не знать об этих приготовлениях и планах.

Милорд, поэтому я полагаю, что единственная причина, из-за которой Гесс прилетел в Англию, носила отнюдь не гуманитарный характер. Он прилетел лишь для того, чтобы дать возможность Германии вести войну против России только на одном фронте...

Документ ПС-1866, ВБ-273. Это запись беседы между Риббентропом, Муссолини и Чиано 13 мая 1941 года, подписанная Шмидтом. В нем интересующий нас вопрос рассматривается мало, но и тогда существовал и сейчас еще существует вопрос, был ли полет Гесса в Англию предпринят с ведома и одобрения Гитлера или других членов правительства или же Гесс сделал это по собственной инициативе и совершенно тайно. Сам он всегда утверждал, что он сделал это тайно. С другой стороны, трудно представить себе, как он мог это планировать в течение нескольких месяцев и три раза пытаться осуществить этот план так, чтобы никто об этом не знал.

Запись разговора с итальянцами проливает слабый свет на это обстоятельство, но во всяком случае показывает, что именно Риббентроп сказал своим итальянским союзникам три дня спустя. Я прошу Трибунал взглянуть на первую страницу этого документа и на один абзац следующей страницы.

«Вначале имперский министр передал привет фюрера дуче. Вслед за этим он сказал, что в скором времени он предложит дуче время встречи, которая, согласно его желанию, должна произойти как можно скорее. В качестве места встречи он, очевидно, выберет Бреннер. В настоящий момент он, как дуче должен понимать, все еще занят

делом Гесса и несколькими военными вопросами. Дуче ответил, что он согласится со всеми предложениями фюрера.

Имперский министр иностранных дел сказал затем, что фюрер послал его к дуче, чтобы информировать его о деле Гесса и о беседе с адмиралом Дарланом. По поводу дела Гесса он заметил, что фюрер был совершенно потрясен действием Гесса и что это было поведение сумасшедшего.

Гесс долгое время страдал разлитием желчи и попал под влияние гипнотизеров и врачей, прибегающих к нетрадиционным методам лечения, которые еще более ухудшили состояние его здоровья.

Все эти вопросы в настоящий момент расследуются, так же как и причастность адъютантов, которым было известно о запрещенных полетах Гесса. В течение нескольких недель Гесс проводил втайне пробные полеты на МЕ-110. Он, конечно, действовал из идеалистических побуждений. Его верность фюреру не подлежит никакому сомнению. Его поведение может быть объяснено лишь какой-то мистикой и состоянием его рассудка, вызванным болезнью».

Беседа продолжалась и сущность ее сводилась к тому, что Риббентроп снова подчеркнул, что Гитлер не уполномочивал Гесса лететь в Англию и что этот полет был совершен без чьего-либо ведома в Германии. Здесь не сказано...

Председатель: *Не прочтете ли Вы начало следующего абзаца?*

Гриффит-Джонс: *«Симпатизируя Англии, Гесс задумал осуществить бредовую идею об использовании фашистских кругов Великобритании для того, чтобы убедить британцев сдаться. Он объяснил все это в длинном и бессвязном письме к фюреру. Когда письмо дошло до фюрера, Гесс уже был в Англии. В Германии надеялись, что несчастный случай в пути задержит его, но он уже находился в Англии и попытался связаться с бывшим маркизом Клайдесдейл, герцогом Гамильтоном. Гесс совершенно ошибочно решил, что он большой друг Германии, поэтому приземлился по соседству с его замком в Шотландии».*

Председатель: *Благодарю Вас.*

Гриффит-Джонс: *Это то, что Риббентроп сказал Муссолини. Мы знаем, что Риббентроп — лжец. Этому доказательство то, что он заявил позднее во время беседы. Я обращусь сейчас к пятой странице, вернее, к концу четвертой страницы. Я прошу Трибунал заслушать это, поскольку, если бы этот документ был уже известен, он, несомненно, был бы представлен как доказательство ранее в течение этого процесса. И поскольку я сейчас его представляю, я прошу разрешить мне зачитать этот абзац, который непосредственно касается подсудимого Риббентропа:*

«Дуче вернулся к своему замечанию касательно единого фронта Европы против Англии и двух стран — Испании и

России, которые не входили в него. Он сказал, что с его точки зрения было бы выгодно, если бы с Россией проводилась политика сотрудничества. Он спросил имперского министра иностранных дел, исключает ли Германия такую возможность, т. е. сотрудничество с Россией. Имперский министр иностранных дел ответил, что у Германии есть договоры с Россией и что отношения между двумя странами в других отношениях являются корректными. Он лично не верит, чтобы Сталин предпринял что-либо против Германии, но если бы он это сделал или если бы он стал проводить неприемлемую для Германии политику, тогда он был бы разгромлен в течение трех месяцев. Дуче согласился с этим. Фюрер не хочет никакого столкновения, но тем не менее он принимает предосторожности». Затем, кажется, снова говорит Риббентроп:

«Фюрер, конечно, не хочет никаких столкновений, но тем не менее он принимает меры предосторожности против любой неожиданности. Он еще не пришел ни к какому решению, но в результате некоторых событий и недостаточно ясной позиции русских он стал подозрителен. Так, например, русские увеличили свои силы вдоль западной границы, что, конечно, вынудило Германию также увеличить численность своих войск, но только после того, как русские это начали».

В самом деле, такая позиция германского правительства поражает, ибо нет сомнения в том, что фюрер и министр иностранных дел не могли не знать 13 мая 1941 года, что Германия собиралась через месяц напасть на Россию.

Милорд, это доказательства, которые я должен был представить Трибуналу по этому вопросу.

У. Р. ХАРРИС (США)

Об индивидуальной ответственности Кальтенбруннера[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 2 и 3 января 1946 г.

Господа судьи!

Мы представляем книгу документов «ВВ» в виде отдельной книги документов, которые относятся к подсудимому Кальтенбруннеру. Она содержит документы, которые будут цитироваться во время представления доказательств по делу.

[1] IMT. Vol. 4. P. 288—311.

Мы будем также ссылаться на три или четыре документа, которые содержатся в книге документов о гестапо и СД.

В течение последних трех дней Трибунал заслушал доказательства о преступной деятельности СС, СД и гестапо. Слияние этих организаций в одну ударную группу гитлеровского полицейского государства объяснялось здесь с точки зрения организационной. Перед Трибуналом находится подсудимый, который представляет эти организации в соответствии с теми официальными постами, которые он занимал в СС и в германской полиции, и чья карьера в еще большей степени знаменует собой единство СС и нацистской полиции. Имя этого подсудимого — Эрнст Кальтенбруннер.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2938, США-511. Это статья, появившаяся в журнале полиции безопасности и СД от 15 мая 1943 года на 193-й странице. Она озаглавлена: «Доктор Эрнст Кальтенбруннер — новый начальник полиции безопасности и СД». Я цитирую начало этой статьи:

«Обергруппенфюрер СС, доктор юстиции Эрнст Кальтенбруннер родился в семье адвоката Гуго Кальтенбруннера 4 октября 1903 года в Риде, округ Инн, неподалеку от Браунау. Он провел свою юность в родных местах фюрера, с которыми его близкие, происходившие из потомственных крестьян, были издавна тесно связаны. Затем он переехал вместе с родителями в небольшой городок Рааб, после чего в Линц на Дунае, где поступил в гимназию и в 1921 году сдал выпускные экзамены».

В следующем абзаце описывается юридическое образование, которое получил Кальтенбруннер, его националистическая деятельность и оппозиционные настроения по отношению к католическо-христианско-социальным студенческим группам. В статье далее говорится, что после 1928 года Кальтенбруннер работал как юрист-стажер в Линце.

Цитирую 3-й абзац статьи:

«Уже в январе 1934 года доктор Кальтенбруннер был заключен в тюрьму правительством Дольфуса в связи со своими нацистскими взглядами и вместе с другими руководителями национал-социалистского движения был послан в концлагерь Кайзерштайнбрух. Он организовал голодовку и руководил ею, что вынудило правительство освободить 490 заключенных национал-социалистов. На следующий год он снова был заключен в тюрьму по подозрению в государственной измене и предан военному суду в Вельсе (Верхний Дунай). После расследования, продолжавшегося много месяцев, обвинение в государственной измене было снято, но он был приговорен к тюремному заключению на шесть месяцев за подрывную деятельность. После весны 1935 года Кальтенбруннер был руководителем австрийской СС; у него

было отнято право заниматься юридической деятельностью в связи с его нацистскими взглядами. Надо признать, что, заняв этот важный пост, ему удалось добиться единства австрийских СС, которые он создал, несмотря на все преследования, и весьма успешно и в нужный момент привести в готовность.

После аннексии, во время которой СС сыграли решающую роль, 11 марта 1938 года он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в новом национал-социалистском кабинете доктора Зейсс-Инкварта. Уже через несколько часов он мог сообщить Генриху Гиммлеру, который приземлился на венском аэродроме в 3 часа утра 12 марта 1938 года, прибыв первым из национал-социалистских лидеров, что движение достигло полнейшего успеха и что — статья цитирует самого Кальтенбруннера — «СС находится в готовности и ждет его дальнейших приказов».

«Фюрер повысил Кальтенбруннера в чине в день аннексии и сделал его бригаденфюрером СС и руководителем СС на участке Верхнего Дуная. За этим 11 сентября 1938 года последовало присвоение ему звания группенфюрера СС».

Трибунал, вероятно, помнит уже представлявшиеся доказательства, и я сошлюсь на страницу 570 английской стенограммы судебных заседаний, на телефонный разговор между Герингом и Зейсс-Инквартом, в котором Геринг заявил, что Кальтенбруннеру должно быть передано управление безопасности.

Я продолжаю цитировать последний абзац этой статьи:

«Во время ликвидации австрийского национального правительства и реорганизации Австрии в районы Альп и Дуная он был назначен высшим руководителем СС и полиции, причем в его юрисдикции была Вена, районы Нижнего Дуная и Верхнего Дуная, территория 17-го военного округа, а в апреле 1941 года он получил звание генерал-лейтенанта полиции».

Таким образом, Кальтенбруннер стал маленьким Гиммлером в Австрии.

«Дер Гроссдойче Рейхстаг», изданный Ф. Кинастом, за четвертый предвыборный период 1938 года, документ ПС-2892, гласит, что Кальтенбруннер вступил в нацистскую партию и СС в Австрии в 1932 году. Его партийный билет № 300179, его членская карточка СС — № 13039. До 1933 года он был докладчиком по гау и консультантом по правовым вопросам при 8-й дивизии СС. После 1933 года он стал руководителем 37-го полка СС, а затем руководителем 8-й дивизии СС. Кальтенбруннер был награжден высшей наградой нацистской партии — золотым значком и орденом крови. После 1938 года он был членом рейхстага.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-3427, США-512. Это тоже статья, которая появилась в журнале полиции безопасности и СД. Она была напечатана 12 февраля 1943 года на 65-й странице. Я цитирую:

«Группенфюрер СС Кальтенбруннер назначен руководителем полиции безопасности и СД.

Берлин, 30 января 1943 года.

По предложению рейхсфюрера СС и начальника германской полиции фюрер назначил группенфюрера СС и генерала полиции доктора Эрнста Кальтенбруннера начальником полиции безопасности и СД вместо обергруппенфюрера СС Гейдриха, скончавшегося 4 июня 1942 года».

Трибунал часто слышал ссылки на речь Гиммлера, произнесенную 4 октября 1943 года в Познани и обращенную к группенфюрерам СС. Это документ ПС-191, который уже представлялся под номером США-170. В этой речи Гиммлер с невероятной откровенностью говорил о варварской программе и преступной деятельности СС и полиции безопасности. В самом начале речи Гиммлер упомянул «нашего товарища группенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера, который стал преемником нашего павшего друга Гейдриха».

Гиммлер и Гитлер были довольны тем, как Кальтенбруннер выполнял обязанности начальника полиции безопасности и СД, так как 9 декабря 1944 года, согласно сборнику приказов полиции безопасности и СД...

Кауффман *(защитник Кальтенбруннера): Могу я ненадолго прервать? Я понял решение суда таким образом, что предъявленное Кальтенбруннеру обвинение в настоящий момент не будет разбираться, а будет отложено до того времени, пока Кальтенбруннер снова не сможет явиться в суд. Но, насколько я понимаю, сейчас как раз рассматривается дело Кальтенбруннера.*

Председатель: *Нет. Первоначальное решение Трибунала основывалось на том, что можно разделить представление доказательств на этапы: отдельно представлять документы непосредственно против Кальтенбруннера и отдельно представлять документы против организации гестапо. Но когда в вашем присутствии на закрытом заседании было разъяснено, что невозможно это сделать и что доказательства так неразрывно между собой связаны, что невозможно вести обвинение так, чтобы представить документы только против организаций и исключить из них материал о Кальтенбруннере. Соответственно Трибунал решил, что мы будем продолжать заслушивать представление документов, которые обвинение хочет представить полностью. Вы, однако, будете иметь возможность произвести перекрестный допрос любого из свидетелей, которые могут быть вызваны на более поздней стадии суда. И, конечно, Вы будете, кроме того,*

иметь возможность представить аргументы по любым документальным доказательствам, которые будут направлены против Кальтенбруннера, когда Вы будете выступать по делу своего подзащитного Кальтенбруннера. Вы понимаете меня?

Кауффман: *Конечно.*

Харрис: *Поэтому 9 декабря 1944 года, согласно сборнику приказов полиции безопасности и СД, № 51, страница 361, документ ПС-2770, он получил в качестве начальника полиции безопасности и СД награду, которая известна под названием «Рыцарский крест к кресту за военные заслуги с мечами и шпагами». Это одна из самых высоких военных наград. К этому времени Кальтенбруннер уже был обергруппенфюрером СС и генералом полиции.*

Я обращаю внимание Трибунала на схему, названную «Положение Кальтенбруннера, гестапо и СД в германской полицейской системе», документ номер США-493. В качестве начальника полиции безопасности и СД Кальтенбруннер являлся главой гестапо, крипо[1], СД, а также главного управления имперской безопасности, которое являлось отделом СС, а также министерства внутренних дел империи. В его ведении находились областные организации гестапо, СД и крипо внутри Германии, а также эйнзатцгруппы и эйнзатцкоманды на оккупированных территориях.

Непосредственно Кальтенбруннеру подчинялись руководители основных управлений главного управления имперской безопасности, включая управление III (внутригерманское СД), управление IV (гестапо), управление V (крипо) и управление VI (иностранная разведка).

Я представляю документ ПС-2939, США-513. Это письменное показание, данное под присягой Вальтером Шелленбергом, который возглавлял шестое управление РСХА, начиная с осени 1941 года до конца войны. Я собираюсь зачитать очень небольшой отрывок из этого письменного показания, который начинается с шестой фразы первого абзаца:

«Примерно 25 января 1943 года я отправился вместе с Кальтенбруннером в штаб-квартиру Гиммлера в Летцене, в Восточной Пруссии. Все руководители управлений главного управления имперской безопасности присутствовали на этом совещании. Гиммлер сообщил нам, что Кальтенбруннер будет назначен начальником полиции безопасности и СД (РСХА) в качестве преемника Гейдриха. Назначение вступит в силу с 30 января 1943 года. Я не знаю о каких-либо ограничениях полномочий Кальтенбруннера в качестве начальника полиции безопасности и СД. Он немедленно

---

[1] Крипо — уголовная полиция Германии.

приступил к исполнению обязанностей и взял на себя непосредственное руководство управлением и весь контроль за работой всех отделов. Все важные вопросы, возникавшие во всех управлениях, должны были разрешаться через Кальтенбруннера».

В то время как Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД, очень многие преступления, совершенные полицией безопасности и СД, были совершены в результате политики или приказов, отданных главным управлением имперской безопасности. Кальтенбруннер был ответствен за все эти приказы, поскольку он занимал пост, о котором я говорил выше. Каждое из преступлений здесь рассматривалось подробно в связи с представлением доказательств об ответственности гестапо и СД. Здесь я ссылаюсь на эти материалы. Теперь мы будем представлять только те доказательства, из которых явствует, что эта преступная деятельность продолжалась и после того, как Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД, то есть после 30 января 1943 года.

Первое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД — убийства и жестокое обращение с гражданским населением оккупированных стран, которые проводились эйнзатцгруппами. Было по крайней мере 5 эйнзатцгрупп, которые действовали на Востоке в то время, как Кальтенбруннер занимал этот пост.

В сборнике приказов полиции безопасности и СД за период с августа 1943 года по январь 1945 года, документ ПС-2890, который я прошу Трибунал принять без доказательств, упоминаются эйнзатцгруппы: «А», «Б», «Д», «Г» и «Хорватия».

Я не буду оглашать документ, содержащий эти выдержки, но прошу Трибунал принять к сведению эти упоминания об эйнзатцгруппах, указывающие на то, что они действовали в то время, когда Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД. Трибунал, вероятно, помнит документ ПС-1104, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-483. Я лишь мимоходом сошлюсь на этот документ, который содержал довольно подробный и критический отчет о действиях полиции безопасности при уничтожении еврейского населения Слуцка в Белоруссии. Этот отчет был представлен Гейдриху 21 ноября 1941 года. Деятельность эйнзатцкоманд отличали тот же ужас и жестокость на Востоке и в тот период, когда Кальтенбруннер занимал пост начальника полиции безопасности и СД. Я ссылаюсь на документ Р-135, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-289. Я не буду зачитывать этот документ, я просто хочу напомнить Трибуналу доклад Гюнтера, который был

смотрителем тюрьмы в Минске. Доклад датирован 31 мая 1943 года и адресован генеральному комиссару Белоруссии. В этом докладе написано, что после 13 апреля 1943 года СД продолжала практику вырывания золотых зубов, коронок и пломб у евреев за час или за два до их убийства.

Трибунал также, вероятно, помнит отчет от 18 июня 1943 года, адресованный рейхсминистру по делам оккупированных восточных территорий, о повторявшихся действиях полицейских батальонов, которые запирали мужчин, женщин и детей в сараях и затем поджигали эти сараи.

Второе преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД — казни людей, отнесенных к категории нежелательных с политической и расовой точек зрения...

Такие элементы отбирались гестапо из лагерей для военнопленных. Трибунал помнит документ ПС-2542, США-489, который уже представлялся. Я думаю, что вы найдете этот документ в книге документов о гестапо, которая была представлена сегодня утром.

Председатель: Это письменное показание Линдова?

Харрис: Да. В письменном показании Линдова говорится, что система отбора заключенных из лагерей для военнопленных продолжала существовать и в 1943 году...

Третье преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД, заключалось в том, что после того, как бежавших военнопленных ловили, их помещали в концлагеря, где их казнили. Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1650, который уже представлялся в качестве доказательства США-246. Это секретный приказ по гестапо, так называемый приказ «Кугель» («Пуля»), согласно которому бежавшие военнопленные должны были посылаться полицией безопасности и СД в концлагеря для казни.

Этот приказ, датированный 4 марта 1944 года, был подписан — теперь я цитирую: «За начальника полиции безопасности и службы безопасности — Мюллер».

Я представляю теперь в качестве доказательства документ Л-158, США-514. Я не собираюсь зачитывать этот документ, поскольку он аналогичен предыдущему документу, который я только что представил. Но я хочу просто сослаться на отмеченные выдержки. Во-первых: «2 марта 1944 года начальник полиции безопасности и СД (Берлин) передал следующий приказ ОКВ». Затем следует указание, что после того, как некоторые бежавшие военнопленные будут снова пойманы, они должны передаваться начальнику полиции безопасности и СД.

Затем документ гласит, я цитирую:

«В этой связи начальник полиции безопасности и СД издал следующие инструкции». Следуют подробные ин-

струкции, которые касаются вопроса передачи этих военнопленных коменданту лагеря Маутхаузен, согласно приказу «Кугель». Далее в приказе говорится, я цитирую в самом конце приказа:

«Список пойманных после побега офицеров, а также сержантов будет составлен здесь отделом IV-A1, для того, чтобы донесения своевременно поступили к начальнику полиции безопасности и СД. Данные о численности должны поступить в Радом не позже 20 июня 1944 года»...

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-2285, который уже был представлен сегодня утром в качестве доказательства США-490. Это письменное показание подполковника французской армии Гаста и лейтенанта французской армии Вэйта, которые заявили, что в 1943 — 1944 годах в лагере Маутхаузен военнопленных убивали в соответствии с приказом «Кугель». Я уверен, что Трибунал помнит этот документ.

Четвертое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД, — отправка нежелательных с точки зрения расовой и политической лиц в концлагеря и лагеря уничтожения на рабский труд и массовое истребление. До того как Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД, 30 января 1943 года, он был очень хорошо осведомлен относительно условий в концлагерях, а также о том, что они применялись для рабского труда и массовых убийств. Трибунал помнит из уже представленных доказательств, что концлагерь Маутхаузен был создан в Австрии и что Кальтенбруннер был руководителем полиции безопасности и СД в Австрии. Этот концлагерь, как показывает документ ПС-1063, США-492, считался, согласно классификации Гейдриха от января 1941 года, лагерем, принадлежавшим к третьей категории, то есть лагерем для заключенных, обвинявшихся в самых тяжких преступлениях, а также для асоциальных элементов, которые рассматривались как неисправимые. Трибунал помнит, что военнопленные, которые должны были быть казнены согласно приказу «Кугель», посылались в лагерь Маутхаузен. Как будет доказано ниже, Кальтенбруннер часто лично посещал концлагерь Маутхаузен. Во время одного из таких посещений в 1942 году он видел газовые камеры в процессе работы. Я теперь представляю в качестве доказательства документ ПС-2753, США-515. Это письменные показания, данные под присягой Алоисом Хельриглем, бывшим охранником в концлагере Маутхаузен. Они гласят: «Я, Алоис Хельригль, под присягой заявляю, что я был членом дивизии СС "Мертвая голова" и был прикомандирован к концлагерю Маутхаузен с января 1940 года до конца войны. Однажды, мне кажется

это было осенью 1942 года, Эрнст Кальтенбруннер посетил Маутхаузен. Я был в то время на посту и видел его дважды. Он вошел в газовую камеру вместе с Цирайсом, комендантом лагеря, в то время, когда там отравляли газом заключенных. Звук, который всегда сопровождал газовую операцию, был мне хорошо известен. Я слышал, что отравление газом происходило в присутствии Кальтенбруннера.

Я видел, как Кальтенбруннер вышел из погреба, в котором помещалась газовая камера, когда акция закончилась».

Подпись: Хельригль.

Однажды Кальтенбруннер инспектировал лагерь вместе с Гиммлером и фотографировал во время этого инспектирования. Я представляю документ ПС-2641, США-516. Этот документ состоит из двух письменных показаний и ряда фотографий. Подлинные фотографии находятся у меня на руках. Подлинники фотографий очень малы, поэтому они были увеличены. Те, которые помещены в книгу документов, являются недостаточно хорошими, но Трибунал увидит более качественные копии, которые сейчас будут переданы ему.

Кауффман: *После того как я понял, что суду представляется индивидуальное обвинение против Кальтенбруннера, я считаю необходимым обратиться со следующим ходатайством по принципиальному вопросу. Это ходатайство я, вероятно, мог бы уже подать на утреннем заседании. Оно касается вопроса о том, могут ли оглашаться письменные показания или нет. Я знаю, что этот вопрос уже обсуждался судом и что суд определенным образом решил этот вопрос. Если я снова поднимаю этот вопрос и прошу решить его, то у меня есть на это особые причины. Каждый процесс представляет собой нечто динамичное. То, что может быть правильным в определенный момент, иногда может оказаться неправильным впоследствии. Самый значительный и самый большой процесс в истории основывается в целом ряде важнейших моментов просто на зачитывании показаний, которые были сняты обвинением. Зачитывание письменных показаний в течение долгого времени не может удовлетворять. Потребность в самом свидетеле возрастает с каждым часом. Нужно, в конце концов, увидеть свидетелей обвинения и заслушать их. Необходимо проверить достоверность их показаний и их память. Многие свидетели находятся, так сказать, у дверей этого зала и их нужно только пригласить в зал. Заслушивание свидетелей на более поздней стадии процесса не может быть таким ценным, как заслушивание в настоящий момент. Неизвестно также, допустит ли суд в последующем рассмотрение того же материала. Поэтому я возражаю против дальнейшего зачитывания объявленных здесь письменных показаний. Нельзя допус-*

тить, чтобы статья 19 Устава сводилась на нет формальным толкованием.

Председатель: *Ваше заявление означает, что Вы хотите подвергнуть свидетеля перекрестному допросу или Вы хотите сказать, что не нужно зачитывать письменное показание?*

Кауффман: *Последнее.*

Председатель: *Вы имеете в виду письменные показания Хельригля, документ ПС-2753?*

Кауффман: *Да.*

Председатель: *Трибунал придерживается мнения, что письменное показание под присягой, которое касается важного вопроса, является доказательством, которое должно быть принято согласно статье 19 Устава, но Трибунал рассмотрит любое ходатайство, с которым может обратиться защитник Кальтенбруннера по поводу проведения перекрестного допроса свидетеля, который написал и дал под присягой это письменное показание в том случае, если свидетель находится в сфере досягаемости и его можно доставить сюда.*

Вы говорили о фотографиях, когда Вас прервали. Не так ли?

Харрис: *Да, сэр, они представлялись как доказательства под следующим номером и я хочу сослаться на первое письменное показание, которое сопровождает их и находится в книге документов... Я цитирую это показание:*

«Я был членом СС "Мертвая голова" и был прикомандирован к концентрационному лагерю Маутхаузен с января 1940 года до конца войны. Я великолепно знаком со всеми зданиями и территорией концлагеря Маутхаузен. Мне показывали документ ПС-2641, который является серией из 6 фотографий. Я опознаю все эти 6 фотографий и утверждаю, что они были сняты в Маутхаузенском концлагере. Что касается первой фотографии, я утверждаю, что слева находится Генрих Гиммлер, в центре — комендант лагеря Маутхаузен Цирайс, а Эрнст Кальтенбруннер находится справа»...

Зная условия содержания в концентрационных лагерях и цель их создания, Кальтенбруннер отдавал распоряжения или разрешал отдавать распоряжения от своего имени об отправке людей в концлагеря.

Я представляю в качестве доказательства документ Л-38, США-517. Это письменное показание, данное под присягой Германом Пистером, бывшим комендантом Бухенвальда, которое было дано 1 августа 1945 года в Фрейзинге (Германия) в ходе официального военного расследования, проводившегося представителями армии США. Я цитирую этот документ со второго абзаца:

«За исключением массовой передачи заключенных из концлагерей на оккупированных территориях, все заключенные отправлялись в лагерь Бухенвальд по приказу РСХА». Эти приказы о превентивном заключении в большинстве случаев были подписаны — "Кальтенбруннер". Немногие приказы о превентивном заключении были подписаны — "Ферстер".

Я представляю документ ПС-2477, США-518. Это письменное показание, данное под присягой Вилли Лиценбергом, бывшим начальником отдела IV-A16 главного управления имперской безопасности. Я цитирую, начиная со второго абзаца:

«Право подвергать превентивному заключению принадлежало руководителям управлений или ведомств гестапо. Сначала период превентивного заключения был установлен в 21 день, а впоследствии — 56 дней. Заключение, которое превышало этот срок, должно было производиться с санкции соответствующего отдела по вопросам превентивного заключения в главном управлении имперской безопасности. Соответствующие приказы могли издаваться только через начальника главного управления имперской безопасности в должности начальника полиции безопасности и СД. Все приказы и ордера на превентивное заключение, которые я видел, имели факсимильные подписи Гейдриха или Кальтенбруннера.

Насколько я помню, я никогда не видел такого документа, который был бы подписан другим именем. Насколько и кому начальник полиции безопасности и СД давал полномочия пользоваться своей факсимильной печатью, я не знаю. Может быть, начальник IV управления располагал такими полномочиями. Большая часть отдела по превентивному заключению была переведена в Прагу и только один сектор остался в Берлине».

Я представляю документ ПС-2745, США-519, приказ, изданный 7 июля 1943 года, который был обнаружен в служебном помещении, где ранее располагался отдел гестапо, занимавшийся вопросами превентивного заключения в Праге. Это приказ пражскому управлению послать телеграфное уведомление отделу гестапо в Кеслине касательно превентивного заключения некоей Рацке и пересылки ее в концлагерь Равенсбрюк за то, что она отказывается работать. На приказе имеется факсимиле подписи Кальтенбруннера. Я обращаю внимание Трибунала на подлинник приказа об аресте, на котором имеется факсимиле. Приказы такого типа являлись основой для приказов, которые исходили непосредственно из пражской канцелярии и на которых имелась только телеграфная подпись Кальтенбруннера. В конце страницы Трибунал увидит факсимильную печать Кальтенбруннера.

Я теперь ссылаюсь на документ Л-215, который уже представлялся в качестве доказательства США-243. Я надеюсь, что Трибунал помнит этот документ, который уже представлялся в качестве доказательства, он содержит 25 ордеров на арест и был издан пражской канцелярией главного управления имперской безопасности и адресован эйнзатцкомандам в Люксембурге. Все эти ордера имеют факсимильную подпись Кальтенбруннера. Как суд вспомнит, эти ордера на арест являются «красными бланками», о которых комендант Бухенвальда говорил в своем письменном показании. Он заявлял, что эти ордера, по которым люди поступали в Бухенвальд, направлялись из главного управления имперской безопасности.

Концлагеря, в которые направляли людей, согласно документу Л-215 по приказу Кальтенбруннера, включали Дахау, Натцвайлер, Заксенхаузен и Бухенвальд...

Среди причин ареста, согласно этим ордерам, были такие:

«Сильное подозрение в деятельности, направленной против империи, недоброжелательные высказывания во вред Германии, а также клевета и угрозы в адрес активных участников национал-социалистского движения, серьезные подозрения в поддержке дезертиров».

Я представляю теперь документ ПС-2239, США-520.

Как я говорил, это документ ПС-2239, папка, содержащая 42 телеграммы, посланные пражским отделением главного управления имперской безопасности в Дармштадте. Все телеграммы имеют переданную по телеграфу подпись Кальтенбруннера. Эти ордера на отправку людей в концлагеря издавались с 20 сентября 1944 года по 2 февраля 1945 года. Кальтенбруннер посылал этих людей, в числе других, в следующие лагеря: Заксенхаузен, Равенсбрюк, Бухенвальд, Берген-Бельзен, Флоссенбург, Терезиенштадт. Среди депортированных были чехи, немцы, французы, голландцы, итальянцы, корсиканцы, литовцы, греки и евреи. В числе оснований для направления в концлагерь были: отказ от работы, религиозная пропаганда, половая связь с военнопленными, коммунистические заявления, неусердная работа, деятельность против империи, распространение вредно действующих слухов, нарушение трудовых договоров, высказывание против Германии, нападение на мастеров, пораженческие заявления, а также кражи и бегство из тюрьмы.

Кальтенбруннер не только направлял людей в концлагеря, но он также санкционировал проведение казней в этих лагерях. Представляю документ Л-51, США-521. Это письменные показания, данные под присягой Адольфом Циттером, бывшим надсмотрщиком концлагеря в Маутхаузене. Эти показания были даны в ходе расследования, проводив-

шегося армией США. Письменные показания гласят, я цитирую третий абзац:

«Штандартенфюрер Цирайс, комендант лагеря, передал мне большое количество приказов произвести казнь после того, как была вскрыта секретная почта. Я был адъютантом и должен был передать эти приказы оберштурмфюреру Шульцу. Эти приказы были написаны примерно следующим образом и по такой форме».

Затем следует описание такого приказа о казни, который был издан главным управлением имперской безопасности для коменданта концлагеря Маутхаузен. Пропуская описание этой формы, я продолжаю цитировать эти письменные показания со следующего абзаца:

«Приказы о казнях поступали без указания, каким судом изданы. До убийства Гейдриха эти приказы подписывались им или его уполномоченным заместителем. Впоследствии эти приказы подписывались Кальтенбруннером, но в большинстве случаев они подписывались его заместителем, группенфюрером Мюллером».

«Доктор Кальтенбруннер, который подписывал эти приказы, был обергруппенфюрером СС и начальником главного управления имперской безопасности.

Доктору Кальтенбруннеру примерно 40 лет. Рост от 1 м 76 см до 1 м 80 см. У него на лице несколько глубоких шрамов, полученных в результате фехтования.

Когда доктор Кальтенбруннер был лишь высокопоставленным офицером СС и полиции в Вене, он несколько раз посещал лагерь. Впоследствии, в качестве главы главного управления имперской безопасности, он также посещал лагерь, хотя не так часто, как раньше. Во время этих посещений комендант обычно принимал его вне здания штаба лагеря и отдавал ему рапорт. Я помню, как в лагерь Маутхаузен были привезены офицеры из американской военной миссии, приземлившиеся в германском тылу в Словакии и в Венгрии в январе 1945 года. Их было примерно 12 — 15 человек. На них была американская или канадская форма: коричнево-зеленого цвета рубашки и матерчатые кепки. Через 8 — 10 дней после их прибытия по телеграфу был получен приказ о казни. Штандартенфюрер Цирайс пришел ко мне в канцелярию и сказал: "Теперь Кальтенбруннер дал разрешение на казнь". Это письмо было секретным и на нем стояла подпись — "Кальтенбруннер". Затем этих людей расстреляли согласно законам военного времени, а вещи, принадлежавшие им, были переданы мне обершарфюрером Нидермейером».

Пятое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД — насильственный вывоз и угон населения с оккупированных территорий на рабский труд и применение дисциплинарных

мер к рабочим, пригнанным для принудительного труда. Я уверен, что Трибунал восстановит в памяти документ ПС-3012, США-190, который представлялся ранее. Это письмо от начальника зондеркоманды полиции безопасности и СД, в котором говорится, что Украина должна поставить миллион рабочих для промышленности вооружения и что в случае, если это будет необходимо, нужно будет провести угон силой. Письмо датировано 19 марта 1943 года.

Кальтенбруннер несет ответственность за применение дисциплинарных мер к иностранным рабочим, и это показано в документе ПС-1063, США-492, который уже представлялся. Ни одной части этого письма не зачитывалось еще для протокола. Письмо датировано 26 июля 1943 года и адресовано высшим руководителям СС и полиции, комендантам и инспекторам полиции безопасности и СД, а также начальникам эйнзатцгрупп Б и Д.

Трибунал помнит, что эйнзатцгруппы «А», «Б», «С» и «Д» действовали на Востоке и проводили уничтожение евреев и коммунистических руководителей. Этот документ доказывает, что Кальтенбруннер отвечал за деятельность эйнзатцгрупп Б и Д. Этот документ подписан: «Кальтенбруннер». Первый абзац его гласит:

«Рейхсфюрер СС дал свое согласие на то, чтобы, кроме концлагерей, которые находятся в ведении главного административно-хозяйственного управления СС, были также организованы исправительные трудовые лагеря, за которые будет отвечать только полиция безопасности. Организация этих трудовых исправительных лагерей будет зависеть от санкции главного управления имперской безопасности, которая может быть получена только в случае острой необходимости».

Я представляю теперь документ Д-473, США-522. Этот документ находится в самом начале книги документов. Это письмо, подписанное Кальтенбруннером, было отправлено им 4 декабря 1944 года районным организациям криминальной полиции.

Трибунал вспомнит, что Кальтенбруннер был также ответствен за деятельность уголовной полиции, как и гестапо. Я цитирую часть этого документа, самое его начало:

«В соответствии с декретом от 30 июня 1943 года преступления, совершенные поляками и гражданскими рабочими из Советской России, преследуются управлениями государственной полиции даже в тех случаях, когда на предварительном этапе криминальная полиция, в пределах своей компетенции, проводила следствие. Для того чтобы ускорить этот процесс, а также для того, чтобы сэкономить ресурсы персонала, декрет от 30 июня 1943 года изменяется, и управления криминальной полиции получают с сегодняшнего дня право самостоятельно осуществлять уголовное

преследование за те преступления, по которым она проводит предварительное следствие в пределах своей компетенции, когда речь идет о незначительных или средней тяжести преступлениях».

Теперь я читаю начало второго абзаца:

«Следующие средства преследования разрешаются криминальной полиции: содержание под арестом в полицейском участке, отправка в концлагеря для превентивного заключения асоциальных или опасных для общества элементов».

И, наконец, последний абзац: «Они остаются в концлагерях в обычных случаях на все время войны. Кроме того, управления криминальной полиции полномочны передавать польских и советских гражданских рабочих в подходящих случаях и с согласия компетентных организаций государственной полиции в карательные лагеря гестапо для "воспитания трудом". В тех случаях, когда криминальная полиция, в связи с особенным характером дела, не может сама проводить уголовное преследование, это дело должно быть передано компетентным организациям гестапо».

Подписано: «Кальтенбруннер».

В дополнение к тому, что Кальтенбруннер посылал иностранных рабочих в трудовые лагеря гестапо, он еще карал их тем, что ссылал в концлагеря. Я представляю в качестве доказательства документ под номером ПС-2582, США-523. Это серия из четырех телеграфных приказов об отправке в концлагеря конкретных людей. Я обращаю внимание Трибунала на второй приказ, датированный 18 июня 1943 года. Согласно этому приказу, гестапо в Саарбрюккене получило приказ передать одного поляка в концлагерь Натцвайлер в качестве квалифицированного рабочего. Я ссылаюсь также на третью телеграмму, датированную 12 декабря 1944 года, в которой гестапо в Дармштадте получило приказ отправить одного грека в концлагерь Бухенвальд, потому что он слонялся без всякого дела. Я ссылаюсь на четвертую телеграмму, датированную 9 февраля 1945 года, которой гестапо в Дармштадте приказывалось послать одного французского гражданина в Бухенвальд за то, что он не подчинялся и уклонялся от работы. Все эти приказы подписаны Кальтенбруннером.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2580, США-524. Это документ, содержащий еще три приказа на красных бланках о превентивном заключении. Все они подписаны Кальтенбруннером. Первый показывает, что один гражданин Нидерландов был подвергнут превентивному заключению за саботаж, второй приказ показывает, что один французский гражданин также был подвергнут превентивному заключению за саботаж и неподчинение. Оба они датированы 2 декабря 1944 года.

Шестое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД, — это казнь захваченных командос и парашютистов и защита гражданского населения, которое линчевало союзных летчиков. Трибунал припомнит, я уверен, без специальной ссылки, приказ Гитлера от 18 октября 1942 года, который был представлен сегодня утром — документ ПС-498, США-501. Он гласит, что командос, даже в военной форме, должны были быть уничтожены до последнего человека и что отдельные солдаты, захваченные полицией на оккупированной территории, должны быть переданы СД.

Я представляю документ ПС-1276, США-525. Это совершенно секретное весьма срочное письмо от начальника полиции безопасности и СД, подписанное Мюллером и адресованное верховному командованию вооруженных сил, в котором начальник полиции безопасности и СД заявляет — теперь я цитирую третий абзац второй страницы английского перевода:

«Я дал инструкцию начальнику полиции безопасности и СД в Париже обращаться с этими парашютистами в английской форме, как с исполнителями операций "командос" бойцами команд, в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 года, а также информировать военные власти во Франции, что такие лица должны быть подвергнуты соответствующему обращению, если попадут в руки вооруженных сил». Это письмо было датировано 17 июня 1944 года.

То, что такие казни проводились частями СД в соответствии с упомянутым приказом Гитлера от 18 октября 1942 года в то время, как Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД, подтверждается документом ПС-526, который уже был представлен в качестве доказательства США-502.

Это приказ, который представлялся сегодня утром. Я уверен, что Трибунал помнит этот документ.

Политика защиты гражданского населения, линчевавшего союзных летчиков, которая проводилась полицией, продолжалась в течение всего периода времени, когда Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД. Я представляю документ ПС-2990, США-526. Это письменное показание, данное под присягой Вальтером Шелленбергом, бывшим начальником VI управления главного управления имперской безопасности. Седьмой абзац этого аффидевита гласит следующее — это единственная часть показания, которую я оглашу:

«В 1944 году по другому поводу, но также на совещании начальников управлений я услышал отрывок разговора между Кальтенбруннером и Мюллером. Я совершенно ясно

помню следующее замечание Кальтенбруннера». Цитирую: «Все Управления СД и полиции безопасности должны быть информированы, что в самосуд, которому подвергает английских и американских летчиков толпа, не стоит никоим образом вмешиваться. Напротив, эти враждебные настроения должны всячески поощряться».

Седьмое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД — захват гражданского населения оккупированных территорий и вывоз его в Германию для закрытого суда и кары, а также наказание граждан оккупированных территорий в суммарном порядке. Тот факт, что эти преступления продолжались после 30 января 1943 года, подтверждается документом ПС-835, который представляется здесь в качестве документального доказательства США-527. Это письмо верховного командования вооруженных сил, адресованное германской комиссии по перемирию и датированное 2 сентября 1944 года. Начало документа гласит, я цитирую:

«В соответствии с декретами, все негерманское гражданское население на оккупированных территориях, которое угрожает безопасности и готовности к действию оккупационных сил путем актов террора и диверсий или любым другим путем, должно быть передано полиции безопасности и СД. Из этого числа исключаются только те заключенные, которые были присуждены к смерти или находились, по приговору, в заключении до издания этого декрета. Всякие акты политического характера также рассматриваются как действия, которые должны быть наказуемы, согласно настоящему декрету, как акты, угрожающие безопасности и готовности к действию оккупационных войск».

Восьмое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД — казни и заключение в концлагеря людей за преступления, которые якобы совершены их родственниками. Тот факт, что это преступление продолжалось после 30 января 1943 года, подтверждается документом Л-37, США-506, который уже представлялся в качестве доказательства сегодня утром. Это письмо начальника полиции безопасности и СД в Радоме, датированное 19 июля 1944 года, в котором говорится, что все родственники мужского пола диверсантов и убийц должны быть расстреляны, а родственники женского пола старше 16 лет должны быть сосланы в концлагеря. Я снова ссылаюсь на документ Л-215, который уже был представлен в качестве доказательства США-243. Я особо указываю на дело Юнкера, который по приказу Кальтенбруннера должен был быть направлен органами гестапо в концлагерь Заксенхаузен, «потому что он является родственником де-

зертира и предполагается, что он может угрожать интересам Германской империи, если останется на свободе».

Девятое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер в качестве начальника полиции безопасности и СД — «чистка», которая проводилась в тюрьмах полиции безопасности и СД и в концлагерях. Обращаю внимание Трибунала на документ Л-53, который уже был представлен Трибуналу в качестве доказательства под номером США-291. Это письмо начальника полиции безопасности и СД в Радоме, датированное 21 июля 1944 года, в котором говорится, что он отдал приказ о «чистке» всех тюрем и, «если возникнет необходимость», о «ликвидации заключенных». Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3462, США-528. Это подписанный под присягой протокол допроса Бертуса Гердеса, бывшего гауштабсамтслейтера при гаулейтере Мюнхена. Этот допрос был снят в процессе официального расследования, проводившегося представителями армии США. На этом допросе Гердесу было предложено сказать все, что ему известно о Кальтенбруннере. Я зачитаю только небольшую часть его ответа. Это третий абзац, 2-я страница:

«Гислер сказал мне, что Кальтенбруннер находился в постоянной связи с ним, потому что он был очень озабочен настроениями иностранных рабочих и особенно заключенных в концлагерях Дахау, Мюльдорф и Ландсберг, которые находились на пути наступающих союзных армий. Во вторник в середине апреля 1945 года мне позвонил по телефону гаулейтер Гислер и просил меня, чтобы я находился на месте для переговоров ночью. Во время нашего разговора той же ночью я услышал от Гислера, что он получил директиву от Кальтенбруннера, по приказу фюрера немедленно разработать план ликвидации концлагеря Дахау и двух еврейских трудовых лагерей Ландсберг и Мюльдорф. Директива предлагала ликвидировать два еврейских трудовых лагеря в Ландсберге и Мюльдорфе с помощью немецких ВВС, поскольку территория этих лагерей была в свое время объектом для многократных налетов вражеских самолетов. Эта операция называлась кодовым обозначением "Вольке А1"».

Я перехожу ко второму абзацу 3-й страницы этого допроса:

«Я был убежден, что никогда не позволю провести эту директиву в жизнь. Когда готовность к этой операции должна была быть завершена, меня буквально стали осаждать курьеры от Кальтенбруннера и, более того, предполагалось, что я уже обсуждал детали этих операций в Мюльдорфе и Ландсберге с двумя соответствующими представителями. Курьеры, которые были, главным образом, офицерами СС, обычно лейтенантами СС, давали мне твердые и жест-

5 Заказ 1429

кие приказы, которые я должен был читать и визировать. Эти приказы угрожали мне самыми страшными карами, в том числе казнью, если я не буду их выполнять. Однако я всегда мог найти извинение в том, что я не располагал достаточным количеством бензина и бомб для самолетов. Тогда Кальтенбруннер приказал, чтобы евреи из Ландсберга были пригнаны пешком в Дахау для включения их в операцию по ликвидации, которая должна была быть проведена в Дахау. Операция в Мюльдорфе должна была быть теперь проведена гестапо. Кальтенбруннер издал также приказ о проведении операции "Волькенбранд" в лагере Дахау, согласно которой заключенные лагеря Дахау, за исключением арийцев из западных стран, должны были быть ликвидированы ядом.

Гаулейтер Гислер получил этот приказ непосредственно от Кальтенбруннера и обсуждал в моем присутствии с доктором Хартфельдом, начальником управления здравоохранения гау, вопрос о поставке необходимого количества яда для проведения этого мероприятия. Доктор Хартфельд обещал поставить необходимое количество яда, когда это потребуется, и получил указание ждать моих дальнейших инструкций. Поскольку я не хотел допустить этих казней ни при каких обстоятельствах, я не давал никаких дальнейших инструкций доктору Хартфельду.

Едва лишь заключенные из Ландсберга прибыли в Дахау, как Кальтенбруннер объявил, что операция "Волькенбранд" должна быть проведена немедленно.

Я воспрепятствовал проведению этих двух операций "Вольке А1" и "Волькенбранд", сказав Гислеру, что фронт слишком близко, и попросил его передать это Кальтенбруннеру.

Тогда Кальтенбруннер дал в письменном виде инструкцию в Дахау перевезти всех заключенных из Западной Европы на грузовиках в Швейцарию, а остальных отправить пешком в Тироль, где должна была быть произведена окончательная ликвидация этих заключенных»...

Как помнит Трибунал, в конце последнего заседания мы закончили чтение части письменного показания, данного под присягой гауштабсамтслейтером, подчинявшимся гаулейтеру Мюнхена. Мы коснулись вопроса о том, что, как он сказал, Кальтенбруннер отдавал приказы, адресованные Дахау, перевезти западноевропейских заключенных на грузовиках в Швейцарию, а остальных пригнать пешком в Тироль.

Я теперь представляю в качестве доказательства следующий документ — первые пять страниц допроса Готлоба Бергера, который был начальником главного управления СС. Это показание было дано под присягой 20 сентября

1945 года в процессе этого судебного разбирательства. Этот документ, США-529, находится в конце книги документов. Эти страницы были переведены на немецкий язык и переданы подсудимым.

Председатель: *Этот документ имеет номер ПС?*

Харрис: *Нет, сэр. Этот документ не имеет номера ПС. Он находится в конце книги документов.*

Я хочу зачитать только один вопрос и ответ из этого документа. Я ссылаюсь на 3-ю страницу документа, последний вопрос и ответ на этой странице.

«Вопрос: Будем считать, что факт совершения этих жестокостей, о которых мы слышим, доказан. Кто, по Вашему мнению, отвечает прежде всего за их совершение?

Ответ: Во-первых, комендант лагеря и, во-вторых, Глюкс, потому что он практически проводил в жизнь весь распорядок, принятый в лагерях. Если быть точным, нужно прежде всего установить, как работала связь между Глюксом и комендантом лагеря. Я хочу дать вам следующий пример. Ночью 22 — 23 апреля меня послали в Мюнхен. Когда я въехал в город, я встретил группу примерно в 120 человек, одетых в форму заключенных концлагерей. Я спросил их конвойного: "Что это за люди?". Он сказал мне, что эти люди идут пешком в Альпы. Я, прежде всего, отправил их обратно в Дахау. Затем написал письмо коменданту, где приказывал не посылать больше людей пешком куда бы то ни было. Но в тех случаях, когда союзники будут продвигаться вперед — оставлять лагерь. Я сделал это под свою собственную ответственность и сказал ему, что я прибыл непосредственно из Берлина и что меня можно найти в Мюнхене в моем управлении. Комендант или его заместитель позвонил примерно в 12 часов по телефону и сказал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера после того, как гаулейтер Мюнхена, рейхскомиссар, спросил его...»

Десятое преступление, за которое Кальтенбруннер несет ответственность как шеф полиции безопасности и СД — преследование евреев. Совершение этого преступления, несомненно, продолжалось после 30 января 1943 года и уже было представлено достаточное количество доказательств того, что преследования продолжались до самого конца войны и даже усилились к концу войны. Как показывает документ ПС-2519, который мы представляем в качестве доказательства, Кальтенбруннер лично интересовался этим вопросом. Этот документ, США-530 — меморандум и письменное показание, данное под присягой. Я обращаю внимание Трибунала на это письменное показание. Я цитирую:

«Я, Анри Моннерэ, под присягой заявляю, что начиная с 12 сентября 1945 года я работал и работаю во француз-

ском ведомстве по преследованию преступников стран оси и выполняю свои служебные обязанности в этой связи с 12 октября 1945 года в г. Нюрнберге. На протяжении моей деятельности на этом посту, по указанию Главного Обвинителя Французской республики, я рассматривал личные документы подсудимых».

Председатель: *Есть ли необходимость оглашать это полностью? Зачем Вы представляете эти письменные показания?*

Харрис: *Я хочу показать, что этот документ был обнаружен в личном имуществе подсудимого Кальтенбруннера.*

Председатель: *Вы можете пропустить вводную часть и непосредственно перейти к существу дела?*

Харрис: *Хорошо, сэр. Я зачитаю последнюю фразу. «Этот документ, ПС-2519, был обнаружен мною в конверте, в котором содержалось несколько личных бумаг Кальтенбруннера».*

Теперь я зачитаю меморандум, тот самый, о котором говорится в письменном показании. Цитирую:

«Радиограмма группенфюреру и генерал-майору СС Фегелейну в ставку фюрера, полученная через штурмбаннфюрера майора СС Сансони. Берлин. Информируйте рейхсфюрера СС и доложите фюреру, что все мероприятия, направленные против евреев, а также заключенных в концентрационных и политических лагерях в протекторате, проводятся под моим личным наблюдением. Там довольно спокойно, но боятся советских успехов и надеются на то, что будет проведена оккупация западными державами. Подпись: Кальтенбруннер».

Биддл: *Есть дата?*

Харрис: *Нет.*

Одиннадцатое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер — преследование церкви и религии. Нет необходимости представлять специальные доказательства о том, что это преступление продолжалось и после 30 января 1943 года, поскольку это преследование являлось одной из важнейших задач полиции безопасности и СД, как это было показано ранее.

Таковы преступления, за которые должен ответить подсудимый Кальтенбруннер. Что касается умысла в его действиях, то, чтобы его обнаружить, нет необходимости выходить за пределы протоколов этого Трибунала.

1 декабря 1945 года свидетелю генералу Лахузену во время перекрестного допроса был задан вопрос: «Знаете ли Вы Кальтенбруннера?». После того, как он описал свою встречу с Кальтенбруннером однажды в Мюнхене, когда студент и его сестра были арестованы и казнены за то, что они распространяли листовки в аудитории, Лахузен сказал: «Я очень легко могу восстановить события этого дня. Это было в первый и последний раз, когда я видел Каль-

тенбруннера, имя которого было известно мне. Конечно, Кальтенбруннер рассказал об этом Канарису, который был под ужасным впечатлением того, что случилось. К счастью, имеются свидетели, которые могут это подтвердить. Кальтенбруннер говорил об этом с Канарисом, придерживаясь фактов, но в то же время с большим цинизмом. Вот все, что я могу сказать по этому вопросу».

Кальтенбруннер был фанатиком-нацистом в течение всей своей жизни. Он был руководителем СС в Австрии до аншлюса и играл главную роль в предательстве своей родной страны в пользу нацистских заговорщиков. Как руководитель СС и полиции в Австрии после аншлюса, он знал и контролировал деятельность гестапо и СД в Австрии. Концлагерь в Маутхаузене был подведомствен ему, и он посетил его несколько раз. По крайней мере, один раз он видел газовую камеру в действии в этом лагере. Зная все это, он тем не менее принял на себя в январе 1943 года обязанности шефа полиции безопасности и СД — тех самых организаций, которые посылали жертвы на смерть. Он оставался на этом посту до самого конца, занял очень высокое положение в СС и германской полиции и получал высокие награды от Гитлера. Как и другие нацистские руководители, Кальтенбруннер стремился к власти, и для того чтобы завоевать ее, пошел на преступления.

В. БРУДНО (США)

Об индивидуальной ответственности Розенберга[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 9 и 10 января 1946 г.

Господа судьи, я перехожу к обвинению подсудимого Розенберга и в этой связи хочу представить книгу документов, означенных — США, серия ЕЕ, которая содержит в себе английский перевод всех документов, которые я буду представлять в качестве доказательств, а также английский перевод тех документов, которые были представлены ранее и на которые я буду ссылаться. Документы расположены по сериям: «С», «Л», «Р», «ПС» и «ЕС», в каждой серии они имеют порядковые номера.

Ваша честь заметит, что на первых четырех страницах книги документов имеется перечень всех документов с кратким описанием. Это перечень тех документов, которые

[1] IMT. Vol. 5. P. 41— 66.

непосредственно касаются подсудимого Розенберга, включая и те, которые были представлены ранее и которые я представляю здесь. Те документы, которые были уже представлены в качестве доказательств, также расположены по порядку номеров и в соответствии со страницами стенограмм. Этот список включен в книгу документов и передан защите. Он содержит все документальные доказательства, в которых упоминается подсудимый Розенберг и которые уже занесены в протокол. Чтобы не повторяться, я сейчас не буду ссылаться на значительное количество документов, которые были представлены ранее.

В обвинительном заключении подсудимому Розенбергу предъявлено обвинение по всем четырем разделам. При представлении обвинения, я докажу, что согласно первому разделу, подраздел «D», Розенберг играл особо важную роль в разработке и проведении в жизнь доктрин заговора, в разработке и претворении в жизнь идей несовместимых с христианским учением, направленных на искоренение влияния церкви на германский народ, проведение программы беспощадного истребления евреев, программы изменения системы образования с целью подчинить германский народ воле заговорщиков и психологически подготовить к ведению агрессивной войны.

Будет доказано, что Розенберг играл важную роль в подготовке Германии к ведению агрессивной войны, осуществляя руководство внешней торговлей, как это вменяется подразделом «E» первого раздела обвинительного заключения, и что его деятельность в сфере внешней политики существенно способствовала подготовке агрессии, (подраздел «F»), а также совершению преступлений против мира, как это сформулировано в разделе втором.

Я также докажу, что подсудимый Розенберг играл важную роль в подготовке Германии к ведению агрессивной войны посредством планирования и подготовки военных преступлений и преступлений против человечности, как об этом говорится в подразделе «G», страница 10 первого раздела обвинительного заключения, и в особенности, что он принимал участие в планировании и осуществлении разграбления произведений искусств в западных государствах и многочисленных преступлениях, совершенных в той части оккупированных восточных стран, которые прежде были территориями СССР.

Политическая карьера подсудимого Розенберга охватывает весь период развития национал-социализма и тесно связана со всеми стадиями заговора, который мы рассматриваем. С целью получить полное представление о влиянии Розенберга на заговор и его участие в нем необходимо

вкратце исследовать его политическую карьеру и рассмотреть каждое из его политических действий в связи с ходом заговора, который начинается с создания партии в 1919 году и кончается поражением Германии в 1945 году.

Весьма интересно и важно заметить, что подсудимый Розенберг 30 ноября 1918 года отметил начало своей политической деятельности лекцией по «еврейскому вопросу». Эта цитата содержится во второй строке перевода документа ПС-2886, который представляет выдержку из книги, озаглавленной «Деятельность Альфреда Розенберга». Это биография. Я представляю эту книгу в качестве документального доказательства под номером США-591.

Из документа ПС-3557, который представляет собой выдержки из официальной брошюры, озаглавленной «Важнейшие даты в истории национал-социалистской партии», мы узнаем, что подсудимый Розенберг был членом германской рабочей партии, затем, в январе 1919 года, стал членом германской национал-социалистской рабочей партии и что Гитлер соединил свои усилия с Розенбергом и его коллегами в октябре того же года. Таким образом, подсудимый Розенберг стал членом национал-социалистского движения еще до того, как им стал сам Гитлер.

Сейчас я хочу представить в качестве доказательства документ ПС-3530, США-593. Это выдержка из «Дас дойче фюрерлексикон» издания 1934 — 1935 годов. Из этого документа мы извлечем дополнительные биографические данные о Розенберге. Там говорится:

«С 1921 года до настоящего времени он являлся редактором "Фелькишер Беобахтер", редактором национал-социалистского ежемесячника "Монатсхефте". В 1930 году стал членом рейхстага и представлял вопросы внешней политики партии. С апреля 1933 года являлся начальником отдела по внешнеполитическим вопросам национал-социалистской партии. Затем был назначен рейхслейтером. В январе 1934 года фюрер доверил ему идеологическое воспитание в национал-социалистской партии, германском рабочем фронте и во всех связанных с ним организациях».

Документ ПС-2886, который я только что представил под номером США-591, добавляет к этому, что в июле 1941 года Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

Имея в виду эти общие данные о его деятельности, приступим к первому этапу предъявления доказательств, который представит Розенберга как официального идеолога национал-социализма. Доказательства, которые я представляю, вскроют характер и масштаб идеологических доктрин, которые он распространял, и то влияние, которое они оказывали на унификацию германского мышления, унифика-

цию, которая являлась важной частью программы заговора в целях захвата власти и подготовки агрессивной войны.

Розенберг много писал и активно участвовал в осуществлении буквально каждого из направлений программы национал-социалистской партии. Его первая книга была озаглавлена «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Она была издана в 1922 году. В этой книге Розенберга приводится его речь, которую мы уже слышали здесь во время демонстрации кинофильма, представленного под номером США-167. Страница 2, часть 1 звукозаписи этой речи, документ ПС-3054. Розенберг говорит:

«В течение этого периода, то есть в период зарождения партии, я написал краткое сочинение, которое, тем не менее, является весьма важным в истории национал-социалистской партии... Часто спрашивают — каковы основные пункты программы нацистской партии и как их следует понимать? В связи с этими вопросами я и написал книгу "Природа, основные принципы и цели НСДАП". Этот труд создал первичную крепкую связь между Мюнхеном, местными организациями, находящимися в процессе становления, и нашими друзьями в пределах империи».

Таким образом, мы видим, что создателем и первым человеком, который в своих выступлениях освещал программу партии, был подсудимый Розенберг. Я не буду пытаться здесь освещать всю идеологическую программу, которую излагал подсудимый Розенберг в своих произведениях и выступлениях, которых очень много. Я хочу только представить в качестве доказательства некоторые его высказывания, говорящие о характере и широком размахе идеологической программы, которую он проводил в жизнь. Сейчас вы увидите, что не было ни одного основного принципа нацистской философии, которому Розенберг не дал официального выражения. Розенберг написал книгу «Миф XX века», которая была издана в 1930 году. Эта книга уже была представлена в качестве доказательства под номером ПС-3553, США-352. На странице 479 этой книги Розенберг писал по расовому вопросу следующее:

«Существо нынешней мировой революции заключается в пробуждении расового сознания не только в Европе, но и во всем мире. Это пробуждение представляет собой органическое противостояние хаотическим остаткам либерально-экономического империализма, объекты эксплуатации которого попали в лапы большевистского марксизма с целью завершить то, что начала демократия, а именно уничтожить расовое и национальное сознание».

Именно Розенберг развивал идею «жизненного пространства» — идею, которая была основной мотивацией,

динамическим импульсом, толкавшим Германию к ведению агрессивной войны.

В журнале «Национал-социалистский ежемесячник» за май 1932 года, который я представляю как документ ПС-2777, США-594, на странице 199 он пишет:

«Сознание того, что германская нация, если она не хочет погибнуть в полном смысле слова, нуждается в жизненном пространстве как для настоящего, так и для будущих поколений, и здравое понимание того, что эту территорию больше нельзя захватить в Африке, а лишь в Европе, и прежде всего на Востоке — все это органически определяет германскую внешнюю политику на последующие столетия».

Розенберг изложил свою теорию о месте религии в национал-социалистском государстве в своей книге «Миф XX века», дополнительные выдержки из которой имеются в документе ПС-2891. На странице 215 этой книги Розенберг пишет:

«Мы теперь понимаем, что высшие ценности римской и протестантской церквей отражают "негативное христианство" и не находят отклика в нашей душе, что они мешают развитию органических сил народа, принадлежащего к нордической расе. Поэтому их ценности должны уступить место проявлению этих сил, их следует перестроить таким образом, чтобы они соответствовали германскому христианству. В этом и заключается значение нынешних религиозных исканий»...

Вместо традиционной христианской веры Розенберг хотел ввести новый языческий миф крови. На странице 114-й книги «Миф XX века» он заявляет следующее:

«Сегодня мир пробуждается к новой вере — к мифу крови, к вере в то, что божественное существование человека должно защищаться кровью. Эта вера основывается на ясном понимании того, что нордическая кровь составляет ту тайну, которая выше и больше всех старых святынь».

Точка зрения Розенберга на религию была принята как единственная философия, совместимая с национал-социализмом. В 1940 году подсудимый Борман писал Розенбергу, документ ПС-098, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-350, цитирую:

«Церковь не может быть побеждена путем компромисса между национал-социализмом и христианским учением, но только путем введения новой идеологии, приход которой вы сами возвестили в своих произведениях».

Розенберг активно участвовал в программе уничтожения влияния церкви. Подсудимый Борман часто писал Розенбергу по этому поводу, представляя ему сведения относительно предполагаемых действий против церкви и требуя в случае необходимости действий и со стороны управления,

которым руководил Розенберг. Я ссылаюсь на документ, который представлялся в связи с делом против руководящего состава нацистской партии, это документ ПС-070, США-349, в котором речь шла о запрещении церковной службы в школах; документ ПС-072, США-357, о конфискации церковной собственности; документ ПС-064, США-359, о том, что солдаты не получали достаточного антирелигиозного просвещения; документ ПС-089, США-360, о прекращении издания протестантских журналов, а также документ ПС-122, США-362, о закрытии теологических факультетов.

Розенберг особенно яро проводил свою линию в так называемом «еврейском вопросе». 28 марта 1941 года, в связи с открытием института по исследованию еврейского вопроса, он наметил основные принципы его деятельности и указал путь, по которому должно было идти исследование. Я хотел бы процитировать документ ПС-2889, США-595. Это выдержка из «Фелькишер Беобахтер» от 29 марта 1941 года. Это заявление, сделанное Розенбергом в связи с открытием этого института.

«Для Германии еврейский вопрос будет решен только тогда, когда последний еврей покинет территорию Великой Германской империи. Поскольку Германия, ее кровь, ее национализм навсегда сломали еврейское диктаторство для всей Европы и приняли меры к тому, чтобы Европа в целом еще раз освободилась от еврейской заразы, мы сможем, я надеюсь, сказать: для всех европейцев еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда последний еврей покинет европейский континент».

Мы уже видели, что Розенберг не упускал ни малейшей возможности проводить свои антисемитские установки на практике. Трибунал, наверно, помнит, что в документе ПС-001, США-282, который уже представлялся в качестве доказательства в связи с представлением материалов по преследованию евреев, Розенберг рекомендовал вместо того, чтобы казнить 100 французов в качестве кары за покушение на жизнь представителей командования вооруженных сил Германии, — казнить 100 еврейских банкиров, юристов и т. д. Это было рекомендовано с явной целью пробудить антисемитские настроения.

В документе ПС-752, который уже представлял сегодня утром сэр Дэвид Максуэлл-Файф под номером ВБ-159, указано, что в июне 1941 года Розенберг созвал антисемитский конгресс. Этот конгресс был отменен в связи с военными событиями. В области внешней политики, кроме требования жизненного пространства, Розенберг также выступал за уничтожение Версальского договора и отвергал любую мысль о его пересмотре. В своей книге «Природа, основные принципы и цели НСДАП», которая была написана Ро-

зенбергом в 1922 году, он высказывает мнение касательно Версальского договора. Выдержки из этого произведения приведены в нашем документе ПС-2433, США-596. Он говорил следующее:

«Национал-социалисты отбрасывают распространенное мнение о необходимости "ревизовать" Версальский договор, поскольку такая ревизия могла бы привести к сокращению так называемых "обязательств", но весь германский народ остался бы, как и прежде, рабом других наций».

Дальше он продолжает развивать следующую точку зрения партии:

«Мы требуем равенства для германского народа, равенства с другими народами, отмены мирных договоров Версаля и Сен-Жермена».

Розенберг хотел распространения национал-социализма во всем мире, и, как мы далее покажем, принимал активное участие в распространении заразы своего «кредо» в других странах. В своей книге он утверждает:

«Национал-социализм все еще верит, что его принципы и идеология, хотя и предполагают различные методы борьбы в зависимости от определенных расово-национальных условий, станут определяющими и выйдут далеко за границы Германии в неизбежной борьбе за власть в других странах Европы и Америки. Это следует уяснить, и тогда должна начаться расово-националистская борьба против ростовщического капитализма и марксистского интернационализма, которые везде одинаковы. Национал-социализм верит, что по завершении великой мировой борьбы, после того как современная эпоха претерпит изменения, наступит время, когда свастика будет развеваться на различных знаменах объединенных Германией народов как арийский символ возрождения».

Это заявление было сделано в 1922 году.

Таким образом, мы видим, что подсудимый Розенберг являлся авторитетным выразителем основных идей, на которых строился национал-социализм и опираясь на которые фактически приводился в действие заговор. Заслуги Розенберга в проведении программы заговора получили официальное признание, когда он в 1934 году был назначен заместителем фюрера по всем идеологическим и философским вопросам образования и руководства национал-социалистской немецкой рабочей партии. Его деятельность на этом пути была широка и многообразна.

Я представляю в качестве доказательства национал-социалистский ежегодник за 1938 год под номером США-597. На странице 180 этой книги, документ ПС-3531, описаны функции отдела Розенберга как заместителя фюрера.

«Деятельность заместителя фюрера по идеологическим вопросам образования и воспитания партии, ее организаций, в том числе организации "Сила через радость", простирается до достижения единообразия в проведении в жизнь всей воспитательной работы партии и приданных ей организаций.

Организация, возглавляемая рейхслейтером Розенбергом, имеет своей целью подготовку идеологического материала по просвещению, проведению в жизнь программы обучения; она несет ответственность за воспитание тех учителей, которые будут потом проводить эту воспитательную и образовательную работу».

Как заместитель фюрера Розенберг, таким образом, наблюдал за всем идеологическим образованием и воспитанием внутри партии.

Личное мнение Розенберга заключалось в том, что от выполнения им его новых функций как заместителя фюрера по идеологическим вопросам зависело будущее национал-социализма. Документ ПС-3532, США-598, является выдержкой из статьи Розенберга, появившейся в марте 1934 года в номере «Воспитательного письма». На 9-й странице этой статьи Розенберг заявляет:

«Цель всей нашей воспитательной работы с сегодняшнего дня заключается в службе этой идеологии, и от результатов наших усилий зависит то, будет ли национал-социализм похоронен вместе с нашим борющимся поколением или, как мы верим, он действительно является началом новой эры».

В качестве заместителя фюрера по вопросам идеологического воспитания Розенберг помогал в подготовке программ для школ Адольфа Гитлера. Эти школы, как известно, отбирали наиболее подходящих кандидатов из числа гитлер-югенда для будущего руководства внутри партии. Это были элитные школы национал-социализма. Следующий документ называется «Документы германской политики», он представляется под номером США-365. Переводы выдержек из этого документа находятся в документе ПС-3529, страница 389. Цитирую:

«Как сказано доктором Леем, рейхсорганизатионслейтером, 23 ноября 1937 года в Зонтхофен, эти школы Адольфа Гитлера, как первый шаг в проведении принципа отбора элиты, образуют очень важную ступень в воспитательной системе национал-социализма, поскольку они готовят будущих лидеров».

Программа была намечена рейхслейтером Розенбергом вместе с рейхсорганизатионслейтером и имперским руководителем молодежи.

Розенберг также оказывал дальнейшее влияние на воспитание членов партии, организовав общественные школы

для всех организаций партии. Документ ПС-3528, США-599, представляет собой перевод 297-й страницы книги «Третий рейх» 1934 года издания, который я представляю в качестве доказательства. Там сказано:

«Мы поддерживаем требования уполномоченного фюрера по вопросам духовного и идеологического воспитания и образования национал-социалистской немецкой рабочей партии Розенберга организовать общественные школы для всех организаций национал-социалистской немецкой рабочей партии, причем школы эти собирать дважды в год, для того, чтобы этим общим усилием продемонстрировать идеологическое и политическое единство национал-социалистской немецкой рабочей партии и твердость национал-социалистской воли».

Эта программа поддерживалась подсудимым Ширахом, Гиммлером, Леем и другими.

Председатель: *Мне кажется, что Вы представляете все-таки документы, которые имеют подтверждающий, дополнительный характер. Нельзя ли в большей степени суммировать эти доказательства против Розенберга, чем Вы это делаете сейчас?*

Брудно: *Я попытаюсь сделать это, Ваша честь. В соответствии с обвинительным заключением уже представлено много доказательств того, что заговорщики использовали идеологическое воспитание как орудие для достижения власти и консолидации контроля. Мне кажется, однако, что эти материалы недостаточно показывают, какую роль играл Розенберг. Я представляю доказательства с целью показать, что эта роль была главной и ведущей. Но я попытаюсь, тем не менее, суммировать эти документы.*

Господа судьи помнят, что в качестве заместителя фюрера Розенберг организовал во Франкфурте институт по исследованию еврейского вопроса. Этот институт, обычно именуемый «Высшей школой», уже упоминался в связи с представлением материалов по разграблению предметов искусств. В его библиотеку стекались книги, документы и рукописи, награбленные в странах оккупированной Европы. Дальнейшее доказательство по этому вопросу будет представлено французским обвинением.

Господа судьи также помнят, что в качестве заместителя по идеологии Розенберг проводил чудовищную деятельность по разграблению, что эйнзатцштаб Розенберга проводил свою деятельность во всех странах, оккупированных Германией. Я не собираюсь давать здесь оценку масштабов разграбления. Я обращу внимание Трибунала на документ ПС-1015(б), который уже представлялся в качестве документального доказательства под номером США-385, а также на документ Л-188, США-386. Первый документ со-

держит данные о разграблении 21 тысячи предметов искусств; документ Д-188 свидетельствует о разграблении более чем 71 тысячи еврейских домов на Западе. Эта тема также будет развита и дополнена французским обвинением.

Значение деятельности Розенберга в качестве официального идеолога нацистской партии признавалось всеми. Документ ПС-3559, США-600, который я хочу представить в качестве документального доказательства — биография Розенберга, написанная Хартом и названная «Альфред Розенберг. Человек и его работа». В этой книге сказано, что Розенберг получил национальную премию в 1937 году. Вы помните, что учреждение этой премии было ответом нацистов на то, что Нобелевская премия была вручена Карлу Осецкому, заключенному в концлагерь. Я цитирую слова, сопровождавшие вручение Розенбергу этой премии:

«Альфред Розенберг помог своими книгами заложить научные и интуитивные основы и укрепить философию национал-социализма и сделал это самым лучшим образом. Национал-социалистское движение и, более того, весь германский народ глубоко благодарны, что фюрер отметил Альфреда Розенберга как одного из своих старых, самых верных боевых товарищей, наградив его германской национальной премией».

Я хочу теперь сослаться на документ ПС-789, США-23. Это протокол совещания между Гитлером и главнокомандующими, где Гитлер сказал: «Строительство наших вооруженных сил стало возможно только в связи с идеологическим воспитанием германского народа со стороны партии».

Мы утверждаем, что вклад Розенберга в заговор, который он сделал с помощью формирования и распространения национал-социалистской идеологии, был чрезвычайно важен для заговора. Он являлся апостолом нового язычества, выразителем погони за «жизненным пространством» и создателем мифа о превосходстве нордической расы. Он был одним из самых старых и энергичных апологетов антисемитизма и внес очень большой вклад в унификацию германского народа под знаменем свастики. Он был вдохновителем национал-социализма. Его доктрины означают упадок нравственности и насаждение извращенной национал-социалистской мечты о мировом господстве в умах германского народа, превратив его, таким образом, в орудие заговора, добровольного помощника в проведении в жизнь преступного плана.

Я теперь перехожу ко второй фазе преступной деятельности Розенберга, его активному участию в подготовке агрессивной войны через международную деятельность внешнеполитического ведомства НСДАП.

Как было уже показано в цитате из «Фюрерлексикон», документ США-593, Розенберг стал рейхслейтером, то есть он занял высшее положение в руководстве НСДАП, в апреле 1933 года и был назначен руководителем внешнеполитического ведомства НСДАП. Документ, который представляется под номером ПС-2319, США-602, раскрывает функции этой партийной организации и говорит о том, что они включали обеспечение влияния на общественное мнение за границей с тем, чтобы убедить все народы в том, что Германия желает мира. Широкая деятельность этой организации описана на странице 14 этого документа. Там сказано, что ведомство подразделялось на три основные отдела:

«А. Отдел по иностранным территориям, включая основные секторы: а) Англия и Дальний Восток, б) Ближний Восток, в) Юго-Восток, г) Север, д) Средний Восток, е) кадровые вопросы и т. д.

Б. Отдел германской службы научного обмена.

В. Отдел внешней торговли.

2. Кроме того, внутри этой организации существует отдел по обслуживанию прессы и по общеобразовательным вопросам».

Деятельность этой организации в области прессы была спланирована таким образом, чтобы влиять на общественное мнение, скрывать истинные цели заговорщиков и тем самым облегчить проведение мероприятий по подготовке агрессивных войн. Она проводилась в больших масштабах и представляется в документе ПС-003, который озаглавлен «Краткий отчет о деятельности внешнеполитического ведомства НСДАП». Это документ под номером США-603.

В последнем абзаце на 5-й странице перевода описывается деятельность прессы под руководством этой организации.

«Отдел прессы во внешнеполитическом ведомстве НСДАП включает в себя людей, которые знают все необходимые языки. Они просматривают ежедневно примерно 300 газет и передают фюреру, заместителю фюрера и всем заинтересованным организациям краткое содержание важнейших направлений мировой прессы. Отдел прессы располагает точными данными о рейтинге большинства крупнейших газет во всем мире. Более того, эта организация содержит и ведет архивы и подшивку самых важных газет во всем мире». Далее:

«Отдел прессы сумел организовать многочисленные интервью и привлечь большое количество выгодных нам иностранных журналистов для работы с различными официальными представителями Германии». Цитирую далее:

«Херст неоднократно обращался ко мне с личной просьбой почаще писать о состоянии германской внешней политики в его газетах. В этом году появилось 5 подробных

статей, подписанных мной, которые были распространены газетами Херста на весь мир. Эти статьи, как мне сообщил лично Херст, содержали весьма обоснованные аргументы, и он просил меня писать и другие статьи для своей газеты».

Таким образом, Розенберг пользовался этой организацией для того, чтобы влиять на общественное мнение от имени национал-социализма.

Интересно отметить на странице 4-й этого документа: Розенберг утверждает, что румынский лидер антисемитов Куза следовал его предложениям, как говорил сам Розенберг, поскольку «он признал во мне несдающегося антисемита». Мы впоследствии еще будем говорить об этом эпизоде.

Характер и масштабы деятельности ведомства полностью раскрываются в одном документе. Это основной документ, на который я буду ссылаться на данной стадии обвинения против Розенберга. Это документ ПС-007. Он озаглавлен «Отчет о деятельности внешнеполитического ведомства НСДАП за 1943 год» и подписан Розенбергом. Выдержки из 1-го приложения уже зачитывались в качестве доказательства под номером ВБ-84, основной текст отчета и 2-е приложение ранее не зачитывались. Как видно из этого документа, он содержит рассказ о широко распространенной деятельности ведомства в других странах. Эта деятельность охватывала сферы от организации проникновения в экономическую систему другой страны до подстрекательства к антисемитизму, от проникновения в сферы культуры и политики до подстрекательства к государственной измене. Эта деятельность проводилась во всем мире и достигла таких далеко отстоящих друг от друга районов, как Ближний Восток и Бразилия.

Многие успехи организации были достигнуты путем тайного использования личных отношений. Я зачитаю на 2-й странице перевода о деятельности этой организации в Венгрии. Мы узнаем, что первое посещение страны представителем иностранного государства после захвата власти было организовано с помощью этого ведомства. Юлиус Гомбос, который сам раньше придерживался антисемитских и расовых взглядов, стал премьер-министром кабинета в Венгрии. Ведомство установило с ним личный контакт и пыталось усилить военную экономику путем перемещения военного источника импорта пищевых продуктов на Балканы, как указано в третьем абзаце 2-й страницы перевода.

«В связи с нуждами военной экономики ведомство пыталось организовать так, чтобы сырьевые материалы поступали не из-за моря, а из районов, доступных наземным торговым путям».

Затем он подчеркивает, что ведомство успешно добилось того, что основной источник импорта пищевых продуктов, в особенности фруктов и овощей, переместился на Балканы, что явилось результатом его деятельности. Деятельность ведомства в Бельгии, Голландии и Люксембурге была ограничена, согласно этому отчету, простой «фиксацией существующего положения и установлением связей коммерческого характера». Эта фраза может быть понята весьма широко. «В Иране ведомство добилось большого экономического проникновения. А кроме того, оно добилось развития культурных отношений».

Я цитирую середину третьего абзаца на 3-й странице:

«Инициатива ведомства в развитии с помощью коммерческих кругов совершенно новых методов экономического проникновения в Иране нашла свое выражение в создании очень благоприятных взаимных торговых отношений. Естественно, эта инициатива вызвала в самой Германии исключительно отрицательную реакцию и встретила сопротивление со стороны соответствующих государственных властей. Эту установку нужно было преодолеть. В течение нескольких лет торговый объем с Ираном увеличился в пять раз и в 1939 году достиг первого места»...

Далее, на 3-й странице перевода приводятся слова Розенберга:

«Нейтралитет в Афганистане достигнут, главным образом, благодаря деятельности ведомства».

В связи с Аравией он сказал:

«Арабский вопрос также стал предметом деятельности ведомства. Несмотря на превосходство Англии в Иране, ведомство установило целый ряд связей с ведущими руководителями арабского мира и, таким образом, расчистило путь к установлению прочных связей с Германией. В этой связи растущее влияние империи в Иране и Афганистане имело также свое отражение и в Аравии».

Завершая отчет, Розенберг заявляет, что с началом войны он считает свою задачу решенной. Розенберг заключает этот отчет словами:

«Использование многочисленных личных связей во многих странах может быть возобновлено иными способами».

Я теперь обращусь ко второму приложению к этому отчету. Это приложение посвящено деятельности ведомства в Румынии. Здесь оно действовало более изощренно. Его вмешательство во внутренние дела иностранного государства было еще более явно. Описав, как вследствие династических споров и партийных баталий не достигло своей цели явление, которое он называет «в основном здравой антисемитской тенденцией», Розенберг повествует о влиянии ве-

домства на унификацию противоположных элементов в связи с борьбой внутри партии. Я цитирую:

«Нам не хватало руководства политического вождя. После многих попыток ведомство нашло такого человека в лице бывшего министра и поэта Октавиана Гога. Его не трудно было убедить, поскольку им руководило интуитивное вдохновение, что великая Румыния, которая должна быть создана в оппозицию к Вене, может существовать только вместе с Берлином. Было также не трудно убедить его и возбудить в нем желание соединить судьбу Румынии с будущей национал-социалистской Германской империей. Осуществляя постоянно свое влияние, ведомству удалось убедить и заставить Октавиана Гога и профессора Куза объединить партии, которыми они руководили, на антисемитской основе. Таким образом, они могли проводить объединенными силами во внутренней политике борьбу за возрождение Румынии, а во внешней политике стремиться к присоединению Румынии к Германии. По инициативе ведомства обе партии, которые раньше назывались по-разному, объединились в одну национал-христианскую партию под руководством Гога и Куза в качестве почетного председателя». Ставленник Розенберга Гога был поддержан двумя различными партиями, которые не присоединились к антисемитскому движению. Розенберг заявляет:

«Управление поддерживало постоянную связь с обоими тенденциями через посредников».

Гога, которого поддерживал Розенберг, был назначен премьер-министром королевским приказом в декабре 1937 года. Пагубное влияние Розенберга и его идеологии достигли своего полного триумфа. Розенберг констатирует:

«Таким образом, в Европе появилось второе правительство, основанное на расизме и антисемитизме, причем это произошло в стране, где такие события казались невозможными».

Я не буду подробно останавливаться на политических беспорядках, которые терзали Румынию в последующий период.

Председатель: Господин Брудно, я полагаю, что Трибунал удовлетворен, принимая во внимание, что скажет подсудимый и его защитник, доказательствами того, что Розенберг пытался распространять свои идеи за рубежом. Нам не требуется детальных документов в подтверждение этого. Мы вполне удовлетворены материалами об активности ведомства и его деятельности.

Брудно: Хорошо, Ваша честь. Мы считаем, если Трибунал удовлетворен доказательствами, то мы можем перейти к следующему.

Председатель: *Имея в виду материалы, которые касались Розенберга.*

Брудно: *Разумеется. Я хотел бы только сказать в заключение, что деятельность ведомства, как показано в документе ПС-007, в основном привела к присоединению Румынии к державам оси. Это было одно из важных звеньев цепи германской военной стратегии.*

Я хотел бы привлечь внимание суда к уже представлявшимся доказательствам относительно деятельности ведомства в Норвегии, деятельности, которая вызвала предательство Квислинга и Хагелина. Эти лица впоследствии были осуждены.

Я обращаюсь к последней части обвинения против подсудимого Розенберга. Мы видели, как он помог приходу нацистов к власти и руководил психологической подготовкой народа Германии к ведению агрессивной войны. Я теперь докажу, что он несет ответственность за планирование и проведение в жизнь военных преступлений и преступлений против человечности, которые совершались на обширной территории оккупированного Востока, где он управлял в течение более трех лет. Эта территория включает Балтийские государства, Белоруссию, Украину и восточную часть Польши.

Я не буду пытаться давать хронологический перечень разграблений, жестокостей и массовых убийств. Мы считаем, что это уже было достаточно убедительно доказано. Дальнейшие доказательства будут представлены обвинением со стороны Советского Союза и Франции.

Мы полагаем, что Розенберг будет заявлять, что некоторые преступления были совершены против его воли.

И действительно, есть некоторые доказательства, что он порой протестовал против них, но не по гуманным причинам, а по причинам политического характера.

Мы предвидим также, что Розенберг будет пытаться переложить вину за эти преступления на другие организации и других подсудимых. Однако представляемые нами материалы докажут, что он лично формировал и определял жесткую политику, во исполнение которой были совершены эти преступления. Эти преступления были совершены, главным образом, людьми и организациями, которые находились под его контролем, которыми он руководил и которые возглавлял, что все другие организации, участвовавшие в совершении этих преступлений, привлекались им к сотрудничеству по проведению этих мероприятий по управлению Востоком, хотя жестокие методы, которые обычно применялись ими, были также известны всем.

И, наконец, что его министерство полностью сотрудничало и помогало им в этой деятельности, несмотря на то, что применялись преступные методы.

Розенберг активно участвовал в делах на Востоке уже с 20 апреля 1941 года — за два месяца до нападения Германии на Советский Союз, в этот день он был назначен Гитлером уполномоченным по вопросам, связанными с восточноевропейским регионом.

Приказ Гитлера, согласно которому он получил это назначение, уже зачитывался. Он представлялся в качестве доказательства под номером ПС-865, США-143. Первоначальная подготовка, предпринятая Розенбергом для выполнения этой новой задачи, показывает степень его сотрудничества в осуществлении военных планов агрессии. Они также показывают, что он понимал свою задачу таким образом, что он должен был требовать помощи со стороны многих имперских организаций, и он действительно требовал их сотрудничества.

Через некоторое время после его назначения Гитлером Розенберг провел целую серию совещаний с представителями различных имперских учреждений — совещаний, которые суммированы в документе ПС-1039, уже представлявшемся под номером США-146.

Этот документ отражает сотрудничество следующих организаций и показывает также, что сотрудничество этих организаций привлекалось и поощрялось Розенбергом. Вот эти организации:

ОКВ, ОКХ, ОКМ, министерство экономики, управление главного уполномоченного по четырехлетнему плану, министерство внутренних дел, имперское руководство молодежью, германский трудовой фронт, министерство труда, СС, СА и еще некоторые другие организации.

Эта деятельность, как следует отметить, проводилась Розенбергом в качестве уполномоченного по делам восточных территорий до нападения на Советский Союз, до того, как он был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий, то есть до того, как Германия оккупировала эти территории и могла управлять ими.

Я хотел бы коротко сослаться теперь на основные взгляды Розенберга касательно его новой задачи и на те директивы, которые, как он знал, должен был выполнять.

Господа судьи помнят, что 29 апреля 1941 года, документ ПС-1024, США-278, Розенберг утверждал:

«До полнейшего разрешения еврейского вопроса должно быть принято временное его разрешение (в виде принудительного труда для евреев, создания гетто и т. д.)».

8 мая 1941 года им были изданы специальные инструкции всем имперским комиссарам по оккупированным восточным территориям для проведения всех этих мероприятий. Эти инструкции содержатся в документе ПС-1030, уже

представлявшемся под номером США-144. Последний абзац, который здесь еще не зачитывался, гласит:

«С точки зрения культурной политики Германская империя собирается поощрять и направлять национальную культуру и науку во многих областях. Будет необходимо, чтобы на некоторых территориях было произведено выкорчевывание и пересаживание различных расовых корней».

В документе ПС-1029, который уже представлялся под номером США-145, Розенберг указывает, что восточные территории должны превратиться в часть великой германской империи путем германизации расово-приемлемых элементов и колонизации германских рас, а также путем уничтожения нежелательных элементов.

В речи 20 июня 1941 года, как Ваша честь помнит, Розенберг утверждал, что деятельность по снабжению немцев продовольствием является главной задачей на Востоке. Он говорил о том, что у Германии нет обязательств кормить русский народ, что это тяжелая необходимость, не имеющая ничего общего с какими-либо чувствами, что будет необходима очень интенсивная эвакуация, и в будущем русских ждут тяжелые времена. Эта речь, как Трибунал помнит, содержится в документе ПС-1058, США-147.

4 июля 1941 года, еще до назначения Розенберга министром по делам оккупированных восточных территорий, представитель ведомства Розенберга участвовал в совещании по вопросу использования рабочей силы и, в частности, труда советских военнопленных. Документ ПС-1199 является протоколом этого совещания, и я его представляю в качестве доказательства под номером США-604. В этом документе говорится, что в совещании участвовали представители уполномоченного по четырехлетнему плану, имперского министерства труда, министерства продовольствия и ведомства Розенберга. В первом предложении говорится, я цитирую:

«После короткой вступительной речи подполковника доктора Крулля, подполковник доктор Брейер из отдела по военнопленным объяснил, что существует запрещение, сделанное фюрером, ввозить русских военнопленных в империю для использования их на работах, но что, видимо, можно рассчитывать на то, что это запрещение будет несколько ослаблено».

Последний абзац, я цитирую:

«Председатель суммировал результаты обсуждения и подчеркнул, что все заинтересованные организации безоговорочно высказались за использование военнопленных в связи с потребностями в рабочей силе в империи».

16 июля 1941 года, за день до того, как Розенберг был назначен министром по делам оккупированных восточных территорий, он присутствовал на совещании в ставке фюре-

ра. Протокол этого совещания уже представлялся Трибуналу в качестве документа Л-221, США-317.

В ходе совещания Гитлер заявил, что Крым должен быть эвакуирован. Из него должны быть вывезены все иностранцы и там должны быть расселены только немцы. Он далее сказал, что цель Германии на Востоке имеет три аспекта: во-первых, господствовать на Востоке, во-вторых, управлять Востоком и, в-третьих, эксплуатировать Восток.

Таким образом, характер управления, который предусматривался для оккупированного Востока, был ясен до того, как Розенберг занял пост министра. Он знал эти планы и был согласен с ними. Преследование евреев, принудительный труд военнопленных, германизация, эксплуатация — вот основные линии политики, которую Розенберг осуществлял с того времени, как он принял на себя обязанности министра.

17 июля 1941 года Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий. Декрет, которым он был назначен, представляется в качестве доказательства под номером ПС-1997, США-319.

Я хотел бы теперь рассмотреть организационную структуру ответственности, которая существовала внутри министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Организационная структура на Востоке была такова, как мы покажем, что Розенберг был не подставной фигурой, а пользовался полнейшей властью и осуществлял полный контроль.

Документ ПС-1056 является копией документа, который называется «Организация управления оккупированными восточными территориями». Он не датирован и не подписан, но мы можем получить информацию об этом документе, ЕС-347, «Зеленая папка» Геринга, которая уже представлена в качестве доказательства.

Во второй части, в разделе «А» документа ЕС-347, есть такой заголовок, я цитирую: «Выдержка из директивы имперского министра по делам оккупированных восточных территорий и по вопросам гражданской администрации». Затем в скобках «Коричневая папка, часть 1, страницы 25 — 30».

Два абзаца, которые следуют, идентичны с двумя абзацами, которые находятся наверху страницы 9 перевода документа ПС-1056. Таким образом, документ ПС-1056 является копией 1-й части «Коричневой папки», которая уже упоминалась в «Зеленой папке», и была издана имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-1056, США-605. Я делаю это для того, чтобы доказать

на основании директивы, изданной министерством Розенберга, как далеко простирались полномочия Розенберга, и тот факт, что он представлял высшую гражданскую власть на восточных территориях. Этот документ покажет, что существовала длинная цепь подчинения Розенбергу вплоть до районных чиновников администрации, до местного тюремного смотрителя.

Документ также покажет взаимоотношения, существовавшие между министерством Розенберга и другими германскими организациями, диапозон которых охватывал ситуации от полного контроля со стороны Розенберга до тесного сотрудничества с ними, причем характер отношений был обязательный и определялся директивами Розенберга и приказами Гитлера.

Наконец, этот документ покажет, что все подразделения министерства должны были периодически подавать отчеты о ситуациях, складывавшихся в пределах их юрисдикции. Таким образом, многочисленные отчеты о невероятных жестокостях, которые получал Розенберг и которые представлены в качестве доказательств, подавались ему в соответствии с его собственным приказом. Первый абзац этого очень важного документа гласит:

«Вновь оккупированные восточные территории подчиняются имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий. Согласно директивам фюрера, он устанавливает гражданскую администрацию в этих районах после того, как кончаются функции военной администрации. Он руководит и осуществляет надзор за всей администрацией в этой области и представляет суверенитет империи на всех оккупированных восточных территориях». Далее:

«К имперскому министерству прикомандировывается заместитель рейхсфюрера СС и начальника германской полиции в имперском министерстве внутренних дел».

Третий раздел перевода определяет ответственность имперских комиссаров. Я цитирую:

«В имперских комиссариатах рейхскомиссары ответственны за всю гражданскую администрацию, под верховным руководством имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. В согласии с инструкциями имперского министра по делам оккупированных восточных территорий, имперские комиссары, в качестве чиновников империи, руководят и осуществляют надзор, в пределах подведомственной им территории, за всей гражданской администрацией. В пределах этих инструкций он действует на свою собственную ответственность».

Дальше излагается схема подчинения — отделы, генеральные комиссариаты, главные комиссариаты, районные

комиссариаты и т. д. В предпоследнем абзаце на 3-й странице перевода говорится:

«Высшие руководители СС и полиции непосредственно подчинены имперскому комиссару. Однако начальник штаба имеет право запрашивать информацию также от него. Следует обратить особое внимание на тесное сотрудничество между ним, начальником штаба и другими руководителями главных отделов имперского комиссара, в особенности с руководителем политического отдела».

Отвлекаясь на время от этого документа, я прошу суд принять без доказательства декрет, подписанный Розенбергом 17 июля 1941 года. Он был обнаружен в «Ферордунгсблатт», бюллетене распоряжений имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий от 1942 года, № 2, страницы 7 — 8.

Этот декрет предусматривает создание военно-полевых судов для решения вопросов касательно преступлений, совершенных негерманцами на Востоке. Эти суды должны были возглавлять полицейские офицеры или руководители СС, которые имеют полномочия выносить смертный приговор и решения о конфискации собственности. Эти решения не подлежали обжалованию; генеральный комиссар имел право отклонить решение суда.

Таким образом, власть представителя министерства Розенберга оказывается выше полномочий СС, выносивших приговор по делу в суде. На странице 4-й перевода документа ПС-1056 определен статус генерального комиссара. Там сказано:

«Генеральные комиссары образуют административную канцелярию в качестве промежуточной инстанции по апелляции». Далее, я цитирую:

«Высшие руководители СС и полиции непосредственно подчинены имперскому комиссару. Однако начальник штаба имеет право запрашивать информацию также от него».

В документе далее излагаются функции различных подразделений министерства, включая функции районных комиссаров, которые возглавляют местные административные районы. Им также приданы и непосредственно им подчинены полицейские организации...

Мы хотим сейчас подчеркнуть, что экономическая эксплуатация территорий проводилась в полном сотрудничестве с уполномоченным по четырехлетнему плану. Там указано, что экономические инспектора уполномоченного по делам четырехлетнего плана были в значительной степени поглощены органами гражданской администрации после того, как последняя была установлена.

Я хочу также привлечь внимание суда к четвертому абзацу 5-й страницы:

«Если не считать военные ведомства, то различные комиссариаты являются единственными органами имперской власти на оккупированных восточных территориях. Другие органы власти наряду с ними создаваться не должны. Эти органы решают все административные вопросы на территориях, которые находятся в их юрисдикции, и все вопросы, которые касаются организации и деятельности администрации, в том числе деятельности полиции и надзора за другими организациями и учреждениями и за населением».

Я теперь коротко остановлюсь на второй части документа, который озаглавлен: «Рабочие директивы для гражданской администрации». Первые два абзаца на странице 9 уже зачитывались в качестве части документа ЕС-347, США-320. Я привлекаю особое внимание Трибунала к заявлению, что «...нормы Гаагской конвенции о законах и обычаях войны, касающиеся администрации в странах, оккупированных армией иностранной державы, недействительны». Я продолжаю цитировать последний абзац на странице 9.

«Делами о диверсиях должны заниматься высшие руководители СС и полиции либо руководители полиции низшего эшелона. Поскольку необходимо принимать коллективные меры против населения, решения относительно них должны быть приняты комиссаром.

Наложение денежных штрафов, а также штрафов натурой, так же как вынесение приказов о захвате заложников и расстреле жителей той территории, на которой имели место акты диверсий, должны производиться только генеральным комиссаром, в случае если имперский комиссар сам не считает нужным вмешаться в это».

Я заканчиваю представление этого документа.

«Районные комиссары ответственны за надзор за всеми тюрьмами в той степени, насколько имперские комиссары не считают необходимым вмешаться в это».

Я не буду отнимать времени Трибунала представлением детальных сведений о том, как проводились в жизнь неограниченные полномочия и власть Розенберга. Уже есть доказательства советского обвинения, будут представлены и другие доказательства касательно размаха военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных в отношении народов оккупированных восточных территорий. Однако чтобы проиллюстрировать, каким образом Розенберг принимал участие в преступной деятельности, осуществлявшейся в пределах его юрисдикции, я хочу сослаться на некоторые примеры.

Я привлекаю внимание Трибунала к документу Р-135, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-289. В этом документе, представляющем

собой сообщение начальника тюрьмы в Минске, было сказано, что 516 немецких и русских евреев были убиты и что было потеряно большое количество золота, потому что не вынули золотые пломбы и коронки изо рта этих убитых. Это имело место в тюрьме в Минске. Вы помните, господа судьи, что эта тюрьма, о которой говорилось в документе ПС-1056, находилась под юрисдикцией министерства по делам оккупированных восточных территорий.

В качестве следующей иллюстрации я хочу представить документ ПС-018, США-186. Я хотел бы зачитать Трибуналу первый абзац этого документа. Он еще не зачитывался. Этот документ показывает, что Розенберг 21 ноября 1942 года писал Заукелю следующее:

«Благодарю Вас за Ваш отчет о выполнении громадной задачи, которая была поставлена перед Вами, и я счастлив слышать, что, проводя в жизнь нашу миссию, Вы всегда находили необходимую поддержку даже со стороны гражданских властей на оккупированных восточных территориях. Что касается меня самого и чиновников, которыми я руковожу, это сотрудничество было и остается самоочевидным, в особенности потому, что с самого начала Вы и я придерживались одних и тех же взглядов по вопросу о наборе рабочей силы на Востоке».

Даже 11 июля 1944 года министерство Розенберга активно продолжало проводить в жизнь программу принудительной вербовки рабочих, несмотря на отступление на Востоке.

Господа судьи, я закончил представление доказательств касательно ответственности и полномочий Розенберга в деле управления оккупированными восточными территориями и собирался заключить мое представление четырьмя краткими примерами, касающимися методов осуществления его власти.

Я остановился на середине примера, который, как господа судьи помнят, касался участия Розенберга в проведении программы применения принудительного труда. Я хотел бы закончить изложение этого примера ссылкой на документ ПС-199, который я представляю как доказательство под номером США-606. Этот документ представляет собой письмо Альфреда Мейера, заместителя Розенберга, Заукелю от 11 июля 1944 года. На этот раз, как Вы заметите, господа судьи, именно министерство Розенберга настаивало на ускорении действий. Я цитирую первый пункт этого письма:

«Управление по набору рабочей силы для военных нужд империи, находившееся в Минске, должно продолжать, при всех обстоятельствах, набор молодых белорусов и русских для работы. Кроме того, на управление возлага-

ется задача привезти в империю мальчиков-подростков от 10 до 14 лет».

Третий пример связан с проведением в жизнь Розенбергом его законодательной власти. Я прошу принять без доказательств декрет, подписанный Лозе, имперским комиссаром Остланда. Этот документ опубликован в «Ферорднунгсблатт фюр дас Остланд», 1942 год, № 38, страницы 158 и 159. По этому декрету предполагался захват всей собственности еврейского населения на восточных территориях, включая имущество третьих лиц, на которое претендовали евреи. Закону об изъятии имущества была придана обратная сила, начиная с даты оккупации территории германскими войсками. Этот декрет с расширительными нормами был издан и опубликован непосредственным подчиненным Розенберга, и следует считать, что Розенберг знал о нем и согласился с ним.

Теперь я перехожу к последнему примеру. Он взят из документа ПС-327, который уже представлен как доказательство под номером США- 338.

Это копия секретного письма Розенберга к Борману, датированного 17 октября 1944 года. Оно содержит в себе таблицы с итогами деятельности Розенберга, связанной с экономической эксплуатацией оккупированных восточных территорий. Я цитирую первый абзац на 1-й странице, который не зачитывался в суде:

«Для того чтобы не замедлять ликвидацию компаний, находящихся под моим надзором, я указываю, что те компании, о которых идет речь, не являются частными фирмами, но предприятиями империи. Таким образом, действия по отношению к ним должны быть такими же, как действия по отношению к правительственным учреждениям, и поэтому право проводить эти действия имеют только высшие органы власти империи. Под моим надзором находятся следующие компании...»

Далее следует список девяти компаний: торговая компания, сельскохозяйственная компания, компания по снабжению, фармацевтическая компания и 5 банковских концернов. На странице 3 перевода под пунктом «1а» задача торговой компании определяется таким образом:

«Изъятие всех сельскохозяйственных продуктов, а также предметов торговли и вывоз их (поставка для вооруженных сил и в империю)».

Обратите внимание на 5-й пункт на той же странице, который описывает деятельность компании таким образом: «В течение этого периода С.О. (центральное торговое объединение по Востоку) вместе с подчиненными ему организациями изъяло зерна — 9200 тысяч тонн, масла — 208 000

тонн, сахара — 400 000 тонн, фуража — 2500 тысяч тонн, картофеля — 3200 тысяч тонн, семян — 141 000 тонн, других сельскохозяйственных продуктов 1200 тысяч тонн и 1075 миллионов яиц.

Для того чтобы все это вывезти, требовался следующий транспорт: 1418 тысяч железнодорожных вагонов и суда общего тоннажа — 472 тысячи тонн».

Итак, мы утверждаем, что доказательства, предъявленные по подсудимому Розенбергу, показали, что он играл решающую роль в приходе к власти нацистской партии тем, что он формировал мысли немцев таким образом, чтобы способствовать стремлениям нацистов играть руководящую роль в распространении пропаганды, в интригах и подстрекательствах к государственной измене в иностранных государствах для того, чтобы проложить путь к ведению агрессивных войн, и что он несет полную ответственность за военные преступления и за преступления против человечности, которые были совершены на оккупированных восточных территориях, о чем будет говорить полнее обвинитель от Союза Советских Социалистических Республик[1].

Этим заканчивается мое представление доказательств против подсудимого Розенберга.

П. МУНЬЕ (Франция)

Об индивидуальной ответственности Розенберга[2]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 февраля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи!

С разрешения Трибунала мы продолжим дело подсудимого Альфреда Розенберга.

Господа! Молодой французский студент, который в 1910 году весело проводил свои каникулы в этой самой Баварии во времена, когда она была одним из самых счастливых уголков Германии, конечно, не подозревал, что 35 лет спустя ему придется применять нормы международного права против хозяев этой страны. Когда после небольшой остановки в Братвурстглеклейн он поднимался до крепостной стены, чтобы с вершины ее любоваться прекрасным заходом солнца, в то время как в памяти его звучали строфы

---

[1] См. выступление М.Ю. Рагинского от 21 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1990. С. 406—452.

[2] IMT. Vol. 7. P. 79—85.

баллады Уланда, он, конечно, не думал, что горе-хозяева и лжепророки дважды за четверть века ниспошлют гром на Европу и на весь мир и что по их вине будет уничтожено столько сокровищ искусства и красоты, будет принесено в жертву столько человеческих жизней, принесено в мир столько страданий.

Конечно, не может быть и речи о романтике при рассмотрении зарождения этой неслыханной драмы или, скорее, это была бы извращенная романтика, порочно искаженное понятие о величии. И разум останавливается в недоумении перед истинным смыслом идей теоретиков национал-социализма, идей, которые я затрагиваю лишь затем, чтобы показать, как они привели подсудимого Розенберга, так как я говорю именно о нем, а также остальных подсудимых к совершению преступлений, в которых они обвиняются.

Прежде всего, это понятие о расе, которое зародилось в стране, которая, впрочем, в остальных отношениях похожа на другие страны, в стране, в которой смешение самых различных этнических типов происходило в течение веков в гигантских масштабах. Это антинаучная путаница, которая смешивает физиологические черты человека и понятие о нации, это неоязычество, которое пытается уничтожить то, что за двадцать веков христианство принесло миру в области морали, справедливости и милосердия, это миф о крови, которым стараются оправдать расовые различия с его последствиями: порабощением, массовыми убийствами, грабежами, увечьем живых существ.

Я не буду останавливаться, господин Председатель и господа судьи, на том, что мы рассматриваем как бессмысленный набор философических притязаний, в которых обнаруживается самая пестрая мишура всякого происхождения, начиная с мании величия Муссолини, через индусские легенды и вплоть до идей самураев Японии, этой колыбели фашизма, волна которого захлестнула весь мир, подобно сильному приливу. В предыдущих разделах уже были разоблачены эти концепции. Сегодня я только укажу, что эти псевдофилософские концепции пытались увести за собой человечество на миллионы лет назад, возродив понятие о племени с его основными законами: царство силы, право обманывать других людей, право присваивать чужое имущество, право порабощать, убивать, мучить. Но мыслящий человек — гомо сапиенс — отказывается стать снова человеком-волком — гомо лупус. Международное право не является нормой морали, которая не предусматривает и не налагает санкций. Устав от 8 августа напомнил и уточнил эти обязательства. Вам, господа судьи, надлежит установить санкции.

Одним из последствий теории превосходства расы, так называемой германской расы, является то, что некоторые из заговорщиков, в частности Розенберг, дело которого мы сейчас разбираем, стали грабителями. Именно эту сторону деятельности подсудимого Розенберга я и хотел бы подчеркнуть, так как она касается Франции и западных оккупированных стран и которая имела очень пагубные последствия для их художественных, интеллектуальных и материальных сокровищ. Я имею в виду все мероприятия, предпринятые или предписанные Розенбергом для изъятия во Франции и других западных странах художественных ценностей, произведений искусств и имущества, принадлежащих обществу или отдельным лицам, и для перевозки всех этих сокровищ в Германию.

Господа судьи! Принимая во внимание ограниченное время, которым я располагаю, я лишь напомню, как посредством приказов свыше некоторые организации были привлечены к сотрудничеству в этом грабеже. Я, прежде всего, расскажу о действиях гестапо, производившихся, согласно приказу Кейтеля от 5 июля 1940 года, документ ПС-137, США-379, который был представлен американской делегацией 18 декабря 1945 года.

Я привожу также второй приказ от 30 октября 1940 года, который уточнял, усугубляя их, распоряжения, изданные в связи с грабительской деятельностью специального штаба Розенберга. Речь идет о документе РФ-1304, который упоминался французским обвинением.

Розенберг и Кейтель, таким образом, допускали версию о трофеях, которые германский народ захватил у еврейского народа, с которым он не был связан условиями Компьенского перемирия. Этого вмешательства командующего армией, выражающегося в издании этих двух приказов, о которых я сейчас говорил, достаточно, на мой взгляд, для того, чтобы доказать значительное участие германской армии в этом разграблении, и пусть Трибунал, когда он будет выносить решение о виновности подсудимого Кейтеля и подсудимого Геринга, вспомнит об этом обстоятельстве. Я упомянул о подсудимом Геринге потому, что третий документ доказывает, что этот подсудимый помогал мероприятиям специального штаба, употребляя свое влияние, призывая все партийные организации, все государственные организации и армию оказывать всяческую поддержку, всевозможное содействие рейхслейтеру Розенбергу и его сотруднику Утикалю, который был назначен самим Розенбергом с 1 апреля 1941 года начальником специального штаба. Речь идет о приказе от 1 мая 1941 года, который был уже представлен нами под номером РФ-1406, ПС-1614. Если внимательно ознакомиться с текстом этого приказа,

нельзя не остановиться на первом абзаце. Трибунал разрешит мне очень быстро зачитать его:

«Борьба против евреев, франкмасонов и других связанных с ними групп, придерживающихся мировоззрения, отличного от нашего или противоположного нашему, является неотложной задачей национал-социализма во время войны».

Таким образом, человеку было достаточно иметь мировоззрение, отличное от нацистского мировоззрения, чтобы подвергнуться угрозе захвата его культурных ценностей и вывоза их в Германию. Но Трибунал, наверное, помнит, что в документах, которые были ему представлены, речь шла не только об увозе культурных ценностей, но и всякого материального имущества, имеющего какую-либо цену. Подсудимый Розенберг во время предварительного следствия, которое велось высшими офицерами, попытался без особой убедительности, как мне показалось, уверять, что культурные ценности, о которых идет речь, были предназначены исключительно для коллекции «высшей школы». Мы вскоре узнаем, по ознакомлении с самим текстом допроса, как следует относиться к такому заявлению. Но фактом является то, что уже сейчас можно утверждать на основании документов, имеющихся в нашем распоряжении: как мне кажется, подсудимый Розенберг не присваивал себе произведения искусства, драгоценные камни или другие ценности. Таким образом, в отношении этого подсудимого следует отклонить обвинение такого рода.

Мы, однако, не можем сказать того же о Геринге, о котором мы будем говорить позже и которому, согласно находящимся в нашем распоряжении документам, можно вменить в вину то, что он присвоил часть произведений искусства, захваченных в западных и восточных странах.

Господа судьи, я не буду останавливаться на обсуждении этих захватов, я перехожу непосредственно к оглашению допроса подсудимого Розенберга. Речь идет о документе, который был вчера представлен экономической секцией французского обвинения за номером РФ-1331, ЕС-25. Мне кажется, что будет целесообразно, если Трибунал ознакомится с текстом этого допроса. Сейчас я хочу очень кратко подчеркнуть его главные положения.

Итак, полковник Хинкель, допрашивая подсудимого Розенберга, спросил его, каковы были законные основания, которыми можно объяснить такие изъятия. Подсудимый Розенберг ответил сначала, что эти изъятия оправдывались враждебностью некоторых группировок по отношению к национал-социалистской идеологии, но немного дальше, на 4-й странице допроса, подсудимый Розенберг заявил буквально следующее:

«Я рассматривал их — речь идет о мерах, которые он предпринимал — как военную необходимость и в соответствии с причинами, вызвавшими войну».

Немного далее в ответ на настоятельные вопросы полковника Хинкеля подсудимый Розенберг сослался на необходимость — это определенно составит один из главных документов защиты подсудимого Розенберга — сохранить имущество, захваченное таким образом. Но полковник Хинкель возразил подсудимому Розенбергу: «Если Вы имели намерение сохранить эти произведения искусств, то почему же Вы поместили в места хранения не все, а только то, что, как Вам казалось, должно быть Вами удержано?

С другой стороны, что касается обеспечения сохранности этих предметов, то имелись предметы не менее ценные, чем те, которые были изъяты, но ими никто не занимался».

Наконец, подсудимый Розенберг признал, что заинтересованным лицам в большинстве случаев не выдавали никаких квитанций, и поэтому законные владельцы не могли рассчитывать на возвращение этих предметов. В действительности же — и это абсолютная правда — речь шла об очень значительных ценностях. Подсудимый Розенберг признал в конце концов что он рассматривал эти приобретения как совершившийся факт.

Что же касается нас, то мы рассматриваем изъятие этих ценностей как факт, который в частном праве называется просто-напросто незаконным присвоением. Это незаконное присвоение производилось в больших масштабах, при использовании широких средств, которыми располагала третья империя. Сюда надо еще прибавить содействие сухопутных войск и военно-воздушных сил. Также справедливо и то, что преступный характер этих действий очевиден, и мы просим Трибунал при вынесении приговора отметить, что подсудимый Розенберг и другие подсудимые мошенническим путем изъяли из Франции и из западных стран все культурные ценности, все произведения искусств и ценные предметы, которые были увезены ими.

Господин Председатель, господа судьи, что касается перечня изъятых предметов, я почтительно прошу Трибунал обратиться к отчету, который был представлен экономической секцией вчера, отчету доктора Шольца, сотрудника специального штаба Розенберга. Этот отчет был передан экономической секцией под номером РФ-1232, ПС-1015, и Трибунал найдет в нем перечисление всего того, что специальный штаб вывез из Франции.

В этой связи я хотел бы, между прочим, ответить на вопрос, который господин Председатель задал вчера моему коллеге в отношении коллекции Ротшильда. Господин Председатель спросил вчера моего коллегу: «Имеются ли дока-

зательства конфискации ценностей из коллекций, принадлежащих семье Ротшильда?» Я осмелюсь сказать Вам, господин Председатель, что существуют два доказательства этого. Первое явствует из допроса Розенберга от 23 сентября 1945 года, о котором я только что говорил Трибуналу, из основных вопросов, поставленных Розенбергу, в отношении законного обоснования этих захватов. Я прошу Трибунал обратиться к странице 5-й этого протокола. Я зачитаю вопрос, поставленный американским офицером, производившим допрос, моим другом, уважаемым полковником Хинкелем:

«Вопрос: Как Вы обосновываете конфискацию ценностей, принадлежащих семье Ротшильда?»

Это вопрос очень ясный. Речь идет о ценностях, которые были изъяты у семьи Ротшильда специальным штабом Розенберга.

«Ответ: На основании все той же общей точки зрения».

Это значит, что подсудимый Розенберг пытался дать законное обоснование изъятию ценностей у Ротшильдов, объясняя это мотивами, которые я имел честь подробно разобрать перед Трибуналом несколько минут тому назад.

И второе: подсудимый Розенберг признал, таким образом, сам лично, что семья Ротшильда фигурировала среди людей, которые были ограблены. Такое признание, господин Председатель и господа судьи, должно рассматриваться как одно из главнейших доказательств.

Таким образом, это первый ответ на вопрос, который господин Председатель задал вчера.

Второе доказательство, которое я осмелюсь представить Трибуналу — это отчет доктора Шольца, о котором я говорил только что и который находится в книге документов, представленной вчера экономической секцией. Речь идет о документе РФ-1323, ПС-1015. Если Трибунал обратится к этому документу, то есть к отчету доктора Шольца, он найдет во втором абзаце 1-й страницы следующее указание:

«Специальный штаб Розенберга не только захватил значительную часть коллекции, которую Ротшильды оставили в своем особняке в Париже...» Остальное я зачитывать не буду.

Таким образом, господа судьи, вот официальный отчет, который совершенно неоспоримо доказывает, так же как и предыдущее доказательство, что коллекция Ротшильдов находится среди тех, которые были разграблены.

Я не буду особо останавливаться, господа судьи, на этих фактах, которые вам уже известны. Мне кажется, что оба пункта, которые я осветил, достаточны для того, чтобы подчеркнуть реальный незаконный характер изъятий, произведенных подсудимым Розенбергом в ущерб Франции, а также в ущерб западным странам.

6 Заказ 1429

Что касается их масштабов, я не буду занимать драгоценное время Трибунала приведением статистических данных, а просто почтительно попрошу Трибунал обратиться к отчету Шольца, о котором я упоминал два раза во время предшествующих объяснений.

Я не хотел бы, однако, закончить обвинение подсудимого Розенберга, не огласив Трибуналу выдержку из статьи французского писателя Франсуа Мориака, члена Французской Академии. Франсуа Мориак присутствовал 7 ноября 1945 года на первом заседании Национального учредительного собрания во дворце Бурбонов. В то время в мыслях Франсуа Мориака всплыли воспоминания, о которых он писал следующее в газете «Фигаро» от 6 ноября 1945 года:

«Почти пять лет назад с этой трибуны, самой знаменитой в Европе, один человек обратился к людям, одетым в серо-зеленую форму. Этого человека звали Альфред Розенберг. Я могу назвать точное число. Это было 25 ноября 1940 года. На этой трибуне, с которой раздавались голоса Жана Жореса и Альбера де Мэн и на которой 11 ноября 1918 года старик Клемансо чуть не умер от радости, небрежно стоял Розенберг. Вот слова, которые он произнес: "В гигантском революционном порыве германский народ добился такой жатвы, которой он еще никогда не имел в своей истории. Французы когда-нибудь признают, если они честны, что Германия освободила их от паразитов, от которых они не могли отделаться своими собственными средствами". И нацистский философ, продолжает Мориак, провозгласил тогда «победу крови». Он хотел сказать, пишет Мориак, — «победу расы». «Но случается, что человек становится пророком, сам того не ведая. Он и не сознает значения слов, которые Бог вкладывает в его уста». Как это было предсказано Розенбергом во дворце Бурбонов 28 ноября 1940 года, победила именно кровь, кровь мучеников задушила палачей...»

У. БОЛДУИН (США)

Об индивидуальной ответственности Франка[1]

*Стенограмма заседания
Международного военного трибунала
от 10 января 1946 г.*

Господа судьи, мы обратимся к индивидуальной ответственности подсудимого Франка. В соответствии с выраженным желанием Трибунала представление доказательств будет очень ограниченным. И я буду признателен за любое

[1] IMT. Vol. 5. P. 66—90.

указание со стороны Трибунала относительно метода или продолжительности моего выступления. Я должен выразить свою признательность мисс Гариэтт Цеттерберг — работнику нашего юридического отдела и доктору Петровскому — представителю польской делегации за их очень ценную работу. Польская делегация, естественно, особенно заинтересована в отношении подсудимого Франка.

Определенные аспекты причастности подсудимого Франка к преступлениям первого раздела обвинительного заключения уже были представлены Трибуналу по нескольким поводам. Остается только рассмотреть ряд вопросов, касающихся этого подсудимого в плане индивидуальной ответственности. Без сомнения наши советские коллеги предъявят дальнейшие и более тяжелые обвинения против подсудимого Франка в связи с военными преступлениями и преступлениями против человечности на Востоке[1] . Мы хотим здесь затронуть только те доказательства, которые, как нам кажется, неопровержимо раскрывают то, что деятельность подсудимого Франка являлась исключительно важным колесом в той машине, которая планировала, способствовала выполнению и проводила главный нацистский план или заговор.

Документы, относящиеся к этому пункту, собраны в книге, носящей буквы «ФФ». Мне сообщили, что она, как и досье с комментариями, уже роздана членам Трибунала. Прежде всего мы будем ссылаться в течение представления доказательств на дневники Франка, выдержки из которых уже вносились на рассмотрение Трибунала. Кажется уместным коротко упомянуть о содержании и источниках этих дневников. Они представляют собой сборник из 38 томов, где в подробностях изложена деятельность подсудимого Франка с 1939 года до конца войны в качестве генерал-губернатора оккупированной Польши. Короче говоря, это записи ежедневных дел, час за часом, встреча за встречей, совещание за совещанием, речь за речью и на самом деле преступление за преступлением. Каждый том, исключая несколько последних, красиво переплетен, и в тех томах, где речь идет о совещаниях Франка с подчиненными ему лицами в генерал-губернаторстве, фамилия каждого присутствовавшего на совещании написана его собственной рукой на странице, предшествующей протоколу самого совещания. Сознание нормального человека поражает то, что аккуратно излагаемая летопись убийств, голода и уничтожения могла вестись лицом, ответственным за эти дела, но сейчас

---

[1] См. выступление Л.Р. Шейнина от 20 февраля и М.Ю. Рагинского от 21 февраля 1946 г.//Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 230—277, 406—452.

Трибуналу хорошо известно, что нацистские лидеры обладали сентиментальной приверженностью к тщательному документированию своих деяний, что доказывается томами Розенберга, где помещены фотографии награбленных произведений искусств, а также альбомами с отчетами об уничтожении евреев в варшавском гетто.

Полное собрание дневников Франка было найдено в Баварии, в Нейхаусе, близ Шлирзее, 18 мая 1945 года 7-й американской армией. Дневники были затем доставлены в обвинительный центр 7-й армии в Гейдельберге и около 20 сентября 1945 года это собрание было послано в штаб-квартиру главного обвинителя от США в Нюрнберге. Они имеются здесь в суде полностью и теперь они звучат как обвинение, а не как хвастливый рассказ.

Невозможно опровергнуть то, что подсудимый Франк занимал в нацистской партии и в генерал-губернаторстве руководящее положение. Даже, вероятно, было бы несправедливым по отношению к подсудимому Франку недооценить его значение в национал-социалистской партии и в третьей империи. Подобно другим, подсудимым в этом процессе он был человеком весьма влиятельным, и перечисление его постов уже находится перед Трибуналом. Об этом говорится в письменном показании подсудимого Франка, документ США-7. Он содержит в себе список одиннадцати ответственных постов, которые занимал Франк в партии и правительстве, что подкрепляет сказанное мной о положении и влиятельности подсудимого, особенно после того, как Трибунал полностью оценил преступную деятельность национал-социалистских организаций и их ответвлений.

Преступную деятельность Франка можно разделить логически на два периода. Первый период — от 1920 до 1939 года, когда Франк, по собственному его признанию, был ведущим нацистским юристом, хотя, между прочим, слово «юрист» теряет свое заслуживающее уважения содержание, будучи дополнено словом «нацистский». В течение второго периода войны Франк был генерал-губернатором оккупированной Польши. Он наиболее известен проводившимися им преследованиями и участием в осуществлении заговора. В отношении последнего обвинение Соединенных Штатов считает, что нельзя оставить без внимания содействие Франка приходу нацистов к власти в качестве ведущего «нацистского юриста». С этой точки зрения я сначала обращаюсь к роли подсудимого Франка в содействии реализации программы заговорщиков в области права, его знакомства с преступными целями программы и его активном участии в ней. Подсудимый Франк сам описал свою роль в борьбе нацистов за власть в заключительном выступлении на совещании 28 августа 1942 года. Это выступление содержит-

ся в дневнике и приведено в нашем документе ПС-2233, США-607. Я цитирую слова Франка:

«С 1920 года я постоянно посвящал свою работу нацистской партии. Будучи национал-социалистом, участвовал в ноябрьских событиях 1923 года, за что получил "Орден крови". После воскрешения движения в 1925 году началась моя настоящая деятельность, в результате которой я стал в конце концов почти единоличным советником фюрера и имперского руководства национал-социалистской партии по юридическим вопросам. Таким образом, я представлял юридические интересы растущей третьей империи и юридически обосновывал все, что делалось в идеологической и практической областях. Кульминационным пунктом этой деятельности я считаю большой военный процесс в Лейпциге, где я одержал успех, убедив фюрера принять знаменитую клятву верности закону — обстоятельство, давшее основу мощному расширению движения национал-социализма. В 1930 году фюрер признал это достижение и сделал меня руководителем национал-социалистского объединения юристов. В 1933 году я стал министром юстиции Баварии, в 1934 году — президентом основанной мною Академии германского права, в декабре 1934 года — имперским министром без портфеля и в 1939 году был, наконец, назначен генерал-губернатором оккупированных польских территорий. Таким образом, я был, есть и буду юристом, представляющим период борьбы национал-социализма. Я объявляю себя сейчас и навсегда национал-социалистом и верным последователем фюрера, Адольфа Гитлера, которому я служу с 1919 года...»

Весьма примечательно и следует упомянуть перед судом о том, что подсудимый Франк принимает на себя полную ответственность за так называемую «клятву верности» закону на Лейпцигском военном процессе.

На этом процессе в 1930 году три армейских офицера обвинялись, что довольно любопытно, в совершении государственной измены. Подсудимым предъявили обвинение в том, что они, будучи военнослужащими германской армии, старались создать национал-социалистские ячейки в германской армии и влиять на германскую армию в таком масштабе, чтобы в случае национал-социалистского путча армия не стреляла бы в нацистов, а, наоборот, стояла в стороне. Все офицеры были признаны виновными и были приговорены к 18 месяцам тюремного заключения. Гитлер выступал свидетелем на этом процессе и показал под присягой, что термин «революция», употребленный им, обозначал только духовную революцию в Германии. Выражение «головы покатятся в песок» означало только то, что это могло произойти в результате юридической процедуры в государственном

Трибунале, в случае прихода национал-социалистов к власти. Такова была, господа судьи, так называемая клятва верности закону, ложь, которой подсудимый Франк снабдил фюрера, как ширмой для заговора, и которую он, по крайней мере в 1942 году, рассматривал как кульминационный пункт своих усилий.

Как «юрист, представляющий период борьбы национал-социализма» и человек, занимавший различные юридические посты, перечисленные в его письменном показании, подсудимый Франк между 1938 и 1939 годом был одним из главных руководителей, формировавших политику в области германской теории права. Подсудимый Франк, например, основал Академию германского права в 1934 году и был президентом этого когда-то влиятельного учреждения до 1942 года. Устав, определявший функции Академии, предоставлял ей широкие полномочия для того, чтобы разрабатывать законы и координировать правовую политику.

Этот закон имеется в переводе на 5-й странице в книге документов, документ ПС-1391, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» от 1934 года на странице 605. Мы просим суд принять его без доказательств. Сейчас я зачитаю короткую цитату из этого текста:

«Целью деятельности Академии германского права является способствовать реорганизации юридического процесса в Германии. Находясь в тесной связи с органами, компетентными в вопросах законодательства, Академия будет проводить в жизнь национал-социалистскую программу в сфере права. Эта задача будет решаться с помощью апробированных научных методов.

Задачи Академии будут заключаться прежде всего в следующем:

1. Формирование, предложение, оценка и подготовка законопроектов.

2. Сотрудничество в обновлении и унификации обучения в области юридической и политической наук.

3. Издание научных публикаций.

4. Финансовая помощь в исследовательской работе в специальных областях права и политической экономики».

Биддл (член Трибунала): Следует ли читать все это? Трибунал примет это без доказательств.

Болдуин: Среди задач первого этапа, которые подсудимый Франк поставил перед собой в качестве вдохновителя политики в области права, были: объединение германского государства, создание расового законодательства и уничтожение всех других политических организаций, кроме нацистской партии.

В обращении по радио 20 марта 1939 года он объявил о том, что одержан успех во всех этих вопросах. Документ

ПС-2536 на 64-й странице книги документов. Официальный текст этой речи имеется во втором томе издания «Документы немецкой политики», страницы 294—298. В немецком тексте отрывки, которые я буду цитировать, находятся на страницах 296—298, и я прошу суд принять это без доказательств.

«Первой задачей было объединение всех немцев в одном государстве. Это было исключительное историческое политико-юридическое достижение со стороны нашего фюрера, который смело использовал развитие истории и таким образом уничтожил суверенитет различных германских земель. Наконец сейчас, по прошествии 1000 лет, мы вновь имеем объединенное во всех отношениях германское государство. Больше уже мир не сможет, базируясь на духе сопротивления, присущем малым государствам, созданным на эгоистическом основании и на исключительно индивидуальных интересах, строить расчеты в ущерб германскому народу. Это было в прошлом и никогда больше не повторится».

Я процитирую второй отрывок:

«Второй основополагающий закон гитлеровской империи — расовое законодательство. Национал-социалисты были первыми в истории права, которые подняли концепцию расы до статуса юридического понятия. Германская нация, объединенная в расовом и национальном отношениях, в будущем будет защищена законом против каких бы то ни было дальнейших разъединений германской расы».

Я перехожу к шестому закону.

«Шестым основополагающим законом было уничтожение с помощью права тех политических организаций, которые в самом государстве в течение периода возрождения народа и восстановления империи когда-то имели возможность поставить свои эгоистические цели выше общего блага нации. Это уничтожение производилось исключительно юридическими средствами. Это было не проявлением деспотических тенденций, но необходимым законным следствием политического результата четырнадцатилетней борьбы нацистской партии.

В соответствии с этими едиными законодательными целями во всех сферах особые усилия делались в течение месяцев в отношении работы над великой реформой всего германского права.

Как лидер германских юристов я убежден, что совместно со всеми слоями германского народа мы сможем создать государство Адольфа Гитлера, построенное на законе во всех отношениях и до такой степени, чтобы никто в мире никогда не осмелился критиковать это конституционное государство с точки зрения его законов».

В речи по случаю собрания профессоров имперского университета, входивших в национал-социалистское объединение юристов, 3 ноября 1934 года подсудимый Франк объяснил собравшимся профессорам, что в соответствии с нацистским планом евреи устраняются из сферы юриспруденции. Частичный перевод этой речи имеется в документе ПС-2536, страница 62 книги документов. Официальный текст имеется в выпуске «Документы немецкой политики», том IV, страницы 225—230. Я прошу Трибунал принять это без доказательств. Здесь речь идет...

Председатель: *Мне кажется, нет необходимости зачитывать его нам, поскольку мы уже имели подобные документы.*

Болдуин: *В качестве ведущего нацистского юриста подсудимый Франк способствовал развитию системы концентрационных лагерей и арестов без ордера. Он, очевидно, подчинил строй узаконений германского государства нацистским целям, нарушая этим свою профессиональную этику, если она у него когда-либо была. Он объясняет жестокий отход от цивилизации — концентрационные лагеря — в статье «Законодательство и суды в Третьей империи», опубликованной в 1936 году в официальном журнале Академии германского права. Издателем этого журнала был, конечно, он сам. Частичный перевод этой статьи имеется в нашем документе ПС-2533, страница 61 книги документов. Официальный немецкий текст имеется в журнале Академии германского права за 1936 год, страница 141, и я прошу Трибунал принять это без доказательств. Поскольку это очень короткий отрывок, я прошу разрешения прочитать его. Франк говорит:*

«Нас снова и снова порицают перед миром за концентрационные лагеря. Нас спрашивают: "Почему вы арестовываете без ордера на арест?" Я говорю: поставьте себя в положение нашего народа. Не забывайте, что огромный и до сих пор еще нетронутый мир большевизма не может забыть, что в Европе, здесь, на германской почве, мы сделали невозможной для него окончательную победу в Европе».

Можно видеть поэтому, что, подобно тому, как другие подсудимые мобилизовали военные, экономические и дипломатические ресурсы для агрессивной войны, подсудимый Франк в области права направлял германскую юридическую машину к агрессивной войне, а эта война является агрессивной, как он объяснял в 1942 году политическим лидерам нацистской партии в Галиции на большом совещании во Львове. Я процитирую из дневника Франка документ ПС-2333, США-607.

«Агрессивная война имеет своей целью расширить жизненное пространство для нашего народа естественным путем».

Искажение и извращение германского права, производившееся подсудимым Франком для партии, дало ему большое удовлетворение. Он сообщил об этом в речи перед влиятельной Академией германского права в ноябре 1939 года, через месяц после того, как он стал генерал-губернатором оккупированной Польши. Эта речь частично переведена в нашем документе ПС-3455 на странице 73 книги документов. Официальный текст этой речи был опубликован в выпуске «Германское право» в 1939 году, том II, 23—30 декабря 1939 года, начиная со страницы 2121. Я прошу суд принять это без доказательств. Франк заявляет:

«Сегодня мы гордимся тем, что мы сформулировали юридические принципы с самого начала таким образом, что нет необходимости их изменять в случае войны. Существует принцип: справедливо то, что полезно нации, и несправедливо то, что приносит ей вред. Этим принципом мы руководствовались с самого начала нашей работы, в сфере права он создает концепцию сообщества людей как единственный критерий оценки права. Этот принцип и сегодня сияет на знамени общественного порядка».

Если эта мысль уже знакома нам, то потому, что она является изложением заповеди партии, подогнанной юристом партии, приспособившим его к партийной концепции права. Я имею в виду заповедь партии, изложенную на странице 1608 официальной английской записи заседания по делу руководящего состава нацистской партии, где говорится:

«Правильным является то, что служит движению и, таким образом, Германии».

Отсюда вытекает, что подсудимый Франк разделяет ответственность за все те жестокие и дискриминационные постановления и декреты, с помощью которых нацисты раздавили группы меньшинств в Германии, подготовили свой контроль над германским государством, укрепили этот контроль и подготовили германское государство к началу агрессии. Не имеет значения, с нашей точки зрения, что подпись этого юриста не стоит под каждым декретом. Достаточно уже было показано в представленных нами доказательствах для того, чтобы продемонстрировать его виновность в этой области. Мы считаем, уже достаточно доказательств по этому вопросу, и я ссылаюсь теперь на декреты, цитировавшиеся майором Уолшем в представлении доказательств о преследовании евреев и полковником Стори при представлении доказательств по обвинению имперского правительства для того, чтобы продемонстрировать, о каком типе законодательства идет речь и каковы его последствия, за что мы считаем ответственным подсудимого Франка. Давая такое обоснование, господа судьи, мы толь-

ко подходим к тем же выводам, к которым пришел за нас подсудимый Франк.

Сейчас я перехожу ко второй и хорошо известной фазе официальной деятельности подсудимого Франка, когда он в течение пяти лет, будучи главным представителем партии и правительства, намеревался уничтожить целый народ.

Он был назначен генерал-губернатором оккупированных польских территорий, согласно декрету, подписанному фюрером 12 октября 1939 года. Этот декрет определяет размах исполнительной власти Франка. Он содержится в нашем документе ПС-2537 на странице 66-й книги документов. Я прошу Трибунал принять его без доказательств, поскольку он был опубликовал в «Рейхсгезетцблатт» в 1939 году, часть 1-я, страница 2077.

Там просто говорится, что доктор Франк назначается генерал-губернатором оккупированных польских территорий, что доктор Зейсс-Инкварт назначается заместителем генерал-губернатора и что «генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне», имеется в виду Гитлер, поскольку он подписал этот декрет.

В то время как на начальном этапе некоторые представители внешнего мира были склонны удивляться видимой действенности нацистского управления, сейчас мы знаем, что она часто подрывалась мелким соперничеством маленьких людей, обладавших некоторой властью и ведомственной фракционностью. Такая трудность, однако, не стояла перед подсудимым Франком, поскольку, хотя ему и угрожало разделение власти, он настоял на том, чтобы ему было предоставлено право верховной власти над территориями, входившими в генерал-губернаторство. Две ссылки на его дневник — одна, относящаяся к 1940 году, другая — 1942 году — необходимы для того, чтобы показать, что его руководство и власть были всеобъемлющими.

На совещании начальников департаментов генерал-губернаторства 8 марта 1940 года в Бергакадемии подсудимый Франк разъяснил свое положение генерал-губернатора оккупированной Польши. Это высказывание имеется в дневнике. Наш документ ПС-2233 на странице 42 книги документов, оригинал я представляю как доказательство под номером США-173.

Франк говорит:

«Одна вещь совершенно бесспорна — власть генерал-губернатора как представителя воли фюрера и воли империи на этой территории является несомненно сильной, и я всегда подчеркивал, что я не потерплю неправильного употребления этой власти. Я хочу, чтобы об этом снова узнало каждое ведомство в Берлине, особенно после того, как господин фельдмаршал Геринг 12 февраля 1940 года из Каринхалле запретил всем административным управлени-

ям империи, включая полицию и даже вермахт, вмешиваться в административные вопросы, касающиеся генерал-губернаторства».

Он продолжает:

«В генерал-губернаторстве не имеется власти, которая бы по рангу, влиянию и полномочиям была бы выше, чем власть генерал-губернатора. Даже вермахт не имеет никаких правительственных или официальных функций. Он имеет только функции безопасности и общие военные обязанности, но не имеет никакой политической власти. То же самое относится к полиции и СС. Здесь нет "государства в государстве", мы являемся представителями фюрера и империи».

Позднее, 18 марта 1942 года, на совещании окружных политических руководителей нацистской партии в Кракове подсудимый Франк разъяснил взаимоотношения между его администрацией и рейхсфюрером СС Гиммлером. Эти высказывания имеются в дневнике Франка. Наш документ ПС-2233, США-608. Я цитирую:

«Как вам известно, я фанатик в вопросе единства управления, поэтому ясно, что высший руководитель СС и полиции подчиняется мне, что полиция является составной частью правительства, что руководитель СС и полиции округа подчиняется генерал-губернатору и что начальник округа командует жандармерией своего округа. Это было признано рейхсфюрером СС, все эти пункты упоминаются слово в слово и подписаны и в письменном соглашении.

Также само собой разумеется, что мы не можем создать здесь "закрытое предприятие", к которому по традиции относились бы как к малому государству...»

«Было бы, например, нелепым, если бы мы создали здесь нашу собственную полицию безопасности против поляков в Польше в то время, как мы знаем, что поляки в Пруссии, в Познани, в Вартегау и в Силезии входят в одно и то же движение Сопротивления. Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции, таким образом, должен быть способен проводить с помощью своих органов полицейские меры, касающиеся интересов империи в целом. Это, однако, будет сделано таким образом, что меры, которые следует принимать, прежде всего будут представлены мне и проведены в жизнь только в том случае, если я дам свое согласие. В генерал-губернаторстве полиция является вооруженными силами. Поэтому руководитель полиции будет введен мною в правительство генерал-губернаторства. Он будет подчиняться мне или моему заместителю как статс-секретарь по вопросам безопасности».

В этой связи уместно заметить, что человеком, который занимал пост статс-секретаря по вопросам безопасности в

генерал-губернаторстве, был высший руководитель СС и полиции у Франка — Крюгер.

Трибунал вспомнит, что отчет об уничтожении евреев в варшавском гетто был представлен весной 1943 года руководителем СС Штроопом, который непосредственно руководил этой операцией, именно Крюгеру, который в то время был одним из наиболее влиятельных членов кабинета Франка в качестве статс-секретаря по вопросам безопасности.

Было неизбежно, что заговор или общий план включал в себя как составные части ряд маленьких планов, связанных с отдельными сферами деятельности. Эти планы, отличающиеся от общего плана только масштабами, представляли собой программы конкретных мероприятий, составленные на базе широкой политики. Оккупированная Польша не была исключением из этого правила. План управления Польшей содержался в совершенно секретном меморандуме совещания между Гитлером и начальником ОКВ, подсудимым Кейтелем, озаглавленном: «Касательно будущих отношений Польши и Германии». Он датирован 20 октября 1939 года. Этот отчет имеет инициалы генерала Варлимонта. Это документ ПС-864, США-609.

Я процитирую, с разрешения суда, только из 1-го, 3-го, 4-го и 6-го пунктов:

«1. Вооруженные силы будут приветствовать самоустранение от вопросов управления в Польше. Принципиально не должно быть двух администраций...

3. Задачей администрации не является сделать из Польши образцовую провинцию или образцовое государство, построенное на принципах германского порядка, или создать ей прочную экономическую и финансовую базу.

Польская интеллигенция не должна быть допущена к тому, чтобы стать руководящим классом. Жизненный уровень в стране должен оставаться низким. Мы хотим только взять оттуда рабочую силу. Поляки могут быть использованы для управления страной. Однако не может быть разрешено создание национальных политических групп.

4. Администрация должна работать на свою полную ответственность и не быть зависимой от Берлина. Мы не хотим здесь делать то, что мы делаем в империи. За положение здесь не отвечают берлинские министерства, поскольку не имеется германского административного отдела, занимающегося этими вопросами.

Выполнение этой задачи включает в себя тяжелую расовую борьбу без допущения каких-либо юридических ограничений. Методы этой борьбы будут несовместимыми с принципами, которых мы придерживаемся в других случаях.

Генерал-губернатор предоставляет польскому народу только едва достаточные жизненные условия, поддерживая базис для военной безопасности.

6. Любые тенденции, направленные на улучшение жизненного уровня в Польше, должны подавляться. "Польской бестолковщине" должно быть позволено развиваться. Правительство этой территории должно предоставить нам возможность очистить территории империи от евреев, а также поляков. Сотрудничество с новыми имперскими провинциями (Познань и Западная Пруссия) должно быть только для переселения (сравнить с задачей Гиммлера).

Цель: жестокость и суровость должны быть главными принципами в этой расовой борьбе для того, чтобы предотвратить необходимость снова воевать из-за этой страны».

Подсудимый Франк был избран исполнителем этой программы. Он знал ее цели, он одобрил их и активно проводил этот план в жизнь.

Внимание Трибунала уже было привлечено к доказательству США-297, где на странице 1512 английского текста официальной стенограммы подсудимый Франк говорит о задачах, которые возложил на него фюрер и согласно которым он намеревался управлять Польшей. Эти задачи предусматривали, короче, безжалостную эксплуатацию, вывоз всех запасов и рабочих, сведение всей экономики Польши к абсолютному минимуму, который необходим только для жалкого существования населения, и закрытие всех школ. Не было более бессердечного утверждения, чем то, которое сделал Франк в своем отчете, где он сказал:

«С Польшей мы будем обращаться, как с колонией. Поляки будут рабами Великой германской мировой империи».

В декабре 1940 года подсудимый Франк заявил начальникам своих департаментов, что задача управления Польшей включает в себя тяжелую расовую борьбу, которая не должна иметь никаких юридических ограничений. Я обращаюсь к нашему документу ПС-2233 на странице 45 книги документов. Эта выдержка взята из дневника Франка, и я представляю ее как доказательство США-173. В немецком тексте этот отрывок, который я сейчас процитирую, имеется в томе дневников, озаглавленном: «Заседания начальников департаментов в 1939—1940 гг.» на страницах 12 и 13. Я цитирую:

«Этой страной должна управлять сила решительного руководства. Поляк должен чувствовать, что мы не строим для него правовое государство, но что для него имеется только один долг, а именно: работать и вести себя соответствующим образом. Ясно, что это ведет иногда к трудностям, но мы должны в своих собственных интересах следить за тем, чтобы все меры безжалостно проводились для того,

чтобы господствовать над положением. Вы можете абсолютно положиться на меня в этом вопросе».

Что касается поляков и украинцев, то отношение к ним подсудимого Франка было ясным — они должны быть рабами германской экономики до тех пор, пока этого требовала война. После того, как война была бы выиграна, даже этот циничный интерес должен был прекратиться. Я ссылаюсь на речь, обращенную к германским политическим лидерам в Кракове 12 января 1944 года. Она помещена в дневнике Франка и представляет собой наш документ ПС-2233(bb), США-295...

«Когда война будет выиграна, — говорит Франк руководителям, — тогда можно будет сделать фарш из поляков, украинцев и всех других, которые здесь околачиваются, — мне до этого нет дела. Неважно, что случится после этого».

В соответствии с расовой программой нацистских заговорщиков подсудимый Франк поясняет далее в своем дневнике, что уничтожение евреев было одной из его излюбленных целей. Франк в конце 1940 года утверждает в своем дневнике — это доказательство США-271, что он не мог уничтожить всех вшей и евреев в течение года. Он записывает в своем дневнике за 1942 год, доказательство США-281, что программа продовольственных норм, которая фактически приговаривала к голодной смерти 1 200 000 евреев, должна считаться только побочным мероприятием. Он конфиденциально сообщил на закрытой пресс-конференции в 1944 году, доказательство США-295 (и это также имеется в дневнике), что в генерал-губернаторстве все-таки еще осталось, пожалуй, 100 000 евреев».

Эти факты, господа судьи, взяты из его собственного дневника. Мы здесь только подсчитываем результаты. Высшая власть на определенной географической территории признает, что в четырехлетний период до 3 400 000 лиц на этой территории должны быть уничтожены в результате официальной политики, и не за какие-либо преступления, а только потому, что они были рождены евреями. Нет слов, которыми можно вызвать в воображении мучительные смерти, страдания, скрывающиеся за этими застывшими фактами.

Нацистская политика была такова, что население оккупированных стран должно было претерпевать террор, подавление, голод и нужду. Подсудимый Франк так преуспевал в этом, что он был вынужден сообщить фюреру в 1943 году, что поляки не выражают любви к генерал-губернаторству. Этот отчет Гитлеру подводит итоги первых трех с половиной лет управления Франка. Он лучше всего может показать те условия, которые существовали там в результате усилий подсудимых по осуществлению заговора.

Этот отчет содержится в нашем документе ПС-437, США-610. В немецком тексте отрывок, который я буду цитировать, имеется на страницах 10 и 11 отчета Франка Гитлеру, датированного 19 июня 1943 года, касательно положения в Польше. Я цитирую:

«С течением времени ряд мер или последствий германского управления привели к значительному ухудшению отношения всего польского народа к генерал-губернаторству. Эти меры затрагивали отдельные профессии или все население, зачастую с сокрушающей жестокостью обрушивались и на судьбы отдельных людей».

Он продолжает:

«Среди этих мер особо надо отметить следующие:

1. Крайне недостаточное питание населения, главным образом рабочего населения городов, из которого большинство работает в интересах Германии.

До войны 1939 года хотя запасы пищи и не отличались разнообразием, но были достаточными и обеспеченными благодаря сельскохозяйственным избыткам бывшего польского государства и несмотря на халатность со стороны их бывшего политического руководства.

2. Конфискация большей части польских поместий, экспроприация без компенсации и переселение польских крестьян из районов маневров и из районов немецких поселений.

3. Вмешательства и конфискации в областях промышленности, коммерции, торговли и частной собственности.

4. Массовые аресты и массовые расстрелы, производившиеся германской полицией, которая применяла систему коллективной ответственности.

5. Жестокие методы при наборе рабочих.

6. Нараставшая парализация культурной жизни.

7. Закрытие средних школ, колледжей и университетов.

8. Ограничение, вернее, полное уничтожение польского влияния во всех сферах управления государством.

9. Ослабление влияния католической церкви. Ограничение ее обширного влияния, несомненно, необходимая мера, и в дополнение к этому вплоть до недавнего времени — закрытие и конфискация имущества монастырей, школ и благотворительных учреждений. Последние меры нередко осуществлялись без предварительного уведомления».

В самом деле, нацистский план по отношению к Польше удался слишком хорошо.

Председатель: Это только отрывок. Говорит ли он, что эти меры были неизбежны или что он оправдывал их? Что он говорит по этому поводу в отчете?

Болдуин: Он говорит, сэр, о том, что отношение польского народа к правительству генерал-губернатора значи-

тельно ухудшилось. Причины этого ухудшения я перечислил суду. Другими словами...

Председатель: *Это все, что он говорил?*

Болдуин: *Нет, сэр. Это только взято из 10—11 страниц отчета. Сам отчет очень объемный.*

Председатель: *Я думаю, что Вам известно общее содержание отчета?*

Болдуин: *Общее содержание отчета носит характер жалобы Гитлеру на то, что он, Франк, столкнулся с чрезвычайными трудностями в генерал-губернаторстве в связи с этими мерами и событиями там.*

Председатель: *Очень хорошо.*

Болдуин: *Я это сделал для того, чтобы проиллюстрировать, насколько тесно подсудимый Франк связан с политикой...*

Зейдль *(защитник Франка):* *Так как суд сейчас спросил представителя обвинения, какова цель представления этого документа, я хочу указать на то, что здесь речь идет о документе объемом в 40 страниц машинописного текста, направленном Гитлеру. Я хочу указать на то, что Франк осуждает положение, обрисованное обвинением, и что в этом документе он вносит далеко идущие предложения, чтобы улучшить это, осуждаемое им, положение. Я прочту весь документ, когда очередь дойдет до меня.*

Председатель: *Несомненно, Вы будете иметь полную возможность, когда придет Ваша очередь комментировать этот документ...*

Да, сэр. Для того чтобы проиллюстрировать, насколько полно подсудимый Франк связал себя с политикой, о проведении которой докладывается в этом документе, и насколько полно эта политика была его собственной — а это, господа судьи, не зависит от того, какие средства он мог предлагать в 1943 году, — предлагается в этом последнем разделе обвинения привести отрывки из собственного дневника Франка для того, чтобы доказать, что он с самого начала поддерживал и проводил ту же самую политику.

Что касается недостаточного питания польского населения, то не было необходимости для подсудимого Франка ждать до июня 1943 года, чтобы доложить об этом факте Гитлеру. В сентябре 1941 года старший советник медицинской службы подсудимого Франка доложил ему об ужасном состоянии здоровья населения Польши. Об этом указывается в дневнике Франка и в нашем документе ПС-2233(р), США-611. Я цитирую:

«Старший советник медицинской службы доктор Вальбау выразил свое мнение относительно состояния здоровья польского населения. Расследования, которые были проведены его ведомством, доказывают, что большая часть поля-

ков употребляет ежедневно только 600 калорий, в то время как нормальное количество калорий для человеческого существа составляет 2200. Польское население ослабело до такой степени, что оно очень легко может быть подвержено эпидемическим заболеваниям. Количество больных поляков достигло на сегодня примерно 40%. В течение только последней недели было официально сообщено о 1000 новых случаях тифа. Это самое большое число до настоящего времени. Это положение со здоровьем представляет собой серьезную опасность для империи и для солдат, которые пребывают в генерал-губернаторстве. Распространение этой эпидемии в империи вполне возможно. Повышение заболеваний туберкулезом тоже вызывает беспокойство. Если нормы питания снова будут уменьшены, это вызовет колоссальное повышение количества заболеваний».

В то время как из этого отчета совершенно ясно видно, что в 1941 году болезни охватили 40% польского населения, тем не менее подсудимый Франк в августе 1942 года одобрил новый план, который предусматривал еще больший вывоз продуктов в Германию за счет негерманского населения генерал-губернаторства. Методы извлечения продуктов из весьма недостаточных запасов генерал-губернаторства и удар, который в связи с новыми квотами будет нанесен экономике страны, обсуждался на заседании правительства генерал-губернаторства 24 августа 1942 года в таких выражениях, которые не оставляли никакого сомнения в том, что предполагаемая реквизиция не только превосходила ресурсы страны, но и то, что она должна была производиться исключительно беззаконными методами.

Это можно найти в дневнике Франка, в документе ПС-2233(е), США-283. Немецкий текст имеется в томе протоколов совещаний за 1942 год, в записи совещания 24 августа 1942 года. Я цитирую следующую выдержку:

«Прежде чем германский народ, говорит Франк, начнет испытывать голод, пережить его должны народы оккупированных территорий. В настоящий момент поэтому мы здесь, в генерал-губернаторстве, должны проявить железную решимость для того, чтобы помочь великому германскому народу.

Генерал-губернаторство должно сделать следующее: взять на себя обязательство послать 500 тысяч тонн зерна в нашу страну в дополнение к тем продуктам, которые уже были доставлены для облегчения положения Германии или были использованы здесь войсками вооруженных сил, полицией или СС. Если Вы сравните это с теми взносами, которые были сделаны в прошлом году, вы увидите, что взнос генерал-губернаторства повышен в шесть раз по сравнению с прошлым годом.

Новые требования должны быть выполнены исключительно за счет иностранного населения. Это должно быть сделано хладнокровно и безжалостно».

Подсудимый Франк не только был ответствен за проведение политики голода в генерал-губернаторстве, но он также был горд тем вкладом, который он, таким образом, внес для империи.

Сейчас я ссылаюсь на заявление, сделанное Франком, политическим лидерам нацистской партии 14 декабря 1942 года в Кракове. Это заявление содержится в дневнике Франка, документ ПС-2233(z), США-612. Подсудимый Франк говорит:

«Я попытаюсь взять из резервуара этой территории все, что до сих пор еще не было взято». Он продолжает:

«Когда Вы подумаете о том, что я смог доставить в империю 600 тысяч тонн зерна и дополнительно 180 тысяч тонн зерна вооруженным силам, которые расквартированы в данное время в Польше, колоссальное количество, доходящее до многих тысяч тонн других продуктов, таких, как семена, жиры, овощи, 300 миллионов яиц и т.д., Вы сможете оценить значительность работы, проделанной на этой территории для империи. Для того чтобы Вы смогли оценить значение поставки 600 тысяч тонн зерна из генерал-губернаторства, следует обратиться к тому факту, что генерал-губернаторство только этой поставкой обеспечивает увеличение норм выдачи хлеба в Великой германской империи на две трети по сравнению с существующими сейчас нормами. Мы с полным правом можем требовать признания нашей заслуги в таком колоссальном улучшении».

Теперь мы обратимся к переселению польских крестьян, о котором подсудимый Франк отчитывается Гитлеру во втором пункте отчета. Хотя общей властью по осуществлению программы заговорщиков о переселениях в различные районы оккупированных восточных территорий этнических немцев был облечен Гиммлер, проекты, касающиеся переселения в район генерал-губернаторства, были представлены подсудимому Франку и одобрены им.

План переселения в Замосць и Люблин, например, был представлен ему еще на совещании, где обсуждались особые проблемы, связанные с округом Люблин. План доложил его статс-секретарь по вопросам безопасности высший руководитель СС и полиции Крюгер 4 августа 1942 года. Это содержится в дневнике Франка, документ ПС-2233(t), США-607. Я цитирую:

«Статс-секретарь Крюгер продолжает говорить и сообщает, что следующий план рейхсфюрера СС заключается в том, что до конца будущего года следующие этнические группы немцев должны быть расселены в двух округах —

Замосць и Люблин. На 1000 крестьянских усадьбах (1 усадьба для семьи в 6 человек) должны быть расселены немцы из Боснии, 1000 крестьянских усадеб предусмотрены для немцев из Бессарабии, 200 — для немцев из Сербии, 2000 — для немцев из Ленинграда, 4000 — для немцев из Балтики, 500 — для немцев из Волыни, 200 крестьянских усадеб — для фламандских, датских и голландских немцев. Всего выделено 10 000 крестьянских усадеб для 50 000 или 60 000 человек. План переселения следует обсудить совместно с компетентными властями, и он (подсудимый Франк) заявляет о своей готовности одобрить этот окончательный план к концу сентября, после того как будет достигнута договоренность касательно всех вопросов, связанных с этим делом, в частности гарантия мира и порядка.

Таким образом, к середине ноября, в наиболее подходящее время можно начинать переселение...»

Каким образом проводилось переселение в Замосць, было доложено Крюгером подсудимому Франку на совещании в Варшаве 25 января 1943 года. Отчет об этом имеется в дневнике Франка, наш документ ПС-2233(аа), США-613, на 58-й странице книги документов. Я представляю подлинник этого документа. Немецкий текст имеется в томе «Совещание по вопросам рабочей силы» за 1943 год на страницах 16, 17 и 19. В этой выдержке говорится о том, что, согласно докладу статс-секретаря Крюгера, первые 4000 человек были переселены в округ Замосць незадолго до Рождества. Естественно, программа переселения вызвала сильное недовольство среди населения, и поляков пришлось насильственно выселять. Затем он сказал Франку: «Мы сейчас выселяем всех тех, кто мешает нам на этой новой территории, подлежащей колонизации. В действительности это асоциальные элементы. Их вывозят, направляют вначале в концлагеря, а затем посылают в качестве рабочей силы в империю. С точки зрения польской пропаганды, все эти мероприятия имеют неблагоприятный эффект. Поляки говорят, что после того, как нацисты истребят евреев, они начнут применять те же методы для того, чтобы изгнать поляков с этой территории и ликвидировать их так же, как евреев».

Крюгер сообщил, что в результате этой акции в этих областях имели место волнения и Франк сообщил ему, Крюгеру, о том, что в дальнейшем каждый отдельный случай переселения будет обсуждаться особо, точно так же, как это было в отношении Замосци.

Несмотря на то, что беззаконность — лишения поляков их имущества для того, чтобы освободить место для немцев, была очевидной, и несмотря на тот факт, что поляков

не только лишали имущества, но они посылались в концлагеря, программа переселений по-прежнему выполнялась.

Третий пункт, который упоминался Франком, — захват и конфискация промышленности и частной собственности — также входил в политику Франка, осуществляемую им на раннем этапе. Он пояснил это своим директорам департаментов в декабре 1939 года. Этот отчет помещен в его дневнике, документ ПС-2233(k), США-173. Немецкий текст имеется в томе «Совещания директоров департаментов» 1939— 1940 годов, запись от 2 декабря 1939 года, на страницах 2 и 3. Я оглашаю слова доктора Франка:

«В основном, относительно управления генерал-губернаторством, можно сказать, что вся эта территория представляет собою военную добычу германской империи и, таким образом, нельзя разрешить, чтобы эта территория эксплуатировалась по частям. Необходимо использовать эту территорию в экономическом отношении как единое целое с тем, чтобы весь ее экономический потенциал полностью использовался в интересах германского народа».

Я ссылаюсь на документ США-297 на случай, если Трибуналу покажется необходимым получить дополнительные доказательства проводившейся с самого начала политики безжалостного ограбления.

Кроме того, был издан декрет, который разрешал накладывать секвестр в генерал-губернаторстве. Это доказательство уже было представлено Трибуналу. Декрет, подписанный подсудимым Франком, разрешал нацистским чиновникам и уполномочивал их проводить повсеместный захват собственности. Это облегчалось также тем, что декрет не устанавливал никаких определенных критериев. Доказательство разграбления генерал-губернаторства, проводившегося согласно этому и другим декретам, уже представлялось Трибуналу 14 декабря 1945 года под общим заглавием «Германизация и разграбление оккупированных территорий», и мы почтительно обращаем внимание Трибунала на эту часть официальных стенограмм судебных заседаний, в особенности на тот раздел, который касался генерал-губернаторства.

Подсудимый Франк назвал массовые расстрелы и массовые аресты в качестве четвертой причины явного ухудшения отношения со стороны всего польского народа. Однако и в этом он был виноват сам, так как в своей политике отрицал принцип обязательного соответствия наказания совершенному преступлению. Наоборот, подсудимый выступал за самые жестокие меры. На совещании областных политических руководителей в Кракове 18 марта 1942 года Франк изложил свою политику. Это выдержка из его дневника,

документ ПС-2233(г), США-608. Я оглашаю заявление Франка:

«В основном борьбу за достижение наших целей мы будем продолжать со всем хладнокровием. Вы видите, как работают государственные учреждения. Вы видите, что мы не останавливаемся ни перед чем и ставим к стенке этот народ дюжинами. Это необходимо по самым элементарным соображениям, так как сейчас, когда проливается лучшая германская кровь, мы не можем щадить кровь другой расы. Из этого может возникнуть одна из самых величайших опасностей. Сегодня уже говорят в Германии, что военнопленные, например в Баварии и Тюрингии, совершенно самостоятельно управляются на больших земельных владениях, тогда как все мужчины в сельских местностях, пригодные к воинской службе, находятся на фронте. Если такое положение вещей будет продолжаться, мы будем иметь постоянный регресс германского духа. Нельзя недооценивать этой опасности. Поэтому все, что проявляется в виде польской власти или руководства, должно беспощадно уничтожаться вновь и вновь. Нельзя, чтобы об этом кричали за границей, это будет сделано молча».

И 15 января 1944 года подсудимый Франк заверил политических руководителей НСДАП, что за убийство немцев будут проводиться репрессивные меры. Записи об этом можно найти в дневнике Франка, документ ПС-2233(bb), США-295. Немецкий текст можно найти в дневнике в томе с несброшюрованными страницами за период с 1 января 1944 года по 28 февраля 1944 года, на 13-й странице. Франк заявил без прикрас:

«Я без колебания объявил, что, если застрелен один немец, будет расстреляно до ста поляков».

Вся ужасающая история рабского труда и принудительной вербовки рабочих уже излагалась Трибуналу в подробных деталях. Когда подсудимый Франк в своем отчете Гитлеру ссылался на эти методы как на пятую причину недовольства в Польше, он еще раз упомянул о той политике, которую он проводил. Сила, насилие и экономическое давление — все это использовалось им в качестве средств для вербовки рабочих, для угона их в рабство в Германию. Это была официально провозглашенная политика, и я уже ссылался на документальное доказательство США-297, которое подтверждает этот факт.

Если в самом начале в генерал-губернаторстве вербовка рабочей силы происходила на добровольных началах, то вскоре эти методы оказались недостаточными. Весною 1940 года вопрос о применении мер принуждения был поставлен на первый план и обсуждался на служебном совещании, на котором присутствовал также подсудимый

Зейсс-Инкварт. Я ссылаюсь на дневник Франка, документ ПС-2233(n), США-614, на странице 43 книги документов. Я представляю подлинник этого документа... Я оглашаю протокол совещания:

«Генерал-губернатор заявил, что тот факт, что такие методы, как воззвания и тому подобное, не имели успеха, приводят его к заключению, что поляки уклоняются от того, чтобы принести Германии пользу, и отказываются записываться в списки рабочих из-за их недоброжелательного отношения и стремления причинить вред Германии. Поэтому генерал-губернатор спрашивает доктора Фрауэндорфера, существуют ли какие-нибудь другие меры, которые еще не были применены для того, чтобы побудить поляков записываться на добровольных началах.

Рейхсгауптамтслейтер доктор Фрауэндорфер ответил на этот вопрос отрицательно.

Генерал-губернатор подчеркнул тот факт, что от него теперь потребуют занять более определенную позицию по данному вопросу. Поэтому возникает вопрос, не следует ли применять какие-либо принудительные меры. На вопрос генерал-губернатора, обращенный к генерал-лейтенанту СС Крюгеру: считает ли он возможным вербовать поляков путем принуждения, генерал-лейтенант СС Крюгер ответил положительно».

В мае 1940 года на служебном совещании, протокол которого уже был представлен Трибуналу под номером США-173, подсудимый Франк заявил, что при вербовке рабочей силы можно применять принуждение. Поляков можно хватать на улицах и что лучшим методом будет организовывать облавы.

Так же, как и в вопросе преследования евреев, программа принудительного труда в генерал-губернаторстве превосходит всякое воображение. Я ссылаюсь на дневник Франка, документ ПС-2233(b), США-607. Эта выдержка представляет собой запись беседы между подсудимыми Заукелем и Франком в Кракове 18 августа 1942 года, и запись об этом имеется в дневнике за 1942 год, часть 3-я, страницы 918—920. Доктор Франк говорит:

«Я доволен тем, что имею возможность официально сообщить Вам, товарищ по партии Заукель, что мы до настоящего времени поставили 800 тысяч рабочих для империи».

Он продолжает:

«Недавно Вы попросили нас предоставить еще 140 тысяч человек. Я с удовольствием информирую Вас официально, что в соответствии с нашей вчерашней договоренностью 60 процентов этих затребованных рабочих будут доставлены в империю к концу октября, а остальная часть, 40 процентов — к концу этого года».

Доктор Франк далее продолжает:

«Помимо этого количества, 140 тысяч человек, Вы можете рассчитывать на большее количество рабочей силы из генерал-губернаторства в будущем году, так как мы будем использовать полицию для их насильственной вербовки».

Как проводилась эта вербовка — жестокими, безжалостными средствами охоты за людьми, — ясно видно из документального доказательства США-178, которое уже было представлено Трибуналу. Голод, насилия и смерть, которые характеризовали всю программу заговорщиков по применению рабского труда, таким образом, находили свое полное выражение в правлении подсудимого Франка.

Конечно, были также и другие причины для волнений в оккупированной Польше, о которых подсудимый Франк не упомянул в своем отчете фюреру. Он не упомянул о концентрационных лагерях, по-видимому, потому, что подсудимый Франк, юрист, представляющий национал-социализм, сам защищал эту систему в Германии. Как генерал-губернатор подсудимый Франк должен нести ответственность за концлагеря, которые находились на территории генерал-губернаторства. Они включают, помимо других, известные лагеря в Майданеке, в Люблине и лагерь в Треблинке, за пределами Варшавы. Как уже указывалось, подсудимый Франк знал и одобрял систему, по которой поляков направляли в концлагеря в связи с программой переселений. Ему также был подведомствен в известных вопросах лагерь истребления в Освенциме, куда поляки из генерал-губернаторства направлялись его администрацией. В феврале 1944 года советник посольства доктор Шумберг предложил рассмотреть вопрос об амнистии в отношении поляков, которые были привезены в Освенцим из-за незначительных проступков и содержались там в течение нескольких месяцев. Об этом совещании, господа судьи, говорится в дневнике Франка, документ ПС-2233(bb), США-295... Немецкий текст имеется в томе дневника с несброшюрованными страницами за период с 1 января 1944 года по 28 февраля 1944 года, а запись о совещании от 8 февраля 1944 года имеется на 7-й странице. Я оглашаю:

«Генерал-губернатор рассмотрит вопрос об амнистии, по-видимому, к 1 мая этого года. Тем не менее, не следует упускать из виду тот факт, что германское руководство генерал-губернаторства не должно сейчас проявлять никаких признаков слабости».

Таким был и таков есть заговорщик Франк. Мы, конечно, не представили абсолютно всех доказательств, но мы считаем, что Трибуналу были представлены достаточные доказательства для того, чтобы установить ответственность

подсудимого, по первому разделу обвинительного заключения.

В качестве советника по вопросам права при Гитлере и руководящем составе НСДАП подсудимый Франк содействовал приходу заговорщиков к власти. Занимая различные должности в качестве юриста, подсудимый Франк выступал за политическую монополию НСДАП, расовую программу заговорщиков, систему террора в виде концлагерей и арестов без санкций. С самого начала его роль в заговоре заключалась в том, чтобы облечь национал-социалистскую программу в правовую форму и придать видимость законности программе террора, преследований и гонений, которая имела своей конечной целью мобилизацию для агрессивной войны.

Как верный приверженец Гитлера и НСДАП подсудимый Франк был назначен в 1939 году генерал-губернатором той части Польши, которая известна как генерал-губернаторство. Подсудимый Франк рассматривал все то, что шло на пользу германской нации, как правосудие и справедливость. Его пятилетнее управление в генерал-губернаторстве свидетельствует о расширении этого принципа до крайних пределов.

Доказано, что подсудимый Франк занял пост генерал-губернатора на основании программы, которая сама по себе составляла преступный план или заговор, о чем подсудимому Франку было хорошо известно и им одобрялось. Эта программа заключалась в том, чтобы эксплуатировать безжалостно эту территорию в интересах нацистской Германии, насильственно угонять ее обитателей для принудительного труда в Германию, закрывать школы и высшие учебные заведения, предотвращать рост польской интеллигенции и управлять всей этой территорией, как колониальным владением третьей империи, совершенно пренебрегая обязанностями державы, которая осуществляет оккупацию, по отношению к населению оккупированной территории.

Под управлением подсудимого Франка был осуществлен этот преступный план, но в действительности были превышены границы даже этого плана. Поставки продовольствия в Германию возросли до такой степени, что те жалкие запасы, которые были оставлены для генерал-губернаторства, согласно плану, были сокращены до такой степени, что это вызывало массовую голодную смерть. Программа переселения осуществлялась с полным невниманием и пренебрежением к правам местного населения. Ужасы концлагерей следовали по пятам за нацистскими захватчиками.

Представляемые доказательства большей частью были почерпнуты из заявлений самого подсудимого Франка, из признаний, которые были обнаружены в его дневнике, из

официальных отчетов, протоколов совещаний с его коллегами и подчиненными и из его речей. Поэтому будет уместным в заключение огласить еще одну выдержку из его дневника. Это наш документ ПС-2233(аа), США-613. Он имеется на странице 59 книги документов. Я представляю подлинник этого доказательства. Немецкий текст имеется в томе Совещания по вопросу рабочей силы от 1943 года, запись от 25 января 1943 года на странице 53. В этой речи подсудимый Франк довольно резонно заявил своим коллегам в генерал-губернаторстве о том, что их задача становится все более и более трудной. Гитлер, сказал он, «может помогать нам лишь в чисто административном отношении. Мы должны зависеть сами от себя».

Я оглашаю слова Франка:

«Теперь наш долг связал нас всех вместе. Мы должны помнить, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке военных преступников господина Рузвельта. Я имею честь проходить в этом списке под первым номером. Мы все, так сказать, стали соучастниками международной исторической миссии».

На этом заканчивается представление доказательств по обвинению подсудимого Франка.

Т. Ф. ЛАМБЕРТ (США)

Об индивидуальной ответственности Бормана[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 16 января 1946 г.

Господа судьи! Обвинение переходит к делу подсудимого Бормана и представлению доказательств, устанавливающих его ответственность за преступления, изложенные в обвинительном заключении. Если Трибунал разрешит, мы хотели бы заметить вначале, что в связи с отсутствием подсудимого Бормана на скамье подсудимых нам кажется необходимым сделать еще большее усилие для того, чтобы в протокол судебного заседания вошли веские доказательства по делу Бормана ради справедливости по отношению к защите и для удобства Трибунала.

Я представляю книгу документов в качестве доказательств от американского обвинения вместе с запиской по делу подсудимого Бормана.

[1] IMT. Vol. 5. P. 304—334.

Подсудимый Борман несет главную ответственность за содействие приходу к власти нацистских заговорщиков, укрепление их абсолютной власти над Германией, за участие в подготовке к агрессивной войне, что изложено в первом разделе обвинительного заключения.

Из доказательств, зафиксированных в протоколах суда, вытекает, что нацистская партия и ее руководящий состав были главным механизмом действия заговорщиков и первоисточником заговора.

После отлета подсудимого Гесса в Шотландию в мае 1941 года Борман стал рейхслейтером нацистской партии. Его официальный титул был руководитель партийной канцелярии. До этого времени Борман был начальником штаба подсудимого Гесса, заместителя фюрера.

Занимая эти ответственные посты, Борман являлся одним из создателей заговора. Подчиняясь, мы подчеркиваем, только верховной власти Гитлера, Борман использовал огромную власть партии, ее органов и организаций для осуществления нацистского заговора и использовал партию для того, чтобы заставить германский народ подчиниться воле нацистских заговорщиков.

Он также направлял власть партии на организацию мер с целью осуществления господства над Европой.

Следовательно, подсудимый Борман является виновным в бесчисленных преступлениях, связанных с заговором, в бесчисленных преступлениях, совершенных партией, ее органами и германским народом, в содействии развитию заговора.

Было бы целесообразно кратко ознакомить суд с ролью подсудимого Бормана в развитии заговора.

Подсудимый Борман начинал свою заговорщическую деятельность более чем 20 лет тому назад. В 1922 году, в 22-летнем возрасте, он вступил в организацию «Россбах», одну из подпольных групп, которая продолжала милитаристские традиции германской армии и осуществляла террор против немногочисленного активного пацифистского меньшинства в Германии. Когда он был окружным руководителем этой организации в Мекленбурге, он был арестован и предан суду за участие в политическом убийстве, что, как мы считаем, указывает на его склонность к использованию различных незаконных методов для достижения его личных целей. 15 мая 1924 года он был признан Государственным трибуналом защиты республики виновным и приговорен к одному году тюремного заключения.

После освобождения из тюрьмы в 1925 году Борман возобновил свою подрывную деятельность. Он вступил в военную организацию «Фронтбанн» и в том же самом году вступил в нацистскую партию. С тех пор началось его продви-

жение к руководящему положению в заговоре. В 1927 году он стал возглавлять в гау Тюрингии прессу как представитель партии. Другими словами, возвращаясь к делу против руководящего состава нацистской партии, можно сказать, что он занял важный пост офицера штаба гаулейтера. 1 апреля 1928 года он был назначен окружным руководителем в Тюрингии и руководителем деловой жизни всего гау.

Сейчас мы переходим к исключительно важному пункту, касающемуся связи Бормана с СА.

С 15 ноября 1928 года до августа 1930 года он работал в штабе командования СА.

Трибунал уже заслушивал доказательства о преступности СА и ему хорошо известно, что это была полувоенная организация молодежи, главной целью которой было обеспечить власть на улице и подвергнуть террору оппозиционные элементы среди заговорщиков.

Мы утверждаем на этой стадии процесса, что в силу положения, которое Борман занимал в штабе командования СА, он разделяет ответственность за противозаконные действия СА по осуществлению заговора. В августе 1930 года Борман организовал фонд помощи нацистской партии и стал его начальником. Через этот фонд он собрал большие суммы в целях якобы поддержки семей тех членов партии, которые были убиты или ранены в борьбе за дело партии.

Как известно Трибуналу, 30 января 1933 года заговорщики и их партия захватили власть в Германии. Вскоре после этого — в июле 1933 года — подсудимый Борман получил третий по влиянию пост в партийной организации, то есть пост начальника штаба подсудимого Гесса, заместителя фюрера. В то же время он был назначен рейхслейтером, что, как Трибуналу известно, сделало его членом верхушки обвиняемой организации, членом руководящего состава нацистской партии. В ноябре 1933 года он стал членом рейхстага.

Я прошу Трибунал принять без доказательств правительственное германское издание «Великий германский рейхстаг» 1943 года издания. Факты, которые я перечислил в вышеприведенном очерке карьеры подсудимого Бормана, изложены на 167-й странице этого издания...

В отношении осуждения Бормана за политическое убийство я предъявляю документ ПС-3355, доказательство США-682, представляющий собой письменное показание доктора Роберта М. В. Кемпнера, данное под присягой. Я процитирую коротко следующее:

«Я, Роберт М. В. Кемпнер, консультант-эксперт министерства обороны США, будучи должным образом приведен к присяге, показал перед ниже подписавшимся приведшим меня к присяге офицером следующее:

В качестве старшего правительственного советника и главного юридического консультанта по вопросам прусской полицейской администрации догитлеровского периода я официально ознакомился с делом о преступлении Мартина Бормана, который является одним и тем же лицом, что и подсудимый Мартин Борман, который привлечен к ответственности перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, в Германии, согласно обвинительному заключению».

В официальных документах по делу о преступлении Мартина Бормана содержится следующая запись:

«Борман Мартин приговорен 15 мая 1924 года Государственным трибуналом защиты республики в Лейпциге, в Германии, к одному году тюремного заключения за то, что он явился соучастником в совершении политического убийства». Подпись: «Роберт М. В. Кемпнер».

Председатель: Лейтенант Ламберт, я думаю, что нет необходимости, когда Вы имеете дело с подобным документом, зачитывать формальную часть. Если Вы объясните характер документа и прочтете существенную часть, у Вас уже не будет необходимости обращаться к формальной части. Например: «Я, Роберт Кемпнер, эксперт-консультант» и тому подобное. Вы меня понимаете?

Ламберт: Большое спасибо, сэр. Это очень полезное предложение.

Как начальник штаба подсудимого Гесса Борман отвечал и за передачу подсудимому Гессу требований партии, касающихся всех сфер государственных дел. Затем эти требования осуществлялись подсудимым Гессом в силу его участия в законодательстве, его полномочий в отношении назначения и повышения правительственных чиновников и в силу его положения в имперском кабинете.

Сейчас я перехожу, как нам кажется, к важному пункту, который указывает на причастность подсудимого Бормана к деятельности СС и гестапо. Как начальник штаба подсудимого Гесса Борман принимал меры для того, чтобы усилить власть гестапо и СД над гражданским населением Германии. Я прошу Трибунал принять без доказательств приказ Бормана от 14 февраля 1935 года, изложенный в официальном издании «Декреты заместителя фюрера», издание 1937 года, страница 257.

Я процитирую из этого декрета только части, относящиеся к делу.

«Заместитель фюрера ожидает, что партийные организации в настоящее время перестанут относиться недоверчиво к СД и полностью поддержат СД в разрешении тех трудных задач, которые доверены этой организации, для того, чтобы оградить партийное движение и наш народ.

Поскольку работа СД в основном ведется на благо партии, совершенно недопустимо, чтобы ходу работы СД мешала неоправданная критика только из-за того, что отдельные члены СД не оправдали доверия. Наоборот, эту работу следует всячески поддерживать». Подписано: «Борман, начальник штаба заместителя фюрера».

Это относится к поддержке Борманом СД.

Сейчас я перейду к доказательствам об усилиях Бормана поддержать работу гестапо.

Председатель*: Лейтенант Ламберт, не было бы достаточным сказать, что этот документ указывает на поддержку, которую Борман обещал СД?*

Ламберт*: Я имел в виду одно обстоятельство, сэр, а именно, документ не считается представленным в качестве доказательства, если он не зачитан.*

Председатель*: Вы ведь начали с того, что попросили нас принять его без доказательства. Если мы можем принять его без доказательства, тогда нет необходимости цитировать.*

Ламберт*: Итак, в отношении усилий Бормана укрепить власть гестапо я прошу Трибунал принять без доказательства приказ Бормана от 3 сентября 1935 года, обязывающий организации партии докладывать гестапо о всех лицах, которые критикуют нацистские организации или нацистскую партию. Этот декрет находился в официальном партийном издании «Декреты заместителя фюрера» от 1937 года на странице 190. Английский перевод находится в нашем документе ПС-3239. Я кратко суммирую содержание этого документа. В первом абзаце имеется ссылка на закон от 20 декабря 1934 года. Как вспомнит Трибунал; этот закон ставит партийные организации и партийную форму под такую же защиту закона, которой пользовалось государство. В первом и втором абзацах этого декрета указывается, что в любом случае, связанном со злонамеренными или оскорбительными нападками на членов нацистской партии или на ее учреждения, имперский министр юстиции будет консультироваться с заместителем фюрера для того, чтобы предпринять совместные действия против нарушителей. В третьем абзаце Борман приказывает всем партийным организациям докладывать гестапо о лицах, критикующих нацистскую партию или ее учреждения. Я процитирую последний абзац.*

Председатель*: Вы сказали в первом предложении о том, что из документа следует, что он приказал сообщать в гестапо обо всех критикующих партию. Мне кажется, этого достаточно и все, что Вы сказали после этого, является совпадающим.*

Ламберт*: Имеется, однако, один небольшой пункт, который я хотел бы подчеркнуть, с Вашего разрешения, каса-*

ющийся последнего абзаца, поскольку я думаю, что это очень важно для обвинения по делу руководящего состава нацистской партии.

Трибунал вспомнит, что он поставил несколько очень существенных вопросов касательно того, распространяются ли доказательства обвинения на рядовых членов руководящего состава. В последнем абзаце этого декрета Борман инструктирует ортсгруппенлейтеров (согласно иерархическому порядку они стоят ниже крейслейтеров и гаулейтеров) о том, что последние должны докладывать гестапо обо всех лицах, критикующих учреждения нацистской партии.

Дальше идет важный пункт, касающийся связи Бормана с СС. Трибуналу уже были представлены доказательства, устанавливающие преступность СС. В этой связи прошу Трибунал принять без доказательств документ ПС-3234, издание «Дас Архив» за июль 1940 года. На странице 339 этого издания под датой 21 июля 1940 года указывается, что фюрер повысил Бормана в чине, произведя его из генерал-майора в генерал-лейтенанты СС. Соответственно мы утверждаем, что Борману могут быть предъявлены обвинения за преступные действия СС и он несет за них совместную ответственность.

После того как подсудимый Гесс вылетел в Шотландию в мае 1941 года, подсудимый Борман занял его место в качестве руководителя нацистской партии, следующего после Гитлера. Я прошу Трибунал принять без доказательств декрет от 24 января 1942 года, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1-я, страница 35. По нашему мнению, это исключительно важный декрет, поскольку в соответствии с ним участие партии в законодательной деятельности и во всех правительственных назначениях и повышениях должно было осуществляться исключительно Борманом. Он должен был принимать участие в подготовке — мы подчеркиваем это — принятии и обнародовании всех имперских законов. Кроме того, он должен был утверждать все законы имперских земель, так же как все декреты имперских наместников. Все связи между государственными и партийными чиновниками проходили через него. Мы заявляем, что в силу этого закона Борман виновен в принятии каждого акта, который издавался в Германии после 24 января 1942 года и способствовал развитию заговора.

Я думаю, что будет полезным указать и попросить Трибунал принять без доказательств декрет от 29 мая 1941 года, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1941 год, часть 1-я, страница 295, документ ПС-2099. В этом декрете Гитлер приказывает, чтобы Борман взял на себя все полномочия и все посты, которыми раньше располагал и которые занимал подсудимый Гесс. Я прошу Трибунал

принять без доказательств другой очень важный декрет — декрет министерского совета обороны от 16 ноября 1942 года.

Председатель: *Имеются эти документы в книге документов?*

Ламберт: *Да, сэр.*

Председатель: *Вы не назвали номера.*

Ламберт: *Это правда, сэр. Насколько я помню, этот важный декрет от 24 января 1942 года является нашим документом ПС-2001.*

Я прошу Трибунал принять без доказательств важный декрет министерского совета обороны империи от 16 ноября 1942 года, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» за 1942 год, часть 1-я, страница 649, документ ЕН-5. В соответствии с этим декретом все гаулейтеры, которые подчинялись Борману в силу его положения руководителя партийной канцелярии, назначались в качестве имперских комиссаров обороны и им поручались координация, надзор и руководство усилиями нацистов по подготовке агрессивной войны.

С этого времени партия под руководством Бормана стала решающей силой в планировании и реорганизации нацистской военной экономики в подготовке агрессивной войны.

12 апреля 1943 года, как это показано в издании «Великий германский рейхстаг», издание 1943 года, страница 167, документ ПС-2981, Борман был назначен секретарем фюрера, и мы утверждаем, что этот факт доказывает существование тесной связи подсудимого Бормана с фюрером и влияние Бормана на последнего, а также увеличивает его ответственность за роль в заговоре.

Сейчас мы переходим к административной ответственности подсудимого Бормана за действия фольксштурма. Я прошу Трибунал принять без доказательств приказ фюрера от 18 октября 1944 года, опубликованный в «Фолькишер Беобахтер» 20 октября 1944 года, о назначении Бормана политическим и организационным руководителем фольксштурма. Это изложено в документе ПС-3018. В этом декрете Гиммлер назначается военным руководителем фольксштурма, а Борману доверяется организационное и политическое руководство. Как известно Трибуналу, фольксштурм являлся организацией, в которую входили все мужчины Германии в возрасте от 16 до 60 лет. В качестве руководителя фольксштурма Борман способствовал бесцельному затягиванию войны, вызвавшему разрушение германской и европейской экономики, загубившему столько человеческих жизней и повлекшему за собой разрушение собственности.

Сейчас мы переходим к ответственности подсудимого Бормана за преследование церкви. Подсудимый Борман допускал и направлял мероприятия по преследованию христианской церкви, а также руководил ими и принимал в них активное участие. Трибунал, конечно, заслушал многое в течение заседаний касательно действий заговорщиков по преследованию церкви. Мы не имеем желания пересказывать эти доказательства сейчас. Мы заинтересованы только в одном — в раскрытии ответственности подсудимого Бормана, его личной индивидуальной ответственности за преследование церкви.

Сейчас я буду представлять доказательства, показывающие ответственность подсудимого Бормана в преследовании христианской церкви.

Борман принадлежал к наиболее беспощадным врагам христианской церкви и христианского духовенства как в Германии, так и на оккупированных Германией территориях. Я обращаю внимание Трибунала на документ Д-75, который уже был представлен как доказательство США-348, содержащий копию секретного декрета Бормана от 6 июня 1941 года, озаглавленного «Отношение национал-социализма к христианству». В этом декрете, как Трибунал, несомненно, вспомнит, подсудимый Борман категорически заявил, что национал-социализм и христианство несовместимы. Он указал, что конечной целью заговорщиков является обеспечить уничтожение самого христианства.

Дальше я обращаю внимание Трибунала, не цитируя, на документ ПС-098, который был представлен как доказательство США-350. Это письмо подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу от 22 февраля 1940 года, в котором Борман утверждает о несовместимости христианства и национал-социализма.

Затем для того, чтобы способствовать осуществлению целей заговорщиков, состоявших в подрыве христианской церкви, Борман принимал меры для уничтожения влияния христианской церкви изнутри на членов самой нацистской партии и ее организаций. Я представляю документ ПС-113, США-683. Это приказ подсудимого Бормана, датированный 27 июля 1938 года, изданный им в качестве начальника штаба заместителя фюрера Гесса, где говорится о запрещении духовенству занимать партийные посты. Я не буду отнимать время Трибунала пространным цитированием этого текста. Суть дела в том, что, как здесь указано, подсудимый Борман издал приказ, запрещающий назначать духовных лиц на партийные посты...

Господа судьи, мы рассматриваем вопрос об усилиях подсудимого Бормана устранить и изгнать из нацистской партии всякое церковное и религиозное влияние. Документ

ПС-838, США-684. Я не буду загружать протокол пространными цитатами из этого документа и лишь отмечу, что это является копией декрета Бормана от 3 июня 1939 года, в котором указывалось, что последователи христианской науки должны быть исключены из партии.

Я далее обращаю внимание Трибунала на документ ПС-840, который был представлен в качестве доказательства под номером США-355. Как Трибунал помнит, это декрет Бормана от 14 июля 1939 года с одобрительной ссылкой на более ранний декрет Бормана от 9 февраля 1937 года, в котором подсудимый Борман дал указание о том, что в будущем все члены нацистской партии, становившиеся священнослужителями или начавшие изучать богословие, должны быть исключены из нацистской партии.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-107, США-351. Это циркулярная директива подсудимого Бормана от 17 июня 1938 года, адресованная всем рейхслейтерам и гаулейтерам, то есть высшим руководителям нацистской партии, с приложенной копией инструкции относительно того, чтобы организации имперской трудовой повинности не принимали участия в религиозных празднествах. Как Трибунал помнит, имперская трудовая служба в принудительном порядке включала всех немцев в свою организацию.

Бергольд (защитник Бормана): Только что господин представитель обвинения целым рядом документов пытался доказать, что по инициативе Бормана лица, исповедующие христианскую религию, должны были исключаться из партии или из определенных организаций. Я хочу попросить господина обвинителя объяснить мне, как и почему эта деятельность, то есть исключение христиан из партии, может являться военным преступлением. Я не могу сделать такое заключение на основании представленной суду записки по делу. Партию считают преступной. Является ли преступлением исключение определенных людей из участия в преступном заговоре? Считается ли это преступлением? Как и почему оказывается преступлением исключение из партии?

Председатель: Обвинитель ответит Вам.

Ламберт: Господа судьи, если Вы готовы разрешить на данной стадии прения, мы считаем, что на этот вопрос...

Председатель: Только краткие прения.

Ламберт: Хорошо, сэр... что на этот вопрос можно дать краткий и, по нашему мнению, простой ответ.

Сейчас мы стараемся доказать, и доказательств по этому вопросу много, что Борман ненавидел христианскую церковь, враждебно относился к ней и принимал меры против нее. Нацистская партия была носителем политической власти в Германии. Для того чтобы иметь власть, нужно

7 Заказ 1429

было быть членом этой партии или пользоваться ее благосклонностью. Своими постоянными, согласованными и последовательными усилиями, направленными на то, чтобы исключать священнослужителей, людей, изучающих богословие, и всех сочувствующих христианской церкви, Борман ясно проявил свою ненависть и недоверие к христианской религии и тем, кто стоял за нее. Более ясного способа проявить свое отношение к церкви найти было невозможно.

Председатель: *Защитник Бормана может изложить доводы по этому вопросу на более поздней стадии суда. Трибунал считает, что эти документы относятся к делу.*

Ламберт: *С разрешения Трибунала я только что представил документ ПС-107 и указал, что к этим документам прилагалась директива о том, чтобы организации имперской трудовой повинности не участвовали в религиозных празднествах. Я цитирую лишь 4-й и 5-й абзацы на 1-й странице английского перевода документа ПС-107, которые гласят следующее:*

«В имперской трудовой повинности запрещается обсуждение каких-либо религиозных тем потому, что оно нарушает товарищеское согласие всех рабочих и работниц. Поэтому любое участие имперской трудовой повинности в церковных, то есть религиозных мероприятиях и празднествах не представляется возможным».

Теперь я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-070, который был представлен ранее в качестве доказательства США-349. Как Трибунал помнит, это письмо из канцелярии Бормана подсудимому Розенбергу от 25 апреля 1941 года, в котором Борман заявляет, что он добился последовательного успеха в деле ограничения и упразднения религиозных служб в школах и замены религиозных молитв нацистскими лозунгами и ритуалами. В этом письме Борман также предложил вместо существующих в школах исповеди и утренней службы ввести утреннюю службу на нацистский манер.

Стремясь целенаправленными мерами подорвать и подавить христианскую церковь, подсудимый Борман утверждал, руководил и участвовал в проведении мероприятий, направленных к закрытию, ограничению и роспуску богословских школ, факультетов и учреждений. Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-116, США-685, который я в настоящее время представляю в качестве доказательства. Это письмо подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу от 24 января 1939 года, к которому прилагается для сведения Розенберга копия письма Бормана имперскому министру по делам науки, воспитания и народного образования. В прилагаемом письме Борман сообщает министру о положительном отношении нацистской партии к ограничению и

упразднению богословских факультетов. Борман заявляет, что ввиду военных условий стало необходимым реорганизовать немецкие средние школы. Ввиду этого он просил министра сократить или закрыть некоторые богословские факультеты.

Цитирую первый абзац 3-й страницы английского перевода документа ПС-116, который гласит следующее:

«Я был бы благодарен, если бы Вы установили значительные ограничения для богословских факультетов в тех случаях, когда, в соответствии с вышеизложенными основаниями, они не могут быть совсем закрыты. Это относится не только к теологическим факультетам при университетах, но и к различным государственным учебным заведениям, которые, как семинарии, не были связаны с университетами, но все еще существуют в различных местах. Я прошу в данном случае обойтись без особых объяснений с представителями церкви и других учреждений, а также без каких-либо публичных заявлений относительно этих мероприятий. В ответ на жалобы или подобные обращения следует указывать, что эти меры проводятся в ходе выполнения экономического плана реорганизации и что подобные меры принимаются в отношении других факультетов. Я был бы благодарен, если бы освобожденные таким образом кафедры можно было передать вновь создаваемым областям науки в последние годы, как-то: исследования по расовым вопросам, изучение археологии, и т. д.

Мартин Борман».

Мы утверждаем, что в этом письме Борман фактически требовал, чтобы богословские факультеты были закрыты, а вместо них были созданы нацистские факультеты и кафедры для изучения вопросов расизма... Это делалось в высшей школе, что было ясно раскрыто при представлении обвинением доказательств о грабительской деятельности штаба Розенберга.

Далее обращаю внимание Трибунала на документ ПС-122, США-362. Как Трибунал помнит, документ ПС-122 представляет собой письмо от 17 апреля 1939 года подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу с приложением фотокопии плана имперского министра по делам науки, воспитания и народного образования относительно слияния и роспуска некоторых поименованных богословских факультетов. В своем письме Борман просит Розенберга «принять это к сведению и предпринять быстрые действия» с целью запрещения религиозных учреждений.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-123, США-686. Это секретное письмо от 23 июня 1939 года подсудимого Бормана министру по делам науки, воспитания и народного образования, в котором Борман из-

лагает решение партии издать приказ о запрещении многочисленных богословских факультетов и религиозных учреждений. Как Трибунал видит, в этом письме поименовано 19 различных учреждений, которые Борман приказал распустить или ограничить. Дав указания министру о принятии соответствующих мер в отношении различных богословских факультетов, я цитирую из предпоследнего абзаца 3-й страницы английского перевода документа ПС-123, Борман заявил:

«Выше я сообщил Вам о желаниях партии, которые были определены после тщательного исследования вопроса всеми партийными ведомствами. Я был бы благодарен, если бы Вы как можно скорее приняли необходимые меры, учитывая большое политическое значение каждого такого слияния для соответствующих гау. Я прошу Вас принять эти меры и, в частности, установить сроки, согласовав их со мной».

Далее я представляю в качестве доказательства документ ПС-131, США-687. Не цитируя, я хочу сказать, что это письмо от 12 декабря 1939 года подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу относительно упразднения семи кафедр в близлежащем Мюнхенском университете.

Теперь я коротко коснусь вопроса об ответственности Бормана за конфискацию церковного и культурного имущества. Борман использовал свою большую власть и положение для того, чтобы провести конфискацию церковной собственности и подвергнуть христианскую церковь и духовенство дискриминационному правовому режиму.

Предъявляю в качестве доказательства документ ПС-099, США-688. Это копия письма от 19 января 1940 года подсудимого Бормана имперскому министру финансов, в котором Борман требует значительного увеличения военного налога, налагаемого на церковь. Цитирую из первых двух абзацев 2-й страницы английского перевода документа ПС-099, в котором речь идет о следующем:

«Как мне сообщили, с 1 ноября 1939 года и на первые три месяца следующего года предполагаемый военный налог с церквей был установлен в 1800 тысяч рейхсмарок в месяц, из которых один миллион рейхсмарок должен быть выплачен протестантской церковью, а 800 тыс. рейхсмарок — католической церковью. Установление такой низкой цифры меня удивило. Насколько я могу судить из многочисленных отчетов, политические организации должны собрать такой большой военный налог, что проведение других возложенных на них задач, подчас весьма важных, как, например, в области социального обеспечения, находится под

угрозой. Ввиду этого, думаю, абсолютно необходимо наложить более высокую квоту налога на церкви».

Спрашивается, преступление ли налагать на церкви повышенный налог? Рассматривая это требование Бормана в отдельности, обвинение утверждало бы, что оно не носило преступный характер, но в свете более общего вопроса враждебности Бормана к христианской церкви и его усилий не только ограничить ее права, но и полностью устранить ее, мы утверждаем, что этот документ имеет доказательную силу, так как он показывает враждебность Бормана по отношению к христианской церкви и духовенству и проводившиеся им конкретные меры по претворению в жизнь этой враждебности.

Далее я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-089, США-360. Как Трибунал помнит, это письмо от 8 марта 1940 года подсудимого Бормана рейхслейтеру Аманну, в котором Борман дает указания Аманну, руководителю печати, более строго ограничить выдачу бумаги на религиозные издания, а вместо этого обеспечивать бумагой издания, в большей мере соответствующие нацистской идеологии.

Далее в качестве доказательства я представляю документ ПС-066, США-689. Это письмо подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу от 24 июня 1940 года, к которому прилагается проект дискриминационного закона против церкви для Данцига и Западной Пруссии. Этот декрет сам по себе является прямым нарушением свободы церкви. Я не буду цитировать, а лишь кратко изложу содержание. В параграфе 1-м декрета предусматривается, что санкция со стороны имперского уполномоченного по Данцигу и Западной Пруссии является обязательным условием установления правомочности всех религиозных организаций. В третьем параграфе аннулируются все права религиозных организаций и общин на государственные или муниципальные субсидии и запрещается религиозным организациям осуществлять свои права по сбору средств без санкции имперского уполномоченного. В параграфе 5 декрета указывается, что приобретение собственности религиозными организациями подлежит утверждению со стороны имперского уполномоченного. В отношении всех прав на кредиты, приобретенных религиозными организациями до 1 января 1940 года, предусматривалось, что для того чтобы они приобрели исковую силу, также должны утверждаться имперским уполномоченным.

Теперь в качестве доказательства я представляю документ ПС-1600, США-690. Он содержит переписку Бормана в период 1940—1941 годов по вопросу о конфискации принадлежащих церкви предметов искусства. Я цитирую второе

письмо, первая страница английского перевода документа ПС-1600. Это письмо от 16 января 1941 года подсудимого Бормана доктору Поссе, директору государственной картинной галереи в Дрездене.

«Дорогой доктор Поссе! К сему прилагаю фотографии алтаря монастыря в Хоэнфюрте близ Крумау. Монастырь и все его имущество будут в непосредственном будущем конфискованы ввиду враждебной по отношению к государству позиции, занимаемой обитателями. Вы должны будете решить, оставить ли картины в монастыре в Хоэнфюрте или передать их в музей в Линце после того, как будет закончена его организация.

Сообщите мне Ваше мнение по этому вопросу. Борман».

Трибуналу, быть может, известно, что в своем так называемом завещании Гитлер упоминает о всех своих предметах искусств в музее в Линце, употребляя при этом выражение «предметы искусства, которые я купил». Этот документ дает основание предполагать, каким образом были приобретены, во всяком случае, некоторые из этих предметов искусства, находившиеся в музее в Линце.

Наконец, по мере того как война вовлекала все большее количество германской молодежи в вооруженные силы, подсудимый Борман принимал меры к тому, чтобы устранить и подавить всякое религиозное влияние на войска. Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-101, США-361. Это письмо подсудимого Бормана от 17 января 1940 года, в котором Борман заявляет, что партия возражает против распространения религиозной литературы среди военнослужащих германских вооруженных сил. В этом письме Борман заявил, что эффективная борьба против влияния церкви на солдат могла бы быть проведена только путем публикации в кратчайший срок большого количества нацистских брошюр и изданий.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-100, США-691. Это письмо от 18 января 1940 года подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу, в котором Борман заявляет, что опубликование нацистской литературы для новобранцев в качестве контрмеры против распространения религиозных материалов «на сегодня имеет жизненно важное значение». Я воздержусь от цитат из этого документа. Содержание его я уже изложил.

Теперь я прошу Трибунал без доказательств принять авторитетное нацистское издание, озаглавленное «Декреты заместителя фюрера», издание 1937 года.

Я цитирую со страницы 235 этой книги важную и относящуюся к делу директиву, которая была дана подсудимым Борманом 7 января 1936 года уполномоченному партийного

руководства. Английский текст этой директивы имеется в документе ПС-3246. Одной фразой этого документа Борман направляет террор гестапо на всех инакомыслящих служителей церкви, которые стояли на пути заговорщиков. Я цитирую:

«Если священники и другие низшие служители католической церкви займут враждебную позицию в отношении государства или партии, об этом официальным путем следует сообщать тайной государственной полиции. Подпись — Борман».

С разрешения Трибунала я теперь обращусь к вопросу об ответственности подсудимого Бормана за преследование евреев. Я хочу сказать, что обвинение не намеревается повторять многочисленные уже представленные доказательства по вопросу о преследовании евреев, а ограничится теми доказательствами, которые указывают на индивидуальную ответственность подсудимого Бормана за преследование евреев. Подсудимый Борман разделяет глубокую вину нацистских заговорщиков за их отвратительную программу преследования евреев. Мы хотим отметить, что именно подсудимый Борман был уполномочен Гитлером передавать и выполнять приказы фюрера по полному разрешению так называемой «еврейской проблемы».

После проведения организованных и руководимых нацистской партией погромов 8 и 9 ноября 1938 года, в ходе которых множество евреев было убито и ранено, а еврейские магазины ограблены, синагоги разрушены и подожжены по всей Германии, подсудимый Борман, по приказу Гитлера, дал указание подсудимому Герингу приступить к «окончательному решению еврейского вопроса» в Германии.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1816, США-261. Трибунал хорошо знаком с этим документом, на который обвинение часто ссылалось. Трибуналу известно, что документ ПС-1816 представляет собой протокол совещания по еврейскому вопросу, которое состоялось под председательством подсудимого Геринга 12 ноября 1938 года. Я цитирую лишь первую фразу документа ПС-1816, которая возлагает ответственность на подсудимого Бормана и гласит следующее:

«Геринг: Господа, сегодняшнее совещание носит решающий характер. Я получил письмо, написанное начальником штаба заместителя фюрера, Борманом, в котором излагается требование о том, чтобы еврейский вопрос был согласован и решен тем или иным путем раз и навсегда».

Трибунал хорошо помнит ход прений и решения, принятые на этом совещании, которые должны были привести к

так называемому «окончательному решению еврейского вопроса».

В результате этого совещания нацистские заговорщики провели целый ряд антиеврейских декретов и мероприятий. Документ ПС-069, США-589, представляет собой декрет Бормана от 17 января 1939 года, в котором Борман требует, чтобы были соблюдены антиеврейские распоряжения, принятые на только что упомянутом совещании у Геринга, в силу которых евреям отказывалось в самых элементарных условиях человеческого существования, как-то: жилье, транспорт и т. д.

Цитирую приказ Бормана на 1-й странице английского перевода документа ПС-069, который гласит следующее:

«Согласно докладу генерал-фельдмаршала Геринга фюрер принял некоторые основополагающие решения по еврейскому вопросу. В прилагаемом документе вашему вниманию представляются эти решения. Предлагается строго подчиняться этим директивам. Подпись — Борман».

С целью экономии времени я не буду приводить цитат из прилагаемого к письму Бормана приказа. В силу этого приказа евреям запрещалось занимать спальные места в поездах, останавливаться в некоторых гостиницах Берлина, Мюнхена, Нюрнберга, Аугсбурга и т. д. Им запрещалось пользоваться бассейнами, появляться на некоторых площадях, курортах и т. д. Совершенно очевидны позор, унижения и бытовые неудобства, к которым привело проведение этого декрета.

Теперь я прошу Трибунал без доказательств принять декрет от 12 ноября 1938 года, «Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1-я, страница 1580. Этот декрет хорошо известен Трибуналу, так как он запрещал евреям заниматься розничной торговлей и способствовал тому, чтобы устранить евреев из сферы германской экономики.

Подсудимый Борман стремился подорвать экономическое существование широких кругов еврейского народа и посредством других государственных органов. Прошу Трибунал принять без доказательств документ ПС-3240 — «Декреты заместителя фюрера, 1937 год». На странице 383 этого документа имеется декрет подсудимого Бормана от 8 января 1937 года, в котором воспроизводится приказ подсудимого Фрика, изданный по инициативе Бормана. В этом приказе запрещается оказывать финансовую помощь правительственным служащим, которые использовали услуги еврейских врачей, адвокатов, содержателей похоронных бюро и представителей других профессий. Я не буду цитировать этот приказ. Содержание его я только что изложил.

После начала войны антиеврейские меры стали еще более интенсивными и жестокими. Подсудимый Борман

участвовал совместно с СС и гестапо в мероприятиях по вывозу в Польшу 60 тысяч еврейских жителей Вены. Трибунал, несомненно, уже получил этот документ в связи с делом фон Шираха. Это документ ПС-1950. Ламмерс пишет в этом письме о том, что Борман сообщил ему и фон Шираху о предложении относительно угона евреев. Я ограничусь указанием на этот факт.

Когда Борман сменил подсудимого Гесса в качестве начальника партийной канцелярии, он использовал свои широкие права таким образом, что стал основным действующим лицом в деле реализации программы уничтожения евреев и применения драконовских правил заговорщиков.

Я прошу Трибунал без доказательства принять декрет от 31 мая 1941 года — «Рейхсгезетцблатт», 1941 год, часть 1-я, страница 297 — который был подписан подсудимым Борманом и посредством которого дискриминационные Нюрнбергские законы были распространены на аннексированные восточные территории.

Я прошу Трибунал принять без доказательства одиннадцатое распоряжение во исполнение имперского закона о гражданстве от 25 ноября 1941 года — «Рейхсгезетцблатт», 1941 год, часть 1-я, страница 722 — подписанное подсудимым Борманом, в котором содержался приказ о конфискации имущества всех евреев, которые добровольно покинули Германию или были депортированы.

Прошу Трибунал принять без доказательств приказ Бормана от 23 октября 1941 года.

Председатель: Вы не назвали нам номера «ПС» документа от 31 мая 1941 года и следующего документа.

Ламберт: Виноват. Переводы всех этих документов имеются в книге документов. В моем тексте не указаны номера «ПС», но в записке по делу, которая уже передана или скоро будет передана Трибуналу, они имеются.

Председатель: Кажется, ПС-354 и ПС-3241.

Ламберт: Да, сэр, благодарю Вас.

Прошу Трибунал принять без доказательства приказ подсудимого Бормана от 23 октября 1941 года, том 2-й книги «Декреты, приказы, объявления», страница 147. Это наш документ ПС-3243. Там опубликован декрет министра продовольствия, изданный по настоянию Бормана, посредством которого евреи были лишены многих основных продуктов питания и всех пайков для больных и беременных женщин. Там также предписывалась конфискация продовольственных посылок, посылаемых страдающим евреям из-за границы.

Я прошу Трибунал принять без доказательства 13-е распоряжение, изданное в соответствии с имперским законом о гражданстве от 1 июля 1943 года — «Рейхсгезетцблатт»,

1943 год, часть 1-я, страница 372, и подписанное подсудимым Борманом. Согласно этому распоряжению, все евреи были лишены всякой защиты со стороны обычных судов и подпадали под юрисдикцию гиммлеровской полиции. Это документ ПС-1422. Мы просим разрешения Трибунала подчеркнуть значение этого декрета. В обществе, которое желает жить по законам правового государства, граждане наказываются только после того, как они предстанут перед судом и будут им осуждены. Результатом же этого декрета было исключение всех обвиняемых евреев из юрисдикции судов и передача их на расправу полиции. Полиция, а не суд, решала судьбу евреев, которые обвинялись в преступлениях.

Этот закон скоро принес свои плоды — плоды, за которые подсудимый Борман разделяет ответственность.

3 июля 1943 года Гиммлер издал декрет — документ ПС-3058, газета министерства внутренних дел, 1943 год, страница 1085, — который я прошу Трибунал принять без доказательств. Согласно этому приказу, гиммлеровская полиция и гестапо уполномочивались выполнять вышеуказанный приказ, запрещавший судить евреев в судах и передававший их гиммлеровской полиции.

Наконец, по вопросу об ответственности Бормана за преследование евреев я прошу Трибунал принять без доказательств декрет Бормана от 9 октября 1942 года, том 2-й книги «Декреты, распоряжения, объявления», страницы 131—132. Этот декрет говорил о том, что проблема устранения навсегда евреев с территории Германии не может быть разрешена путем одной эмиграции, но также путем безжалостного применения силы в особых лагерях на Востоке.

Биддл: *О каком документе Вы говорите?*

Ламберт: *О документе ПС-3244, сэр. Мы хотели огласить этот декрет полностью, так как он представляет собой неопровержимый аргумент в отношении недавнего вопроса, заданного защитником во время перекрестного допроса о том, являлась ли антисемитская политика заговорщиков политикой только определенных, сошедших с ума участников заговора, а не согласованной политикой заговора. Недостаток времени не дает нам возможности огласить весь этот документ, но, с разрешения Трибунала, я хотел бы в двух — трех фразах изложить его содержание.*

В начале этого декрета Борман говорит, что:

«Недавно повсюду в Германии распространились слухи о том, что мы применяем насильственные меры в отношении евреев. Эти слухи распространяют возвращающиеся с фронта немецкие солдаты, которые были очевидцами этих событий на Востоке. Для того чтобы противодействовать

этим слухам, мы должны сообщить германскому гражданскому населению, какова наша позиция в этом вопросе».

После этого Борман дает обзор того, что он называет «борьбой против юдаизма, продолжающейся две тысячи лет». Он разделяет программу партии на две части: во-первых, усилия нацистской партии и заговорщиков по исключению евреев из экономической и социальной жизни Германии. Он добавляет:

«Когда мы начали войну, эти меры оказались недостаточными. Мы должны были начать насильственную высылку и создание лагерей на Востоке».

Затем он говорит, что «по мере того, как наши армии продвигались на восток, мы захватили земли, куда мы выслали евреев и теперь эти меры по высылке более не являются достаточными».

Затем он переходит ко второму предложению о том, что следует высылать этих евреев все далее и далее на Восток и заключать их в специальные лагеря принудительного труда. Я цитирую лишь последнюю фразу декрета Бормана:

«Существо этого вопроса говорит о том, что эти проблемы, которые бывают очень трудными, могут быть разрешены только с безжалостной твердостью и в интересах конечно безопасности нашего народа. Борман».

С разрешения Трибунала...

Председатель*: Этот декрет подписан Борманом?*

Ламберт*: Да, я так сказал, сэр.*

Если вы посмотрите на документ ПС-3244, то увидите, что это декрет Бормана, изданный канцелярией заместителя фюрера. Правда, на этом переводе нет фамилии Бормана, но на подлиннике ясно, что это декрет Бормана, изданный партийной канцелярией. Обвинение берет на себя ответственность за это утверждение.

С разрешения Трибунала я перейду к следующему вопросу — вопросу об ответственности подсудимого Бормана за совершение и планирование самых различных военных преступлений в соответствии с целями заговора. Мы уже говорили о той большой власти, которой обладал Борман. Мы хотим отметить, что в качестве секретаря фюрера он присутствовал на всех совещаниях и использовал эту огромную власть для планирования, санкционирования и участия в совершении преступных действий, которые мы называем военными преступлениями и преступлениями против человечности.

Обращаю внимание Трибунала на документ Л-221, США-317. Как Трибунал знает, это всеобъемлющий отчет от 16 июля 1941 года, составленный подсудимым Борманом всего через три недели после вторжения Германии на территорию Советского Союза. Это протокол двадцатичеты-

рехчасового совещания в ставке Гитлера, на котором присутствовали подсудимые: Геринг, Розенберг и Кейтель, а также имперский министр Ламмерс. В результате этого совещания был принят детальный план и составлены директивы по порабощению, истреблению, германизации населения и аннексии большой территории в Советском Союзе и других странах Восточной Европы.

В своем отчете об этом совещании, который содержится в документе Л-221, подсудимый Борман включил множество собственных предложений, направленных на эффективное выполнение этих планов.

Позже подсудимый Борман принимал активное участие в осуществлении этой программы заговорщиков. Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-072, США-357. Как Трибунал помнит, это — письмо от 19 апреля 1941 года подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу по вопросу о конфискации культурных ценностей на Востоке. Цитирую лишь последние два абзаца перевода документа ПС-072, которые гласят следующее:

«Фюрер подчеркнул, что не будет необходимости в использовании наших экспертов на Балканах, — т.е. экспертов эйнзатцштаба Розенберга, организации, занимавшейся грабежом, — так как там нет предметов искусств, которые подлежат конфискации. В Белграде существовала только коллекция принца Павла, которая будет возвращена ему полностью. Таким образом, остаются неохваченными предметы, принадлежавшие ложам и подобным организациям. Изъятие таких предметов осуществляют люди Гейдриха.

Библиотеки и предметы искусств монастырей, конфискованные в Германии, должны временно оставаться в этих монастырях, если соответствующие гаулейтеры не приняли иного решения. После войны эти фонды будут тщательно изучены. Однако ни при каких обстоятельствах не должна быть проведена централизация всех библиотек. Подпись: Борман».

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-061, США-692. Это секретное письмо Бормана от 11 января 1944 года. В этом письме, которое нам кажется очень важным, Борман проливает свет на проведение широкомасштабных операций по вывозу с территорий, оккупированных Германией, различных товаров для передачи пострадавшему от бомбежек населению Германии. Как Трибунал знает, Гаагские конвенции и законы ведения войны разрешают реквизицию товаров и услуг только для самой оккупационной армии и для нужд администрации оккупированных районов. Данное предложение и акция представляют собой реквизицию материальных ресурсов на оккупированных

территориях для нужд тыла. Здесь же они использовались для населения, которое находилось в самой Германии.

Теперь я цитирую первые два абзаца английского перевода письма Бормана от 11 января 1944 года, которое имеется в английском переводе документа ПС-061:

«Ввиду того, что становится все более трудным обеспечение населения, лишившегося жилищ в результате бомбежек, текстильными товарами и предметами домашнего обихода, неоднократно вносилось предложение о том, чтобы эти предметы в больших масштабах закупались на оккупированных территориях. Некоторые гаулейтеры предложили, чтобы эти закупки производились частными лицами с достойной репутацией, которые знают эти районы и имеют соответствующие связи».

Я довел эти предложения до сведения имперского министра экономики и цитирую его ответ от 16 декабря 1943 года, который имеет большое значение:

«Я считаю особенно важным использовать для Германии экономические ресурсы оккупированных территорий. Как Вы знаете, после оккупации западных территорий мы в максимально больших масштабах проводили закупку товаров в этих странах. В течение многих месяцев сырье, полуфабрикаты и продукты производства посылались в Германию. Ценное оборудование передавалось нашей промышленности вооружения. В это время делалось все, чтобы увеличить наш военный потенциал. Позднее вывоз военных материалов был заменен передачей заказов от нашей промышленности промышленности этих стран».

Я не буду цитировать дальше, так как остальное не касается вопроса, о котором мы говорим.

В ходе войны — обвинение считает, что это имеет первостепенное значение...

Председатель: Ясно ли, что здесь речь идет о конфискации?

Ламберт: Мы не говорим, что это была конфискация, сэр. Мы хотим сказать, что Гаагская конвенция давала право проводить реквизицию в обмен на деньги только для нужд оккупационных армий и администрации оккупированных районов. Здесь же, по нашему мнению, проводилась программа реквизиции для нужд тыла. Вот почему мы представили эти документы.

Теперь мы переходим к вопросу, которому обвинение придает большое значение в связи с делом подсудимого Бормана. В ходе войны подсудимый Борман издал серию приказов, устанавливающих правомочность партии по вопросу об обращении с военнопленными, особенно когда они использовались для принудительного труда. Как Трибунал помнит, согласно Женевской конвенции от 1929 года о

военнопленных, военнопленные являются пленными не войск и даже не армии, которые их захватывают, а всего государства, которое взяло их в плен, и это государство обладает юрисдикцией в отношении них и несет за них ответственность.

Рядом декретов, которые мы сейчас представим, подсудимый Борман устанавливает правомочность нацистской партии в отношении союзных военнопленных. При осуществлении партией этих правомочий он требует особенно зверского и жестокого обращения с военнопленными союзных держав.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-232, США-693. Это декрет подсудимого Бормана от 13 сентября 1944 года, который был адресован — прошу Трибунал обратить на это внимание — всем рейхслейтерам, гаулейтерам, крейслейтерам и руководителям нацистских вспомогательных организаций, то есть был обращен к различным уровням руководящего состава нацистской партии. Этот декрет устанавливает правомочность нацистской партии по вопросам использования военнопленных для принудительного труда.

Я цитирую первые три абзаца приказа Бормана, который имеется на первой странице английского перевода документа ПС-232 и который гласит следующее:

«Правила, которые до сего времени имели силу в отношении обращения с военнопленными и задач охранных частей, более не оправдывают себя в силу требований тотальных военных усилий».

Обвинение спрашивает, с каких пор требования военных усилий дают основание отменить или изменить нормы международного права?

Продолжаю цитату:

«Поэтому верховное командование вооруженных сил по моему предложению издало приказ, копия которого прилагается».

Содержание этого приказа:

«1. Между начальником ОКВ и мною существует договоренность о том, что сотрудничество партии в вопросе о содержании военнопле́нных обязательно. Поэтому офицеры, которые работают в системе по содержанию военнопленных, получили указания как можно более тесно сотрудничать с партийными руководителями. Коменданты лагерей для военнопленных должны немедленно назначить офицеров для связи с крейслейтером.

Таким образом, партийные руководители получат возможность преодолеть соответствующие трудности на местах и оказывать влияние на охранные части и — мы желаем

подчеркнуть этот пункт — лучшим образом использовать военнопленных для политических и экономических целей».

Разрешите заметить, что в силу этого приказа, лица, которым он адресован, то есть рейхслейтеры, гаулейтеры, крейслейтеры, а также представители руководящего состава, выглядят как группа, сотрудничавшая в осуществлении этого плана.

Трибунал дал мне возможность отметить, что этот декрет адресован рейхслейтерам, гаулейтерам, крейслейтерам и руководителям вспомогательных и контролируемых нацистами организаций. Как Трибуналу известно, крейслейтер — довольно незначительная фигура среди руководителей нацистской партии. Это районный руководитель. В этом приказе предусматривается сотрудничество со стороны партийных руководителей и, как Трибунал знает, на основании доказательств, представленных по делу о руководящем составе НСДАП, в число руководителей входят все, начиная с рейхслейтеров и кончая около 500 000 блоклейтеров. Мы утверждаем, что этот декрет затрагивает всех этих лиц.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-163, США-694. Это письмо подсудимого Бормана, датированное 5 ноября 1941 года, адресованное всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам. Последние были лишь районными руководителями. Данным приказом этим официальным представителям передаются инструкции имперского министра внутренних дел, запрещающие должное погребение с религиозными обрядами для русских военнопленных. Я цитирую относящиеся к делу выдержки из этих инструкций, начиная с предпоследней фразы первой страницы английского перевода документа Д-163, которая гласит следующее:

«В целях экономии средств, и когда это возможно, с управлениями армии будет устанавливаться связь по вопросу о перевозке трупов и предоставлении перевозочных средств. Гробы не должны предоставляться для перевозки и погребения. Трупы должны полностью заворачиваться в крепкую бумагу (промасленную, смоляную, если возможно) или какой-либо другой подходящий материал. Перевоз и погребение должны производиться без привлечения внимания. Если нужно похоронить несколько трупов, то должна быть вырыта общая могила. В этом случае тела должны быть похоронены рядом, с соблюдением местных обычаев. В тех случаях, когда погребение происходит на кладбищах, следует выбирать для захоронения отдельное место. Никакие обряды или украшения могил не разрешаются».

Теперь я представляю документ ПС-228, США-695. Это циркуляр Бормана от 25 ноября 1943 года, изданный в ставке фюрера с требованием о том, чтобы с военнопленными

обращались более жестоко и в большей мере использовали их как рабочую силу. Я цитирую циркуляр Бормана, который имеется на первой странице английского перевода документа ПС-228:

«Отдельные администрации гау в своих отчетах часто указывают, что охрана слишком мягко обращается с военнопленными. Согласно этим докладам, эта охрана в ряде случаев даже превратилась в защитников и опекунов военнопленных. Я сообщил верховному командованию вооруженных сил об этих докладах, с замечанием о том, что германское трудящееся население совершенно не может понять, как в тот момент, когда германский народ борется за свое выживание, военнопленные, которые являются нашими врагами, живут лучше, чем германские рабочие. Долг каждого немца, который имеет отношение к военнопленным, полностью использовать их рабочую силу.

Начальник управления по делам военнопленных при верховном командовании вооруженных сил теперь издал всем комендантам лагерей для военнопленных недвусмысленный приказ, копия которого прилагается к настоящему документу. Я прошу, чтобы этот приказ был устно передан всем партийным руководителям.

В тех случаях, если будут получены новые жалобы о нежелательном обращении с военнопленными, они должны немедленно передаваться комендантам лагерей для военнопленных со ссылкой на прилагаемый приказ».

Как Трибунал видит, в этом декрете Борман дает указание о том, чтобы этот приказ был устно передан всем партийным чиновникам и что, конечно, включало членов руководящего состава нацистской партии.

Председатель: Лично я не вижу ничего предосудительного в этом приказе.

Ламберт: Мы утверждаем, сэр, что если в документе говорится, что «мы хотим полностью использовать рабочую силу военнопленных, находящихся под нашим контролем и достичь результатов соответствующими мерами», то с виду в этом нет ничего особенного, но, связывая этот документ с другими доказательствами, которые уже были и еще будут представлены и которые показывают, что Борманом и другими заговорщиками последовательно проводилась спланированная политика ...

Председатель: Нет смысла об этом спорить.

Ламберт: Да, сэр. Благодарю Вас.

Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-656, США-339. Как Трибунал помнит, это секретный циркуляр Бормана, к которому прилагались инструкции нацистского верховного командования от 29 января 1943 года и который предусматривал использование рабочей силы союзных

военнопленных с помощью оружия и телесных наказаний. Цитирую краткую выдержку из этих инструкций, начиная с третьего абзаца страницы 21 английского перевода документа ПС-656, который гласит следующее:

«Если военнопленные не выполняют его приказа, тогда он, — т.е. охранник — в случае необходимости и опасности, имеет право требовать повиновения с помощью оружия, если в его распоряжении нет других средств. Он может использовать оружие, поскольку это необходимо для достижения своей цели. Если охранник не вооружен, он имеет право требовать повиновения другими уместными средствами».

Трибунал знает, что, согласно Женевской конвенции о военнопленных от 1929 года, военнопленные, не выполняющие приказы, исходящие со стороны, взявшей их в плен, подлежат военному суду в таком же порядке, как если бы они служили в своей армии. Этот декрет дает право охране использовать винтовки или другие меры принуждения. Как Трибунал понимает, мы имели в виду подобные документы, когда говорили о том, что предыдущий декрет Бормана следует рассматривать в свете других его приказов об обращении с военнопленными...

Как Трибунал помнит, в конце утреннего заседания я представлял ряд декретов подсудимого Бормана, в которых он требовал более жесткого и сурового обращения с союзными военнопленными. Кульминацией этих инструкций, изданных подсудимым Борманом, стал декрет от 30 сентября 1944 года.

Обращаю внимание на документ ПС-058, США-456. Как Трибунал помнит, этим декретом подсудимый Борман забрал у нацистского верховного командования право распоряжаться всеми военнопленными и передал это право Гиммлеру. Декрет также предусматривал, что все коменданты лагерей для военнопленных должны действовать по приказу местных командиров СС. В силу этого приказа подсудимого Бормана Гитлер смог начать проведение своей программы бесчеловечного обращения и даже уничтожения военнопленных союзных держав.

Теперь мы будем представлять доказательства, которые обвинение считает чрезвычайно важными в плане обвинения Бормана и других заговорщиков, а именно: ответственность подсудимого Бормана за организованное линчевание союзных летчиков. В качестве доказательства представляю документ ПС-062, США-696. Я прошу Трибунал взглянуть на этот документ. Это приказ от 13 марта 1940 года подсудимого Гесса, направленный всем рейхслейтерам, гаулейтерам и другим нацистским чиновникам и организациям. Этот приказ содержит указания подсудимого Гесса партийным руко-

водителям о том, чтобы они инструктировали германское гражданское население задерживать или ликвидировать всех союзных летчиков, выбросившихся с парашютом. Обращаю внимание Трибунала на третий абзац 1-й страницы английского перевода документа ПС-062. В этом абзаце Гесс дает указание, чтобы эти инструкции, которые я вскоре оглашу, передавать только устно всем — прошу Трибунал обратить внимание — районным руководителям, то есть всем крейслейтерам, ортсгруппенлейтерам, целленлейтерам и даже блоклейтерам. Таким образом, этот приказ должен был передаваться всем партийным руководителям от рейхслейтера до блоклейтеров включительно.

В документе ПС-062 Трибунал увидит инструкции относительно самосуда над союзными летчиками, устного распространения которых членами руководящего состава Гесс требовал. Эти инструкции озаглавлены: «О поведении в случае посадки самолетов или приземления парашютистов противника». Я пропускаю первые три инструкции, потому что они несущественны. Четвертая же инструкция гласит — я цитирую:

«Парашютисты противника также должны быть немедленно задержаны или ликвидированы».

Этот документ говорит сам за себя и не нуждается в дальнейших комментариях обвинения.

Для того чтобы обеспечить успех этого плана, о проведении которого дал приказ подсудимый Гесс, подсудимый Борман послал секретное письмо от 30 мая 1944 года, прошу Трибунал обратить внимание, членам руководящего состава нацистской партии, запрещающее какие-либо полицейские меры или судебное преследование в уголовном порядке германских гражданских лиц, которые совершали самосуд или убивали союзных летчиков. Этот документ ПС-057 уже был вручен Трибуналу в связи с представлением обвинением материалов по делу о признании руководящего состава нацистской партии преступной организацией.

Господа судьи, такие самосуды, организованные и санкционированные посудимым Борманом, действительно имели место, и этот факт неопровержимо установлен на проведенных американскими военными комиссиями процессах, в результате которых были осуждены германские гражданские лица за убийство союзных летчиков. Прошу Трибунал принять без доказательства приказ номер 2 военной комиссии, штаб 15-й армии США, 23 июня 1945 года. Этот приказ содержится в документе ПС-2559. Приказом выносится смертный приговор германскому гражданину за нарушение законов и обычаев войны путем убийства амери-

канского летчика, который выбросился с парашютом и приземлился, не обладая никакими средствами самозащиты.

Прошу Трибунал заметить, что приказ американской военной комиссии указывает дату совершения преступления — 15 августа 1944 года, а приказ Бормана датирован маем 1944 года.

Я также прошу Трибунал принять без доказательств приказ номер 5 военной комиссии, штаб 3-й армии США и восточного военного округа, от 18 октября 1945 года. Этот приказ имеется в документе ПС-2560. Этим приказом выносится смертный приговор немецкому гражданскому лицу за нарушение законов и обычаев войны путем убийства примерно 12 декабря 1944 года одного американского летчика, который приземлился на германской территории.

Мы могли бы упомянуть и другие приказы американских и других союзных военных комиссий о смертных приговорах германским гражданам за самосуд и убийство союзных летчиков, которые выбросились с парашютом и приземлились на германской территории, не обладая никакими средствами самозащиты. Мы думаем, что в достаточной мере обосновали свое утверждение ссылкой на эти два приказа.

Как уже говорилось на процессе, 20 октября 1944 года, когда поражение нацистов в войне стало неминуемым, Борман взял на себя политическое и организационное руководство вновь созданным народным ополчением, то есть фольксштурмом.

Ввиду того что он отдал приказ фольксштурму продолжать сопротивление, Борман несет некоторую ответственность за сопротивление, которое затянуло эту агрессивную войну на несколько месяцев.

Теперь, господа судьи, я хочу представить доказательство, показывающее, что Борман санкционировал, руководил и участвовал в совершении целого ряда преступлений против человечности в соответствии с планом заговора. Борман играл важную роль в проведении программы принудительного труда. Я представляю в качестве доказательства документ Д-226, США-697. Это циркуляр подсудимого Шпеера от 10 ноября 1944 года, в котором передаются указания Гиммлера о том, чтобы партия и гестапо сотрудничали в обеспечении повышения производительности труда миллионов иностранных рабочих, угнанных в Германию. Цитирую второй абзац на 2-й странице английского перевода документа Д-226:

«Все мужчины и женщины, члены НСДАП, ее подразделений и примыкающих организаций на предприятиях должны, в соответствии с указаниями их крейслейтеров, быть предупреждены местными руководителями групп и обязаны

держать иностранцев под самым тщательным наблюдением. Они должны сообщать о малейшем подозрении прорабам, которые передадут эту информацию уполномоченному контрразведки, а если такой уполномоченный не назначен, в соответствующий полицейский участок. В то же время они должны сообщать об этом администрации предприятия и руководителю группы для того, чтобы постоянно и неустанно, как на словах, так и на деле, оказывать влияние на иностранцев, убеждая их в неминуемости германской победы и твердости воли немцев к сопротивлению, и, таким образом, способствуя дальнейшему увеличению производительности труда на предприятиях. От членов партии, как мужчин, так и женщин, и от членов ее подразделений и примыкающих организаций ожидается, что они в большей степени, чем когда-либо прежде, будут вести себя примерно».

Теперь коротко о значении этого декрета. Правда, это циркуляр Шпеера, в котором говорится о соглашении между ним и Гиммлером, но в силу этого соглашения на членов партии ложилось бремя поставки иностранных рабочих, а лицом, осуществляющим руководство партией, как Трибуналу известно, был Борман.

Согласно декрету от 24 января 1942 года такая директива, конечно, не могла быть издана без участия Бормана, как в ее подготовке, так и осуществлении.

Теперь я представляю документ ПС-025, США-698. Это протокол совещания от 4 сентября 1942 года, в котором говорится, что вопрос набора, мобилизации и доставки 500 тысяч домашних работниц с Востока относится исключительно к компетенции подсудимого Заукеля, Гиммлера и Бормана. Я цитирую первые две фразы третьего абзаца английского перевода документа ПС-025:

«Фюрер приказал немедленно привезти от 400 до 500 тысяч восточных домашних работниц с Украины в возрасте от 15 до 35 лет и поручил генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы провести это мероприятие в течение приблизительно трех месяцев. В связи с этим, а также и с одобрения рейхслейтера Бормана разрешается противозаконный ввоз военнослужащими или организациями в Германию женщин для домашней работы. Этому не следует препятствовать вне зависимости от официального набора».

Теперь я цитирую первую фразу последнего абзаца на 4-й странице английского перевода документа ПС-025. Это та часть, которая связывает подсудимого Бормана с проведением этого плана:

«В общем и целом на основании этого совещания создалось впечатление о том, что вопросы, связанные с вербовкой и мобилизацией, а также обращением с домашними

работницами с Востока, находятся в ведении специального уполномоченного по использованию рабочей силы, рейхсфюрера СС, руководителей германской полиции и партийной канцелярии, а имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий рассматривается как орган, не имеющий права решать подобные вопросы либо имеющий ограниченные права».

Здесь говорится о партийной канцелярии, а, как Трибуналу известно, Борман был руководителем этой канцелярии.

Подсудимый Борман навязал свою волю администрации оккупированных Германией территорий и настаивал на безжалостной эксплуатации жителей оккупированного Востока. Обращаю внимание Трибунала на документ Р-36, США-344. Трибунал хорошо знаком с этим документом, так как на него несколько раз ссылались на этом процессе. Это меморандум министерства по делам оккупированных восточных территорий от 19 августа 1942 года, в котором сказано, что ориентация на проведение репрессий, осуществляемая подсудимым Борманом в отношении жителей восточных районов, в действительности определяла политику Германии на оккупированных территориях Востока. Трибунал помнит ставшую известной цитату из этого документа Р-36, которая содержит суть взглядов Бормана по вопросу о германской оккупационной политике на Востоке. Это заявление так часто цитировалось, что я воздержусь от соблазна его повторять, но оно сводится к следующему. Борман фактически сказал:

«Славяне должны работать на нас. Они могут умирать постольку, поскольку они нам не нужны. Они не должны иметь возможности пользоваться немецкой государственной системой здравоохранения. Их рождаемость нас не интересует. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборты, и чем больше тем лучше. Мы не хотим, чтобы они были образованны. Достаточно, если они будут уметь считать до ста. Такие недоумки будут тем более полезны для нас. Религию мы оставим для отвлечения внимания. Что касается продовольствия, то они получат только то, что им совершенно необходимо. Мы, господа, мы стоим на первом месте».

Мы утверждаем, что это точное изложение содержания документа Р-36.

Далее мы обращаем внимание Трибунала на документ ПС-654, США-218. Как Трибунал помнит, это протокол совещания от 18 ноября 1942 года, в котором излагается соглашение министра юстиции с Гиммлером, заключенное по предложению Бормана и в соответствии с которым на всех жителей оккупированных восточных территорий распро-

странялся жестокий полицейский режим взамен обычной юридической системы.

Ввиду того что Борман издавал эти и подобные им приказы, мы утверждаем, что на него ложится значительная доля ответственности за дискриминационное обращение и истребление большого количества людей в оккупированных Германией районах Востока.

С разрешения Трибунала, я хочу в нескольких словах подытожить то, что я излагал. Мы показали, что Борман, которому было лишь 45 лет к моменту разгрома Германии, посвятил всю свою сознательную жизнь содействию осуществления нацистского заговора. Его основной вклад в заговор заключался в том, что он использовал огромную власть нацистской партии для достижения многочисленных целей заговора. Сначала в качестве начальника штаба подсудимого Гесса, а затем начальника партийной канцелярии, подчиненного только верховной власти самого Гитлера, он использовал эти два поста, всю власть партии и ее организаций для проведения планов заговорщиков. Он использовал свои огромные полномочия для преследования христианской церкви и духовенства. Он был непримиримым врагом основ христианства, против которого он боролся.

Он санкционировал и активно участвовал в проведении мероприятий по преследованию евреев, и именно его рука возложила терновый венец страданий на еврейский народ, как в Германии, так и на территориях, оккупированных Германией.

В качестве начальника партийной канцелярии и секретаря фюрера подсудимый Борман санкционировал, руководил и принимал участие в совершении многочисленных военных преступлений и преступлений против человечности, включая самосуд над союзными летчиками, порабощение и бесчеловечное обращение с жителями оккупированных Германией районов Европы, жестокости в отношении угнанных рабочих, разлучение членов семей и нарушение четких положений Гаагских конвенций, преднамеренное преследование и истребление гражданского населения Восточной Европы.

Господа судьи, каждый школьник знает, что Гитлер был дурным человеком, но мы хотим подчеркнуть, что без таких главарей, как Борман, Гитлер никогда не смог бы захватить и укрепить свою власть в Германии. Он оставался бы один, без приверженцев.

Борман был фактически демоном зла при Люцифере — Гитлере. Хотя он еще не попал в руки правосудия и хотя его место на скамье подсудимых свободно, он не может избежать ответственности за свои противозаконные действия.

В заключение мы хотели бы остановиться на том, что нам кажется чрезвычайно важным. Борман отсутствует, но, согласно последней фразе статьи 6-й Устава, каждый подсудимый, находящийся на данной скамье подсудимых, который, в силу представленных доказательств, являлся руководителем, организатором, подстрекателем или соучастником этого заговора, несет ответственность за действия, совершенные с целью осуществления общего плана или заговора.

На основании этого мы утреждаем, что, хотя Бормана здесь нет, каждый человек на скамье подсудимых разделяет ответственность за его преступные действия. Этим мы заканчиваем.

Р. М. КЕМПНЕР (США)

Об индивидуальной ответственности Фрика[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 16 января 1946 г.

Господа судьи, подсудимый Фрик внес большой вклад в нацистский заговор в области правительственной администрации. Он был мозговым центром администрации, который разработал государственный механизм нацизма и подчинил деятельность этого механизма интересам агрессивной войны.

Во время своего деятельного участия в нацистском заговоре с 1923 по 1945 год подсудимый Фрик занимал целый ряд важных постов. В документе ПС-2978, США-8 подробно перечисляются его должности. Подлинник был подписан подсудимым Фриком 14 октября 1945 года.

Я не буду вновь перечислять все эти должности, так как они уже известны Трибуналу. Первоначальная деятельность подсудимого Фрика в интересах нацистских заговорщиков заключалась в том, что он содействовал их приходу к власти. Фрик совершил измену тем, что, будучи чиновником правительства Баварии, он участвовал в Мюнхенском пивном путче 8 ноября 1923 года и таким образом предал собственное правительство. Фрика судили вместе с Гитлером, оба были признаны виновными в государственной измене. Его роль в этом путче описывается в протоколах судебного процесса, озаглавленных «Процесс по делу Гитлера в народном суде в Мюнхене» и изданных в Мюнхене в 1924 году.

[1] IMT. Vol. 5. P. 352—367.

Я прошу Трибунал принять без доказательств эти протоколы.

Положительная оценка, которую Гитлер дал содействию Фрика, явствует из того факта, что он оказал Фрику честь, упомянув о нем в своей книге «Майн Кампф». Только двое других подсудимых разделяют эту «честь», а именно Гесс и Штрейхер. Я прошу Трибунал принять без доказательств выдержку со страницы 403 книги «Майн Кампф», немецкого издания 1933 года, в которой содержится благоприятный отзыв о Фрике.

В период после путча Фрик оказывал дальнейшее содействие нацистским заговорщикам. Я хотел бы вкратце сослаться на выдержку из документа ПС-2513 на страницах 36 и 38 официального отчета, озаглавленного «Национал-социалистская рабочая партия — ассоциация, враждебная государству и республиканской форме правления, виновная в измене государству». Этот отчет уже был представлен в качестве доказательства — документ ПС-2513, США-235. Это официальный отчет о преступной деятельности Гитлера, Фрика и других нацистов, который был подготовлен министерством внутренних дел Пруссии в 1930 году. Там говорится, что Фрика можно рассматривать как самого влиятельного после Гитлера представителя нацистской партии на этом процессе. Этот документ гласит, что на партийном съезде в 1927 году в Нюрнберге Фрик заявил, что рейхстаг сначала будет использован нацистской партией в ее интересах, а затем будет ликвидирован и что его ликвидация откроет путь к расовой диктатуре. В этом документе также говорится о том, что Фрик заявил в речи, произнесенной в 1929 году в Пирице, что эта «роковая борьба сначала начнется у избирательных урн, но что это не может продолжаться вечно, так как история учит нас, что в битве должна проливаться кровь и гнуться железо».

Так уже с 1927 года Фрик всячески содействовал приходу нацистов к власти. Его роль была оценена, и 23 января 1930 года он был назначен министром внутренних дел и просвещения в земле Тюрингия.

Председатель: *Вы уже закончили с этим документом? Я полагал, что Вы оглашаете документ ПС-2513.*

Кемпнер: *Нет, это вступление к следующему документу.*

Председатель: *Понимаю, доктор Кемпнер.*

Кемпнер: *Я как раз начал ссылаться на тот факт, что Адольф Гитлер в то время не был германским гражданином, а являлся нежелательным иностранцем, в то время когда Фрик был министром внутренних дел в земле Тюрингия. И в этой должности подсудимый Фрик начал свои махинации для того, чтобы обеспечить Адольфу Гитлеру, принадлежавшему к категории «иностранец, проживание кото-*

рого нежелательно», германское гражданство, что было существенным шагом на пути к осуществлению нацистского заговора. То, что Гитлер не имел германского гражданства, являлось весьма отрицательным моментом для нацистской партии, потому что, не имея подданства, Гитлер не мог быть выдвинут в качестве кандидата на пост имперского президента Германии.

Именно подсудимый Фрик разрешил эту проблему путем административного маневра.

Сейчас я представляю документ ПС-3564, США-709. Этот документ представляет собой аффидевит Отто Мейсснера от 27 декабря 1945 года. Мейсснер был статс-секретарем и начальником президентской канцелярии Гитлера. Последние два предложения этого показания гласят следующее:

«В сотрудничестве с Клагесом, брауншвейгским министром, Фрик также содействовал натурализации Гитлера и предоставлению ему германского гражданства в 1932 году посредством того, что он был назначен регирунгсратом Брауншвейга. Это было сделано для того, чтобы дать возможность Гитлеру выступить в качестве кандидата на пост президента империи».

Когда Гитлер пришел к власти 30 января 1933 года, Фрика за заслуги назначили на важный пост при новом режиме — на пост имперского министра внутренних дел. В этой должности он несет ответственность за установление тоталитарного контроля над Германией, что было обязательным предварительным условием для подготовки агрессивной войны. Фрик также несет ответственность за осуществление большей части программы нацистских заговорщиков, как через администрацию, так и через законодательство.

Я должен вкратце объяснить значение министерства внутренних дел в нацистском государстве для того, чтобы показать тот вклад, который сделал Фрик в заговор.

Я представляю в качестве доказательства обширных полномочий Фрика как министра внутренних дел документ ПС-3475, США-710. Это выдержка из официального германского устава 1943 года для административных чиновников. Я прошу Трибунал принять без доказательств и приобщить к делу ту выдержку, которая относится к юрисдикции Фрика, упомянутой в этом документе. Имена тех людей, которые, согласно этому документу, работали под руководством Фрика, являются символическими, и я подчеркиваю эту фразу, «работали под руководством Фрика». Они перечислены на первой странице английского перевода. Здесь мы находим среди подчиненных Фрика «рейхсфюрера по вопросам здравоохранения доктора Конти», «рейхсфюре-

ра СС и начальника германской полиции Генриха Гиммлера» и «имперского руководителя по вопросам труда Хирля». Этот документ показывает, что подсудимый Фрик осуществлял верховное руководство в трех основных сферах деятельности нацистского государства: нацистского здравоохранения, полицейской системы и труда.

Разнообразные аспекты деятельности Фрика как имперского министра внутренних дел могут быть определены из следующего перечисления его функций, как это указано в уставе. Он пользовался правом решающего голоса в вопросах конституционного характера, составлял проекты декретов, осуществлял контроль над государственной администрацией и гражданской обороной. Он также выносил окончательное решение по всем вопросам расовой принадлежности и гражданства. В уставе также перечисляются отделы и министерства, которые занимались административными вопросами на оккупированных и присоединенных территориях, вопросами «нового порядка» на юго-востоке и востоке, в протекторате Богемия и Моравия. Он также пользовался неограниченной властью в решении вопросов, касающихся государственных чиновников, включая такие, как назначение на должность, сроки пребывания на ней, продвижение по службе и увольнение.

Подсудимый Фрик использовал свои широкие полномочия имперского министра внутренних дел для того, чтобы содействовать осуществлению нацистского заговора. С этой целью он составлял и подписывал законы и декреты, которые ликвидировали автономные правительства земель, местные органы управления и все политические партии в Германии, кроме нацистской партии.

В 1933 и в 1934 годах, в первые два года после установления нацистского режима, подсудимый Фрик подписал около 235 законов и декретов, которые все были опубликованы в «Рейхсгезетцблатт». Я хотел бы вкратце сослаться на некоторые наиболее важные, как, например, закон от 14 июля 1933 года, который запрещал все политические партии, кроме нацистской («Рейхсгезетцблатт» 1933 года, часть 1-я, страница 479, документ ПС-1388(а)). Затем закон от 1 декабря 1933 года, который обеспечивал единство партии и государства, «Рейхсгезетцблатт» 1933 года, часть 1-я, страница 1016, документ ПС-1395. Затем закон от 30 января 1934 года, который передавал суверенные права германских земель империи, «Рейхсгезетцблатт» 1934 года, часть 1-я, страница 75, документ ПС-3068. Германский муниципальный акт от 30 января 1935 года, который предоставлял министерству внутренних дел Фрика полные права при назначении и смещении всех бургомистров по всей Германии, «Рейхсгезетцблатт» 1935 года, часть 1-я, страница 49, доку-

мент ПС-2008. И, наконец, закон о нацистских государственных чиновниках от 7 апреля 1933 года, который предусматривал, что все государственные чиновники должны быть благонадежными по нацистским стандартам, а также должны отвечать нацистским расовым требованиям, «Рейхсгезетцблатт» 1933 года, часть 1, страница 175, документ ПС-1397.

Однако один вид деятельности Фрика заслуживает особого внимания, а именно — уничтожение оппозиции путем облеченного в законную форму полицейского террора. Об этом говорится в книге «Доктор Вильгельм Фрик и его министерство», документ ПС-3119, США-711. Она была написана статс-секретарем Фрика и соучастником заговорщиков Гансом Пфундтнером. Эта книга была написана, по-видимому, с целью увековечить роль Фрика в создании тысячелетней нацистской империи. Я оглашу выдержку из четвертого абзаца на 4-й странице английского перевода:

«В то время как марксизм в Пруссии был сокрушен железным кулаком прусского премьер-министра Германа Геринга и поднялась гигантская волна пропаганды в связи с выборами в рейхстаг 5 марта 1933 года, доктор Фрик подготовил полный захват власти во всех землях империи. Мгновенно исчезла вся политическая оппозиция. Сразу была стерта граница по реке Майн. Начиная с этого момента, в империи правила только одна воля и одно руководство».

Как это осуществилось? 28 февраля 1933 года, на следующий день после пожара в рейхстаге, были отменены все гражданские права в Германии. Этот декрет был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1933 год, часть 1-я, страница 83. Английский перевод этого декрета — документ ПС-1390 — имеется в книге документов. Я ссылаюсь на этот декрет, так как он подписан имперским министром внутренних дел Фриком. Я перехожу к важному вопросу. В начале декрета, который был опубликован на следующее утро после пожара в рейхстаге, было сказано, что отмена гражданских прав производится как мера защиты против коммунистов, насильственные действия которых угрожают государству.

Когда был издан этот декрет, нацистское правительство объявило, что в результате тщательного расследования установлено, что подожгли здание рейхстага коммунисты. Я не намереваюсь углубляться в полемику относительно того, кто именно поджег рейхстаг, но я хотел бы представить доказательства, свидетельствующие о том, что официальное нацистское заявление о том, что ответственность за пожар лежит на коммунистах, было издано без всякого расследо-

вания и что поэтому преамбула к декрету, подписанная Фриком, была просто отговоркой.

Я представляю в качестве доказательства весьма краткую выдержку из протокола допроса подсудимого Геринга от 13 октября 1945 года, документ ПС-3593, США-712. Я хотел бы огласить следующую краткую выдержку, которая начинается на 4-й странице:

«Вопрос: Как Вы могли без производства расследования сказать Вашему пресс-агенту спустя час после начала пожара в рейхстаге, что это сделали коммунисты?

Ответ: Разве офицер, занимающийся вопросами печати, сказал, что я это говорил?

Ответ: Да, он сказал, что Вы это говорили.

Ответ: Возможно, когда я пришел в рейхстаг, фюрер и его свита были там. Я тогда сомневался в этом, но они считали, что поджог был произведен коммунистами.

Вопрос: Но ведь Вы были в известном смысле высшим правительственным чиновником в сфере правоприменения, а Далюге был Вашим подчиненным. Если посмотреть на эти события сейчас, когда нет больше возбужденного состояния, которое тогда существовало, то не было ли слишком преждевременным заявлять без расследования, что подожгли коммунисты?

Ответ: Да, это возможно. Но так хотел фюрер.

Вопрос: Почему фюрер хотел сразу издать официальное коммюнике о том, что коммунисты подожгли здание рейхстага?

Ответ: Он был убежден в этом.

Вопрос: Правильно ли будет сказать, что он в тот момент был убежден, не имея никаких доказательств или каких-либо данных, указывающих на это?

Ответ: Да, это правильно. Но Вы должны принять во внимание, что в то время деятельность коммунистов была очень активной и что не была обеспечена полностью безопасность нашего нового правительства».

Председатель: Доктор Кемпнер, какое отношение это имеет к Фрику?

Кемпнер: Как я сказал раньше, он на следующее утро подписал декрет, в котором отменялись гражданские права и говорилось о наличии коммунистической опасности. В действительности эта фраза о коммунистической опасности была вымыслом, который в числе прочих вещей привел в конечном счете ко второй мировой войне.

Подсудимый Фрик не только отменил все гражданские свободы в Германии, но и стал организатором обширной полицейской системы всей нацистской империи.

Кстати, я могу заметить, что до этого времени в империи не было никакой единой полицейской системы, что отдельные германские земли имели собственную полицию.

Я прошу Трибунал принять без доказательств декрет от 17 июня 1936 года, подписанный Фриком и опубликованный в «Рейхсгезетцблатт» 1936 года, часть 1-я, страница 487, документ ПС-2073.

Статья 1-я этого декрета:

«С целью объединения полицейских сил в империи в германском министерстве внутренних дел учреждается должность начальника германской полиции, на которого возлагается руководство всеми полицейскими вопросами».

Из второго раздела мы узнаем, что подсудимый Фрик и Гитлер подписали декрет, которым Гиммлер был назначен начальником германской полиции. Второй параграф 2-й статьи декрета говорит, что Гиммлер был «лично и непосредственно подчинен имперскому и прусскому министру внутренних дел», то есть, безусловно, подсудимому Фрику.

Официальная схема германской полицейской системы, которая имеется в документе ПС-1852, США-449, ясно показывает положение имперского министра Фрика как высшего командующего всей германской полицейской системой, включая пресловутое главное управление имперской безопасности, которое под руководством Фрика возглавил подсудимый Кальтенбруннер в январе 1943 года.

Подсудимый Фрик использовал свою власть над новой централизованной полицейской системой, чтобы способствовать осуществлению нацистского заговора. Прошу Трибунал принять без доказательства декрет Фрика от 20 сентября 1936 года, опубликованный в имперской министерской газете прусского министерства внутренних дел за 1936 год на странице 1343, документ ПС-2245.

В этом декрете Фрик оставил за собой право назначать инспекторов полиции безопасности, подчинил их областным губернаторам и приказал им тесно сотрудничать с партией и вооруженными силами.

Другим примером его деятельности, связанной с полицией, является его приказ от 18 марта 1938 года, который касается австрийского аншлюса. Этим приказом Фрик уполномочил рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера принять меры по обеспечению безопасности в Австрии, независимо от существовавших прежде ограничений. Этот декрет был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» 1938 года, часть 1-я, страница 262, документ ПС-1437.

Я не буду здесь повторять все доказательства, которые касаются преступной деятельности германской полиции, над которой подсудимый Фрик имел верховную власть. Я хотел бы только обратить внимание Трибунала на документальные доказательства, которые уже были представлены относительно концентрационных лагерей и гестапо, двух полицейских институтов, которые находились в ведении Фрика. Но я

хотел бы доказать, что не только аппарат, подчиненный Гиммлеру, но также и само министерство Фрика были тесно связаны с этими учреждениями. Поэтому я сейчас представляю в качестве доказательства документ ПС-1643, США-713.

Этот документ представляет собой краткое изложение корреспонденции между имперским министерством внутренних дел и его местными органами начиная с ноября 1942 года по август 1943 года по правовым аспектам конфискации собственности, осуществлявшейся СС с целью расширения концентрационного лагеря в Освенциме. В конце 1-й страницы и в начале 2-й страницы английского перевода имеется протокол совещания, созванного 17 и 18 декабря 1942 года по вопросам о конфискации вышеупомянутой собственности. Этот протокол показывает, что дальнейшие обсуждения по этому вопросу должны были иметь место 21 декабря 1942 года между представителями имперского министерства внутренних дел и рейхсфюрера СС. На 2-й странице имеется также краткое изложение телеграфного донесения от 22 января 1943 года, посланного доктором Хоффманом, который представлял имперского министра внутренних дел при регирунгспрезиденте в Катовицах. Я оглашаю начало:

«Территория концлагеря Освенцим будет превращена в независимое земельное владение», что означало самостоятельную административную единицу.

Тот факт, что подсудимый Фрик проявлял личный интерес к концлагерям, стал известным из показаний доктора Блаха, на которые я хочу обратить внимание Трибунала. Он показал, что Фрик посетил лагерь в Дахау в 1943 году.

Следующим видом участия подсудимого Фрика в нацистском заговоре является его участие в преследованиях по расовым мотивам, включая истребление евреев.

В дополнение ко многим другим обязанностям Фрика в его власть входило принятие и применение расового законодательства. Я вновь ссылаюсь на документ ПС-3475 — устав германских административных чиновников, уже представленный в качестве доказательства. Там на 2-й и 4-й страницах говорится, что Фрик был в административном и законодательном отношениях защитником германской расы.

С целью избежать повторений я не буду оглашать многочисленные акты, направленные против евреев и изданные министерством Фрика. Представление документальных доказательств относительно преследования евреев было сделано раньше майором Уолшем. Он говорил о целом ряде декретов, которые были подписаны Фриком, включая позорные Нюрнбергские законы, которые лишали евреев

их собственности, прав на гражданство и вводили унижающее евреев предписание носить желтую звезду.

Но деятельность министерства Фрика не ограничивалась совершением таких преступлений, которые были облечены в законодательную форму. Полицейские отделения на местах, подчиненные Фрику, принимали участие в организации таких террористических актов, как погром 9 ноября 1938 года.

Я ссылаюсь на целый ряд приказов и отчетов Гейдриха об организации этих погромов, или, как он называл их, «стихийных выступлений». Об этом говорится в документах ПС-3051 и -3058, США-240 и -508.

Три дня спустя после погрома, 9 ноября 1938 года, Фрик, его статс-секретарь Штукарт и подчиненные Гейдрих и Далюге присутствовали на совещании по еврейскому вопросу, которое состоялось под председательством подсудимого Геринга. На этом совещании обсуждались различные мероприятия, которые отдельные правительственные департаменты должны были проводить против евреев. Стенограмма этого совещания — документ ПС-1816, США-261. Теперь я хотел бы вкратце сослаться на выдержку в конце 23-й страницы английского перевода, где мы находим следующие заключительные замечания Геринга:

«Министерство внутренних дел и полиция также должны будут продумать мероприятия, которые надлежит проводить».

Это замечание показывает, что Геринг считал обязанностью Фрика разработать какие-либо административные меры после погромов, которые организовывались подчиненными самого Фрика.

При предшествующем представлении документальных доказательств мы установили, что подсудимый Фрик, как участник заговора, создал государственный аппарат нацизма. На основании последующих документов мы докажем, что Фрик также активно содействовал нацистскому государству в его подготовке к войне.

Вначале я хочу доказать, что Фрик положительно относился к вопиющим нарушениям Германией ее пактов о ненападении. Об этом ясно говорится в аффидевите посла Мессерсмита. Документ ПС-2385, США-68. Я оглашу только одно предложение из этого письменного показания на 4-й странице, 10-я строка. Оно гласит:

«Высокопоставленные нацисты, с которыми я должен был поддерживать официальные контакты, в особенности такие, как Геринг, Геббельс, Лей, Фрик, Франк, Дарре и другие, неоднократно издевались над моей точкой зрения относительно обязательного характера договоров и откровенно говорили мне, что Германия будет соблюдать свои

международные обязательства только до тех пор, пока это в интересах Германии».

В мае 1935 года, после того как Фрик был назначен главным уполномоченным по администрации империи, он стал одним из трех руководителей, которые возглавили подготовку Германии к войне. Другими двумя членами этого триумвирата были начальник штаба верховного командования вооруженных сил и генеральный уполномоченный по экономике, которым тогда был подсудимый Шахт. Фрик признал, что он занимал пост генерального уполномоченного с 21 мая 1935 года, то есть со дня издания первого варианта тайного закона об обороне империи. Я ссылаюсь на документ ПС-2978, США-8, в котором он говорил о занимаемых им служебных постах.

Его функции генерального уполномоченного излагаются в законе об обороне империи от 4 сентября 1938 года, который являлся важной военной тайной и который имеется в нашей книге документов под номером ПС-2194, США-36. Согласно этому закону от 1938 года, в руках Фрика как главного уполномоченного по вопросам администрации были сосредоточены огромные полномочия. На основании этого закона помимо учреждений, подчиненных ему как министру внутренних дел, он стал руководить следующими учреждениями, которые были ему подчинены с целью обеспечить выполнение закона: имперским министерством юстиции, имперским министерством по вопросам просвещения, имперским министерством по вопросам религии, имперским управлением по вопросам планирования.

Сам Фрик признал ту большую роль, которую он играл в подготовке к войне как член триумвирата в речи, произнесенной 7 марта 1940 года во Фрейбургском университете. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2608, США-714, в котором имеются выдержки из этой речи. Я думаю, что будет целесообразно, если Трибунал разрешит мне огласить два кратких абзаца, начиная с 1-й страницы английского перевода:

«Организация национальной обороны невоенного характера органически входит в структуру национал-социалистского правительства и администрации. Такое положение вещей не является исключением, а необходимой и запланированной частью национал-социалистского порядка. Таким образом, перевод нашей администрации и экономики на рельсы войны был совершен весьма быстро без всяких трений и изменений в структуре государства, которые при иных обстоятельствах могли стать весьма пагубными... Запланированная подготовка администрации на случай войны проводилась уже в мирное время. С этой целью фюрер назначил генерального уполномоченного по вопросам импер-

ской администрации и генерального уполномоченного по вопросам экономики».

Значительная часть вклада Фрика в подготовку германского государства к агрессивной войне подробно описывается в книге «Доктор Вильгельм Фрик и его министерство», документ ПС-3119, уже представленный в качестве доказательства. Я хотел бы огласить только два кратких предложения в начале 3-й страницы английского перевода:

«Кроме того, заслуживает особого упоминания сотрудничество имперского министра внутренних дел в важной области военного законодательства и тем самым в создании наших вооруженных сил. В конце концов, имперский министр внутренних дел является гражданским министром обороны, который в этом качестве не только подписал с имперским военным министром военный закон от 12 мая 1935 года, но, как главный руководитель по вопросам общей и внутренней администрации и начальник полиции, также получил от фюрера и имперского канцлера важные полномочия в области системы набора и военного контроля».

Я уже ранее говорил о том, что на посту министра внутренних дел Фрик нес ответственность за административную политику на оккупированных и присоединенных территориях. Именно его министерство вводило новый германский порядок на огромной территории Европы, оккупированной германскими вооруженными силами, и именно подсудимый Фрик осуществлял эту власть. Я прошу Трибунал принять как доказательство три декрета, подписанные Фриком, которые, соответственно, вводили германское законодательство в Австрии, Судетской области и генерал-губернаторстве. Это декрет от 13 марта 1938 года, «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 237, статья 8, документ ПС-2307; декрет от 1 октября 1938 года, «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 1331, статья 8, документ ПС-3073; декрет от 12 октября 1939 года, «Рейхсгезетцблатт» за 1939 год, часть 1-я, страница 2077, статья 8, документ ПС-3079.

Министерство Фрика также производило отбор и назначение сотен чиновников для оккупационных властей на советской территории еще до того, как произошло вторжение. Об этом факте говорится в отчете подсудимого Розенберга, составленном в апреле 1941 года относительно подготовки к управлению оккупированными территориями на Востоке.

Я хотел бы сослаться на 2-ю страницу документа ПС-1039, США-146.

Одна сторона деятельности Фрика, направленная на то, чтобы содействовать планированию и подготовке к агрессивной войне, заслуживает особого внимания. Это систе-

8 Заказ 1429

матическое умерщвление лиц, которые рассматривались как бесполезные для германской военной машины. В их число входили умалишенные, калеки, престарелые люди и иностранные рабочие, которые больше не в состоянии были работать. Эти убийства производились в частных лечебницах, госпиталях и психиатрических больницах. Трибунал вспомнит, что подсудимый Фрик в качестве министра внутренних дел осуществлял руководство в области здравоохранения и всех лечебных учреждений. Я хотел бы сослаться на Устав германских административных чиновников, документ ПС-3475, и обратить ваше внимание на страницы 3, 4 и 7 частичного английского перевода. Там в числе подведомственных Фрику сфер указаны: «Администрация по вопросам здравоохранения», «Социальная гигиена», «Вопросы улучшения расы», «Имперский уполномоченный по санаториям и лечебницам».

В качестве доказательства того, что в ведение Фрика входило умерщвление людей, которое имело место в этих учреждениях, я представляю документ ПС-621, США-715. Это письмо от 2 октября 1940 года начальника имперской канцелярии доктора Ламмерса, адресованное имперскому министру юстиции. В нем сообщалось, что материал относительно смерти пациентов в лечебницах был направлен имперскому министру внутренних дел для дальнейших действий. В действительности подсудимый Фрик не только пользовался правом контроля над всеми этими учреждениями, он также был одним из создателей секретного закона, согласно которому проводились эти убийства.

Я представляю документ ПС-1556, США-716. Это официальный отчет, составленный в декабре 1941 года чехословацкой Комиссией по расследованию военных преступлений, озаглавленный: «Подробный отчет об умерщвлении больных и престарелых в Германии». Я хотел бы огласить несколько кратких выдержек из этого отчета. Я оглашаю § 1, 2 и 3:

«1) эти убийства, как это можно проследить, берут свое начало от секретного закона, который был издан примерно летом 1940 года;

2) помимо руководителя медицинской службы империи, доктора Л. Конти, в издании этого закона принимали участие рейхсфюрер СС Гиммлер, имперский министр внутренних дел доктор Фрик и другие;

3) как я уже сказал, по тщательному подсчету, имелось по меньшей мере 200 000, главным образом душевнобольных, слабоумных, неврастеников и больных лиц — причем не всегда их болезни были неизлечимыми — и по меньшей мере 75 000 престарелых лиц».

Самым страшным примером непрекращающихся убийств, которые имели место в этих учреждениях, подчиненных Фрику и действующих на основании приказа, в число создателей которого входил Фрик, является знаменитое Хадамарское дело.

Ваша честь, могу ли я занять еще 10 минут для того, чтобы окончить представление доказательств, так как, насколько мне известно, главные обвинители пришли к совместному решению, что завтра начнется выступление французской делегации.

Мне нужно только 10 минут.

Председатель: *Да, хорошо.*

Кемпнер: *Благодарю Вас, Ваша честь.*

Я ссылаюсь на Хадамарское дело и представляю в качестве доказательства документ ПС-615, США-717.

Биддл: *О каком последнем отчете Вы говорили? Чей это отчет?*

Кемпнер: *Это отчет чехословацкой Комиссии по расследованию военных преступлений. И после того, как я продемонстрировал, какова была та общая программа, одним из авторов которой был Фрик, я хотел бы доказать, что в министерстве Фрика было хорошо известно о том, что происходило в подчиненных ему учреждениях, и поэтому я оглашу сейчас письмо, чтобы доказать, что ему было известно об этих убийствах и что эти убийства даже стали общеизвестными. С этой целью я представляю в качестве доказательства документ ПС-615, США-717. Это письмо епископа города Лимбурга, датированное 13 августа 1941 года, имперскому министру юстиции. Копии этого письма были направлены имперскому министру внутренних дел — то есть Фрику — и имперскому министру по делам церквей. Я оглашаю выдержку из этого письма:*

«Примерно в 8 километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамаре, на холме, который расположен выше города, имеется учреждение, которое прежде использовалось для различных целей, а в последнее время оно используется как лечебница. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором, по единодушному мнению, месяцами, примерно с февраля 1941 года, систематически производилось умерщвление безнадежных больных якобы из гуманных побуждений. Об этом стало известно даже за пределами Висбаденского административного округа, так как свидетельства о смерти из регистратуры Хадамар-Менхберг направляются также в места, где больные жили ранее».

Далее:

«Несколько раз в неделю в Хадамар прибывают автобусы, на которых привозят этих несчастных в большом количе-

стве. Школьники, которые живут поблизости, уже знают эти автомашины и говорят: "Снова едет этот ящик смерти".

После прибытия этих автомобилей граждане Хадамара видят дым, который поднимается из трубы крематория, и их мучает постоянная мысль о несчастных жертвах, и это усугубляется тем, что, при определенном направлении ветра, до них доносится ужасный смрад.

В результате этого дети, когда ругаются между собой, говорят: "Ты сумасшедший, тебя пошлют в "хадамарскую пекарню". Те же лица, которые не хотят жениться или им не представляется для этого возможность, говорят: "Жениться? Никогда! Произвести на свет детей для того, чтобы их могли бросить в эту мясорубку!".

Можно услышать, как старики говорят: "Не посылайте меня в государственную больницу. Когда покончат со слабоумными, придет черед других бесполезных едоков — стариков..."

Население не может понять, каким образом могут систематически проводиться такие действия, которые в соответствии со статьей 211 германского уголовного кодекса караются смертной казнью!..

Говорят, что чиновники гестапо стараются запретить обсуждение событий в Хадамаре, угрожая суровым наказанием. Возможно, что здесь имеет место хорошее намерение и это диктуется интересами общественного спокойствия. Однако таким образом нельзя изменить осведомленность и негодование населения, которые будут возрастать по мере того, как население будет отдавать себе отчет в том, что, хотя об этом под угрозой наказания запрещено говорить, тем не менее, за самые действия никто не привлекается к уголовной ответственности».

Я оглашу последний абзац письма, где говорится в постскриптуме:

«Я направляю копии этого письма имперскому министру внутренних дел и имперскому министру по вопросам церквей».

Тем не менее, умерщвление в этих учреждениях, производившееся согласно секретному закону, созданному подсудимым Фриком, Гиммлером и другими, продолжалось из года в год.

Председатель: *Был ли дан ответ на это письмо?*

Кемпнер: *Ответ не был обнаружен. В моем распоряжении имеются другие письма, которые я сегодня не в состоянии оглашать в суде и на которых имеется пометка: «Оставить без ответа».*

Председатель: *«Оставить без ответа»?*

Кемпнер: *Это означало, что не следовало отвечать.*

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3592, США-718, который представляет собой заверенную копию обвинительного акта, определений и приговора Военного трибунала США в Висбадене, который судил лиц, работавших в Хадамарском санатории, где были умерщвлены многие русские и поляки. В результате этого процесса семи подсудимым были предъявлены обвинения в умерщвлении в 1944 году 400 лиц польской и русской национальностей. Трое подсудимых были приговорены к повешению, а четверо были приговорены к каторжным работам.

Теперь я перехожу к последней странице моего выступления: завершающий раздел доказательств об ответственности Фрика, который относится к его деятельности на посту имперского протектора Богемии и Моравии в период с 20 августа 1943 года до конца войны. Я не считаю нужным говорить здесь что-либо относительно функций протектора Богемии и Моравии, так как эти обширные полномочия уже известны Трибуналу.

Председатель: *Прежде, чем Вы окончите обсуждение документа ПС-3592, не скажете ли Вы, из чего следует, что тот процесс относился к убийству лиц польской и русской национальностей в больницах и учреждениях такого рода?*

Кемпнер: *Об этом абсолютно ясно сказано в документе, который представляет собой приговор Военного трибунала в Висбадене по Хадамарскому делу.*

Председатель: *Не покажете ли Вы мне, где об этом говорится?*

Кемпнер: *Документ ПС-3592. Я оглашаю выдержку:*

«Определение: Альфонс Клейн, Адольф Вальман, Гейнрих Руофф, Карл Виллиг, Адольф Меркле, Ирмгард Хубер и Филипп Блюм, действуя совместно и во исполнение общего замысла и действуя от имени и в интересах германской империи, в период примерно с 1 июля 1944 года по 1 апреля 1945 года, в Хадамаре, в Германии, преднамеренно и преступно пособничали, подстрекали и участвовали в убийстве лиц польской и русской национальностей, имена и точное число которых неизвестно, но число которых превышает 400 человек. Эти жертвы были подвергнуты заключению германской империей в качестве меры по контролю над подданными неприятельского государства».

Председатель: *Это, однако, не доказывает, что все это входило в юрисдикцию министра внутренних дел.*

Кемпнер: *Некоторое время назад я ссылался на устав германских административных чиновников. В нем совершенно ясно сказано, что лечебницы, санатории и аналогичные учреждения находятся под контролем министерства внутренних дел.*

Председатель: *Я это понимаю, но этот документ не относится к лечебницам. Вот о чем я Вас спрашиваю.*

Кемпнер: *Да, здесь говорится только о Хадамаре. В действительности тут речь идет о хадамарской больнице. Об этом здесь не говорилось Главным обвинителем, но позднее я готов представить более обширный документ, из которого явствует, что Хадамар был назван «хадамарской мясорубкой», а это была больница.*

Теперь я перехожу к последнему абзацу моего выступления.

Председатель: *Одну минуту, доктор Кемпнер. Защитник хочет выступить.*

Панненбекер *(защитник Фрика): Из документа ПС-3592, из которого только что огласили некоторые выдержки, ничего нельзя усмотреть, что указывало бы, что подсудимый Фрик имеет какое-либо отношение к этому документу.*

Председатель: *Не было никакой необходимости для Вас вставать и повторять то, что я только что сказал.*

Панненбекер: *Я хотел бы еще кое-что добавить, а именно, что подсудимый Фрик с августа 1943 года больше не был министром внутренних дел и по этой причине этот документ не может быть использован против него.*

Председатель: *Здесь не указана дата смерти этих людей. Во всяком случае, до тех пор, пока доктор Кемпнер не представит дополнительных доказательств о том, что это была больница и что это происходило в период, когда подсудимый Фрик был министром внутренних дел, Трибунал не будет рассматривать этот документ как доказательство, инкриминируемое Фрику.*

Кемпнер: *Я огласил документы об этих убийствах в Хадамаре по двум причинам: во-первых, потому, что министру внутренних дел было известно, как я об этом уже сказал ранее, письмо епископа города Лимбурга в 1941 году, когда Фрик был министром внутренних дел и ему было известно об этих фактах. Я огласил приговор военного Трибунала по той причине, что эти убийства еще продолжались в 1944 и 1945 годах на основании того закона, в число авторов которого входил подсудимый Фрик.*

Последнее доказательство ответственности Фрика относится к его деятельности на посту имперского протектора Богемии и Моравии в период с 20 августа 1943 года и до конца войны. Я приведу только один пример. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3589, США-721, который представляет собой приложение к официальному отчету чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных Германией против Чехословакии. Я хотел бы огласить только следующую краткую выдержку из этого отчета:

«В тот период, когда подсудимый Вильгельм Фрик был имперским протектором Богемии и Моравии с августа 1943 года до освобождения Чехословакии в 1945 году тысячи чехословацких евреев перевозились из Терецинского гетто в Чехословакии в концлагерь Освенцим в Польше и там их умерщвляли в газовых камерах».

Итак, с территорий, протектором которых был Фрик, евреи направлялись в газовые камеры.

Таким образом, мы считаем доказанным, что Фрик был одним из главных заговорщиков с 1923 года до того момента, когда союзные армии сокрушили сопротивление нацистских вооруженных сил.

Доказательства виновности Фрика основываются на его собственных документах и документах других подсудимых, вместе с которыми он, согласно нашему Уставу, несет ответственность.

П. МУНЬЕ (Франция)

Об индивидуальной ответственности Заукеля и Шпеера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 февраля 1946 г.

Господа судьи! Трибунал уже оценил поистине замечательную работу, которая была проделана некоторое время тому назад моим коллегой и другом судьей Жаком-Бернаром Герцогом[2]. Поэтому, с вашего разрешения, я перейду к самим фактам, которые вам известны, и я начну с 3-й страницы моего досье, где мы рассмотрим в общих чертах, с разрешения Трибунала, оправдания, приводимые в свою защиту подсудимым Фрицем Заукелем.

Вначале нужно поставить следующий вопрос: действовал ли Фриц Заукель по приказу, когда он производил набор, частью якобы «добровольно», в большинстве же случаев — принудительно, рабочих, предназначавшихся в качестве рабочей силы для империи.

Как утверждает Заукель, когда он был назначен уполномоченным по использованию рабочей силы 27 марта 1942 года, в его первоначальной программе не предусматривался набор иностранных рабочих, и будто бы затем об этом издал распоряжение сам Гитлер.

---

[1] IMT. Vol. 7. P. 85—90.

[2] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 600—643.

Поражает то, что подсудимые в большинстве случаев будут скрываться за двумя великими тенями — тенью бывшего фюрера и его проклинаемого подчиненного Гиммлера. Здесь мы как раз видим тень Гитлера. Гитлер, по словам Заукеля, заявил ему, что использование иностранной рабочей силы в пределах оккупированных стран не нарушает Гаагской конвенции по двум причинам: во-первых, потому, что страны, о которых идет речь, безоговорочно капитулировали и, таким образом, им можно навязать любые условия труда; во-вторых, потому, что Союз Советских Социалистических Республик не подписал этой Конвенции. Таким образом, по отношению к России, производя принудительный набор рабочей силы и эксплуатируя рабочих до изнеможения, мы не нарушаем Гаагской конвенции. Вот, господа судьи, рассуждения подсудимого Заукеля по этому вопросу. Мы ничего сюда не прибавили. Итак, якобы Гитлер дал ему приказ произвести мобилизацию рабочей силы, применяя сначала убеждение, а потом все средства принуждения, о которых вы уже знаете, в частности лишение продовольственных карточек с тем, чтобы, видя, как их жены и дети страдают от голода, люди были вынуждены «добровольно» выполнять работу, которая была направлена против их собственных соотечественников и против солдат союзных армий, которым принадлежали все их симпатии.

Трибунал по справедливости расценит подобные аргументы, так как, во-первых, Заукель, в силу занимаемой должности, пользовался полной властью в отношении всего, что касается рабочей силы, необходимой для выполнения четырехлетнего плана.

С другой стороны, принимая функции уполномоченного по использованию рабочей силы, Заукель знал, что он не сможет выполнить свою задачу, если рано или позно не обратится к использованию средств принуждения.

Заукель, как, кстати, большинство сидящих на скамье подсудимых, имел самые неограниченные, практически автономные полномочия, следовательно, он не может прятаться за приказами, которые он получал.

Председатель: *Господин Мунье, Вы должны меня простить за то, что я Вас прерываю, но, как я подчеркнул, кажется, вчера, мы уже слышали вступительные речи, которые содержали все соображения правового характера, от имени Соединенных Штатов, Великобритании и от господина Ментона, представлявшего Францию. Поэтому мы ограничили других выступающих обвинителей лишь представлением доказательств и не разрешали им представлять свои доводы общего характера. Я не уверен, что это правило с точностью выполнялось во всех случаях, потому что, возможно, было трудно придерживаться этого порядка ограни-*

чения, но я неоднократно говорил обвинителям, выступавшим вслед за обвинителями, оглашавшими вступительные речи, что они должны ограничиться представлением доказательств. Трибунал хотел бы, если это возможно, чтобы Вы также придерживались этого порядка. Поэтому Вы не должны по поводу данного дела представлять общие доводы, а только представлять доказательства. Другими словами, Вам следует обращать наше внимание на доказательства, которые уже представлялись в качестве документальных доказательств, просто ссылаясь на их номер и, быть может, коротко суммировать сущность этих доказательств. Если же речь идет о документах, которые еще не представлялись в качестве документального доказательства, Вы должны зачитывать те части документа, которые Вы считаете необходимыми.

Мунье: *Господин председатель, в соответствии с пожеланиями Трибунала, я ограничусь в отношении подсудимого Заукеля тем, что сошлюсь на цифры, которые, как мне кажется, не могут подвергаться обсуждению, так как эти цифры указаны самим подсудимым Заукелем во время допроса на следствии. Мне кажется, что это не нарушает правила, о котором господин Председатель мне только что напомнил.*

Указанные цифры следующие: в 1942 году в Германии уже имелся один миллион иностранных рабочих. За год подсудимый Заукель включил в экономику империи приблизительно 1 600 000 военнопленных для того, чтобы удовлетворить нужды военной экономики. Я также осмелюсь обратить внимание Трибунала на документ РФ-1411 в книге документов. Речь идет о допросе подсудимого Заукеля от 18 октября 1945 года, который был уже представлен американским обвинением 12 декабря 1945 года под номером США-220, ПС-3720.

На этом допросе подсудимый Заукель признал, что 40 процентов всех военнопленных были использованы на производстве оружия, боеприпасов и во вспомогательных отраслях военной промышленности.

Я также хочу сослаться на документ РФ-1412, США-225, от 13 декабря 1945 года. Он представляет собой меморандум, подписанный начальником имперской канцелярии Ламмерсом, где содержится отчет о совещании, которое имело место 4 января 1944 года.

На совещании 4 января 1944 года, на котором присутствовали, кроме подсудимого Заукеля, сам фюрер, Гиммлер, Шпеер, Кейтель, фельдмаршал Мильх и другие, было установлено, что 4 миллиона рабочих должны быть предоставлены дополнительно подсудимым Заукелем. Я должен в этой связи заметить, что на этом совещании подсудимый За-

укель усомнился в возможности обеспечить такое количество рабочих, если ему не будет предоставлено достаточное количество полицейских сил. Гиммлер на это ответил, что он постарается путем более сильного давления помочь Заукелю в достижении этой цели.

Следовательно, когда подсудимый Заукель, возможно, будет утверждать, что он не имел ничего общего с этим сегодня заклейменным всеми учреждением, которое называется гестапо, ему можно будет ответить: официальные германские документы доказывают, что для того, чтобы мобилизовать рабочую силу, он использовал полицию со всеми ее осуждаемыми средствами, которые вам уже были описаны.

Что касается Франции, то в начале 1944 года отсюда потребовали рабочей силы в количестве одного миллиона человек. Эти рабочие должны были присоединиться к тем, которые уже находились на работе в Германии, следовательно, к июню 1944 года число французских рабочих достигло от 1 до 1,5 миллиона мужчин и женщин.

Подсудимый Заукель, таким образом, совершал преступления, уже известные суду. У нас есть старая пословица, которая гласит: «Суд есть право». Так как следует упоминать лишь факты, я воздержусь от оглашения той части моего выступления, которая находится на странице 9, где рассматриваются статьи законов, согласно которым действия подсудимого Заукеля подлежат осуждению.

Господин председатель, господа судьи, сейчас я бы хотел кратко осветить деятельность подсудимого Шпеера, ибо в отношении Франции и западных стран подсудимый Шпеер несет ответственность того же порядка, как и подсудимый Заукель. Так же, как и подсудимый, о котором я только что говорил, Шпеер путем содействия составлению и осуществлению широкой программы принудительного угона и порабощения граждан оккупированных стран совершил нарушения законов ведения войны, законов человечности.

Подсудимый Шпеер прежде всего участвовал в выработке программы использования принудительного труда и содействовал ее принятию. Так, на следствии под присягой он признал, что участвовал в совещаниях, на которых было принято решение использовать принудительный труд, что содействовал выполнению программы применения принудительного труда, что эта программа в основном предусматривала принудительные перевозки в Германию иностранных рабочих для того, чтобы предоставить их в распоряжение подсудимого Заукеля — уполномоченного по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана.

Я попрошу Трибунал обратиться к документу США-220, РФ-1411, представленному американским обвинением 12 декабря 1945 года.

Что касается Франции, Гитлер и подсудимый Шпеер совещались 4 января 1943 года. На этом совещаний было решено принять более строгие меры для того, чтобы ускорить набор гражданских французских рабочих, не делая различия между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Это явствует из письма, к которому я позволю себе привлечь внимание Трибунала. Оно подписано самим подсудимым Фрицем Заукелем и было уже представлено американским обвинением как документ ПС-556, РФ-67.

Подсудимый Шпеер знал, что принудительный набор на оккупированных территориях осуществлялся с применением силы и террора. Он одобрил эти методы в сентябре 1942 года. Шпеер знал, что рабочие из Украины угонялись по принуждению для работы в Германии. Он знал также, что большинство рабочих оккупированных стран Запада посылались в Германию против своей воли. Подсудимый даже заявил американскому следователю, который его допрашивал, что он считает эти методы законными и правильными.

Наконец, Шпеер, зная, что иностранные рабочие набирались и угонялись на принудительные работы в Германию, представлял свои требования на получение иностранных рабочих и обеспечивал их использование в различных областях производства, находившихся под его руководством.

Предыдущие абзацы суммируют все заявления, сделанные подсудимым на допросе, который уже оглашался и на который я только что сослался.

Кроме того, я осмелюсь напомнить, что Шпеер являлся членом центрального комитета по четырехлетнему плану. В отношении прав на затребование рабочей силы выше него и маршала Мильха стояли только Гитлер и Геринг. В этом качестве Шпеер также участвовал в совещаниях с Гитлером по установлению количества ввозившихся иностранных рабочих. Таким образом, он знал, что большое количество рабочих набиралось путем депортации, принуждения и в результате порабощения оккупированных стран.

Доказательством этому служат различные выдержки из протоколов центрального комитета планирования и совещаний Шпеера с Гитлером. Речь идет о документе РФ-1414, США-179, уже представленном 12 декабря 1945 года.

Наконец, Шпеер не остановился перед внедрением методов террора и жестокостей для достижения наивысшей производительности труда рабочих, оправдывая действия

СС и полиции в отношении сопротивлявшихся, а также их заключение в концлагеря.

Я осмелюсь напомнить Трибуналу документ, относящийся к протоколам 21-го совещания центрального комитета по четырехлетнему плану от 30 октября 1942 года, страница 1059. Это документ США-179, Р-123 и -124, от 12 декабря 1945 года.

Подсудимый Шпеер также ответствен за использование военнопленных в военных операциях, направленных против их стран, так как в качестве руководителя организации ТОДТ он вынуждал граждан союзных стран работать в этой организации, а именно на строительстве укреплений, в частности на строительстве знаменитого Западного вала.

Он также вынуждал французов, бельгийцев, люксембуржцев, голландцев, норвежцев и датчан производить оружие, которое должно было быть использовано против их собственных стран.

Наконец, — и это очень важный вопрос, господа судьи, в отношении ответственности подсудимого Шпеера — он непосредственно участвовал в использовании труда заключенных концлагерей. Он предложил использовать труд заключенных концлагерей на военных заводах. Принимая во внимание ужасное физическое состояние заключенных, от этой меры нельзя было ожидать никакого результата, кроме уничтожения самих заключенных.

Использование заключенных концлагерей на заводах вызвало увеличение запросов на эту рабочую силу, и такие требования удовлетворялись, по крайней мере частично, путем отправки в концлагеря людей, которые в обычное время там не должны были находиться. Шпеер дошел до того, что стал строить концлагеря, которые являлись исключительно поставщиками рабочих на заводы, в непосредственной близости от этих заводов.

Он знал лагерь Маутхаузен. Свидетель — испанец Буа, которого Трибунал заслушал несколько дней тому назад, подтвердил под присягой, что он собственными глазами видел подсудимого Шпеера, когда тот посетил лагерь в Маутхаузене и поздравлял руководителей лагеря. Он даже показал, что принимал участие в изготовлении фотографий этой сцены. Следовательно, факт посещения концлагеря нужно рассматривать как неоспоримый. Таким образом, Шпеер мог своими глазами видеть варварские условия, в которых находились заключенные. Он, однако, продолжал использовать рабочую силу из лагеря Маутхаузена на заводах, которые находились в его ведении.

Я закончил, господин Председатель и господа судьи, представление материала по обвинению Шпеера.

Б. Д. МЕЛЬТЦЕР (США)

Об индивидуальной ответственности Функа[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 11 января 1946 г.

Господа судьи, документы, касающиеся ответственности подсудимого Функа, собраны в книге документов «НН», которая была передана Трибуналу, а также вручена защите. То же самое относится к досье по делу. Документы подобраны в книге в порядке их представления. Больше того, для того чтобы облегчить ссылки, страницы книги документов пронумерованы последовательно красным карандашом. Я хочу поблагодарить господина Сиднея Джакоби за его бесценное сотрудничество в подборе и анализе этих документов.

Мы предполагаем сейчас представлять доказательства относительно пяти фаз участия подсудимого Функа в заговоре:

1) его роль в захвате власти нацистами; 2) его роль в министерстве пропаганды и смежных организациях, его ответственность за деятельность этого министерства; 3) его ответственность за безжалостное уничтожение евреев с момента отстранения их от так называемых «культурных профессий» вплоть до устранения их из всей экономики Германии; 4) его сотрудничество в выполнении главной задачи нацистов, которой были подчинены все остальные задачи — в подготовке агрессивной войны; 5) мы хотим коротко сослаться на доказательства, касающиеся его активного участия в ведении агрессивной войны.

Мы обращаемся теперь к доказательствам, показывающим, что подсудимый Функ активно содействовал приходу заговорщиков к власти и консолидации их контроля над Германией. Вскоре после того, как он вступил в нацистскую партию в 1931 году, подсудимый Функ начал занимать ответственные посты, сначала внутри партии, а затем в германском нацистском правительстве. Посты, которые занимал Функ, перечислены в основном в документе ПС-3533, представляющем собой заявление, подписанное как подсудимым Функом, так и его защитником.

Мы утверждаем, что из двух документов, на которые я сослался, определенно явствует, что подсудимый Функ вскоре после того, как он вступил в нацистскую партию,

[1] IMT. Vol. 5. P. 152—167.

начал действовать как один из людей, входивших в узкий круг нацистских заговорщиков. Более того, как экономический теоретик партии в течение критических дней 1932 года он внес серьезнейший вклад в дело организации массовой поддержки партии, намечая для нее экономические лозунги. В этой связи я сошлюсь на документ ПС-3505, который является биографией, озаглавленной в английском переводе «Вальтер Функ — жизнь во имя экономики». Эта биография была написана на немецком языке неким Острайхом и выпущена центральным издательством нацистской партии. Я представляю документ США-653 и хочу теперь процитировать 1-ю страницу перевода этого документа. Соответствующая страница немецкого документа — страница 81:

«В 1931 году он — Функ — стал членом рейхстага. Документом, суммирующим его деятельность в этот период, является "Программа экономического строительства национал-социалистской партии", которая была сформулирована им во второй половине 1932 года. Она получила одобрение Гитлера и была объявлена как обязательная для всех гаулейтеров, докладчиков по данной теме и консультантов по этому вопросу, а также для других членов партии».

Таким образом, лозунги подсудимого Функа стали экономическим евангелием для партийных организаторов и ораторов.

Подсудимый Функ, однако, был не только экономическим теоретиком нацистской партии. Он был также занят практической деятельностью, проводя кампанию по сбору средств в пользу партии. Как связной между партией и крупными германскими промышленниками, он помог организовать финансовую и политическую поддержку со стороны этих людей Гитлеру.

Подсудимый Функ на допросе 4 июня 1945 года признал, что он помогал финансировать выборную кампанию 1932 года. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2828, США-654, и цитирую конец 43-й страницы...

Председатель: Лейтенант Мельтцер, может быть, не надо так подробно, тем более что все это уже было представлено и сам Функ признал данные относительно занимаемых им постов? На странице первой он признал, что был членом нацистской партии, главой одного из отделов центрального аппарата партии, председателем комитета нацистской партии по экономическим вопросам. Затем он перечисляет названия различных постов, которые он занимал, и признает, что он их занимал. Я думаю, нет необходимости детально разбирать все его служебные посты.

Мельтцер: Господа судьи, признание того, что он называл различные посты, по нашему мнению, не показывает

участия подсудимого Функа в сборе средств для нацистской партии.

Председатель: *Сборе средств?*

Мельтцер: *Да, возможно, что из факта пребывания на тех постах, которые занимал Функ, можно сделать вывод, что он принимал участие в кампании по сбору средств. Однако нам казалось правильным указать на прямые доказательства именно этого аспекта его деятельности.*

Председатель: *Хорошо, если Вы считаете, что сам факт занятия им этих постов не говорит об этом?*

Мельтцер: *Подсудимый Функ на допросе, проведенном 4 июня 1945 года, признал, как я уже сказал, что он помогал финансировать эту выборную кампанию в критический период.*

Председатель: *Видите ли, лейтенант Мельтцер, перечень, который Вы так любезно нам представили, показывает, что он помогал захвату власти. Почти все пункты на первой странице, которые он сам признает, являются доказательством того, что он способствовал захвату власти. Вы собираетесь доказать, что он также помогал собирать средства? Способствование захвату власти само по себе не является преступлением. Это только шаг к нему.*

Мельтцер: *Хорошо, Ваша честь. Есть, однако, один аспект в его деятельности в этой области, на котором я хотел бы остановиться. А именно: в связи со своей деятельностью по сбору средств он участвовал на совещании в Берлине в начале 1933 года.*

Я ссылаюсь на документ, в котором говорится, что происходило на этом совещании, для того, чтобы показать, что в ходе этого совещания Гитлер и Геринг изложили некоторые основные положения нацистской программы. Протокол этого совещания находится в нашем документе ПС-2828, который Вы найдете на странице 28-й книги документов. Я хочу зачитать следующие вопрос и ответ.

«Вопрос: Примерно в 1933 году, как нам сообщили, некоторые промышленники участвовали в совещании в доме Геринга перед выборами в марте. Знаете ли Вы об этом что-нибудь?

Ответ: Я присутствовал на этом совещании. Денег требовал не Геринг, а Шахт. Гитлер вышел из комнаты, и Шахт произнес речь, прося денег для проведения выборной кампании. Я присутствовал там как беспристрастный свидетель, поскольку я был в дружественных отношениях с промышленниками».

Характер и значение работы Функа с крупными промышленниками подчеркнуты в его биографии, о которой я уже говорил. Я хочу обратить внимание суда на соответствующие страницы этой книги. Это страницы 83 — 84.

Председатель: *Я не понимаю, зачем Вы зачитали этот абзац ? Если Вы хотели показать, что он был на этом совещании, было достаточно это просто сказать. Я не думаю, что те две фразы, которые Вы прочитали, были в какой-либо степени полезны нам.*

Мельтцер: *Господа судьи, эти две фразы относятся не к совещанию.*

Эти фразы относятся к биографии, которая суммирует общий вклад, внесенный подсудимым Функом в дело прихода нацистов к власти. Я зачитаю их, так как думаю, что Трибуналу будет интересно познакомиться с точкой зрения немецкого писателя относительно этой стороны карьеры подсудимого Функа.

Председатель: *Мне кажется, что Вы имели в виду совещание.*

Мельтцер: *Господа судьи, я обращаю ваше внимание на страницы 32 и 33 книги документов и для того, чтобы разъяснить этот вопрос. Я прошу разрешения коротко остановиться на выдержках из биографии:*

«Не менее важное значение, чем работа Функа в области создания программы в 1931 — 1932 годах, имела его деятельность в качестве связного между фюрером и руководителями германской промышленности, торговли, коммерции и финансов. В связи с его прошлой деятельностью его личные связи с экономическими руководителями были широки и многообразны. Он мог теперь привлечь их на службу Гитлеру и не только авторитетно отвечать на их вопросы, но также убедить их и завоевать их поддержку для партии. Для того времени эта была очень важная работа. Каждый успех, достигнутый в этом вопросе, означал моральное, политическое и экономическое усиление жизнеспособности партии и помогал уничтожить предрассудок о том, что национал-социалистское движение является только партией классовой ненависти и классовой борьбы».

Председатель: *Я вновь заявляю, что это ни в какой степени не может помочь работе Трибунала.*

Мельтцер: *После того, как Функ помог Гитлеру стать канцлером в качестве руководителя прессы германского правительства, он принимал участие в первых заседаниях кабинета, на которых заговорщики планировали стратегию, с помощью которой они собирались обеспечить принятие президентского декрета о чрезвычайном положении, утвержденного 24 марта 1933 года. О присутствии Функа на этих совещениях говорится в документе ПС-2962, США-656, который уже был представлен в качестве доказательства.*

Ваша честь! Вы помните, что этот декрет означал фактически захват политической власти в Германии.

Вскоре после этого Функ занял важный пост в министерстве пропаганды. Исторические материалы показывают, что это министерство стало одним из самых важных и самых преступных нацистских учреждений и что пропаганда сыграла очень большую роль в проведении нацистской программы внутри Германии и за ее пределами.

Мы не собираемся рассматривать перед Вами эти вопросы. Мы хотим только представить доказательства, показывающие, как мы уже сказали, что Функ принимал деятельное участие в пропагандистской деятельности. Министерство было учреждено 13 марта 1933 года. Геббельс был назначен его руководителем, а Функ — его заместителем, то есть вторым человеком в министерстве.

На этом посту Функ был не только главным помощником Геббельса, но также организатором сложной и большой пропагандистской машины. В качестве доказательства я представляю документ ПС-3501, США-657, который находится на 47-й странице книги документов. Этот документ является письменным показанием, данным под присягой 19 декабря 1945 года Максом Амманом, который занимал пост руководителя имперской печати и президента имперской палаты печати.

Я хочу зачитать вторую фразу первого абзаца и весь второй абзац.

«Выполняя свои обязанности, я ознакомился с деятельностью и организацией имперского министерства просвещения и пропаганды.

Он был душой министерства и без него Геббельс не сумел бы его создать. Геббельс сказал мне однажды, что Функ был самым лучшим его работником. Функ фактически осуществлял контроль над всеми средствами массовой информации: над прессой, театрами, радио и музыкой. Как руководитель прессы в данном министерстве Функ ежедневно встречался с фюрером и ежедневно проводил пресс-конференции, во время которых он давал указания относительно материалов, которые должны были быть опубликованы в германской прессе».

Кроме официального поста, Функ имел очень много важных обязанностей в министерстве и в подчиненных ему организациях. Список этих обязанностей уже перечислен в документе ПС-3533. Я хочу, однако, особо остановиться на деятельности Функа в качестве вице-президента имперской палаты культуры. Она была, конечно, связана с его работой в министерстве пропаганды. В этом двойном качестве он непосредственно содействовал проведению двух жизненно важных и связанных между собой линий нацистской политики. Прежде всего это касалось регламентации всей творческой деятельности в интересах нацистского правительства и

его военных целей, кроме того — полного устранения евреев и диссидентов из так называемых культурных учреждений.

Я не буду здесь подробно рассматривать все методы, при помощи которых проводились эти меры. Они уже фигурировали в досье с изложением доказательственных материалов, которые уже включены в книгу документов. Поэтому мы не будем рассматривать данный вопрос, если Трибунал не потребует этого.

Принимая во внимание ведущую роль подсудимого Функа в министерстве пропаганды, вполне естественно, что нацистские писатели подчеркивали его ответственность за извращение культуры в духе нацизма.

В этой связи я просто обращу внимание Трибунала на страницы 94 и 95 биографии Функа, которая уже приводилась здесь в качестве доказательства.

После того как подсудимый Функ оставил министерство пропаганды и стал министром экономики в 1938 году, он продолжал поощрять антисемистскую кампанию. Так, например, 14 июня 1938 года он подписал декрет, который предусматривал регистрацию еврейских предприятий. Этот декрет, ставший основой для безжалостного экономического преследования евреев, которое последовало за его изданием, помещен в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 627. Я прошу Трибунал принять без доказательства эту ссылку на «Рейхсгезетцблатт», как и все дальнейшие ссылки. Разрешите мне также добавить, что в досье по делу подсудимого Функа приводятся номера переводов декретов и других немецких изданий, которые мы просим Трибунал принять без доказательства...

Господа судьи! До перерыва мы занимались вопросом участия подсудимого Функа в преследовании евреев в экономическом отношении. Как вспомнит Ваша честь, смерть сотрудника германской миссии в Париже фон Рата в ноябре 1938 года была использована нацистами в качестве повода для активизации преследования евреев. Целью этой новой политики было окончательное устранение евреев из экономической жизни Германии. Мы покажем с помощью документов, что подсудимый Функ играл важную роль как в формировании, так и в проведении этой политики. В этой связи я хотел бы обратить внимание Трибунала на документ ПС-1816, который был уже представлен в качестве доказательства. Этот документ представляет собой протокол совещания по еврейскому вопросу. Он имеется на 52-й странице книги документов, Ваша честь. Это совещание происходило 12 ноября 1938 года под председательством Геринга. Открывая это совещание, подсудимый Геринг заявил:

«Господа, сегодняшнее совещание носит решающий характер. Я получил письмо, написанное начальником штаба заместителя фюрера Борманом, в котором излагается требование, чтобы еврейский вопрос был согласован и решен тем или иным путем раз и навсегда».

Подсудимый Функ пришел на это совещание хорошо подготовленным. У него был уже составлен проект закона, который он представил со следующими пояснениями. Сейчас я оглашу выдержку из документа ПС-1816 на 15-й странице:

«Я подготовил закон, предусматривающий, что с 1 января 1939 года евреям будет запрещено иметь магазины розничной и оптовой торговли, а также собственные мастерские. Далее, им будет запрещено также держать служащих или же продавать на рынке любые готовые товары. Где бы ни вел торговлю еврейский магазин, полиция закроет его. С 1 января 1939 года еврей больше не может являться предпринимателем, как это предусматривается в законе о регулировании национального труда от 20 января 1934 года».

Я думаю, что достаточно огласить только эту выдержку. В остальной части говорится примерно то же самое.

Проект закона, составленный подсудимым Функом, быстро вышел в «Рейхсгезетцблатт». 12 ноября 1938 года подсудимый Геринг подписал декрет, озаглавленный: «Об изгнании евреев из экономической жизни Германии», и в разделе 4-м этого декрета он уполномочил подсудимого Функа обеспечить практическое выполнение этого декрета путем издания необходимых правил и постановлений. Изучение условий этого декрета, который изложен в «Рейхсгезетцблатт» 1938 года, часть 1-я, страница 1580, покажет нам, насколько хорошо обоснован его заголовок «Об изгнании евреев из экономической жизни Германии».

Вскоре после издания декрета от 12 ноября подсудимый Функ произнес речь по еврейскому вопросу. Он ясно заявил, что программа экономического преследования являлась только частью более обширной программы истребления. Он хвастливо заявил о том, что новая программа обеспечивает полное изгнание евреев из германской экономики. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3545, США-659. Этот документ, который имеется на 76-й странице книги документов, представляет собой заверенную фотокопию 2-й страницы газеты «Франкфуртер цайтунг» от 17 ноября 1938 года. Я оглашу только очень краткую выдержку из этой речи:

«Государство и экономика представляют собой единое целое. Ими следует руководить на основании одних и тех же принципов. Лучшим доказательством этого являются недавние меры по разрешению еврейской проблемы в Герма-

нии. Нельзя изгнать евреев из политической жизни и в то же время разрешить им жить и работать в экономической области».

Я не буду оглашать остальную часть и попрошу Трибунал приобщить к делу эту выдержку из немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг». Я хотел бы, однако, сослаться только еще на один декрет, который был подписан самим подсудимым Функом. 3 декабря 1938 года подсудимый подписал декрет, который предусматривал дополнительные и жестокие экономические репрессии против евреев, разрешая конфискацию и насильственную ликвидацию их собственности. Об этом говорится в «Рейхсгезетцблатт» 1938 года, часть 1-я, страница 1709. Сам подсудимый Функ признал свою ответственность за экономическое преследование евреев и выразил по этому поводу сожаление.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3544, США-660. Это последний документ в этой части обвинения — протокол допроса подсудимого Функа от 22 октября 1945 года. Вы найдете его на 102-й и 103-й страницах книги документов. Сейчас я хотел бы огласить выдержку со страниц 26 и 27 протокола допроса, немецкого перевода — 21. Хотя я намереваюсь огласить заявления подсудимого Функа в соответствующем контексте, я не намереваюсь, конечно, сколько-нибудь доверять Функу в его попытках оправдаться.

Я цитирую:

«Вопрос: Все декреты в отношении исключения евреев из промышленности были изданы Вами?

Ответ: ... Поскольку это касается моего участия в решении еврейского вопроса, это было поручено мне, и я позднее сожалел, что участвовал в этом. Партия всегда до этого оказывала на меня давление с тем, чтобы заставить меня согласиться на конфискацию еврейской собственности, а я неоднократно отказывался. Однако позднее, когда еврейские мероприятия и насилие против евреев стали осуществляться на практике, надо было, чтобы и в области законов было предпринято что-то, чтобы предотвратить разграбление и конфискацию всей еврейской собственности.

Вопрос: Вы знали, что разграбление и все остальное делалось по подстрекательству партии? Не так ли?»

Здесь подсудимый Функ расплакался и сказал:

«Именно тогда, в 1938 году, я должен был бы уйти в отставку. Я виновен. Я виновен в этом».

В министерстве пропаганды подсудимый Функ, как мы уже видели, принимал меры к объединению германского народа для войны. Когда он занял пост министра экономики, а также позднее, когда он занимал другие официальные посты, он использовал все свои способности самым прямым

образом для выполнения главной задачи заговорщиков — подготовки к войне.

Непосредственно до того, как подсудимый Функ, заменив подсудимого Шахта, занял пост министра экономики в 1938 году, была произведена коренная реорганизация функций этого министерства, в результате которой оно было объединено с управлением четырехлетнего плана в качестве высшей инстанции германской военной экономики. Эта реорганизация была проведена на основании декрета от 4 февраля 1938 года, который был подписан Герингом, как уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана. Этот декрет вы можете найти в ежемесячном официальном бюллетене, который издавался Герингом под названием «Четырехлетний план», том 2-й, 1938 год издания, страница 105. Я прошу Трибунал приобщить к делу эту публикацию без доказательств.

Сейчас я хочу указать только, что этот декрет ясно доказывает, что подсудимый Функ играл важнейшую роль в экономической мобилизации в этот решающий период.

В 1938 году ему было непосредственно поручено подготовить германскую экономику к войне. Секретным декретом он был назначен генеральным уполномоченным по вопросам экономики и к нему перешли функции, которые до него выполнял подсудимый Шахт. В этой связи я ссылаюсь на документ ПС-2194, который уже был представлен в качестве доказательства. Этот документ, который вы можете найти на 3-й странице книги документов, представляет собой письмо от 6 сентября 1939 года. Это препроводительное письмо к копии закона об обороне империи от 4 сентября 1938 года. И я сейчас хочу остановиться именно на этом приложении. Я хотел бы огласить выдержку на 4-й странице английского перевода — 2, 3, 4-й абзацы. Там говорится:

«Задача генерального уполномоченного по вопросам экономики заключается в том, чтобы использовать все экономические силы в интересах обороны империи и обеспечить в экономическом отношении существование германской нации. Ему подчинены: имперский министр экономики, имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, имперский министр труда и т. д...

Он также несет ответственность за финансирование обороны империи в рамках имперского министерства финансов и имперского банка».

Я хочу огласить еще один абзац:

«Генеральный уполномоченный по вопросам экономики должен выполнять требования ОКВ, которые имеют большое значение для вооруженных сил, и он должен обеспечить экономические условия для промышленности по про-

изводству вооружения, которая находится под непосредственным руководством ОКВ, в соответствии с ее запросами».

Затем в декрете повторяются в основном условия, которые уже были изложены в законе об обороне империи от 1935 года. Я не буду задерживать Трибунал чтением этих выдержек. Я хочу, однако, отметить, что этот закон, который по особому указанию Гитлера был секретным, подписан также подсудимым Функом в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики. Подпись Функа можно найти на предпоследней странице этого документа, и я обращаю Ваше внимание на имена тех, кто подписал этот декрет вместе с ним.

Подсудимый Функ в своей речи, произнесенной 14 октября 1939 года, пояснил, каким образом в качестве генерального уполномоченного по вопросам экономики он в течение полутора лет до начала агрессии против Польши поставил германскую экономику на рельсы войны. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3324, США-661. Этот документ представляет собою немецкую книгу, написанную Берндтом и фон Веделем, которая озаглавлена в английском переводе «Германия сражается». В книге приводится эта речь Функа. Я оглашу выдержку со 2-й страницы английского перевода документа ПС-3324, имеющегося на странице 116 книги документов. Перевод этого документа является неудачным, и с разрешения Трибунала я перефразирую этот открывок, совершенно не изменяя его смысл:

«Хотя все экономические и финансовые ведомства были загружены работой по выполнению четырехлетнего плана под руководством генерал-фельдмаршала Геринга, экономическая подготовка Германии к войне в течение более года также проводилась тайно и в другом секторе, главным образом, путем создания национального руководящего аппарата по выполнению особых военных экономических задач, которые должны были быть завершены в тот момент, когда война станет уже фактом. Для этой работы все экономические ведомства были объединены в один административный аппарат, а именно под руководством генерального уполномоченного по вопросам экономики, на пост которого фюрер назначил меня полтора года тому назад».

Председатель: *Когда это было?*

Мельтцер: *Дата этой речи — 14 октября 1939 года.*

Занимая одновременно эти два поста — генерального уполномоченного по вопросам экономики и министра экономики, подсудимый Функ, естественно, был осведомлен относительно тех требований, которые программа агрессий заговорщиков предъявляла к экономике Германии. В этой связи я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1301,

который уже был представлен в качестве доказательства. Как вспомнит Трибунал, этот документ представляет собой совершенно секретный протокол совещания, которое проводилось в кабинете подсудимого Геринга 14 октября 1938 года. Вы найдете это на 142-й странице книги документов. Я хотел бы суммировать относящиеся к делу отрывки этой речи.

На этом совещании Геринг ссылался на международную ситуацию и директиву Гитлера составить гигантскую программу вооружений. Геринг сообщил, что министерство экономики должно увеличить экспорт с тем, чтобы приобрести иностранную валюту, необходимую для выполнения этой задачи. Он добавил, что военно-воздушные силы должны возрасти в пять раз, военно-морской флот — ускорить свое вооружение, а армия — производство наступательного оружия.

Слова подсудимого Геринга о необходимости увеличения в пять раз военно-воздушных сил и ускорения производства наступательного оружия были словами человека, который уже вел агрессивную войну.

После ухода в отставку Шахта Функ стал основной фигурой в подготовке планов финансирования войны. Это было естественно, потому что Функ после 1939 года занимал три поста, которые были непосредственно связаны с финансированием военных мероприятий, а именно: министра экономики, генерального уполномоченного по вопросам экономики и в дополнение к этому президента рейхсбанка.

Роль Функа в финансировании войны ясно демонстрируется документом ПС-3562, США-662. Этот документ был обнаружен в захваченных архивах имперского министерства экономики. Он состоит частично из письма, написанного генеральным уполномоченным по вопросам экономики и подписанного от его имени доктором Поссе. Письмо датировано 1 июня 1939 года, к нему прилагается протокол совещания по вопросам финансирования войны, которое состоялось под председательством заместителя Функа — доктора Ландфрида в министерстве экономики. Копия этого документа, который уже был представлен в качестве доказательства, имеет пометку на полях на странице 1-й в левом верхнем углу, датированную 5 июня, в которой говорится: «Этот документ следует показать министру — то есть Функу — для его сведения».

В ходе совещания в присутствии 12 чиновников, 5 из которых находились в прямом подчинении у Функа, обсуждался меморандум относительно финансирования войны, подготовленный генеральным уполномоченным по вопросам экономики 9 мая 1939 года. Я хотел бы вкратце огласить вы-

держку на странице 2 английского перевода и странице 153 книги документов, имеющейся у Трибунала:

«Затем было доложено о записке, касающейся внутреннего финансирования войны от 9 мая этого года, в которой также обсуждались цифры, данные мне имперским министром финансов. Было указано, что генеральный уполномоченный по вопросам экономики заинтересован в первую очередь в том, чтобы внести в законы по вопросам финансирования войны идею финансирования военных расходов из будущих доходов, которые следует ожидать после войны».

Далее, Ваша честь, я хотел бы огласить другую краткую выдержку из этого важного меморандума на странице 2 английского перевода, что соответствует 153-й странице книги документов.

«Заместитель министра Ньюмен, во-первых, поставил на обсуждение вопрос, будет ли в состоянии промышленность выполнять все запросы армии в особенности в случае, если они, как об этом говорится в вышеупомянутом докладе, возрастут, примерно, до 14 млрд. в первые три месяца войны. Он заявил, что если за основу будет взят производственный потенциал рейха в нынешних границах, то он сомневается в возможности такого увеличения».

Ясно, что подсудимый Функ осуществлял огромную власть над значительными областями германской экономики, организация и руководство которыми имели своей конечной целью подготовку к войне. Некогда мощная германская военная машина, которая была построена на основании тщательной экономической подготовки, была обязана своим существованием также и деятельности подсудимого Функа, которая была подчинена интересам нацистской агрессии. И подсудимый Функ делал это, будучи полностью осведомленным о планах военной агрессии. Убедительный вывод о наличии такой осведомленности возникает из нескольких факторов: из длительного и тесного сотрудничества Функа с нацистскими внутренними кругами, из характера его официальных обязанностей, из господства идеи войны в нацистской Германии и из того факта, что применение силы и угрозы применить силу были главным оружием внешней политики Германии.

Последним доказательством, подтверждающим осведомленность Функа, является тот факт, что в то время, когда Функ проводил экономическую подготовку, создавались конкретные планы агрессии — планы, которые позднее проводились в жизнь, которые могли эффективно проводиться в жизнь только в том случае, если они проводились одновременно с дополняющими их экономическими мероприятиями.

Вывод об осведомленности подсудимого Функа подкрепляется конкретными документальными доказательствами, которые уже были представлены Трибуналу в свете вышеперечисленных факторов.

Мы уже видели из документа ПС-1760, что подсудимый Функ сообщил господину Мессерсмиту, что захват Австрии Германией является политической и экономической необходимостью и что он будет произведен любыми средствами. Мы уже ссылались на документ ПС-1301, в котором подсудимый Геринг давал директивы министерству экономики, которые можно рассматривать только как директивы для подготовки экономической основы агрессии. Документ ПС-3562 показывает, что подсудимый Функ готовил детальные планы финансирования войны, а именно войны против Польши. В этой связи я хотел бы сослаться на другое весьма важное доказательство, которое уже было представлено. Это письмо от 25 августа 1939 года, написанное подсудимым Функом Гитлеру. В нем, как вспомнит Ваша честь, подсудимый Функ выражал свою благодарность за то, что он живет в это историческое время и имеет возможность внести вклад в грандиозные события. Он благодарил Гитлера за то, что тот одобрил его предложения, которые были направлены на подготовку германской экономики к войне.

Более того, были представлены другие доказательства, которые показывают, что подсудимый Функ как лично, так и через своих представителей участвовал в экономическом планировании, которое предшествовало военной агрессии против Советского Союза.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1039, который показывает, что в апреле 1941 года подсудимый Розенберг, занимавшийся вопросами централизованного разрешения проблем, которые возникали в связи с оккупацией восточных территорий, то есть Советского Союза, обсуждал вместе с подсудимым Функом экономические проблемы, которые должны были возникнуть после того, как созреют планы агрессии на Востоке. В документе ПС-1939 также говорится, что подсудимый Функ назначил некоего доктора Шлоттерера своим представителем для сотрудничества с Розенбергом в связи с эксплуатацией восточных территорий и что Шлоттерер почти ежедневно встречался с подсудимым Розенбергом.

Совершенно ясно, что подсудимый Функ участвовал в каждой стадии программы заговорщиков с момента захвата ими власти и до их конечного поражения. Он всегда действовал эффективно, может быть, иногда более скрытно, чем другие, и содействовал осуществлению нацистской программы, которая с самого начала предусматривала использование безжалостного террора и насилия внутри, а в слу-

чае необходимости — вне пределов Германии. Мы утверждаем, что он несет непосредственную и огромную ответственность за совершение преступлений против человечности, преступлений против мира и военных преступлений.

Как это вытекает из предъявленных доказательств, Функ, являясь министром экономики, несет ответственность за стимулирование и проведение безжалостного преследования евреев и других меньшинств, за моральную мобилизацию германского народа для агрессивной войны и за ослабление воли и способности намеченных жертв сопротивляться агрессии заговорщиков.

Мы также считаем доказанным, что подсудимый Функ, будучи полностью осведомленным о намерениях заговорщиков, являясь министром экономики, президентом рейхсбанка и генеральным уполномоченным по вопросам экономики, активно участвовал в мобилизации германской экономики для агрессии.

Он также в качестве члена правительственного совета по вопросам обороны и центрального управления по планированию участвовал в ведении агрессивной войны. Более того, в силу того, что он был членом центрального управления по планированию, он, как вспомнит Ваша честь из выступлений господина Додда[1], подготавливал и руководил осуществлением программы порабощения, содействовал эксплуатации миллионов иностранных рабочих, и поэтому подсудимый Функ также разделяет особую ответственность за нацистскую программу рабского труда.

Б. О. БРАЙСОН (США)

Об индивидуальной ответственности Шахта[2]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 10 и 11 января 1946 г.

Наши доказательства по делу подсудимого Шахта ограничиваются вопросами планирования и подготовки агрессивной войны и участия в заговоре, направленном на проведение агрессивной войны. В досье мы кратко изложим пределы уголовной ответственности Шахта в свете закона и Устава Трибунала. Только небольшое количество из наших 50 с лишним документов уже было представлено в качестве

[1] Выступление Т. Додда см.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. М., 1990. С. 540—599.

[2] IMT. Vol. 5. P. 119—151.

доказательств. Мы особенно стремились избежать повторений и совпадающих доказательств. Но для того чтобы последовательно излагать дело, мы хотели бы в некоторых случаях обращать внимание Трибунала на уже представленные доказательства с соответствующими ссылками на стенограмму.

Перед тем как начать представлять материалы, мы хотим сформулировать позицию обвинения о том, что контроль подсудимого Шахта над германской экономикой после ноября 1937 года стал уменьшаться и что к моменту совершения акта агрессии против Польши его официальное положение ограничивалось постом министра без портфеля и постом личного советника Гитлера. Мы также знаем, что ему иногда приписывают оппозиционные взгляды в отношении некоторых, более радикальных, элементов нацистской партии, и, насколько я понимаю, в момент, когда он был захвачен американскими войсками, он находился в заключении в немецком лагере, будучи арестованным гестапо в июле 1944 года.

Тем не менее, наши доказательства покажут, что во всяком случае до конца 1937 года Шахт был основной фигурой в деле перевооружения Германии, экономического планирования и подготовки войны, что без его работы нацисты не смогли бы выжать из своей экономики те огромные материальные ресурсы, которые были необходимы для вооруженной агрессии, что Шахт полностью, зная об агрессивных целях, посвятил свои усилия достижению этих агрессивных целей, которым он служил.

Подробные доказательства будут представлены в четырех частях. Во-первых, мы вкратце покажем, что Шахт разделял нацистскую философию до 1933 года и содействовал приходу Гитлера к власти. Во-вторых, будут представлены доказательства о вкладе Шахта в дело германского перевооружения и подготовки к войне. Эти доказательства также будут краткими, так как эти факты хорошо известны и они уже были затронуты господином Доддом в ходе представления материалов по вопросу об экономической подготовке к войне. В-третьих, мы покажем, что Шахт способствовал нацистскому заговору преднамеренно и сознательно, зная и сочувствуя незаконным целям этого заговора. Наконец, мы покажем, что потеря Шахтом власти в германском правительстве никоим образом не означала его несогласие с политикой ведения агрессивной войны.

Теперь мы обращаемся к доказательствам того, что Шахт помог Гитлеру прийти к власти.

Шахт впервые встретился с Герингом в декабре 1930 года, а с Гитлером в доме Геринга в начале января 1931 года. Гитлер произвел на него благоприятное впечатление.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-3725, США-615 — выдержку из предварительного допроса Шахта от 20 июля 1945 года. Я оглашу два вопроса и ответа относительно этой встречи.

Цитирую с середины первой страницы:

«Вопрос: Что он — то есть Гитлер — сказал?

Ответ: Идеи, которые ранее он высказывал, но эти высказывания были полны воли и духа».

И в конце страницы:

«Вопрос: Какое впечатление у Вас сложилось к концу вечера?

Ответ: Я решил, что Гитлер — человек, с которым можно сотрудничать».

После этой встречи Шахт стал союзником Гитлера и в критический политический момент в ноябре 1932 года пожертвовал своим именем в банковских и деловых кругах всего мира ради Гитлера.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-3729, США-616, состоящий из выдержек предварительного допроса Шахта от 17 октября 1945 года.

Я хотел бы процитировать начиная с 36-й страницы этого допроса. Разрешите сказать, что когда я ссылаюсь на номера страниц, я говорю о страницах книги документов.

«Вопрос: Да, и, насколько я понимаю, в то время — то есть в январе 1931 года — Вы стали способствовать приходу Гитлера к власти?

Ответ: Особенно в период 1931 и 1932 годов».

Далее, цитирую с конца 37-й страницы протокола того же допроса:

«Вопрос: Я хочу установить вот что: Вы способствовали авторитетом своего имени приходу Гитлера к власти?

Ответ: Я публично заявил о том, что ожидаю прихода Гитлера к власти. Насколько я помню, впервые я это сказал в ноябре 1932 года»...

Теперь я хочу обратить внимание Трибунала на заявление Геббельса, которое имеется в документе ПС-2409(а). Полностью дневник Геббельса представлен в качестве доказательства под номером США-262. Я хотел бы огласить запись от 21 ноября 1932 года:

«В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью разделяет нашу точку зрения. Он — один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Считается, что Шахт вступил в партию только в том смысле, что он присоединился к делу нацистов. Доктор Франц Рейтер, написавший биографию Шахта, которая была официально опубликована в Германии в 1937 году, заявил, что Шахт избегал формального членства в партии для того, чтобы оказывать ей большую помощь. Я представляю

в качестве доказательства документ ЕС-460, США-617. Это выдержки из биографии, написанной Рейтером.

Цитирую последнюю фразу этой выдержки:

«Не сделав этого, он, в конечном счете, смог больше сделать для одержания окончательной победы, чем если бы он был официальным членом партии».

Именно Шахт на встрече Гитлера с группой германских промышленников в Берлине организовал финансовую помощь, необходимую для решающих выборов в марте 1933 года. Шахт выступал в качестве спонсора или хозяина на этой встрече, когда был собран избирательный фонд из нескольких миллионов марок. Не оглашая, я хотел бы представить в качестве доказательства документ ЕС-439, США-618. Это аффидевит фон Шницлера от 10 ноября 1945 года. Я обращаю внимание Трибунала на стенограмму от 23 ноября прошлого года, страницы 282—283, где имеется текст этого письменного показания.

Дополнительные доказательства по этому вопросу также имеются в выдержке из протокола допроса Шахта от 20 июля 1945 года, часть которого я огласил пару минут тому назад.

Шахт оказал помощь Гитлеру не только потому, что он был оппортунистом, но и потому, что он разделял идеологические принципы Гитлера. Это можно увидеть, помимо записей из дневника Геббельса, в письме самого Шахта Гитлеру от 29 августа 1932 года, в котором Шахт клянется, что он будет продолжать поддерживать Гитлера после того, как последний добился плохих результатов в выборах в июле 1932 года. Я представляю это письмо в качестве доказательства, документ ЕС-457, США-619. Я цитирую из середины первого абзаца, а затем из предпоследнего.

«В эти дни Вам могут помочь несколько слов самой искренней симпатии. Ваше движение руководствуется такой внутренней правдой и необходимостью, что победа в той или иной форме надолго не сможет от Вас ускользать».

Следует напомнить, что в это время ни Гитлер, ни Шахт не были в германском правительстве. Цитирую дальше слова Шахта:

«Куда бы моя деятельность ни привела меня в ближайшем будущем, даже если Вы увидите меня когда-нибудь в крепости, Вы всегда можете надеяться на меня как на надежного помощника».

Председатель: Что означают эти слова сверху: «президент рейхсбанка в отставке»? Они имеются в письме?

Брайсон: Да, сэр. Доктор Шахт до этого был президентом рейхсбанка, но в то время, когда было написано это письмо, он был в отставке. Как Вы помните, это было до прихода Гитлера к власти.

Председатель: *Да, конечно.*

Брайсон: *А затем, после прихода нацистов к власти, Гитлер вновь назначил Шахта президентом рейхсбанка.*

Председатель: *И это он сам написал в начале письма?*

Брайсон: *Не могу этого сказать, сэр.*

Я хотел бы также указать, что Шахт закончил это письмо словом «Хайль».

Теперь обращаюсь ко второй части представляемых доказательств, к вопросу о вкладе Шахта в дело подготовки к войне. Детальная хронология официальной карьеры Шахта в нацистском правительстве уже была представлена в документе ПС-3021, США-11. Однако, может быть, будет полезным в самом начале напомнить Трибуналу, что 17 марта 1933 года Гитлер вновь назначил Шахта президентом рейхсбанка и что Шахт занимал этот пост до 20 января 1939 года, что с августа 1934 года по ноябрь 1937 года он был исполняющим обязанности министра, а затем министром экономики, а в мае 1935 года он был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. В ноябре 1937 года он покинул пост министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики и принял пост министра без портфеля, который он занимал до января 1943 года. Собственно говоря, общеизвестным фактом является то, что фактически он был экономическим диктатором Германии в течение четырех, наиболее критических лет с начала 1933 до конца 1936 года.

Шахт был вдохновителем нацистской программы расширения германской кредитной системы в целях перевооружения. С самого начала он понял, что план установления германского военного господства требовал больших сумм общественного кредита. С этой целью был проведен целый ряд мероприятий, при помощи которых все кредитные учреждения Германии были приспособлены для общей цели финансового обеспечения военной машины.

Я вкратце упомяну о некоторых из этих мероприятий. Декретом правительства от 27 октября 1933 года был навсегда отменен постоянный 40-процентный резервный фонд золота и иностранной валюты для обеспечения банкнот рейхсбанка. Законом о кредите от 1934 года правительство установило контроль над всеми кредитными учреждениями и контроль над всей банковской системой был передан в руки Шахту, являвшемуся председателем бюро по наблюдению над кредитной системой и президентом рейхсбанка. Этот закон дал возможность Шахту контролировать не только размеры кредитов, но и их использование.

29 марта 1934 года германским деловым кругам была навязана система принудительных корпоративных займов. 19 февраля 1935 года казначейство получило право брать в

долг любые суммы по утверждению рейхсканцлера, то есть Гитлера. В связи с этим я прошу Трибунал принять без доказательства «Рейхсгезетцблатт» за 1933 год, часть 2-я, страница 827; «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1-я, страница 1203; «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1-я, страница 295 и «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1-я, страница 198.

Председатель: Эти законы имеются в книге документов?

Брайсон: Нет, сэр. Я только прошу принять их без доказательства. Это опубликованные немецкие законы.

Эти мероприятия дали Шахту возможность начать проведение того, что он сам называл «смелой кредитной политикой», включая тайное финансирование широкой программы перевооружения посредством так называемых счетов МЕФО, описание которых имеется в стенограмме от 23 ноября на 295-й странице.

Представляю в качестве доказательства документ ЕС-436, США-620. Это показания Эмиля Пуля от 2 ноября 1945 года, который был членом директората рейхсбанка в то время, когда Шахт был президентом. Я цитирую второй абзац:

«В начале 1935 года возникла необходимость финансирования ускоренной программы перевооружения. Доктор Шахт, президент рейхсбанка, рассмотрев различные методы финансирования, предложил использовать счета МЕФО для того, чтобы предоставить значительную часть фондов, необходимых для проведения программы перевооружения. Этот метод имел то основное преимущество, что в течение первых лет финансирования программы перевооружения можно было сохранять секретность. Данные, указывающие на масштабы перевооружения, которые были бы опубликованы в случае использования других методов, могли держаться в секрете посредством использования счетов МЕФО.

Размеры кредитов и значение метода МЕФО можно видеть из документа ЕС-419, США-961. Это письмо министра финансов фон Крозигка Гитлеру от 1 сентября 1938 года. Цитирую следующие данные с середины первой страницы:

«Имперский долг на 31 декабря 1932 года накапливался следующим образом: фундированный долг — 10,4 миллиарда рейхсмарок; текущий долг — 2,1 миллиарда рейхсмарок. Долг, не указанный в бюджете (т. е. посредством торговли и счетов МЕФО), — 0.

На 30 июня 1938 года фундированный долг — 19 миллиардов рейхсмарок; текущий долг — 5 миллиардов рейхсмарок; долг, не указанный в бюджете (т. е. посредством торговли и счетов МЕФО) — 13,3 миллиарда рейхсмарок.

Таким образом, имперский долг утроился. Всего на 31 декабря 1932 года — 12,5 миллиарда рейхсмарок, на 30 июня 1938 года — 37,3 миллиарда рейхсмарок».

Председатель: *Прочтите, пожалуйста, следующий раздел, начиная со слов: «были приняты следующие меры».*

Брайсон: *«Были приняты следующие меры для того, чтобы покрыть расходы по вооружению за 1938 год (такие же расходы, что и в 1937 году):*

5 миллиардов из бюджета, то есть за счет налога; 4 миллиарда за счет займов; 2 миллиарда за счет шестимесячных банкнот казначейства, то есть отсрочка платежей до 1939 года. Всего 11 миллиардов».

Германский долг, таким образом, увеличился втрое под руководством Шахта. Более чем одна треть общей суммы обеспечивалась путем операций рейхсбанка посредством МЕФО и торговых векселей. Совершенно ясно, что такие масштабы финансирования, помимо обычных государственных эмиссий, следует отнести за счет долга по вооружениям.

Я далее читаю из документа ЕС-436, начиная с последнего абзаца:

«Эти счета МЕФО были использованы исключительно для финансирования перевооружения, и когда в марте 1938 года доктор Шахт объявил о новой финансовой программе без использования МЕФО, оставалось 12 миллиардов марок непогашенных счетов МЕФО, которые были выпущены для финансирования программы перевооружения».

Характер кредитной политики Шахта и тот факт, что она была направлена к созданию вооружений, видны и из его собственной речи от 29 ноября 1938 года. Я представляю эту речь в качестве доказательства ЕС-611, США-622. Цитирую начиная с последнего абзаца 6-й страницы:

«Может быть в мирное время ни один эмиссионный банк не проводил такой смелой кредитной политики, как рейхсбанк после захвата власти национал-социализмом. Однако при помощи этой кредитной политики Германия создала непревзойденную военную машину, а эта военная машина, в свою очередь, сделала возможным достижение целей нашей политики».

Помимо финансовой области, Шахт установил тоталитарный контроль над всей германской экономикой для того, чтобы приспособить ее к программе вооружения.

Он приобрел большую власть над промышленностью в результате нацистской реорганизации германской промышленности на военных основах и в соответствии с так называемым «принципом фюрерства». В этой связи я хотел бы обратить внимание Трибунала на стенограмму от 23 ноября, страницы 287—290, на издание «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1-я, страница 1194, которое я прошу Трибунал принять без доказательств.

Шахт также пользовался большой властью в качестве члена имперского совета по обороне, который был тайно

учрежден 4 апреля 1933 года и задачей которого являлась подготовка к войне. Прошу Трибунал обратить внимание на стенограмму от 23 ноября, страница 290. Я также представляю в качестве доказательства документ ЕС-128, США-623. Это доклад от 30 сентября 1934 года, в котором указываются функции министерства экономики. В докладе показано сосредоточение внимания на обычных экономических проблемах военного времени, как-то: накопление фондов, производство дефицитных товаров, перевод промышленности в безопасные районы, обеспечение военной промышленности топливом и энергией, производство станков, установление контроля за решением приоритетных для военного времени задач, нормирование продуктов, контроль над ценами, обеспечение гражданского населения продуктами и так далее. Я хотел бы огласить лишь выдержки, которые показывают компетенцию министерства экономики, начиная со 2-й страницы сверху. Это документ ЕС-128.

«После того как был учрежден имперский совет по обороне и его постоянный комитет, имперское министерство экономики получило задание проводить экономическую подготовку к войне. Нет надобности объяснять огромное значение этой задачи. Все помнят, какие ужасные последствия имела для нас недостаточная экономическая подготовленность к войне в первую мировую войну».

Наконец, в 1934 году Шахт приобрел огромную власть по закону, который давал ему право в качестве министра экономики принимать любые меры, необходимые для развития германской экономики. В этой связи я хотел бы сослаться на издание «Рейхсгезетцблатт» 1934 года, часть 1-я, страница 565, которую я прошу Трибунал принять без доказательства.

Осенью 1934 года, вскоре после того, как Шахт стал министром экономики, было объявлено о разработанном им так называемом «новом плане». В этой связи обращаю внимание Трибунала на «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, часть 1-я, страница 816, и «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1-я, страница 105, с просьбой, чтобы эти документы были приняты без доказательства.

Этот «новый план» представлял собой разработанную Шахтом программу по приобретению необходимого сырья из-за границы и иностранной валюты, требуемые для проведения программы перевооружения. Что касается подробностей этого «нового плана», то я представляю в качестве доказательства документ ЕС-437, США-624. Это аффидевит Эмиля Пуля от 7 ноября 1945 года. Весь его текст относится к делу. Поэтому я прошу разрешения представить письменное показание, данное под присягой, не оглашая его при

9 Заказ 1429

том условии, что будут подготовлены и представлены французский и русский переводы.

Председатель: *И немецкий перевод также?*

Брайсон: *Мы представим копии. Я хочу сказать, что подлинник на английском языке, но письменное показание уже переведено на немецкий.*

Председатель: *Хорошо.*

Брайсон: *Это письменное показание, данное под присягой, сотрудника Шахта подробно описывает различные хитроумные, а зачастую и безжалостные методы, которые он применял, включая заключение специальных соглашений, принуждение к выплате в рейхсмарках процентов и списанию долгов, произведенных в иностранной валюте, блокирование рейхсмарок, находящихся в руках у иностранцев, использование в одних и тех же целях временных и фондовых облигаций, прекращение выплаты по долгам, причитающимся иностранцам, замораживание иностранных претензий в Германии, устранение несущественных затрат за границей, реквизиция иностранной валюты, принадлежащей немцам, субсидирование экспорта, выпуск ограниченных марок, проведение переговоров в соответствии с клиринговыми соглашениями, контроль над всей внешней торговлей с целью приобретения сырья и иностранной валюты для перевооружения.*

Трибуналу также предлагается принять без доказательств «Рейхсгезетцблатт» за 1934 год, страница 997, «Рейхсгезетцблатт» за 1933 год, часть 1-я, страница 349, и «Рейхсгезетцблатт» за 1937 год, часть 1-я, страница 600, относительно клиринг-банка, конверсионного банка и сроков погашения иностранных займов. Все эти декреты упомянуты в письменном показании.

Шахт пошел даже на то, чтобы инвестировать принадлежащие иностранцам рейхсмарки на депозит в германские банки в авизо по перевооружению. Таким образом, как утверждал сам подсудимый, он финансировал перевооружение за счет своих политических противников. Я, не оглашая, хотел бы обратить внимание Трибунала на документ ПС-1168, США-37. Это меморандум Шахта Гитлеру от 3 мая 1934 года, который уже имеется в стенограмме на страницах 412 и 413. Кроме того, Шахт даже использовал смертную казнь для того, чтобы предотвратить потери иностранной валюты, когда началась утечка капиталов из Германии. В этой связи я ссылаюсь на закон об экономическом саботаже, «Рейхсгезетцблатт» за 1936 год, часть 1-я, страница 999, и прошу Трибунал принять его без доказательств.

Шахт был чрезвычайно горд теми результатами, которые были достигнуты при помощи строгого контроля, установленного в соответствии с его «новым планом». Я обра-

щаю внимание Трибунала на документ ЕС-611, США-622. Это речь Шахта в Берлине 29 ноября 1938 года. Я хотел бы огласить выдержку на 10-й странице, сверху:

«Если в "новом плане" есть что-либо замечательное, то это то, что германская организация под руководством национал-социализма смогла в течение очень короткого времени установить целый аппарат надзора за импортом, руководства экспортом и содействия экспорту. Несколькими цифровыми данными можно доказать успех "нового плана". Количественно импорт готовых изделий был сокращен на 63 процента в период с 1934 по 1937 год. С другой стороны, импорт руды увеличился на 132 процента, нефти — на 116 процентов, зерна — на 102 процента и резины — на 71 процент».

Будучи президентом рейхсбанка и министром экономики, Шахт занял еще один важный пост, а именно — пост генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. Он получил это назначение от Гитлера в соответствии с неопубликованным законом об обороне империи, который был тайным образом принят 21 мая 1935 года. Этот закон уже был представлен в качестве доказательства под номером ПС-2261, США-24.

Этот документ содержит письмо фон Бломберга от 24 июня 1935 года главнокомандующим сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, а также копии закона об обороне империи и правительственный меморандум, относящийся к этому вопросу. Выдержки из этого документа и комментарии к нему можно найти в стенограмме от 23 ноября, страницы 278 и 292. Поэтому я лишь укажу, что в силу этого назначения в руки Шахта было передано все экономическое планирование и подготовка к войне в мирное время, за исключением некоторых областей производства вооружения, находившихся под контролем военного министерства. Когда началась подготовка к войне, он стал экономическим диктатором Германии и получил полный контроль над деятельностью ряда ключевых имперских министерств.

Шахт назначил в качестве своего заместителя Вольтата и создал аппарат для проведения в жизнь своих директив. В этой связи я представляю в качестве доказательства выдержки из предварительного допроса Шахта от 17 октября 1945 года. Это документ ПС-3729, США-616. Я хотел бы огласить вопрос и ответ, которые имеются в конце 40-й страницы документа.

«Вопрос: Разрешите мне задать Вам общий вопрос: вы берете на себя ответственность в качестве уполномоченного по вопросам военной экономики за выступления и действия Вольтата и его помощников?

Ответ: Я вынужден это сделать».

Я также представляю в качестве доказательства документ ЕС-258, США-625. Это доклад, изданный в декабре 1937 года и подписанный заместителем Шахта — Вольтатом. Доклад озаглавлен: «Подготовка к экономической мобилизации, проводимая уполномоченным по вопросам военной экономики».

Шахт ушел с этого поста незадолго до составления данного отчета, который, очевидно, представляет собой подведение итогов его достижений. Ввиду того, что весь текст относится к делу, мы просим разрешения представить его, не оглашая, при условии, что переводы на французский и русский языки будут представлены Трибуналу позднее.

В этом документе указывается, что до ухода в отставку Шахт разработал с поразительной детальностью планы и подготовительные мероприятия по руководству экономикой на период предстоящей войны. Например, было обследовано 180 тысяч промышленных предприятий и 300 отраслей промышленности с точки зрения их полезности для военных целей; разработаны экономические планы проиводства 200 видов основных материалов, а также система военных контрактов; установлено распределение угля, горючего и электроэнергии. 248 миллионов рейхсмарок затратили на постройку одних только складов. Были разработаны планы вывоза военных материалов и эвакуации квалифицированных рабочих из зоны военных действий, напечатаны и распределены по районам 80 миллионов продуктовых карточек на время войны. Была составлена картотека квалификации около 22 миллионов рабочих.

Господа судьи. Прежде чем продолжать представлять доказательства об ответственности подсудимого Шахта, я бы хотел сообщить следующее.

Председатель Трибунала задал вопрос относительно документа ЕС-457, США-619. Этот вопрос касался слов: «Президент рейхсбанка в отставке» на письме Шахта Гитлеру в 1932 году. Это то письмо, в котором Шахт выразил свою уверенность в правоте нацистского движения и сказал, что Гитлер всегда может рассчитывать на него как на надежного помощника. Сверху на бланке напечатано: «Президент рейхсбанка», а после этого на машинке допечатаны буквы «а. Д.». Насколько я понимаю, это сокращение немецкой фразы «в отставке». В Германии было обычным добавлять эти две буквы для чиновников в отставке...

Мы почти закончили представление доказательств относительно вклада подсудимого Шахта в дело подготовки к войне. Я хотел бы представить еще один документ по этому вопросу. Это документ ЕС-451, США-626. Он представляет собой заявление Джорджа Мессерсмита, генерального кон-

сула Соединенных Штатов в Берлине с 1930 по 1934 год. Я цитирую, начиная со второй фразы 4-го абзаца:

«Его — то есть Шахта — финансовые способности дали возможность нацистскому режиму в начальный период заложить финансовые основы для огромной программы вооружения и создали условия для ее осуществления.

Если бы не его усилия, — это не мое личное мнение, а точка зрения, которую, как мне кажется, разделяли и разделяют все обозреватели того времени, — нацистский режим не смог бы сохраниться и осуществлять контроль над Германией, а тем более не мог бы создать огромную военную машину, которая была необходима для достижения его целей в Европе, а позднее и во всем мире.

Усилившаяся промышленная деятельность Германии, связанная с перевооружением, сделала необходимым значительное увеличение импорта сырья и понижение экспорта. Однако Шахту, со всей его изобретательностью, полной финансовой бессовестностью и абсолютным цинизмом, удалось создать и поддерживать благоприятное для нацистов положение. Несомненно, что если бы он не предоставил в распоряжение нацистского правительства свои способности, Гитлер и нацисты не могли бы создать вооруженные силы, достаточные для того, чтобы Германия могла развязать агрессивную войну».

Председатель: *Лейтенант Брайсон, по-моему, это не дает полного и вполне правильного представления об этом документе. Может быть, предыдущий абзац тоже следует огласить.*

Брайсон: *Предыдущий абзац, сэр?*

Председатель: *Да.*

Брайсон: *«Доктор Шахт всегда пытался вести двойную игру. Он сказал мне, — и я знаю, что он говорил это другим американским представителям в Берлине, а также различным английским представителям, — что не согласен почти со всем тем, что делают нацисты. Я вспоминаю, как после прихода нацистской партии к власти он несколько раз говорил, что если нацисты не будут остановлены, они приведут Германию и весь мир к гибели. Я точно вспоминаю, что он подчеркивал, что нацисты неминуемо вовлекут Европу в пучину войны».*

Я также хотел бы огласить последний абзац:

«По моему мнению, Шахт никоим образом не был пленником нацистов. Его не принуждали посвящать свое время и свои способности их интересам. Его положение было таковым, что, вероятнее всего, он мог бы ограничить свою деятельность или вообще отказаться от работы. Однако он продолжал из оппортунистических соображений предоставлять свои способности в распоряжение нацистов».

Теперь мы обращаемся к третьей части обвинения по делу Шахта. Доказательства ясно показывают, что он с готовностью посвящал свои усилия содействию нацистского заговора, хорошо зная о его агрессивных целях. Как Трибунал помнит из наших доказательств, Шахт присоединился к нацистской философии в 1931 году и способствовал приходу Гитлера к власти в 1933 году.

Теперь мы докажем, во-первых, что Шахт лично выступал за агрессию, а во-вторых, что он, во всяком случае, знал об агрессивных намерениях Гитлера. Имеющиеся доказательства дают основание полагать, что Шахт перевооружал Германию для того, чтобы добиться осуществления своей веры в агрессивную экспансию как орудие германской национальной политики. В течение долгого времени Шахт был германским националистом и стоял за экспансию. Он выступал против Версальского договора еще в 1927 году в Штутгарте.

Представляю в качестве доказательства документ ЕС-415, США-627, который состоит из выдержек из речей Шахта. Цитирую со 2-й страницы сверху:

«Версальский договор не может быть вечным документом, потому что не только его экономические, но и его духовные и моральные предпосылки неправильны».

Общеизвестно, что Шахт энергично выступал за приобретение колоний Германией, а также соседних территорий в Европе.

Председатель: *Будете ли Вы читать следующую выдержку несколько позднее?*

Брайсон: *Да, на более поздней стадии, сэр, в связи с другим вопросом.*

Председатель: *Хорошо. Продолжайте.*

Брайсон: *16 апреля 1929 года на Парижской конференции, в связи с репарациями, он заявил:*

«В общем и целом Германия может платить только в том случае, если "польский коридор" и Верхняя Силезия будут отняты у Польши и возвращены Германии и если где-нибудь на земле будут найдены колонии для Германии».

Биддл: *Откуда Вы читаете?*

Брайсон: *Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-3726, США-628, который являет собой выдержки из предварительного допроса Шахта от 24 августа 1945 года. Вы найдете его в конце книги документов. Он озаглавлен: «Допрос от 24 августа». В начале 1-й страницы протокола говорится о том, что это заявление было зачитано Шахту, и в своем ответе он признал, что сделал это заявление. В ответ он сказал:*

«Уже доказано, что Германия не смогла платить в период после того, как я сделал это заявление, а то, что Герма-

ния не будет в состоянии платить после этой войны, будет доказано в будущем».

Я хотел бы указать, что в сентябре 1939 года акт агрессии был совершен именно в отношении этой территории, то есть «коридора» и Верхней Силезии.

В 1935 году Шахт решительно заявил, что Германия, если необходимо, приобретет колонии силой. Я представляю в качестве доказательства документ ЕС-450, США-629. Этот документ представляет собой письменное показание С. Р. Фуллера, а также запись его беседы с Шахтом в американском посольстве в Берлине 23 сентября 1935 года. Я хотел бы процитировать этот документ, где во второй половине 6-й страницы имеется заявление Шахта.

Председатель: Каким числом датирована эта беседа?

Брайсон: Беседа состоялась 23 сентября 1935 года. Номера страниц этого документа обозначены внизу. Цитирую с 6-й страницы:

«Шахт: Колонии необходимы Германии. Если возможно, мы приобретем их путем переговоров, если нет — мы захватим их».

В июле 1936 года, когда германская программа перевооружения уже проводилась, Шахт вновь публично выступал по вопросу о Версальском договоре. На этот раз его высказывание содержало скрытую угрозу войны.

Я вновь обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-415, США-627. Это сборник речей Шахта. Я хотел бы процитировать абзац в середине 1-й страницы:

«Но память о войне продолжает довлеть над умами людей. Это потому, что болят не физические, а моральные раны, нанесенные так называемыми мирными договорами. Материальные потери можно возместить трудом, но моральный ущерб, который был нанесен побежденным народам посредством мирных диктатов, оставляет жгучую рану на совести народа. Дух Версаля увековечил страсти войны и не будет истинного мира, прогресса или восстановления до тех пор, пока мир не отречется от этого духа. Германский народ никогда не перестанет высказывать это предупреждение».

Позднее, в том же году, Шахт публично выступал за доктрину «жизненного пространства» для германского народа. Я вновь цитирую из документа ЕС-415, США-627. Это выдержка из речи Шахта во Франкфурте 9 декабря 1936 года, на 2-й странице, последний абзац:

«Германия не имеет достаточного жизненного пространства для своего населения. Она предприняла максимальные усилия, во всяком случае бо́льшие усилия, чем какая-либо другая нация, для того, чтобы выжать из этого жизненного пространства все, что необходимо для обеспе-

чения ее существования. Однако, несмотря на все усилия, это пространство недостаточно».

В январе 1937 года Шахт в беседе с послом Дэвисом, выдвигая требования о колониях, угрожал нарушить мир. Я представляю в качестве доказательства документ Л-111, США-630, который является выдержкой из доклада от 20 января 1937 года посла Дэвиса государственному секретарю США. Я хотел бы привести цитату, начиная со второй фразы второго абзаца:

«Он — то есть Шахт — заявил следующее: нынешнее положение германского народа — невыносимое и отчаянное, и его правительство уполномочило его представить предложения Франции и Англии, которые:

1) будут гарантировать европейский мир, 2) обеспечат нынешние международные границы в Европе, 3) сократят вооружение, 4) создадут новую форму действенной Лиги наций, 5) устранят санкции и создадут новый механизм для совместной администрации.

Все это должно быть основано на передаче Германии колоний, которые обеспечили бы ей пространство для ее населения и источник продовольствия, жиров и сырья».

В декабре 1937 года посол Додд отметил в своем дневнике, что Шахт готов пойти на войну ради приобретения новых территорий в Европе. Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-461, состоящий из выдержек из дневника посла Додда.

Председатель: Предложения в документе Л-111 касались передачи колонии?

Брайсон: Да, сэр.

Теперь я перехожу к документу ЕС-461, США-58, состоящему из выдержек из дневника посла Додда. Весь дневник уже был представлен в качестве доказательства. Я цитирую некоторые заметки о беседе с Шахтом 21 декабря 1937 года, начиная с конца 2-й страницы документа ЕС-461, последний абзац:

«Шахт имеет в виду то же самое, что руководители армии в 1914 году, когда они вторглись в Бельгию, надеясь разбить Францию в шесть недель, а именно, господство и аннексию соседних малых стран, особенно на севере и востоке, и установление господства над ними. Несмотря на то, что ему не нравится диктатура Гитлера, он, как и большинство других видных немцев, желает аннексии, если возможно, без войны или с войной, если США будут держаться в стороне».

Председатель: Имеется еще одна выдержка в этом дневнике, я не знаю, от того же числа она или нет, но она имеется на 1-й странице документа, кажется, третий абзац. Это относится к другому времени?

Брайсон: *Да, сэр, к другому.*

Председатель: *19 сентября какого года?*

Брайсон: *Можно проверить по той книге, которую мы имеем. Через минуту я смогу Вам сообщить дату. Пока, может быть, мне огласить эту выдержку?*

Председатель: *Да, я думаю, Вы можете ее огласить.*

Брайсон: *«После этого он признал, что гитлеровская партия связала себя обязательством начать войну и сам народ готов к этому и согласен на это. Только небольшое количество правительственных чиновников понимают опасность и выступают против».*

В конце он сказал:

«Но если мы отложим это на десять лет, тогда, может быть, можно будет совсем избежать войны».

Председатель: *По-моему, нужно огласить и следующий абзац.*

Брайсон: *«Я напомнил ему о его речи в Бад-Эйльсене недели две тому назад и сказал: "Я в основном согласен с Вами по торговым и финансовым вопросам, но когда Вы выступаете публично, почему Вы не говорите немецкому народу, что он должен отвергнуть установку на войну?" — Он ответил: "Я не смею этого сказать. Я могу высказываться только по тем вопросам, которыми сам занимаюсь"».*

Председатель: *И следующий абзац.*

Брайсон: *«"Как же тогда германский народ может узнать об истинных опасностях войны, если никто не излагает ему эту сторону вопроса?" Он вновь подтвердил свои возражения против войны и сказал, что он использовал свое влияние на Гитлера — "самого великого человека" — прервал он себя — для того, чтобы предотвратить войну. Я сказал, что немецкие газеты опубликовали то, что я сказал в Бремене относительно торговых отношений между нашими странами, но ни одного слова не опубликовали об ужасных последствиях и варварстве войны. Он согласился с этим и говорил в очень недовольных тонах о министерстве пропаганды, которое исключает все, что ему не нравится. Когда я уходил, он добавил: "Вы знаете, партия приходит к власти с помощью пропаганды, а потом она не может ни отказаться от этой пропаганды, ни прекратить ее"».*

Эта беседа состоялась в сентябре 1934 года.

Председатель: *Жалко, что на документе не указаны годы, ибо создается неправильное впечатление.*

Брайсон: *На документе, который представляется в качестве доказательства, будут указаны даты.*

Председатель: *Я не Вас виню, но создается неправильное впечатление: здесь указана дата 19 сентября, а на следующем документе — 21 декабря. На самом же деле между этими двумя документами интервал в три года. Это имеет значение, не правда ли?*

Брайсон: *Да, это правильно, сэр. К сожалению, на самих выдержках имеются только страницы документа, а не даты.*

Известно, что Шахт использовал все ресурсы Германии для того, чтобы создать вооруженные силы, которые бы дали Гитлеру возможность осуществить его желание получить «жизненное пространство». В этой связи я представляю документ ЕС-369, США-631, который представляет собой меморандум от 7 января 1939 года, исходящий от правления рейхсбанка, подписанный Шахтом и адресованный Гитлеру. Я хотел бы прочитать последний абзац 1-й страницы:

«С самого начала рейхсбанк отдавал себе отчет в том, что успешная внешняя политика может быть проведена только путем перестройки германских вооруженных сил. Он — то есть рейхсбанк — поэтому в значительной мере взял на себя ответственность за финансирование программы перевооружения, несмотря на то, что это угрожало стабильности валюты. Этого требовала необходимость, которая заслоняла собой все другие соображения — необходимость немедленного и тайного проведения программы вооружения для того, чтобы делать возможным проведение внешней политики, которая вызывала бы уважение».

Совершенно ясно, что «успешная внешняя политика», которая, по мнению Шахта, способствовала перевооружению, включала присоединение Австрии и Чехословакии. Представляю в качестве доказательства документ ЕС-297(а), США-632. Это речь Шахта в Вене после аншлюса в марте 1939 года. Цитирую второй абзац на 3-й странице:

«Слава Богу, это не могло помешать великому германскому народу продолжать свой путь, потому что Адольф Гитлер объединил германскую волю и германскую мысль. Он подкрепил это вновь усиленными вооруженными силами и, в конце концов, он придал внешнюю форму внутреннему единству между Германией и Австрией».

Что касается Судетской области, то я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-611, США-662.

Это речь, произнесенная Шахтом 29 ноября 1938 года, вскоре после заключения Мюнхенского соглашения. Я уже цитировал замечание о том, что успех Гитлера на этой конференции объясняется перевооружением, которое было осуществлено при помощи финансовых и экономических мероприятий Шахта.

Эти доказательства показывают, что Шахт придерживался агрессивных взглядов в отношении территориальной экспансии, и дают основание заявить, что он присоединился к Гитлеру в силу общности их взглядов.

Теперь мы обращаемся к доказательствам того, что Шахт, независимо от того, хотел он войны или нет, но во

всяком случае, знал о том, что Гитлер планировал военную агрессию, для которой он создавал соответствующие предпосылки. В период с 1933 по 1937 год он имел многочисленные беседы с Гитлером. Он знал, что Гитлер был полон решимости повести экспансию на Восток, которая должна была привести к войне, и что Гитлер считал, что он должен подарить германскому народу военную победу.

В качестве доказательства я представляю документ ПС-3727, США-633, состоящий из выдержек из протокола предварительного допроса Шахта от 13 октября 1945 года. Я цитирую со 2-й страницы после второго вопроса:

«Вопрос: Какие его — то есть Гитлера — высказывания заставили Вас считать, что он намеревается двинуться на Восток?

Ответ: Это есть в "Майн Кампф". Он со мной об этом никогда не говорил, но в "Майн Кампф" это написано.

Вопрос: Другими словами, как человек, который читал эту книгу, Вы понимали, что гитлеровская политика экспансии была направлена на Восток?

Ответ: На Восток.

Вопрос: И Вы считали, что лучше будет попытаться отговорить Гитлера от этого намерения, а вместо этого побудить его проводить колониальную политику?

Ответ: Совершенно верно».

Я также представляю в качестве доказательства документ ЕС-458, США-634. Это аффидевит майора Эдмунда Тилли от 21 ноября 1945 года относительно опроса Шахта 9 июля 1945 года. Цитирую второй абзац:

«В ходе опроса Шахт заявил, что в период с 1933 по 1937 год он имел многочисленные беседы с Гитлером и на основании их у него создалось впечатление, что с целью укрепления своего положения и положения правительства фюрер считал необходимым подарить германскому народу военную победу».

Еще в 1934 году Шахт заявил, что нацисты ввергнут Европу в войну. Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-451, США-626. Это аффидевит Мессерсмита от 15 ноября 1945 года, бывшего американского генерального консула в Берлине с 1930 по 1934 год. Я хочу процитировать... первую фразу четвертого абзаца 1-й страницы:

«Однако, несмотря на его критические выступления, протесты, он своими действиями показал, что был орудием осуществления всей нацистской программы и что он предоставлял свои исключительные знания и умение для осуществления этой программы»...

В сентябре 1934 года посол Додд записал в своем дневнике беседу с сэром Эриком Фиппсом в британском посольстве в Берлине. Господа судьи, я не буду сейчас ог-

лашать этот документ, потому что в ответ на вопрос Трибунала я уже процитировал выдержку, которая касается того же вопроса, о котором я собирался сейчас говорить.

Я только что указал, что в сентябре 1934 года Шахт сообщил послу Додду, что он знает о военных планах нацистской партии. И, как мы уже говорили, в 1935 году Шахт заявил, что Германия, если необходимо, приобретет колонии силой. В то время он должен был знать, как далеко был готов идти Гитлер.

После совещания имперских министров 27 мая 1936 года в Берлине Шахт должен был знать, что Гитлер намеревался развязать войну. Как господа судьи помнят, мы уже указывали на то, что на этом совещании подсудимый Геринг, который был очень близок к Гитлеру, заявил, что все меры должны быть рассмотрены с той точки зрения, что наверняка будет вестись война и что ожидать новых методов уже нецелесообразно.

Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1301, США-123.

31 августа 1936 года военный министр фон Бломберг послал Шахту копию своего письма подсудимому Герингу. Я вновь обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1301 и цитирую с середины 19-й страницы. Номера страниц на этом документе имеются в верхнем углу слева.

«Согласно приказу фюрера, создание всех авиационных частей должно быть завершено к 1 апреля 1937 года. Поэтому в 1936 году должны быть сделаны значительные затраты, которые при составлении бюджета 1936 года были намечены лишь на последующие годы».

Это увеличение темпов проведения авиационной программы должно было указать Шахту на близость войны, которую подготавливал Гитлер. Я также представляю в качестве доказательства документ ЕС-416, США-635. Это протокол совещания совета министров от 4 сентября 1936 года, на котором присутствовал Шахт. Цитирую заявление Геринга, которое имеется на 2-й странице сверху:

«Фюрер и рейхсканцлер передал генерал-полковнику и имперскому военному министру меморандум, который представляет собой общие инструкции к выполнению задачи. Эти инструкции основаны на том, что столкновение с Россией неминуемо должно произойти».

Таким образом, Шахт знал, что Гитлер ожидал войну с Россией. Он также знал о целях Гитлера на Востоке. Для него поэтому должно было быть ясным, что русское сопротивление германской военной экспансии в этом направлении должно было привести к войне, то есть Шахт знал, что Германия начнет агрессивную войну.

Как Трибунал помнит, в январе 1937 года Шахт заявил послу Дэвису, находившемуся в Берлине, что он «был уполномочен правительством» представить некоторые предложения Франции и Англии, которые фактически являлись требованиями о предоставлении колоний под угрозой войны. Если Шахт действовал по указаниям Гитлера, он должен был знать об агрессивных намерениях Гитлера в то время.

В ноябре 1937 года Шахт знал, что Гитлер был полон решимости приобрести Австрию и добиться, по крайней мере, автономии для немцев в Богемии, а также что у Гитлера были намерения в отношении Польского коридора.

Обращаю внимание Трибунала на документ Л-151, США-70. Это письмо, содержащее запись беседы Шахта с послом Буллитом 23 ноября 1937 года. Цитирую последний абзац на 2-й странице:

«Гитлер был полон решимости в конечном счете присоединить Австрию к Германии и добиться по крайней мере автономии для немцев в Богемии. В настоящее время он не очень интересуется Польским коридором, а по его — то есть Шахта — мнению, может быть, будет возможно сохранить коридор при условии, что Данциг будет присоединен к Восточной Пруссии и что будет создан какой-то мост через коридор для соединения Данцига и Восточной Пруссии с Германией.

В тот момент Шахт говорил не только за Гитлера, но и за себя. Как мы знаем, в речи 29 марта 1938 года в Вене он проявил большой энтузиазм по поводу аншлюса. Даже тогда он настойчиво содействовал его осуществлению. Обращаю внимание Трибунала на страницы 506—507 стенограммы, где имеется доказательство того, что Шахт субсидировал предварительные нацистские акции в Австрии.

Помимо вышеизложенных прямых доказательств, мы просим Трибунал учесть тот факт, что для такого человека, как Шахт, сами события этого периода должны были раскрыть намерения Гитлера. Шахт был близким сподвижником Гитлера и членов кабинета в период нацистских акций в Австрии, введения воинской повинности, оккупации Рейнской области, свержения республиканского правительства в Испании, захвата Австрии и насильственного присоединения Судетской области. В течение этого периода немецкий государственный долг утроился в результате роста вооружения, расходы на которое возросли с 750 миллионов рейхсмарок в 1932 году до 11 миллиардов рейхсмарок в 1937 году и 14 миллиардов в 1938 году. В течение всего этого времени на вооружение было затрачено 35 миллиардов рейхсмарок.

В этот период самым актуальным вопросом европейской внешней политики было удовлетворение притязаний Германии на дополнительные территории. Гитлер, проводивший политику экспансии, шел на большой риск во внешней политике и подчеркивал необходимость усиления темпов подготовки к войне.

Конечно, в такой обстановке Шахт не мог не знать, что он помогал Гитлеру и Германии двигаться по пути к вооруженной агрессии.

Теперь мы обращаемся к последней части наших доказательств, а именно — к вопросу о потере Шахтом власти при гитлеровском режиме. В ноябре 1937 года Шахт ушел в отставку с поста министра экономики и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. В то время он принял пост министра без портфеля и оставался президентом рейхсбанка. Наши доказательства покажут, что:

а) Эта смена постов была лишь столкновением интересов двух личностей, которые стремились к власти — Геринга и Шахта. В ходе этого столкновения победил Геринг, который ближе стоял к Гитлеру.

б) Их расхождения по политическим вопросам касались лишь методов вооружения.

в) Потеря Шахтом власти ни в коем случае не означает, что он не был готов способствовать вооруженной агрессии.

Между Герингом и Шахтом произошло столкновение по политическому вопросу, но оно касалось лишь методов, а не вопроса о желательности вести подготовку к войне. Шахт делал основной упор на внешнюю торговлю, как на необходимый источник материалов для перевооружения в течение переходного периода, пока Германия не готова нанести удар. Геринг выступал за то, чтобы Германия сама обеспечивала себя всем необходимым. Гитлер поддерживал Геринга. Шахт, самолюбие которого было затронуто тем, что Геринг вмешался в сферу экономики, в конце концов ушел в отставку.

Ссылаюсь на документ ПС-1301, США-123. Это запись беседы Шахта с Томасом от 2 сентября 1936 года. Эта запись имеется на 21-й странице документа. Цитирую:

«Сегодня в 13.00 меня вызвал президент Шахт и попросил передать военному министру, что он не может согласиться с экономической программой, которую планирует принять фюрер.

Фюрер хочет выступить на партийном съезде по вопросам экономической политики и подчеркнуть, что теперь мы хотим освободиться от зависимости от внешнего мира путем развития эффективного производства в Германии.

Шахт убедительно просит, чтобы военный министр попытался убедить Гитлера не делать этого».

Тремя абзацами ниже говорится:

«Если мы будем кричать о том, что мы хотим быть независимыми в экономическом отношении, тогда мы сами перережем себе горло, потому что мы не сможем пережить переходный период».

Тем не менее, через несколько дней Гитлер объявил в Нюрнберге о принятии четырехлетнего плана экономической независимости, и, вопреки желаниям Шахта, Геринг был назначен уполномоченным по осуществлению этого четырехлетнего плана.

В настоящий момент я снова обращаю внимание Трибунала на допрос Шахта от 16 октября 1945 года, документ США-636. Я хочу процитировать начиная с конца 9-й страницы:

«Вопрос: Когда началось проведение четырехлетнего плана?

Ответ: Об этом было объявлено в сентябре 1936 года, в день съезда партии.

Вопрос: Вы хотите сказать, что с того момента, когда в сентябре 1936 года был принят четырехлетний план, Вы были готовы отказаться от своих обязанностей в области экономики?

Ответ: Нет, в то время я думал, что я смогу сохранить свое положение даже против Геринга.

Вопрос: Да? В каком смысле?

Ответ: Чтобы он не вмешивался в мои дела в министерстве.

Вопрос: На самом деле Вы не были довольны его назначением?

Ответ: Я бы не назначил такого человека, как Геринг, который ничего не понимал в этих вопросах».

Между Шахтом и Герингом немедленно начался конфликт относительно соответствующей компетенции. 26 ноября 1936 года Геринг издал директиву относительно производства сырья и синтетических материалов. Представляю в качестве доказательства документ ЕС-243, США-637. Этот документ представляет собой копию этой директивы, которая показывает, что управление Геринга по вопросам производства сырья и синтетических материалов установило контроль над крупнейшими экономическими районами, ранее находившимися в ведении Шахта. В качестве примера я процитирую пятый абзац директивы на 4-й странице документа:

«Ответственность за планирование и определение целей, а также контроль за выполнением задач, которые должны быть осуществлены в рамках четырехлетнего плана, возлагаются на управление по германскому сырью и синтетическим материалам, которое будет выполнять функции ведомств, ранее выполнявших эту задачу».

11 декабря 1936 года Шахт был вынужден приказать всем инспекционным отделам министерства экономики принимать инструкции только от него самого. Представляю в качестве доказательства документ ЕС-376, США-638, который является циркулярным письмом Шахта от 11 декабря 1936 года всем инспекционным отделам. Цитирую второй абзац:

«Инспекционные отделы должны принимать указания только от меня. Они должны отвечать на все официальные запросы управления по германскому сырью и синтетическим материалам для того, чтобы в любое время снабдить это управление исчерпывающими сведениями...».

«Я настоящим уполномочиваю инспекционные отделы принимать необходимые самостоятельные меры. В случае если возникнут сомнения в связи с запросами из вышеназванного ведомства и эти сомнения нельзя будет устранить путем устных переговоров с сотрудниками этого ведомства, следует немедленно сообщить мне. Я дам указание о необходимых мерах в каждом отдельном случае».

Военные круги были на стороне Шахта, который так успешно осуществил перевооружение. Я представляю в качестве доказательства документ ЕС-420, США-639. Это проект меморандума военно-экономического штаба от 19 декабря 1936 года. Я хотел бы процитировать первый абзац:

«В случае войны контроль над военной экономикой в гражданской области может быть осуществлен только тем лицом, которое в мирное время проводило подготовку к войне.

В силу признания этого факта полтора года тому назад президент райхсбанка, доктор Шахт, был назначен генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики, и к его ведомству был прикреплен оперативный штаб».

Далее, второй абзац:

«Военно-экономический штаб считает, что подчинение генерального уполномоченного по вопросам военной экономики премьер-министру, генерал-полковнику Герингу, противоречило бы принципу, установленному в § 1».

В январе 1937 года еженедельная военная газета опубликовала статью, в которой восхвалялись достижения Шахта по проведению программы перевооружения. Я представляю в качестве доказательства документ ЕС-383, США-640. Этот документ содержит статью, относящуюся к делу, выдержки из которой имеются в стенограмме от 23 ноября на странице 296.

Вскоре после этого Шахт попытался определить свои отношения с Герингом путем временного отказа выполнять свои функции в качестве уполномоченного. Представляю в качестве доказательства документ ЕС-244, США-641.

Это письмо министра фон Бломберга Гитлеру от 22 февраля 1937 года. Цитирую второй абзац этого письма:

«Президент рейхсбанка, доктор Шахт, сообщил мне, что в настоящее время он не действует в качестве уполномоченного, так как, по его мнению, существуют противоречия между полномочиями, предоставленными ему, и полномочиями генерал-полковника Геринга. Ввиду этого задерживаются подготовительные мероприятия по мобилизации в экономической области».

Совершенно очевидно, что Шахт использовал в качестве рычага свои заслуги в области подготовки к войне.

Председатель*: Лейтенант Брайсон. Подсудимый Шахт признает в своем допросе, что причина ухода его в отставку заключалась в расхождениях между ним и подсудимым Герингом?*

Брайсон*: Да, сэр. Он признает, и подсудимый Геринг на допросе говорил то же самое.*

Председатель*: При этих обстоятельствах есть ли необходимость детально освещать их ссору?*

Брайсон*: Если Трибунал убежден в том, что это — причина ухода Шахта в отставку...*

Председатель*: Если они оба говорят об этом...*

Брайсон*: То есть что он ушел в отставку ввиду разногласий, существовавших между ними, а не ввиду того, что он не был в то время согласен с агрессивными целями нацистов, я вполне готов ограничить наши доказательства допросами Шахта и Геринга.*

Председатель*: А указывал ли он на допросе, что именно могло быть причиной?*

Брайсон*: Я уточню это, господин председатель. Наше дело против Шахта основывается на его участии в подготовке заговора.*

Председатель*: Если подсудимый Шахт будет строить свою защиту на том, что он ушел в отставку потому, что был против агрессивных целей, тогда для опровержения этого Вы сможете просить Трибунал выслушать Ваши контрдоказательства.*

Брайсон*: Мы можем в таком случае опустить ряд документов из своих материалов, включая те, которые касаются спора между Шахтом и Герингом, и ограничиться протоколами допросов...*

Краус *(защитник Шахта): Мы согласны с тем, что вопрос о разногласиях между Герингом и Шахтом обсуждать более не стоит. Однако защита вернется к этому, чтобы подробнее рассмотреть, в какой степени они оказали влияние на план подготовки войны.*

Брайсон: *Господа судьи, мы исключили часть наших доказательств. Я представляю лишь письмо Геринга и запись*

допроса Шахта для того, чтобы покончить с вопросом об этих разногласиях.

5 августа 1937 года Шахт написал Герингу письмо, содержащее критику, на которое Геринг ответил ему письмом на 24 страницах от 22 августа 1937 года. В письме Геринг в деталях рассматривает многочисленные разногласия между ними, и я представляю его в качестве доказательства, документ ЕС-493, США-642. Я хочу зачитать только одно положение, которое находится на середине 13-й страницы этого письма. Цитирую:

«В заключение я хочу сослаться на замечания, которые Вы сделали в одном из абзацев Вашего письма, озаглавленном "Четырехлетний план", относительно Ваших общих взглядов на мою работу в области экономической политики. Я знаю и я счастлив, что с самого начала проведения четырехлетнего плана Вы обещали мне Вашу лояльную поддержку и сотрудничество и что Вы много раз повторяли это обещание даже после того, как между нами возникли первые разногласия во мнениях и эти разногласия были устранены после подробного обсуждения. Тем не менее меня огорчает следующее. У меня создалось впечатление, которое подтверждается Вашим письмом, что Вы все более отрицательно относитесь к моей деятельности в области четырехлетнего плана. Это объясняет тот факт, что наше сотрудничество постепенно стало менее тесным».

Шахт и Геринг примирились в результате письменного соглашения 7 июля 1937 года, но затем между ними вновь возникли разногласия. Гитлер, наконец, принял отставку Шахта с поста министра экономики 26 ноября 1937 года, одновременно назначив его министром без портфеля.

Затем последовала его отставка с поста уполномоченного по вопросам военной экономики. Я не буду зачитывать, а просто представлю в качестве доказательства документ ЕС-494, США-643, который подтверждает этот факт.

И, наконец, я хочу обратить внимание Трибунала на допрос Шахта от 16 октября 1945 года. Это документ ПС-3728, США-636. Я хочу зачитать конец 12-й страницы этого документа. Цитирую:

«Ответ Шахта: Вам, возможно, будет интересно услышать, если я Вам скажу, что последний разговор, который я имел с Герингом на эту тему, произошел в ноябре 1937 года, после того как Лютер в течение двух месяцев пытался помирить меня с Герингом и побудить меня к тому, чтобы я в дальнейшем сотрудничал с Герингом и продолжал оставаться на посту министра экономики. Затем у меня был последний разговор с Герингом, и в конце этого разговора Геринг сказал: "Но я должен иметь право давать Вам приказания". Тогда я ответил: "Нет, не мне, а моему преемнику". Я никогда не принимал никаких приказов от Ге-

ринга и никогда не сделал бы этого, потому что он был профаном в экономике, а я хоть что-то, но понимал в этом вопросе.

Вопрос: Очевидно, речь шла о кульминации разросшихся личных разногласий между Вами и Герингом? Это совершенно очевидно.

Ответ: Да, конечно».

Во всех этих обильных и убедительных доказательствах нет никакого намека на то, что отставка Шахта с этих двух постов означала его разрыв с Гитлером в связи с предстоящей военной агрессией. В действительности, Гитлер был удовлетворен тем, что Шахт в дальнейшем будет продолжать вести активную деятельность в правительстве, оставаясь президентом рейхсбанка и занимая пост министра без портфеля.

Я представляю в качестве доказательства документ Л-104, США-644, который является письмом посла Додда государственному секретарю Соединенных Штатов. Это письмо датировано 29 ноября 1937 года. К нему приложен перевод письма Гитлера от 26 ноября 1937 года, адресованного Шахту. Я цитирую две последних фразы письма Гитлера, которые находятся на 2-й странице документа:

«Если я уступлю Вашему желанию, то я сделаю это с выражением глубочайшей благодарности за Ваши замечательные достижения и в счастливой уверенности, что в качестве президента имперского банка Вы дадите возможность германскому народу и мне в течение многих лет пользоваться Вашими выдающимися знаниями, способностями и Вашей неутомимой работоспособностью. Я счастлив, что в будущем Вы также соглашаетесь оставаться моим личным консультантом. Я назначаю Вас с сегодняшнего дня имперским министром без портфеля».

Шахт, очевидно, находясь в полном согласии с агрессивными целями Гитлера, продолжал свою деятельность. Он все еще был председателем рейхсбанка в то время, когда была захвачена Австрия в марте 1938 года, фактически рейхсбанк поглотил австрийский национальный банк. Здесь я хочу обратить внимание Трибунала на «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 254, и прошу принять этот документ без доказательства.

Шахт даже принимал участие в разработке плана включения Австрии в империю. В этой связи я представляю в качестве доказательства документ ЕС-421, США-645. Этот документ состоит из выдержек из протокола совещания штаба генерала Томаса от 11 марта 1938 года в 15 часов. Я цитирую из этого документа:

«Подполковник Гюнерм зачитал директиву фюрера от 11 марта, касающуюся операции "Отто", и информировал нас, что Закон о военной экономике с этого дня входит в

силу. Затем он зачитал обе директивы и дал специальное указание войскам перейти австрийскую границу. После этого, по предложению Шахта, было решено, что не будет сделано никаких реквизиций и все финансовые расчеты должны будут производиться в рейхсмарках по курсу два шиллинга за одну рейхсмарку».

Этот факт перерасчета австрийских шиллингов на марки Трибунал также, я надеюсь, примет без доказательства, согласно «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 405.

Трибуналу, конечно, уже известно, что Шахт в своей речи 21 марта 1938 года в Вене публично высказывался за аншлюс.

Господа судьи также помнят, как гордился Шахт тем, что Гитлер сумел использовать перевооруженные германские военные силы в Мюнхене. Он высказал это в своей речи от 29 ноября 1938 года. Обе эти речи были произнесены после его отставки в ноябре 1937 года.

Мы теперь переходим к вопросу об уходе Шахта с поста президента рейхсбанка в январе 1939 года. Причина этого ухода абсолютно ясна. Шахт потерял веру в кредитные возможности империи и был парализован страхом финансового краха. Он чувствовал, что максимальный уровень производства уже достигнут. Таким образом, увеличение циркуляции банкнот только сделало бы деньги более дешевыми и привело бы к инфляции. При такой точке зрения он уже был бесполезен для Гитлера, который собирался нанести удар и хотел использовать каждый пфенниг возможного государственного кредита для военных целей.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-369, США-631.

Этот документ представляет собой меморандум директората рейхсбанка Гитлеру, датированный 7 января 1939 года, в котором Шахт подробно излагает свои опасения по поводу инфляции. О серьезности ситуации говорит весь текст этого меморандума. Я хочу процитировать несколько важнейших заявлений, одно из которых находится в последнем абзаце 3-й страницы, вторая фраза:

«Мы, однако, стоим перед фактом, что примерно 3 миллиарда рейхсмарок таких затрат не могут быть теперь оплачены, хотя оплата их должна быть произведена в 1939 году».

Я цитирую теперь начало 4-й страницы:

«Исключая рейхсбанк, имеется, примерно, 6 миллиардов счетов МЕФО, которые могут быть дисконтированы и которые могут подлежать оплате наличными деньгами в рейхсбанке в любое время, что представляет постоянную опасность для стабильности курса».

И, наконец, я цитирую последний абзац меморандума:

«Мы убеждены, что влияние на стабильность курса, оказанное политикой последних 10 месяцев, может быть устранено так же, как и опасность инфляции, твердым проведением в жизнь сбалансированного бюджета. Фюрер и рейхс-канцлер сам публично и неоднократно отвергал инфляцию как глупую и бесполезную меру.

Поэтому мы предлагаем следующие меры:

1) Империя и все ее государственные учреждения не должны производить расходов, давать гарантий и брать на себя обязательства, которые не могут быть оплачены за счет налогов или тех фондов, которые можно получить в результате займов, не нарушая рынок долгосрочных инвестиций.

2) Для того чтобы провести эти меры эффективно, должен быть установлен полный контроль со стороны рейхсминистра финансов над всеми государственными расходами.

3) Контроль над ценами и зарплатой должен проводиться эффективно, а существующие непорядки должны быть устранены.

4) Использование денежного рынка и капиталовложений должно быть передано исключительно на усмотрение рейхсбанка».

Совершенно ясно, что опасения Шахта были вполне искренни и являются достаточным объяснением его ухода в отставку. Он имел достаточно причин, чтобы опасаться. Фактически министр финансов уже в сентябре 1938 года признал, что положение было опасно.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ЕС-419, США-621, который состоит из письма, датированного 1 сентября 1938 года, Крозигка Гитлеру, в котором Крозигк предупреждает Гитлера о нависшей опасности финансового кризиса.

Я цитирую конец 2-й страницы...

Председатель: Быть может, это доказательство аналогично тем, что Вы уже оглашали.

Брайсон: Хорошо, я пропущу его.

Шахт боялся не только финансового кризиса, он опасался, что лично будет первым отвечать за него. Я представляю в качестве доказательства письменное показание, данное под присягой Эмилем Пулем, директором рейхсбанка, 8 ноября 1945 года. Это документ ЕС-438, США-646. Я зачитаю из этого документа, начиная с конца 2-й страницы:

«Когда Шахт увидел, что опасная ситуация, которую он санкционировал, становится все более неразрешимой, он все сильнее стремился выпутаться из создавшегося положения. Желание выпутаться из опасного положения в течение долгого времени было лейтмотивом разговоров Шахта с директорами банка».

В конце концов, Шахт избежал последствий, намеренно спровоцировав свою отставку.

Я представляю документ ПС-3731, США-647, который содержит выдержки из допросов Крозигка, произведенного 24 сентября 1945 года. Я хочу зачитать несколько заявлений Крозигка, начиная с самого конца 2-й страницы:

«Я спросил Шахта, финансировать ли империю до конца месяца сотней или двумя сотнями миллионов. Это была совершенно обычная процедура, которой мы пользовались в течение многих лет, и мы обычно возвращали эти деньги в течение двух дней. На этот раз Шахт отказался и сказал, что он не хочет финансировать хотя бы одним пфеннигом, потому, что он хочет, как он сказал, чтобы Гитлеру стало ясно, что империя обанкротилась. Я пытался объяснить ему, что это — неудачная почва для обсуждения всех вопросов финансирования, поскольку в данном случае дело шло о предоставлении небольших сумм на несколько дней в конце месяца, и Гитлер никогда не придет на основании этого к убеждению, что финансирование вообще невозможно. Насколько я помню, что-то относительно нашего разговора Гитлеру сказал Функ, и Гитлер попросил Шахта посетить его. Я не знаю, о чем они говорили, но несомненно, что результатом этого была отставка Шахта».

Председатель: *Будьте любезны еще раз сказать, что это за документ?*

Брайсон: *Это допрос фон Крозигка от 24 сентября 1945 года. Я хочу зачитать еще выдержки с 3-й страницы:*

«Вопрос: Говорил ли Вам когда-нибудь Шахт о том, что он хотел уйти в отставку, потому что он был против продолжения программы перевооружения?

Ответ: Нет, он никогда мне не говорил об этом в столь конкретных выражениях. Но в некоторых разговорах он, конечно, несколько раз говорил об этом в своей манере, это случалось, когда у него возникали конфликты с Герингом, и поэтому я не воспринимал это всерьез.

Вопрос: Пожалуйста, обдумайте внимательно то, что я Вас спрашиваю. Говорил ли Вам когда-нибудь Шахт, что он хочет уйти в отставку, потому что он понимает, что развитие программы вооружений достигло масштабов, убеждающих его в том, что это является подготовкой к войне, а не к обороне?

Ответ: Нет, он никогда не говорил этого.

Вопрос: Приводил ли кто-нибудь из Ваших коллег или вообще кто-нибудь слова Шахта, которые могли бы быть поняты в этом смысле?

Ответ: Нет.

Вопрос: После того как Кейтель возглавил верховное командование вооруженных сил, были ли еще встречи между Шахтом и Вами с Кейтелем вместо Бломберга?

Ответ: Да.

Вопрос: Говорил ли Шахт когда-нибудь на этих совещаниях, что, кроме технических вопросов финансирования этой программы через рейхсбанк, он возражает против дальнейшего развития программы перевооружения или против бюджета вермахта?

Ответ: Нет, не думаю, чтобы он это когда-нибудь делал».

Подсудимый Геринг также подтвердил эти показания.

Я обращаю внимание Трибунала на допрос Геринга от 17 октября 1945 года. Это документ ПС-3730, США-548. Я зачитываю допрос Геринга от 17 октября 1945 года, вторая половина 3-й страницы. Цитирую:

«Вопрос: Я хочу задать Вам один конкретный вопрос. Был ли Шахт смещен с поста президента рейхсбанка Гитлером за то, что он отказался принимать дальнейшее участие в программе перевооружения?

Ответ: Нет, это произошло потому, что он занял совершенно недопустимую позицию в вопросе подхода к проблеме, но все это не имело никакого отношения к программе перевооружения».

Гитлер согласился на отставку Шахта с поста президента рейхсбанка 20 января 1939 года. Я не буду зачитывать, но представляю в качестве доказательства документ ЕС-398, США-649, состоящий из краткой записки Гитлера Шахту, в которой объявляется о его отставке.

Из всего предыдущего совершенно ясно, что отставка Шахта ни в коей мере не отражала его отхода от идей Гитлера в связи с предстоящей агрессией. Это явствует также из документа ЕС-397, США-656, который состоит из письма Гитлера Шахту от 19 января 1939 года, текст которого я хочу зачитать. Цитирую:

«В связи с Вашим отзывом с поста президента рейхсбанка я пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам мою искреннюю и самую горячую благодарность за службу, которую Вы сослужили Германии, и за помощь, оказанную лично мне на этом посту в течение этих долгих и трудных лет. Ваше имя будет всегда связано с первым этапом национального перевооружения. Я счастлив иметь возможность пользоваться Вашей помощью на Вашем новом посту имперского министра для разрешения новых задач».

Фактически Шахт оставался на посту министра без портфеля до января 1943 года.

В заключение я хочу сказать, что доказательства показывают: во-первых, что деятельность Шахта была необходима для прихода Гитлера к власти и для перевооружения Германии; во-вторых, что лично Шахт стоял за агрессию и знал, что Гитлер собирается нарушить мир и нарушит его; и в-третьих, что Шахт ушел в отставку по причинам, которые совершено не относятся к неизбежности агрессии.

До тех пор пока он оставался у власти, Шахт работал для подготовки агрессивной войны так же активно, как любой из его коллег. Он, несомненно, был одним из самых ценных, необходимых людей в этом отношении. Его помощь на ранних стадиях заговора сделала возможными их последующие преступления заговорщиков. Его уход со сцены не отражал морального возражения против агрессивной войны как механизма национальной политики. Он лично боролся за то, чтобы сохранить свой пост. К тому времени, когда он потерял его, он уже сыграл свою роль в заговоре, а именно: он обеспечил Гитлера и его сподвижников фактическими средствами и экономическим планом, которые были необходимы для того, чтобы развязать и продолжать агрессию. Мы не хотим верить, что, подготовив вооруженные силы Германии к нападению на весь мир, он сможет найти свое спасение в уходе в отставку до того, как будет нанесен удар.

На этом мы заканчиваем представление доказательств по делу подсудимого Шахта.

ДЖ. Х. БАРРИНГТОН (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности фон Папена[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 23 января 1946 г.

Подсудимый фон Папен обвиняется, в первую очередь, в участии в заговоре и это обвинение будет автоматически доказано после того, как будет доказана его виновность по четырем пунктам обвинения, сформулированного в приложении «А» обвинительного заключения. Эти обвинения заключаются в следующем:

1. Он содействовал приходу нацистских заговорщиков к власти.

2. Он участвовал в укреплении их власти над Германией.

3. Он содействовал подготовке войны.

4. Он участвовал в политическом планировании и подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн.

В целом обвинение против фон Папена охватывает период с 1 июня 1932 года до завершения аншлюса в марте 1938 года.

[1] IMT. Vol. 6. P. 73—98.

До сих пор на процессе почти единственными доказательствами, конкретно относящимися к фон Папену, были доказательства, относящиеся к его деятельности в Австрии. Нужно только лишь суммировать сейчас эти доказательства. Но если бы обвинение против фон Папена основывалось только лишь на его деятельности в Австрии, то обвинение должно было бы тогда рассматривать тот период, в течение которого он продуманно придерживался внешней благопристойности, а его основная цель заключалась в том, чтобы прикрывать свои действия личиной искренности и респектабельности. Поэтому желательно осветить уже представленные доказательства в их истинном свете и кроме того продемонстрировать ту активную и видную роль, которую он играл у нацистов до его назначения в Австрию.

Сам Папен утверждает, что он якобы неоднократно отклонял предложение Гитлера вступить в нацистскую партию. До 1938 года это могло соответствовать действительности, так как он был достаточно хитер, чтобы видеть преимущества сохранения, по крайней мере внешне, своей личной независимости. Моя цель заключается в том, чтобы доказать, что, вопреки его личине независимости, Папен был ярым членом этого заговора и, вопреки предупреждениям и неудачам, он не был в состоянии удержаться от соблазна и остаться в стороне от заговора.

Обвинение утверждает, что суть деятельности фон Папена заключалась в том, что, хотя он и не являлся, по-видимому, типичным нацистом, он был беспринципным политическим оппортунистом, готовым перейти на сторону нацистов, когда это соответствовало его интересам. Он имел достаточный опыт для того, чтобы вести двойственную политику и, по-видимому, не был очень обеспокоен противоречиями и предательствами, которые неизбежно вытекали из его двойственной политики. Одним из его главных орудий были ложные заверения.

Прежде чем приступить к рассмотрению его конкретных преступлений, я хотел бы сослаться на документ ПС-2902, который имеется на странице 38 английской книги документов. Я представляю этот документ под номером ВБ-233. Это подписанные фон Папеном письменные показания, в которых перечисляются его официальные должности. Этот перечень составлен не в хронологическом порядке и я буду оглашать соответствующие части в том порядке, в котором они изложены. Мне не нужно оглашать весь этот документ.

Трибунал заметит, что эти письменные показания написал доктор Кубушок, защитник фон Папена, хотя и подписаны они самим фон Папеном. Я оглашаю начиная с первого абзаца:

«Папен неоднократно отвергал предложения Гитлера вступить в ряды НСДАП. Гитлер просто прислал ему однажды золотой значок партии. По моему мнению, с юридической точки зрения это не означает, что фон Папен тем самым стал членом партии».

Я хочу здесь указать, милорд, что тот факт, что в 1938 году он уже рассматривался официально как член партии, будет доказан документом, на который я сошлюсь позднее.

Я перехожу ко второму абзацу:

«С 1933 по 1945 год фон Папен был членом рейхстага... Фон Папен был имперским канцлером с 1 июня 1932 года по 17 ноября 1932 года. Он выполнял обязанности имперского канцлера до тех пор, пока его не сменил его преемник, а именно до 2 декабря 1932 года». Далее:

«30 января 1933 года фон Папен был назначен вице-канцлером. С 30 июня 1934 года — это была дата кровавого путча — он прекратил свою официальную деятельность. В тот же день он был арестован. Немедленно по его освобождении 3 июля 1934 года он направился в имперскую канцелярию для того, чтобы вручить Гитлеру свое прошение об отставке».

Я не намерен оглашать остальную часть этого абзаца. Это аргументация по вопросу, является ли подлинной его подпись на определенных декретах, изданных в августе 1934 года и опубликованных в «Рейхсгезетцблатт». Я готов согласиться с его утверждением, что его подпись на этих декретах, возможно, и не была подлинной и, может быть, это была ошибка. Он утверждает, что занимал свой пост только до 3 июля 1934 года.

Трибунал также вспомнит, что он, будучи имперским канцлером, был также членом имперского кабинета.

Я перехожу к пятому абзацу:

«13 ноября 1933 года фон Папен был назначен уполномоченным по вопросам, связанным с Саарской областью. Этот пост был ликвидирован при тех же обстоятельствах, какие указаны в четвертом абзаце».

Я не вижу необходимости в том, чтобы оглашать остальную часть документа. Она относится к его назначению в Вену и Анкару, что является общеизвестным историческим фактом. Он был назначен посланником в Вену 26 июля 1934 года и был отозван 4 февраля 1938 года. С апреля 1939 года по август 1944 года он был послом в Анкаре.

Первое обвинение против подсудимого фон Папена гласит, что он использовал свое личное влияние таким образом, чтобы способствовать приходу нацистских заговорщиков к власти. С самого начала фон Папен был полностью осведомлен о нацистской программе и о нацистских методах. Не может быть и речи о том, что он содействовал на-

цизму, будучи неосведомленным об этих фактах. Официальная программа НСДАП была открыто опубликована и была всем известна. Она в течение многих лет публиковалась в книге «Майн Кампф». Она была неоднократно опубликована в ежегоднике НСДАП и в других периодических изданиях. Нацисты не держали в тайне свое намерение превратить эту программу в основной закон государства. Этот вопрос во всех его деталях мы разбирали на ранней стадии процесса.

В 1932 году фон Папен как имперский канцлер находился в особенно благоприятном положении для того, чтобы понять нацистские цели и методы, и в действительности он открыто признавал нацистскую угрозу. Обратите, например, внимание на его речь в Мюнстере 28 августа 1932 года. Это документ ПС-3314, ВБ-234, на 49-й странице английской книги документов, и я представляю его в качестве документального доказательства. Я оглашу две выдержки в начале страницы:

«Безнравственность, которая характеризует выступления лидера национал-социалистского движения, не очень соответствует его претензиям на правительственную власть. Я не склонен предоставить ему право рассматривать то меньшинство, которое следует за его знаменами, как германскую нацию в целом и считать всех наших соотечественников простачками».

Обратите также внимание на его речь в Мюнстере 13 октября 1932 года. Она имеется в документе ПС-3317 на странице 50 английской книги документов. Я представляю этот документ под номером ВБ-235 и оглашу последнюю выдержку на этой странице:

«В интересах всей нации мы отклоняем претензии на власть тех партий, которые хотят овладеть телом и душой своих приверженцев и которые хотят отождествить партию или свое движение с германской нацией».

Я привел эту выдержку для того, чтобы показать только то, что фон Папен в 1932 году совершенно ясно сознавал принципиальную беззаконность нацистского мировоззрения. Тем не менее, в своем письме Гитлеру 13 ноября 1932 года, в письме, которое я оглашу подробно позднее, он писал следующее о нацистском движении:

«Это великое национальное движение, заслуги которого перед народом и страной я всегда признавал, хотя по необходимости и подвергал критике».

Столь различны и столь явно противоречивы были поступки и выступления фон Папена в отношении нацистов, что невозможно представить полную картину роли фон Папена в этом беззаконном предприятии, если вначале не рассмотреть шаг за шагом его деятельность по присоединению к нацистам. Тогда становится ясно, что он примкнул к

нацистскому заговору, если не чистосердечно, то с хладнокровным и продуманным расчетом.

Я перечислю некоторые из основных моментов деятельности фон Папена, в результате которых он присоединился к нацистскому заговору.

В результате его первого личного контакта с Гитлером фон Папен как канцлер отменил 14 июня 1932 года декрет, принятый 13 апреля 1932 года, о роспуске нацистских полувоенных организаций СА и СС. Тем самым он оказал величайшую услугу, какую только мог, нацистской партии, так как она опиралась на свои полувоенные организации для того, чтобы принудить к повиновению германский народ. Декрет, отменивший закон о роспуске СА и СС, имеется на странице 64 книги документов. Это документ Д-631, ВБ-236, который я сейчас представляю в качестве доказательства. Это выдержка из «Рейхсгезетцблатт», декрет, охватывающий целый ряд вопросов.

«Этот декрет вступает в силу со дня его опубликования. Он будет действовать вместо декрета имперского президента об охране государственной власти». Здесь указана неверная дата. Должно быть 13 апреля 1932 года.

Председатель: *Какую страницу книги документов Вы сейчас оглашаете?*

Баррингтон: *Простите, сэр. Это страница 64 и дата, которая указана здесь, должна быть не 3 мая 1932 года, а 13 апреля 1932 года. Это декрет, согласно которому были первоначально распущены нацистские полувоенные организации в тот период, когда канцлером был Брюнинг.*

В конце страницы Трибунал найдет декрет, соответствующие отрывки из декрета от 13 апреля 1932 года. В начале первого абзаца этого декрета говорится:

«Все организации военного характера национал-социалистской германской рабочей партии будут немедленно распущены, в особенности штурмовые отряды СА и охранные отряды СС».

Эта отмена предыдущего декрета была сделана фон Папеном в результате его сделки с Гитлером, о чем говорится в книге «История НСДАП в датах», написанной доктором Гансом Фольтцом. Эта книга была издана с разрешения НСДАП. Она уже была представлена в качестве документального доказательства. Это документ ПС-3463, США-592, и я хочу огласить выдержку на странице 59 книги документов. Я оглашаю выдержку, которая имеется на 41-й странице подлинника книги:

«28 мая — это было, конечно, в 1932 году — ввиду неизбежности ухода в отставку Брюнинга, во время совещания в Берлине между бывшим депутатом прусской партии центра Францем фон Папеном и фюрером (первая личная встреча их состоялась весной 1932 года) фюрер согласился

с тем, что НСДАП терпимо относилась бы к кабинету Папена в случае, если будут отменены запреты в отношении формы СА, запрет демонстраций и распущен рейхстаг».

Трудно представить себе более дальновидный ход со стороны человека, который должен был стать канцлером, чем восстановление этой преступной организации, которая была запрещена его предшественником. Это действие подчеркивает характерную для Папена двойственность и неискренность.

Полтора года спустя он открыто хвастал, что, когда он занял пост канцлера, он тем самым содействовал приходу к власти того, кого он назвал «юным сражающимся движением освобождения». Это будет доказано документом ПС-3375, который я представлю через несколько минут.

Другой важный шаг был им сделан 20 июля 1932 года, когда он осуществил свой знаменитый государственный переворот в Пруссии, свергнув правительство Брауна — Зеверинга и объединив руководство империей и Пруссией в своих руках, став имперским комиссаром по делам Пруссии. Сейчас это общеизвестный исторический факт. Об этом говорится в документе Д-632, ВБ-237, который я представляю в качестве доказательства и который имеется на странице 65 книги документов. Этот документ представляет собой полуофициальную биографию.

Папен рассматривал этот свой шаг, государственный переворот в Пруссии, как первый шаг во исполнение политики, которую позднее продолжал Гитлер и которая заключалась в том, чтобы координировать земли с империей. Об этом говорится в документе ПС-3357, на котором я остановлюсь позднее.

Если Трибунал взглянет на документ Д-632, на странице 65 книги документов, последние 4 или 5 строк в конце страницы, то он увидит, что следующим шагом подсудимого был: «Выборы в рейхстаг 31 июля, которые явились результатом того, что фон Папен распустил рейхстаг 4 июня, усилил позицию НСДАП до такой степени, что когда фон Папен заявил лидеру новой сильнейшей партии о своем желании занять пост вице-канцлера в правительстве, то Адольф Гитлер 13 августа отверг это предложение. Новый рейхстаг, который собирался 30 августа, был распущен 12 сентября. Новые выборы привели к значительному ослаблению позиции НСДАП, но тем не менее они не усилили и правительственные партии, вследствие чего 17 ноября 1932 года правительство фон Папена подало в отставку после безуспешных переговоров с руководителями партий».

Милорд, я хотел бы огласить еще несколько выдержек из этой биографии, но так как это всего лишь перечень со-

бытий, прошу Вас разрешить мне возвращаться к этой книге время от времени, когда это понадобится.

Поскольку переговоры, о которых я только что упоминал в связи с биографическим очерком, касались Гитлера, в ходе них имел место обмен письмами. Фон Папен послал письмо Гитлеру 13 ноября 1932 года. Это письмо, документ Д-633, ВБ-238, имеется на 68-й странице в английской книге документов. Я намереваюсь огласить выдержку из него, потому что оно говорит о тех усилиях, которые приложил Папен для того, чтобы объединиться с нацистами даже перед лицом дальнейших резких отказов со стороны Гитлера. Я оглашаю третий абзац. Я хотел бы сказать Трибуналу, что в английском переводе этого абзаца подчеркнуты некоторые фразы, чего нет в немецком тексте.

«В результате выборов 6 ноября создалась новая ситуация и в то же время возникли благоприятные возможности для консолидации всех нацистских элементов. Имперский президент поручил мне путем переговоров с руководителями отдельных заинтересованных партий установить, готовы ли они и в какой степени поддержать политическую и экономическую программу, проводимую имперским правительством.

Несмотря на то, что национал-социалистская пресса называет наивной попытку имперского канцлера фон Папена совещаться с теми, кто входит в национальный союз, и что на это может быть дан только один ответ, а именно: никаких переговоров с Папеном, я рассматривал бы это как недобросовестное выполнение своих обязанностей, если бы я не обратился к Вам с настоящим письмом, и я был бы не в состоянии оправдаться перед своей собственной совестью. Я вполне осведомлен на основании газет, что Вы настаиваете на своем требовании о предоставлении Вам поста канцлера, и я в равной степени осведомлен, что причины, по которым было принято решение 13 августа, остаются в силе. Мне нет надобности заверять Вас в том, что я лично ни на что не претендую. В то же время я думаю, что лидер столь великого национального движения, заслуги которого перед народом и страной я всегда признавал, хотя по необходимости и подвергал критике, не должен ответить отказом на предложение вступить в переговоры по вопросам создавшейся ситуации и принять необходимые решения совместно с тем германским политическим деятелем, который в настоящее время занимает ведущее положение и осознает ответственность. Мы должны постараться забыть то неприятное чувство, которое осталось после избирательной кампании, и ставить благосостояние родины, которой мы оба служим, выше других интересов».

Гитлер ответил на это послание пространным письмом от 16 ноября 1932 года, изложив условия, которые, очевидно, оказались неприемлемыми для фон Папена, так как на следующий день он подал в отставку и вместо него был назначен фон Шлейхер. Это документ Д-634, представленный как часть документального доказательства ВБ-238 и являющийся частью этой переписки. Я не вижу необходимости в том, чтобы оглашать это письмо.

Затем имели место беседы между Папеном и Гитлером в январе 1933 года в домах фон Шредера и Риббентропа, в результате Гитлер сменил фон Шлейхера 30 января 1933 года на посту имперского канцлера. Я вновь возвращаюсь к биографическому очерку на 66-й странице книги документов, второй абзац, где говорится о совещании в доме Шредера:

«Встреча с Гитлером, которая произошла в начале января 1933 года в доме банкира фон Шредера в Кельне, состоялась по его инициативе, — что означает, безусловно, по инициативе Папена, — хотя Шредер выполнял роль посредника».

Как фон Папен, так и Гитлер позднее открыто заявили об этой встрече (газеты от 6 января 1933 года).

«После быстрого падения фон Шлейхера, 28 января 1933 года, 30 января 1933 года было создано правительство национального единства: кабинет Гитлера — фон Папена — Гугенберга — Зельдте. В этом правительстве фон Папен занял пост вице-канцлера и имперского комиссара по вопросам Пруссии».

О совещании в доме Риббентропа, на котором также присутствовал Папен, уже говорил сэр Дэвид Максуэлл-Файф, документ Д-472, представленный в качестве доказательства ВБ-130. Сейчас я хотел бы представить в качестве документального доказательства письменное показание, данное под присягой фон Шредером, но, как я понял, доктор Кубушок будет возражать против этого. По-моему, прежде чем доктор Кубушок изложит свои возражения, возможно, будет уместно сказать совершенно открыто, что Шредер сейчас находится в заключении и, по моим сведениям, он находится во Франкфурте. Таким образом, практически он, несомненно, может быть вызван. Может быть, я мог бы также указать в настоящий момент, что со стороны обвинения не было бы никаких возражений против того, чтобы фон Шредеру были бы направлены перечни вопросов в связи с содержанием данного аффидевита.

Кубушок *(защитник Папена): Я возражаю против того, чтобы было зачитано письменное показание Шредера. Я знаю, что в отдельных случаях Трибунал допускал зачитывание письменных показаний под присягой. Это происходило со ссылкой на статью 19 Устава, которая исходит из того,*

что необходимо обеспечить возможно более быстрое ведение процесса, что по этой причине право установления процедурных правил процесса оставляется за Трибуналом. Решающим, таким образом, является ускорение судебного процесса. Но на этом основании в данном случае нельзя разрешить зачитывание аффидевита.

Этот случай совершенно аналогичен тому, который был решен здесь 14 декабря в отношении письменного показания под присягой Курта фон Шушнига. Шредер находится поблизости и явно был привезен в район Нюрнберга в интересах процесса. Письменное показание было дано 5 декабря. Свидетеля можно в любое время вызвать в суд. Зачитывание этого письменного показания имело бы то следствие, что я неизбежно должен был бы ссылаться не только на Шредера, но и на ряд других свидетелей потому, что Шредер в своем письменном показании под присягой описывает целый ряд фактов, которые во всей полноте не нужны для вынесения решения по делу. Однако, если эти факты будут представлены суду, защита, выполняя свои обязанности, будет вынуждена их также подвергнуть обсуждению.

При рассмотрении в аффидевите вопросов внутренней политики использовались неверные термины. По этой причине возникнут недоразумения на этом процессе, которых удастся избежать, если свидетеля заслушать здесь. Я думаю, что устный допрос свидетеля — единственный путь представления в суде показаний Шредера, наряду с оглашением аффидевита Шредера и допроса в суде его лично придется вызывать ряд других свидетелей.

Председатель: Вы закончили?

Кубушок: Да.

Председатель (обращаясь к Баррингтону): Вы хотите сделать какие-нибудь замечания?

Баррингтон: Да, милорд. Перед Трибуналом ходатайствовали о недопущении этого аффидевита, используя в качестве прецедента решение, принятое относительно письменного показания, данного под присягой фон Шушнигом. Я думаю, что буду вправе заявить, что письменное показание, данное под присягой фон Шушнигом, не было принято как исключение из общего правила относительно аффидевитов, которые Трибунал установил в тот же день, когда было принято письменное показание под присягой господина Мессерсмита. Может быть, Ваша честь разрешит мне огласить выдержку из стенограммы судебного заседания, где излагается решение Трибунала по вопросу письменного показания Мессерсмита.

Председатель: Господин Мессерсмит находился в Мексике, не так ли?

Баррингтон: Да, это так, милорд.

Председатель: *Таким образом, в этом отношении имеется весьма значительная разница между ним и Шушнигом.*

Баррингтон: *Да, в этом отношении, но я хотел сказать, милорд, что, когда было принято решение по вопросу письменного показания Мессерсмита, Вы заявили: «В связи с этими положениями, а именно с положениями статьи 19 Устава, Трибунал считает, что письменные показания, данные под присягой, могут представляться и что на данном процессе это является правильной процедурой. Это целиком относится к данному случаю. Вопрос о доказательной силе письменного показания по сравнению с показаниями свидетеля, который подвергается перекрестному допросу, конечно, будет учитываться Трибуналом, и если на более поздней стадии процесса Трибунал решит, что вызов в суд определенного свидетеля имеет исключительную важность, то этот вопрос будет пересмотрен». И затем Вы добавили: «Если защитники пожелают направить свидетелю опросные листы, то им будет представлено право это сделать...»*

Второе обвинение против подсудимого фон Папена заключается в том, что он участвовал в укреплении власти нацистов над Германией. В течение первых критических полутора лет, когда нацисты укрепляли свою власть, фон Папен в качестве вице-канцлера по положению уступал только Гитлеру в том правительстве, которое выполняло нацистскую программу.

Процесс укрепления власти нацистов над Германией законодательным путем уже был полностью рассмотрен на более ранней стадии процесса. Благодаря своему высокому положению фон Папен был тесно и непосредственно связан с принятием такого законодательства.

В июле 1934 года Гитлер специально поблагодарил его за все то, что он сделал для успешной деятельности правительства национальной революции. Об этом говорится в документе ПС-2799. Хотя я сейчас буду цитировать этот документ, я хочу сказать, что он уже был представлен Трибуналу господином Олдерманом.

Следует специально упомянуть о двух важных декретах, поскольку они были подписаны самим фон Папеном. Во-первых, декрет от 21 марта 1933 года, касавшийся создания особых судов, в которых должны были разбираться все дела, имевшие отношение к политическим вопросам. Трибунал уже принял этот декрет без доказательств. Ссылка на него имеется на 30-й странице стенограммы вечернего заседания 22 ноября.

Этот декрет был первым шагом в нацификации германской судебной системы. Во всех политических делах он упразднял основные права, включая право апелляции, соблю-

10 Заказ 1429

дение которых ранее отличало германскую уголовную юстицию.

В тот же день, 21 марта 1933 года, фон Папен лично подписал декрет об амнистии, в силу которого были освобождены все лица, совершившие убийство или какое-нибудь другое преступление в период с 30 января по 21 марта 1933 года в ходе национальной революции германского народа. Этот документ, ПС-2059, имеется на 30-й странице английской книги документов. Я оглашу первый раздел.

Председатель: *По-моему, нет надобности цитировать декреты, можно вкратце изложить их содержание.*

Баррингтон: *Хорошо, милорд, тогда я попрошу без доказательства принять этот декрет.*

Председатель: *Да.*

Баррингтон: *В качестве члена имперского кабинета фон Папен, как я утверждаю, несет ответственность за законы, которые были приняты даже в тех случаях, когда на декретах нет его собственной подписи. Я упомяну, к примеру, о двух категориях законов. С помощью ссылок на высказывания самого Папена, относящихся ко времени до принятия этих законов, равно как и к периоду их принятия, я хочу показать, что это не были такие вопросы, в отношении которых он мог бы сказать, что они его как почтенного политика не интересовали.*

Во-первых, о государственной гражданской службе. Будучи сам государственным служащим, фон Папен, наверное, выдержал тяжелую, но, по-видимому, успешную борьбу со своей совестью, когда он принял участие в проведении целой серии декретов, устанавливавших нацистский контроль над государственной гражданской службой. Ссылка на это имеется на 30-й странице стенограммы вечернего заседания от 22 ноября и на 257-й странице. В этой связи я хотел бы обратить внимание Трибунала на документ ПС-351, США-389, который имеется на 1-й странице книги документов и который был представлен Трибуналу. Это протокол первого заседания кабинета Гитлера 30 января 1933 года. Я цитирую с середины последнего абзаца протокола на 5-й странице книги документов:

«Заместитель рейхсканцлера и рейхскомиссар по делам Пруссии предложил, чтобы рейхсканцлер при первой возможности заявил в интервью о том, что слухи об опасности инфляции и слухи об угрозе нарушений прав государственных гражданских служащих являются ложными».

Даже если этими словами фон Папен не хотел предложить Гитлеру дать ложное заверение, то, во всяком случае, и эти слова подчеркивают, с каким равнодушием Папен впоследствии смотрел на то, как были преданы государственные гражданские служащие.

Вторая категория декретов касается объединения федеральных земель в рамках империи. Об этом говорилось ранее на процессе и это можно найти на 29-й странице стенограммы вечернего заседания 22 ноября.

В результате этих декретов, имевших серьезные последствия, фактически были упразднены федеральные земли и был положен конец федерализму и любому сдерживающему влиянию, которое он мог оказать на централизацию власти в руках имперского кабинета. Значение этой меры, так же, как и роли, которую сыграл фон Папен, отражено в переписке между Гинденбургом, фон Папеном в качестве рейхскомиссара по делам Пруссии и Гитлером в связи с отзывом рейхскомиссара и назначением Геринга на пост премьер-министра Пруссии. Я ссылаюсь на документ ПС-3357, ВБ-239, который имеется на 52-й странице английской книги документов и который я в настоящее время представляю.

Подавая в отставку 7 апреля 1933 года, фон Папен писал Гитлеру, я цитирую этот документ:

«Подготовкой закона о слиянии федеральных земель в рамках империи, который был сегодня принят рейхсканцлером, началась законодательная работа, которая будет иметь историческое значение для политического развития германского государства. Шаг, предпринятый имперским правительством, которое я в то время возглавлял, и имевший целью устранить двойственность во взаимоотношениях между империей и Пруссией, теперь увенчался этим новым объединением интересов Пруссии с интересами империи. Вы, господин рейхсканцлер, как когда-то Бисмарк, будете в состоянии координировать все стороны политики этой крупнейшей германской федеральной земли с политикой империи. Теперь, когда новый закон даст Вам возможность назначить премьер-министра Пруссии, я прошу Вас сообщить имперскому президенту, что я ухожу с поста рейхскомиссара по делам Пруссии».

Я также хотел бы процитировать письмо, которое Гитлер написал Гинденбургу при передаче этой просьбы об отставке. Гитлер писал:

«Вице-канцлер фон Папен прислал мне письмо, которое я прилагаю для Вашего сведения. Господин фон Папен уже сообщил мне несколько дней тому назад, что у него имеется договоренность с министром Герингом и он добровольно уйдет в отставку, как только новый закон о координации политики империи и федеральных земель обеспечит объединение правительственных дел в империи и в Пруссии.

Накануне того дня, когда был принят новый закон об учреждении постов имперских наместников, господин фон Папен счел свою цель достигнутой и просил меня назначить

прусского премьер-министра в то время, как сам он полностью посвятит себя работе в имперском правительстве...

Господин фон Папен, приняв пост комиссара по делам Пруссии с 30 января, в эти трудные времена внес большой вклад в дело осуществления идеи координации политики империи и федеральных земель. Его сотрудничество в имперском кабинете, которому он теперь посвящает все свои силы, чрезвычайно ценно. Мои отношения с ним столь искренне дружеские, что я очень рад той огромной помощи, которую я от него буду получать».

Однако всего за 5 недель до этого — 3 марта 1933 года — фон Папен предупреждал избирателей в Штутгарте относительно опасности упразднения федерализма.

Я теперь цитирую документ ПС-3313, ВБ-240, который имеется на 48-й странице английской книги документов и который я представляю. Это приблизительно в середине третьего абзаца. Это выдержка из выступления фон Папена в Штутгарте, где он заявил:

«Федерализм защитит нас от централизма — этой организационной формы, которая сосредоточивает все живительные силы нации в одном пункте. Нет нации, которая была бы менее приспособлена к централизованному управлению, чем германская нация».

Еще раньше, во время выборов осенью 1932 года, фон Папен в качестве канцлера посетил Мюнхен. Газета «Франкфуртер Цайтунг» от 12 октября 1932 года комментировала его политику. Я ссылаюсь на документ ПС-3318, ВБ-241, на 51-й странице английской книги документов, который я представляю. Газета «Франкфуртер Цейтунг» писала:

«Фон Папен утверждал, что с самого начала своего пребывания на посту он поставил своей целью создание новой империи с участием различных федеральных земель и для земель. Имперское правительство занимает твердую федералистскую позицию. В его лозунги не входит удручающий централизм или унитаризм».

Это было в октябре 1932 года. От всего этого фон Папен отказался ради своего нового хозяина.

Теперь я перехожу к вопросу о евреях. В марте 1933 года правительство в полном составе одобрило систематическую государственную политику преследования евреев. Об этом уже говорилось на суде. Ссылка на это находится на 1442-й и 2940-й страницах стенограммы.

Лишь за 4 дня до того, как было назначено начало бойкота, проводимого «со всей яростью», как сказал доктор Геббельс, фон Папен послал успокоительную радиограмму германо-американской Торговой палате в Нью-Йорк, которая выразила германскому правительству свое беспокойство по поводу положения дел. Его заверение — доку-

мент Д-635, который я представляю под номером ВБ-242, 73-я страница английской книги документов — было опубликовано в газете «Нью-Йорк Таймс» 28 марта 1933 года. В этом заверении имелась следующая фраза, которую я процитирую с середины страницы. Этот документ является предпоследним в немецкой книге документов.

«Следует самым энергичным образом опровергнуть распространяемые в Америке слухи, которые были восприняты здесь с возмущением, относительно истязаний, которым якобы подвергаются политические заключенные, и относительно плохого обращения с евреями. Сотни тысяч евреев, которые не принимали участия в политической деятельности, независимо от их гражданства, живут здесь совершенно спокойно. Это характерный...

Кубушок: *Появление в газете «Нью-Йорк Таймс» заметки вызвано телеграммой подсудимого фон Папена, которая помещена на следующей странице книги документов. В английском переводе указана дата: 27 марта — дата неверная. Немецкий текст, который имеется у меня, свидетельствует о том, что речь идет о письме, написанном в конце недели, судя по цифрам в немецком тексте, оно было отослано 25 марта. Эта разница во времени имеет большое значение потому, что в действительности 25 марта еще ничего не было известно о бойкоте евреев, который был назначен затем Геббельсом на 1 апреля. Подсудимый фон Папен поэтому мог 25 марта указать на сравнительно небольшое количество мелких происшествий, как он это делает в телеграмме. Во всяком случае, вывод обвинения о том, что содержание телеграммы является сплошным вымыслом, оказывается неверным.*

Председатель: *Господин Баррингтон, у Вас есть подлинник этого документа?*

Баррингтон: *Подлинник здесь, милорд. Совершенно верно, что там имеется несколько цифр сверху, которые, хотя я этого раньше и не заметил, могут дать основание заключить, что телеграмма была послана 25 числа.*

Председатель: *А когда состоялось заседание кабинета, на котором была одобрена политика преследования евреев?*

Баррингтон: *Милорд, я этого не знаю. Это было в конце марта, может быть, 26-го числа. Я проверю это.*

Председатель: *Хорошо.*

Кубушок: *Разрешите мне для разъяснения заметить, что заседание кабинета, на котором обсуждался вопрос о евреях, состоялось значительно позже и что на нем члены кабинета, в том числе подсудимый фон Папен осудили бойкот евреев. Я представлю протокол заседания кабинета, как только будет удовлетворено мое ходатайство.*

Председатель: *Я не понимаю, что Вы подразумеваете, когда говорите об удовлетворении Вашего ходатайства. Заявляет ли обвинитель, что он настаивает на своем обвинении, или он отказывается от него?*

Баррингтон: *Я могу сказать следующее: при условии, что я проверю дату заседания кабинета...*

Председатель: *Вы можете сделать это во время перерыва и сообщить нам утром.*

Баррингтон: *Хорошо, милорд.*

Сейчас я ограничусь следующим: как Трибунал уже знает, в то время было общеизвестно, что политика нацистов была направлена против евреев и что евреи уже находились в концлагерях. Я готов согласиться с тем, что эта телеграмма была послана 25 марта, но я предлагаю Трибуналу сделать вывод о том, что к тому времени, когда была послана телеграмма, Папену уже было известно о политике бойкота.

Я пойду дальше и скажу, что фон Папен сам поддерживал направленную против евреев политику. В качестве доказательства этого я представляю документ ПС-2830, ВБ-243, который имеется на странице 37 книги документов. Милорд, это письмо, посланное фон Папеном Гитлеру из Вены 12 мая 1936 года касательно «Союза свободы». Четвертый абзац английского текста гласит следующее:

«Следующий инцидент представляет интерес. Секретарь чешской миссии Дохальский предложил господину Стауду, руководителю "Союза свободы", предоставить этому союзу от чешского правительства любые требуемые средства со стороны, которые будут необходимы для усиления его борьбы против "Союза защиты родины". Единственное условие заключается в том, чтобы "Союз свободы" обязался занять антигерманскую позицию. Господин Стауд попросту отказался от этого предложения. Это показывает, что даже во вражеском лагере отдают себе отчет в перегруппировке сил. Это обязывает нас далее продолжать оказывать финансовую поддержку этой организации особенно в связи с продолжением ее борьбы против еврейства».

Кубушок: *Я должен указать на трудность, которая, по-видимому, возникла вследствие перевода.*

В немецком тексте подлинника по вопросу о денежных переводах слова «в связи с» имеют следующий смысл: «направляемые на продолжение борьбы против евреев», то есть слова «в связи с» означают, что денежные переводы надо было делать с этим указанием, хотя в действительности эти деньги использовались не по указанному назначению, ибо австрийский «Союз свободы» был не антисемитским объединением, а легальным профсоюзом, к которому, между прочим, принадлежал и канцлер Дольфус. Эти слова

«в связи с» означают только, что перевод денег должен был производиться с указанием названия, так как партии, признанной государством, нельзя было получать из-за границы деньги для каких-либо партийных целей, как это ясно показал отказ на предложения чехословаков. Я хочу указать только на то, что слова «в связи с» в английском тексте, возможно, неправильно выражают смысл и, может быть, лучше было бы в данном случае перевести их словами «направляемые на». Во всяком случае, я хочу только заявить, что речь в данном случае шла лишь о некоторой маскировке, применявшейся в связи с денежными переводами.

Председатель: Я не знаю, о каком слове Вы говорите. Но, насколько я понимаю, единственная цель ссылки на это письмо заключается в том, чтобы показать, что фон Папен предложил оказывать финансовую помощь организации в ее борьбе против евреев. Это единственная цель ссылки на это письмо. Я Вас не понимаю, когда Вы говорите, что какое-то слово было неправильно переведено.

Кубушок: Да. Но из-за этих слов возникло заблуждение. Эти деньги присылались не для борьбы с евреями, так как вовсе не это было целью христианского профсоюза в Австрии. Должно было быть указано определенное назначение для пересылки денег, указали — «для борьбы с евреями». Цель, стало быть, заключалась не в борьбе с евреями, а в исключении, путем оказания ей денежной помощи, еще одного иностранного влияния на эту организацию, а именно влияния со стороны Чехословакии.

Председатель: Мне самому кажется, что в отношении письма можно было бы возразить обвинению, что оно датировано тремя годами позднее того времени, о котором Вы говорили.

Баррингтон: Это верно, милорд. Эти письма были написаны в различное время.

Председатель: Предыдущее письмо было датировано 1933 годом, а это — 1936 годом.

Баррингтон: Да, милорд. Я представил его лишь для того, чтобы показать, какова к тому времени была позиция Папена. Если Ваша честь имеет сомнения относительно перевода, я предложил бы, чтобы это письмо было сейчас переведено переводчиком. У нас имеется немецкий подлинник — фотокопия.

Председатель: Я думаю, что Вы можете сделать это завтра и, если необходимо, снова коснуться этого письма.

Баррингтон: Да, милорд.

Теперь я перехожу к вопросу о католической церкви. Вопрос об отношении нацистов к церкви уже был полностью рассмотрен обвинением США. В этой конкретной области Папен в качестве видного католика, не являющегося

священнослужителем, способствовал консолидации нацистской позиции, как внутри Германии, так и за границей, вероятно, более успешно, чем это мог сделать кто-либо другой.

Говоря о преследовании церкви, полковник Уилер огласил перед Трибуналом заверение Гитлера, данное 23 марта 1933 года. Это была речь Гитлера в связи с принятием закона о чрезвычайных полномочиях. В результате этого заверения была принята хорошо известная декларация немецких епископов, изданная в городе Фульда, которую также цитировал полковник Уилер. Это документ ПС-3387, США-566. Это обманное заверение Гитлера, по-видимому, было сделано по предложению, сделанному фон Папеном за восемь дней до этого на заседании имперского кабинета 15 марта 1933 года, когда обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях. Я ссылаюсь на документ ПС-2962, США-578, на странице 40 английской книги документов. Цитирую со страницы 44. Это конец 6-й страницы немецкого текста. В протоколе заседания сказано:

«Вице-канцлер и имперский комиссар по делам Пруссии заявил, что имеет решающее значение вопрос о приобщении к новому государству масс, стоящих за партиями. Особое значение имеет вопрос о приобщении к новому государству политического католицизма».

Это заявление Папена было сделано на совещании, на котором обсуждался закон о чрезвычайных полномочиях, и до речи Гитлера об этом законе, в которой он дал заверения церкви.

20 июля 1933 года Папен подписал имперский конкордат, о котором он вел переговоры с Ватиканом. Трибунал уже принял этот документ, ПС-3280(а), без доказательств. Заключение конкордата, как и инспирированная Папеном речь Гитлера о законе о чрезвычайных полномочиях, было лишь интерлюдией в политике нацистских заговорщиков по отношению к церкви. За политикой заверений последовал целый ряд нарушений, которые, в конце концов, привели к открытому обличению этой политики в папской энциклике — «с чувством глубокой озабоченности». Это документ ПС-3476, США-567.

Папен утверждает, что в отношении церкви он действовал искренне. Он и на допросах заявлял о том, что конкордат саботировал Гитлер. Если фон Папен действительно верил в торжественные обязательства, которые он дал Ватикану от имени империи, то, как я утверждаю, кажется странным, что он, будучи католиком, продолжал служить Гитлеру после всех этих нарушений и даже после самой папской энциклики.

Я заявляю, что сам фон Папен принимал участие в том, что фактически, если не формально, было нарушением конкордата. Трибунал помнит обращение папы к кардиналам 2 июня 1945 года, которое имеется в документе ПС-3268, США-356. Полковник Стори огласил слова папы относительно ожесточенной борьбы нацистов против церкви. Первое, о чем говорит папа в этом выступлении, — роспуск католических организаций. Я прошу Трибунал обратить внимание на документ ПС-3376, ВБ-244, 56-я страница английской книги документов. Это выдержка из издания «Дас Архив». Члены Трибунала увидят, что в сентябре 1934 года фон Папен приказал — я умышленно говорю «приказал» — распустить союз немцев-католиков, руководителем которого он в то время являлся. Текст из «Дас Архив» гласит следующее:

«Имперское партийное руководство объявляет о самороспуске союза немцев-католиков... Ввиду того, что имперское партийное руководство через отдел культуры все в большей мере и непосредственно занимается всеми культурными проблемами, включая и те, которые касаются отношений между государством и церковью, задачи, которые ранее были поручены союзу немецких католиков, теперь в интересах большей координации передаются имперскому партийному руководству.

Бывший вице-канцлер фон Папен, являвшийся до настоящего времени руководителем союза немцев-католиков, заявил по поводу роспуска этой организации, что роспуск был осуществлен по его предложению ввиду той позиции, которую занимает национал-социалистское государство в отношении христианской и католической церкви, о чем неоднократно и недвусмысленно говорил сам фюрер и канцлер».

Я уже сказал, что Папен «приказал» распустить эту организацию, хотя в самом объявлении было сказано, что это был самороспуск по его предложению. Но я утверждаю, что предложение человека, занимавшего такое положение, как Папен, равнялось приказу, так как в то время уже было общеизвестно, что нацисты отказались даже от видимости возможности существования каких-либо оппозиционных организаций.

После девяти месяцев службы у Гитлера, в течение которых он способствовал укреплению власти нацистов над Германией, Папен был вполне удовлетворен своим выбором. Я ссылаюсь на документ ПС-3375, 54-я страница английской книги документов, который я представляю под номером ВБ-245.

Выступая 2 ноября 1933 года в Эссене с той же трибуны, что и Гитлер и гаулейтер Тербовен во время кампании по выборам в рейхстаг и проведения референдума о выходе Германии из Лиги наций, фон Папен заявил:

«С тех пор, как судьба призвала меня стать пионером национального пробуждения и возрождения нашей родины, я пытался поддерживать всеми своими силами работу национал-социалистского движения и его фюрера. Так же как, став канцлером — это было в 1932 году, — я выступал за то, чтобы проложить дорогу молодому боевому движению освобождения, так же как 30 января я был избран милостивой судьбой для того, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала, так и сегодня я должен сказать германскому народу и всем тем, кто сохранил ко мне доверие:

Милосердный Бог благословил Германию тем, что в дни глубоких страданий он дал ей такого руководителя, который с надежной интуицией государственного деятеля поведет ее через все несчастья и слабости, через все кризисы и опасности к счастливому будущему».

И последняя фраза текста на 55-й странице:

«Давайте в этот час скажем фюреру новой Германии, что мы верим в него и в его деяния».

К этому времени кабинет, членом которого был фон Папен и которому он посвятил все свои силы, упразднил гражданские свободы, санкционировал политические убийства, совершенные для того, чтобы содействовать захвату власти нацизмом, уничтожил все оппозиционные политические партии, провел основные законы по упразднению политического влияния федеральных земель, обеспечил законодательную основу для проведения чистки государственного гражданского аппарата и судебных учреждений от антинацистских элементов и начал проводить государственную политику преследования евреев.

Слова Папена — «Милосердный Бог благословил Германию» — издевательские слова.

Третье обвинение против подсудимого фон Папена заключается в том, что он способствовал подготовке войны. Невозможно предположить, что человек, который знал существо программы нацистской партии и был в течение полутора лет вице-канцлером, мог не быть причастным к военным приготовлениям заговорщиков. Тот человек, о котором Гитлер писал Гинденбургу 10 апреля 1933 года:

«Его сотрудничество в имперском кабинете, которому он теперь посвящает все свои силы, чрезвычайно ценно».

Четвертое обвинение против подсудимого Папена заключается в том, что он участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров. В отношении Папена это обвинение фактически сводится к истории аншлюса. Его роль в аншлюсе была подготовкой агрессивных войн, имеющей два аспекта: во-первых, аншлюс был необходимым предварительным шагом для всех последующих актов вооруженной агрессии; во-вторых, даже если можно утверждать, что аншлюс был по существу достигнут без агрессии, — он был запланирован таким путем, что он был бы достигнут путем агрессии, если бы это было необходимо.

Мне остается лишь дать краткое резюме деятельности Папена в Австрии, так как вся история аншлюса уже была описана на процессе. Однако, с разрешения Трибунала, я бы хотел огласить две кратких выдержки, которые имеют персональное отношение к Папену. Но перед тем как я перейду к вопросу о деятельности фон Папена в Австрии, я должен сказать Трибуналу еще об одном вопросе.

18 июня 1934 года Папен произнес в Марбургском университете удивительную речь. Я не собираюсь представлять эту речь в качестве доказательства и ее нет в книге документов, потому что это вопрос из области истории. И, говоря об этом, я не касаюсь вопроса о мотивах и последствиях этой речи, которые несколько туманны. Но я хотел бы сказать следующее.

По своей теме речь Папена в Марбурге была откровенной критикой нацистов. Надо полагать, что нацисты были чрезвычайно раздражены и, хотя через 12 дней после этого Папен во время кровавой чистки 1934 года избежал смерти, он был на 3 дня арестован. Должен ли был этот арест в конце концов привести к казни или же он должен был предохранить его от чистки как человека, который был слишком ценным, сейчас я об этом не спрашиваю. Однако после освобождения он, вполне естественно, ушел в отставку с поста вице-канцлера. Теперь возникает вопрос, и именно в связи с ним я остановился на этом эпизоде: почему после этих варварских событий он снова поступил на службу к нацистам? Какую он пропустил возможность! Если бы он тогда остановился, он бы мог спасти мир от многих страданий. Допустим, что вице-канцлер самого Гитлера, только что освобожденный из-под ареста, бросил бы вызов нацистам и рассказал миру правду. Тогда, может быть, никогда не произошла бы реоккупация Рейнской зоны, может быть, никогда не произошла бы война. Но я не должен заниматься этими предположениями. Грустным фактом остается то,

что он вернулся к старому пути, что он вновь подпал под обаяние Гитлера.

После убийства канцлера Дольфуса, тремя неделями позже, то есть 25 июля 1934 года, положение было таковым, что требовался отзыв германского дипломатического представителя Рита и замена его человеком, который был бы энтузиастом аншлюса с Германией, который бы терпимо относился к нацистским целям и методам, но который придал бы характер респектабельности официальному германскому представительству в Вене. Это положение описано на страницах 478 и 489 стенограммы. Гитлер немедленно реагировал на убийство Дольфуса. Он избрал нового человека, как только узнал об этом. На следующий же день, то есть 26 июля, он послал фон Папену письмо о его назначении. Это имеется на 37-й странице книги документов, документ ПС-2799, который уже был принят Трибуналом без доказательства. Господин Олдерман огласил это письмо и в настоящее время я хотел бы лишь привести некоторые замечания личного характера в конце письма.

В этом письме Гитлер, изложив свою версию дела Дольфуса, выразил желание, чтобы австро-германские отношения пошли опять по дружественному пути. В третьем абзаце говорится следующее:

«По этой причине я прошу Вас, дорогой господин фон Папен, взять на себя важную задачу именно потому, что Вы обладали и продолжаете обладать моим полным и безграничным доверием с начала нашей совместной работы в кабинете».

Последний абзац письма:

«Вновь благодарю Вас за все, что Вы когда-то сделали для координации правительства национальной революции и впоследствии совместно с нами для Германии».

Господа судьи, я только что зачитал отрывок из письма, которое Гитлер послал фон Папену 26 июля 1934 года, письма о назначении последнего послом в Вене.

Это письмо, которое, конечно, было предано гласности, естественно, не раскрывало истинной цели назначения фон Папена. Суть настоящей миссии фон Папена была изложена откровенно вскоре после его приезда в Вену в ходе его частной беседы с американским послом господином Мессерсмитом. Я цитирую из письменного показания господина Мессерсмита, данного под присягой. Это документ ПС-1760, США-57, 22-я страница книги документов, приблизительно середина второго абзаца.

Господин Мессерсмит сказал:

«Когда я посетил фон Папена в германской миссии, он приветствовал меня такими словами: "Теперь Вы в моей

миссии и я могу направлять нашу беседу". В наглой и чрезвычайно циничной манере он затем продолжал рассказывать мне, что вся Юго-Восточная Европа до границ Турции является естественным тылом Германии и что на него возложена миссия обеспечить установление германского экономического и политического контроля над этой областью в интересах Германии. Он резко и прямо заявил, что захват контроля над Австрией является первым шагом. Он определенно заявил, что находится в Австрии для того, чтобы подорвать изнутри и ослабить австрийское правительство и из Вены проводить работу по ослаблению правительств и других государств на юге и юго-востоке. Он сказал, что намеревается использовать свою репутацию хорошего католика для того, чтобы оказывать влияние на некоторых австрийцев, таких, например, как кардинал Иннитцер, для достижения этой цели».

В течение всего раннего периода его миссии в Австрии деятельность фон Папена характеризовалась тем, что он неуклонно избегал какой-либо видимости вмешательства в дела Австрии. Его настоящая миссия была вновь ясно подтверждена через несколько месяцев после ее начала, когда он был инструктирован о том, что «в течение последующих двух лет не следует предпринимать ничего такого, что могло бы привести к внешним политическим затруднениям для Германии», и что нужно избегать любого проявления германского вмешательства в австрийские дела, и сам фон Папен заявил Бергер-Вальденеггу, австрийскому министру иностранных дел: «Да, у Вас есть сейчас английские и французские друзья и Вы можете сохранять Вашу независимость немного дольше». Обо всем этом уже говорил в деталях господин Олдерман, неоднократно цитируя письменное показание под присягой Мессерсмита, что имеется в стенограмме на страницах 492, 506, 507[1].

В течение этого раннего периода нацистское движение набирало силу в Австрии без открытого допуска германского вмешательства, а Германии требовалось больше времени для того, чтобы укрепить свое дипломатическое положение. Об этих причинах, определявших германскую политику, было открыто заявлено германским министром иностранных дел фон Нейратом в беседе с американским послом во Франции, и это зачитывалось господином Олдерманом[2] *и имеется в стенограмме суда на странице 520 как часть документа Л-150, США-65.*

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. М., 1988. С. 487—493.

[2] См. там же. С. 489.

Подсудимый фон Папен соответственно ограничил свою деятельность обычной функцией посла, которая заключалась в установлении контактов со всеми пользующимися уважением элементами австрийского общества и в завоевании симпатий в этих кругах. Несмотря на внешний вид строгого невмешательства, фон Папен оставался связанным с подрывными элементами в Австрии. Так, в своем отчете Гитлеру от 17 мая 1935 года он давал совет относительно стратегии австрийских нацистов, предложенной капитаном Леопольдом — лидером нелегальных австрийских нацистов, целью которой было обманным путем заставить доктора Шушнига создать австрийское правительство в коалиции с нацистской партией. Это документ ПС-2247, США-64. Он помещен в стенограммах суда на страницах 516—518. Это 34-я страница английской книги документов. Я не хочу зачитывать снова это письмо, но я хотел бы обратить внимание Трибунала на его первую строчку, второй абзац в английском тексте, где фон Папен говорит в связи со стратегией капитана Леопольда: «Я предлагаю, чтобы мы приняли активное участие в этой игре».

Я упомянул также в связи с подрывными организациями в Австрии документ ПС-812, США-61, который, как помнит Трибунал, представляет собой отчет Рейнера Буркелю и который уже имеется в стенограмме на страницах 498—505.

Переговоры о соглашении от 11 июля 1936 года между Германией и Австрией в конечном счете велись через фон Папена. Это уже было представлено документом ТС-22, ВБ-20. В официальном тексте этого соглашения говорится, что, хотя Австрия в своей политике будет рассматривать себя как германскую землю, все же Германия признает полный суверенитет Австрии и не будет проводить прямого или косвенного влияния на внутреннее политическое устройство в Австрии. Более интересна секретная часть соглашения, раскрытая господином Мессерсмитом, которая обеспечивает нацистское влияние на австрийский кабинет и участие их в политической жизни Австрии. Это уже было зачитано господином Олдерманом[1] *и находится на 522-й странице стенограммы суда.*

После подписания соглашения подсудимый фон Папен продолжал проводить свою политику, поддерживая контакт с подпольными нацистами, пытаясь влиять на назначения на стратегически важные посты в кабинете и стремясь обеспечить официальное признание организаций нацистского фронта. Отчитываясь перед Гитлером 1 сентября 1936 года, он подводит итоги своей программы нормализации австро-

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 491.

германских отношений в соответствии с соглашением от 11 июля. Это документ ПС-2246, США-67, страница 33 английской книги документов.

Трибунал вспомнит, что он рекомендовал «как руководящий принцип — продолжительные и терпеливые психологические приемы с постепенно усиливающимся нажимом, направленным на изменение режима». Затем он упоминает о беседе с представителями нелегальной партии и говорит, что его целью является обеспечение «корпоративного представительства членов движения в отечественном фронте, но, тем не менее, он на некоторое время, воздерживается от того, чтобы ставить национал-социалистов на ответственные посты».

Нет необходимости снова обращаться к событиям, которые привели к организованной фон Папеном встрече Шушнига с Гитлером в феврале 1938 года, на которой он сам присутствовал, и к окончательному вторжению в Австрию в марте 1938 года. Будет достаточным снова процитировать из биографии фон Папена на 66-й странице книги документов. Это приблизительно на второй половине страницы:

«После мартовских событий 1938 года, в результате которых Австрия была присоединена к германской империи, фон Папен получил удовлетворение от предоставленной ему возможности находиться рядом с фюрером при вступлении в Вену после того, как 14 февраля 1938 года в порядке признания его ценного сотрудничества фюрер принял его в партию и вручил ему золотой партийный значок».

Далее:

«Сначала фон Папен удалился в свое поместье Валлерфанген в Саарской области, но вскоре фюреру снова понадобились его услуги, и 18 апреля 1939 года он назначил фон Папена германским послом в Анкаре».

Так, соблазн службы Гитлеру одержал верх и на этот раз в то время, как захват Чехословакии не мог уже оставить у Папена ни тени сомнения в том, что Гитлер был исполнен решимости проводить свою программу агрессии.

Еще одна цитата из биографии со страницы 66, последнее предложение предпоследнего абзаца:

«После возвращения в империю» — это было в 1944 году — «фон Папен был награжден рыцарским крестом к кресту за военные заслуги с мечами».

В заключение я прошу Трибунал обратить внимание на те пышные похвалы, которыми Гитлер публично награждал фон Папена за его службу, особенно в ранний период. Я привел два примера, когда Гитлер в одном случае сказал: «Его сотрудничество было бесконечно ценным». И в другом

случае: «Вы пользуетесь моим полным и безграничным доверием».

Папен — экс-канцлер, солдат, уважаемый католик. Папен — дипломат. Папен — культурный и воспитанный человек, который сумел преодолеть враждебность и антипатию тех влиятельных кругов, которые стояли преградой на пути Гитлера. Папен был, повторяя слова, сказанные сэром Шоукроссом в его вступительной речи, «одним из людей, чье сотрудничество и поддержка сделали возможным существование нацистского правительства в Германии». Этим я заканчиваю свое выступление.

Д. МАКСУЭЛЛ-ФАЙФ (Великобритания) Об индивидуальной ответственности фон Нейрата[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 23 и 24 января 1946 г.

Господа судьи, представление дела против подсудимого фон Нейрата можно разделить на пять частей. Первая из них касается постов, которые он занимал, и наград, полученных им.

Нейрат был членом нацистской партии с 30 января 1937 года до 1945 года, награжден золотым партийным значком 30 января 1937 года. Он был генералом СС, назначен группенфюрером лично Гитлером в сентябре 1937 года, затем повышен в чине до обергруппенфюрера 21 июня 1943 года; был имперским министром иностранных дел при канцлерстве подсудимого фон Папена со 2 июня 1932 года и при канцлерстве Гитлера с 30 января 1933 года до тех пор, пока 4 февраля 1938 года его место занял подсудимый фон Риббентроп.

Фон Нейрат был имперским министром с 4 февраля 1938 до мая 1945 года.

Он занимал пост президента тайного совета, на который он был назначен 4 февраля 1938 года, являлся членом имперского совета обороны. Он был назначен имперским протектором Богемии и Моравии и занимал этот пост с 18 марта 1939 года до тех пор, пока 25 августа 1943 года его место не занял подсудимый Фрик.

Гитлер наградил его орденом срла при назначении на пост имперского протектора. Подсудимый Риббентроп был

[1] IMT. Vol. 6. P. 98—119.

единственным немцем, который получил эту награду до него.

Господа судьи, эти факты излагаются в документе ПС-2973, США-19, который подписан подсудимым и его защитником. В нем он сам делает комментарий по некоторым из этих вопросов и к ним я сейчас хочу обратиться.

Фон Нейрат говорит, что награждение золотым партийным значком имело место 30 января 1937 года против его воли и без консультации с ним.

Я отмечаю, что подсудимый не только удержался от того, чтобы отвергнуть эту якобы нежелательную для него честь, но после получения награды он посещал те совещания, на которых планировались агрессивные войны, принимал активное участие в насильственном захвате Австрии и осуществлял тиранию в Богемии и Моравии.

Второй пункт заключается в том, что назначение его группенфюрером также было сделано помимо его воли и без консультации с ним.

По этому пункту обвинение указывает, что при разборе аргументов подсудимого должно быть принято во внимание то, что он носил военную форму, получил дальнейшее повышение в чине до обергруппенфюрера, а также его действия против Богемии и Моравии.

Далее он заявляет, что назначение его министром иностранных дел было произведено имперским президентом фон Гинденбургом.

Мы полагаем, что нам следует лишь обратить внимание Трибунала на личности подсудимого фон Нейрата и Гитлера и на тот факт, что президент фон Гинденбург умер в 1934 году. Подсудимый же продолжал оставаться на посту министра иностранных дел до 1938 года.

Он говорит затем о том, что с 4 февраля 1938 года до мая 1945 года был недействующим министром.

В настоящее время мы обращаем внимание Трибунала на деятельность, о которой мы будем говорить ниже, и на наводящие ужас доказательства, касающиеся Богемии и Моравии, которые будут скоро представлены нашим коллегой, советским обвинителем[1].

Следующий аргумент подсудимого заключается в том, что тайный совет никогда не совещался и не заседал.

Я должен указать Трибуналу, что этот совет характеризуется как особый комитет кабинета, созданный для обсуждения вопросов внешней политики, и Трибунал найдет это

---

[1] См. выступпение М.Ю. Рагинского // Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 505—506.

описание в документе ПС-1774, который я представляю как доказательство ВБ-246.

Это отрывок из книги хорошо известного автора, на 2-й странице книги документов. На первой странице этого документа, приблизительно на седьмой строчке снизу страницы, можно видеть, что среди учреждений, подчинявшихся фюреру для прямых консультаций и содействия, четвертым назван тайный совет кабинета. Президент его — имперский министр барон фон Нейрат.

Если члены Трибунала обратятся к 3-й странице, то приблизительно на 10-й строчке сверху они увидят абзац, начинающийся словами:

«Тайный совет кабинета, назначением которого было консультировать фюрера по основным проблемам внешней политики, был создан декретом от 4 февраля 1938 года». И дальше имеется ссылка:

«Тайный совет находится под руководством имперского министра фон Нейрата и включает в себя министра иностранных дел, министра авиации, заместителя фюрера, министра пропаганды, начальника имперской канцелярии, главнокомандующих сухопутными силами и военно-морского флота и начальника штаба верховного командования вооруженных сил. Тайный совет кабинета представляет собой избранную группу сотрудников фюрера, состоящую исключительно из членов правительства империи. Таким образом, этот совет представляет собой особый комитет имперского правительства для обсуждения вопросов внешней политики».

Формальное построение этого учреждения показано в документе ПС-2031, ВБ-217. Мне кажется, он был уже представлен. Нет необходимости его снова зачитывать.

Следующий аргумент, который высказывал подсудимый в связи с теми постами, которые он занимал, заключается в том, что он не был членом имперского совета обороны.

Если позволите, я очень коротко остановлюсь на этом вопросе в его развитии по стадиям, и я напомню Трибуналу, что имперский совет обороны был создан вскоре после прихода Гитлера к власти 4 апреля 1933 года, члены Трибунала найдут доказательство этого в документе ПС-2261, США-24, и наверху 12-й страницы книги документов они увидят ссылку на дату создания имперского совета обороны.

Вопрос об имперском совете обороны также затрагивается в документе ПС-2986, США-409, представляющем собой письменное показание подсудимого Фрика, которое Трибунал найдет на 14-й странице. В середине этого короткого письменного показания подсудимый Фрик говорит:

«Мы были также членами имперского совета обороны, назначением которого являлось планирование подготови-

тельных мероприятий на случай войны, которые позднее были опубликованы министерским советом обороны империи».

То, что в число членов этого совета входил и министр иностранных дел, которым тогда был подсудимый фон Нейрат, показано в документе ЕС-177, США-390. Если члены Трибунала обратятся к 16-й странице книги документов, они найдут этот документ, и внизу страницы, где перечислены лица, входившие в состав имперского совета обороны, в числе его постоянных членов назван министр иностранных дел. Этот документ датирован 22 мая 1933 года, то есть в то время, когда подсудимый занимал этот пост.

Это первая стадия в моем рассмотрении вопроса.

Деятельность этого совета показана в протоколах 12-го совещания, которое имело место 14 мая 1936 года. Причем на этом совещании присутствовал представитель ведомства подсудимого — фон Бюлов. Это документ ЕС-407, который я представляю в качестве доказательства ВБ-247. Члены трибунала увидят на 21-й странице, что протокол совещания датирован 14 мая 1936 года и фактическая ссылка на выступление фон Бюлова имеется в середине страницы 22.

Следующий период относится ко времени после принятия секретного закона от 4 сентября 1938 года. Фон Нейрат был, согласно этому закону, членом имперского совета обороны в силу его поста президента тайного совета. Это устанавливается документом ПС-2194, США-36, который Трибунал найдет на 24-й странице, и если вы посмотрите на 24-ю страницу, то увидите, что та копия, которая была представлена в качестве доказательства, была вложена в письмо, адресованное имперскому протектору Богемии и Моравии 6 сентября 1939 года.

Довольно странно, что имперский протектор Моравии и Богемии сейчас отрицает свое членство в этом совете, тогда как письмо с вложенной в него копией закона адресовано ему.

Если члены Трибунала обратятся к 28-й странице документа, то в последних словах описываются задачи этого совета следующим образом:

«Задача имперского совета обороны состоит в мирное время в принятии решений по поводу всех мер, которые должны быть приняты для подготовки обороны империи и для объединения всех сил и средств нации, согласно указаниям фюрера и имперского канцлера. Задачи совета в военное время будут особо определены фюрером и имперским канцлером».

Если члены Трибунала обратятся к следующей странице, они увидят список постоянных членов этого совета и

седьмым в этом списке указано имя президента тайного совета, которым является, опять же, фон Нейрат.

Я утверждаю, что вышеизложенное мной опровергает для каждого соответствующего периода заявление подсудимого о том, что он не являлся членом имперского совета обороны.

Второй общий пункт, который обвинение выдвигает против этого подсудимого, заключается в том, что, приняв пост министра иностранных дел в кабинете Гитлера, подсудимый взял на себя ответственность за внешнюю политику, проводившуюся в нарушение договоров.

Мы утверждаем, прежде всего, что нацистская партия неоднократно в течение многих лет заявляла о своем намерении отказаться от международных обязательств Германии, даже рискуя войной. Мы ссылаемся на 1-й и 2-й пункты партийной программы, которая, как Трибунал слышал, издавалась каждый год. Это имеется на 32-й странице книги документов. Это документ ПС-1708, США-255.

Я лишь напомню Трибуналу о 1-м и 2-м пунктах партийной программы:

«1. Мы требуем объединения всех немцев в расширенных границах Великой Германии на основе права народов на самоопределение.

2. Мы требуем равных прав для германского народа по отношению к другим народам; отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров».

Но, пожалуй, еще более ясным является заявление, содержащееся в речи Гитлера, произнесенной им в Мюнхене 15 марта 1939 года. Члены Трибунала найдут ссылку на него на 40-й странице. Она начинается следующими словами:

«В моей внешней политике я преследовал такие же цели. Моя программа заключалась в отмене Версальского договора. Мир совершает вздорную глупость, заявляя сегодня, что я не раскрывал эту программу до 1933, или 1935, или 1937 года. Вместо того чтобы слушать глупую болтовню эмигрантов, эти джентльмены поступили бы более мудро, если бы они прочитали то, что я писал, писал тысячу раз».

Иностранцы совершали вздорную глупость, поднимая этот вопрос. Но еще большим вздором является заявление нацистского министра иностранных дел о том, что он ничего не знал об агрессивном направлении политики. Я напомню Трибуналу, что любому лицу, находящемуся в таком тесном соприкосновении с Гитлером, как подсудимый фон Нейрат, должно было быть известно о допущении силы как средства разрешения международных проблем и достижения целей нацистской внешней политики. Я напомню Трибуналу об этом просто ссылкой на те отрывки из «Майн кампф», которые были процитированы моим другом господином Элви-

ном Джонсом[1], особенно те, которые помещаются в конце книги на страницах 552, 553 и 554.

Итак, обвинение заявляет, что принятием этой внешней политики подсудимый фон Нейрат помогал и содействовал приходу к власти нацистской партии.

Третий общий пункт нашего обвинения заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, этот подсудимый руководил международной частью политики в течение первой фазы нацистского заговора — укрепления власти для подготовки войны.

Как я уже указывал, в связи с его тесным контактом с Гитлером этому подсудимому должны были быть известны основные положения политики Гитлера, которые привели к развязыванию мировой войны, как это было намечено Гитлером в его речи, обращенной к военным руководителям 23 ноября 1939 года.

Эта политика имела две стороны: внутренняя — учреждение сурового контроля; внешняя — программа освобождения Германии от ее международных обязательств.

Внешняя программа заключала в себе четыре пункта:

1. Уход с конференции по разоружению.
2. Приказ о перевооружении Германии.
3. Введение обязательной воинской повинности.
4. Ремилитаризация Рейнской области.

Если члены Трибунала обратятся к странице 35 книги документов, то в конце первого абзаца они найдут эти пункты в очень кратком изложении и, я думаю, мне следует зачитать этот отрывок. Это документ ПС-789, США-23. Приблизительно за десять строчек до конца абзаца имеется следующая выдержка:

«Я должен реорганизовать все — сначала массы людей, а затем вооруженные силы. Первое — внутренняя реорганизация — уничтожение возможности проявления упаднических и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я предпринял решение второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Следует указать два особенно характерных пункта в этой задаче: выход из Лиги наций и уход с конференции по разоружению. Это было трудное решение. Число пророков, которые предвещали, что это приведет к оккупации Рейнской области, было велико; число верящих в меня было очень незначительно. Меня поддерживал народ, который твердо стоял за меня, когда я проводил в жизнь свои идеи. После этого настало время приказа о перевооружении. Снова появились бесчисленные

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 244—248.

пророки, которые предвещали несчастья, и только немногие верили.

В 1935 году — введение обязательной воинской повинности. После этого — ремилитаризация Рейнской области, еще одно мероприятие, которое в то время считали невозможным. Число людей, которые верили в меня, было очень незначительным. Затем начало строительства укреплений по всей стране, особенно на западе».

Таково краткое содержание этих четырех пунктов. Подсудимый фон Нейрат непосредственно и лично принимал участие в проведении в жизнь каждого из этих четырех аспектов гитлеровской внешней политики, в то же время официально заявляя, что эти меры не являются шагами к агрессии.

Первый пункт — вопрос истории. Когда Германия покинула конференцию по разоружению, подсудимый послал телеграмму, датированную 14 октября 1933 года председателю этой конференции. Это имеется в «Документах немецкой политики» на странице 94, том 1, 1933 года издания.

Подсудимый таким же путем объявил о выходе Германии из Лиги наций 21 октября 1933 года. Это также может быть найдено в официальных документах. На них имеются ссылки в стенограммах суда на страницах 402 и 450 и я напоминаю Трибуналу о дополнительных документах о военной подготовке, которые несомненно зачитывались в суде. Это документы С-140, США-51 от 25 октября 1933 года и С-153, США-43 от 12 мая 1934 года.

Второй пункт — перевооружение Германии. Когда подсудимый был министром иностранных дел, 9 марта 1935 года германское правительство официально объявило о создании германских военно-воздушных сил. Это изложено в документе ТС-44, ВБ-11, на который уже ссылались.

21 мая 1935 года Гитлер объявил об одностороннем отказе от пунктов Версальского договора, касающихся военно-морских, наземных и воздушных сил, что, естественно, вызвало и односторонний отказ от тех же положений в договоре о восстановлении дружественных отношений с Соединенными Штатами. Это изложено в документе ПС-2288, США-38, который также уже был зачитан. В тот же день имперский кабинет, членом которого был подсудимый, принял секретный закон об обороне империи, согласно которому была создана должность чрезвычайного генерального уполномоченного по военной экономике, впоследствии охарактеризованная экспертом вермахта по вооружению как «краеугольный камень германского перевооружения». Ссылка на этот закон имеется в документе ПС-261, США-24. Это письмо фон Бломберга, датированное 24 июня 1935 года, с приложением этого закона, которое уже представ-

лено Трибуналу. Ссылка на комментарии о важности этого закона имеется в документе ПС-2353, США-35. Частично они уже зачитывались, но если члены Трибунала обратятся к 52-й странице, где находится этот документ, я зачитаю Трибуналу лишь последнее предложение:

«Новые положения изложены в законе об обороне империи от 21 мая 1935 года, который предполагалось опубликовать только в случае войны и который был уже объявлен действующим для проведения подготовки к войне...

Поскольку этот закон устанавливает обязанности вооруженных сил и других имперских властей в случае войны, он также является основным руководством для развития и функционирования организации военной экономики».

Третий пункт — введение обязательной воинской повинности. 16 марта 1935 года фон Нейрат подписал закон об организации вооруженых сил, согласно которому вводилась всеобщая обязательная военная служба и предполагалось большое увеличение германской армии. Это было описано подсудимым Кейтелем как настоящее начало широкой программы по перевооружению, которая последовала за этим законом. Я делаю официальную ссылку на «Рейхсгезетцблатт» за 1935 год, часть 1, страница 369; стенограмма суда — страницы 411, 454 и 455.

Четвертый пункт — ремилитаризация Рейнской области. Рейнская область была вторично оккупирована 7 марта 1936 года. Я напомню Трибуналу о двух дополнительных документах: ПС-2289, США-56 — объявление Гитлера об этой акции и С-139, США-53 — директива об операции «Шулунг», в которой предусматривается применение военных действий при необходимости. Я ссылаюсь на страницы 458 — 464 стенограммы суда. Таковы были деяния, за которые подсудимый должен разделить ответственность в связи с тем положением, которое он занимал, и с теми шагами, которые он предпринимал. Несколько позднее фон Нейрат суммировал свои взгляды на изложенные выше действия в речи перед немцами, живущими за границей, которую он произнес 29 августа 1937 года и которую я прошу Трибунал принять без доказательств, поскольку эта речь имеется в «Дас Архив» за 1937 год на странице 650. Я процитирую короткую выдержку из нее, которая находится на 72-й странице книги документов:

«Единство расовой и национальной воли, созданное нацизмом с небывалой стремительностью, сделало возможной такую внешнюю политику, при которой путы Версальского договора были разорваны, была вновь достигнута свобода вооружаться и восстановлен суверенитет всей нации. Мы снова стали хозяевами в нашем собственном доме и произвели средства, на которых базируется наша

мощь, для того чтобы отныне такое положение сохранялось на все времена. Мир должен был бы заметить из деяний и слов Гитлера, что его цели не являются агрессивными».

Мир тогда, конечно, не мог видеть эти различные дополнительные документы о военных приготовлениях, которые я имею возможность представить Трибуналу. Следующий раздел, следующий пункт обвинения против подсудимого фон Нейрата заключается в том, что, будучи министром иностранных дел, а также одним из членов тесного круга советников фюрера по вопросам внешней политики, он принимал участие в политическом планировании и подготовке актов агрессии против Австрии, Чехословакии и других стран.

Характеризуя политику подсудимого одной фразой, я бы сказал, что это было нарушение одного договора за другим. Он сам говорил несколько более напыщенно, но по существу о том же самом, в речи в Академии германского права 30 октября 1937 года. Это имеется в «Дас Архив» за октябрь 1937 года на 921-й странице и члены Трибунала найдут это в книге документов на странице 73:

«Признавая эти элементарные факты, имперский кабинет всегда выступал в пользу того, чтобы каждая конкретная международная проблема разрешалась методами, подходящими именно для данного случая, но не осложнялась без необходимости связью с другими проблемами. Если речь идет о проблемах, возникших между двумя державами, следует выбирать прямой путь для немедленного взаимопонимания между этими двумя державами. Мы в состоянии заявить, что этот метод полностью себя оправдал не только в интересах Германии, но также и в общих интересах».

Нейрат полностью забывает при этом об интересах других стран, оказавшихся сторонами при подписании различных договоров, с которыми разделывались подобным образом. Настоящее проведение этой политики может быть показано на таблице действий подсудимого в то время, когда он был министром иностранных дел, и также во время деятельности его преемника, когда подсудимый все еще продолжал оказывать влияние.

В 1935 году предпринимается акция, направленная против западных держав. Этой акцией было перевооружение Германии. Когда оно проводилось, другая страна должна была быть разуверена в этом. В то время это была Австрия, которую поддерживала Италия. Этой поддержкой Австрия пользовалась до 1935 года. Итак, по этому поводу было дано обманное заверение. Суть приемов была изложена Гитлером 21 мая 1935 года. Что заверение было фальшивым, ясно доказывается документом, который представил

господин Олдерман. Я позволю себе лишь общую ссылку на страницы 534—545 стенограммы суда. Затем, в 1936 году, опять налицо необходимость в действиях, направленных против западных держав — оккупация Рейнской области. По этому поводу опять было дано обманное заверение Австрии в договоре от 11 июля 1936 года, и то, что оно было обманным, доказывается письмами подсудимого Папена — доказательства США-64 и -67, на одно из которых недавно ссылался мой друг майор Баррингтон.

Затем в 1937—1938 годах — обратитесь к следующему столбцу — акция была направлена против Австрии. Мы знаем, что это было. Это было поглощение страны, запланированное во всяком случае окончательно на совещании 5 ноября 1937 года, а сама акция имела место 11 марта 1938 года.

Нужно было успокоить западные державы. Итак, было дано заверение Бельгии 13 октября 1937 года, о чем говорил мой друг господин Робертс. Трибунал найдет ссылки на это на страницах 1100 — 1126 стенограммы суда.

Перейдем к следующему году, когда объектом агрессивного действия стала Чехословакия. Мне следовало бы сказать, что проводимые акции разделяют периоды от 6 месяцев до 1 года. За это время произошел захват Судетской области в сентябре и поглощение всей Богемии и Моравии 15 марта 1939 года.

Тогда появилась необходимость успокоить Польшу, и поэтому Гитлер сделал по адресу Польши заверение 20 февраля 1938 года и повторил его 26 сентября 1938 года. Ложность этого заверения была неоднократно раскрыта в выступлении полковника Гриффит-Джонса[1] по Польше, которое члены Трибунала найдут на страницах 966 — 1016 стенограммы суда.

Затем, наконец, когда в следующем году акция была направлена против Польши с целью ее завоевания, заверение должно было быть дано России. Итак, 23 августа 1939 года был заключен пакт о ненападении, как это уже было показано Трибуналу мистером Олдерманом, страницы 1160—1216 стенограммы суда.

Что касается представленной нами таблицы, о ней можно сказать: она говорит сама за себя. Но совершенно откровенное заявление подсудимого фон Нейрата, касающееся раннего периода, может быть найдено в записи беседы его с послом Соединенных Штатов господином Буллитом, которая имела место 18 мая 1936 года, страница 74 книги документов, документ Л-159, США-65. Я зачитаю пер-

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 3. М., 1989. С. 88—138.

вый абзац после введения, где говорится, что Буллит посетил подсудимого. Господин Буллит заявляет:

«Фон Нейрат сказал, что политика германского правительства заключается в том, чтобы не предпринимать нечего активного в области внешней политики до тех пор, пока Рейнская область не будет "освоена". Как он объяснил, он имел в виду, что, пока германские укрепления не будут построены на французской и бельгийской границах, германское правительство будет делать все возможное для того, чтобы скорее предотвратить, нежели поощрить выступление нацистов в Австрии и будет придерживаться мирной политики по отношению к Чехословакии.

Как скоро наши укрепления будут построены и страны Центральной Европы поймут, что Франция не может вступить на германскую территорию по своей воле, все эти страны начнут совсем по другому оценивать свою внешнюю политику».

Я напомню Трибуналу, не цитируя ее, о беседе, на которую недавно ссылался мой друг, господин Баррингтон и которая имела место между подсудимым фон Папеном как послом и господином Мессерсмитом. Она примерно такого же содержания.

Далее я перехожу к самой агрессии против Австрии и напоминаю Трибуналу, что подсудимый фон Нейрат был в то время министром иностранных дел.

Во-первых, в течение раннего периода составления нацистских планов против Австрии в 1934 году. Трибунал найдет это в стенограмме суда на страницах 475 — 489. Я напомню в общих чертах, что это касается убийства Дольфуса и других вспомогательных действий, которые впоследствии были так горячо одобрены.

Во-вторых, когда фальшивое заверение было дано Австрии 21 мая 1935 года, 11 июля 1936 года был заключен обманный договор с ней. Ссылка на эти действия имеется в документе ТС-26, ВБ-19, ТС-22, ВБ-20. Ссылка в стенограмме суда имеется на страницах 544 и 545.

В-третьих, когда подсудимый фон Папен проводил свои подпольные интриги в период с 1935 по 1937 год.

Я снова ссылаюсь для сведения Трибунала на документ ПС-2247, США-64, письмо, датированное 17 мая 1945 года, и документ ПС-2246, США-67, от 1 сентября 1936 года. Ссылки в стенограммах суда имеются на страницах 492, 516 — 518, 526 — 545 и 553 — 554.

Подсудимый фон Нейрат присутствовал тогда, когда Гитлер 5 ноября 1937 года заявил о том, что германский вопрос может быть разрешен только силой и что в его планы входит захват Австрии и Чехословакии. Это документ ПС-386, США-25, который Трибунал найдет на 82-й стра-

нице книги документов. Если вы посмотрите на 6-ю строчку сверху на странице 82, после заголовка вы увидите, что одним из присутствовавших на этом сугубо секретном совещании был имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат.

Не зачитывая этот документ, на который неоднократно ссылались перед Трибуналом, я только напомню, что отрывок о захвате Австрии находится на странице 86, и, если члены Трибунала посмотрят на нее, то после второго и третьего пункта следующее предложение гласит:

«Для улучшения нашего военно-политического положения нашей первой целью при любой ситуации, связанной с военными действиями, было завоевать Чехословакию и Австрию одновременно для того, чтобы избежать любой угрозы с флангов в случае вероятного наступления на Запад».

Далее это положение развивается на следующей странице. Важный пункт заключается в том, что подсудимый присутствовал на этом совещании и поэтому после этого совещания он не может не согласиться с тем, что он действовал с открытыми глазами и с полным пониманием того, что предполагалось осуществить.

Затем идет следующий пункт. Во время проведения аншлюса он получил ноту от британского посла, датированную 11 марта 1938 года. Это документ ПС-3045, США-127. Он послал ответ, который содержится в документе ПС-3287, США-128. Я очень коротко напомню Трибуналу о нем, насколько это необходимо. На этот документ уже ссылались раньше. Я обращаю внимание Трибунала на абзац в начале 93-й страницы.

Подсудимый фон Нейрат заявляет:

«Неправда, что империя употребила насильственное давление для того, чтобы добиться нужного ей развития хода событий, особенно является неправдой утверждение, которое было распространено позднее бывшим канцлером Шушнигом о том, что германское правительство представило федеральному президенту ультиматум с рядом условий. Это является чистым измышлением».

Согласно этому ультиматуму, он должен был назначить канцлером предлагаемого кандидата для того, чтобы сформировать кабинет, отвечающий предложениям германского правительства. В противном случае предполагалось вторжение германских войск в Австрию.

«Правда заключается в том, что вопрос о направлении военных или полицейских сил из империи возник только тогда, когда вновь сформированный австрийский кабинет послал германскому правительству телеграмму, уже опубликованную прессой, настойчиво запрашивая о срочной по-

сылке германских войск для восстановления мира и порядка. Тогда германское правительство, оказавшись перед лицом немедленной угрозы кровавой гражданской войны в Австрии, решило удовлетворить эту обращенную к нему просьбу».

Как я уже сказал, милорд, это два наиболее лживых утверждения, и любой скажет по этому поводу, что подсудимый должен был обладать мрачным юмором, чтобы писать подобное тогда, как правдой было то, что уже известно Трибуналу на основании следующих данных: отчета гаулейтера Рейнера Буркелю, который был уже представлен Трибуналу как документ ПС-812, США-61; полностью оглашенных перед Трибуналом записей бесед по телефону Геринга с Австрией, которые имели место в тот день и которые изложены в документе ПС-2949, США-76; отрывков из дневника Иодля за 11, 13 и 14 февраля, которые имеются в документе ПС-1780, США-72.

При этом обилии доказательств лживости заявлений подсудимого Трибунал, пожалуй, сочтет, что наиболее ясной и очевидной поправкой к его утверждениям являются стенографические записи бесед Геринга по телефону, содержание которых неоднократно подкреплялось другими документами...

Я прошу Трибунал взглянуть на страницу 116 для того, чтобы уточнить этот вопрос. Это 116-я страница книги документов, запись в дневнике подсудимого Иодля от 10 марта. В третьем абзаце говорится:

«В 13 часов генерал Кейтель информирует начальника штаба оперативного руководства и адмирала Канариса. Риббентроп задерживается в Лондоне. Нейрат принимает на себя министерство иностранных дел».

Я заявляю, что нельзя представить себе, чтобы, приняв министерство иностранных дел и занимаясь этим вопросом и, как я покажу Трибуналу через минуту, сотрудничая с подсудимым Герингом для того, чтобы приспособиться к обидчивости и восприимчивости чехов, этот подсудимый мог настолько не знать правду о событиях и о том, что происходило в действительности, чтобы честно и искренне написать такое письмо.

Его положение может быть также достаточно ясно охарактеризовано той оценкой, которая дается ему в письменном показании Мессерсмита, в документе ПС-2385, США-68. Если члены Трибунала обратятся к странице 107 книги документов, я напомню им об этой записи, в которой точно описываются действия и характер деятельности подсудимого во время этого кризиса. Опуская две трети страницы, читаю абзац внизу, который начинается словами:

«Я должен подчеркнуть здесь в этих показаниях, что люди, которые давали эти обещания, были не только закоренелые нацисты, но и более консервативные немцы, которые уже начали по собственной доброй воле посвящать себя выполнению нацистской программы.

В официальном сообщении в министерство иностранных дел США из Вены 10 октября 1935 года я писал следующее: «Европа не избавится от мифа о том, что Нейрат, Папен и Макензен не опасные люди и что они являются "дипломатами старой школы". На самом деле они являются орудием режима, рабски служат ему, и именно потому, что внешний мир расценивает их как безвредных, они могут проводить свою работу наиболее эффективно. Они способны посеять раздор именно потому, что распространяют миф о том, что они не сочувствуют режиму...»

Господа судьи, до того, как состоялся перерыв, я остановился на роли подсудимого Нейрата в агрессии против Австрии. Прежде чем перейти к следующей стадии представления доказательств, я прошу Трибунал соблаговолить обратить внимание на подлинник документа ПС-3287, США-128, из которого я буду зачитывать выдержки. Это письмо подсудимого, адресованное сэру Невиллю Гендерсону, который в то время был английским послом в Германии.

Я был бы благодарен господам судьям, если бы они взглянули на страницу 92 книги документов. Когда я говорю «подлинник», я имею в виду заверенную английским МИДом копию этого документа. Бланк озаглавлен: «Председатель тайного правительственного совета». Трибунал должен запомнить это обстоятельство. Было подвергнуто сомнению существование или деятельность этого органа, а заголовок на бланке показывает, что подсудимый занимал должность, указанную в заголовке.

На следующей стадии агрессии против Австрии, во время оккупации Австрии, этот подсудимый дал заверения господину Мастни, чехословацкому послу в Берлине, относительно того, что независимость Чехословакии будет уважаться. Этот документ находится на 123-й странице. Документ ТС-27, ВБ-21, который уже был представлен в качестве доказательства. Это документ, направленный лорду Галифаксу, который тогда был британским министром иностранных дел. Я хотел бы зачитать второй абзац для того, чтобы напомнить Трибуналу, при каких обстоятельствах он был написан. Господин Масарик писал:

«В результате я получил поручение от моего правительства довести до сведения правительства Его Величества следующие факты: вчера вечером (11 марта) фельдмаршал Геринг сделал два отдельных заявления господину Мастни, че-

хословацкому послу в Берлине, и заверил его, что события в Австрии никоим образом отрицательно не отразятся на отношениях между германской империей и Чехословакией, и подчеркнул постоянное и искреннее стремление со стороны Германии улучшать эти взаимоотношения».

Затем приводятся подробности того, как это было подано подсудимому Герингу, о чем уже говорилось Трибуналу, и я не буду еще раз их оглашать.

Затем в 6-м абзаце говорится:

«Господин Мастни имел возможность, со своей стороны, представить ему определенные заверения по этому вопросу, — то есть представить подсудимому Герингу данные по вопросу мобилизации чешской армии, и далее говорится — и сегодня говорил с бароном фон Нейратом, который, помимо прочих вопросов, заверил его от имени господина Гитлера, что Германия по-прежнему считает себя связанной с Чехословакией арбитражной конвенцией, которая была заключена в Локарно в октябре 1925 года».

Принимая во внимание тот факт, что подсудимый фон Нейрат 4 месяцами ранее присутствовал на совещании 5 ноября, на котором он слышал высказывания Гитлера относительно Чехословакии, а это было всего за шесть месяцев до того, как этот договор был нарушен, я утверждаю, что этот абзац является превосходным примером той тактики, первейшим мастером которой является подсудимый.

Теперь я перехожу к вопросу об агрессии против Чехословакии. 28 мая 1938 года Гитлер созвал совещание ответственных руководителей, на котором присутствовали Бек, фон Браухич, Редер, Кейтель, Геринг и Риббентроп. На этом совещании Гитлер вновь подтвердил необходимость завершения подготовки военных действий против Чехословакии к октябрю, существует предположение, хотя я могу открыто сказать, что это не подтверждено, что на этом совещании присутствовал также и подсудимый фон Нейрат. Об этом совещании говорилось на страницах 742 и 743 стенограммы суда.

Председатель: *Сэр Дэвид, имеются ли какие-либо доказательства этого?*

Максуэлл-Файф: *Нет. Ваша честь вспомнит эти документы, целый ряд документов. Там ничего не было сказано о том, кто присутствовал на совещаниях. Поэтому я высказываю это предположение с оговоркой.*

4 сентября 1938 года правительство, членом которого был фон Нейрат, приняло новый секретный закон об обороне империи, в котором возлагалась официальная ответственность на различных лиц в явном ожидании войны. Этот закон предусматривал так же, как и предыдущий секретный закон об обороне империи, создание «импер-

ского совета обороны», который должен был действовать как высший орган политического руководства подготовки войны. Трибунал вспомнит, что я уже ссылался на документ ПС-2194, США-36, где излагаются эти факты. Затем было заключено Мюнхенское соглашение 29 сентября 1938 года, но, несмотря на это, 14 марта 1939 года германские войска вступили в Чехословакию и было издано воззвание к германскому народу и отдан приказ вермахту. Это содержится в документе ТС-50, ВБ-7, который Трибунал найдет на странице 124 книги документов. Ввиду того что на этот документ уже ссылались прежде, я не буду оглашать его еще раз.

16 марта 1939 года германское правительство, членом которого фон Нейрат все еще оставался, опубликовало декрет фюрера и имперского канцлера относительно учреждения протектората Богемия и Моравия. Это было 16 марта. Об этом говорится на странице 126 книги документов, документ ТС-51, ВБ-8.

Я хотел бы ненадолго отвлечься от этой темы с тем, чтобы вернуться к ней вновь, когда я буду рассматривать вопрос создания протектората. Я скоро вновь вернусь к этому вопросу и оглашу статью 5. Но в хронологическом порядке события разворачивались следующим образом: на следующей неделе подсудимый фон Риббентроп подписал договор со Словакией, который имеется на странице 129 книги документов, и Трибунал вспомнит статью 2 этого договора, которая гласит:

«С целью придания эффективности защите, предпринимаемой германской империей, германские вооруженные силы будут пользоваться правом в любое время воздвигать военные сооружения и держать в них гарнизоны такой численности, которая покажется им необходимой. Гарнизоны будут находиться в области, ограниченной с западной стороны государственной границей Словакии и с восточной стороны — линией, которая проходит по восточным склонам Нижних Карпат, Белых Карпат и Яворсникских гор.

Правительство Словакии примет необходимые меры для того, чтобы обеспечить передачу территорий, необходимых для этих сооружений, германским вооруженным силам. Более того, правительство Словакии согласится сделать исключение из таможенных правил для предметов импорта из империи, предназначенных для снабжения германских войск и строительства военных сооружений».

Трибунал согласится с тем, что основная цель политики Гитлера была раскрыта на совещании, на котором присутствовал подсудимый, 5 ноября 1937 года. Это было возобновление «похода на Восток с целью завоевания жизненного пространства». Это явствует из разъяснения Гитлера относительно условий этого договора.

Теперь мы переходим к сути преступной деятельности подсудимого фон Нейрата. Он лично способствовал агрессии против Чехословакии и всего мира тем, что он согласился занять пост имперского протектора Богемии и Моравии, и тем, что в действительности занимал этот пост. Он также активно участвовал в заговоре с целью мировой агрессии и занимал руководящее положение в проведении в жизнь политики, обусловившей нарушение законов ведения войны и совершение преступлений против человечности.

Я надеюсь, что Трибунал учтет, что я не намерен вновь касаться тех вопросов, которые были освещены моими коллегами, и не буду подробно останавливаться на преступлениях. Я хочу только показать совершенно отчетливо Трибуналу, что основание для совершения этих преступлений было заложено теми законодательными положениями, которые принял подсудимый.

Во-первых, подсудимый фон Нейрат занял пост протектора, обладая самыми широкими правами. Законодательный акт, которым был создан протекторат, предусматривал:

«1. Являясь попечителем интересов империи, фюрер и имперский канцлер назначает имперского протектора в Богемии и Моравии. Резиденция протектора будет в Праге.

2. На имперского протектора как представителя фюрера и имперского канцлера и как на уполномоченного имперского правительства возлагается обязанность следить за соблюдением политических принципов, установленных фюрером и имперским канцлером.

3. Имперский протектор будет утверждать кандидатуры членов правительства протектората. Утверждение может быть взято назад.

4. Имперский протектор пользуется правом получать информацию относительно всех мероприятий, проводимых правительством протектората, и может давать советы. Он может протестовать против мероприятий, которые могут причинить ущерб империи, и в случае, если промедление грозит опасностью, он может издавать декреты, необходимые в общих интересах.

5. Опубликование законов, декретов и других законодательных актов, равно как и исполнение административных мер и судебных постановлений, будет остановлено в случае протеста имперского протектора».

С самого начала существования протектората верховная власть подсудимого фон Нейрата была закреплена путем издания целого ряда основополагающих декретов, которые я прошу Трибунал принять без доказательства. Эти декреты составили фиктивную правовую базу для политики и программы, которые последовали за этим и которые были направлены к единой цели, а именно к систематическому раз-

рушению национального единства чехов. Я перечислю некоторые из этих декретов:

1. Декрет, которым «этнические немцы» в Чехословакии приобретали гражданство высшего разряда. Я сейчас ссылаюсь на декрет фюрера и имперского канцлера относительно протектората, о котором я только что упоминал.

2. Акт относительно представительства в рейхстаге Германии в расширенных границах лиц германской национальности, проживающих в протекторате. Этот акт был издан 13 апреля 1939 года.

3. Приказ от 20 апреля 1939 года относительно принятия в германское подданство бывших чехословацких граждан германского происхождения.

Затем был издан целый ряд декретов, которыми «этническим немцам» в Чехословакии предоставлялся статус, дающий предпочтение в вопросах, касающихся судебного разбирательства и других юридических вопросов:

1. Декрет от 14 апреля 1939 года относительно уголовного судопроизводства в протекторате Богемия и Моравия.

2. Декрет от 14 апреля 1939 года относительно судебного разбирательства гражданских дел.

3. Декрет от 8 мая 1939 года относительно судопроизводства в военных трибуналах.

Принятыми постановлениями протектору предоставлялись широкие полномочия изменять путем издания декретов национальные законы протектората. Об этом говорилось в постановлении по вопросу законодательства в протекторате от 7 июня 1939 года.

И, наконец, протектору предоставлялось право прибегать к помощи рейхсфюрера СС и начальника германской полиции для того, чтобы принимать, в случае необходимости, такие полицейские меры, которые выходят за пределы обычных полицейских мер.

Ввиду характера этого декрета, опубликованного в «Рейхсгезетцблатт», — если Трибуналу угодно просмотреть его и принять без доказательств, он имеется в книге документов на странице 131, — трудно себе представить, каковы могли быть полицейские меры, даже выходящие за пределы обычных полицейских мер, особенно если при этом вспомнить, какие полицейские меры применялись в самой Германии между 1933 и 1939 годом. Но если такое превышение было возможным, а, по всей видимости, оно было возможным, то подсудимый фон Нейрат использовал их для принуждения чехов.

Объявленная политика протектора была направлена к единой цели, а именно: к уничтожению независимости чехов как нации и присоединению их территории к империи. Я прошу Трибунал соблаговолить взглянуть на страницу 132 книги документов, где имеется документ ПС-862, США-

11 Заказ 1429

313. Я думаю, что этот документ уже оглашался в суде, однако я прошу Трибунал быть настолько любезным, чтобы разрешить мне еще раз огласить его, с тем чтобы показать существо этого документа.

Этот меморандум подписан генералом пехоты Фридеричe. Он написан на бланке, озаглавленном: «Заместитель командующего вооруженными силами при имперском протекторе Богемии и Моравии». Он обозначен как совершенно секретный документ и датирован 15 октября 1940 года. Он был издан за год до того, как подсудимый покинул свой пост, как это он показал, 27 сентября 1941 года. Этот меморандум озаглавлен: «Основные принципы политики в протекторате» и был отпечатан в 4-х экземплярах. Он был направлен также подсудимому Кейтелю и подсудимому Иодлю и начинался следующими словами:

«9-го октября этого года — то есть 1940 года — в управлении имперского протектора состоялось официальное совещание, на котором статс-секретарь, группенфюрер СС К.Х.Франк — это не подсудимый Франк, а его однофамилец — говорил следующее: "После создания протектората Богемия и Моравия партийные органы, промышленные круги, а также органы центрального правительства в Берлине рассматривали пути разрешения чешской проблемы".

После тщательного изучения вопроса имперский протектор выразил в форме меморандума свое мнение относительно различных планов. В этом меморандуме указывались три возможности разрешения этой проблемы.

А. Германское проникновение в Моравию и перевод населения чешской национальности в оставшуюся часть Богемии.

Это решение считается неудовлетворительным. Чешская проблема, хотя и в меньшей степени, все равно продолжала бы существовать.

В. Многочисленные возражения могут быть выдвинуты против наиболее радикального пути разрешения этой проблемы, а именно против насильственной депортации всех чехов. В меморандуме делается заключение, что эта акция не может быть проведена в разумных границах времени.

С. Ассимиляция чехов, то есть поглощение примерно половины чешского народа германской нацией, поскольку это имеет положительное значение с радикальной или других точек зрения. Она будет проводиться, помимо других путей, также увеличением числа чешских рабочих, используемых на территории империи, за исключением пограничного района Судетской области, или, говоря другими словами, путем распыления сосредоточенного сейчас в одном месте чешского народа.

Другая половина чешской национальности должна быть всеми возможными способами лишена всяких прав, уничто-

жена или вывезена из страны. Это относится, в особенности, к той части населения, которая в расовом отношении представляет собой монголоидов, и к большей части интеллигенции. Интеллигенцию едва ли можно перевоспитать в идеологическом отношении и она всегда будет представлять собой обузу, постоянно претендуя на руководящую роль по отношению к другим классам чешского населения и препятствуя, таким образом, быстрой ассимиляции.

Те элементы, которые препятствуют задуманной германизации, должны подвергаться жестокому обращению и подлежат истреблению.

Вышеуказанное развитие (ассимиляция), естественно, предполагает усиленный приток немцев с территории империи в протекторат.

После обсуждения вопроса фюрер избрал решение «С» (ассимиляцию) в качестве директивной установки при решении чешской проблемы и приказал, что, наряду с внешним сохранением автономии протектората, в течение ближайших лет следует проводить германизацию единообразным путем под руководством управления имперского протектора.

Из вышеуказанного никаких особых заключений не вытекает для вооруженных сил. Эта установка всегда существовала. В этой связи я ссылаюсь на мой меморандум, который был направлен начальнику штаба верховного командования вооруженными силами от 12 июля 1939 года и который был озаглавлен "Чешская проблема"».

Этот меморандум подписан, как я уже сказал, генерал-лейтенантом, заместителем командующего вооруженными силами.

Таким образом, это мнение имперского протектора было принято и стало основой проводимой им политики. Результатом была политика укрепления германского контроля над Богемией и Моравией путем систематического угнетения чехов посредством отмены гражданских свобод и систематического разрушения национальной, политической, экономической и культурной системы путем режима террора, о котором будут говорить мои советские коллеги. Я полагаю, что они ясно докажут, что единственная защита, которую обеспечивал этот подсудимый, была защита исполнителей бесчисленных преступлений.

Я уже обращал внимание Трибунала на многочисленные награды и почести, которые получал этот подсудимый за его заслуги, и можно с полным основанием сказать, что Гитлер оказывал больше почестей фон Нейрату, чем некоторым нацистским руководителям, которые состояли в партии с момента ее создания. Назначение Нейрата на пост председателя вновь учрежденного тайного правительственного совета в 1938 году было само по себе новым и уни-

кальным знаком почести. 22 сентября 1940 года Гитлер наградил его железным крестом первой степени как имперского протектора Богемии и Моравии. Он также был награжден золотым значком партии и лично сам Гитлер возвел его из ранга группенфюрера в ранг обергруппенфюрера СС 21 июля 1943 года. Я также хочу сообщить Трибуналу, что фон Нейрат и Риббентроп были двумя единственными немцами, получившими «Орден орла» — награду, которая обычно предназначалась только для иностранцев. Когда ему исполнилось 70 лет, — 2 февраля 1943 года — большинство немецких газет всячески восхваляли его многолетнюю деятельность в интересах нацистского режима. Эта деятельность, как утверждает обвинение, проходила в следующих двух направлениях:

1. Он представлял внутреннюю 5-ю колонну в консервативных политических кругах Германии. Эти круги ранее были настроены антинацистски, но частично изменили свои взгляды после того, как они увидели, что один из них, а именно этот подсудимый, чистосердечно перешел на сторону нацистов.

2. Его прежняя репутация как дипломата заставила общественное мнение за границей с трудом верить, что он может быть членом такого правительства, которое не выполняет своих обязательств и заверений. Для Гитлера было весьма важно, чтобы его собственное намерение нарушать все договоры и обязательства было скрыто как можно дольше. И для этой цели он нашел в этом подсудимом свое самое ловкое орудие.

На этом мы заканчиваем представление обвинения против подсудимого фон Нейрата.

Д. А. ШПРЕХЕР (США)

Об индивидуальной ответственности фон Шираха[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 15 и 16 января 1946 г.

Господа судьи, мне поручено представить доказательства об индивидуальной ответственности подсудимого Шираха за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности в их связи с общим планом или заговором.

Обвинение утверждает, что фон Ширах виновен в том, что он играл руководящую роль в нацистском заговоре с

[1] IMT. Vol. 5. P. 282—304.

1925 года до разгрома нацистов. Заговорщические действия и преступления подсудимого фон Шираха ради удобства можно будет разбить в хронологическом порядке на три основные фазы.

1. Поддержка им заговорщиков на ранней стадии, в период с 1925 по 1929 год.

2. Его руководство германской молодежью в период с 1929 по 1945 год.

3. Его руководство рейхсгау Вена в качестве главного представителя нацистской партии и нацистского государства в Вене в период с июля 1940 по 1945 год.

Представляемые доказательства охватят каждую из основных фаз после того, как будут вкратце перечислены все основные посты, которые занимал подсудимый фон Ширах как в нацистской партии, так и в нацистском государстве в период с 1925 по 1945 год.

Перечисляя основные посты, которые занимал подсудимый Ширах, я не намереваюсь сразу же характеризовать функции занимаемых им постов. Если описание функций какого-либо конкретного поста может оказаться нужным на этой стадии процесса, то оно будет дано позднее при рассмотрении заговорщических действий Шираха на посту руководителя имперской молодежи и нацистского представителя в Вене.

Мы представили Трибуналу для рассмотрения краткую записку по этому делу.

В книге документов имеются английские переводы 29 документов. Хотя мы решили сократить количество документов до минимума, эта книга документов все еще является весьма объемистой. Однако разрушительная деятельность Шираха в отношении германской молодежи является большой темой, даже вне зависимости от других его действий. Большинство этих документов почерпнуты из германских печатных изданий, и Трибунал может принимать их без доказательств. Поэтому в большинстве случаев я намереваюсь только лишь вкратце излагать содержание документов, если Трибунал не пожелает, чтобы в отдельных случаях эти документы были освещены более подробно...

Сам Ширах дал показания в отношении своих служебных должностей. Об этом говорится в двух его письменных показаниях, данных под присягой. Оба аффидевита подсудимого — от декабря 1945 года, документы ПС-3302 и ПС-2973.

Я хочу вначале обратиться к документу ПС-3302. В этом письменном показании говорится, что Ширах был членом нацистской партии с 1925 по 1945 год, руководителем национал-социалистского союза студентов с 1929 по 1931 год, руководителем гитлерюгенда с 1931 по 1940 год. В

1931—1932 годах подсудимый Ширах был имперским руководителем молодежи при штабе высшего руководства СА, где в то время было объединено руководство всеми нацистскими молодежными организациями. Затем Ширах был имперским руководителем молодежи НСДАП с 1931 по 1940 год. В 1932 году фон Ширах стал независимым имперским руководителем (рейхслейтером) партии. После того как он занял эту сравнительно самостоятельную позицию, он не оставался более в штате верховного командования СА, так как руководство нацистской молодежью с созданием имперского руководства молодежью в дальнейшем было подчинено Гитлеру, а во главе был поставлен Ширах.

Таким образом в соответствии с принципом фюрерства, существовавшим в нацистской партии, все руководство находилось в руках у одного человека — Шираха и нацистская молодежь более не была подведомственна СА. Однако в организации СА Ширах сохранял ранг и звание группенфюрера СА в течение 1931 — 1941 годов, а в 1941 году он был возведен в следующий ранг обергруппенфюрера СА и этот ранг в СА он сохранил за собой до разгрома. Ширах был имперским руководителем по вопросам воспитания молодежи в НСДАП с 1932 года до разгрома нацизма. Иными словами, этот подсудимый занимал высокий пост рейхслейтера внутри партии со времени, когда нацизм еще не захватил государственную власть, и до момента его окончательного разгрома.

Кроме этих постов внутри партии, Ширах занимал следующие посты в нацистском государстве: имперский руководитель молодежи с 1933 по 1940 год; имперский наместник в рейхсгау Вены с 1940 по 1945 год; имперский комиссар обороны в Вене с 1940 по 1945 год. Хотя Ширах и ушел с некоторых своих постов в руководстве германской молодежью в 1940 году, когда он занял перечисленные посты в Вене, он тем не менее и после этого продолжал занимать внутрипартийный пост имперского руководителя по вопросам воспитания молодежи НСДАП. Более того, он получил особое назначение на пост заместителя фюрера по вопросам инспекции гитлерюгенда — организации, которую он возглавлял до 1940 года. Он занимал эти два последних поста до момента разгрома нацистов...

Теперь мы переходим к доказательствам того, что Ширах до захвата нацистами власти активно участвовал в деятельности НСДАП и примыкающих к ней молодежных организаций. Ширах был доверенным лицом и преданным приверженцем Гитлера с 1925 года. В 1925 году, когда ему было только 18 лет, Ширах присоединился к нацистским заговорщикам, став членом партии. По специальному поручению Гитлера он выехал в Мюнхен, чтобы заниматься делами

партии. Он активно действовал, решая вопросы привлечения студентов на службу национал-социализму. Ваша честь, я пересказал содержание второго абзаца письменного показания Шираха — документ ПС-3302 на 110-й странице книги документов. Таково было начало заговорщической деятельности Шираха, которую он затем продолжал на протяжении двух десятилетий в духе абсолютной преданности Гитлеру и принципам национал-социализма. В самом начале Гитлер лично обратил внимание на подсудимого Шираха и это дало свои плоды для заговорщиков. Мы видим, как в течение этих ранних лет авторитет Шираха в партийных кругах быстро возростал. В 1929 году Ширах стал национальным руководителем объединения студентов. Он занимал этот пост в течение двух лет, до 1931 года. Я хотел бы представить в качестве доказательства документ ПС-3464, США-666, на странице 121 книги документов. Это выдержка из Устава партии 1936 года издания. Из нее становится ясным, что задачи объединения нацистских студентов заключались в идеологическом и политическом перевоспитании студентов университетов и технических высших учебных заведений в духе национал-социализма.

С 1931 года Ширах полностью посвятил себя партийной работе. Он был избран членом рейхстага от нацистской партии в 1932 году и сыграл свою роль в непарламентском поведении нацистов — членов рейхстага в течение последних месяцев существования рейхстага как независимого правящего органа.

Некоторые из наиболее убедительных доказательств касательно участия Шираха в заговоре на ранних стадиях его деятельности имеются в высказываниях самого Шираха в его книге «Гитлерюгенд». Выдержки из этой книги имеются в документе ПС-1458, США-667. Эта книга описывает события многих лет. В ней обсуждаются многие вопросы и поэтому я буду время от времени на нее ссылаться.

Пример рабской преданности Шираха Гитлеру в самый ранний период можно найти на 17-й странице этой книги, страница 12 книги документов. Ширах пишет следующее относительно раннего периода его партийной деятельности:

«Мы еще были не в состоянии сформулировать в деталях наши концепции. Мы просто верили. И когда была опубликована книга Гитлера «Майн Кампф», то она стала нашей Библией, которую мы выучили почти наизусть с целью отвечать на вопросы скептиков и высокомерных критиков. Почти все те, кто сегодня руководит молодежью, занимая ответственный пост, присоединились к нам именно в эти годы».

До 1933 года Ширах ездил по Германии, организовывая демонстрации и призывая германскую молодежь к вступле-

нию в члены гитлерюгенда. Когда гитлерюгенд и ношение ее формы были запрещены, Ширах продолжал свою деятельность нелегальным путем. Об этом периоде он сам писал в книге «Гитлерюгенд», на странице 26, что составляет страницы 16—17 книги документов:

«В это время организация гитлерюгенд приобрела свои лучшие кадры. Кто пришел к нам в течение этого периода нелегальной работы, будь то юноша или девушка, тот рисковал всем. С пистолетами в карманах мы ездили по Рурской области, когда в нас бросали камни. Мы вскакивали каждый раз, когда мы слышали звонок, так как мы жили в постоянном страхе арестов и ждали обыска».

На 27-й странице этой книги, 18-й странице книги документов, Ширах указывает, что на ранней стадии внутрипартийной борьбы между Гитлером и Отто Штрассером он без колебаний примкнул к клике Гитлера и что, обмениваясь мнениями о Штрассере, высказывал свою точку зрения только Гитлеру и подсудимому Штрейхеру. Едва ли следует доказывать, что такое доверенное лицо самого фюрера с самого начала было полностью осведомлено об общих целях, планах и методах заговора. Я считаю, что весьма показательным является тот факт, что, как вы заметите, целый ряд этих совещаний происходил на квартире у Шираха в Мюнхене и что сам Гитлер иногда посещал эту квартиру.

Ширах был ведущим нацистским заговорщиком в деле ликвидации всех независимых молодежных организаций и в создании нацистского молодежного движения. В связи с этим вопросом мы обращаем внимание Трибунала на судебную записку, озаглавленную: «Реорганизация системы образования и воспитания молодежи», составленную для Главного обвинителя Соединенных Штатов майором Хартли Мюреем, и на документы, перечисленные в разделе «b», озаглавленные: «Нацистские заговорщики дополняли систему школьного образования обучением молодежи через гитлерюгенд». Эти документы были представлены в качестве документального доказательства в книге документов «Д» в начале этого процесса.

Я обращаю внимание Трибунала также на документальный фильм «Нацистский план», который был показан Трибуналу 11 декабря 1945 года, поскольку этот фильм касается подсудимого Шираха и возглавляемой им организации гитлерюгенд. Те места фильма, которые относятся к подсудимому Шираху, изложены в документе ПС-3054. Этот указатель и описание к этому фильму, который был уже представлен в качестве доказательства США-167.

Задача Шираха заключалась в том, чтобы увековечить существование нацистского режима путем отравления умов молодежи нацистской идеологией и путем подготовки мо-

лодежи к агрессивной войне! Этот яд, внесенный в сознание молодежи, надолго переживает подсудимого. Поэтому, безусловно, одна из основных целей этого представления доказательств заключается в том, чтобы показать тем германским юношам и девушкам, которые пережили порожденную нацистами катастрофу, что в действительности представляет собою этот человек, которого нацистская пропаганда выставляла как великого героя молодежи, этот человек, которого в течение более десяти лет не могли привлечь к ответу перед германской молодежью или перед германским народом ни живительное веяние свободной критики, ни сама правда.

Обратим внимание, что в книге Шираха «Гитлерюгенд» имеются неоспоримые доказательства относительно методов и тактических приемов, которые применял подсудимый в своей деятельности, направленной на уничтожение независимых молодежных организаций и включение их в гитлерюгенд.

На 32-й странице этой книги, страницы 19 и 20 книги документов, Ширах заявляет, что в 1933 году министры нового кабинета были слишком перегружены работой для того, чтобы разрешить проблему молодежи по собственной инициативе. Поэтому он, Ширах, который тогда был руководителем гитлерюгенда, поручил одному из своих сотрудников возглавить 50 членов берлинской организации для проведения внезапного налета на имперский комитет германских молодежных организаций. В результате этого налета имперский комитет был ликвидирован и включен в состав гитлерюгенда.

Вслед за этим налетом и с таким же успехом последовал второй налет на другую молодежную студенческую организацию. Об этом говорится на странице 33 книги, что соответствует 20-й и 21-й страницам книги документов.

После этих успешных демонстраций насилия и террора звезда Шираха засияла с еще большей силой. В июне 1933 года он был назначен руководителем молодежи германской империи и по этому случаю состоялась торжественная церемония, на которой присутствовал Гитлер. Относительно следующего периода своей деятельности Ширах на страницах 35—36 книги, страница 22 книги документов, писал следующее:

«Первое, что я сделал, это распустил главную германскую Лигу. Поскольку я возглавлял все германские молодежные организации, я пользовался правом решать вопрос об их руководстве. Я ни на минуту не колебался в осуществлении этого мероприятия, которое для гитлерюгенда означало прекращение невыносимого положения вещей».

Ширах осуществил роспуск и уничтожение большинства молодежных организаций посредством приказов, которые он издавал и подписывал как руководитель молодежи германской империи. Об этом свидетельствует приказ, содержащийся в документе ПС-2229, США-668, страница 65 книги документов.

Согласно одному только этому приказу, были распущены 9 молодежных организаций, включая движение бойскаутов. В последнюю очередь были ликвидированы и включены в состав гитлерюгенда протестантские и католические молодежные организации. Ширах завершил включение протестантских молодежных организаций подписанием соглашения с назначенным Гитлером имперским архиепископом Людвигом Л. Мюллером. Об этом говорится на странице 38 книги «Гитлерюгенд», страница 24 книги документов.

Цель Шираха, которая заключалась в том, чтобы принудить всю германскую молодежь к вступлению в ряды гитлерюгенда, была окончательно достигнута в декабре 1936 года изданием основного закона относительно этой организации.

Документ ПС-1329 представляет собой декрет, который имеется в «Рейхсгезетцблатт» за 1936 год, часть 1-я, страница 933. Я прошу Трибунал принять этот декрет без доказательства. Я оглашу, Ваша честь, некоторые выдержки из этого декрета, так как они дают ясное представление о природе того, что должно было произойти, что уже происходило с германской молодежью, находившейся под руководством Шираха.

Я цитирую со страницы 6 книги документов:

«Будущее германской нации зависит от ее молодежи, и германская молодежь должна быть подготовлена к выполнению своих будущих задач. Вся германская молодежь империи входит в организацию гитлерюгенд. Германская молодежь, помимо того что она воспитывается в семье и школе, будет воспитываться физически, интеллектуально и морально в духе национал-социализма для того, чтобы служить своему народу и своему обществу. И все это будет осуществляться через гитлерюгенд. Задача воспитания германской молодежи посредством вовлечения ее в организацию возложена на имперского руководителя германской молодежи НСДАП».

Первый приказ об исполнении этого основного декрета по вопросу о гитлерюгенде был издан 25 марта 1939 года. Этот документ имеется на странице 40 книги документов. Он был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» за 1939 год, часть 1-я, страница 709. Он, наряду с другими, содержал пункты, подтверждающие исключительную ответственность

Шираха в деле воспитания германской молодежи. Я оглашу только одно предложение:

«Руководитель молодежи германской империи является единственным компетентным лицом, ответственным за физическое, идеологическое и моральное воспитание германской молодежи вне семьи и вне школы».

Осуществляя свой всеобъемлющий контроль над германской молодежью, Ширах, естественно, опирался на общие методы нацистских заговорщиков, включая принцип фюрерства, существо которого уже было изложено перед Трибуналом. Вызывающее восхваление и разъяснение принципа фюрерства в той мере, в какой он прививался германской молодежи, Трибунал найдет в книге Шираха на странице 68, перевод которого имеется на странице 32 книги документов. Я не буду оглашать этой выдержки.

В своем письменном показании под присягой, документ ПС-3302, 5-й абзац, Ширах заявляет:

«Моя задача заключалась в том, чтобы воспитывать молодежь в духе целей идеологии и директив НСДАП и помимо этого руководить ею и организовывать ее».

И, естественно, Ширах создал тщательно разработанный пропагандистский аппарат с целью завершить всестороннее отравление умов германской молодежи.

Документ ПС-3349, США-666, страница 144 книги документов. Это выдержка со страниц 452 и 453 партийного справочника 1936 года. Она докажет, что руководство имперской молодежью НСДАП готовило и издавало многочисленные периодические издания, от ежедневных газет до ежемесячных журналов. Этот документ также докажет, что отдел пропаганды гитлерюгенда поддерживал через особых лиц политическую и идеологическую связь с управлением пропаганды НСДАП и с министерством пропаганды, которые, конечно, возглавлял заговорщик Геббельс.

Ширах разделяет с заговорщиком доктором Робертом Леем, ведавшим орготделом НСДАП, ответственность за создание и общее руководство школами «Адольф Гитлер». Доказательством этого является совместное заявление Лея и Шираха в 1937 году, которое имеется в книге документов на странице 100, документ ПС-2653, США-669. Этот документ показывает, что в вышеупомянутые школы принимались бесплатно отличившиеся и проверенные члены младшей секции гитлерюгенда. Документ также докажет, что цель этих школ заключалась в подготовке кадров молодых руководителей для нацистской партии и аппарата нацистского государства.

Ширах распространил свои функции воспитания германской молодежи также на область юриспруденции и юридической профессии, несмотря на то, что эта область

находилась, главным образом, под контролем подсудимого Франка. Доказательства, подтверждающие это, имеются в документе ПС-3459, США-670, на странице 120 книги документов. Эта выдержка изложена на одной странице из отчета о конгрессе германских юристов в 1939 году. Этот документ показывает, что помимо юридического образования задачей партии является оказание влияния на идеологическое мировоззрение «Объединения юных хранителей закона», которое было молодежной организацией объединения национал-социалистских «хранителей закона» — организации юристов, контролируемой нацистами.

На этом съезде, о котором говорится в вышеупомянутом документе, чиновник объединения заявил, что борьбу с незнанием элементарных правовых принципов лучше всего можно вести внутри гитлерюгенда и что поэтому программа юридического образования должна получить самую широкую поддержку.

Обергебитсфюрер Артур Аксман, подчиненный Шираха в то время, который в 1940 году стал его преемником на посту руководителя гитлерюгенда, был тогда, в мае 1939 года, назначен председателем юридического комитета по делам молодежи, которому была поручена разработка закона в отношении молодежи. Он был назначен подсудимым Франком.

Председатель: Капитан Шпрехер, видимо, я недостаточно ясно объяснил Вам, что Трибунал не интересуется всеми деталями, касающимися того, каким образом подсудимый Ширах приобрел свою власть над германской молодежью. Вы достаточно сообщили нам для того, чтобы у нас сложилось мнение, что он сумел установить абсолютный контроль над германской молодежью. Мне кажется, что на настоящей стадии имеет значение только один вопрос: можете ли Вы представить нам какие-либо прямые доказательства того, что подсудимый Ширах принимал участие в достижении агрессивных целей имперских руководителей или виновен ли он в совершении военных преступлений или каких-либо преступлений против человечности. Пока Вы нам не будете представлять именно этих доказательств, Ваше выступление в данном случае не будет для нас полезным.

Шпрехер: Ваша честь, я намереваюсь осветить вопрос о том, как происходила милитаризация молодежи. Я в данном случае хотел бы сослаться на отношение гитлерюгенда к Лиге немцев за границей, если это будет приемлемым.

Председатель: Лига немцев за границей?

Шпрехер: Да, сэр.

Председатель: Хорошо, это может иметь отношение к агрессивным целям имперских руководителей.

Шпрехер: *Ширах распространял влияние гитлерюгенда за пределы Германии путем сотрудничества с Лигой немцев за границей. Это доказывается соглашением, заключенным в 1933 году между Ширахом и руководителями Лиги, которое имеется в документе Л-360(h), США-671, страница 3 книги документов.*

Ширах в своей книге «Гитлерюгенд» изложил в главе «Работа за границей», глава 4 книги и страницы 34—38 книги документов, некоторые из элементов связи гитлерюгенда с такими нацистскими концепциями, как «жизненное пространство» и колониальная политика, рассматривая эту связь как идеологическое оружие. Я не буду оглашать эту выдержку, так как она в известной степени...

Председатель: *Там говорится относительно «жизненного пространства»?*

Шпрехер: *Да, здесь действительно употребляется термин «жизненное пространство». На странице 36 книги документов имеется упоминание «пространства на Востоке».*

Председатель: *Я считал, что документ, на который Вы ссылались, это документ Л-360, на 3-й странице?*

Шпрехер: *Простите. Я уже перешел дальше и говорю сейчас о выдержке из книги Шираха. Это документ ПС-1458, и я сказал о том, что на страницах с 34-й по 38-ю этой книги имеются упоминания о нацистской концепции колониальной политики и «жизненного пространства». Эта книга доказывает, что гитлерюгенд также занималась распространением этих идей.*

Ширах применил термин «Остраум», говоря о пространстве на Востоке, и он в этой книге рассматривает вопрос германских молодежных организаций за границей и германских школ в других государствах.

Затем я хотел бы обратить Ваше особое внимание на следующую фразу, так как Вы спросили об этом. Это в конце 37-й страницы, страница 24 подлинника.

«Будет принят во внимание в отношении вопроса школьного образования тот факт, что основное направление германской политики в вопросах населения, которое ставило своей целью использование пространства на Востоке, не будет нарушено.»

Заговорщики приложили много усилий к осуществлению своих планов путем подбора и обучения преемников для нацистских руководителей, путем тщательного отбора, воспитания и привлечения активных нацистов для рядового состава НСДАП и ее филиальных организаций, включая СА и СС, которые обвиняются здесь как преступные организации.

Целый ряд приказов, изданных партийной канцелярией под общим заголовком «Проблемы новых кадров», пока-

зывает первостепенную роль, которую занимал Ширах и гитлерюгенд в этой области. Некоторые из этих приказов, которые я не буду оглашать, имеются в нашем документе ПС-3348, США-410. Это выдержки из 1-го тома декретов, правил и объявлений партийной канцелярии. Это также имеется на 113-й странице вашей книги документов.

Только те члены гитлерюгенда, которые проявили себя, могли приниматься в ряды партии. Нацистские руководители стремились включать в свои ряды руководителей гитлерюгенда, которые были освобожденными работниками, чтобы иметь возможность приобрести практический опыт и тем самым обеспечить необходимое пополнение руководящего состава партии, который также обвиняется как преступная организация. Эта центральная и основная функция гитлерюгенда, направленная к тому, чтобы поддерживать господство нацистской партии в Германии, доказывается содержанием страниц 80 и 81 партийного справочника от 1938 года. Это документ США-430, который имеется на 74-й странице книги документов.

Председатель: *Имеет ли последняя страница, страница 113, какое-либо отношение к тем вопросам, на которые я обратил Ваше внимание? Здесь речь идет только об организации молодежи и не имеется ничего общего с какими-либо преступными целями.*

Шпрехер: *Ваша честь, обвинение, безусловно, считает, что всякий, кто принимал активное участие в обеспечении новых кадров для этих преступных организаций, совершал преступление.*

Председатель: *Я это вполне понимаю. И именно поэтому я Вам сказал, что нас убедили Ваши доказательства. Единственное, что мы хотим услышать на этой стадии, это — принимал ли он участие в составлении планов агрессивной войны, в совершении военных преступлений или преступлений против человечности. Вот что мы хотим услышать, и ничего другого.*

Шпрехер: *Ваша честь, тогда я перейду к вопросу об отношении или связи между гитлерюгендом и СС. В документе ПС-2396, США-673, на 69-й странице книги документов, имеется выдержка, которая относится к «штрайфендинст», то есть патрульной службе, своего рода внутренней полицейской организации гитлерюгенда. Выдержка, которую я немерен огласить, показывает, как эта организация стала основным источником новых кадров для СС. Желает ли Ваша честь, чтобы я огласил эту выдержку, которая доказывает, что гитлерюгенд была основным источником кадров для СС?*

Председатель: *Да, конечно. Я этого не читал.*

Шпрехер: *Этот документ представляет собой соглашение между Ширахом и Гиммлером, заключенное в октябре 1938 года. Я оглашу некоторые выдержки:*

«Организация патрульной службы ввиду того, что должна выполнять задачи, аналогичные задачам СС для всего движения, организуется как особая часть с целью обеспечения вербовки новых членов для общих СС. Однако она должна также, насколько это возможно, поставлять новых членов для специальных войск СС, для воинских частей СС "Мертвая голова" и для офицерских школ».

Далее:

«Отбор людей в патрульную службу производится согласно принципам расового отбора членов СС. Компетентные сотрудники СС, в первую очередь руководители частей, чиновники, которые занимаются расовыми вопросами, и врачи СС будут привлекаться для консультации при проверке кандидатов во время приема».

Абзац 5-й:

«В целях обеспечения с самого начала полного взаимопонимания между имперским руководством молодежи и руководством СС с 1 сентября 1938 года руководством имперской молодежи будет направлен в главное управление СС офицер связи. Вопрос назначения других руководителей в отделы СС явится вопросом следующего соглашения».

Я перехожу к 6-му абзацу, который, по моему мнению, наиболее интересен. Я читаю:

«После того как организация будет окончательно создана, СС будет получать пополнение в первую очередь из числа членов патрульной службы. Принятие в СС юношей германской крови, которые не являются членами гитлерюгенда, будет возможно только после того, как поступит информация от соответствующего баннфюрера». Баннфюрер — местный руководитель гитлерюгенда.

Таким образом, после того как было заключено это соглашение в октябре 1938 года, без согласия баннфюрера никто не мог вступить в члены СС.

Второе соглашение между Ширахом и Гиммлером, заключенное в декабре 1938 года, документ ПС-2567, США-674, имеется на 98-й странице книги документов. В нем говорится, что управление сельских подразделений гитлерюгенда «должно служить, в первую очередь, как агентство для вербовки в члены СС, общие СС и батальоны СС "Мертвая голова"».

В конце этого соглашения говорилось, что члены сельских организаций гитлерюгенда, которые пройдут проверочные испытания приемной комиссии СС, будут приняты в СС немедленно после того, как они выйдут из сельской организации.

Я хочу указать, Ваша честь, что это означало, что после той даты всякий член гитлерюгенда, который состоял в сельской организации, был обязан вступить в СС.

Теперь я перехожу непосредственно к тому пункту, о котором Вы меня спрашивали, Ваша честь.

В течение 6 лет нацистского политического контроля над Германией накануне развязывания агрессивной войны Ширах принимал активное участие в милитаризации германской молодежи. С самого начала гитлерюгенд была организована по военному принципу: она имела военную форму, в ней были установлены ранги и звания. Она была организована в полки, и командование осуществлялось согласно принципам фюрерства.

Если господа судьи обратят внимание на любое издание руководства по организации, то в разделе схем и таблиц, начиная с таблицы 54 и далее, они найдут эффектные изображения знаков различия гитлерюгенда и заметят, насколько они схожи с военными знаками различия. Господа судьи, Вы заметите, что одной из привлекающих внимание эмблем была буква «С», подобная той, которую нацисты использовали для обозначения «СС».

Ваша честь, обратите внимание на то, что к военной форме полагался длинный кинжал.

Председатель: Что, разве это не является частью того, что они называли нацистской идеологией, я имею в виду принцип фюрерства и военное обучение?

Шпрехер: По-видимому, принцип фюрерства был связан со всем этим, потому что принцип фюрерства господствовал абсолютно во всех областях германской жизни. Однако, я полагаю, Ваша честь, что, демонстрируя Вам таким графическим путем аналогию между военной формой гитлерюгенда и армии, мы рассматриваем вопрос, который имеет отношение к подготовке к агрессивной войне и на котором я сейчас хочу остановиться.

Ссылаюсь на документ ПС-2654, США-675, который имеется на 102-й странице книги документов.

Это целая книга, которая посвящена организации и знакам различия гитлерюгенда. Трибунал увидит в этой книге, как организация была разбита на группы или отделения, аналогичные воинским соединениям.

В речи, произнесенной в феврале 1938 года, когда заговорщики уже сбросили частично свою маскировку, которая окружала их ранний этап подготовки к войнам, принесшим нам столько страданий, Гитлер остановился на вопросе военного обучения гитлерюгенда. Эта речь была напечатана в «Фолькишер Беобахтер», в номере от 21 февраля 1938 года. Это документ ПС-2454, США-676, на странице 97 книги документов. Гитлер там заявил, что тысячи

германских юношей прошли специальный курс обучения через гитлерюгенд, будучи объединенными в военно-морские, моторизованные и авиационные части, и что свыше 7 тысяч инструкторов провели курс обучения по стрелковому делу более чем с одним миллионом членов гитлерюгенда. Это было в феврале 1938 года, накануне аншлюса.

Я прошу обратить внимание на прогресс военной подготовки гитлерюгенда в период между этой датой и августом 1939 года, то есть за месяц до вторжения в Польшу.

В то время подсудимый Ширах и подсудимый Кейтель как начальник штаба верховного командования заключили одно из тех соглашений, которые многие из подсудимых любили заключать между собой. Это видно из документа ПС-2398, США-677, на 72-й странице книги документов — выдержка из «Дас Архив». Там во вступительной части к основному тексту соглашения указано, что это соглашение было «результатом тесного сотрудничества» между Ширахом и Кейтелем. В самом соглашении говорилось следующее. Я оглашу часть его:

«Исключительной обязанностью членов гитлерюгенда является прохождение в своих частях такой военной подготовки, которая отвечает требованиям вооруженных сил Германии. Оказывать поддержку руководящему составу гитлерюгенда в выполнении ими ответственной задачи во всех областях обучения в интересах обороны путем организации особых курсов».

Затем я перехожу к концу соглашения, где имеется следующая фраза:

«Большое количество курсов уже организовано в настоящее время...»

В то время, как Гитлер в феврале 1938 года говорил о том, что 7 тысяч инструкторов из гитлерюгенда занимались обучением германских подростков стрелковому делу, Ширах и Кейтель в своем соглашении в августе 1939 года указали:

«30 тысяч руководителей гитлерюгенда сейчас ежегодно проходят курс обучения в полевых условиях.

Соглашение с командованием вооруженных сил представляет возможность примерно удвоить это количество. Размещение и питание руководителей производится в соответствии с инструкциями, которые уже были изданы, в бараках, учебных военных лагерях и т. д. германских вооруженных сил и это обходится в 25 пфеннигов в день».

Как Ширах заключил соглашение с руководителем СС в отношении поставки новых рьяных членов для организованного бандитизма и для совершения зверств, он точно также заключил соглашение с руководителем германских вооруженных сил о поставке молодежи в качестве пушечного

мяса для агрессивной войны. Военное обучение молодежи было одним из наиболее важных моментов в нацистском заговоре. Это было одним из тех действий нацистов, которые потрясли весь цивилизованный мир.

Основная ответственность за планирование и проведение нацистской политики в отношении германской молодежи лежит на подсудимом Ширахе.

Я хотел бы огласить только одну фразу из его письменного показания, данного под присягой, документ ПС-3302, для того чтобы ни у Трибунала, ни у всего мира не оставалось никаких сомнений относительно чувства ответственности у самого подсудимого. Я оглашаю:

«Я чувствую себя ответственным за политику в отношении молодежного движения внутри партии и позднее во всей империи».

Я подчеркиваю его слова: «Я чувствую себя ответственным...»

Господа судьи! Сейчас я перехожу к деятельности подсудимого Шираха, связанной с совершением преступлений против человечности, изложенных в разделе 1 обвинительного заключения. Представление доказательств о конкретных действиях будет связано с имперским гау Вена, но, прежде всего, разрешите мне вернуться к двум важным пунктам предыдущих доказательств, которые покажут, что Ширах несет ответственность за военные преступления и преступления против человечности, распространившиеся по всей Европе. В соответствии с его соглашением с Гиммлером он поставил через гитлерюгенд многих, если не большую часть, членов СС, которые в большинстве случаев составляли администрацию концентрационных лагерей и чьи преступления, как военные, так и против человечности, широко известны во всей Европе.

Прежде чем перейти к конкретным действиям Шираха, я должен упомянуть еще, что Ширах не может избежать ответственности за внедрение в умы молодежи нацистской идеологии с ее идеями о высшей расе, о «низших» народах, о «жизненном пространстве» и мировом господстве, поскольку эти взгляды были психологическими предпосылками для подстрекательства и для терпимости в отношении тех жестокостей, которые совершались ревностными нацистами по всей Германии и на оккупированных территориях.

Для того чтобы представить ответственность Шираха за преступления, совершенные в имперском гау Вена, где Ширах был гаулейтером и имперским наместником с июля 1940 года и до поражения, следует помнить об основных функциях этих двух постов.

Первый документ, на который я сошлюсь, — документ ПС-1893. Это отрывок из партийного справочника 1943 года

и, таким образом, он относится к самому разгару деятельности Шираха в имперском гау Вена. Это 42-я страница книги документов, или страницы 70, 71, 75, 98, 136 и 140 партийного справочника. Отрывки из каждой из этих страниц имеются в книге документов.

Они проливают свет на функции гаулейтера, и я предполагаю лишь прокомментировать их. Поскольку господа судьи могут принять партийный справочник без доказательства, с ним можно ознакомиться позднее. Из этих приказов ясно, что гаулейтер был высшим представителем Гитлера в своем гау, что он был носителем суверенных прав, высшим носителем власти. Помимо этого, Ширах был ответственным за политическую ситуацию в своем гау. При необходимости он мог обращаться к руководителям СА и СС. Кроме этого, он должен был по крайней мере раз в месяц встречаться с руководителями партийных организаций своего гау, и, конечно, сюда включается СС.

Положение имперского наместника в Вене было особым. После аншлюса Австрия как государство уже не существовала, а была разделена на 7 имперских гау. Самым значительным из них было гау Вена, губернатором которого был Ширах. Ссылки на статистические данные этого времени устанавливают, что численность населения в Вене тогда превышала 2 миллиона человек. Поэтому она была, несомненно, одним из самых больших городов рейха. Я прошу Трибунал принять без доказательства декрет, который опубликован в «Рейхсгезетцблатт» 1939 года, часть 1-я, страница 777. Наш документ — ПС-3301, помещенный на 107-й странице книги документов. Это основной закон об административной реорганизации Австрии, принятый в апреле 1939 года, немногим больше чем за год до того, как Ширах стал имперским губернатором. Этот закон показывает, что Ширах в качестве губернатора являлся наместником главы германского государства — Гитлера, что он мог издавать декреты и приказы в границах, установленных высшими имперскими властями, что он находился под особым административным надзором подсудимого Фрика — имперского министра внутренних дел и что он также был бургомистром города Вены. В тот же самый период времени, когда Ширах был гаулейтером и имперским губернатором Вены, он был также имперским комиссаром обороны, а после 1940 года Германия, конечно, воевала.

В связи с его широкими обязанностями и полномочиями, вытекающими из положения, которое он занимал, обвинение заключает, что Ширах должен быть признан виновным в преступлениях нацистских заговорщиков в гау Вена на том основании, что он замышлял, одобрял, осуществлял эти преступления или содействовал их осуществлению. Ниже

последуют конкретные примеры, которые продемонстрируют, что Ширах был лично причастен к нацистским преступлениям и когда на него находило желание похвастаться — черта, характерная для многих из этих подсудимых, — он признавал это сам.

Прежде всего, я скажу о рабском труде.

Программа рабского труда, естественно, играла очень большую роль в поставке рабочей силы для промышленности такого значительного города, как Вена. Общий характер этой программы и преступления, которые из нее вытекали, уже были представлены господином Доддом, а советское обвинение позднее представит материалы о прочих преступлениях. Документ ПС-3352, США-206, который находится на 116-й странице книги документов, представляет собой отрывки из ряда приказов партийной канцелярии. Каждый из этих приказов показывает, что на гаулейтеров возлагается ответственность за распределение и использование рабочей силы. Они доказывают простым и понятным языком, что гаулейтеры под управлением опытного гаулейтера Заукеля, который был тогда генеральным уполномоченным по рабочей силе, стали высшим, объединяющим и координирующим механизмом нацистских заговорщиков во всей программе по использованию рабочей силы. На странице 508 подлинника тома приказов, страница 116 книги документов, говорится о том, что Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану согласился с предложениями Заукеля о том, что гаулейтеры должны быть использованы для того, чтобы обеспечить возможно более высокую производительность труда. На странице 117 книги документов, страница 511 приказов партийной канцелярии, говорится о том, что в июле 1942 года Заукель назначил гаулейтеров своими специальными уполномоченными по вопросам рабочей силы в их гау, обязав их установить эффективное сотрудничество всех заинтересованных сторон. Фактически гаулейтер стал высшим арбитром во всех сталкивающихся интересах, которые существовали в течение войны в отношении требований на рабочую силу. Согласно этому же приказу управления провинций по труду получили приказ «находиться в распоряжении гаулейтеров для информации и консультации и выполнять все предложения и требования гаулейтера в целях улучшения использования рабочей силы».

На 567-й странице приказа партийной канцелярии, страницы 118—119 книги документов, имеется приказ подсудимого Заукеля о том, чтобы его специальные уполномоченные, гаулейтеры, ознакомились с общими положениями, регулирующими использование рабочих с Востока. Заукель заявил, что его непосредственной целью было «избежать того, чтобы политически неразвитые руководители фабрик

уделяли слишком много внимания заботе о рабочих с Востока и тем самым вызывали справедливое недовольство среди германских рабочих».

Мы заявляем Трибуналу, что если Шираху требовалось входить в такие подробности, как законное недовольство германских рабочих вниманием к рабочим с Востока, то нет необходимости рассматривать, как функционировала программа по рабочей силе, для того чтобы установить связь Шираха с программой использования рабского труда в имперском гау Вена и его ответственность за нее.

Сейчас я перехожу к вопросу о преследовании церквей.

Об уничтожении молодежных религиозных организаций в то время, когда Ширах был руководителем нацистской молодежи, уже говорилось. В марте 1941 года два письма — одно от подсудимого Бормана, другое — от заговорщика Ганса Ламмерса...

Председатель: *Капитан Шпрехер, у Вас имеются другие доказательства, которые указывают на связь Шираха с проблемой рабочей силы?*

Шпрехер: *Я предполагал не представлять ничего далее, Ваша честь. Я считал, что имея в виду тот факт, что наши советские коллеги будут в дальнейшем подробно излагать программу использования рабочей силы, особенно вывозимой с Востока, главной целью, согласно первому разделу, является показать общую ответственность подсудимого Шираха за программу рабского труда. О его конкретных действиях можно будет судить на основании других доказательств, которые позднее войдут в стенограмму процесса.*

Председатель: *Очень хорошо...*

Шпрехер: *Обращаю внимание Трибунала на документ Р-146, США-678, на 5-й странице книги документов.*

Я несколько сомневаюсь, господа судьи, следует ли мне зачитывать весь этот документ, учитывая наше общее стремление к быстрому продвижению процесса, но, пожалуй, я изложу его содержание и, если Вас это не удовлетворит, я зачитаю его.

Эти документы ясно устанавливают, что при посещении Вены Гитлером Ширах и два других чиновника обратились к фюреру с просьбой о том, чтобы конфискация церковной собственности в Австрии, производившаяся под разными предлогами, осуществлялась бы в пользу гау, а не в пользу империи. Позднее фюрер решил этот вопрос в пользу точки зрения Шираха, а точнее в пользу гау. Я говорю об этом лишь для того, чтобы показать причастность Шираха к преследованию церквей, чему уже было представлено большое количество доказательств.

Биддл: *Никаких доказательств из этого еще не представлено. Мы не можем ничего принять без доказательств, пока Вы об этом не попросите.*

Шпрехер: *Тогда, согласно Вашему решению, это не будет включено в протокол в качестве доказательства, если я не зачитаю?*

Биддл: *Я не выношу никаких решений. Я просто указал Вам, что Вы еще ничего не представили нам в качестве доказательства из последнего документа.*

Шпрехер: *Я считаю, что при данных обстоятельствах лучше будет зачитать этот документ:*

«Мюнхен. 20 марта 1941 года. Коричневый Дом.
Всем гаулейтерам.
Тема: Конфискация церковной собственности.

Ценная церковная собственность в последнее время должна была подвергаться конфискации в больших масштабах, особенно в Австрии. Согласно отчетам гаулейтера фюреру, эта конфискация часто вызывалась нарушением указов, относящихся к военной экономике, то есть хранение запасов, различных пищевых продуктов, текстиля, изделий из кожи и т. д. В других случаях они были вызваны нарушениями закона, касающегося подрывных акций против государства, и в некоторых случаях были связаны с незаконным хранением огнестрельного оружия. Очевидно, что за конфискацию, произведенную по вышеозначенным причинам, церквам не следует выплачивать никакой компенсации.

В отношении дальнейшей конфискации несколько австрийских гаулейтеров во время последнего визита фюрера в Вену пытались выяснить вопрос о том, кому следует передавать конфискованную таким образом собственность. Пожалуйста, обратите внимание на решение фюрера, как оно изложено в письме, написанном имперским министром доктором Ламмерсом имперскому министру внутренних дел и датированном 14 марта 1941 года. Я прилагаю копию выдержек из него.

Подпись — М. Борман.»

Я представил этот документ как доказательство США-678. Желаете ли Вы, чтобы я зачитал имеющееся приложение?

Биддл: *Дело не в том, что я желаю, чтобы Вы зачитывали что-то. Я просто указал, что документ не был представлен в качестве доказательства.*

Шпрехер: *В таком случае, я буду продолжать. Копия гласит следующее:*

«Берлин. 14 марта 1941 года.

Имперский министр и начальник имперской канцелярии.

Имперскому министру внутренних дел.

Тема: Проект указа, дополняющего положения о конфискации собственности лиц и организаций, враждебных государству и народу.

Имперский наместник и гаулейтер фон Ширах и доктор Эйгрубер недавно обратились к фюреру с жалобой на то, что имперское министерство финансов все еще придерживается точки зрения о том, что конфискация собственности лиц и учреждений, враждебных народу и государству, должна производиться в пользу империи, а не в пользу имперского гау. Вследствие этого фюрер информировал меня, что он желает, чтобы конфискация подобной собственности производилась в пользу соответствующего имперского гау, на территории которого находится конфискуемая собственность, а не в пользу империи».

Председатель: *Нет необходимости читать далее.*

Шпрехер: *Перехожу к вопросу о преследовании евреев. Обвинение в заключение утверждает, что Ширах санкционировал антисемитские меры, руководил их осуществлением и принимал в них участие. Несомненно, вся идеология и обучение гитлерюгенда основывались на нацистском расовом мифе. До войны фон Ширах обратился к митингу национал-социалистского студенческого объединения — организации, которую он возглавлял с 1929 по 1931 год.*

Документ ПС-2441, США-679, представляет собой письменное показание Грегора Цимера, данное под присягой. Я хочу зачитать цитату, которая начинается в конце страницы 95 книги документов и кончается первым абзацем в начале 96-й страницы книги документов.

«Свидетель Цимер ссылается на митинг, имевший место перед войной в Гейдельберге, в Германии, где он лично присутствовал, и на котором Бальдур фон Ширах обратился к некогда возглавляемому им студенческому объединению.

Он, то есть Ширах, заявил, что наиболее важной фазой германской университетской жизни в третьей империи была программа национал-социалистского союза студентов. Он превозносил различного рода деятельность этого союза. Он напомнил студентам о той службе, которую сослужила германская молодежь во время еврейских погромов. Он театральным жестом показал за реку на старинный университетский город Гейдельберг, где несколько сожженных синагог были немыми свидетелями деятельности гейдельбергских студентов. Эти скелеты зданий будут стоять там века, чтобы вдохновлять будущих студентов и служить предупреждением врагам государства».

Для того чтобы попытаться отчетливо представить подлинный размах жестокого обращения с евреями при правлении Шираха, мы должны обратиться к его деятельности в

гау Вена, а также деятельности его помощников — СС и гестапо — в Вене.

Документ ПС-1948, США-680, на 63-й странице книги документов. Вы заметите, что он написан на бланке последнего наместника Вены.

Председатель: *Капитан Шпрехер, я читаю этот документ на странице 96-й книги документов. Мне кажется, Вам следует прочесть и следующие три абзаца с того места, где Вы остановились.*

Шпрехер: *Хорошо, сэр.*

Председатель: *Второй, третий и четвертый абзацы.*

Шпрехер: *«Так же как старый гейдельбергский замок был свидетелем того, что старая Германия была слишком слабой для того, чтобы отразить вторгнувшихся французов, которые разрушили ее памятники, так и обугленные развалины синагог будут вечным напоминанием будущим поколениям о силе новой Германии.*

Он напомнил студентам о том, что все еще имеются страны, где люди расточают свое время и энергию на книги и бесполезные дискуссии на абстрактные философские и метафизические темы. Эти дни остались позади. Новая Германия — страна действия. Другие страны погружены в спячку.

Но он считает, что их не следует будить. Чем крепче будет их спячка, тем больше возможности будет для людей Третьей империи подготовиться к действию. День придет, когда студенты Гейдельберга займут свое место бок о бок с легионами других студентов для того, чтобы завоевать мир идеологией нацизма».

Я хотел сослаться, господа судьи, на документ ПС-1948, страница 63 книги документов, который я представляю, как доказательство США-680. Он написан, как вы заметите, на бланке имперского наместника в Вене.

«Вена. 7 ноября 1940 года.

Тема — принудительный труд трудоспособных евреев.

1. Уведомление:

5 ноября 1940 года состоялся телефонный разговор с полковником гестапо Губером. Гестапо получило секретное указание от главного управления имперской безопасности (РСХА) о том, что трудоспособные евреи должны быть привлечены к принудительному труду. В целях составления планов предполагаемых массовых мероприятий гестапо в настоящее время проводит расследование по определению количества трудоспособных евреев. Предполагается, что осталось немного евреев, которых можно было бы использовать. Если некоторое число их может быть использовано, гестапо не остановится перед тем, чтобы использовать евреев даже для уборки от развалин разрушенных синагог.

Полковник СС Губер будет лично докладывать по этим вопросам регирунгспрезиденту.

Я доложил об этом соответственно регирунгспрезиденту. Этот вопрос в дальнейшем следует иметь в виду».

Подписано доктором Фишером.

Я хочу обратить внимание суда на значение поста «регирунгспрезидент». Полковник СС, как вы заметили, должен был отчитываться перед регирунгспрезидентом. Если вы вернетесь к декрету, помещенному на 777-й странице «Рейхсгезетцблатт» за 1939 год, по которому Вена утверждалась как рейхсгау, вы увидите, что регирунгспрезидентом был личный представитель Шираха в правительственной администрации Вены.

Нам кажется, что документ ПС-1948, подписанный Фишером, относительно принудительного труда трудоспособных евреев доказывает, что лица, находившиеся в ранге гаулейтера, знали о жестокостях, которые совершались гестапо и СС в подведомственной им области. Документ этот также показывает, что даже заместители гаулейтеров были подробно информированы о мерах по преследованию, которые проводились в то время.

Шираху также было известно о существовании жилищного кризиса в Вене. Этот вопрос входил в его компетенцию. Но жилищный кризис не существовал для некоторых представителей «высшей расы», занявших дома несчастных евреев, которые были выселены в Польшу и бесследно исчезли.

3 декабря 1940 года заговорщик Ламмерс написал письмо Шираху. Это документ ПС-1950, США-681, страница 65 книги документов. Это очень короткое письмо, написанное на бланке имперского министра и начальника имперской канцелярии и помеченное грифом «Секретно».

«Как меня информировал рейхслейтер Борман, фюрер решил после получения одного из Ваших отчетов, что 60 тысяч евреев, все еще проживающих в рейхсгау Вена, должны быть высланы в ближайшее время, поскольку в Вене жилищный кризис.

Я информировал генерал-губернатора в Кракове, так же как и рейхсфюрера СС, об этом решении фюрера и прошу Вас также принять его к сведению.

Подпись: Ламмерс».

В качестве последнего яркого доказательства против этого самого молодого подсудимого из сидящих на этой скамье я приведу слова, произнесенные им самим и опубликованные для всего гау Вена, а по существу эти слова даже в то время предназначались для всей Германии и всего мира. Текст появился в венском издании «Фолькишер Беобахтер» от 15 сентября 1942 года, документ ПС-3048, США-274, 106-я страница книги документов.

Я хотел бы указать, что эти слова были произнесены перед так называемым «Европейским юношеским объединением» в Вене в 1942 году.

Трибунал вспомнит, что Ширах все еще оставался в то время имперским руководителем по воспитанию молодежи в НСДАП.

«Каждый еврей, который осуществляет свое влияние в Европе, представляет собой опасность для европейской культуры. Если кто-либо будет упрекать меня в том, что я изгнал из этой столицы, которая когда-то была европейской метрополией еврейства, многие десятки тысяч евреев в гетто на Востоке, я чувствую себя обязанным ответить: «В этой акции я вижу вклад в европейскую культуру».

Хотя основная помощь Шираха заговору заключалась в том, что он подчинил германскую молодежь целям заговорщиков, он также виновен в чудовищных преступлениях против человечности как партийный и правительственный чиновник крупного масштаба, после того, как заговор дошел в своем неизбежном развитии до развязывания агрессивных войн.

Господа судьи, этим заканчивается представление доказательств об индивидуальной ответственности подсудимого Шираха.

Г. К. АТТЕРТОН (США)

Об индивидуальной ответственности Зейсс-Инкварта[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 16 января 1946 г.

Господа судьи, обвинение подготовило для удобства Трибунала досье, в котором изложен материал об индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварта. Экземпляры этого досье вручаются Трибуналу. В то же время Трибуналу вручаются книги документов, помеченные буквами «КК» и содержащие переводы документов, которые упоминаются в досье или которые будут представлены в качестве доказательств. С самого начала хочу ясно дать понять, что я буду заниматься лишь вопросом об индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварта за преступления, указанные в разделах 1 и 2 обвинительного заключения. Доказательства его виновности по разделам 3 и 4 обвинительного заключения будут представлены позд-

[1] IMT. Vol. 5. P. 334—352.

нее обвинителями Французской республики[1] и Советского Союза[2].

Зейсс-Инкварт признал, что он занимал следующие посты в государстве и партии. Я ссылаюсь на документ ПС-2910, США-17.

Он был государственным советником Австрии с мая 1937 года по 12 февраля 1938 года. Он был министром внутренних дел и безопасности Австрии с 16 февраля по 11 марта 1938 года, канцлером Австрии с 11 по 15 марта 1938 года, имперским наместником в Австрии с 15 марта 1938 года по 1 мая 1939 года, имперским министром без портфеля с 1 мая по сентябрь 1939 года, членом имперского кабинета с 1 мая 1939 года до конца войны, начальником гражданской администрации Южной Польши с начала сентября по 12 октября 1939 года, заместителем генерал-губернатора Польши, которым тогда был подсудимый Франк, с 12 октября 1939 года по май 1940 года и, наконец, рейхскомиссаром оккупированных территорий Нидерландов с 29 мая 1940 года до конца войны. Он также признал, что стал членом национал-социалистской партии 13 марта 1938 года и что был произведен в генералы СС через два дня после этого.

Этот список постов, которые, по признанию Зейсс-Инкварта, он занимал, показывает, господа судьи, то положение, которое он занимал в нацистском общем плане или заговоре. Этот список показывает, как он приобретал все большее влияние и власть, а также подчеркивает его особый талант, его способности в деле порабощения малых стран, окружавших Германию, для пользы того, что он называл «Великой Германской Империей».

Подсудимый Зейсс-Инкварт впервые стал участником нацистского заговора в связи с нацистским нападением на Австрию. Господин Олдерман показал, как нацисты дополняли свою дипломатическую и военную подготовку к этому событию интенсивной политической подготовкой внутри самой Австрии.

Окончательная цель этих приготовлений заключалась в том, чтобы обеспечить назначение нацистов или лиц, которые благожелательно к ним относились, на ключевые посты в австрийском правительстве, в особенности на пост министра внутренних дел и безопасности, в ведении которого находилась полиция, так как именно он мог бы подавить всякое сопротивление нацистам, если это потребуется.

---

[1] См. выступление П. Мунье в данном томе. С. 366—371.

[2] См. выступление Н.Д. Зори//Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 516—539.

Зейсс-Инкварт был самым полезным орудием нацистов для достижения этой цели. Он был первым из так называемых «квислингов» или изменников, которые использовались нацистами для содействия их агрессивным планам и укреплению власти над их жертвами.

Зейсс-Инкварт признает, что он стал членом нацистской партии только 13 марта 1938 года, но мы покажем, что он был с ними тесно связан значительно раньше. В этой связи я представляю документ ПС-3271, США-700. Цитирую с 9-й страницы перевода. Он говорит в этом письме, посланном Гиммлеру 19 августа 1939 года, следующее:

«Что касается моей принадлежности к партии, то я заявляю, что мне никогда не предлагали вступить в партию, но в декабре 1931 года я просил доктора Кира помочь мне в определении моего отношения к партии, так как я рассматривал партию как основную предпосылку для решения австрийской проблемы... Я платил членские взносы, насколько я помню, непосредственно в Венском гау. Эти взносы уплачивались мною также в период запрещения партии. Позднее я имел прямую связь с ортсгруппой в Дорнбахе. Взносы платила моя жена, но "блокварт" — мне кажется, что это то же самое, что "блоклейтер", — никогда не сомневался, что эти взносы платились и за жену и за меня, так как они составляли значительную сумму — сорок шиллингов в месяц. Ко мне во всех отношениях относились как к члену партии».

В последней фразе абзаца он говорит: «Поэтому я во всех отношениях считал и чувствовал себя членом партии, как говорилось, еще в декабре 1931 года».

Теперь, господа судьи, я хотел бы сослаться на одну или две фразы, которые имеются в третьем абзаце 7-й страницы перевода этого же письма. Упоминая о встрече с Гитлером, Зейсс-Инкварт пишет следующее:

«После этой беседы я стал очень праведным человеком, невыразимо осчастливленным тем, что мне было позволено стать орудием в руках фюрера».

На самом деле Зейсс-Инкварт был активным сторонником нацистов в течение всего периода после 1931 года. Но когда в июле 1934 года нацистская партия в Австрии была объявлена нелегальной, он избегал слишком явной связи с нацистской организацией, чтобы обеспечить то, что нацисты называли «хорошим легальным положением». Этим путем он смог наилучшим образом использовать свою связь с католиками и другими лицами, выполняя задание своих нацистских начальников — проникнуть в эти круги.

Как Трибунал помнит, документ ПС-2219, США-62, представляет собой письмо Зейсс-Инкварта Герингу от 14

июля 1939 года, в котором Зейсс-Инкварт ясно об этом говорит. Именно в этом письме Зейсс-Инкварт пишет:

«В то же время я знаю, что я с непреодолимой настойчивостью стремлюсь к цели, в которую я верю, то есть в Великую Германию и фюрера».

Представленные господином Олдерманом доказательства подробно раскрыли средства, при помощи которых нацистские заговорщики осуществили свое преднамеренное нападение на Австрию. Я не намереваюсь возвращаться к этим доказательствам, но я хочу обратить внимание Трибунала на два документа, которые имеют особое значение, так как они показывают, какую роль играл подсудимый в то время. Я ссылаюсь на доклад Райнера гаулейтеру Бюркелю от 6 июля 1939 года, где говорилось о роли, которую играла австрийская нацисткая партия, Зейсс-Инкварт и другие лица в событиях, имевших место с июля 1934 по март 1938 года, а также удивительную запись телефонных переговоров 11 марта 1938 года между подсудимым Герингом и его агентами в Берлине и Зейсс-Инквартом и другими лицами в Вене. Доклад Райнера имеется в документе ПС-812, США-61, и, как Трибунал помнит, он был полностью оглашен. Запись телефонных переговоров, документ ПС-2949, США-76, имеется на 566-й странице английской стенограммы.

Чтобы пополнить вышеупомянутые доказательства и более отчетливо показать роль, которую играл подсудимый Зейсс-Инкварт, я хотел бы представить в качестве доказательства показания, подписанные Зейсс-Инквартом по совету его защитника 10 декабря 1945 года. Это документ ПС-4325, США-701.

В этих показаниях Зейсс-Инкварт объясняет, со своей точки зрения, какую роль он играл при осуществлении аншлюса. Я хотел бы зачитать несколько фраз из второго абзаца 1-й страницы. Он пишет:

«В 1918 году я заинтересовался вопросом об аншлюсе Австрии. С этого года я работал, планировал и сотрудничал с другими, которые разделяли эту точку зрения с целью осуществления объединения Австрии с Германией. Я желал произвести это объединение двух стран эволюционным путем и легальными методами».

Пропускаю две фразы.

«Я также поддерживал национал-социалистскую партию, пока она была легальной, потому что она с особой решительностью выступала за аншлюс. С 1932 года я делал финансовые взносы в фонд партии, но прекратил предоставлять финансовую помощь, когда в 1934 году партия была объявлена нелегальной».

Пропускаю еще пару фраз.

«С июля 1936 года я старался помочь национал-социалистам восстановить свое легальное положение и в конце концов войти в состав австрийского правительства. В этот период, особенно после того как в июле 1934 года партия была запрещена, я знал, что радикальные элементы партии занимались террористической деятельностью, а именно: нападения на железные дороги, мосты, телефонную связь и т. д. Я знал, что правительство как при канцлере Дольфусе, так и канцлере Шушниге, хотя они в принципе придерживались точки зрения объединенной Германии, было противником аншлюса ввиду существования национал-социалистского режима в Германии. Я сочувствовал усилиям австрийской нацистской партии получить политическую власть и соответствующее влияние, потому что она выступала за аншлюс».

Вкратце укажу Трибуналу, что далее подсудимый говорит о том, что в мае 1937 года, в результате соглашения между Австрией и Германией от 1 июля 1936 года, он был назначен на пост государственного советника, а Райнер признал, что Зейсс-Инкварт способствовал заключению этого соглашения. Далее говорится о том, что он был назначен на пост министра внутренних дел и безопасности в результате соглашения Шушнига с Гитлером в Берхтесгадене 12 февраля 1938 года. Он признает, что после этого назначения и этого соглашения австрийские национал-социалисты стали проводить все более широкие демонстрации. Подсудимый сообщает, что сразу после его назначения на пост министра внутренних дел и безопасности он направился в Берлин для беседы с Гитлером и Гиммлером. Затем он описывает события того дня — 11 марта 1938 года, когда, полностью опираясь на германские вооруженные силы, он стал канцлером.

Я не хочу приводить пространных цитат из этого документа, потому что Трибуналу уже известно, что произошло.

На 3-й странице он пишет:

«В 10 часов утра Глейзе-Хорстенау и я поехали в федеральную канцелярию и в течение двух часов беседовали с доктором Шушнигом. Мы рассказали ему обо всем, что было нам известно, в частности, о возможности возникновения беспорядков и о приготовлениях со стороны Германии.

Канцлер сказал, что он вынесет решение к 14 часам. В то время, как я беседовал с Глейзе-Хорстенау и доктором Шушнигом, меня несколько раз вызывали к телефону для разговора с Герингом».

Председатель: *Это еще не оглашалось?*

Аттертон: *Нет, сэр, это документ ранее не был представлен.*

Председатель: *Хорошо.*

Аттертон: *«Геринг сообщил мне, что соглашение от 12 февраля аннулировано, и потребовал отставки доктора Шушнига и назначения меня канцлером».*

Трибунал уже слышал другую сторону этого дела — запись телефонных переговоров. Затем в последних двух абзацах подсудимый рассказывает, как Келлер убеждал его послать телеграмму с просьбой о том, чтобы Германия послала войска, и как он сначала отказался, но в конце концов согласился. Теперь я цитирую предпоследний абзац:

«Насколько я помню по имеющимся документам, приблизительно в 10 часов вечера меня вновь просили утвердить новую, несколько измененную телеграмму, о которой я сообщил президенту Микласу и доктору Шушнигу. Наконец, президент Миклас назначил меня канцлером и вскоре после этого утвердил предложенный мной список министров».

Как Трибунал помнит, телеграмма, о которой идет речь, была адресована Гитлеру от имени временного австрийского правительства и содержала просьбу о том, чтобы Гитлер как можно скорее послал немецкие войска и помог правительству осуществить его задачи и предотвратить кровопролитие. Текст телеграммы, напечатанный в 6-м томе «Документы немецкой политики», содержится в документе ПС-2463 в книге документов. Интересно заметить, что текст телеграммы фактически совпадал с тем текстом, который вечером 11 марта был по телефону продиктован Герингом Кепплеру и который имеется на 575-й странице стенограммы.

Вновь ссылаясь на заявление подсудимого, я хочу отметить, что на следующее утро он позвонил Гитлеру...

Биддл: *Вы цитируете?*

Аттертон: *Нет, сэр, делаю резюме.*

Биддл: *Если Вы не прочитаете, документ не войдет в протокол как доказательство.*

Аттертон: *В таком случае я цитирую последний абзац 3-й страницы:*

«Утром 12 марта я разговаривал по телефону с Гитлером. В ходе этой беседы я предложил Гитлеру, чтобы, в то время как германские войска будут вступать в Австрию, австрийские войска символически вошли бы в Германию. Гитлер согласился на это предложение. Он также согласился в тот же день встретиться со мной в Линце, Верхняя Австрия. Я полетел в Линц с Гиммлером, который прибыл в Вену из Берлина. Я приветствовал Гитлера с балкона ратуши и сказал, что 88-я статья Сен-Жерменского договора теперь потеряла силу».

Доказательства свидетельствуют, как рабски в переговорах с канцлером Шушнигом и президентом Микласом

доктор Зейсс-Инкварт выполнял приказы, переданные ему по телефону Герингом 11 марта 1938 года. На самом деле такие отношения существовали в течение некоторого времени еще в начале января 1938 года. Зейсс-Инкварт несмотря на то, что он занимал важный пост в австрийском правительстве, считал, что он уполномочен нацистскими заговорщиками в Берлине вести переговоры со своим собственным правительством. В качестве доказательства того, как это происходило, представляю документ ПС-3473, США-581. Это письмо Кепплера Герингу от 6 января 1938 года. В этом письме говорится, я цитирую:

«Многоуважаемый генерал, государственный советник доктор Зейсс-Инкварт послал мне с курьером сообщение о том, что его переговоры с федеральным канцлером, доктором Шушнигом, зашли в тупик и он вынужден возвратить предоставленные ему полномочия. Доктор Зейсс-Инкварт желает побеседовать со мной по этому вопросу перед тем, как он примет соответствующее решение. Разрешите спросить Вас, следует ли в настоящий момент предпринять такой шаг, который автоматически приведет также к отставке федерального министра Глейзе-Хорстенау, или я должен предпринять усилия, чтобы оттянуть подобные действия».

Письмо подписано Кепплером. Сверху на подлиннике этого письма имеется краткая записка, вероятно, подколотая секретарем подсудимого Геринга и датированная — Каринхалле, 6 января 1938 года. Эта пометка гласит:

«Кепплеру следует сообщить по телефону:

1) он должен сделать все возможное для того, чтобы предотвратить уход в отставку государственного советника Зейсс-Инкварта и государственного министра фон Глейзе-Хорстенау. Если возникнут трудности, Зейсс-Инкварт должен в первую очередь связаться с ним».

В результате этой директивы, которая, по-видимому, была передана Кепплеру по телефону, он, то есть Кепплер, 8 января 1938 года написал письмо доктору Зейсс-Инкварту. Я представляю это письмо как документ ПС-3397, США-702. Как Трибунал помнит, Кепплер в то время был статс-секретарем в германском правительстве и занимался австрийскими делами:

«Глубокоуважаемый государственный советник, сегодня меня посетил господин Пл., который сообщил о положении дел, а также о том, что Вы серьезно рассматриваете вопрос о том, вынуждены ли Вы сложить данные Вам полномочия.

Я в письменной форме сообщил генералу Герингу о положении дел и он только что ответил мне, что я должен предпринимать максимальные усилия, чтобы отговорить Вас и любого другого от такого шага. Это соответствует беседе Г. с доктором И., которая состоялась до Рождества. Г. про-

сит Вас ни при каких обстоятельствах не предпринимать ничего подобного до того, как он сам будет иметь возможность вновь с Вами побеседовать.

Я также могу сообщить вам, что Г. пытается поговорить с Пл. для того, чтобы тот устранил некоторые нежелательные условия».

Письмо подписано Кепплером.

Господа судьи, эти два письма ясно показывают, в какой мере подсудимый в то время являлся орудием в руках заговорщиков, в какой мере он использовался нацистскими заговорщиками при составлении планов нападения на Австрию. После того как германские войска вступили в Австрию и Зейсс-Инкварт стал канцлером, он, не теряя времени, стал выполнять планы, подготовленные участниками нацистского заговора, в котором он также состоял.

Я представляю документ ПС-3254, США-704. Это меморандум, написанный Зейсс-Инквартом и озаглавленный «Австрийский вопрос». Я представляю его только потому, что там описывается, как он добился принятия австрийского закона о присоединении Австрии к Германии. Он пишет, что 13 марта германские чиновники принесли ему проект, которым Австрии предлагалось войти в состав Германии. Они сообщили...

Председатель: Вы цитируете?

Аттертон: Цитирую с середины 20-й страницы английского текста:

«После того как Вольф сообщил мне, что президент не будет препятствовать проведению этого мероприятия, я созвал совет министров. Он же должен был возвратиться домой и ждать меня там. Тем временем созванный по моему предложению совет министров принял проект закона, в который мой правовой отдел внес некоторые формальные поправки. В первом же проекте предусматривалось голосование 20 апреля. В соответствии с положением конституции от 1 мая 1934 года любое принципиальное изменение конституции должно было решаться советом министров и утверждаться президентом. Голосование или утверждение народом совершенно не было предусмотрено. В тех случаях, когда президент по какой-либо причине уйдет в отставку или в течение какого-то времени не сможет выполнять своих обязанностей, его прерогативы должны перейти к канцлеру. Я отправился с доктором Вольфом к президенту. Президент сказал мне, что он не знает, будет ли такое развитие событий благоприятным для Австрии, но он не хотел бы вмешиваться и предпочитает уйти в отставку, чтобы все конституционные права перешли ко мне».

Двумя или тремя фразами ниже, в начале 21-й страницы, сказано:

12 Заказ 1429

«Потом я отправился в Линц. Туда я прибыл в полночь и доложил фюреру о проведении закона об аншлюсе».

В тот же день Германия официально присоединила Австрию к Германии декретом и в нарушение 80-й статьи Версальского договора объявила ее провинцией германской империи. Я прошу Трибунал принять без доказательства этот декрет — документ ПС-2307, опубликованный в «Рейсгезетцблатт» за 1938 год, часть 1-я, страница 237.

Если подсудимый Зейсс-Инкварт кажется слишком скромным в оценке той роли, какую он играл при свержении того правительства, которому он присягал, то его соучастники быстро признали важный вклад, который он сделал. В речи, произнесенной в Вене 26 марта 1938 года, подсудимый Геринг сказал, — читаю документ ПС-3270, США-703, выдержку из книги «Документы немецкой политики», том 6-й, страница 183:

«Существовало полное согласие между фюрером и членами национал-социалистской партии внутри Австрии... Если национал-социалистский переворот был совершен так быстро и тщательно и без кровопролития, то в первую очередь это произошло благодаря спокойствию, твердости, предусмотрительности и решимости нынешнего имперского наместника Зейсс-Инкварта и его ближайших сотрудников».

Перед тем как мы перейдем от вопроса об аншлюсе к другому вопросу, я хочу вновь подчеркнуть тот важнейший факт, что подсудимый Зейсс-Инкварт занимал ключевой пост во время этого первого открытого нападения на другую страну. Как мы показали, если бы не он, то впоследствии события могли бы развиваться другим путем. Если бы он больше ничем не был связан с агрессивными планами заговорщиков помимо своей роли в аншлюсе, то даже одно это действие поставило бы его в первый ряд заговорщиков.

Перехожу к другому вопросу. Господин Олдерман рассказал о том, как подсудимый Зейсс-Инкварт сотрудничал с заговорщиками с целью полного включения Австрии в состав Германии в деле предоставления Германии ее экономических и людских ресурсов[1].

При проведении в жизнь общих планов заговорщиков Зейсс-Инкварт впервые проявил в качестве имперского наместника свои способности в деле преследования евреев. В речи в Вене 26 марта 1938 года, 2326-я страница стенограммы, подсудимый вспоминает, что Геринг специально поручил ему начать проведение антисемитских мер.

На основании уже представленных доказательств Трибуналу известно, к какому массовому грабежу это привело.

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 478—518.

Зейсс-Инкварт столь успешно выполнил эту задачу, что на совещании в министерстве авиации под председательством Геринга 12 ноября 1938 года чиновник Зейсс-Инкварта Фишбек смог рассказать, с какой эффективностью гражданская администрация в Австрии разрешала так называемый «еврейский вопрос». Цитирую документ ПС-1816, США-261, с 14-й страницы английского перевода. Это третий абзац в конце 14-й страницы:

«Ваше превосходительство!

По этому вопросу у нас уже имеется полностью разработанный план для Австрии. В Вене имеется 12 тысяч евреев-ремесленников и 5 тысяч еврейских розничных магазинов. До захвата власти у нас уже имелся определенный план относительно торговцев, касающийся этих 17 тысяч магазинов. Из 12 тысяч мастерских около 10 тысяч должны были быть закрыты, а 2 тысячи должны были остаться открытыми. 4 тысячи из 5 тысяч розничных магазинов должны быть закрыты, а одна тысяча должна остаться открытой, то есть быть переданной хозяевам-арийцам. Согласно этому плану от 3000 до 3500 из общего количества в 17 000 магазинов должны оставаться открытыми, а все остальные должны быть закрыты. Это было решено после проведения расследования во всех областях, в соответствии с местными нуждами и по соглашению со всеми компетентными властями. Мы опубликуем это решение, как только получим закон, о котором просили в сентябре. Этот закон даст нам право лишать ремесленников лицензий вне зависимости от еврейского вопроса».

На это Геринг сказал: «Я прикажу издать этот декрет сегодня же».

Теперь с разрешения Трибунала я хотел бы огласить еще одну фразу с середины следующей страницы, где Фишбек говорит:

«Из 17 тысяч магазинов 12 или 14 тысяч будут закрыты, остальные же будут переданы хозяевам-арийцам или государственному бюро по опеке».

Геринг ответил:

«Я считаю, что это замечательное предложение. Таким образом, к Рождеству или к концу этого года мы будем иметь возможность покончить с этим делом в Вене, так сказать, в одной из еврейских столиц».

Подсудимый Функ тогда заявил: «Мы должны делать то же самое здесь».

Другими словами, так называемое решение Зейсс-Инкварта оценивалось весьма высоко и рассматривалось как образец для всей Германии.

После того как задача присоединения Австрии к Германии была в основном разрешена, нацистские заговорщики

могли использовать способности Зейсс-Инкварта для покорения других народов. Для иллюстрации обращаю внимание Трибунала на документ Д-571, США-112, который уже был представлен в качестве доказательства. Как Трибунал помнит, из этого документа явствует, что 21 марта 1939 года представитель британского правительства сообщил из Праги виконту Галифаксу, что немного ранее, 11 марта 1939 года, Зейсс-Инкварт, Бюркель и пять германских генералов присутствовали на заседании словацкого правительства и заявили членам кабинета, что они должны провозгласить независимость Словакии, что Гитлер намеревается окончательно решить вопрос о Чехословакии и что если они не сделают того, что им говорят, Гитлер перестанет интересоваться их судьбой. Это показывает, как этот человек продолжал участвовать в агрессивных планах нацистских заговорщиков.

В первой половине сентября 1939 года, после начала нападения на Польшу, Зейсс-Инкварт стал начальником гражданской администрации Южной Польши. Через несколько недель, 12 октября 1939 года, Гитлер издал декрет, предусматривающий, что оккупированные германскими войсками территории, помимо тех, которые включены в германскую империю, подлежат компетенции генерал-губернатора оккупированных польских территорий. Он назначил подсудимого Франка генерал-губернатором Польши, а подсудимого Зейсс-Инкварта — его заместителем, о чем было сообщено в «Рейхсгезетцблатт» за 1939 год, часть 1-я, страница 2077. Я прошу Трибунал принять это без доказательства.

Вскоре после этого, 26 октября 1939 года, Франк издал свой первый декрет, устанавливавший администрацию на оккупированных польских территориях, генерал-губернатором которых он был. Этот декрет опубликован в книге «Документы немецкой политики» и имеется в книге документов под номером ПС-3468.

Третья статья декрета предусматривала, что начальник управления генерал-губернатора и старшие руководители СС и полиции прямо подчинены генерал-губернатору и его заместителю. Заместителем, как известно, был подсудимый Зейсс-Инкварт.

Значение этого положения декрета совершенно очевидно в свете тех доказательств, которые Трибунал уже заслушал или заслушает. Прошу Трибунал принять этот декрет без доказательства.

Зейсс-Инкварту в качестве заместителя генерал-губернатора оккупированных польских территорий, по-видимому, было поручено учредить германскую администрацию на этих территориях. Работая в подчинении у подсудимого Франка, он беседовал с различными местными руководителями и давал им указания, что делать. Для примера я пред-

ставляю в качестве доказательства описание официального путешествия Зейсс-Инкварта и его советников с 17 по 22 февраля 1939 года. Это документ ПС-2278, США-706.

Господа судьи, я неправильно назвал срок путешествия. Оно состоялось с 17 по 22 ноября 1939 года, то есть вскоре после того, как была создана администрация в Польше. На 1-й странице английского перевода говорится, я цитирую 2-й абзац:

«В 3 часа дня имперский министр доктор Зейсс-Инкварт выступил перед начальниками управлений и заявил, в частности, что при осуществлении германской администрации в генерал-губернаторстве руководящий принцип должен исключительно основываться на интересах германской империи. Путем строгого и непоколебимого управления этот район должен быть обращен на пользу германской экономики, а для того, чтобы не проявлять излишнего милосердия, следует помнить о том, как польская раса узурпировала германскую территорию».

Этот отчет слишком длинный, чтобы приводить из него большие цитаты, но на 7-й странице имеется текст о том, что произошло во время пребывания подсудимого в Люблине. Из отчета явствует, что Зейсс-Инкварт после встречи с различными местными германскими чиновниками «изложил основные принципы». Я цитирую с начала 7-й страницы: «Принципы, в соответствии с которыми должна осуществляться администрация в губернаторстве».

Пропускаю фразу.

«Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешать развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн».

Затем министр изложил районным руководителям руководящий принцип:

«Мы сделаем все, что в интересах Германии, и положим конец всему, что может нанести ущерб Германии».

Доктор Зейсс-Инкварт далее добавил, что генерал-губернатор желает, чтобы те люди, которые работают здесь на Германию, получили посты, обеспечивающие им материальные блага соответственно их ответственности и достижениям».

Далее через 2 страницы описывается поездка в деревню Влодава, Циков. Я цитирую:

«Циков — это германская деревня», — пропускаю одну или две фразы, — «Имперский министр, доктор Зейсс-Инкварт, произнес речь, в которой он указал, что лояльность этих немцев к их нации теперь находит свое обоснование и вознаграждение через силу Гитлера».

Далее идет фраза, по-видимому, добавленная составителем отчета.

«Этот район, который является очень болотистым, можно, согласно предложению районного руководителя Шмидта, использовать в качестве резервации для евреев, что явилось бы мерой, которая, возможно, вызвала бы большую смертность среди евреев...».

Трибуналу уже были представлены доказательства относительно зверств, совершенных администрацией, которую помог создать Зейсс-Инкварт. Обвинение от имени Советского Союза представит Трибуналу дополнительные доказательства об этих зверствах. В настоящий момент нам, для того чтобы показать важность той работы, которую проделал этот человек, содействуя осуществлению нацистского плана в отношении генерал-губернаторства, достаточно огласить несколько слов из дневника подсудимого Франка.

Во время прощального завтрака по случаю назначения Зейсс-Инкварта на новый пост имперского комиссара Нидерландов Франк заявил то, что я сейчас оглашу из документа ПС-3465, США-614, страницы 510 — 511, том 2 дневника за 1940 год. Я оглашаю:

«Я весьма рад, господин имперский министр, в час, когда Вы уезжаете, заверить Вас в том, что месяцы нашего сотрудничества с Вами относятся к наиболее ценным моментам в моей жизни, и в том, что память о Вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации».

Затем с разрешения Трибунала я опущу несколько строк. Далее Франк говорит:

«В деле создания генерал-губернаторства Ваше имя всегда будет занимать почетное место как имя создателя этой организации и этой государственной системы. Я выражаю Вам нашу благодарность, господин имперский министр, за Ваше сотрудничество и за Вашу созидательную энергию».

И последние две или три фразы:

«В тяжелое время нас объединяла совместная работа здесь, на Востоке, но это одновременно является началом гигантского развития мощи германской империи. Доведение этого строительства до совершенства отразит развитие величайшего источника энергии, который когда-либо имел место в мировой истории. В этой работе Вы весьма разумно назначены лично самим фюрером на самый важный пост».

Затем на эту речь ответил сам подсудимый Зейсс-Инкварт, и я оглашу перевод его ответа на 2-й странице:

«Здесь я научился многому, чего я совершенно не понимал раньше, и в первую очередь это произошло благода-

ря инициативе и твердому руководству, которое я встретил в моем друге докторе Франке».

И далее, опустив одну фразу:

«Теперь я уезжаю на Запад и хочу быть откровенным с Вами. В душе я всегда буду здесь, так как все мои мысли связаны с Востоком. На Востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на Западе мы имеем функцию. Это две разные вещи».

Я утверждаю, господа судьи, что выдержки, которые я огласил, хорошо показывают сознательное участие подсудимого Зейсс-Инкварта в осуществлении нацистского заговора.

Таким образом, после того как он приобрел необходимый опыт в Польше под руководством подсудимого Франка, Зейсс-Инкварт был готов приступить к выполнению своей последней и наиболее честолюбивой задачи — порабощению Нидерландов.

Безжалостные методы, которые он использовал при выполнении этой задачи, характеризуют его роль в нацистском общем плане или заговоре.

Я прошу Трибунал принять без доказательств и приобщить к делу декрет фюрера от 18 мая 1940 года, «Рейхсгезетцблатт» за 1940 год, часть 1-я, страница 778. Английский перевод документа ПС-1376 имеется в книге документов.

Первая статья этого декрета предусматривает, что:

«Имперский уполномоченный является защитником интересов империи и он будет облечен высшей правительственной властью в гражданской сфере. Он будет непосредственно подчинен мне и будет получать директивы и приказы от меня».

Статья 3-я предусматривает:

«Имперский уполномоченный может использовать германские полицейские силы для выполнения его приказов. Германские полицейские силы находятся в распоряжении германского военного командующего в Нидерландах в такой степени, в какой это требует военная необходимость и если это не нанесет ущерба задачам имперского уполномоченного».

Статья 5-я этого декрета предусматривала, что имперский уполномоченный мог издавать декреты и эти декреты должны были публиковаться в «Ферорднунгсблатт» для оккупированной территории Нидерландов. Это официальное издание, которое я буду в дальнейшем называть «Ферорднунгсблатт».

29 мая 1940 года облеченный этими полномочиями подсудимый издал приказ об осуществлении правительственной власти в Нидерландах. Это документ ПС-3588 в книге доку-

Далее идет фраза, по-видимому, добавленная составителем отчета.

«Этот район, который является очень болотистым, можно, согласно предложению районного руководителя Шмидта, использовать в качестве резервации для евреев, что явилось бы мерой, которая, возможно, вызвала бы большую смертность среди евреев...».

Трибуналу уже были представлены доказательства относительно зверств, совершенных администрацией, которую помог создать Зейсс-Инкварт. Обвинение от имени Советского Союза представит Трибуналу дополнительные доказательства об этих зверствах. В настоящий момент нам, для того чтобы показать важность той работы, которую проделал этот человек, содействуя осуществлению нацистского плана в отношении генерал-губернаторства, достаточно огласить несколько слов из дневника подсудимого Франка.

Во время прощального завтрака по случаю назначения Зейсс-Инкварта на новый пост имперского комиссара Нидерландов Франк заявил то, что я сейчас оглашу из документа ПС-3465, США-614, страницы 510 — 511, том 2 дневника за 1940 год. Я оглашаю:

«Я весьма рад, господин имперский министр, в час, когда Вы уезжаете, заверить Вас в том, что месяцы нашего сотрудничества с Вами относятся к наиболее ценным моментам в моей жизни, и в том, что память о Вашей работе в генерал-губернаторстве сохранится навсегда при создании будущей мировой империи германской нации».

Затем с разрешения Трибунала я опущу несколько строк. Далее Франк говорит:

«В деле создания генерал-губернаторства Ваше имя всегда будет занимать почетное место как имя создателя этой организации и этой государственной системы. Я выражаю Вам нашу благодарность, господин имперский министр, за Ваше сотрудничество и за Вашу созидательную энергию».

И последние две или три фразы:

«В тяжелое время нас объединяла совместная работа здесь, на Востоке, но это одновременно является началом гигантского развития мощи германской империи. Доведение этого строительства до совершенства отразит развитие величайшего источника энергии, который когда-либо имел место в мировой истории. В этой работе Вы весьма разумно назначены лично самим фюрером на самый важный пост».

Затем на эту речь ответил сам подсудимый Зейсс-Инкварт, и я оглашу перевод его ответа на 2-й странице:

«Здесь я научился многому, чего я совершенно не понимал раньше, и в первую очередь это произошло благода-

ря инициативе и твердому руководству, которое я встретил в моем друге докторе Франке».

И далее, опустив одну фразу:

«Теперь я уезжаю на Запад и хочу быть откровенным с Вами. В душе я всегда буду здесь, так как все мои мысли связаны с Востоком. На Востоке мы имеем национал-социалистскую миссию, на Западе мы имеем функцию. Это две разные вещи».

Я утверждаю, господа судьи, что выдержки, которые я огласил, хорошо показывают сознательное участие подсудимого Зейсс-Инкварта в осуществлении нацистского заговора.

Таким образом, после того как он приобрел необходимый опыт в Польше под руководством подсудимого Франка, Зейсс-Инкварт был готов приступить к выполнению своей последней и наиболее честолюбивой задачи — порабощению Нидерландов.

Безжалостные методы, которые он использовал при выполнении этой задачи, характеризуют его роль в нацистском общем плане или заговоре.

Я прошу Трибунал принять без доказательств и приобщить к делу декрет фюрера от 18 мая 1940 года, «Рейхсгезетцблатт» за 1940 год, часть 1-я, страница 778. Английский перевод документа ПС-1376 имеется в книге документов.

Первая статья этого декрета предусматривает, что:

«Имперский уполномоченный является защитником интересов империи и он будет облечен высшей правительственной властью в гражданской сфере. Он будет непосредственно подчинен мне и будет получать директивы и приказы от меня».

Статья 3-я предусматривает:

«Имперский уполномоченный может использовать германские полицейские силы для выполнения его приказов. Германские полицейские силы находятся в распоряжении германского военного командующего в Нидерландах в такой степени, в какой это требует военная необходимость и если это не нанесет ущерба задачам имперского уполномоченного».

Статья 5-я этого декрета предусматривала, что имперский уполномоченный мог издавать декреты и эти декреты должны были публиковаться в «Ферорднунгсблатт» для оккупированной территории Нидерландов. Это официальное издание, которое я буду в дальнейшем называть «Ферорднунгсблатт».

29 мая 1940 года облеченный этими полномочиями подсудимый издал приказ об осуществлении правительственной власти в Нидерландах. Это документ ПС-3588 в книге доку-

ментов, и я прошу Трибунал приобщить к делу этот документ, приняв его без доказательств.

Там имеются два декрета. Я сейчас ссылаюсь на первый из них.

В статье первой этого декрета подсудимый скромно заявил о том, что он принимает на себя в той мере, в какой это необходимо для выполнения им его обязанностей, «всю власть, привилегии и права, которыми до сих пор пользовались король и правительство в соответствии с конституцией и законами Нидерландов». Это цитата.

В статье 5-й этого декрета говорилось, что поддержание общественного спокойствия, безопасности и порядка возлагается на нидерландскую полицию, если имперский уполномоченный не сочтет нужным прибегнуть к помощи СС или германской полиции для выполнения его приказов. Далее этот декрет предусматривает, что расследование и преследование всякой деятельности, враждебной империи и германскому духу, и ведение борьбы против этой деятельности возлагалось на германскую полицию.

3 июня 1940 года был издан еще один декрет относительно организации и учреждения управления имперского уполномоченного.

Этот декрет, который также входит в документ ПС-3588, был опубликован в «Ферорднунгсблатт» за 1940 год, часть 1-я, страница 11. Этот декрет предусматривал назначение генеральных уполномоченных из аппарата имперского уполномоченного, которые должны были возглавить четыре отдела. Один из этих уполномоченных — высший руководитель СС и полиции, должен был руководить отделом общественной безопасности.

Статья 5-я этого декрета предусматривала, «что этот руководитель должен командовать подразделениями войск СС и отрядами германской полиции, которые были переброшены на голландскую оккупированную территорию, осуществлять контроль над центральными и муниципальными органами голландской полиции и издавать для них необходимые приказы».

В статье 11-й говорится, что только имперский уполномоченный...

Председатель: *Лейтенант Аттертон, не думаете ли Вы, что мы можем сделать допущение, что подсудимый Зейсс-Инкварт, который был назначен для того, чтобы управлять оккупированной территорией Нидерландов, пользовался всеми этими полномочиями и не могли бы Вы перейти к тому, как он действовал, облеченный всеми этими полномочиями?*

Аттертон: *Да, я это сделаю, сэр. Но я хотел бы сделать ясным для Трибунала в силу особенности структуры этих германских полицейских сил тот факт, что он был облечен правом отдавать им приказы и, более того, что он в действительности так и делал. Если же это обстоятельство уже ясно, что так и есть на основании этих двух приказов, то перехожу к следующему вопросу.*

Председатель: *Я полагаю, что Трибунал не сомневается в том, что чиновник империи, которому была предоставлена власть администратора оккупированной территории, мог использовать полицейские силы.*

Аттертон: *Хорошо, сэр.*

Председатель: *Фактически это вопрос, который мы должны быть готовы принять как допущение, пока не будет доказано обратное.*

Аттертон: *Я согласен, сэр.*

Председатель: *Мы хотели бы, чтобы Вы обратили внимание на доказывание того, какие действия, являющиеся преступлениями, он, пользуясь этими полномочиями, совершал.*

Аттертон: *Хорошо, сэр. Сейчас мы не намереваемся останавливаться на вопросе о совершении преступлений против личности и против собственности в Нидерландах, за которые подсудимый Зейсс-Инкварт несет ответственность, так как доказательства относительно нацистских зверств в этой стране должны быть представлены нашими коллегами от Французской республики.*

Мы намереваемся привести только несколько примеров и дать некоторое представление о масштабах деятельности этого подсудимого и его ответственности как доказательство его участия в осуществлении нацистского общего плана или заговора. Нашей обязанностью является доказать именно это.

Во-первых, имеется большое количество доказательного материала относительно того, что этот подсудимый несет ответственность за повсеместное разграбление собственности. Просто в качестве примера того, как он был замешан во всем этом, я представляю в качестве доказательства документ ПС-176, США-707.

Этот документ представляет собой отчет о деятельности оперативной группы «Нидерланды», которая входила в эйнзатцштаб Розенберга и относительно которой Трибуналу уже были представлены доказательства. Я хотел бы огласить выдержку на 1-й странице этого отчета, первое предложение. Цитирую:

«Оперативная группа «Нидерланды» эйнзатцштаба рейхслейтера Розенберга начала свою деятельность в начале сентября 1940 года на основании соглашения, достигнутого

с компетентным представителем имперского уполномоченного».

Далее в отчете подробно перечисляется собственность, которая была конфискована у масонских лож и аналогичных организаций в значительных размерах. Я оглашаю выдержку на 3-й странице этого отчета в конце страницы:

«Богатейшая библиотека, содержащая бесценные образцы санскритской письменности, была конфискована после роспуска теософского общества в Амстердаме. Эта библиотека была упакована в 96 ящиков.

Книги из целого ряда менее значительных библиотек, принадлежащих спиритам, движениям "Эсперанто" и "Беллами", Международному обществу изучения Библии и различным другим мелким международным организациям, были упакованы в 7 ящиков. Тексты, принадлежавшие различным небольшим еврейским организациям, были упакованы в 4 ящика. Библиотека Антропософского общества в Амстердаме была упакована в 3 ящика.

Можно сказать с полным основанием, что многочисленные книги, конфискованные, упакованные и отосланные в Германию до настоящего времени оперативной группой, имеют выдающуюся научную ценность и они войдут в качестве составной части в библиотеку "Высшей школы".

Можно только приблизительно определить стоимость этих библиотек, которая, безусловно, достигает от 30 до 40 млн. рейсхмарок».

Я оглашаю выдержку в конце этого отчета:

«Выполняя вышеупомянутое задание, эйнзатцгруппа строго следует указаниям имперского комиссара по решению еврейского вопроса и вопросов, касающихся международных организаций».

Подсудимый Зейсс-Инкварт в качестве имперского комиссара в числе своих функций наблюдал за осуществлением программы заговорщиков по угону голландских граждан в Германию на рабский труд. Трибунал вспомнит, что господин Додд огласил выдержку из протокола допроса подсудимого Заукеля от 5 октября 1945 года, страница 1372 стенограммы, из которой явствовало, что нормы поставки рабочей силы были установлены для Голландии на основании соглашения и после того, как эти цифры были переданы Зейсс-Инкварту, его обязанность заключалась в том, чтобы выполнить эти установленные нормы при содействии представителя Заукеля. Трибунал также вспомнит, что господин Додд, после того как он показал, какую роль играл подсудимый Зейсс-Инкварт в вербовке рабочей силы для рабского труда и выявил его ответственность за это, огласил неко-

торые выдержки из документа ПС-1736, США-195, страница 1310 стенограммы, который показывает количество голландских граждан, угнанных в империю в различное время[1]. Так как все это уже было оглашено на суде, я не буду останавливаться вновь на этом.

В Нидерландах, так же как и в Австрии и в других местах, Зейсс-Инкварт проявлял жестокость в обращении с голландскими евреями. Как пример его позиции я представляю в качестве документального доказательства документ ПС-3430, США-708, который представляет собой выдержки из книги подсудимого «Четыре года в Нидерландах» — сборник речей.

В речи, произнесенной в Амстердаме 13 марта 1941 года, Зейсс-Инкварт заявил, я оглашу сейчас последнюю выдержку перевода, которая имеется на странице 57 книги:

«Евреи для нас не являются голландцами. Они являются теми врагами, с которыми мы не можем заключать ни перемирия, ни мира. Такая установка действует здесь на протяжении всего срока оккупации. Не ждите от меня приказа, в котором бы говорилось все это, за исключением правил, которые касаются полицейских мер. Мы будем громить евреев, где бы мы их ни встретили, и те, кто становится на их сторону, будут иметь такие же последствия. Фюрер заявил, что евреи уже сыграли свой финальный акт в Европе».

Затем подсудимый Зейсс-Инкварт во исполнение этих обещаний издал целую серию декретов, которыми первоначально создавалась угроза лишить голландских евреев их собственности, затем они были низведены до уровня нищих. В итоге это окончилось насильственным вывозом евреев в Польшу. Все эти декреты, подписанные Зейсс-Инквартом, подобраны в нашем досье на странице 65. Я прошу суд принять их без доказательств.

Я хотел бы привести вам несколько примеров. Первый пример, на который я хотел бы сослаться, документ ПС-3333 — декрет от 26 октября 1940 года, требующий регистрации предприятий, принадлежащих евреям, включая также товарищества или корпорации, в которых евреям принадлежала значительная доля. Как вы уже видели, такого рода законы были неизбежной прелюдией к массовой конфискации собственности евреев, которая производилась нацистской администрацией. По закону от 11 февраля 1941 года, опубликованному в «Ферорднунгсблатт», том 6, страница 99, документ ПС-3325, голландские университеты

---

[1] См.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 558—560.

и колледжи должны были ограничить прием еврейских студентов. Это мероприятие, которое само по себе не кажется важным, тем не менее является частью программы, направленной на то, чтобы лишить этих людей их прав и низвести его на низшую ступень. Документ ПС-3328 является декретом, опубликованным 22 октября 1941 года в «Ферординунгсблатт», том 44, страница 841. Этим декретом евреям запрещалось заниматься какой-либо деятельностью или торговлей без соответствующего разрешения административных властей. Административным властям предоставлялось право аннулировать любые трудовые договоры, которые касались евреев.

В качестве последнего примера я ссылаюсь на документ ПС-3336. Это декрет, опубликованный в «Ферординунгсблатт», том 13, страница 289 и датированный 21 мая 1942 года. Этим декретом евреям вменялось в обязанность сообщать в письменной форме о всех претензиях финансового характера, в результате которых они могли бы получить какую-то прибыль, банковской фирме Липпман-Розенталь, которая в действительности была в Амстердаме агентством империи. Декрет предоставлял этому вышеупомянутому банку право распорядиться по своему усмотрению этими доходами и предусматривал, что выплата банку должна быть произведена полностью. Конечно, такого рода нацистский декрет был предвестником конечного угона евреев на Восток и давал нацистам возможность присваивания страховой премии.

Доказательства успешности усилий этого подсудимого, направленных на истребление всех евреев в Голландии, уже были оглашены на суде. Трибунал вспомнит, что майор Уолш — я вновь оглашаю выдержки из отчета правительства Нидерландов, документ США-195, страница 1497, — указал, что из 140 000 голландских евреев было насильственно вывезено 117 000 человек, в том числе более 115 000 человек, что составляет 80%, было вывезено в Польшу. Уже были представлены доказательства того, какая судьба постигла этих людей, и я более не буду задерживаться на этом вопросе.

Наконец, я хочу сказать несколько слов об ответственности этого подсудимого за политику систематического террора, которая проводилась нацистами против населения оккупированной территории на всем протяжении оккупации. Я вновь ссылаюсь на документ ПС-3430, сборник речей. В речи от 29 января 1943 года подсудимый не оставил никаких сомнений относительно своей точки зрения. Я оглашаю его слова:

«Сейчас, более чем когда-либо, ясно, что всякое сопротивление, которое направлено против этой борьбы за

существование, должно подавляться. Некоторое время назад представители церкви написали письмо командующему вооруженными силами и мне и высказали свою точку зрения насчет приведения в исполнение смертных приговоров, о которых было объявлено командующим вооруженными силами. На это я могу сказать только следующее:

Сейчас, когда наши мужчины, отцы и дети с железной решимостью смотрят в глаза опасности на Востоке, стойко и с честью выполняя свою священную клятву, нельзя терпеть заговорщиков, целью которых является ослабление того, что является тылом для восточного фронта. Всякий, кто осмелится это сделать, должен быть уничтожен. Мы должны быть суровыми и становиться все более таковыми с нашими врагами. Этого требует неумолимый ход событий и для нас. С человеческой точки зрения, по-видимому, трудно это делать, но это наша святая обязанность. Мы остаемся человечными потому, что мы не пытаем наших противников. Мы должны быть тверды и истреблять их».

Я не представляю никаких документальных доказательств относительно этих преступлений, так как это должно сделать обвинение от имени Французской республики.

Однако положение подсудимого как имперского уполномоченного, контроль, который он, как это доказано, осуществлял, в особенности над СС и полицией, и сама его позиция ясно доказывают, что он санкционировал совершение этих преступлений и принимал участие в совершении этих преступлений...

Зейсс-Инкварт был сторонником нацистской партии уже в 1931 году. Он был предателем по отношению к правительству, которому он поклялся в верности и в котором он занимал высокий пост. С полным знанием конечных целей заговорщиков он прилагал все усилия для того, чтобы включить Австрию в Германскую империю и использовать ее ресурсы и людей, а также ее стратегическое положение в интересах нацистской военной машины. Он выполнял эти задачи с такой безжалостной энергией, что он был позже назначен на важнейшие посты, когда осуществлялось порабощение Польши и Нидерландов.

Его служебная деятельность столь удовлетворяла его высших начальников, что в конечном счете он стал одним из самых главных и ненавистных руководителей в общем плане.

Таким образом, на основании статьи 6-й Устава он несет ответственность за действия всех лиц, которые выполняли этот план, и таким образом он виновен по всем обвинениям, предъявленным ему в первом и втором разделах обвинительного заключения.

П. МУНЬЕ (Франция)
Об индивидуальной ответственности Зейсс-Инкварта[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 февраля 1946 г.

Господин председатель, господа судьи! Выступая в деле подсудимого Зейсс-Инкварта от имени голландского правительства и от имени своего правительства, французское обвинение изложит как можно более кратко вопрос об индивидуальной ответственности этого подсудимого.

Роль, которую играл Зейсс-Инкварт, его участие в аннексии Австрии были подробно рассмотрены в ходе настоящего судебного разбирательства. Но его деятельность в Голландии заслуживает того, чтобы сегодня она была освещена особо.

13 мая 1940 года голландское правительство покинуло территорию Голландии для того, чтобы переехать в дружественное союзное государство и своим присутствием там показать свою твердую волю оставить за собой все прерогативы своего суверенитета.

20 мая 1940 года подсудимый Зейсс-Инкварт, который имел ранг имперского министра без портфеля, был назначен имперским комиссаром оккупированных Нидерландов, следовательно, начиная с этого числа и до дня капитуляции германской армии, подсудимый Зейсс-Инкварт в силу выполняемых им функций был ответственным за все действия так называемой гражданской администрации в Голландии.

Действительно, из речей, которые он произносил, явствует со всей очевидностью, что он не только должен был выполнять чисто административные функции, но и был облечен политической властью. Следовательно, он тщетно будет пытаться утверждать, как он это делал на допросе, которому его подверг мой коллега господин Томас Додд, что в Голландии он якобы был лишь своего рода чиновником, которому было поручено ставить печать на приказах, так же как до этого в Австрии он якобы был только телеграфистом.

Этот допрос был произведен 18 сентября 1945 года, страницы с 20 по 22. Я не буду более останавливаться на этом, поскольку я не хотел бы представлять эти многочисленные протоколы допросов, так как при представлении их

---

[1] IMT. Vol. 7. P. 99—104.

в качестве доказательств на них будут ссылаться в ходе перекрестных допросов. Эти документы весьма показательны.

Председатель: *Господин Мунье, этот протокол допроса уже представлялся?*

Мунье: *Нет, господин председатель.*

Председатель: *Итак, что касается техники процедуры...*

Мунье: *Господин председатель, я прошу меня извинить. Я заранее знал, что этот документ Вы не могли принять в качестве доказательства.*

Председатель: *Нет, почему же, он может быть представлен в качестве доказательства, если не нарушается правило.*

Мунье: *Мое намерение, господин председатель, было следующим...*

Председатель: *Господин Мунье, я боюсь, что Вы меня не поняли. Согласно статье Устава, обвинитель имеет право допрашивать любого из подсудимых, а это как раз и был допрос одного из подсудимых, не так ли?*

Мунье: *Так.*

Председатель: *Если обвинение хочет представить такой протокол допроса в качестве доказательства, оно может это сделать. Если оно не считает этого нужным делать, то оно может этого не делать. В таком случае протокол допроса не принимается в качестве доказательства и его не следует предъявлять подсудимому до тех пор, пока он не будет представлен в качестве документального доказательства.*

Мунье: *Господин председатель, я не делал ссылки на эти показания подсудимого. Я хотел лишь сказать, что во время перекрестного допроса мы сможем, по крайней мере, я на это надеюсь, использовать их в отношении подсудимого, о котором я сейчас говорю.*

С разрешения суда я прежде всего остановлюсь на вопросе о террористической деятельности подсудимого Зейсс-Инкварта. Она выражалась в следующих акциях.

Прежде всего в целой системе коллективных штрафов. В марте 1941 года он установил систему коллективных штрафов, которые налагались на голландские города, где были особенно сильны, по его мнению, элементы сопротивления. Так, на город Амстердам был наложен штраф в два с половиной миллиона гульденов.

Подсудимый Зейсс-Инкварт ввел также систему взятия заложников. 18 мая 1942 года он опубликовал объявление, в котором сообщал об аресте 450 человек, занимавших важнейшие посты, которых лишь подозревали в связи с движением Сопротивления...

Декретом от 7 июля 1942 года подсудимый приказал немецким судам, причем судей назначил он сам, рассматривать важнейшие дела не только немецких граждан в Гол-

ландии, но и голландских граждан, подозреваемых во враждебных действиях против империи, против партии или против германских граждан.

В то же время подсудимый Зейсс-Инкварт ввел смертную казнь для тех, кто не выполнил должным образом задач по обеспечению безопасности, предписанных германскими вооруженными силами и полицией безопасности, и для тех, кто, будучи осведомленным относительно преступных планов, направленных против оккупационных сил, не сообщил об этом на германские командные пункты.

Председатель: *Господин Мунье, Вы только что цитировали заявление от 18 мая 1942 года. Но пока Вы не дали нам никакого номера документа.*

Мунье: *Господин председатель, я должен Вам указать, что я обращался в общих чертах к официальному докладу голландского правительства, РФ-1429. Оно представило доклад...*

Председатель: *Вы сказали, что это относится также к документу от 7 июля 1942, о котором Вы только что говорили.*

Мунье: *Да, господин председатель.*

Подсудимый Зейсс-Инкварт также назначил обергруппенфюрера Раутера генеральным комиссаром по вопросам безопасности.

Последний несет ответственность за все исчисляемые тысячами убийства голландцев, которые были совершены с молчаливого согласия Зейсс-Инкварта, так как назначение Раутера всегда оставалось в силе, так и не было отменено.

С другой стороны, правительство Голландии предъявляет Зейсс-Инкварту обвинение в том, что он создал сеть чрезвычайных судов. В мае 1943 года он ввел суммарную полицейскую юрисдикцию, и на основании приказа Гитлера были вновь взяты под стражу освобожденные после окончания военных действий голландские военнопленные. В тот период на голландских заводах возникла волна решительного сопротивления и многие голландские граждане были казнены после того, как была введена вновь созданная суммарная полицейская юрисдикция. К тому же Зейсс-Инкварт не упустил случая на совещании с коллаборационистами воздать себе похвалы за все эти акты террора и брал ответственность за них на себя.

Подсудимый Зейсс-Инкварт был в Голландии высшим представителем Гитлера. Поэтому его вместе с подсудимым Заукелем нужно считать ответственным за массовый угон рабочих из Голландии в империю с 1940 по 1945 год. Если германские военные власти со своей стороны и вмешивались в проведение мобилизации рабочей силы, то чиновники Заукеля в Голландии находились обычно под началом рейхскомиссара Зейсс-Инкварта, и поэтому его следует

считать ответственным за их действия. Подсудимый Зейсс-Инкварт подписал декрет рейхскомиссара № 26 за 1942 год, который находится в докладе голландского правительства. Это приказ о принудительной отправке голландских рабочих в Германию. Тех, кто отказывался работать на Германию, лишали продовольственного снабжения. Оккупационные власти организовали чудовищные облавы на улицах Роттердама и Гааги в целях обеспечения рабочей силы, предназначенной для строительства фортификационных сооружений для германских вооруженных сил.

Что касается экономического разграбления, то следует сказать, что в период, когда Зейсс-Инкварт был комиссаром, экономика Голландии была подвергнута разграблению, как и экономика других оккупированных стран. Так, зимой 1941/42 года по приказу Зейсс-Инкварта реквизировались шерстяные изделия для германской армии на Восточном фронте. В 1943 году были реквизированы текстильные товары и предметы широкого потребления для германского населения, которое пострадало от бомбардировок. В результате проведения операции голландцев насильственно принуждали продавать вино и различные предметы, которые предназначались для подарков германскому населению по случаю рождества 1943 года.

Подсудимый Зейсс-Инкварт также причастен к появлению черного рынка: в целях проведения четырехлетнего плана Зейсс-Инкварт оказал подсудимому Герингу и подсудимому Шпееру эффективную поддержку в разграблении голландской экономики. Можно утверждать, что в Голландии существовал значительный черный рынок из-за того, что он поощрялся и ему оказывалась поддержка.

В целях осуществления четырехлетнего плана были использованы спекулянты, производившие скупку товаров. Когда же голландские следственные органы захотели вмешаться, им воспрепятствовала в этом германская полиция.

В 1940 году подсудимый Зейсс-Инкварт издал приказ, который позволял германским властям в Голландии конфисковать имущество всех лиц, которых можно было обвинить во враждебных действиях против германской империи. Имущество королевской семьи по приказу подсудимого Зейсс-Инкварта было конфисковано генеральным комиссаром по вопросам безопасности. Оккупационные войска могли захватывать все, что им было необходимо. Все эти захваты осуществлялись исключительно жестоким образом, особенно при реквизиции продуктов питания.

Действительно, как это указывается в официальном докладе голландского правительства и в документе, который был уже предъявлен экономической секцией французского обвинения под номерами РФ-139 и РФ-140, с момента начала оккупации наличные продовольственные запасы система-

тически изымались с согласия подсудимого Зейсс-Инкварта, то же происходило с сельскохозяйственными продуктами, которые были вывезены в Германию. Когда в сентябре 1944 года, после освобождения южной части Голландии, началась забастовка на железных дорогах на севере, подсудимый Зейсс-Инкварт запретил в целях подавления забастовки транспортировку какого-либо продовольствия с северо-востока на запад, и из-за этого стало невозможно создать запасы на зиму на западе.

Вследствие этого ответственность за голод, который свирепствовал зимой 1944/45 года и который стоил жизни примерно 25 000 голландцам, также ложится на подсудимого Зейсс-Инкварта.

Что касается произведений искусства, то здесь разграбление осуществлялось подобным же образом. Подсудимого Зейсс-Инкварта нужно считать ответственным за организацию вывоза произведений искусства из Голландии, куда он вызвал даже своего друга доктора Мюльмана, который был специалистом в этой области.

Я сошлюсь в связи с этим на документы, предъявленные экономической секцией французского обвинения под номерами РФ-1343 и РФ-1344. Наконец, подсудимый Зейсс-Инкварт принял ряд мер, которые противоречат международному праву и которые принесли Голландии значительный ущерб.

В 1941 году голландские власти установили валютный контроль, который позволял следить за закупками товаров и ценных бумаг, производимыми на германские деньги, и целью этого служило стремление избежать того, чтобы голландская экономика была незаконно лишена своих материальных богатств или валюты.

31 марта 1941 года подсудимый Зейсс-Инкварт упразднил «валютную» границу, существовавшую между империей и оккупированной голландской территорией. Таким образом, он предоставил возможность оккупационным властям совершать всевозможные незаконные действия в денежной сфере, действия, которые надо присовокупить к недопустимым германским требованиям в отношении покрытия оккупационных расходов: 24 марта 1941 года — 500 млн. рейхсмарок.

По приказу Геринга в целях ускорения разграбления голландской экономики был также ликвидирован пограничный контроль между оккупированной голландской территорией и Германией. После того как успехи стали изменять германским вооруженным силам, в особенности после 1 сентября 1944 года, политика разрушения приняла систематический характер. Цели, которые наметили немцы в Голландии, были следующие:

1) разрушение или приведение в непригодное состояние заводов, верфей, бассейнов, доков, портовых сооружений, рудников, мостов, железнодорожных сооружений;

2) затопление западных частей Голландии;

3) овладение сырьем, полуфабрикатами, готовыми изделиями и машинами либо с помощью реквизиций, либо путем оплаты; в большинстве же случаев просто захватом с применением оружия;

4) взлом хранилищ, содержащих драгоценности, бриллианты и т. д., и незаконное присвоение их.

В результате все эти меры, за которые несет ответственность полностью или разделяет значительную ее часть подсудимый Зейсс-Инкварт, привели к тому, что Голландия была обречена на неописуемую нищету.

На этом я заканчиваю, господин председатель, предъявление обвинений против подсудимого Зейсс-Инкварта.

ДЖ. М. ГРИФФИТ-ДЖОНС (Великобритания)

Об индивидуальной ответственности Штрейхера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 10 января 1946 г.

Господа судьи, моим долгом является предъявить обвинение против подсудимого Юлиуса Штрейхера.

В приложении «А» обвинительного заключения, в том параграфе этого приложения, который относится к Штрейхеру, перечисляются официальные посты, которые он занимал, что я намерен подтвердить. Затем там предъявляется обвинение в том, что он использовал эти посты, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что он содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией, как это изложено в первом разделе обвинительного заключения.

Далее он обвиняется в том, что санкционировал, руководил и участвовал в совершении преступлений против человечности, указанных в четвертом разделе обвинительного заключения, включая в особенности подстрекательства к преследованию евреев, как это изложено в первом и четвертом разделах обвинительного заключения.

Господа судьи, обвинение против этого подсудимого может быть изложено, по-видимому, в нескольких словах, если мы вспомним о его неофициальном титуле, который он

---

[1] IMT. Vol. 5. P. 91—119.

сам принял, а именно: «палач евреев № 1». Обвинение предъявляется этому человеку в том, что на протяжении 25 лет он воспитывал весь германский народ в духе ненависти и подстрекал германский народ к преследованию и истреблению еврейской расы. Он был соучастником убийств, совершенных в невиданных прежде масштабах.

С разрешения Трибунала я намереваюсь вкратце охарактеризовать его должности и влияние, а затем обратить внимание Трибунала на несколько кратких выдержек из его газет и речей. После этого я укажу на ту роль, которую он играл в конкретных акциях по преследованию евреев в период между 1933 и 1945 годами.

Господа судьи! Прежде чем я начну представление доказательств, я хочу указать на то, что книга документов, которая передана членам Трибунала, систематизирована в том же порядке, в каком я намереваюсь ссылаться на них. Ее страницы пронумерованы и в начале имеется указатель. И если Трибунал обратит внимание на то, что мы называем «досье», то станет заметно, что это записки с кратким изложением представляемых по делу доказательств, на которые я буду ссылаться. Причем перечень доказательств расположен в том порядке, в каком я буду ссылаться на них. Это, по-видимому, может оказать некоторую помощь Трибуналу.

Господа судьи! Подсудимый Штрейхер родился в 1885 году. Он был школьным учителем в Нюрнберге и создал свою собственную партию, которую назвал «Германская социалистическая партия». Основная политика этой партии заключалась в антисемитизме. В 1922 году он передал свою партию Гитлеру и отчет об этом щедром поступке очень ярко расписан в книге Гитлера «Майн Кампф», которую я не считаю нужным оглашать здесь, чтобы не занимать время у Трибунала. Эта выдержка является первой в книге документов, которая имеется у Трибунала и обозначена «М-3». Экземпляр книги «Майн Кампф» уже был представлен Трибуналу под номером ВБ-128.

Постов, которые Штрейхер занимал в партии и в правительстве, было не много. С 1921 до 1945 года он был членом нацистской партии. В 1925 году он был назначен гауляйтером Франконии и занимал этот пост до февраля 1940 года. С момента прихода к власти нацистского правительства по 1945 год он был членом рейхстага. В дополнение к этому ему был присвоен ранг обергруппенфюрера СА. Все эти данные имеются в документе ПС-2975, США-9. Это письменные показания под присягой, которые дал сам подсудимый.

Пропаганда, которую он проводил на протяжении этих лет, распространялась, главным образом, посредством его газет. Он был издателем и редактором газеты, которая на-

зывалась «Дер Штюрмер», с 1922 по 1933 год. Затем он стал издателем и владельцем этой газеты.

В 1933 году он также основал и затем, я думаю, издавал ежедневную газету «Франкише Тагесцейтунг» и, несомненно, нес за нее ответственность.

В дополнение к этому и особенно в более поздний период было еще несколько других, главным образом местных газет, которые он издавал, находясь в Нюрнберге.

Таковы были официальные посты, которые он занимал. Теперь я хотел бы вкратце проследить за ходом его деятельности в сфере пропаганды в более или менее хронологическом порядке, обращая внимание Трибунала на краткие выдержки. Я мог бы сказать, что эти выдержки в действительности выбраны наугад. Они выбраны с целью показать Трибуналу различные методы, которые использовал подсудимый для того, чтобы натравить народ против еврейской расы. Это имело место неделя за неделей, день за днем и невозможно найти хотя бы один номер без того, чтобы там не повторялись одни и те же фразы и в заголовках и в статьях.

Я хотел бы огласить выдержки из четырех речей и статей, отражающих его раннюю деятельность в период с 1922 по 1933 год. Вы найдете первую выдержку на 3-й странице книги документов, документ М-11. Это выдержка из речи, произнесенной им в 1922 году в Нюрнберге. В первом абзаце он всячески поносил евреев. Я оглашу только последние две строки.

«Мы знаем, что Германия будет свободна, когда евреи будут изгнаны из жизни германского народа».

Я перехожу к документу М-12 на 4-й странице.

Первый документ был ВБ-165. Это номер, присвоенный книге документов, так что следующий документ будет также под этим номером. Я хотел бы огласить этот краткий отрывок из его речи.

«Я прошу вас, и в первую очередь тех из вас, кому особенно тяжело живется, быть более серьезными, когда я говорю о враге германского народа, а именно о еврее. Не от безответственности и не ради развлечения я сражаюсь против еврейского недруга, а потому что я знаю, что во всех несчастиях Германии повинны одни только евреи.

Я спрашиваю вас еще раз, что сегодня поставлено на карту? Еврей стремится к господству не только над германским народом, но и над другими народами. Коммунисты прокладывают ему путь. Разве вы не знаете, что в Ветхом Завете бог приказал евреям поглотить и поработить народы мира...

Правительство разрешает еврею действовать так, как он хочет. Народ ждет действия. Вы можете думать что вам

угодно об Адольфе Гитлере, но одно вы должны признать, что он достаточно отважен для того, чтобы попытаться освободить германский народ от евреев путем национальной революции. Вот это, безусловно, действие».

Со следующей страницы приводим краткую выдержку из речи подсудимого Штрейхера в апреле 1925 года:

«Вы должны осознать, что евреи хотят истребить наш народ. Поэтому вы должны присоединиться к нам и оставить тех, кто принес нам только войну, инфляцию и разногласия. На протяжении тысячелетий евреи разрушали нации».

Я прошу Трибунал обратить особое внимание на эти последние несколько слов:

«Давайте сегодня заложим начало тому, чтобы мы могли уничтожить евреев».

Ваша честь, это заявление, насколько я смог установить, было первым открытым призывом к истреблению еврейской расы. По-видимому, это послужило зародышем того, что 14 лет спустя стало официальной политикой нацистского правительства.

Еще один отрывок, относящийся к апрелю 1932 года. Это из той же книги. Вы найдете это в документе М-14. Он начал так:

«В течение 13 лет я сражаюсь против еврейства».

Я оглашу далее только последний абзац.

«Мы знаем, что еврей, крещеный как протестант или католик, он все равно остается евреем. Почему не можете понять вы, протестантские священники, католические священнослужители, вы, глаза которых застланы пеленой, что вы сейчас служите еврейскому богу, который является не богом любви, а богом ненависти. Почему вы не слушаете Христа, который сказал евреям: «Вы являетесь порождением дьявола».

Такими методами действовал подсудимый в ранние годы своей деятельности. Когда нацистская партия пришла к власти, она официально начала свою кампанию против евреев бойкотом 1 апреля 1933 года. Об этом бойкоте Трибуналу уже были представлены доказательства. Я только напомню Трибуналу вкратце о том, что происходило.

Бойкот был принят и одобрен всем правительством, как об этом говорится в уже представленном документе ПС-2409, США-262. Это дневник Геббельса.

Штрейхер был назначен председателем центрального комитета по руководству этим бойкотом. Об этом говорится в документе ПС-2156, США-263. Там говорится, что в среду 29 марта он начал свою работу. В тот же день центральный комитет издал прокламацию, в которой сообщалось, что бойкот начнется в субботу ровно в 10.00 утра и «еврейство

тогда поймет, кому оно бросило вызов». Эта фраза взята из документа ПС-3387, США-566. Это выдержка, взятая из того же номера «Дер Штюрмер», который уже был представлен Трибуналу.

Я обращаю внимание Трибунала еще на одну краткую выдержку из статьи подсудимого Штрейхера, которую он написал 30 марта, то есть за день до того, как начался бойкот. Это документ ПС-2153, ВБ-166, 12-я страница книги документов.

Он писал тогда под заголовком «Поразите врага всего мира!» Это статьи Юлиуса Штрейхера, «председателя центрального комитета по борьбе против еврейских зверств и по проведению бойкота».

«Еврейство хотело этой битвы. Оно ее получит и она будет вестись до тех пор, пока оно не осознает того, что Германия коричневых батальонов не является страной трусов и малодушных. Евреи будут иметь эту битву до тех пор, пока мы не победим.

Национал-социалисты, уничтожайте врага всего мира. Если даже мир полон дьяволов, то все равно в конечном счете мы одержим победу».

Как глава центрального комитета по проведению этого бойкота Штрейхер в деталях изложил организацию этого бойкота в приказах этого комитета, опубликованных 31 марта 1933 года. Об этом говорится в документе ПС-2154, ВБ-167. Я могу суммировать их содержание.

Комитет подчеркивал, что в этом бойкоте не следует применять никакого насилия против евреев. Но это было не из-за гуманных соображений, а потому, что в случае, если не применялось насилие, еврейские предприниматели не имели никаких оснований для увольнения своих служащих без предварительного уведомления и они не имели оснований для того, чтобы отказаться платить им жалованье.

По-видимому, имелись данные о том, что евреи попытаются передать свои предприятия подставным лицам — немцам с целью смягчения удара, который наносило им такое преследование. И комитет постановил, что всякая собственность, которая таким образом планировалась для передачи, должна была рассматриваться как еврейская собственность и против нее следовало продолжать бойкот.

Я не думаю, что надо продолжать распространяться по этому вопросу.

Неоспоримо, что Штрейхер играл руководящую роль в политике преследования евреев и что для осуществления этого он был назначен правительством.

Я теперь хочу вновь обратить внимание Трибунала еще на несколько выдержек для того, чтобы показать, как развивалась на протяжении целого ряда лет эта пропаганда. На

странице 18 книги документов, документ М-20, имеется новогодняя статья из новой газеты, которую тогда основал Штрейхер. Это была полумедицинская газета, которая называлась «Здоровье германского народа через кровь и землю». Газету редактировал сам подсудимый. Эта газета является примером тех ухищрений, на которые он шел для того, чтобы проводить пропаганду против евреев. Я цитирую:

«Раз и навсегда установлено, что "чуждый альбумин" представляет собою сперму мужчины чужеземной расы. Во время полового акта мужская сперма полностью или частично поглощается женской особью и, таким образом, поступает в ее систему кровообращения. Арийской женщине достаточно только одного полового акта с евреем, чтобы ее кровь была навсегда отравлена. Вместе с чуждым альбумином она приобретает и чужеземную душу. Никогда более не будет она в состоянии родить чисто арийского ребенка, даже если она выйдет замуж за арийца. Все ее дети будут ублюдками с раздвоенной душой и телом нечистой породы. Их дети также будут помесью, а именно, уродами с неустойчивым характером, с организмом, подверженным болезням. Теперь мы знаем, почему еврей идет на всевозможные выдумки в целях обольщения немецких девушек в самом юном возрасте, почему еврейский врач насилует своих пациенток, когда они находятся под действием наркоза... Они хотят передать немецкой девушке и немецкой женщине сперму еврея. Она никогда более не будет иметь детей — немцев... Продукты крови всех животных, до бактерий включительно, в том числе сыворотка крови, лимфа, выделения внутренних органов и т. д. — являются «чуждыми белками». Будучи непосредственно введенными в кровеносную систему путем прививки или инъекции, они производят отравляющее действие. Хуже всего то, что эти продукты больных животных портят кровь, а организм арийца пропитывается чуждыми ему элементами. Исполнителем и соучастником такого действия является еврей. В течение столетий он знаком с тайнами расового вопроса и поэтому он планирует систематическое истребление высших по сравнению с ним народов.

Наука и органы власти служат ему орудием для внедрения псевдонауки и утаивания правды».

Это, Ваша честь, документальное доказательство ВБ-168.

Следующий документ, также относящийся к началу 1935 года, представляет собою выдержку из его газеты «Дер Штюрмер», из статьи, озаглавленной «Избранный народ — преступник»:

«Таким же образом или, вернее, по той же причине историческая летопись евреев, которую обычно называют

«Талмуд», производит на нас впечатление ужасающего уголовного романа, заставляющего померкнуть даже бульварные детективные романы английского еврея Эдгара Уоллеса. Эта "священная" книга изобилует убийствами, кровосмесительством, обманами, воровством и непристойностями».

4 октября 1935 года, что составило ровно месяц после издания нюрнбергских законов, он произнес речь, которая была помещена в «Фолькишер Беобахтер» под заголовком «Охрана германской крови и германской чести». Я оглашу отчет об этой речи, опубликованный в статье:

«Гаулейтер Штрейхер выступает с речью на массовой демонстрации германского рабочего фронта по поводу нюрнбергских декретов». Затем в первой строке статьи говорится о том, что это было второе его выступление в течение нескольких недель. Я оглашу только последние две строки первого большого абзаца:

«...Поэтому мы должны срывать маску с еврея и именно это я делаю в течение последних пятнадцати лет». Это замечание было, очевидно, встречено громкими аплодисментами. Это документ М-34, ВБ-169.

Ваша честь, я считаю нецелесообразным оглашать выдержки из следующего по порядку документа, так как в нем говорится почти то же самое. На 22-й странице книги документов находится документ М-6 — передовица Штрейхера в его газете «Дер Штюрмер», из которой я оглашу только вторую половину последнего абзаца, где он вновь подчеркивает ту роль, которую он играл в этой кампании:

«Просветительская деятельность "Штюрмера" в течение 15 лет ее существования уже привела целую армию посвященных — а их миллионы — к национал-социализму. Непрерывная работа "Дер Штюрмер" способствует тому, чтобы каждый немец душой и телом присоединился к рядам тех, целью которых является раздавить голову еврейской змеи под своей пятой. Тот, кто помогает осуществить это, тот помогает уничтожить дьявола, а этим дьяволом является еврей».

Это документ ВБ-170.

Следующий документ я включил в книгу документов для того, чтобы показать, на что только ни шел подсудимый в своей пропаганде против евреев. Это фотография горящего каркаса дирижабля «Гинденбург», который взорвался в июне 1937 года в Америке. Под фотографией имеется надпись: «Первая фотография, переданная из США, вполне ясно показывает, что за взрывом нашего дирижабля "Гинденбург" стоит еврей.

Ясно и точно виден этот дьявол в человеческом облике».

Так как этого вовсе не видно на фото, я думаю, что автор утверждения усматривал сходство еврейского лица с клубами дыма, которые видны на фотографии.

На следующей странице — документ М-4 — его речь, произнесенная в сентябре 1937 года в Нюрнберге по случаю открытия моста.

Я оглашу только последний абзац на странице 24. Этот мост называется мостом Вильгельма Густлофа. Подсудимый заявил:

«Человек, который убил Вильгельма Густлофа, был наверняка выходцем из евреев, потому что еврейские учебники учат, что каждый еврей имеет право убивать любого не еврея. И, конечно, еврейскому богу угодно, когда убивают как можно больше не евреев.

Посмотрите на путь еврейского народа на протяжении тысячелетий, повсюду убийства, повсюду массовые убийства! Мы не должны забывать и о том, что за сегодняшними войнами стоит еврейский финансист, который преследует свои цели и действует в своих интересах. Еврей всегда живет за счет крови других наций. Он нуждается в таких убийствах и в таких жертвах. Для нас, посвященных, убийство Вильгельма Густлофа — это не что иное, как ритуальное убийство»...

Дальше в следующем абзаце:

«Евреи сегодня более не появляются открыто среди нас, как это они делали прежде. Но неверно было бы считать, что мы уже одержали победу. Полная и окончательная победа будет одержана только тогда, когда весь мир будет освобожден от евреев».

Это документ ВБ-171.

Следующие два документа представляют собой выдержки из писем, опубликованных в газете «Дер Штюрмер» и которые вновь показывают один из методов, применявшихся Штрейхером в пропаганде. Я не буду оглашать их. Его газета публиковала массу писем немцев, в которых писалось, например, что такая-то немка не покупала обувь в еврейской лавке и т. д., что способствовало бойкоту против евреев. Говоря иными словами, эта газета была еженедельным рупором клеветы против евреев по всей Германии.

Я перехожу к другой особой форме пропаганды, которую он использовал и которую называл «ритуальное убийство». Трибунал вспомнит, что несколько лет назад, я думаю, это началось в 1934 году, газета «Дер Штюрмер» начала печатать статьи относительно еврейского ритуального убийства, которые настолько возмутили весь мир, что настоятель Кентерберийского собора написал письмо в «Таймс», протестуя против того, что правительство одной из стран раз-

решает публиковать такие вымыслы в своих национальных газетах.

Я думаю, что этот вымысел о ритуальных убийствах подсудимый позаимствовал из существовавшего в средние века поверья, что во время своей пасхальной недели евреи имеют обычай убивать детей христиан. Он использовал и ложным образом истолковал это средневековое поверье, пытаясь доказать, что евреи поступали таким образом не только в средние века, но и в наше время. «Они это делают и стремятся к этому». Я хотел бы огласить всего лишь одну-две выдержки из его газеты и продемонстрировать одну-две картинки, которые он помещал в своей газете в связи со своей кампанией «ритуального убийства». Это даст Трибуналу представление о том «просвещении» и той пропаганде, которые он проводил. На странице 29 книги документов, которая имеется у Трибунала, я оглашу предпоследний абзац.

«Вот какие убеждения должен увезти с собой во Францию французский солдат-фронтовик. Германский народ начал новый этап жизни, он хочет мира, но если кто-нибудь попытается на него напасть, если кто-нибудь вновь попытается подвергнуть его мучениям, если кто-нибудь попытается отбросить его назад в прошлое, то мир станет свидетелем новой героической эпической борьбы. Тогда сам Бог решит, на чьей стороне правда, на нашей или же на стороне еврея, который, пользуясь властью, подстрекает совершать убийства, можно сказать, самые многочисленные ритуальные убийства, какие когда-либо производились. Если германскому народу суждено быть зверски истребленным в соответствии с еврейскими ритуалами, то одновременно будет уничтожен весь мир».

И в последнем абзаце:

«Как вы заставляете ваших детей заучивать утреннюю и вечернюю молитвы, так же вдолбите им в головы, что германский народ может найти духовные силы для того, чтобы убедить остальную часть мира, которую евреи хотят восстановить против нас». Документ М-2, ВБ-172.

И на следующей странице книги документов вы видите репродукцию фотографии, которая взята из журнала «Дер Штюрмер» за апрель 1937 года. Вы видите на этой фотографии трех евреев, совершающих ритуальное убийство девушки, перерезав ей горло, ее кровь течет в ведро, которое стоит на земле. Заголовок к этой фотографии гласит: «Ритуальное убийство Агнессы Хруц в Польше евреями Хильснером, Эрдманом и Вассерманом». Переснято с почтовой открытки того времени. Документ США-258.

На следующей странице книги документов имеется выдержка из того же номера газеты «Дер Штюрмер». Я не

буду оглашать его, так как он был уже представлен и оглашен перед судом.

Здесь описаны обстоятельства, при которых якобы происходит ритуальное убийство, как кровь смешивается с хлебом и как евреи пьют ее во время своих религиозных празднеств. Трибунал вспомнит, что во время этой процедуры глава семьи восклицает: «Пусть все иноверцы погибнут так же, как погиб этот ребенок, кровь которого имеется в хлебе и вине». Это документ США-258, страница 1437-я стенограммы...

Господа судьи! Я хочу сослаться на другие экземпляры «Дер Штюрмер» по вопросу о ритуальных убийствах. Первая из выдержек находится на 32-й странице книги документов. Документ ПС-2700, США-260, статья в газете «Дер Штюрмер» за июль 1938 года:

«Тот, кому приходилось бывать на ритуальных убийствах животных или по крайней мере видеть правдивый фильм, описывающий такой метод убийства, никогда не забудет этого ужасного зрелища. Это чудовищно и невольно напоминает преступления, которые евреи совершали против людей в течение веков. Истории известны сотни случаев, когда дети не еврейской национальности были замучены до смерти. Их мучили, им перерезали горло так же, как животным, предназначенным для ритуального убоя. Они медленно истекали кровью, находясь в полном сознании».

Милорд, в особых случаях, когда он хотел ознакомить мир с каким-нибудь особо важным обстоятельством, Штрейхер обычно выпускал специальные номера «Дер Штюрмер». Одной из таких специальных тем была тема о «ритуальных убийствах». Штрейхер выпустил один из таких специальных тематических номеров, посвященных исключительно этому вопросу. Трибуналу будет передана фотокопия выпуска за май 1939 года.

Я не пытался заказывать перевод всего текста или хотя бы некоторых из статей этого специального номера. Может быть, достаточно будет посмотреть на фотографии и иллюстрации и зачитать подписи под этими фотографиями и иллюстрациями. Я сожалею, что перевод этих подписей не был приложен к экземпляру, переданному Трибуналу, но, может быть, мне будет разрешено делать ссылку на эти фотографии и зачитать для Трибунала подписи, имеющиеся под ними.

В правом углу страницы помечены красным карандашом.

На первой странице имеется иллюстрация, изображающая ребенка, в бок которого воткнуты ножи, из-под ножей течет кровь. Вокруг пьедестала, на котором он стоит, на земле лежат пять, очевидно, мертвых детей. Надпись к этой

иллюстрации гласит следующее: «В 1476 году евреи в Регенсбурге убили 6 мальчиков. Они выпустили их кровь и замучили их до смерти в подвале, который принадлежал еврею Иосфолю. Судьи нашли тела этих убитых мальчиков. На алтаре осталась кровь».

На следующей странице имеются две иллюстрации и надписи, объясняющие их. Текст в левом верхнем углу гласит:

«В дни празднования еврейского Нового года в 1913 году мировое еврейство опубликовало эту картинку в виде почтовой открытки. В дни празднования еврейского Нового года и в дни искупления евреи убивают так называемого "ритуального петуха". Это "петух", чья кровь и смерть предназначены для того, чтобы совершать очищение по обряду, существующему у евреев. В 1913 году этот "петух" имел голову русского царя Николая II. Опубликованием такой открытки евреи хотели сказать, что Николай II будет их следующей очистительной жертвой. 16 июля 1918 года царь был убит евреями Юровским и Голощекиным».

Иллюстрация внизу страницы изображает такого же «ритуального петуха», который имел голову фюрера. Надпись на древнееврейском языке гласит, что когда-нибудь евреи «убьют всех гитлеровцев». «Тогда евреи будут освобождены от всех горестей и несчастий. В свое время евреи поймут, что они недооценивали некоего Адольфа Гитлера».

На следующей странице газеты помещено большое количество уже публиковавшихся ранее статей о ритуальных убийствах, а наверху помещена фотография Юлиуса Штрейхера.

На 4-й странице в нижнем правом углу помещена иллюстрация, имеющая следующую надпись: «Евреи за пасхальной трапезой. Вино и маца содержат кровь не евреев. Перед трапезой еврей молится. Он молит о смерти всех иноверцев».

На 5-й странице воспроизведены некоторые статьи и письма из европейских и американских газет, полученные этими газетами в течение последних лет. В них высказывался протест против пропаганды ритуальных убийств. В центре страницы помещено письмо архиепископа Кентерберийского, написанное редактору газеты «Таймс», в котором выражается протест против такого рода кампаний.

На 6-й странице имеется другая ужасная иллюстрация, изображающая человека, которому перерезают горло. Традиционная струя крови стекает в сосуд на полу. Надпись гласит: «Ритуальное убийство мальчика Генриха в 1345 году. Евреи в Мюнхене убили мальчика не еврейской национальности. Мученик был причислен церковью к лику святых».

На 7-й странице помещена иллюстрация трех ритуальных убийств. На 8-й странице имеется другая иллюстрация:

«Святой Габриель. Этот мальчик был распят и замучен евреями в 1690 году. У него была выпущена вся кровь».

Я думаю, мы пропустим 9-ю и 10-ю страницы.

На 11-й странице показана часть скульптуры, которая находится на стене Вальфартской часовни в Везеле. Она изображает ритуальное убийство мальчика Вернера. Это отвратительная картина, изображающая мальчика, повешенного за ноги, которого убивают два еврея.

12-я страница воспроизводит другую картину. Надпись гласит «Набальзамированное тело Симона Триентского, замученного евреями»...

Это — документ ВБ-173.

Маркс *(защитник Штрейхера): Подсудимый Юлиус Штрейхер обратил мое внимание на то, что ему до сих пор не дали возможность указать, откуда взяты эти изображения, на которые сейчас ссылается обвинение. По мнению защиты, необходимо, чтобы суду разъяснили, из какого источника взяты эти изображения и репродукции, потому что может возникнуть мнение, что эти снимки были специально взяты для «Дер Штюрмер» из какого-нибудь сомнительного источника, но подсудимый Штрейхер указывает на то, что эти репродукции заимствованы из авторитетных исторических источников. Поэтому я позволю себе просить обвинение представить также и этот материал. Мне кажется, что из тех статей газеты «Дер Штюрмер», на которые здесь ссылаются, должно быть ясно, каковы же источники, из которых подсудимый Штрейхер черпал свой материал.*

Председатель: *Скажите, в этих статьях указывается источник этих материалов?*

Маркс: *Да.*

Гриффит-Джонс: *Да, я должен был сказать об этом. Я не имел намерения неправильно представлять дело таким образом, что эти изображения получены с оригиналов. Они не выдуманы самой газетой и в некоторых случаях в надписях указывается откуда они взяты. Они представляют собой, главным образом, снимки средневековых картин и фресок на эту тему. В газете почти всегда сказано откуда взяты эти картины.*

Маркс: *Благодарю Вас.*

Председатель: *Вы фактически уже указали нам, что они относятся к средневековью.*

Гриффит-Джонс: *Да, это так, милорд, в январе 1938 года, — следует заметить, что в 1938 году преследование евреев приобрело еще более острую форму, — по какой-то причине снова вышел специальный выпуск газеты «Дер Штюрмер». Если Трибунал посмотрит на 34-ю страницу книги документов, я процитирую краткую выдержку из передовой статьи этой газеты, написанной подсудимым:*

«Главная цель и основная задача нашего государства заключается в том, чтобы сохранить народ, кровь и расу. Но если это является основной задачей, то за всякое преступление против этого закона преступник должен подвергаться самой высокой мере наказания. "Дер Штюрмер" поэтому придерживается взгляда, что существует только два вида наказания за осквернение расы:

1. Пожизненные каторжные работы за попытку осквернить расу.

2. Смерть за совершенное преступление по осквернению расы».

Если еще есть необходимость в том, чтобы показать, что представляет собой эта газета, то Трибунал может посмотреть следующую страницу книги документов, где приведены заголовки некоторых статей, которые содержатся в этом издании: «Евреи — осквернители расы — за работой», «Изнасилована 15-летняя девочка не еврейской национальности», «Опасный осквернитель расы», «Он рассматривает немецкую женщину как свою добычу», «Еврейский институт для культивирования осквернения расы», «Изнасилование слабоумной девушки» и, наконец, последний заголовок «Еврейский лакей обкрадывает своих хозяев — евреев и совершает осквернение расы».

Экземпляр этой газеты уже представлялся как доказательство США-260. Со следующей страницы книги документов я хочу процитировать только две последние строчки. Эта статья была опубликована в «Дер Штюрмер». Хотя и правда, что статья написана не самим Штрейхером, но она написана редактором его газеты Карлом Хольцем. «Придет день, когда вспыхнет пламя мщения. Оно сотрет еврейство с лица земли».

На 37-й странице книги документов говорится, что в сентябре 1938 года в газете «Дер Штюрмер» была помещена статья, из которой я хочу зачитать последние две строчки:

«Паразит, источник зла, распространитель болезней должен быть уничтожен в интересах человечества». Я заявляю Трибуналу, что это уже не пропаганда о преследовании евреев, это пропаганда об уничтожении евреев, призыв к убийству не одного человека, но миллионов людей.

Следующий документ в книге документов на 38-й странице уже представлялся в качестве доказательства и зачитывался Трибуналу. Это документ США-260. Он находится в книге документов и запротоколирован в стенограмме на странице 1438. Эта короткая статья появилась в газете «Дер Штюрмер» за декабрь 1938 года.

Я хочу вновь обратить внимание Трибунала на следующий документ. Это фото из того же номера газеты «Дер

Штюрмер». Тут изображена верхняя часть тела девушки, которую душит руками человек. Видна также тень головы этого человека. Совершенно очевидно, у этого человека еврейские черты лица. Подпись под этой фотографией гласит: «Кастрировать осквернителей расы. Только тяжелая кара спасет наших женщин от мерзких еврейских лап. Евреи — наше насчастье».

Я перехожу теперь от газеты «Дер Штюрмер» к описанию одного случая, в котором подсудимый Штрейхер играл важнейшую роль.

Все помнят, что 9 — 10 ноября 1938 года происходили организованные демонстрации против евреев. Как я уже говорил, вся эта пропаганда стала принимать все более свирепый и дикий характер. Осенью того же года подсудимый Штрейхер организовал разгром нюрнбергских синагог по случаю совещания представителей прессы в Нюрнберге. Об этом уже говорилось в документе ПС-1724, США-266, а также запротоколировано и находится на 1443-й странице стенограммы.

Гаулейтер Юлиус Штрейхер лично привел в движение кран, при помощи которого еврейские символы были сорваны с синагоги.

Имеется другой документ, ПС-2711, США-267, который также представлялся и находится на странице 143 стенограммы. Я процитирую из него две строчки:

«Синагога уничтожена! Юлиус Штрейхер торжественно произнес по случаю этой работы речь, длившуюся более полутора часов. Затем, по его приказу, в порядке прелюдии к событию, гигантская звезда Давида была сорвана с купола синагоги».

Подсудимый также принимал весьма активное участие в ноябрьской демонстрации того же года. Я не хочу сказать, что ему принадлежит идея организации этой демонстрации. Обвинение против него ограничивается тем, что он принимал участие в этой демонстрации в своем гау во Франконии.

На 43-й странице книги документов находится отчет о нюрнбергской демонстрации. Об этом сообщалось в газете «Френкише Тагесцайтунг» от 11 ноября, являвшейся, несомненно, газетой Штрейхера. Я цитирую:

«В Нюрнберге и в Фюрте это вызвало демонстрацию толпы против еврейских убийц. Она продолжалась до раннего утра следующего дня. Слишком долго мы наблюдали за деятельностью евреев в Германии».

И, наконец, последние три строчки этого абзаца:

«После полуночи возбуждение населения достигло предела и громадная толпа направилась к синагогам в Нюрнберге и Фюрте. Оба эти еврейские здания, где проповедо-

валось убийство немцев, были сожжены. Пожарные бригады, которые были немедленно вызваны, следили за тем, чтобы пожар не распространился на другие здания. Окна еврейских лавок, хозяева которых все еще не оставляли некую надежду продавать свое тряпье немецким крестьянам, были разбиты. Благодаря дисциплинированному поведению бойцов СА и полиции, которые поспешили к месту действия, не было никакого грабежа».

Это документ ВБ-174.

Следующим документом в книге документов является отчет о речи Штрейхера, произнесенной 10 ноября в день демонстрации. Я цитирую выдержку из двух абзацев на той же странице, начиная с середины первого абзаца.

«С колыбели еврея не только не учат таким истинам, каким учим мы, как: "Люби ближнего, как самого себя", или "Если тебя ударят по левой щеке, подставь правую", но, наоборот, ему говорят: "С не евреем ты можешь делать все, что ты хочешь". Его даже учат тому, что убийство иноверца угодно богу. В течение 20 лет мы писали об этом в "Дер Штюрмер", в течение 20 лет мы проповедовали это всему миру и теперь мы добились того, что миллионы признали эту правду».

Я теперь зачитаю последний абзац:

«Евреи убили в одну ночь 75 000 персов. Когда они покидали Египет, они убили всех новорожденных, то есть все будущее поколение египтян. Что бы случилось, если бы евреям удалось побудить другие народы воевать против нас и если бы мы проиграли эту войну. Евреи, под защитой иностранных штыков, напали бы на нас, устроили бы кровопролитие и убили бы нас. Никогда не забывайте того, чему нас учит история».

Милорд, после ноябрьской демонстрации во Франконии происходили беспорядки в связи с организованной передачей еврейской собственности арийцам. Это присвоение еврейской собственности, конечно, регулировалось государством и согласно декрету было установлено, что вся выручка или любая выручка от передачи еврейской собственности арийцам должна была передаваться государству. Во Франконии, видимо, случилось так, что большая часть этой выручки так и не дошла до государственной казны. В связи с этим Геринг создал комиссию для расследования того, что случилось. У нас есть отчет этой комиссии, и я хотел бы обратить внимание Трибунала на несколько кратких абзацев из этого отчета. На странице 45-й этого отчета можно прочесть о том, что, собственно, происходило. Я цитирую...

Маркс: С целью доказательства тех отклонений от нормы, которые имели место в делах аризации в Нюрнбер-

13 Заказ 1429

ге после 9 ноября, представитель обвинения намеревается сослаться на отчет, сделанный Хольцем, заместителем гаулейтера, в то время, когда его допрашивала следственная комиссия.

Я выражаю протест против использования этого отчета. Между подсудимым Штрейхером и заместителем гаулейтера Хольцем существовали напряженные отношения, если не вражда. Хольц являлся как раз тем лицом, которое несло ответственность за меры по аризации. Ни в коей мере не доказано, что Штрейхер был согласен с передачей еврейской собственности арийцам. Можно скорее предположить, что Хольц, чтобы выгородить себя, дал показания, за которые он нам смог бы ответить, если бы он явился сюда в качестве свидетеля. Отчет Хольца содержит утверждения человека, сильно скомпрометированного, принимавшего во всем участие и бывшего врагом Штрейхера. Хольц упрекал Штрейхера, так как Штрейхер не защитил его от комиссии и Геринга. Поэтому мне кажется, что нельзя использовать этот отчет.

Председатель: Вы сказали все, что хотели сказать?

Маркс: Да.

Председатель: Трибунал считает, что этот документ, поскольку он является официальным документом, может быть принят согласно статье 21 и что возражения, которые Вы выдвинули против него, не связаны с допустимостью доказательства, а затрагивают лишь его значение. По этому последнему вопросу Вы будете иметь возможность развить Ваши взгляды на более поздней стадии процесса, во время Вашего выступления. Трибунал устанавливает, что этот документ является приемлемым как доказательство.

Гриффит-Джонс: Милорд, я читаю с середины 45-й страницы книги документов:

«После ноябрьской демонстрации заместитель гаулейтера Хольц занялся еврейским вопросом. Причины, по которым он сделал это, излагаются здесь подробно на основании его заявления от 25 марта 1939 года. «9 ноября 1938 года. В ночь с 9 на 10 ноября и 10 ноября 1938 года по всей Германии имели место события, которые — я хочу подчеркнуть, что это говорит Хольц, — рассматривались как сигнал к совершенно иному решению еврейского вопроса в Германии. Синагоги и еврейские школы сжигались, еврейская собственность уничтожалась как в лавках, так и в частных домах. Кроме того, большое количество евреев, занимавших высокое положение в обществе, было отправлено полицией в концлагеря. К середине дня мы обсудили эти события в доме гаулейтера. Все мы придерживались того мнения, что в настоящее время мы стоим перед лицом совершенно нового положения вещей в еврейском вопросе. В

результате крупной акции против евреев, которая проводилась ночью и утром 10 ноября, руководящие нормы и законы по этому вопросу фактически перестали существовать. Мы, особенно я, придерживаемся того мнения, что в данном вопросе мы должны действовать по собственной инициативе. Учитывая, что имеется острая нехватка жилья, я предложил гаулейтеру интернировать евреев в лагеря. Тогда их дома в скором времени освободились бы и мы тем самым разрешили бы жилищный кризис, по крайней мере частично. Кроме того, мы сумели бы, таким образом, осуществлять контроль и наблюдение за евреями. Я добавил, что то же самое случилось с нашими военнопленными и с нашими интернированными. Гаулейтер на это мне сказал, что это предложение в настоящее время не может быть претворено в жизнь. Тогда я внес другое предложение, сказав, что считаю невозможным, чтобы после изъятия у евреев собственности они могли бы оставаться собственниками домов и земли. Я предложил, чтобы эти дома и земля были отняты у них. Я заявил, что готов сам провести в жизнь эти мероприятия. Я сказал также, что передача земли и домов евреев арийцам очень выгодна и гау и что эта передача собственности арийцам может производиться так же легально, как передача лавок. Ответ гаулейтера звучал примерно так: «Если Вы думаете, что Вы можете провести это в жизнь, — проводите. Сумма, которую мы таким образом получим, будет использована для того, чтобы построить школу в гау».

Я теперь читаю 18-ю страницу: «Аризация была завершена отчуждением собственности, отказом от претензий, особенно по закладным. Евреям разрешалось выплачивать 10 процентов номинальной стоимости их имущества. В оправдание введения низких цен Хольц заявил на совещании в Берлине 6 февраля 1939 года, что евреи купили свою собственность, главным образом, в период инфляции и заплатили, таким образом, менее 10-й части подлинной стоимости.

В результате рассмотрения большого количества индивидуальных случаев было установлено, что это заявление не соответствует действительности».

Милорд, я теперь перейду к 48-й странице книги документов. Это вторая часть этого отчета. Она содержит выводы комиссии. Я цитирую с начала 48-й страницы книги документов.

Председатель: Это все еще продолжение отчета?

Гриффит-Джонс: Да.

«Гаулейтер Штрейхер любит избивать людей хлыстом, но в том случае, если с ним находятся в качестве помощников несколько человек. Обычно эти избиения производятся с садистской жестокостью. Наиболее известным является

случай со Штейнруком, которого он избил до крови в тюремной камере вместе с помощником гаулейтера Хольцем и оберфюрером СА Кенигом. После его возвращения он сказал: «Теперь я облегчил свою душу и мне нужно это делать впредь». Он также заявлял позже несколько раз, что ему нужен еще один Штейнрук для того, чтобы «облегчить душу». В августе 1938 года, в канцелярии гау, где он находился вместе с районным руководителем Шолером и его адъютантом Кенигом, он избил редактора Буркера. Чтобы показать власть, которой он располагал в своем гау, я хочу сослаться на последний абзац этой страницы:

«Согласно показаниям надежных свидетелей, гаулейтер Штрейхер обычно имел привычку повторять при всяком удобном случае, что только он пользуется правом отдавать приказания во Франконии. Например, на митинге в Колизее Нюрнберга в 1935 году он сказал, что никто не может удалить его с поста. На митинге в Геркулесхалле он рассказал, как он бил профессора Штейнрука. Он подчеркнул, что не даст бить себя никому и даже самому Адольфу Гитлеру. Он сказал далее, что во Франконии он сначала действует, а затем приказывает органам власти одобрять эти действия».

Милорд, обе части этого отчета — это документ ПС-1757, ВБ-175.

Председатель:Трибунал не совсем убежден, что этот документ имеет отношение к делу Штрейхера.

Гриффит-Джонс: Милорд, я привел этот документ для того, чтобы показать, каким издевательствам и преследованиям подвергались евреи в районе, который возглавлял Штрейхер, и, во-вторых, для того, чтобы показать абсолютную власть, которой пользовался там подсудимый. Вот цель представления этого документа.

В результате проведенного расследования либо по иной причине подсудимый был освобожден от обязанностей гаулейтера в феврале 1940 года, но он не перестал заниматься пропагандистской деятельностью и не перестал осуществлять контроль над газетой. Я хочу зачитать еще одну краткую выдержку из газеты «Дер Штюрмер». Это статья, написанная им 4 ноября 1943 года, находится на 53-й странице книги документов. Этот документ ПС-1965, ВБ-176, — выдержка из газеты «Дер Штюрмер» — является наиболее важным.

«Истинная правда, что евреи, так сказать, исчезли в Европе и что источник еврейства на Востоке, из которого еврейская чума в течение веков распространялась на народы Европы, перестал существовать. Однако фюрер германского народа в начале войны предсказал то, что сейчас произошло».

Милорд, эта статья была подписана Штрейхером, и я считаю, она показывает, что он знал о том, что происходи-

ло на Востоке, о чем суду были представлены доказательства. Она была написана в ноябре 1943 года. Трибунал помнит, что в апреле 1943 года было уничтожено варшавское гетто. «Между апрелем 1942 и апрелем 1944 года в Освенциме и Дахау было уничтожено около 1 700 000 евреев. — Я теперь цитирую из стенограммы. — В течение всего этого периода должны были умереть миллионы евреев». Я утверждаю, что эта статья, написанная Штрейхером 4 ноября, показывает, что он знал о том, что происходило. Может быть, он не знал деталей, но он знал, что евреи истреблялись.

Я оставляю газету «Дер Штюрмер» и обращаю теперь внимание Трибунала на проблему, которая столь же ужасна, как и все другие стороны деятельности этого человека. Я обращаю внимание Трибунала на особое значение, которое Штрейхер придавал проблеме «воспитания» детей и молодежи Германии. Он не удовлетворялся тем, что подстрекал взрослое население Германии. Он следил за тем, чтобы дети в школах как можно раньше начинали впитывать яд его взглядов.

Некоторые из выдержек, на которые я ссылался и которые Трибунал, вероятно, помнит, содержат упоминание о детях и о необходимости обучения их антисемитизму.

Я сейчас ссылаюсь на 54-ю страницу книги документов. Процитирую строки из последнего абзаца. Это отчет о речи, произнесенной Штрейхером еще в июне 1925 года, в которой он говорит:

«Я повторяю, мы требуем реорганизации школ и превращения их в национальный германский институт воспитания.

Если германских детей будут учить германские учителя, мы заложим основу национально-германской школы. В этой национально-германской школе должны преподавать расовую доктрину».

Я теперь прочитаю последнюю строчку первого абзаца на следующей странице:

«Поэтому мы требуем введения расовой доктрины как предмета для преподавания во всех школах». Эта статья помещена в номере «Дер Штюрмер», который уже представлялся в качестве доказательства ВБ-165.

Следующий документ М-43 представляет собой выдержку из «Френкише Тагесцайтунг» от 19 марта 1934 года, где Штрейхер обращается к учащимся женской школы по случаю окончания курса. Он очень часто проводил юношеские митинги и посещал школы. Я цитирую третий абзац:

«Затем Юлиус Штрейхер говорил о своей собственной жизни и рассказал им о девочке, которая когда-то была его ученицей и потом стала жертвой еврея и погибла».

Мне нет надобности продолжать. Все написано в том же тоне. Это документ ВБ-177.

Каждое лето в Нюрнберге они праздновали то, что они называли юношеским праздником. Это было своего рода языческое торжество, для участия в котором подсудимый Штрейхер собирал или, по меньшей мере, призывал молодежь.

На странице 58 книги документов помещена статья из его газеты, где приводится речь Штрейхера, произнесенная им перед собранием гитлерюгенда на так называемой «Святой горе», близ Нюрнберга, 22 июня 1935 года.

«Мальчики и девочки! Оглянитесь на десять лет назад, чуть больше. Мировая война свирепствовала над народами земли и превратила мир в груды развалин. Только один народ вышел победителем из этой ужасной войны, народ, о котором Христос сказал, что его отец — дьявол. Этот народ разъел как ржавчина душу и тело германской нации. Тогда Адольф Гитлер, не известный никому, поднялся из гущи народной и голосом народа стал призывать к священной войне и битве. Он призывал все народы снова обрести мужество, снова подняться и общими усилиями изгнать дьявола из германского народа с тем, чтобы человеческое общество могло снова освободиться от этого народа, который странствовал по земле в течение веков и тысячелетий со знаком Каина на челе.

Мальчики и девочки! Даже если вам скажут, что евреи были когда-то избранным народом, не верьте этому. Верьте нам, что евреи — не избранный народ, потому что невозможно, чтобы избранный народ действовал среди других народов так, как это делают сегодня евреи».

И далее он выдвигал пропагандистские положения в том же духе. Этот документ представляется под номером ВБ-178.

Следующий документ — М-44, ВБ-179, я не буду зачитывать. Это отчет о речи Штрейхера перед двумя тысячами детей в Нюрнберге в 1935 году во время рождественских каникул.

«Знаете ли вы, кто такой дьявол?» — спросил он своих затаивших дыхание слушателей. «Евреи, евреи!» — отозвались тысячи детских голосов.

Он не удовлетворялся тем, что выступал с речами и писал статьи. В издательстве «Дер Штюрмер» он издал для учителей специальную книгу «Еврейский вопрос и школьное образование». У меня нет полного перевода этой книги. Она написана для школьных учителей в качестве руководства. В ней подчеркивается необходимость проповеди антисемитизма в школах и предлагаются методы преподавания этой темы. На 60-й странице книги документов Трибунал

найдет несколько выдержек, взятых из этой книги. В предисловии мы читаем следующее:

«Национал-социалистское государство внесло значительные изменения во все сферы жизни германского народа.

Оно также поставило перед германским учителем новые задачи. Национал-социалистское государство требует, чтобы его учителя разъясняли германским детям расовые проблемы. Поскольку дело касается германского народа, расовый вопрос — это еврейский вопрос. Те, которые хотят учить ребенка тому, что такое еврей, должны сами хорошо знать эту тему».

Все остальные выдержки содержат советы для учителей о том, как еврейский вопрос следует ввести в систему преподавания. На 5-й странице имеется введение:

«Расовый и еврейский вопросы являются основной проблемой национал-социалистской идеологии. Разрешение этих проблем обеспечит существование национал-социализма и вместе с тем существование нашей нации на все времена. Громадное значение расового вопроса признается теперь почти без исключения всем германским народом. Для того чтобы подойти к этому признанию, наш народ должен был пройти длинный путь страданий».

Маркс: *Как защитник подсудимого Штрейхера, я хочу указать на следующее: оратор в своем изложении не сказал, что упомянутая им книга «Еврейский вопрос в преподавании» написана не подсудимым Штрейхером, а школьным инструктором Финком. Если бы господин обвинитель прочитал следующую фразу, то суду стало бы известно об этом факте. Мой клиент обратил мое внимание на это обстоятельство, и я сам убедился в этом, потому что следующая фраза гласит — «школьный советник Финк желает помочь немецкому учителю на пути познания своей книгой «Еврейский вопрос в преподавании».*

Не может быть поэтому никакого сомнения, что автором этой книги является школьный инструктор Финк, а не Штрейхер. Это очень важно.

Председатель: *Вы сказали все, что хотели сказать?*

Маркс: *Да, это все.*

Председатель: *Я хочу сказать Вам, что эта книга написана Финком, о чем сказано в первом абзаце, и она содержит предисловие, написанное Штрейхером. Таким образом, мы можем прийти к заключению, что Штрейхер одобрил эту книгу и, кроме того, она была издана и напечатана издательством «Дер Штюрмер».*

Маркс: *Да, это правда. Но я хочу еще кое-что сказать. Мне хотелось лишь заявить суду, что непонятно, почему именно эта фраза не была зачитана. Можно было подумать, что речь идет о произведении, написанном Штрейхером, в*

таком случае вопрос о том, соглашался ли Штрейхер с этой книгой, терял свое значение.

Председатель: *Да, доктор Маркс, но обвинитель зачитывал выдержку из предисловия Штрейхера. Последний или предпоследний из зачитанных абзацев взяты из предисловия Штрейхера. Последний абзац, отмеченный мной, находится на 60-й странице книги документов. Он озаглавлен — «Предисловие» и подписан Юлиусом Штрейхером, который пишет, что автор книги — школьный инспектор Финк.*

Не будем более терять на это время.

Гриффит-Джонс: *Я читаю до конца первый абзац предисловия:*

«Те, кто принимает близко к сердцу то, что с таким чувством было написано Финком, который в течение многих лет очень беспокоился о судьбах германского народа, будет благодарен автору этой внешне весьма скромной публикации». Подписано: «Юлиус Штрейхер, Нюрнберг, 1937 год». Это документ ВБ-180. Я хочу зачитать две последние строчки, которые я еще не читал. Последние три строчки абзаца под заголовком «Введение»:

«В нашем народе не вырастет ни одного человека, который бы не знал о чудовищных чертах евреев и опасности, которую они представляют».

Я не буду занимать время Трибунала, зачитывая дальнейшие выдержки из этой книги. Мне кажется, что характер ее ясен. Я сошлюсь на последние три строчки следующей страницы книги документов. Это другая выдержка из этой книги:

«Тот, кто достиг этой стадии понимания, обязательно станет врагом евреев и останется им на всю жизнь и будет прививать эту ненависть своим собственным детям».

В «Дер Штюрмер» также печатались некоторые детские книги. Я не обвиняю Штрейхера в том, что он сам писал эти книги, однако они публиковались его издательством и были того же направления, что и все остальное, что опубликовано его издательством.

Я прежде всего обращаю ваше внимание на книгу, английский перевод названия которой: «Не доверяй лисе на зеленом лугу и клятве еврея». Это книжка с картинками для детей. Все они оскорбительно изображают евреев. Многие из них подобраны в книге документов Трибунала. Против каждой картинки есть маленькая сказочка.

На 62-й странице книги документов Трибунал увидит образцы рассказов, находящихся против каждой картинки. Против картинки в книге документов написано:

«Иисус Христос сказал: еврей — убийца до мозга костей. Когда Христос должен был умереть, Бог не мог найти других людей, которые могли бы замучить его до смерти,

кроме евреев. Вот почему евреи гордятся тем, что они избранный народ». Под первой картинкой, которая изображает неприятного вида еврея-мясника, режущего мясо, имеется следующая надпись: «Еврей — мясник, он продает потроха вместо мяса. Кусок мяса лежит на полу, а другой — лижет кошка. Это не беспокоит мясника, потому что мясо станет тяжелее. Не забывай, он не будет есть его сам».

В интересах времени, может быть, не стоит более цитировать содержание этой книжки. Трибунал видит, каков ее характер, какие идеи она должна была привить детям. Картинки говорят сами за себя.

Следующая — отвратительная картинка, изображает еврея, который уводит девушку... На другой картинке изображена газета «Дер Штюрмер», наклеенная на стене. Дети рассматривают эту газету. Следующая картинка нуждается в пояснениях. На ней изображены еврейские дети, которых уводят из арийской школы. Их уводит неприятно выглядящий человек, по-видимому, отец. Арийские дети скачут и пляшут. Они, очевидно, очень довольны.

Это документ ВБ-181, М-32.

Имеется другая подобная книга, которая называется «Ядовитый гриб» и которая уже была представлена в качестве доказательства. Она очень похожа на предыдущую книгу. Документ США-257. Я хотел бы прочесть один из рассказов этой книги, потому что он показывает лучше, чем какая-либо другая выдержка, отвратительные средства, которые применял этот человек для того, чтобы отравить умы своих слушателей и читателей. Это рассказы с иллюстрациями. На 69-й странице документов имеется картинка: девушка сидит в приемной у еврейского врача. Милорд, это не очень приятный рассказ, но и подсудимый не очень приятный человек. Только читая эти вещи, можно представить, какое воспитание получали в эти годы немецкие дети под руководством этого человека. Я цитирую из рассказа:

«Инга — девушка, о которой идет речь — сидит в приемной у еврейского врача. Ей пришлось ждать очень долго. Она просматривает журналы, которые лежат на столе, но она слишком нервничает, чтобы прочитать хотя бы несколько строк. Она вновь и вновь вспоминает о разговоре с матерью, вновь и вновь она вспоминает о предупреждениях своего руководителя из Лиги германских девушек. Немец, особенно немецкая девушка, не должны обращаться к еврейскому врачу. Многие девушки, которые ходили лечиться к еврейским врачам, были заражены и обесчещены.

Когда Инга вошла в приемную, она услышала, как кто-то плакал в кабинете врача. Она слышала голос молодой девушки: "Доктор, доктор, оставьте меня!"

Затем она услышала издевательский смех мужчины. Неожиданно все стало тихо. Инга слушала, затаив дыхание. "Что все это может означать?" — спрашивала она себя и ее сердце сильно билось. И вновь она вспоминала о предупреждении своего руководителя из Лиги немецких девушек.

Инга ждала уже целый час. Она вновь берет журнал и пытается читать. Затем дверь открывается. Инга поднимает голову. Появляется еврей. Она кричит, с ужасом бросает газету и вскакивает. Она смотрит в лицо еврейского врача. Это лицо дьявола. Посредине лица этого дьявола огромный горбатый нос, за очками — два страшных глаза, толстые губы искривились в усмешке. Эта усмешка означает: "Теперь ты в моих руках, маленькая немецкая девушка".

Еврей приближается к ней. Он протягивает к ней свои жирные пальцы. Но Инга теперь пришла в себя. До того как еврею удается схватить ее, она ударяет жирное лицо. Она бросается к двери, задыхаясь, она бежит вниз по лестнице и убегает из дома еврея».

Здесь не требуется комментариев. Эти рассказы читались детьми.

Еще одна картинка, которую я включил в книгу документов. Это, конечно, портрет подсудимого. На 70-й странице книги документов имеется надпись к этой картинке и там, в частности, сказано, читаю предпоследний абзац: «Без решения еврейского вопроса человечество не может быть спасено».

Там также говорится об участии нескольких юношей в одном из митингов, где выступал Штрейхер:

«Все мы понимали его. Когда в конце, в честь фюрера, он крикнул "зиг хайль", все мы аплодировали с огромным подъемом. Штрейхер говорил в течение двух часов, но нам казалось, что это было лишь несколько минут».

Начинаешь понимать, какое влияние оказывала газета «Дер Штюрмер».

В апреле 1936 года в газете было опубликовано одно из писем, посланных детьми в редакцию «Дер Штюрмер». Это письмо подписано мальчиками и девочками из национал-социалистского молодежного лагеря в Гроссмюллен. Цитирую:

«Сегодня мы видели пьесу о том, как дьявол убеждает еврея застрелить сознательного национал-социалиста. По ходу пьесы еврей это сделал. Мы все слышали выстрел. Мы все хотели броситься на сцену и арестовать еврея. Но потом появился полицейский и после короткой схватки увел еврея. Вы представляете, дорогой "Штюрмер", как сердечно мы аплодировали полицейскому. В течение всей пьесы не было названо ни одной фамилии, но все знали, что пред-

ставлялось убийство, совершенное евреем Франкфуртером. В этот вечер мы пошли спать совершенно разбитые. Мы не хотели разговаривать друг с другом. Эта пьеса показала нам, как действуют евреи».

Как я уже сказал, это документ ВБ-170, М-25.

В заключение я вновь хотел бы обратить внимание Трибунала на власть, которой пользовался Штрейхер в качестве гаулейтера. Это можно увидеть из Устава национал-социалистской партии издания 1938 года, который уже был представлен. Описывая полномочия и обязанности гаулейтера, Устав гласит: «Гаулейтер несет полную ответственность перед фюрером за тот участок, который ему поручен. Права, обязанности и юрисдикция гаулейтера в основном устанавливаются мандатом, издаваемым фюрером, а также другими инструкциями».

Его связь с фюрером и другими подсудимыми или с некоторыми из других подсудимых видна из газетных выдержек. По случаю 50-летия Штрейхера Гитлер посетил Нюрнберг для того, чтобы поздравить его. Это произошло 13 февраля 1935 года. Описание этой встречи было опубликовано в газете «Фолькишер Беобахтер» от того же числа. Цитирую:

«Адольф Гитлер обратился к своему старому товарищу по борьбе и его последователям в выражениях, которые затронули их сердца. Вначале он заметил, что ему особенно приятно в этот день в честь Юлиуса Штрейхера побывать в Нюрнберге, городе национал-социалистской солидарности, которая крепла в борьбе, и быть среди людей, которые в течение многих лет были знаменосцами национал-социалистских идей.

Как и все они в течение многих лет угнетения непоколебимо верили в победу движения, так и его друг и товарищ по борьбе Штрейхер все время лояльно оставался при нем. Такой непоколебимой верой можно сдвинуть горы.

Штрейхер должен вдохновляться мыслью, что 50-летие является для него не только отметкой половины века, но и вехой тысячелетней германской истории. В лице Штрейхера Гитлер имеет сподвижника и может сказать о нем, что здесь, в Нюрнберге, есть человек, который не дрогнет ни на секунду и будет непоколебимо поддерживать его при всех обстоятельствах».

Это документ М-8, ВБ-182.

Следующий документ, М-22, США-258,— письмо Гиммлера, опубликованное в «Дер Штюрмер» в апреле 1937 года. Этот номер уже был представлен. Там сказано:

«Когда в будущие годы будет написана история пробуждения германского народа и следующее поколение не сможет понять, как германский народ когда-то мог друже-

ственно относиться к евреям, то будет признано, что Юлиус Штрейхер и его еженедельная газета "Дер Штюрмер" внесли большой вклад в дело просвещения народа в отношении этого врага человечества. Рейхсфюрер СС Гиммлер».

В заключение мы имеем письмо от фон Шираха, имперского руководителя молодежи, опубликованное в «Дер Штюрмер» в марте 1938 года. Документ М-45, США-260.

«Историческая заслуга газеты "Дер Штюрмер" заключается в том, что она популярными средствами открывала глаза широких масс народа на еврейскую мировую опасность. "Дер Штюрмер" права в том, что она отказывается выполнять свою задачу в чисто эстетическом тоне, так как еврейство не проявляло уважения к германскому народу. Поэтому нет оснований быть учтивыми и щадить нашего худшего врага. Если мы не сделаем этого сегодня, то наша молодежь завтрашнего дня будет испытывать тяжелые страдания».

Может быть, этот подсудимый принимал меньшее участие в физическом совершении преступлений против евреев, о которых Трибунал слышал, чем некоторые из других заговорщиков. Но обвинение считает, что его преступление от этого не становится менее тяжким. Никакое правительство в мире до нацистов не смогло бы проводить политику массового истребления, не имея народа, который поддерживал бы правительство, и не имея большого количества людей — мужчин и женщин, — которые были бы готовы участвовать в этих кровавых убийствах. Даже прошлые поколения немецкого народа не согласились бы на совершение тех преступлений, о которых слышал Трибунал, — на убийство многих миллионов мужчин и женщин.

Штрейхер взял на себя задачу «просвещения» народа, воспитания убийц, отравления их умов ненавистью. В течение 25 лет он с решимостью осуществлял это, так называемое «воспитание народа и молодежи Германии». И он продолжал, видя, какие плоды приносит его работа.

Сначала он проповедовал преследование, затем начал проповедовать истребление и убийство. И в то время как в гетто востока уничтожались и истреблялись миллионы евреев, он требовал все новых и новых жертв.

Таково это преступление. Обвинение утверждает, что он сделал возможным совершение этих и подобных им преступлений, которые никогда не были бы совершены, если бы не он и подобные ему. Он вел пропаганду среди немецкого народа в этом направлении. Без него кальтенбруннеры и гиммлеры не имели бы людей для выполнения их приказов. Как мы видели, он сконцентрировал свое внимание на молодежи и детях Германии.

По своим масштабам его преступление, вероятно, идет гораздо дальше, чем преступление кого-либо из других подсудимых. Причиненные ими страдания закончились после заключения их в тюрьму. Влияние же преступлений этого человека и яд, которым он отравил умы многих миллионов мальчиков и девочек Германии, которые теперь стали юношами и девушками, продолжает жить. Он оставляет за собой наследие — почти что целый развращенный им народ, отравленный ненавистью, садизмом и убийством. Этот германский народ останется на последующие поколения проблемой, а может быть, и угрозой для остальной части человечества.

ДЖ. РОБЕРТС (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности Кейтеля и Иодля[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 9 января 1946 г.

Господа судьи, моим долгом является представление доказательств против Кейтеля, а также против подсудимого Иодля. Я прошу разрешения Трибунала, если Трибунал согласится, на то, чтобы эти два дела были представлены совместно в целях экономии времени, в чем, как мне известно, все заинтересованы.

Материалы, касающиеся Кейтеля и Иодля, идут по параллельным линиям. В течение тех лет, о которых идет речь, они шли вместе по одной и той же дороге. В большинстве документов говорится о них обоих, и при данных обстоятельствах, мне кажется, что, если мне будет разрешено представить доказательства против обоих подсудимых вместе, это поведет к значительной экономии времени.

Председатель: *Хорошо.*

Робертс: *Тогда я буду продолжать, основываясь на этом. Господа судьи, я полностью сознаю, что деятельность этих подсудимых излагалась в деталях уже много раз, а совершенно недавно это было сделано полковником Тейлором[2]. Моим искренним желанием является, насколько это будет возможно, избежать повторений. Я буду приветствовать любые предложения, которые захочет сделать Трибу-*

---

[1] IMT. Vol. 5. P. 26—41.

[2] Имеется в виду выступление от 4 января 1946 г. по вопросу о преступлениях Германского Генштаба и ОКВ. См. следующий том.

нал во время представления мною доказательств для того, чтобы еще более ускорить дело.

Имеется объемистая книга документов номер 7, единая книга документов, которая содержит доказательства против обоих подсудимых. Практически на все документы этой книги уже делались ссылки в ходе процесса. Они, конечно, почти все немецкого происхождения. Я намереваюсь зачитать отрывки из девяти новых документов, и эти документы, я думаю, имеются перед вами в книге документов.

Я начну с возможно краткой ссылки на ту часть обвинительного заключения, которая касается обоих подсудимых. Я начну с абзаца «Кейтель» — это посредине страницы.

Здесь говорится, что подсудимый Кейтель в период с 1938 по 1945 год занимал различные посты. Я хочу указать только на то, что, хотя его деятельность рассматривается начиная с 1938 года, обвинение обращается к периоду его деятельности до 1938 года. Я считаю, что мы должны это сделать в связи с общей формулировкой в приложении «А» обвинительного заключения: «Формулировки, которые ниже будут приведены по отношению к каждому отдельному обвиняемому, содержат материалы, на которых будет основываться обвинение, поскольку они устанавливают наряду с другими материалами индивидуальную ответственность каждого обвиняемого».

Трибунал удостоверился в том, что «Кейтель использовал вышеуказанные посты, свое влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что способствовал военным приготовлениям», принимал участие в планировании и подготовке агрессивных войн, нарушающих международные договоры, санкционировал и принимал участие в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Далее, «подсудимый Йодль в период с 1932 по 1945 год занимал различные посты и использовал вышеуказанные посты, свое влияние и тесную связь с фюрером таким образом» — этого не имеется в тексте, относящемся к Кейтелю, — «что он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией».

Мне в настоящий момент неизвестны какие-либо доказательства, поддерживающие обвинение в том, что он способствовал приходу нацистов к власти до 1933 года. Имеется большое число доказательств о том, что он был преданным, почти фанатичным приверженцем фюрера, но я считаю, что этого недостаточно для обоснования такого обвинения.

Затем против Йодля выдвигается обвинение в том, что он способствовал приготовлениям к войне, участвовал в планировании и подготовке войн и в том, что он санкциони-

ровал и принимал участие в военных преступлениях и в преступлениях против человечности.

Относительно постов, которые занимал подсудимый Кейтель, хорошо известно, что в феврале 1938 года он стал начальником ОКВ, верховным командующим всеми вооруженными силами и что Иодль стал начальником штаба оперативного руководства. Это точно доказывается стенографическими записями и документами. Возможно, мне следует сослаться на его пост, занимаемый им в 1935 году, в то время, когда впервые рассматривался вопрос об оккупации Рейнской области.

Кейтель руководил отделом вермахта в имперском военном министерстве и это доказывается документом ПС-3019, который я прошу принять без доказательства. Этот документ отсутствует в папке.

Посты, которые занимал Иодль, перечислены в его собственных заявлениях — документ ПС-2865, США-16.

В 1935 году он был в чине подполковника и занимал пост начальника отдела обороны страны. Я хочу обратиться к периоду до 1938 года — до существования ОКВ и в этой связи сослаться на два документа, один из которых новый документ. Первый документ — ЕС-177, США-390. Это протокол заседания рабочего комитета имперского совета обороны. Он датирован 22 мая 1933 года.

Кейтель председательствовал на этом совещании. Протоколы зачитывались. Имело место продолжительное обсуждение предварительной подготовки Германии к войне. Подсудимый Кейтель заявил, что рассматривает эту задачу как неотложную. Он считал, что в предыдущие годы было сделано очень мало. И, возможно, Трибунал вспомнит тот отрывок, где Кейтель подчеркивал необходимость секретности: «документы нельзя терять, а устные заявления можно отрицать в Женеве». И я отмечаю, если вы мне разрешите прокомментировать то, что уже в начале 1933 года руководители штаба вооруженных сил Германии думали о том, чтобы использовать ложь как оружие.

Следующий документ, на который я хочу сослаться, — ЕС-405, ВБ-160. Я хочу вкратце процитировать этот документ, поскольку в моем представлении он устанавливает тот факт, что Иодлю были известны планы реоккупации Рейнской области, что противоречило Версальскому договору, и что он сам причастен к этому событию. Трибунал увидит, что это протокол рабочего комитета имперского совета обороны, датированный 26 июня 1935 года. В начале страницы подполковник Иодль делает сообщение о подготовке к мобилизации, и я хочу прочесть только четвертый и пятый абзацы на этой странице. Предпоследний абзац снизу.

«Демилитаризованная зона требует особого отношения. В своей речи 21 мая и в других своих выступлениях фюрер утверждал, что положения Версальского договора и Локарнского пакта касательно демилитаризованной зоны соблюдаются. На запрос французского поверенного в делах касательно призывных пунктов в демилитаризованной зоне имперское правительство ответило, что никакие гражданские власти и никакие другие учреждения в демилитаризованной зоне не уполномочиваются на выполнение задач по мобилизации, например таких, как набор, обмундирование и вооружение каких-либо соединений на случай войны или для приготовления к ней.

Поскольку в настоящее время следует избегать политических осложнений с иностранными державами, должны быть проведены только такие подготовительные меры, которые являются совершенно необходимыми. Наличие таких приготовлений или намерений провести их должно содержаться в строжайшем секрете в самой этой зоне, так же, как и во всей империи».

Мне не нужно читать дальше, я считаю, что зачитанное ясно доказывает, что Иодлю было известно о предстоящем нарушении Версальского договора.

За день перед тем, когда Рейнская область была оккупирована, 7 марта 1936 года, подсудимый Кейтель издал директиву, которая была зачитана раньше — ПС-194, США-55, — в которой предусматривалась воздушная разведка и определенное передвижение подводных лодок в случае, если какая-либо другая страна сделает попытку вмешаться в дело реоккупации.

Я перехожу к 4 февраля 1938 года, когда было сформировано ОКВ. Вскоре после этого было издано руководство, которое является новым доказательством и из которого я хочу зачитать короткие отрывки. Это документ ВБ-161, Л-211. Он датирован 19 апреля 1938 года.

«Руководство войной как проблема организации».

Я прочту только из приложения, которое называется «Что такое война будущего?» Если вы перевернете страницу, то на второй странице я намереваюсь прочесть 12 строчек внизу, начиная со слов: «Внезапность».

«Внезапность, которая должна быть предпосылкой для быстрого военного успеха, часто требует, чтобы военные действия начались прежде, чем закончена мобилизация, и прежде, чем армии будут приведены в полную готовность.

Объявление войны больше не является необходимым первым шагом для начала войны.

Воюющие страны будут считать или не будут считать себя в состоянии войны с нейтральными государствами в за-

висимости от того, будет ли соблюдение правил ведения войны создавать преимущественное либо, напротив, неблагоприятное положение для воюющих стран».

Можно, конечно, сказать, что это только теоретические слова и что они могли бы относиться к любой другой стране, которая могла бы иметь намерение начать войну против Германии. Суд примет к своему сведению ситуацию в Европе в 1938 году и задаст сам себе вопрос о том, имела ли тогда Германия какого-либо потенциального агрессора против нее.

Я подчеркиваю этот отрывок, поскольку я считаю, что он ясно свидетельствует о том методе, с помощью которого Германия действительно начинала войну в 1939 году и в последующие годы.

Сейчас я перейду к тому пути, о котором уже много раз говорилось и будет еще говориться. Это путь от 1938 до 1941 года — до заключительного акта агрессии. Но я считаю, что, насколько это касается Кейтеля и Иодля, я могу осветить этот путь в нескольких фразах, поскольку я считаю, что документы, которые уже неоднократно зачитывались перед судом, достаточно ясно демонстрируют, что Кейтель, будучи начальником верховного командования вооруженных сил, и Иодль, будучи начальником штаба оперативного руководства, были тесно связаны с каждым отдельным актом агрессии, которые последовательно проводились против различных жертв нацистской агрессии.

Перед вами имеется книга документов и меморандум по материалам дела, где дается изложение этих документов под соответствующими заголовками. Позвольте мне сначала обратиться к агрессии против Австрии. Вы помните дневник Иодля, запись от 12 февраля 1938 года о том, как Кейтель, который был не простым солдатом, применил тяжелый нажим на Шушнига — документ ПС-1780 — и как на следующий день Кейтель писал Гитлеру — документ ПС-1775, США-73 — предлагая инсценировку военных действий и распространение фальшивой, но вызывающей доверие информации.

Затем сами оперативные приказы по операции «Отто», документы США-74, 75 и 77, датированные 11 марта 1938 года — приказы ОКВ, за которые ответствен Кейтель.

Председатель: *Какие номера приказов?*

Робертс: *С-102, С-103, С-182. Один из них имеет подпись Кейтеля или его инициалы и два имеют инициалы Иодля. Это оперативные приказы о вторжении в Австрию. Они содержат распоряжения о том, что с чешскими солдатами следует обращаться, как с врагами, а с итальянцами, как с друзьями. Это первая веха на пути оккупации Австрии...*

Господа судьи, я остановился на начале агрессии против Чехословакии, и Трибунал вспомнит, что основным документальным доказательством по этому вопросу является документ ПС-388, США-26, так называемый план «Грюн». Господа судьи, в этой папке имеются обильные доказательства, касающиеся подсудимых Кейтеля и Иодля, которые свидетельствуют о том, что они играли в этом первостепенную роль, занимая посты начальника верховного командования вооруженных сил и начальника штаба оперативного руководства.

Разрешите мне обратить внимание Трибунала на документ номер 2 в этой папке. Я не собираюсь оглашать ни одного из этих документов, а только хочу сослаться на протокол совещания от 21 апреля 1938 года. Важно заметить, что Кейтель и фюрер совещались вдвоем. Это показывает тесную связь между Кейтелем и фюрером. На этом совещании были обсуждены предварительные планы, включая возможность инцидента, а именно убийство германского посла в Праге.

Документ номер 5 в этом досье, датированный 20 мая 1938 года, показывает, что планы политической и военной кампании против Чехословакии были разработаны Кейтелем.

Документ номер 11, датированный 30 мая 1938 года, представляет собой директиву, подписанную Кейтелем, относительно вторжения на территорию Чехословакии, причем там указывалась дата — 1 октября 1938 года.

Затем идет ряд документов, на которых имеются инициалы Иодля, а именно документы 14 и 17. Я назвал только два из них. По-видимому, для ведения протокола я должен перечислить и другие. Там имеются также документы 24, 36 и 37. Затем идет директива, документы 31 и 32, датированная 27 сентября 1938 года, подписанная Кейтелем, включающая приказы о тайной мобилизации.

Дневник Иодля, документ ПС-1780, содержит много записей относительно предстоящей агрессии, в особенности от 13 мая и 8 сентября. В дневнике Иодля, документ ПС-1780, имеется весьма обличительная запись от 11 сентября, где говорится...

Председатель: *Не назовете ли Вы нам дату?*

Робертс: *Простите, Ваша честь, это запись от 11 сентября 1938 года.*

«Совещание во второй половине дня со статс-секретарем Ханке из министерства народного просвещения и пропаганды. Там обсуждались важные общие задачи. Совместная подготовка для того, чтобы опровергать нарушения международного права с нашей стороны и использовать нарушения международного права противником, рассматри-

валась как особо важный вопрос на этом совещании». Я подчеркиваю эти слова «нарушения международного права с нашей стороны».

Господа судьи, в результате этого совещания был подготовлен документ С-2, на который ссылался мой коллега сэр Дэвид Максуэлл-Файф, документ, в котором, как вспомнит Трибунал, в параллельных колонках перечислялись возможные нарушения международного права и объяснения для этих нарушений. Об этом упоминалось так недавно, что мне нет необходимости оглашать это вновь.

Господа судьи, я беру на себя смелость утверждать, и тому есть доказательства, что Кейтель и Иодль играли весьма важную, фактически первостепенную, роль в совершении агрессии против Чехословакии, которая привела к подписанию Мюнхенского пакта.

Господа судьи, после подписания Мюнхенского пакта, как об этом говорилось уже много раз, нацистские заговорщики сразу стали подготавливать захват остальной части Чехословакии.

В этот момент Иодль временно исчезает со сцены, потому что он проходил службу в строевой части в качестве начальника артиллерии 44-й дивизии в Австрии и таким образом, на этой стадии нет документальных доказательств против него на период после подписания Мюнхенского пакта и до 23 августа 1939 года, когда он был вновь вызван накануне вторжения в Польшу для того, чтобы занять свой прежний пост начальника штаба оперативного руководства верховного командования германских вооруженных сил.

Что же касается Кейтеля, то 21 октября 1938 года, менее чем через месяц после подписания Мюнхенского пакта, он поставил свою подпись на приказе фюрера о ликвидации остальной части Чехословакии и об оккупации Мемеля. Документ С-136, США-140.

24 ноября 1938 года, документ С-137, Кейтель издал меморандум относительно оккупации Данцига внезапным ударом.

17 декабря 1938 года, документ С-138, США-105, Кейтель подписал приказ низшим инстанциям относительно «Подготовки к ликвидации остальной части Чехословакии». Эти подготовительные мероприятия были проведены.

15 марта 1939 года Кейтель, который, как я снова повторяю, был более чем просто солдатом, присутствовал в полночь на встрече между фюрером и Гахой — президентом Чехословацкой республики, когда под угрозой бомбардировки Праги Гаха отдал остальную часть своей страны Германии. Я не буду вновь оглашать содержание протокола этой встречи, который уже оглашали столь часто.

Господа судьи, таким образом, мы рассмотрели этот этап. И вновь я утверждаю, как неоспоримый факт, что во всех актах агрессии Кейтель играл важную роль и действовал как правая рука Гитлера, возглавляя вооруженные силы Германии.

Теперь я перехожу к агрессии против Польши. Кейтель присутствовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 года, документ Л-79, США-27, когда было сказано, что вопрос о Данциге не является предметом обсуждения.

«На Польшу следует напасть при первой благоприятной возможности. Голландские и бельгийские авиабазы должны быть оккупированы. Заявления о нейтралитете следует игнорировать».

Директива о плане «Вайс», вторжении в Польшу, документ С-120(а), ВБ-41, была подписана 3 апреля 1939 года. Трибунал вспомнит, что к 1 мая эти планы должны были быть переданы ОКВ и к 1 сентября вооруженные силы должны были быть в состоянии готовности для нападения. Эта директива была подписана Кейтелем.

Документ С-128, ВБ-45, был дополнением к первоначальной директиве и был датирован 22 июня 1939 года. В этом приказе подчеркивалась необходимость маскировки и говорилось, что «не следует возбуждать беспокойства среди населения». Этот документ подписан Кейтелем.

17 августа 1939 года, документ ПС-795, ВБ-54, Кейтель имел совещание с адмиралом Канарисом относительно предоставления польской военной формы Гейдриху. Следует отметить, что в последнем абзаце протокола этого совещания говорилось о том, что адмирал Канарис был против войны, а Кейтель высказался за войну. Кейтель тогда пророчил, что Великобритания не вступит в войну.

Я вновь утверждаю, что первостепенная роль Кейтеля в подготовке агрессии против Польши полностью доказана.

Иодль, как я уже сообщил Трибуналу, был вновь вызван 23 августа. Обратите внимание на запись в его дневнике, документ ПС-1780, где говорится о том, что его вновь отозвали для того, чтобы он занял пост начальника штаба оперативного руководства. Далее следует:

«Получил приказ от верховного командования вооруженных сил выехать в Берлин и занять пост начальника штаба оперативного руководства германских вооруженных сил».

И затем говорится: «11.00—13.30 — совещание с начальником верховного командования вооруженных сил. Днем "Х" было объявлено 26 августа. Время "Y" было назначено на 4.30». Я утверждаю, что Трибунал может убедиться в важности роли Иодля в этом заговоре, исходя из

того факта, что накануне войны он вновь был вызван в Берлин для принятия поста начальника штаба оперативного руководства вермахта.

Итак, состоялось вторжение в Польшу. И прежде чем я перейду к следующей агрессии, я хотел бы только указать, что, согласно показаниям генерала Лахузена, если Трибунал принимает их в этом вопросе в качестве доказательства, Кейтель и Иодль находились вместе с Гитлером 10 сентября 1939 года в действующей армии. Об этом говорится на страницах 617 — 618 стенограммы. Я не думаю, чтобы кто-либо подвергал сомнению тот факт, что начальник штаба верховного командования и начальник штаба оперативного руководства были тогда в действующей армии.

Милорд, теперь я перехожу к Норвегии и Дании. Мы располагаем относящимся к обеим странам документом С-54, ВБ-86, о том, что 12 декабря 1939 года Кейтель и Иодль присутствовали на совещании с Гитлером, где присутствовал также Редер, когда обсуждалось вторжение в Норвегию. Документ С-63, ВБ-87, в котором Кейтель писал, что «операции против Норвегии будут проведены под моим прямым и личным руководством», доказывает, что на Кейтеля была возложена прямая ответственность за эти операции. Он создал в верховном командовании и штаб, осуществлявший планирование этих операций.

Я утверждаю, что соучастие Иодля и его осведомленность ясно доказываются также записями в его собственном дневнике — документ ПС-1809, вторая часть его дневника. Трибунал вспомнит запись от 13 марта 1940 года, в которой он писал о том, что фюрер все еще подыскивал предлог для проведения операции по плану «Везер». Это было 13 марта, документ ПС-1809. Там говорится:

«Фюрер не отдает приказа относительно операции "Везер", он все еще подыскивает предлог».

И затем в записи от 14 марта:

«Фюрер еще не решил, какой предлог следует избрать для операции "Везер"».

С разрешения Трибунала я хотел бы указать на то, что эта фраза — «еще подыскивает предлог» — показывает в отталкивающем виде понятие о чести, существовавшее у германских военных руководителей.

Как мы знаем, Норвегия подверглась атаке без предупреждения и только затем были выдвинуты фальсифицированные предлоги.

Господа судьи, я утверждаю, что вторжение в Нидерланды и Люксембург в равной степени, как это ясно доказывается документами, происходило под контролем и руководством Кейтеля, действовавшего с помощью Иодля. Трибуналу уже представлялся протокол совещания о странах,

подлежащих оккупации, состоявшегося в мае. Это документы Л-79 и С-62, ВБ-106.

С-62 состоит из двух документов: от 9 октября и 15 октября 1939 года. Это две директивы: одна, подписанная Гитлером, другая, подписанная Кейтелем. В них содержатся приказы об оккупации Голландии и Бельгии.

Господа судьи, документ С-10, ВБ-108 от 8 ноября — оперативный приказ Кейтеля 7-й воздушно-десантной дивизии совершить высадку в центре Голландии.

Документ ПС-44, ВБ-107, от 20 ноября 1939 года, подписанный Кейтелем, представляет собой последующую директиву относительно вторжения в Голландию и Бельгию.

Документы С-72, ВБ-109, от 7 ноября 1939 года и 10 мая 1940 года включают в себя 18 писем, из которых 11 подписаны Кейтелем, а 7 — Иодлем, в которых говорилось, что «фюрер приказал отложить день вторжения ввиду неблагоприятной погоды».

Ваша честь, в дневнике Иодля также имеются записи об этих событиях. Это документ ПС-1809. Здесь имеется несколько записей относительно предстоящих операций, которые я могу вновь не оглашать. Кульминацией является запись от 8 мая, о которой я хочу напомнить Трибуналу. Иодль сказал: «Поступает тревожная информация из Голландии». И далее он выражает негодование по поводу того, что «гадкие голландцы устраивают заграждения на дорогах и проводят подготовку к мобилизации».

Таким образом, господа судьи, состоялось вторжение в эти три нейтральных государства, и я утверждаю, что имеются многочисленные и неоспоримые доказательства того, что оба эти подсудимые руководили военными операциями, обеспечивали это вторжение.

Ваша честь, теперь я перехожу к планированию агрессии против Греции и Югославии. Документ ПС-1541, ВБ-117 от 13 декабря 1940 года представляет собой приказ Гитлера об операции «Марита» против Греции. Этот приказ был подписан Гитлером, копия была направлена Кейтелю, то есть в ОКВ.

Документ ПС-448, ВБ-118, представляет собой приказ, который был подписан Гитлером и на котором имеются инициалы Кейтеля. Это приказ от 11 января 1941 года об операции против Греции.

Документ С-134, ВБ-119, датированный 20 января 1941 года, показывает, что Кейтель и Иодль оба присутствовали на совещании с Гитлером, Муссолини и другими лицами, когда обсуждались операции против Греции и Югославии.

В документе С-59, ВБ-121 от 19 февраля 1941 года даты операции «Марита» были проставлены Кейтелем.

Документ ПС-1746, ВБ-120 датирован 27 марта 1941 года. Это протокол совещания у Гитлера, на котором присутствовали Кейтель и Иодль и на котором было объявлено решение подвергнуть нападению и разгромить Югославию. Фюрер тогда заявил:

«Я решил уничтожить Югославию и я применю безжалостную жестокость для того, чтобы устрашить других нейтралов».

Ваша честь, я утверждаю, что участие этих двух лиц в этой агрессии полностью доказано этими документами.

Ваша честь! Я перехожу к плану «Барбаросса». Документ ПС-446, США-131, от 18 декабря 1940 года представляет собой приказ Гитлера об операции «Барбаросса», на котором проставлены инициалы Кейтеля и Иодля. Гитлер сказал, как вспомнит Трибунал, что он намеревается сокрушить Россию в ходе одной стремительной кампании.

Следующий документ — ПС-872, США-134 от 3 февраля 1941 года — представляет собой протокол совещания между Гитлером, Кейтелем и Иодлем, на котором обсуждался план «Барбаросса» и операция в Северной Африке — план «Зонненблюме». Гитлер заявил тогда: «Когда начнется "Барбаросса", то мир затаит дыхание и не проронит ни слова».

Документ ПС-447, США-135 от 13 марта 1941 года представляет собой оперативный приказ, подписанный Кейтелем, относительно управления областями, которые должны быть оккупированы. Это вновь свидетельствует о том, что Кейтель был более чем простым солдатом, так как он занимался вопросами гражданской администрации.

Документ С-39, США-138 датирован 6 июня 1941 года. Там излагалось расписание проведения операции «Барбаросса». Этот документ был подписан Кейтелем и шестой экземпляр был направлен Иодлю.

Документ С-78, США-139 от 9 июня 1941 года — приказ Гитлера Кейтелю и Иодлю присутствовать на совещании накануне начала «Барбаросса» 14 июня 1941 года, то есть за 8 дней до начала кампании.

Ваша честь, на основании этих фактов и документов относительно положения обоих подсудимых я утверждаю, что их участие в подготовке этой агрессии полностью доказано.

Теперь я перехожу к последнему вопросу — о подстрекательстве Японии к агрессии против США. Здесь имеются два основных документа, в издании которых участвовали Кейтель и Иодль. Ваша честь, во-первых, имеется документ С-75, США-151, датированный 5 марта 1941 года. Это приказ ОКВ, подписанный Кейтелем, копия которого была направлена Иодлю. Там говорилось о том, что следует

как можно скорее побудить Японию осуществить определенную акцию.

Следующий документ — С-152, ВБ-122, датированный 18 марта 1941 года — протокол совещания между Гитлером, Редером, Кейтелем и Иодлем, на котором говорилось, что Япония должна захватить Сингапур. Об этом имеется выдержка.

Господа судьи! Я утверждаю, что по всем этим актам агрессии и подготовки агрессии доказательства о виновности этих двух лиц являются полными. Несомненно, они могут защищаться только ссылаясь на то, что они выполняли приказы свыше. Но согласно Уставу такая линия защиты для них исключается. Нет никакого сомнения в том, что все эти гнусные планы возникали в гнусном уме Гитлера, но он не мог осуществить их один. Он нуждался для этого в людях, почти столь же безнравственных и неразборчивых в средствах, как он сам.

Теперь, Ваша честь, я перехожу к вопросу о военных преступлениях и преступлениях против человечности. Ваша честь, уже доказано, что Кейтель подписал декрет «Мрак и туман» о том, что лица с оккупированных территорий должны были перевозиться в Германию, где их следы пропадали. Это документ Л-90, США-503.

Имеется один новый документ, который я намереваюсь представить в качестве доказательства. Полковник Тейлор уже представил документ С-50 — приказ Кейтеля о безжалостных действиях при проведении кампании «Барбаросса». Но к нему имеется еще один дополнительный документ — это документ С-51, ВБ-162. Это приказ Кейтеля, датированный 27 июня 1941 года. Там говорится:

«В соответствии с приказами относительно работы с секретными материалами нижеследующие управления должны уничтожить все копии приказов фюрера от 13 мая 1941 года».

Речь идет о приказе «Барбаросса», документ С-50, изданный в вышеупомянутом сообщении:

«а) Все инстанции до штаба корпуса включительно».

Это означает, Ваша честь, что все командиры — от командира корпуса и ниже — были обязаны уничтожать копии приказа.

«б) Командования танковых групп войск».

Это также означает, что командиры танковых корпусов ниже командира корпуса должны были уничтожать копии приказа.

«в) Командования армий и приравненные к ним управления в случае, если возникнет неотвратимая опасность того, что они могут попасть в руки посторонних лиц».

То есть эти документы должны были уничтожать даже высшие генералы, если война приблизилась к ним, и в случаях, если существовала опасность того, что эти документы могли быть захвачены противником.

«Однако приказ остается в силе, независимо от уничтожения его копий. В соответствии с § 3 командующие несут личную ответственность за то, чтобы управления, а также юридические советники получили инструкции вовремя, причем утверждаются только те приговоры, которые соответствуют политическим целям верховного командования».

Это касалось немецких солдат, которые не привлекались к ответственности военно-полевыми судами за преступления, совершенные против советских войск.

«Этот приказ также следует уничтожить вместе с копиями приказа фюрера».

Ваша честь, я указываю на тот факт, что ОКВ во главе с Кейтелем стремилось уничтожить приказ, который, как я утверждаю, является беззаконным и варварским приказом, что является весьма показательным.

Ваша честь, я теперь намереваюсь представить другой документ, который является почти последним документом в этой серии. Это документ ВБ-20, приложенный в конце папки. Он издан в ставке фюрера 26 мая 1943 года:

«Тема — Обращение с теми сторонниками де Голля, которые сражаются на стороне русских. Впервые были сбиты французские летчики, которые сражаются в составе советских вооруженных сил на Восточном фронте. Фюрер приказал принять строжайшие контрмеры против использования французских войск в составе советских вооруженных сил.

Поэтому предписывается:

1) Сторонники де Голля, захваченные в плен на Восточном фронте, должны передаваться французскому правительству для принятия мер в соответствии с приказом ОКВ».

Далее, я оглашаю третий абзац:

«В подобных случаях следует проводить тщательное расследование в отношении родственников тех французов, которые сражаются на стороне русских, если эти родственники проживают на оккупированной территории Франции. Если расследование покажет, что родственники оказали помощь этим французам в целях облегчения бегства из Франции, то в таких случаях к ним следует применять самые строгие меры».

Я представляю документ ВБ-163.

Ваша честь, я полагаю, что мне следует представить следующий документ, ВБ-164. Кажется, это последний до-

кумент в папке. Насколько мне известно, он издан управлением разведки и контрразведки и адресован ОКВ, датирован 4 января 1944 года и озаглавлен: «Контрмеры против харьковского показательного процесса».

Я хочу огласить только второй абзац:

«Документы относительно командос запрошены и тщательно изучены РСХА. В пяти случаях английские военнослужащие были арестованы как соучастники. В соответствии с приказом фюрера они были расстреляны. Имеется возможность приписать им нарушение международного права и на суде посмертно вынести им смертный приговор. До сих пор не доказано ни одного случая нарушения международного права со стороны командос».

Ваша честь, я не буду более приводить цитат и утверждаю, что это было вовсе не ведение войны, а признание в совершении убийства.

Ваша честь, пометки Кейтеля здесь можно найти в левом верхнем углу этого документа. Там говорится: «Нам нужны документы, на основании которых мы сможем провести такую же процедуру. Это репрессии, не имеющие ничего общего с военными действиями. В юридических обоснованиях нет необходимости».

Председатель: Имеется ли в верхней части подпись Кейтеля?

Робертс: В подлиннике, исходящем из этого отдела, эта подпись напечатана на пишущей машинке.

Председатель: Здесь нет подлинной подписи?

Робертс: Нет.

Биддл: Какое же отношение это имеет к Кейтелю?

Робертс: Здесь написано: «Примечание начальника ОКВ».

Таким образом, мы сейчас говорим о первом протоколе. Следующий протокол датирован 6 января 1944 года. В начале этого письма имеются инициалы Кейтеля, которые сделаны красным карандашом и которые показывают, что он получил этот меморандум. Ваша честь, в первом абзаце речь идет о двух офицерах, находившихся в то время в лагере Айхштадт в Баварии. Этот абзац не представляет для нас интереса, так как эти офицеры еще живы.

Второй абзац:

«Попытка произвести нападение на линкор "Тирпиц"».

В конце октября 1942 года британские командос, которые прибыли в Норвегию на катере, имели задание произвести атаку на линкор "Тирпиц" в Тронхеймсфьорде при помощи торпед. Эта операция провалилась, так как обе торпеды, которые были прикреплены к катеру, были потеряны

в море во время шторма. Из членов команды, насчитывавшей 6 англичан и 4 норвежца, группа из 3 англичан и 2 норвежцев была замечена на шведской границе. Однако удалось арестовать только одного английского моряка Роберта Пауля Эванса, родившегося в Лондоне 14 января 1922 года. Остальные скрылись в Швецию.

Эванс имел при себе пистолетную кобуру, какую обычно используют для того, чтобы носить оружие под мышкой, и кастет. Нельзя было доказать совершение насилия, представляющее собой нарушение международного права в этом случае. Он дал обширное показание относительно этой операции. В соответствии с приказом фюрера он был растрелян 19 января 1943 года».

Я вновь утверждаю, что это было убийство. «Нельзя было доказать совершение насилия, представляющее собой нарушение международного права».

Затем, Ваша честь, в третьем абзаце говорилось:

«Взрыв электростанции в Гломфьорде.

16 сентября 1942 года 10 англичан и 2 норвежца высадились на норвежском побережье. Они были одеты в форму английской горно-стрелковой дивизии и имели при себе много оружия и взрывчатые вещества всякого рода. 21 сентября 1942 года, после того, как они пересекли труднодоступную гористую местность, они взорвали важные сооружения на электростанции на Гломфьорде. При этом был застрелен германский часовой. Норвежским рабочим угрожали, что их усыпят хлороформом, если они будут сопротивляться. Для этой цели англичане имели при себе шприцы с морфием. Несколько преступников было арестовано, тогда как другие скрылись в Швеции».

Здесь вновь не имеется никаких указаний на то, что имело место какое-нибудь нарушение международного права. Это были британские моряки и одеты они были в военную форму.

Я перехожу к четвертому абзацу:

«Диверсионные акты против германских кораблей, находящихся в Бордо.

12 декабря 1942 года несколько германских судов, находившихся в Бордо, были серьезно повреждены в результате взрывов ниже ватерлинии. Подвесные мины были прикреплены пятью английскими диверсионными группами, действовавшими с лодок. Из 10 участников через несколько дней были арестованы следующие...

Участники операции по два человека высаживались с подводной лодки и на небольших лодках плыли к устью реки Жирондо. Они были одеты в особую серо-оливковую

форму. После того как они совершали взрыв, они топили свои лодки и скрывались переодетые в гражданскую одежду, пользуясь содействием французского населения. При своем бегстве они не совершали никаких уголовных преступлений. Все были арестованы и в соответствии с приказом расстреляны 23 марта 1943 года».

На этом документе имеются инициалы Кейтеля. Этот документ, ПС-734, который недавно оглашался моим коллегой, сэром Максуэлл-Файфом, содержит в себе следующее замечание Кейтеля: «Я против юридической процедуры, она не оправдывает себя».

Председатель: *Не огласите ли Вы следующую страницу?*

Робертс: *Страница пятая.*

«Ставка фюрера, 9 января 1944 года. Начальник штаба верховного командования вермахта передал заместителю начальника — по-видимому, речь идет о Иодле — прилагаемое письмо со следующими замечаниями. Нет необходимости доказывать нарушения международного права в документальной форме, однако является весьма важным подбирать весь материал, который может быть использован для показательного процесса в пропагандистских целях. Не предполагается, что будет действительно проводиться показательный процесс. Речь идет о демонстрации с пропагандистской целью случаев нарушения международного права неприятельскими солдатами, которые будут перечислены по фамилиям и которые уже были казнены или находятся в ожидании приведения смертного приговора в исполнение. Начальник ОКВ попросил начальника управления разведки и контрразведки адмирала Канариса представить соответствующие документы при следующем посещении ставки фюрера».

Как уже слышал Трибунал от моего коллеги сэра Максуэлл-Файфа, когда он оглашал документ ПС-735 сегодня утром, Кейтель говорил: «Я против юридических процедур, они себя не оправдывают».

Можно прийти к заключению, что слова Кейтеля соответствовали действительности, если прочесть отчет о тех актах, которые, как я утверждаю, являются хладнокровным убийством мужественных людей, мужественных солдат и моряков, которые сражались за свою родину. Хотя Трибуналу были представлены многочисленные доказательства смерти мужественных людей, имеется мало эпизодов, которые произвели бы более мучительное впечатление, чем те, о которых говорится в документах, на которые я только что сослался.

Ваша честь, на этом я заканчиваю представление документов по обвинению Кейтеля и Иодля.

К. КАТР (Франция)

Об индивидуальной ответственности Кейтеля и Иодля[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 7 февраля 1946 г.

Господин председатель, сегодня на мою долю выпала честь закончить предъявление французского обвинения, представив доказательства виновности подсудимых Вильгельма Кейтеля и Альфреда Иодля.

До того как начать свое выступление, я хотел бы попросить у Трибунала разрешение сделать несколько замечаний. Для того чтобы сэкономить время Трибунала, мы объединили обвинения против обоих подсудимых. Их деятельность имеет так много общего, что если рассматривать каждого порознь, то это приведет к повторениям. То же самое желание — выиграть время заставило меня максимально ограничить мое выступление.

Это изложение будет состоять из трех частей: вступление, в задачи которого входит определение рамок деятельности этих двух подсудимых. Первая часть посвящается подготовке агрессивных планов. По этой теме уже были даны надлежащие разъяснения, и сейчас я скажу лишь немного. Основное внимание будет уделено второй части. Здесь я буду говорить об ответственности подсудимых за совершение военных преступлений. Я не буду для этого останавливаться на всех документах, свидетельских показаниях и допросах, которые касаются этих двух подсудимых. Их виновность подчеркивается многочисленностью совершенных ими преступлений, она характеризуется прежде всего преступным умыслом, который предшествовал осуществлению злодеяний. Наличие преступного умысла со всей ясностью вытекает из тех документов, на которых я остановился. Я попрошу разрешения Трибунала огласить некоторые из них. Эти цитаты будут весьма краткими.

Документы, которые я здесь буду называть, будут иметь номер, за которым они представляются, проставленный красным карандашом на полях экземпляра, врученного Вам, господин председатель. Затем я буду называть номер оригинала, если же речь идет о документе, который уже был представлен, я буду сообщать дату представления и номер, за которым он был представлен.

---

[1] IMT. Vol. 7. P. 105—115.

Вождь национал-социалистской партии, ставший рейхсканцлером, Гитлер постарался полностью подчинить себе германскую армию. Единство между партией и государством, установленное Гитлером, по его мнению, должно было господствовать и в армии, и в государстве, и в партии. Гитлер считал, что только таким образом военная машина сможет выполнить свою роль. Партия будет давать первый импульс, государство будет претворять это в действия и армия, в случае необходимости, сможет заставлять проводить эти действия как внутри страны, так и вне ее.

Для того чтобы достичь этой цели, необходимо было прежде всего навязать законодательство, согласно которому вся военная машина должна была бы подчиняться фюреру. Для этого необходимо было также отстранить деятелей, не желающих подчиняться таким мерам. Казнь фон Шлейхера в 1934 году и отставка с позором Бломберга в 1938 году являются иллюстрирующими примерами. Оставалось только для замены их найти военных руководителей, готовых играть роль точных исполнителей. Кейтель и Иодль оказались в числе таких военных руководителей.

Их личные убеждения, стремительный успех их карьеры являются тому доказательством. На допросе 3 августа 1945 года подсудимый Кейтель показал полковнику Эчеру, представителю военной юстиции Чехословакии, о своих взаимоотношениях с Гитлером и национал-социалистской партией — документ РФ-1430 — следующее:

«В глубине души я был верным сторонником Адольфа Гитлера и мои политические убеждения были национал-социалистскими. С тех пор как фюрер оказал мне доверие, личный контакт, который мы с ним поддерживали, помог мне еще активнее обратиться в сторону национал-социализма. И по сегодня я остаюсь убежденным сторонником Адольфа Гитлера, однако это совсем не значит, что я разделяю все пункты программы и политику партии».

7 ноября 1943 года, выступая в Мюнхене перед рейхслейтерами и гаулейтерами с докладом о стратегическом положении германской армии на пороге пятого года войны, Иодль в заключение заявил:

«Сейчас я хотел бы засвидетельствовать не устами, а от всего сердца, что наше доверие и вера в фюрера безграничны». Документ РФ-1431, Л-172, представленный американским обвинением 27 ноября 1945 года.

Кейтель, который в 1901 году начал свою военную карьеру, в 1931 году был еще полковником. Иодль, который на три года моложе него, стал подполковником только в 1932 году, несмотря на возможности, которые представлялись в войну 1914 — 1918 годов. В эти годы они смогли продвинуться очень немного. Последующие же годы привели

их на вершину почестей и чинов. Наконец, они увидели, что и их звезда стала восходить одновременно со звездой нового властелина Германии. И немедленно они приобщились к государственной сфере.

В период, предшествовавший войне, Кейтель не переставал нести высокие обязанности в высших инстанциях германских вооруженных сил.

Пользуясь особой благосклонностью нового властителя Германии, он с начала прихода Гитлера к власти использовал все возможности для усиления влияния нацистской идеологии в армии. Его деятельность в управлении по делам вооруженных сил была особенно плодотворной. Это был министерский орган, который бы заменил на некоторое время имперское военное министерство и в функции которого входили, в частности, подготовка и координация проектов, касающихся германской армии.

Участие подсудимого в этом органе тем более знаменательно, что была произведена крупная реформа в структуре армии. Армия профессиональных солдат должна была уступить место армии, рекрутирующейся путем введения обязательной военной службы. Но мало призвать всю германскую молодежь в армию, ее надо также кормить, одевать, снабжать мощным современным оружием. Это увеличение численного состава армии, переход на рельсы военной экономики и политика перевооружения в большой мере являются плодами деятельности подсудимого, который в это время пользовался, если не юридически, то по крайней мере фактически, всеми прерогативами военного министра.

Когда 4 февраля 1938 года Гитлер упразднил военное министерство и объявил себя верховным главнокомандующим, он передал основные функции министерства верховному командованию вооруженных сил, причем начальник ОКВ Кейтель стал одновременно начальником личного штаба фюрера.

Подсудимый исполнял эти функции вплоть до капитуляции германской армии.

В качестве начальника ОКВ Кейтель не осуществлял прямого руководства всеми тремя видами вооруженных сил. В его обязанности входила координация всех вопросов в отношении трех видов войск и осуществление связи между Гитлером и этими тремя видами вооруженных сил. Больше того: его роль — прежде всего роль советника. К нему сходилась вся информация, которую он получал от различных подчиненных ему служб. Это включало отчеты штаба оперативного руководства, который был поручен Иодлю, донесения управления адмирала Канариса, отчеты управления военной экономики, а также административной, финансовой и юридической служб. Как бы ни были властны

методы работы Гитлера, это не смогло исключить постоянное и регулярное участие Кейтеля во всех действиях своего господина. Именно Кейтель оказался способным удовлетворять всем требованиям своего вождя, подсказывать, подготавливать либо изменять его решения. Если учитывать, что он был членом имперского совета обороны, членом тайного правительственного совета, и принять во внимание политическое значение этих должностей, то легко понять ту громадную роль, которую играл подсудимый во всех областях, будь то подготовка собственно военных планов, или жизнь германской армии либо ее поведение, или распределение рабочей силы, или использование экономических ресурсов.

Кейтель присутствовал на всех совещаниях, проводившихся в ставке Гитлера или в имперской канцелярии. Он участвовал во всех важнейших решениях, которые принимались Гитлером. Он находился при нем в поездках по странам, которые намечалось аннексировать. И передавая приказы Гитлера, он в свою очередь развивал мысли вождя и вносил свои личные дополнения. Скрепляя своей подписью приказы Гитлера, Кейтель тем самым не делал их более законными, согласно материальному праву третьей империи, но он гарантировал Гитлеру их пользу для вооруженных сил и безупречное исполнение. Именно в этом плане он признает свою ответственность.

Как и Кейтель, Иодль принадлежит к той категории людей, которые делали ставку на успех нового режима и его творца. Его позиция, издаваемые им приказы, вся его деятельность показывают, что он был генералом-политиком, очень привязанным к Гитлеру, который не скупился на милости по отношению к нему. Осуществляя руководство штабом оперативного руководства верховного командования, он также принимал активное и важное участие в разработке приказов своего вождя. Конечно, Гитлер проводил свою волю, но оба подсудимые, которые во время военных действий находились всегда рядом с ним, подсказывали ему решения, разрабатывали и обеспечивали их проведение в жизнь. Иодль исполнял роль советника, несмотря на то, что теоретически его авторитет был намного ниже, чем авторитет Кейтеля. Это не мешало ему вмешиваться в вопросы, которые выходили за пределы отдельных операций и за которые он несет личную ответственность.

На обоих подсудимых лежит ответственность в первую очередь за подготовку и осуществление планов агрессии. Мы не будем возвращаться к этому, наш британский коллега господин Робертс очень ярко осветил роль, которую сыграли оба подсудимых. Мы же более конкретно остановимся на их ответственности за ведение войны.

Прежде всего ответственность за убийства, зверское обращение с гражданским населением, коллективные санкции, убийства заложников.

С начала войны, по мере того как германские армии занимали новые территории, мы видим, какие меры принимались против гражданского населения в нарушение всех законов и обычаев ведения войны и в нарушение международного права. Это нарушения, начиная от безобидных на первый взгляд нарушений и вплоть до самых суровых наказаний, зверского обращения, бессмысленных и бесчеловечных расправ. Посмотрим на оккупированные территории на Востоке, Норвегию, на западные страны — повсюду одно и то же — безупречное исполнение одних и тех же директив.

16 сентября 1941 года Кейтель подписывает приказ о проведении репрессивных мер по отношению к участникам коммунистического движения Сопротивления на оккупированных территориях. Документ РФ-1432, ПС-389. Трибунал позволит мне огласить небольшую цитату. Директивы Кейтеля заключаются в следующем:

«Любые выступления против оккупационной германской власти следует относить за счет коммунистической инициативы вне зависимости от конкретных обстоятельств.

Для того чтобы задушить такие вылазки в зародыше, необходимо при первых же проявлениях применять самые суровые меры, с тем чтобы поддержать авторитет оккупационных сил. Кроме того, нельзя забывать, что в данных странах человеческая жизнь нередко ничего не стоит, и в целях запугивания населения мы должны применять совершенно необычайную суровость. В качестве репрессии за смерть одного германского солдата надо, как правило, назначать смертную казнь».

Председатель: *Нам уже это зачитывали.*

Катр: *Извините, господин председатель. 5 мая 1942 года в отношении Бельгии и Франции Кейтель издает приказ о взятии и казни заложников в этих двух странах. Заложников надо брать среди коммунистов, демократов и националистов. Это документ РФ-1433, ПС-1590. Оригинал в настоящее время находится у обвинения от Советского Союза, и он будет, конечно, представлен во время представления им доказательств.*

Этот приказ только подтверждает предшествующие директивы, так как в августе и сентябре 1941 года приказы, изданные генералом фон Штюльпнагелем, главнокомандующим во Франции, предписывали казни заложников. Это документ РФ-1434, ПС-1588, представленный 29 января 1946 года французским обвинением.

Для того чтобы добиться спокойствия на оккупированных территориях и предохранить военнослужащих германской армии от всяких покушений, Кейтель, не колеблясь, нарушает положения статей 46 и 50 Гаагской конвенции, которые запрещают оккупационным властям всякое применение стредств принуждения, коллективные репрессии и, напротив, предписывает уважать жизнь людей.

И это не были одиночные нарушения, во всех оккупированных странах повторяются те же самые факты. Превентивные аресты были введены в систему, они отвечают целям, которые преследовало высшее командование вермахта: обеспечить таким образом определенное поведение населения, отвечающее военным интересам. В этом отношении в документе РФ-1433 очень недвусмысленно сказано:

«Рекомендуется каждому военному коменданту всегда иметь в своем распоряжении определенное количество заложников, которые должны отбираться из приверженцев различных политических тенденций. Важно, чтобы среди них были видные общественные деятели... В случаях покушений должны расстреливаться заложники, принадлежащие к тому же кругу, что и виновный в покушении».

Такой режим террора достиг кульминационного пункта при издании приказа «Нахт унд Небель», приказа Кейтеля от 12 декабря 1941 года. Это документ РФ-1436, ПС-669, который я представляю.

Трибунал разрешит мне огласить несколько строк, характеризующих намерения Кейтеля.

Председатель: *Мне кажется, это уже оглашалось неоднократно.*

Катр: *Прошу извинить меня, господин председатель, я не буду тогда оглашать его. Этот приказ был началом угона в рабство, от чего, наряду с другими странами, жестоко пострадала Франция. Нет необходимости особо останавливаться на этом. Вам известно зверское обращение, которому подвергались угоняемые женщины и мужчины, в нарушение всех прав оторванные от собственных очагов, жестокости, которые совершались над ними.*

Нужно отметить также документ РФ-1437, ВБ-20. Это приказ от 26 мая 1943 года, которым Кейтель предписывает, чтобы было произведено детальное расследование в отношении родственников тех французов, которые сражаются на стороне русских, если эти родственники находятся в оккупированной зоне Франции. Если расследованием будет установлено, что родственники способствовали их бегству из Франции, необходимо принимать строгие меры.

22 сентября 1943 года верховное командование вооруженных сил, на этот раз за подписью Иодля, направило

главнокомандующему немецкими войсками в Дании следующую телеграмму. Документ РФ-1438, ВБ-56.

Первый абзац разрешает вербовку датских граждан в военные соединения оккупационной армии, в соединения СС. Помимо того что этот факт идет вразрез с требованиями уважения личности, он противоречит положениям преамбулы Гаагской конвенции, где сказано, что в случаях, не предусмотренных нормами, население воюющей стороны должно оставаться под охраной законов человечности и требований общественной совести.

Предпринимая такие попытки германизации, немцы очень мало считались с требованиями общественной совести.

Что касается второго абзаца этой телеграммы, в котором предписывается насильственный угон евреев из Дании в Германию, — это применение на практике общего германского принципа о депортации еврейского населения, что должно привести, в конце концов, к полному истреблению евреев. Трибуналу достаточно хорошо известно все, что касается этого вопроса, и я не буду долго на нем останавливаться.

Наконец, я хочу остановиться на вопросе о разрушении городов, сел и деревень, о ничем не оправданных опустошениях.

Политика террора, которую проводила германская армия против французского движения Сопротивления, вышла за всякие границы, когда на этот раз оккупанты стали выступать не только против самих участников движения Сопротивления, но и против жителей деревень и городов, подозреваемых в оказании помощи и в укрывательстве патриотов. Характерная в этом отношении брошюра верховного командования германских вооруженных сил от 6 мая 1944 года, подписанная от имени начальника ОКВ подсудимым Иодлем. Это документ РФ-1439, Ф-665, представленный 31 января 1946 года.

Пункт 161 гласит:

«Чистка деревень, подозреваемых в том, что там скрываются банды, требует опыта. Необходимо с этой целью использовать службу безопасности и тайную полевую полицию. Следует особо энергично распознавать и захватывать подлинных пособников этих банд.

Коллективные меры против населения целых деревень, включая сожжение этих населенных пунктов, могут в особых случаях приниматься исключительно по приказу командиров дивизий и руководителей СС и полиции».

Но то, что подсудимый Иодль предписывал как исключительную меру, весной и летом 1944 года во Франции стало общим правилом. Если во время подписания данного приказа подобные действия носили одиночный характер, то

затем они приобретают большой размах и проводятся в нарушение норм международного права армейскими частями, которым помогают, в нарушение всех человеческих прав, служба безопасности и тайная полевая полиция. Под предлогом расследования, предлогом репрессий против местных членов движения Сопротивления германские солдаты и офицеры выполняли совершенно точно все приказы, издаваемые начальником штаба оперативного руководства.

Таким образом, отступление германской армии из Франции было отмечено целым рядом мертвых городов и деревень: Орадур-сюр-Глан, Майе, Серизе, Сен-Дье, Васье-ан-Веркор. Иодль должен нести ответственность за эти операции по «чистке», которые начались с произвольных арестов и затем постепенно переросли в пытки, массовые убийства жителей: мужчин, женщин, стариков и детей, вплоть до младенцев; в разграбления и сожжения самих населенных пунктов. Никакого различия не делалось: все, даже малые дети, рассматривались как «подлинные пособники».

Ни в одном из случаев эти акции не могут быть оправданы военной необходимостью. Все они являются нарушением 46-й и 50-й статей Гаагской конвенции.

Теперь я остановлюсь на мобилизации гражданского населения, а также угоне населения на принудительные работы.

Декрет о назначении Заукеля в качестве главного уполномоченного по использованию рабочей силы от 21 марта 1942 года подписан Гитлером, Ламмерсом, начальником имперской канцелярии, и Кейтелем. Документ РФ-1440, ПС-1666.

В первом параграфе говорится о вербовке всей рабочей силы среди гражданского населения для нужд военной промышленности Германии, в частности, для использования на заводах вооружения. Для этого должны были быть использованы все незанятые рабочие Германии, протектората, генерал-губернаторства и всех оккупированных территорий. Это нарушение статьи 52-й Гаагской конвенции.

7 ноября 1943 года, в той же речи, о которой мы говорили раньше, подсудимый Иодль, рассказывая о задачах, которые выпадали на долю населения оккупированных Германией территорий, объявил:

«По-моему, — говорит он, — наступило время без всяких колебаний принимать самые суровые и решительные меры в Дании, Голландии, Франции и Бельгии для того, чтобы заставить тысячи безработных выполнять фортификационные работы, являющиеся наиболее важными по сравнению с любой другой работой. Необходимые распоряжения по этому поводу уже даны».

Сам Заукель не мог бы выразиться яснее.

Иодль также является поборником привлечения в принудительном порядке для военных нужд, исключительно в интересах Германии, контингента рабочей силы оккупированных стран Запада. Совершенно не считаясь с тем, что Гаагская конвенция, статья 52, запрещает применение таких приемов.

В данном случае для него тотальная война и победа Германии гораздо важнее, чем международные конвенции или обычаи ведения войны.

Теперь я перехожу к ответственности подсудимого Кейтеля за экономическое разграбление и разграбление произведений искусств. Я буду очень немногословен. Я предлагаю вниманию Трибунала три документа. Мне придется только напомнить о них, так как они уже были представлены. Это документ РФ-1441, представленный вчера моим коллегой из экономической секции; РФ-1400, ПС-137, представленный 18 декабря 1945 года американским обвинением. И, наконец, документ РФ-1443,ПС-138, представленный вчера под номером РФ-1310.

Поэтому сегодня я позволю себе представить Трибуналу лишь короткое письмо в 5 строк, которое было направлено подсудимым Кейтелем Розенбергу. Это документ РФ-1444, ПС-148, в котором сказано:

«Глубокоуважаемый господин имперский министр!

В ответ на Ваше письмо от 20 февраля я Вам сообщаю, что я поручил ОКВ, в согласии с Вашим представителем, принять необходимые решения в отношении работы Ваших отрядов специального назначения в районе операций».

Следовательно, можно сказать, что деятельности Розенберга с самого начала сопутствовали постоянная поддержка и содействие германского командования. Таким образом, Кейтель лично также внес свою лепту в дело разграбления произведений искусства Франции и стран Запада. Вначале этим мероприятиям пытались дать какое-либо подобие юридического обоснования. По словам самого Кейтеля, все это проводилось не в силу права брать трофеи, а просто для создания гарантий, которые можно будет использовать при будущих мирных переговорах, однако вскоре эти мероприятия переросли в общий грабеж сокровищ искусства, принадлежащих странам Запада, в нарушение положений статей 46-й, 47-й и 56-й Гаагской конвенции, которые запрещают конфискацию частной собственности, грабеж и захват произведений искусства и науки со стороны оккупационной армии.

Теперь, господа, я остановлюсь на последней части, наиболее важной части этого изложения о нарушениях кон-

венций и законов ведения войны, касающихся обращения с военнопленными.

Здесь, в частности, Кейтель и Иодль виновны в том, что они принимали ничем не оправданные меры, противоречащие законам ведения войны.

Это, прежде всего, нарушение 6-й статьи приложения к Гаагской конвенции, в котором говорится, что работы, которые могут выполнять военнопленные, не должны быть непомерно тяжелыми и не должны иметь ничего общего с военными операциями.

В меморандуме, который подписан 31 октября 1941 года от его имени, Кейтель в качестве начальника ОКВ предписывает заставлять депортированных в Германию русских военнопленных производить работы, связанные с военными операциями. Это доказывает документ РФ-1445, ЕС-194, уже представленный американским обвинением 12 декабря 1945 года.

Здесь Кейтель выражается следующим образом:

«Фюрер недавно приказал, чтобы рабочий потенциал русских военнопленных был широко использован посредством массового применения их при обслуживании германской военной промышленности». И тотчас же была выработана программа включения этих военнопленных для работы на нужды германской военной экономики.

Правда, в 1941 году этот документ относился только к русским военнопленным, но с 21 марта 1942 года осуществляется включение всех военнопленных в германскую военную промышленность и, в частности, в производство вооружения. Декрет о назначении Заукеля на пост генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, подписанный Гитлером, о котором мы только что говорили, также предусматривает применение всех военнопленных в германской промышленности вооружения. Документ РФ-1440 доказывает нарушения статей 27, 31, 32 и 33 Женевской конвенции. Месяц спустя, 20 апреля 1942 года, Заукель высказался следующим образом о своей программе мобилизации рабочей силы. Документ РФ-1446, ПС-016, представленный 11 декабря 1945 года американским обвинением:

«Максимальное использование всех военнопленных и применение огромного количества иностранных гражданских рабочих, мужчин и женщин, стало абсолютно необходимым с тем, чтобы выполнить программу мобилизации рабочей силы для этой войны».

Таким образом, на 6 февраля 1943 года, как это он объявил в своей речи в Познани, Заукель смог включить в военную промышленность рейха 1658 тысяч военнопленных,

что видно из документа РФ-1447, ПС-1739, который был представлен 8 января французским обвинением.

Из общего числа — 1658 тысяч военнопленных — было:
бельгийцев — 55 тысяч,
французов — 932 тысячи,
англичан — 45 тысяч,
югославов — 101 тысяча,
поляков — 33 тысячи,
русских — 488 тысяч,
других
национальностей — 4 тысячи,
Всего — 1658 тысяч человек.

Таким образом, предоставление такого контингента военнопленных для германской военной промышленности доказывает согласованность и единство действий между отделами по рабочей силе, которые были поручены Заукелю, и Кейтелем, в качестве начальника ОКВ ответственным за этот источник рабочей силы.

Это вопиющее нарушение положений Гаагской и Женевской конвенций сопровождалось впоследствии другими мерами, инспирированными или разрешенными подсудимыми, которые носят еще более серьезный характер в том смысле, что они затрагивали не только права военнопленных, но являлись также физическим посягательством на личность военнопленных, часто приводили к их смерти.

Эти нарушения заключаются, прежде всего, в отсутствии обязательных мер безопасности. В документе РФ-1448, ПС-823 имеется отчет, составленный отделами штаба оперативного руководства и предназначаемый для начальника ОКВ. В нем речь идет о создании лагерей для военнопленных из числа английских и американских воздушных сил в тех германских городах, которые подвергаются бомбардировкам. Штаб оперативного руководства германских военно-воздушных сил предложил это для того, чтобы присутствие союзных пленных летчиков могло явиться защитой для населения этих немецких городов против налетов британской и американской авиации. Была поставлена задача перевести в такие места все существующие лагеря для военнопленных летчиков. Штаб оперативного руководства ОКВ в лице Иодля одобрил это предложение, не усматривая никакого противоречия с международным правом, если дело ограничится тем, что просто создаются новые лагеря.

Если бы нам были неизвестны мотивы такого решения, мы могли бы думать, как и подсудимый Иодль, что здесь нет никакого противоречия с международным правом. Но, как мы видим уже из первых строк документа, речь идет, прежде всего, о том, чтобы при помощи этой косвенной меры обеспечить безопасность населения городов Германии. Союзные военнопленные являются лишь средством

предотвращения возможных воздушных атак союзных армий, и ради этого, их условия существования ухудшаются, их жизнь подвергается опасности военного времени.

Это серьезное нарушение статьи 9 Женевской конвенции, которая вменяет в долг державе, в руках которой находятся военнопленные, заботу о безопасности находящихся у нее пленных.

Кейтель ограничился тем, что на первой странице этого документа написал: «Возражений не имею» и поставил подпись.

Я хотел бы остановиться на вопросе о мерах, принимавшихся против бежавших из лагерей военнопленных. Эти меры впоследствии приобрели особо серьезный характер. Об этом свидетельствует документ РФ-1449, ПС-1650. Трибунал хорошо знает об этом документе, и я думаю, что мне не следует его оглашать. Из этого документа мы узнаем об акции «Кугель», которая была задумана с тем, чтобы положить конец побегам пленных офицеров и унтер-офицеров. Здесь преследовалась единственная цель — передавать беглых органам полиции. Речь идет об «особом обращении», которому должны подвергаться военнопленные, как это написано в приказах и официальных рапортах, на деле же, как вам известно, это является не чем иным, как их истреблением.

В то время, как, согласно статье 47 и последующим статьям Женевской конвенции, в отношении сбежавших военнопленных могут применяться лишь дисциплинарные меры, в частности аресты, Кейтель не посчитался с этим и заменил эти меры другими, гораздо более радикальными.

Нельте (защитник Кейтеля): Представитель французского обвинения намерен сослаться на один документ, который находится в книге документов под номером РФ-711 и был представлен Вам под номером РФ-1450. Этот документ фигурирует, как резюме допроса немецкого генерала Вестхофа, причем речь идет об одном особо тяжком обвинении против подсудимого Кейтеля, а именно — о расстреле британских офицеров военно-воздушных сил, которые бежали из лагеря Саган.

Я протестую против использования этого документа как доказательства по следующим причинам.

Во-первых, предложенный документ не является показанием, данным под присягой, а только суммирующим докладом о показаниях генерала Вестхофа.

Во-вторых, предложенный документ не подписан допрашивавшим офицером, полковником Уильямсом Девином, и вообще никем не подписан. На нем имеется только примечание переводчика.

В-третьих, из документа не видно, кто составлял этот доклад.

В-четвертых, из доклада также не ясно, был ли генерал Вестхоф допрошен под присягой.

В-пятых, генерал Вестхоф находится, насколько я знаю, здесь, в Нюрнберге.

В-шестых, существует протокол допроса генерала Вестхофа.

По этим причинам я прошу Трибунал проверить, может ли этот документ, а именно резюме показаний генерала Вестхофа, быть допущен судом как документальное доказательство.

Председатель: *Итак, что же Вы можете сказать в отношении замечаний, высказанных доктором Нельте?*

Катр: *Господин председатель. Я нахожу выступление защитника обоснованным, но в конце этого заседания я смогу представить Трибуналу весь протокол допроса генерала Вестхофа вместе с аффидевитом, заверенным сэром Дэвидом Максуэлл-Файфом. Прошу извинить меня, что я не могу передать его тотчас же, я получил этот протокол очень поздно по причинам технического характера и счел более удобным не подавать его в качестве приложения к книге документов.*

Председатель: *Трибунал считает, что документ, который Вы нам представили, не может быть принят. Он представляет собой лишь краткое изложение. Трибунал полагает также, что он может разрешить использовать ответы на опросный лист только в том случае, если один экземпляр его вручен защите и если свидетель, который отвечал по опросному листу, предоставляется защите для перекрестного допроса в случае, если защита пожелает подвергнуть его перекрестному допросу. Вы должны, в противном случае, вызвать генерала Вестхофа и допросить его устно. Ясно ли Вам? Я повторю еще раз, если Вы хотите.*

Документ, который Вы нам представили, отвергается Трибуналом. Вы можете либо вызвать генерала Вестхофа в качестве свидетеля и, в таком случае, защита будет иметь возможность подвергнуть его перекресному допросу, либо Вы можете представить как доказательство ответы на опросный лист после того, как Вы передадите один экземпляр этих ответов, после чего генерал Вестхоф, который давал ответы по опросному листу, может быть подвергнут защитой перекрестному допросу...

Катр: *Я принял к сведению решения Трибунала и хотел бы заявить, что в настоящее время мы, стремясь избежать излишней затраты времени, не настаиваем на представлении этого документа и на том, чтобы вызвать сюда генерала Вестхофа. Я прошу Трибунал разрешить нам оставить за собой право в случае, если это окажется необходимым, вызвать генерала Вестхофа в качестве свидетеля на той ста-*

дии, когда подсудимые будут подвергаться перекрестному допросу...

Несомненно, что имел место преступный умысел при разработке и издании приказов, которые были вам уже представлены. Нельзя отрицать того, что преступные действия совершались в осуществление этих приказов, не следует игнорировать и тот фактор, который во французском уголовном праве, посредством юридической формулы известного юриста, определяется как «осознание исполнителем преступного характера совершаемых им действий».

Эти два подсудимых также полностью сознавали преступный характер своих приказов, и они знали, что эти приказы будут неукоснительно выполняться.

В сознании Кейтеля и Иодля систематическое пренебрежение законами и обычаями, которые призваны смягчать жестокий характер любой войны, установление в государстве самых варварских методов является отражением принципов и норм национал-социализма и его фюрера, для которого все международные правила, конвенции, все моральные устои были не более как помехой на пути к достижению цели, поскольку они мешали осуществлению высших устремлений немецкой нации.

Не лишено интереса выяснение вопроса, руководствовались ли подсудимые Кейтель и Иодль желанием достигнуть целей, продиктованных их личным честолюбием, или же они, будучи верны традиционному пангерманизму германского генерального штаба, поддались гипнозу национал-социализма, стремясь увидеть в один прекрасный день претворенными в жизнь тщеславные чаяния Германии.

Но что в особенности имеет значение в наших глазах, это то личное содействие, которое они добровольно и сознательно оказывали разрушительной деятельности, проводившейся третьей империей. В течение десяти лет Кейтель являлся «главной пружиной» немецкой армии, а с 1936 года Иодль непрерывно оставался его верным сотрудником. До войны они работали над вопросами подготовки войны, а во время войны они сознательно пренебрегали правовыми нормами, которые являются единственной охраной для сражающихся. Они подчеркнуто пренебрегали достоинством человеческой личности и, таким образом, запятнали свою солдатскую честь.

«Мрак и туман», «Кугель», «особое обращение», разрушение наших городов всегда будут связываться с именами этих людей, в особенности с именем Кейтеля, который осмелился заявить, что человеческая жизнь стоит меньше, чем ничто.

И мы не можем помешать нашей мысли обращаться сегодня к тем многим и многим, которые стали жертвами этих действий, лишившись жизни.

Ф. Э. ДЖОНС (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности Редера[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 15 января 1946 г.

Господа судьи, моим долгом является представить Трибуналу доказательства против создателя нацистского военно-морского флота подсудимого Редера. Обвинения против него изложены в приложении «А» к обвинительному заключению и Трибунал увидит, что подсудимый Редер обвиняется в том, что он способствовал подготовке и принимал участие в планировании нацистских агрессивных войн, в осуществлении этих планов, а также в том, что санкционировал, руководил и принимал участие в нацистских преступлениях, в особенности в военных преступлениях, совершенных при ведении морской войны.

Вначале Трибунал, возможно, сочтет удобным познакомиться с документом ПС-2888, США-13, который помещается на 96-й странице книги документов. Это документ, где перечисляются все посты, которые занимал подсудимый Редер. Трибунал увидит, что он родился в 1876 году, с 1896 года начал служить в германском военно-морском флоте, а в 1918 году стал командиром крейсера «Кельн». В 1928 году Редер стал адмиралом, главой военно-морского командования; в 1935 году — главнокомандующим военно-морского флота. В 1936 году, в день 47-летия Гитлера, он стал генерал-адмиралом. Этот чин ввел Гитлер. В 1937 году Редеру была оказана высокая для нациста честь — он получил золотой значок нацистской партии. В 1938 году он стал членом тайного совета, а в 1939 году — гросс-адмиралом. Этот ранг ввел Гитлер, который и вручил Редеру маршальский жезл. В 1943 году Редер стал адмирал-инспектором германского военно-морского флота, что, как Трибунал увидит, было своего рода понижением, поскольку с января 1943 года, как уже Трибунал слышал, действующим командующим германским военно-морским флотом стал Дениц.

В эти полные событий годы, когда Редер командовал военно-морским флотом Германии, с 1928 по 1943 год, он играл крайне важную роль. Вначале я хотел бы обратить внимание Трибунала на участие Редера в создании германского военно-морского флота как одного из орудий войны, создаваемого с целью осуществления общего нацистского

[1] IMT. Vol. 5. P. 256—282.

плана агрессии. Трибунал уже знаком с тем, каким образом небольшой военно-морской флот, который был разрешен Германии, согласно условиям Версальского договора, был чрезвычайно расширен под руководством Редера. Я только напомню Трибуналу о некоторых основных вехах на пути Редера к господству нацизма над морями, которого он, к счастью, не смог достичь.

Что же касается тайного перевооружения Германии в нарушение Версальского договора, я обращаю внимание суда на документ С-156, США-41, который Трибунал найдет на 26-й странице книги документов. Этот документ, как помнит Трибунал, представляет собой «историю борьбы германского военно-морского флота против условий Версальского договора в период между 1919 — 1935 гг.». Документ был секретно издан германским адмиралтейством в 1937 году. Трибунал помнит, что эта история показывает, что, прежде чем нацисты пришли к власти, германское адмиралтейство обманывало не только правительства других стран, но и свою собственную законодательную власть и на определенной стадии свое собственное правительство. Осуществлялись тайные меры перевооружения от строительства опытных подводных лодок и судов до проведения тайных разведывательных и финансовых операций.

Я предлагаю Трибуналу обратить внимание на последний абзац на 33-й странице книги документов, который имеет отношение к роли Редера в выполнении плана перевооружения. Это выдержка на 75-й странице документа С-156. Там говорится:

«Главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Редер добился полной независимости в построении и развитии военно-морского флота. До сего времени строительству военно-морского флота препятствовал только тот факт, что перевооружение ранее должно было проводиться тайно с учетом условий Версальского договора».

В качестве иллюстрации того, что Редер скрывал происходящее перевооружение, я напомню Трибуналу документ С-141, США-47, который находится на 22-й странице книги документов. В этом документе Редер утверждает: «Имея в виду обязательства, которые лежат на Германии, согласно договору и конференции по разоружению, следует предпринять шаги для того, чтобы первая полуфлотилия судов открыто не фигурировала как соединение торпедных катеров, так как не предполагалось, что они будут включены в число разрешенных нам судов».

Следующий документ, С-135, ВБ-213, находится на странице 20 книги документов. Он чрезвычайно интересен, поскольку из него вытекает, что еще в 1930 году вопрос о нападении на Польшу уже обсуждался в германских воен-

ных кругах. Этот документ представляет собой выдержку из истории организации войн и плана мобилизации. В заглавии немецкого текста этого документа значится — «850/38», из чего следует, что этот документ был написан в 1938 году. В этой выдержке говорится:

«Поскольку по Версальскому договору все приготовления к мобилизации запрещались, об этих приготовлениях вначале было осведомлено ограниченное число сотрудников и, кроме того, вначале эти приготовления носили только теоретический характер. Тем не менее, в то время уже существовал "Приказ о сборе" и "Инструкции о сборе", предвосхищавшие теперешние мобилизационные планы.

Как уже было сказано, эту "Организацию по сбору" того времени следовало воспринимать в чисто теоретическом плане, поскольку она не имела реальной людской и материалной базы. Тем не менее она создавала ценную основу для создания военной организации, что было нашей конечной целью».

Во втором абзаце говорится:

«Кризис в отношениях между Германией и Польшей, который постепенно обострялся, вынудил нас, вместо того чтобы осуществлять теоретические приготовления к войне, готовиться уже практически к собственно германо-польскому конфликту. В основу стратегической идеи был положен быстрый захват польской базы Гдыня, и действующий флот должен был быть подкреплен дополнительными силами для достижения этих стратегических целей. Все важные береговые и зенитные батареи, особенно в Пиллау и Свинемюнде, должны были быть захвачены. Таков был план, намеченный в 1930 году».

Если Трибунал обратит внимание на следующую страницу, то заметит, что второй абзац гласит:

«Гитлер выразил совершенно ясное политическое требование о том, чтобы в течение 5 лет — к 1 апреля 1938 года — для него были созданы вооруженные силы, которые он мог бы бросить на чашу весов как орудие политической власти».

Эта цитата указывает на тот факт, что захват нацистами власти в 1933 году был сигналом Редеру начать перевооружение с максимальной скоростью. Более подробно о ходе этого развития уже сообщалось моим американским коллегой Олдерманом и поэтому я просто сошлюсь, во-первых, на документ С-189, США-44. В этом документе Редер пишет Гитлеру в июне 1934 года, что германский военно-морской флот должен быть увеличен с тем, чтобы противостоять Англии. Поэтому начиная с 1936 года и впредь большие суда должны быть вооружены тяжелыми орудиями, чтобы стать равными по силе британским судам класса линкора

«Кинг Джордж». Дальше, в последнем абзаце, имеется ссылка на требование Гитлера о том, чтобы строительство подводных лодок держалось в абсолютном секрете, особенно имея в виду Саарский плебисцит.

В ноябре 1934 года Редер вновь совещался с Гитлером относительно финансирования военно-морского вооружения и Гитлер сказал ему, что в случае необходимости он попросит доктора Лея выделить от 120 до 150 миллионов германских марок из «Трудового фронта» в распоряжение военно-морского флота. Ссылка на это имеется в документе С-190, США-45, на 67-й странице книги документов. Трибуналу следует иметь в виду, что этот планируемый обман трудящихся Германии был характерным для нацистов действием.

Господа судьи! Следующий документ, на который я хочу обратить внимание Трибунала — С-23, США-49, на 3-й странице книги документов, где сказано, что истинное водоизмещение некоторых германских линкоров превышает на 20% водоизмещение, о котором сообщалось англичанами, и я утверждаю, что это является характерным для обманных методов, применявшихся Редером.

Следующий документ, на который я вкратце сошлюсь — С-166, США-48, находящийся на 36-й странице книги документов. Это еще один из таких же дезинформирующих документов, в котором содержится приказ о том, чтобы вспомогательные крейсеры, строящиеся втайне, назывались «транспортными судами».

Теперь документ С-29, США-46, находящийся на 8-й странице книги документов. Этот документ, подписанный Редером, касается того содействия, которое оказывалось со стороны германского флота германской промышленности вооружения. Я утверждаю, что это является примером того, что Редер занимался более общими вопросами нацистской политики. Он показывает тесную связь нацистских политиканов, германского командного состава и германских военных промышленников.

Председатель: *Этот документ уже был представлен?*

Джонс: *Да, документ США-46.*

И последнее замечание относительно морского перевооружения после 1939 года находится в документе С-165 на 24-й странице книги документов, который является новым документом и представляется под номером ВБ-214. Это письмо Редера, адресованное командованию германского флота 11 июня 1940 года. На подлиннике, который представлен Трибуналу, указано, что было разослано большое число экземпляров этого письма. Всего 467 экземпляров. Это письмо Редера составлено в тоне оправдания и извинения. Я процитирую некоторые выдержки:

«Основным предметом обсуждения среди офицеров является вопрос о торпедных действиях на данном этапе, а также предусматривалась ли в строительной программе до осени 1939 года возможность начала войны еще в 1939 году или следовало ли основные усилия направлять с самого начала на строительство подводных лодок.

Если в офицерских кругах высказывается мнение о том, что вся программа морского строительства шла по неверному пути и что с самого начала следовало строить в основном подводные лодки, а лишь после консолидации этой части программы перейти к строительству в основном крупных кораблей, то я должен подчеркнуть следующее.

Строительство флота проводилось на основании политических требований, установленных фюрером. До последнего момента фюрер надеялся избежать угрожавшего столкновения с Англией до 1944 — 1945 гг. К этому времени военно-морской флот имел бы значительное превосходство в подводных лодках и гораздо более благоприятное соотношение всех других кораблей, в особенности тех, которые сконструированы для боев в открытом море.

Вопреки ожиданиям фюрера ход событий вовлек флот в войну, которую он вынужден был начать, находясь все еще на первоначальной стадии своего перевооружения. В результате, правыми оказываются те, которые считают, что нужно было с самого начала строить в основном подводные лодки. Я не буду говорить о том, каким образом это могло быть осуществлено, имея в виду, помимо трудностей, связанных с личным составом, обучением и судостроительными верфями, политические ограничения англо-германского морского договора. Я также не буду говорить о том, в какой степени быстрое и необходимое создание эффективных военно-воздушных сил замедлило желательные темпы развития других видов вооруженных сил. Однако я с гордостью отмечу, что, несмотря на политические ограничения периода Веймарской республики, была блестяще проведена далеко идущая подготовка к строительству подводных лодок, которая сделала возможным чрезвычайно быстрое развитие подводного флота, как в отношении личного состава, так и в отношении материальной части, немедленно после прихода к власти...»

Как Трибунал видит, в этом письме Редера нет и признака нежелания содействовать программе нацистов. Наоборот, доказательства показывают, что Редер приветствовал приход нацистов к власти и стал одним из столпов их режима.

Теперь я перейду к вопросу о связи Редера и флота с нацистской партией.

Обвинение утверждает, что Редер, больше чем кто-либо другой, несет ответственность за безусловную преданность немецкого военно-морского флота нацистскому движению, преданность, которую Дениц сделал еще более прочной и фанатичной. Тот факт, что Редер одобрял Гитлера, особенно ясно виден из того, что 2 августа 1934 года, в день смерти Гинденбурга, он и все его подчиненные в торжественной обстановке дали новую клятву верности — на этот раз Адольфу Гитлеру, а не отечеству. Эта присяга имеется в документе Д-481, ВБ-215, на 101-й странице книги документов. Может быть, Трибуналу будет интересно ознакомиться с текстом этой присяги.

«Присяга, принимаемая солдатами вооруженных сил, гласит:

Я клянусь Богом, принимая эту священную присягу, что буду беспрекословно подчиняться фюреру Германской империи и народа Адольфу Гитлеру, верховному главнокомандующему вооруженных сил, и что, как храбрый воин, я буду готов в любое время отдать свою жизнь за эту присягу».

Как Трибунал видит, Редер подменил отечество фюрером.

Я не намереваюсь занимать время Трибунала описанием того, каким путем флот был постепенно втянут в самый тесный союз с нацистской партией. Я хочу напомнить Трибуналу исторические факты, как-то: включение свастики во флаг германского военно-морского флота и как знака различия на морской форме. Эти факты говорят сами за себя.

Нацисты со своей стороны были достаточно благодарны Редеру за его податливость и сотрудничество. Его заслуги в деле строительства германского флота широко признавались нацистской печатью и пропагандистами. В день его 66-летия нацистский партийный орган «Фолькишер Беобахтер» посвятил ему специальную статью, на которую я хочу обратить внимание Трибунала. Это документ Д-448, ВБ-216, на 100-й странице книги документов. Это довольно ценное подытоживание заслуг Редера перед нацистским движением. Там говорится:

«Следует отдать должное Редеру в том, что к тому времени, несмотря на ограничения Версаля, он сумел превратить небольшой в количественном отношении флот в мощную боевую силу. После прихода национал-социализма к власти начался самый плодотворный период строительства германского флота. Фюрер открыто выразил признательность Редеру за его преданную службу и полное сотрудничество тем, что 20 апреля 1936 года произвел его в генерал-адмиралы».

Председатель: *Вы считаете, что необходимо читать весь документ?*

Джонс: *Я хочу перейти к предпоследнему абзацу, который, по-моему, интересен.*

«В качестве воина и моряка гросс-адмирал проявил себя как первый и выдающийся военно-морской сотрудник фюрера».

Я считаю, что это характеризует его статус и положение в нацистской Германии.

Теперь хочу коснуться вопроса о личном участии Редера в нацистском заговоре. Доказательства показывают, что с того момента, как нацисты захватили власть, Редер стал принимать все большее участие в проведении общей политики нацистского государства.

Задолго до того как он получил звание генерал-адмирала в 1936 году, Редер стал членом тайного имперского совета обороны. Он вступил в этот совет 4 апреля 1933 года, в момент его создания. Таким образом, с раннего периода он участвовал в нацистском заговоре как в военном, так и в политическом аспекте. Документом, который относится к этому вопросу, является документ ЕС-177, США-390, на 68-й странице книги документов. В этом документе имеется классическая нацистская директива — «Устно переданные указания нельзя доказать. Мы можем их отвергнуть в Женеве».

4 февраля 1938 года Редер был назначен членом вновь созданного тайного консультативного совета по иностранным делам. Это подтверждается в документе ПС-2031, ВБ-217, на 88-й странице книги документов.

Через три недели после этого Гитлер в своем декрете заявил, что помимо того, что Редер имеет ранг, равный министру, ему также надлежит принимать участие в заседаниях кабинета. Это уже было установлено документом ПС-2098, ВБ-206. Поэтому я утверждаю, что ответственность Редера за политические решения нацистского государства продолжала неуклонно возрастать с 1933 по 1938 год и что с течением времени он стал членом всех основных политических совещательных органов.

Он действительно был членом узкого круга заговорщиков и должен разделять с другими заговорщиками ответственность за действия, которые привели к вторжению Германии в Польшу в 1939 году и к началу войны.

В качестве иллюстрации я хочу напомнить Трибуналу, что Редер присутствовал на двух важнейших совещаниях, на которых Гитлер открыто заявил о своем намерении напасть на соседние страны.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-386, США-25, на 81-й странице книги документов. Как Трибунал помнит, это протокол совещания в имперской канцелярии 5 ноября 1937 года относительно вопросов, которые, как было сказано, являлись слишком важными, чтобы их обсуждать в более широком составе имперского кабинета. Документ, представленный господином Олдерманом, ясно устанавливает, что нацисты преднамеренно совершали свои преступления против мира.

Второе совещание у Гитлера состоялось 23 мая 1939 года. Протокол этого совещания имеется в документе Л-79, США-27, на 74-й странице книги документов. Как Трибунал помнит, это было совещание, на котором Гитлер подтвердил свое намерение совершить умышленное нападение на Польшу при первой возможности, хорошо зная, что это приведет к всеобщей войне в Европе.

Это были два основных совещания. Редер также присутствовал на очень многих других совещаниях, предоставляя свои знания и профессиональное мастерство в распоряжение нацистской военной машины.

Трибунал уже хорошо знает об активном участии Редера в военном планировании и подготовке к польской кампании, и я не намереваюсь вновь повторять эти доказательства.

Однако после начала войны Редер показал, что он полностью овладел самым типичным приемом заговорщика, а именно — обманом в широких масштабах. Трудно найти лучший пример для подтверждения этого, чем случай с пароходом «Атения». Как Трибуналу известно, «Атения» был пассажирским пароходом, потопленным вечером 3 сентября 1939 года на пути в Америку. При этом погибло около 100 человек.

23 октября 1939 года газета нацистской партии «Фолькишер Беобахтер» опубликовала под кричащими заголовками сообщение о том, что «Черчилль потопил "Атению"». Ссылаюсь на документ ПС-3260, ВБ-218, на 97-й странице книги документов. Я хотел бы, чтобы Трибунал взглянул на экземпляр «Фолькишер Беобахтер», чтобы понять масштабы, в которых была опубликована эта ложь. У меня имеется фотокопия соответствующей страницы этого номера «Фолькишер Беобахтер». Трибунал увидит на первой странице заголовок, напечатанный жирными красными буквами: «Теперь мы обвиняем Черчилля».

На 97-й странице имеется выдержка из «Фолькишер Беобахтер», которая гласит следующее: «Черчилль потопил "Атению"».

«Иллюстрация показывает "Атению", океанский гигант, который был потоплен в результате преступления Черчилля.

Хорошо видно мощное радиооборудование на борту парохода. Но почему с судна не подавали сигнал "SOS"? Почему "Атения" молчала? Потому что капитану не было разрешено рассказать миру правду? Он благоразумно не рассказал миру о том, что Уинстон Черчилль попытался потопить корабль с помощью бомбы с часовым механизмом. Он это прекрасно знал, но он вынужден был молчать. Почти что полторы тысячи людей погибли бы, если бы первоначальный план преступника Черчилля был приведен в действие. Да, он надеялся, что 100 американцев, находившихся на борту, погибнут в волнах и гнев обманутого им американского народа обратится против Германии, которая якобы совершила это. К счастью, большинство избежало судьбы, которую уготовил им Черчилль. На нашей фотографии справа видны два раненых пассажира, спасенных грузовым пароходом "Сити ов Флинт". Как видно из фотографии, они были переданы американскому сторожевому судну "Гибб" для оказания им дальнейшей медицинской помощи. Они являются живым упреком преступнику Черчиллю. Как они, так и тени тех, которые погибли, привлекают его к мировому Трибуналу и спрашивают у английского народа: "Как долго будет убийца занимать пост, являющийся одним из самых богатых традициями в истории Великобритании?"».

Перед лицом этих злобных утверждений «Фолькишер Беобахтер» и для того, чтобы отдать должное морякам английского торгового флота, следует сказать, что, вопреки утверждениям этой нацистской газетенки, «Атения», разумеется, несколько раз посылала по радио сигналы о помощи, которые были приняты и на которые ответили британский эскортный корабль «Электра», а также норвежский пароход «Кнут Нельсон» и яхта «Южный крест».

Я представлю Трибуналу доказательства того, что на самом деле «Атения» была потоплена немецкой подводной лодкой «U-30». Однако торпедирование «Атении» было настолько неоправданным, что германский флот прибег к фальсификации своих документов и другим бесчестным методам, пытаясь таким образом скрыть свою преступную тайну. А нацистские пропагандисты со своей стороны пытались, как Трибунал увидел, свалить всю вину на плечи англичан, что является их излюбленным приемом.

Капитан подводной лодки «U-30», старший лейтенант Лемп, позднее погиб в бою, но некоторые другие члены команды «U-30» остались живы и могут рассказать правду.

Для того чтобы установить истину, я представляю Трибуналу письменное показание под присягой члена команды подводной лодки «U-30» относительно потопления «Атении» и одного из аспектов попытки скрыть истинные факты.

Я ссылаюсь на документ С-654, ВБ-219, страница 106 книги документов. Письменное показание гласит:

«Я, Адольф Шмидт, личный номер 1043-33Т германского военно-морского флота, входивший ранее в состав экипажа подлодки "U-30", торжественно заявляю следующее: Я в настоящее время содержусь в лагере 133, Летбридж, Альберта. В первый день войны, 3 сентября 1939 года, пароход водоизмещением около 10 000 тонн был торпедирован поздно вечером подводной лодкой "U-30". После того как этот пароход был торпедирован и мы поднялись на поверхность, примерно через полчаса после взрыва, командир вызвал меня на мостик, чтобы показать торпедированный пароход. Я видел этот пароход своими глазами, но не думаю, чтобы наша лодка была в то время видна с парохода, учитывая свет луны. Только несколько членов команды имели возможность подняться на мостик и увидеть торпедированный пароход. Когда я увидел судно после торпедирования, помимо меня на мостике был старший лейтенант Гинш. Я видел, что судно погружалось в воду. До пуска торпеды не был сделан предупредительный выстрел. Я заметил, что на борту торпедированного судна было большое смятение. Мне кажется, что пароход имел лишь одну трубу. Сначала в ходе атаки были выпущены одна или две торпеды, которые не взорвались, но после этого я слышал взрыв торпеды, которая попала в пароход. Старший лейтенант Лемп выждал наступление темноты, перед тем как подняться на поверхность.

14 сентября 1939 года я был тяжело ранен во время налета авиации. Незадолго до того, как 19 сентября 1939 года я был высажен на берег в Рейкьявике, старший лейтенант Лемп утром посетил меня в каюте для унтер-офицеров, где я лежал тяжелораненый. Старший лейтенант Лемп потребовал, чтобы из каюты все вышли для того, чтобы остаться со мной наедине. После этого старший лейтенант Лемп показал мне письменное заявление о том, что я клянусь ничего не говорить относительно событий 3 сентября 1939 года, происшедших на борту подводной лодки "U-30". Это заявление, данное под присягой, гласило приблизительно следующее:

"Я, нижеподписавшийся, клянусь, что я буду держать в секрете все события 3 сентября 1939 года на борту подводной лодки "U-30" как от врагов, так и от друзей и что я забуду о всех событиях этого дня".

Левой рукой я очень неразборчиво подписал это заявление, которое было составлено самим командиром. Позднее, когда я, будучи в Исландии, услышал о потоплении "Атении", мне пришла в голову мысль, что 3 сентября 1939 года подводная лодка "U-30", может быть, потопила имен-

но этот пароход, особенно принимая во внимание то, что капитан заставил меня подписать вышеупомянутое заявление. До сегодняшнего дня я ни с кем не говорил об этих событиях. Ввиду окончания войны я считаю себя более не связанным клятвой».

Роль Деница в эпизоде с «Атенией» описывается в его письменном показании — документ Д-638, ВБ-220, 102-я страница книги документов. Это письменное показание было дано под присягой на английском языке, и я прошу Трибунал отметить, что в конце документа Дениц дописал четыре слова, значение которых вы поймете через минуту. Подсудимый Дениц заявляет:

«Подводная лодка "U-30" вернулась на базу примерно в середине сентября. Я встретился с командиром, старшим лейтенантом Лемпом, в Вильгельмсхафене, когда лодка вошла в порт, и он попросил разрешения поговорить со мной наедине. Я сразу заметил, что он выглядел очень огорченным. Он сразу сказал мне, что считает себя ответственным за потопление "Атении" в северном районе Ла-Манша.

В соответствии с моими предыдущими указаниями он искал вооруженные торговые суда крейсерского класса на подступах к британским островам и торпедировал корабль, который, как он позднее понял из радиопередач, оказался "Атенией". В своих инструкциях я никогда не обозначал какой-либо тип корабля как вооруженный торговый крейсер и не указывал никаких названий кораблей. Я немедленно отправил Лемпа на самолете на доклад в Берлин. Тем временем я приказал, чтобы в качестве предварительной меры этот инцидент оставался в тайне. Позднее в тот же день или утром следующего дня я отдал устный приказ капитану Фрике — начальнику оперативного отдела военно-морского штаба о том, чтобы: 1. Этот инцидент держался в полном секрете. 2. Главное командование военно-морского флота считает, что в судебном разбирательстве нет необходимости, так как оно убедилось, что командир действовал с благими намерениями. 3. Политическое объяснение инцидента берет на себя главное командование военно-морского флота.

Я не имел никакого отношения к политическим событиям, в ходе которых фюрер утверждал, что никакая из немецких подводных лодок не топила "Атению".

Когда Лемп вернулся в Вильгельмсхафен из Берлина, я вновь подробно допросил его относительно потопления. У меня создалось впечатление, что, хотя он предпринял разумные предосторожности, он не принял достаточных мер, чтобы установить перед торпедированием, какой это был

корабль. До того как совершился этот инцидент, я дал весьма строгий приказ о том, что ко всем торговым судам и судам нейтральных стран следует относиться в соответствии с нормами морского права. Поэтому я посадил его под домашний арест, так как считал, что военный суд все равно оправдает его и даст инциденту нежелательную огласку». Дениц добавил далее слова: «...и отнимет слишком много времени».

Заявление Деница о том, что командир «U-30» потопил «Атению», приняв ее за торговый крейсер, следует, мне кажется, рассматривать в свете документа, представленного полковником Филлимором, а именно: С-191, ВБ-193, от 22 сентября 1939 года. Там имеется приказ Деница о том, что «потопление торгового судна должно оправдываться в военном дневнике тем, что это судно было по ошибке принято за военный корабль или вспомогательный крейсер».

Подводная лодка «U-30» возвратилась в Вильгельмсхафен 27 сентября 1939 года. Я представляю еще один фальсифицированный военно-морской документ — выдержку из военного дневника командующего подводными лодками, документ Д-659, ВБ-221, на 110-й странице книги документов. Это запись от 27 сентября 1939 года и гласит следующее:

«Возвратилась "U-30". Она потопила "Блайрлоги" и "Фанад Хед"». Разумеется, ничего не говорится о потоплении «Атении». Но, пожалуй, самая тщательно продуманная подделка, связанная с этим эпизодом, это изменение записи в судовом журнале подводной лодки «U-30», которая потопила «Атению». Представляю подлинник судового журнала — документ Д-662, ВБ-222. Соответствующая выдержка имеется на 111-й странице книги документов.

Я хотел бы, чтобы Трибунал взглянул на подлинник, потому что обвинение утверждает, что первая страница этого документа является подделкой, но подделкой, которая была сделана с нехарактерной для немцев небрежностью к деталям. Как Трибунал видит, первая страница текста явно подложена вместо уничтоженных страниц первоначального текста этого документа. В первой графе даты даются арабскими цифрами, но на второй и на последующих страницах даты даются римскими цифрами.

Трибунал также видит, что всякие ссылки на потопление «Атении» 3 сентября опущены. В судовом журнале сказано, что в 14.00 3 сентября местонахождение подводной лодки «U-30» было АЛ-0278, как Трибунал видит, это один из очень немногих случаев, когда на этой странице указано местонахождение подлодки. Этот пункт находится приблизительно в 200 милях к западу от того места, где была потоплена «Атения». Курс на юг и скорость 10 узлов, как за-

писано в журнале, должны были показать, что «U-30» якобы находилась довольно далеко от того места, где 3 сентября была потоплена «Атения».

Наконец, Трибунал обратит внимание на тот необычный факт, что личная подпись Лемпа на странице, где говорится о событиях 3 сентября, значительно отличается от других его подписей в этом документе... Я утверждаю, что эта подпись либо является поддельной, либо этот документ был подписан Лемпом гораздо позже.

Как я считаю, весь этот эпизод с «Атенией» показывает, что Редер, руководя германским военно-морским флотом, прибегал к преднамеренному обману. Еще до получения рапорта Лемпа германское адмиралтейство неоднократно отрицало возможность того, что германская подводная лодка могла находиться в районе, о котором шла речь. Представленные полковником Филлимором карты с указанием местонахождения различных подводных лодок и места потопления «Атении» показывают, что все эти заявления были совершенно лживыми. В этой связи я утверждаю: Редеру, как командующему германским флотом, были известны все факты. Цензура и контроль над информацией в нацистской Германии были настолько строгими, что Редер в качестве главнокомандующего военно-морским флотом должен был быть соучастником фальсификации, опубликованной в газете «Фолькишер Беобахтер». Это была совершенно бесчестная попытка нацистских заговорщиков сохранить свой авторитет в глазах немецкого народа и поддержать миф о непогрешимом фюрере, миф, опиравшийся на безупречную военную машину.

Как Трибунал уже знает, правда не имела значения для нацистской пропаганды. Маскировка, к которой прибегал Редер, по-видимому, не ограничивалась перекрашиванием кораблей и ведением их под английским флагом, как он это делал при нападении на Норвегию и Данию.

Что касается вторжения в Норвегию и Данию, то мне кажется, что нет необходимости напоминать Трибуналу о руководящей роли Редера в этом вероломном нападении нацистов. Доказательства по этому вопросу уже были представлены. Мне следует лишь сослаться на хвастливые замечания Редера по поводу этих безжалостных и вероломных вторжений, которые имеются в его письме, находящемся в документе С-155, ВБ-214, 25-я страница книги документов. Этот документ, который представляет собой письмо Редера командованию флотом и часть которого я уже цитировал, гласит:

«Операции флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом флота в эту войну».

После успешной оккупации Норвегии и значительной части Западной Европы Гитлер обратил свое внимание на Россию.

Справедливости ради следует указать, что сам Редер был против нападения на Россию и пытался убедить Гитлера не делать этого. Однако документы показывают, что Редер подходил к этому вопросу с цинизмом. Он возражал против агрессивной войны против России не в силу ее незаконности, аморальности или бесчеловечности — его единственное возражение было против ее несвоевременности. Он хотел покончить с Англией перед тем, как предпринять новые акты агрессии.

Участие Редера в обсуждениях по поводу войны против России показано в документе С-170, США-136, страница 37 книги документов. Этот документ состоит из официальных записок германского военно-морского штаба. Первая выдержка от 26 сентября 1940 года на 47-й странице книги документов и на 11-й странице документа С-170 показывает, что Редер убеждал Гитлера в противовес политике на суше вести агрессивную политику на Средиземном море, при которой, конечно, флот играл бы первостепенную роль. В выдержке сказано:

«Главнокомандующий военно-морским флотом на беседе у фюрера. Главнокомандующий военно-морским флотом представляет фюреру свои соображения относительно существующего положения: Суэцкий канал должен быть захвачен с немецкой помощью. Через Суэц — наступление на Палестину и Сирию, затем Турция. Тогда русская проблема будет выглядеть по-иному. Россия в принципе боится Германии. В таком случае вряд ли потребуются действия против России с севера».

Далее, запись от 14 ноября на странице 48 книги документов:

«Фюрер все еще склонен начать войну против России. Главнокомандующий военно-морским флотом предлагает отложить это до того, пока не будет разгромлена Англия, ибо силы Германии крайне напряжены и конца войны не видно».

На 50-й странице запись от 27 декабря 1940 года:

«Главнокомандующий военно-морским флотом вновь подчеркивает, что первоочередной необходимостью все еще является сосредоточение всех наших военных усилий против Англии как против главного врага. С одной стороны, Англия усилилась благодаря тому, что в восточной части Средиземного моря итальянцы крайне безрезультатно вели войну, и благодаря увеличившейся помощи со стороны американцев. Однако с другой стороны, ей может быть нанесен смертельный удар путем уже осуществляемого захва-

та морских коммуникаций. То, что мы делаем в отношении строительства подводных лодок и военно-морских сил, еще очень мало. Весь наш военный потенциал должен быть использован для ведения войны против Англии. Любое распыление усилий флота и военно-воздушных сил затягивает войну и ставит под угрозу окончательный успех. Главнокомандующий военно-морским флотом серьезно возражает против проведения русской кампании до поражения Англии».

На 52-й странице имеется запись от 18 февраля 1941 года:

«Начальник морского оперативного штаба настаивает на оккупации Мальты еще до осуществления плана "Барбаросса"». На следующей странице имеется любопытная запись от 23 февраля:

«Указание верховного командования вооруженных сил о том, что захват Мальты предполагается провести осенью 1941 г. после проведения плана "Барбаросса"».

Это, как видит Трибунал, является классическим примером несбывшихся надежд.

Следующая запись от 19 марта 1941 года на 54-й странице книги документов указывает, что к марту 1941 года Редер начал рассматривать вопрос о том, какие перспективы для флота представляла агрессия против России. Там говорится:

«Главнокомандующий военно-морским флотом считает, что в случае проведения плана "Барбаросса" оккупация Мурманска совершенно необходима для флота. Начальник верховного командования вооруженных сил считает, что с этим трудно согласиться».

Другие выдержки из этого документа показывают, что нацистский лакей Муссолини требовал более активной нацистской политики на Средиземном море.

Ссылаюсь на выдержку от 30 мая, находящуюся на 57-й странице книги документов, которая гласит следующее:

«Дуче требует решительного наступления на Египет и Суэц осенью 1941 года. Для этого необходимо 12 дивизий. Этот удар будет более смертельным для Британской империи, чем захват Лондона. Начальник морского оперативного штаба полностью согласен...»

А затем в записи от 6 июня, находящейся на 58-й странице книги документов, где излагаются стратегические взгляды Редера и германского флота, говорится:

«Главнокомандующий флотом на беседе у фюрера. Меморандум начальника военно-морского оперативного штаба. Замечания относительно стратегического положения в восточной части Средиземного моря после Балканской

кампании и оккупации Крита и дальнейшего ведения войны».

Несколькими фразами ниже говорится:

«Меморандум с внушительной ясностью указывает на решающие цели войны на Ближнем Востоке. Эти цели стали более осуществимыми благодаря успехам в районе Эгейского моря. В меморандуме подчеркивается, что использование данного благоприятного положения в наступательных целях должно быть проведено с максимальной быстротой и энергией до того, как Англия с помощью Соединенных Штатов вновь укрепит свои позиции на Ближнем Востоке. В меморандуме отмечается тот факт, что вскоре будет начата кампания против России, но содержится требование о том, что план "Барбаросса", который в виду его огромных масштабов играет первоочередную роль в оперативных планах руководства вооруженных сил, не должен ни при каких обстоятельствах привести к прекращению или уменьшению военных действий в восточной части Средиземного моря».

Таким образом, в течение всего этого времени Редер стремился обеспечить для своего флота активную роль в нацистских военных планах. После того как Гитлер принял решение напасть на Россию, Редер добивался того, чтобы флот принял активное участие в этой кампании. Первый морской оперативный план против России был особенно коварным. Я ссылаюсь на документ С-170, который я только что читал, 59-я страница книги документов. Как Трибунал видит, в записи от 15 июня 1941 года говорится:

«По предложению начальника военно-морского оперативного штаба немедленно разрешается использовать оружие против русских подводных лодок к югу от северной границы польского района, запрещенного для полетов, следует стремиться к безжалостному уничтожению».

Подсудимый Кейтель создал характерный для него бесчестный повод к этим действиям. Это имеется в его письме, документ С-38, ВБ-223, который можно найти на 11-й странице книги документов. Как Трибунал видит, это письмо Кейтеля датировано 15 июня 1941 года:

«Тема: Наступательные действия против подводных лодок противника в Балтийском море.

Главному командованию военно-морских сил.

Дается разрешение на наступательные действия против подводных лодок к югу от линии Мемель — южная оконечность Ойланда, если при приближении германских военно-морских сил эти лодки не могут быть опознаны как шведские.

Если эти действия будут предприняты до начала военных действий, то следует сослаться на то, что наши морские

силы считали, что они имели дело с проникнувшими в этот район английскими подводными лодками».

Этот документ был составлен 15 июня 1941 года, а, как Трибунал знает, вторжение в Россию началось лишь 22 июня 1941 года. Тем временем еще 18 марта 1941 года Редер настаивал на том, чтобы Гитлер расширил масштабы мировой войны, убедив Японию захватить Сингапур. Это имеется в документе С-152, ВБ-122, на 23-й странице книги документов. Я хотел бы огласить лишь один абзац. В документе описывается беседа Гитлера с Редером 18 марта, и текст отражает точку зрения самого Редера.

«Япония должна предпринять шаги к захвату Сингапура как можно скорее, ибо условия никогда не будут столь благоприятными — весь английский флот занят в войне; неподготовленность США к войне против Японии; слабость американского флота по сравнению с японским. Япония действительно готовится к таким действиям, но, согласно всем заявлениям японских официальных лиц, проведет их только в том случае, если Германия совершит высадку в Англии. Поэтому Германия должна сосредоточить все свои усилия на том, чтобы побудить Японию действовать немедленно. Если Япония получит Сингапур, то все другие восточно-азиатские вопросы, связанные с США и Англией, будут решены — Гуам, Филиппины, Барнео, Голландская Ост-Индия. Япония желает, если возможно, избежать войны против США. Она может это сделать, только если она с решимостью захватит Сингапур как можно скорее».

Однако, как показал ход событий, японцы думали по-иному.

20 апреля 1941 года Гитлер, как это указано в документах, согласился с предложением Редера о том, чтобы побудить Японию предпринять наступательные действия против Сингапура. Я вновь обращаю внимание Трибунала на документ С-170, где имеется запись от 20 апреля 1941 года на 56-й странице книги документов. Оглашаю несколько фраз:

«Беседа главнокомандующего военно-морским флотом с фюрером.

Главнокомандующий военно-морским флотом спрашивает относительно результатов переговоров с Мацуока и об оценке русско-японского пакта. Фюрер сообщил Мацуока, что Россия не будет затронута, если она будет вести себя дружественно и в соответствии с договором. В ином случае фюрер оставляет за собой свободу действий. Русско-японский пакт был заключен с согласия Германии для того, чтобы помешать Японии двинуться против Владивостока и чтобы заставить ее напасть на Сингапур».

Интересные замечания по поводу этого документа имеются в документе С-66, ВБ-81. Я обращаю внимание Трибу-

нала на третий абзац, находящийся на 13-й странице книги документов. В то время фюрер был полон решимости произвести неожиданное нападение на Россию независимо от того, какова была позиция России в отношении Германии. Согласно сообщениям, эта позиция постоянно менялась. Далее имеется следующая любопытная фраза:

«Заявление, обращенное к Мацуока, было лишь маскировочным средством, рассчитанным на то, чтобы обеспечить внезапность».

Таким образом, даже в переговорах между собой державы оси не были честными. Это, как я утверждаю, — типичный пример дипломатии «джунглей», с которой Редер себя связал.

Теперь, с разрешения Трибунала, я перейду из области дипломатии к последнему вопросу, касающемуся дела Редера, а именно — к преступлениям, совершенным на море.

Обвинение утверждает, что в течение всей своей карьеры Редер полностью пренебрегал любыми международными правилами или обычаями ведения войны, которые каким бы то ни было образом мешали его намерениям проводить в жизнь нацистскую программу захватов. Я намереваюсь представить Трибуналу лишь несколько примеров того, как он нарушал законы и обычаи цивилизованных государств.

Сам Редер чрезвычайно ясно определил свою позицию в документе СК-65, ВБ-224. Этот документ представляет собой пространный меморандум, составленный Редером и штабом германского военно-морского флота 15 октября 1939 года, то есть уже через несколько недель после начала войны. Это меморандум по вопросу об усилении войны на море. Хочу обратить внимание Трибунала на последний абзац на 98-й странице книги документов. Эта часть озаглавлена: «Возможности будущих морских операций». Далее говорится: «Военные предпосылки для решительной борьбы против Великобритании».

«В своей морской стратегии мы должны будем как можно быстрее использовать все военные средства, находящиеся в нашем распоряжении. Можно с уверенностью ожидать военных успехов в том случае, если мы будем нападать на английские морские коммуникации с полной безжалостностью. Конечная цель этих нападений заключается в том, чтобы прекратить всякий импорт и экспорт Великобритании. Следует стремиться учитывать интересы нейтральных стран, насколько это возможно и не нанося этим ущерба военным целям. Все военные меры желательно проводить на базе существующего международного права. Однако меры, которые представляются необходимыми с военной точки зре-

ния, должны быть проведены, даже если они не предусмотрены существующими нормами международного права».

И далее:

«Поэтому, в принципе, любые средства морской войны, которые будут способствовать подавлению сопротивления врага, должны основываться на любой правовой основе, даже если это потребует создания нового кодекса морской войны».

Верховный военный совет должен будет решить, какие меры военного и правового характера должны быть приняты. После того как из военных соображений решено вести экономическую войну в самой безжалостной форме, это решение должно проводиться при всех обстоятельствах; ни при каких обстоятельствах такое решение о ведении самой безжалостной формы морской войны, раз уж оно принято, не может быть отвергнуто или отменено в силу политического нажима со стороны нейтральных держав. Это произошло во время первой мировой войны и нанесло нам ущерб. Все протесты нейтральных держав должны отклоняться. Даже угроза того, что другие страны, включая Соединенные Штаты, вступят в войну, что с уверенностью можно ожидать, если война затянется, не должна привести к ослаблению установленных форм экономической войны. Чем более безжалостно будет вестись экономическая война, тем скорее мы добьемся результатов и тем скорее закончится война. Экономические последствия таких военных мер в отношении нашей собственной военной экономики должны быть учтены и компенсированы путем реорганизации германской военной экономики и изменения соглашений с нейтральными государствами. Если необходимо, с этой целью должен быть применен сильный политический и экономический нажим.

Я считаю, что эти замечания являются в наибольшей степени разоблачительными, и обвинение утверждает, что Редер, который до 1943 года являлся активным участником внутреннего совета нацистского государства и придерживался идей, подобных изложенным выше, должен разделять ответственность за те многочисленные военные преступления, которые были совершены его соучастниками и их подчиненными в ходе войны.

Но, как утверждает обвинение, помимо этой общей ответственности Редера, имеются отдельные преступления, которые замышлялись и приказы об осуществлении которых были даны самим Редером. Я ссылаюсь на документ С-27, ВБ-225, 7-я страница книги документов. Это протокол совещания Гитлера с Редером от 30 декабря 1939 года.

С разрешения Трибунала я оглашу второй абзац:

«Начальник военно-морского оперативного штаба просит, чтобы морской штаб получил полную власть в деле принятия любых мер по активизации военных действий, требуемых положением и необходимых для ведения войны. Фюрер в принципе согласен с тем, чтобы без предупреждения топить греческие суда в американской запретной зоне и суда нейтральных стран в тех частях американской запретной зоны, где можно поддержать фикцию о минной опасности, как, например, в Бристольском проливе».

Как Трибунал знает, в то время греческие корабли также были нейтральными, и это еще раз подтверждает тот факт, что Редер был человеком, лишенным всяких принципов. Это подстрекательство к преступлениям является типичным совместным мероприятием, потому что директива по этому вопросу была издана 30 декабря 1939 года верховным командованием вооруженных сил за подписью подсудимого Иодля. Это документ С-12, ВБ-226, 1-я страница книги. Этот интересный документ датирован 30 декабря 1939 года. Цитирую:

«30 декабря 1939 года в соответствии с докладом главнокомандующего военно-морским флотом фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами принял следующее решение:

1. Греческие торговые суда в районе Англии, который объявлен Англией и США запретной зоной, должны рассматриваться как суда противника.

2. В Бристольском проливе все суда могут быть подвергнуты нападению без предупреждения, когда можно создать впечатление, что произошел инцидент с минами.

Оба мероприятия вступают в силу немедленно».

Другой пример позиции германского флота под командованием Редера в отношении нейтрального судоходства можно найти в записи из дневника Иодля.

Председатель: Может быть Вам следует зачитать пометку карандашом?

Джонс: Пометка карандашом на документе С-12 гласит:

«Добавить к пункту (1) — нападение следует производить скрытно. На случай ожидаемого заявления протестов следует создавать возможность к опровержению утверждения о потоплении этих судов».

Как я сказал, еще один пример позиции германского флота в отношении нейтрального судоходства мы можем увидеть в записи Иодля от 16 июня 1942 года. 112-я страница книги документов, документ ПС-1807, ВБ-227. Эта выдержка из дневника Иодля датирована 16 июня 1942 года:

«29 мая оперативный штаб военно-морского флота просил разрешения совершать нападения на бразильские мор-

ские и военно-воздушные силы. Морской штаб считает, что в настоящий момент внезапный удар по бразильским военным и торговым судам является целесообразным:

а) потому, что меры по обороне все еще не закончены,

б) потому, что имеется возможность совершать нападения внезапно,

в) потому, что Бразилия фактически ведет морскую войну против Германии».

Как Трибунал видит, это был план чего-то похожего на бразильский Перл-Харбор, потому что на самом деле война между Германией и Бразилией началась лишь 22 августа 1942 года.

Редер также побуждал флот участвовать в совершении военных преступлений, приказ о которых был дан другими заговорщиками. Я приведу один пример.

28 октября 1942 года, как показывает документ С-179, США-543, на 63-й странице книги документов, начальник оперативного отдела морского штаба передал морским офицерам небезызвестный приказ Гитлера от 18 октября 1942 года относительно расстрела командос, который сводился к тому, что захваченные в плен командос лишались той защиты, которую предусматривала для них Женевская конвенция. Как Трибунал помнит, этот документ датирован 28 октября 1942 года и гласит:

«Прилагается приказ фюрера относительно уничтожения террористических и диверсионных частей. Этот приказ не должен распространяться в письменном виде среди офицеров рангом ниже командиров флотилий и полудивизионов. После устной передачи младшим командирам вышеуказанные офицеры должны передать этот приказ вышестоящему офицеру, который будет нести ответственность за уничтожение документа».

Никакие другие указания не показывают так ясно, что морское командование понимало, что приказы об убийствах, исходившие от Гитлера, были противоправны.

Я обратил внимание Трибунала на то, как распространялся приказ Гитлера о расстреле командос.

Теперь я обращаю внимание Трибунала на один из примеров выполнения этого приказа немецким военно-морским флотом, командующим которого в тот период был Редер. Господин Робертс уже изложил Трибуналу отчет об операции командос в декабре 1942 года, целью которой было нападение на суда в гавани Бордо. В отчете вермахта, документ СК-57, ВБ-164, говорилось, что 6 из 10 участников этой операции были арестованы и все они были расстреляны 23 марта 1943 года.

В связи с этим эпизодом обвинение располагает еще одним документом, который более подробно освещает этот инцидент в Бордо и который демонстрирует, с какой готов-

ностью военно-морской флот под руководством Редера выполнил приказ Гитлера в этом случае. Это документ С-176, ВБ-228 на 61-й странице книги документов. Документ состоит из выдержек из военного дневника адмирала Бахмана, германского флагмана военно-морского флота в Западной Франции. Первая запись на 61-й странице датирована 11 декабря 1942 года и гласит:

«Около 10.15 по телефону был сделан запрос личным представителем уполномоченного службы безопасности в Париже оберштурмфюрера СС доктора Шмидта флагману военно-морского флота. В нем запрашивалось разрешение об отсрочке расстрела, так как допрос еще не был окончен.

После консультации с начальником оперативного штаба службе безопасности было предложено получить санкцию непосредственно из штаба.

18.20. Представитель службы безопасности в Бордо ходатайствовал перед вышестоящим отделом службы безопасности, находящимся при ставке фюрера, об отсрочке расстрела на 3 дня. Допрос продолжался».

На следующий день, 11 декабря 1942 года:

«Расстрел двух военнопленных был произведен по приказу фюрера воинским подразделением, численность — 1 офицер, 16 рядовых, находящимся в распоряжении военно-морского коменданта Бордо в присутствии офицера службы СД».

На полях имеется пометка, сделанная зеленым карандашом, против этой записи, которая гласит:

«Это должна была сделать служба безопасности. В будущем звоните флагману в таких случаях».

Трибунал заметит из документа С-176, что первые два храбреца за участие в операции в Бордо были расстреляны воинской частью военно-морского флота 11 декабря 1942 года. Этими людьми были: сержант Уоллис и морской пехотинец Эвард, которые имели несчастье быть захваченными 8 декабря 1942 года в начале этой операции.

Представляют интерес комментарии военно-морского штаба по случаю этого расстрела, которые имеются в документе Д-658.

Председатель: *Что означают последние две строки в документе С-176, где говорится, что условия «особенно благоприятствовали» операции?*

Джонс: *«Условия погоды и темная ночь особенно благоприятствовали проведению операции».*

По-видимому, это относится к операции командос, которые сумели успешно взорвать целый ряд германских кораблей в порту Бордо. С другой стороны, как мне сказал

офицер военно-морского флота, который помогает мне, здесь речь идет, возможно, об условиях, при которых были расстреляны эти два солдата.

Председатель: Я считал бы, что это именно так.

Джонс: Я остаюсь при своем мнении, несмотря на поправку британского офицера военно-морского флота.

Председатель: Не является ли это указанием на то, что расстрел был произведен моряками?

Джонс: Расстрел в действительности был произведен, как это доказывает запись от 11 декабря, командой моряков из числа подразделений моряков, находившихся в распоряжении военно-морского коменданта в Бордо.

Я хотел бы обратить внимание Трибунала на комментарии военно-морского штаба по случаю этого расстрела, о чем говорится в документе Д-658, ВБ-229, на странице 109. Здесь говорится:

«Командующий военно-морским флотом в Западной Франции докладывает, что в течение дня были обнаружены взрывчатые вещества с магнитными приспособлениями для их прикрепления, карты устья Жиронды, сделанные с самолета, фотографии портовых сооружений Бордо, различные маскировочные материалы, пища и вода на несколько дней. Попытки спасти эту лодку окончились неудачей. Командующий военно-морским флотом в Западной Франции приказал расстрелять немедленно обоих солдат за попытку совершить диверсию, если их допрос, который уже начался, подтвердит первоначальные сведения. Однако их расстрел был отложен с целью получить больше сведений.

Согласно докладу германских вооруженных сил, оба солдата тем временем были расстреляны. Эта мера была осуществлена в соответствии с особым приказом фюрера. Но тем не менее это является чем-то новым в международном праве потому, что солдаты были одеты в военную форму».

Таким образом, я утверждаю, что эта последняя фраза доказывает вполне ясно, что высшее командование военно-морского флота во главе с Редером считало подчинение нацистскому заговору более важным, чем моральные принципы или профессиональная честь и честность.

Я утверждаю, что расстрел двух командос был не актом войны, а убийством двух храбрых мужчин. Именно на этой мрачной ноте я приступаю к обязанности суммировать эту часть обвинения против подсудимого Редера.

Обвинение утверждает, что он не был только военной марионеткой, которая слепо выполняла политические приказы. Трибунал узнал, что до прихода нацистов к власти Редер активно работал за спиной рейхстага для того, чтобы

восстановить германский военно-морской флот. Когда нацисты пришли к власти, он целиком присоединился к ним. Он был главной пружиной того, что присяга германского военно-морского флота превратилась в присягу верности нацистской партии. Этот подсудимый был членом тайных правительственных советов нацистов, как и другие подсудимые. Он был членом их главных совещательных политических органов, был хорошо осведомлен об их агрессивных планах и содействовал их осуществлению не только в качестве военно-технического специалиста, но также как и лживый политический деятель. Он, как я уже утверждал, способствовал распространению их жестоких методов ведения войны.

Однако правильно то, что Редер был одним из первых заговорщиков, низверженных со своего высокого поста. То, что война вышла за границы Польши, в действительности явилось большим разочарованием для Редера. Его мечты о нацистской армаде, безраздельно господствующей над Атлантическим океаном, не совпадали с дипломатией Риббентропа и стратегией Гитлера.

Я обращаю внимание Трибунала на документ С-161, ВБ-230, на странице 35 книги документов. Это выдержка из меморандума Редера от 10 января 1943 года, изданного накануне его ухода в отставку и озаглавленного:

«Значение германского подводного флота для ведения войны державами, которые подписали Тройственный пакт».

Вступительная часть гласит:

«Руководители национал-социалистской империи планировали создать к 1944 — 1945 году германский военно-морской флот такой мощи, чтобы он мог нарушить британские жизненные артерии в Атлантическом океане, располагая для этого достаточным количеством судов, боевой мощью и радиусом действия. Так как война началась в 1939 году, на пять лет раньше этой даты, строительство этих военно-морских сил находилось еще в первоначальной стадии».

Таким образом, Трибунал увидит из этого документа, какой крах потерпел Редер в своих претенциозных планах, ошибочно определив дату, когда должен был понадобиться его океанский флот. Однако Трибунал видел, что Редер попытался восстановить часть своей утерянной славы нападением на беззащитную Норвегию. Он приложил большие усилия к тому, чтобы оживить ход войны на море ценой нейтральных стран и ценой обычаев и правил ведения войны на море. Но последующие планы Редера были отвергнуты его соучастниками по заговору, и в январе 1943 года он ушел в отставку и позднее был только номинальным руководителем.

Я обращаю внимание Трибунала на документ Д-655, ВБ-231, на странице 108 книги документов. Это запись, сделанная Редером от руки, о его беседе с Гитлером 6 января 1943 года, которая повлекла за собой отставку Редера. Я не намереваюсь оглашать всю эту выдержку, но я оглашу пятый абзац:

«Если фюрер стремился продемонстрировать, что расставание происходило в самом дружественном тоне, и если он желал, чтобы имя Редера по-прежнему ассоциировалось с военно-морским флотом, в особенности за границей, то было бы, по-видимому, возможно назначить его генеральным инспектором и широко осветить это через прессу и т.д. Но должен быть назначен новый главнокомандующий военно-морским флотом, который будет нести полную ответственность. Пост генерального инспектора, или как бы это ни именовалось, должен быть чисто номинальным».

«Гитлер принял это предложение охотно. По-видимому, генерал-инспектор смог бы выполнять для него особое задание, в частности инспекционные поездки и т.д. Имя Редера должно было по-прежнему ассоциироваться с военно-морским флотом. После того как главнокомандующий повторил свою просьбу, фюрер согласился назначить его отставку на 30 января. Однако он желал бы обдумать все детали».

Таков был закат звезды Редера. Это, безусловно, отличалось от ее восхода 12 марта 1939 года, когда Редер выступал по случаю «Дня памяти героев». Я обращаю внимание Трибунала на последний документ, относящийся к Редеру. Это запись его речи в марте 1939 года, документ Д-653, ВБ-232, который имеется в книге `документов на странице 105.

В первом абзаце говорится:

«По всей Германии имели место празднества по случаю "Дня памяти героев". Однако 12 марта 1939 года эти торжества впервые сочетались с празднованием по случаю вновь обретенной свободы перевооружаться. Главным событием этого дня была традиционная церемония, которая происходила в Берлинской государственной опере на Унтер ден Линден».

В присутствии Гитлера и представителей партии и вооруженных сил гросс-адмирал Редер произнес речь, выдержки из которой приводятся ниже. Я перехожу ко второй странице документа на странице 104 книги документов:

«Национал-социализм, который берет свое начало от духа сражающегося германского солдата, был избран германским народом в качестве его идеологии. Германский народ следует символам своего возрождения с величайшей любовью и фанатической страстью.

Германский народ уже практически применял доктрины национал-социализма, который не был ему навязан, как это считают многие беспомощные критики. За границей фюрер продемонстрировал своему народу, что в национал-социалистском сообществе заложены величайшие и неистощимые источники силы, динамическая мощь которых не только обеспечивает мир внутри государства, но также дает возможность высвободить все созидательные силы нации».

Затем следуют хвалебные слова Гитлеру и несколькими фразами ниже говорится:

«Это является основанием для ясной и беспощадной решимости сражаться против большевизма и международного еврейства, деятельность которых, направленную на разрушение нации, мы испытали на нашем собственном народе. Поэтому важным является союз со всеми нациями, которые мыслят таким же образом и которые, подобно Германии, не хотят позволить чужой идеологии и паразитирующим элементам чужой расы подрывать их мощь, предназначенную для строительства и мирной работы в своем отечестве».

И несколькими фразами ниже говорится:

«И если позднее мы будем обучать молодого солдата умению владеть оружием, то эта задача требует также того, чтобы ему проповедовали национал-социалистскую идеологию и учили его жить. Эта часть общей задачи, которая является для нас одновременно делом чести и требованием, от которого нельзя отказаться, может быть выполнена и будет выполнена, если мы будем стоять плечом к плечу в искренних товарищеских отношениях с партией и ее организациями».

В следующей фразе говорится:

«Таким образом вооруженные силы и партия становятся все более сплоченными по духу и взглядам».

И затем две фразы на следующей странице:

«Германия является защитником всех немцев внутри страны и за пределами наших границ. Выстрелы по Альмерии являются доказательством этого».

Это, несомненно, относится к бомбардировке испанского города Альмерия германской эскадрой 31 мая 1937 года во время гражданской войны в Испании.

Затем следуют другие ссылки на фюрера и его руководство и, наконец, в последнем абзаце на 3-й странице говорится:

«Они внедряют в юное поколение великую традицию смерти за святое дело, зная, что их кровь проложит им путь к исполнению их мечтаний».

Я утверждаю, что эта речь Редера является окончательным доказательством его глубокого и личного участия в на-

цистском заговоре. Здесь имеется сочетание героизма и фатализма, которые вели к убийству миллиона немцев. Здесь имеется хвальба о насилии, совершенном над жителями Альмерии. Здесь на словах отдавалась дань миру человеком, который планировал захваты. Фраза: «Вооруженные силы и партия становятся все более сплоченными по духу и взглядам» — является голосом подлинного нациста.

Здесь утверждается расизм. Наконец, здесь проявляется антисемитизм, вклад Редера в мышление, которое породило Бельзен.

Преисполненный такими идеями, подсудимый стал активным участником, как в политическом, так и в военном отношении, нацистского заговора, имевшего целью ведение агрессивных войн и при этом безжалостное их ведение.

Г. Д. ФИЛЛИМОР (Великобритания)
Об индивидуальной ответственности Деница[1]

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 14 и 15 января 1946 г.

Досье и книги документов уже вручены Трибуналу. Доказательства в книге документов расположены в том порядке, в котором я буду на них ссылаться. Ссылки на документы, которые имеются в досье, находятся в таком же порядке. На 1-й странице приведена выдержка из обвинительного заключения и приложения «А». Там перечисляются те посты, которые он занимал, и излагаются обвинения против него, во-первых, в том, что он способствовал подготовке войны, во-вторых, в том, что он принимал участие в военном планировании и подготовке агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, соглашения и заверения, изложенные в первом и втором разделах обвинительного заключения, и, в-третьих, в том, что он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях, указанных в третьем разделе обвинительного заключения, включая преступления против лиц и собственности в открытом море.

Если я в некоторых случаях затрону третий раздел, то это будет сделано в результате любезного согласия Главного обвинителя Французской Республики.

[1] IMT. Vol. 5. P. 201—255.

На 2-й странице досье прежде всего перечислены посты, которые занимал подсудимый Дениц. Документ, о котором я говорю, является первым в книге документов — ПС-2887, США-12. Трибунал увидит, что после его назначения в 1935 году командующим флотилией подводных лодок — это была первая флотилия из тех, что были сформированы после конца мировой войны в 1918 году — подсудимый, который тогда по существу командовал подводным флотом, повышался в чине по мере того, как увеличивался подводный флот, пока он не стал адмиралом. 30 января 1943 года он был произведен в гросс-адмиралы и занял место подсудимого Редера в качестве главнокомандующего германским военно-морским флотом, оставаясь в то же время командующим подводным флотом. Затем 1 мая 1945 года он стал преемником Гитлера в качестве главы правительства Германии.

Из большого количества документов, которые я представлю в качестве доказательства, видно, что подсудимый получил следующие награды: 18 сентября 1939 года — железный крест 1-го класса за успехи в подводной войне на Балтике в польской кампании. За этим орденом 21 апреля 1940 года последовала высшая награда — рыцарский крест к железному кресту, а 7 апреля 1943 года он получил лично от Гитлера дубовые листья к рыцарскому кресту. Он был 223-м человеком, награжденным этим орденом за выдающиеся заслуги в создании германского флота, в особенности наступательного подводного флота, для предстоящей войны. По этому вопросу я представляю документ Д-436, ВБ-183. Это отрывок из официальной публикации «Дас Архив» о присвоении подсудимому чина вице-адмирала. Документ датирован 27 сентября 1940 года, и я зачитаю два последних предложения:

«За четыре года неустанной и, в полном смысле этого слова, непрерывной работы по подготовке он преуспел в доведении персонала молодого подводного флота и его материальной части до такого уровня, что он стал оружием колоссальной силы, неожиданной даже для экспертов. Потопление судов общим водоизмещением более чем три миллиона тонн за период одного года было достигнуто действиями только немногих судов. Это говорит лучше слов о заслугах этого человека».

Следующий документ в книге — ПС-1463, ВБ-184 — отрывок из дневника германского военно-морского флота за 1944 год и он подчеркивает содержание предыдущего документа. Я не буду его зачитывать. Относящийся к делу отрывок помещается на второй странице и, если можно передать его суть, отмечу, что там описывается в деталях работа подсудимого по созданию подводного флота и его неуто-

мимая работа по боевой подготовке, для того чтобы заполнить возникшую за 17 лет брешь, когда не проводилось никакой работы. Описывается, что он занимался новыми изобретениями, в частности, разработанной им самим «групповой» тактики, которая потом стала такой знаменитой. Затем наверху третьей страницы подводятся итоги его деятельности. Я прочту две последние фразы первого абзаца на этой странице:

«Несмотря на тот факт, что его обязанности выросли до неизмеримых размеров с начала выполнения колоссальной программы строительства подводного флота, он оставался тем, кем всегда был и будет: вождем и вдохновителем всех подчинявшихся ему сил». И затем последнее предложение этого абзаца:

«Несмотря на все свои обязанности, он никогда не терял контакта со своими людьми и проявлял мастерскую ориентацию при вручении себя изменчивой фортуне войны».

Однако подсудимый получил все эти высокие посты не только потому, что он был способным морским офицером. Это доказывает его продвижение на место подсудимого Редера в качестве главнокомандующего военно-морским флотом, личное положение, которое он достиг как один из главных советников Гитлера и, наконец, после того, как прежние кандидаты, такие, как Геринг, не оправдали доверие Гитлера или сами сочли этот пост менее привлекательным, чем предполагали, он получил сомнительную честь стать воспреемником Гитлера.

Все это он получил благодаря своей фанатической приверженности Гитлеру и партии, своей вере в нацистскую идеологию, которую он пытался внедрить в военно-морской флот и внушить германскому народу, а также благодаря высочайшему мастерству адаптироваться в условиях переменчивой военной фортуны, на что он ссылается в дневнике. Привлекая ваше внимание к этому документу, хочу предложить рассматривать перечисленные характеристики как синоним его способности на крайнюю безжалостность. Его отношение к нацистской партии и ее идеям проявляется в его публичных выступлениях.

Обратимся к следующему документу в книге документов — Д-443, ВБ-185. Это отрывок из речи подсудимого на совещании командующих флотом в Веймаре 17 декабря 1943 года. Позднее эта речь распространялась подсудимым как совершенно секретный документ и предназначалась только для старшего офицерского состава путем личного вручения им. Милорд, я ее зачитаю:

«Я твердый приверженец идеологического воспитания. Для чего же, главным образом, это нужно делать? Выполне-

ние долга для солдата является делом само собой разумеющимся. Но осознание всего значения выполненного долга возникает только тогда, когда говорят сердце и убеждение. В таком случае выполнение долга в корне отличается от выполнения долга в ситуации, когда я выполнял бы свою задачу всего лишь буквально, послушно и с полной верой. Поэтому солдату необходимо опираться при выполнении своего долга на всю свою умственную и духовную энергию, а для этого необходимы убеждения и идеология. Поэтому нам совершенно необходимо подготовить солдата единообразно и всеобъемлюще так, чтобы он стал идеологическим приверженцем нашей Германии. Любой дуализм, любое расхождение в позициях в этой связи, любое отклонение от нормы или неподготовленность во всех обстоятельствах приведут к слабости. Тот, в ком это гармонически развивается и расцветает, превосходит другого. Тогда, в самом деле, вся важность и смысл его убеждения начинают играть свою роль. Заявление о том, что солдат или офицер не должен иметь политических убеждений, является вздором. Солдат воплощает в себе государство, в котором он живет, он является его представителем. Поэтому он должен целиком стоять за свое государство.

Мы должны пойти по этому пути с глубоким убеждением. Русские идут по такому пути. Мы сможем оказать сопротивление в этой войне, только если мы примем участие в ней со священным рвением, со всем нашим фанатизмом.

Один я не могу это сделать, это может быть сделано только с помощью человека, который держит в своих руках производство всей Европы — с помощью министра Шпеера. Моим стремлением является только иметь для военно-морского флота столько военных судов, сколько возможно для того, чтобы флот мог сражаться и наносить удары. Для меня не имеет значения, кто их строит».

Последнее выражение важно в связи с недавним документом, который будет переведен позднее. Когда я буду рассматривать его, Трибунал увидит, что подсудимый не возражал против использования для его целей труда узников концентрационных лагерей.

Следующий документ, который я представляю как доказательство, — это документ Д-640, ВБ-186, в книге документов. Это отрывок из речи подсудимого на ту же тему, когда он был главнокомандующим военно-морским флотом, обращенной к командующим военно-морского флота и произнесенной 15 февраля 1944 года. Милорд, этот отрывок одного содержания с предыдущим документом, за исключением, мне кажется, последних двух предложений. Я их зачитаю:

«С самого начала весь офицерский состав должен быть максимально идеологизирован, чтобы полностью разделять совместную ответственность за национал-социалистское государство. Офицер является представителем государства. Бессмысленная болтовня о том, что офицер стоит вне политики, является вздором».

Следующий документ, ПС-2873, ВБ-187, состоит из трех отрывков из речей. Первый — из речи, обращенной подсудимым к германскому военно-морскому флоту и германскому народу в «День памяти героев» 12 марта 1944 года.

«Германские мужчины и женщины!..

Что бы произошло с нашей страной сегодня, если бы фюрер не объединил нас под знаменем национал-социализма? Разбитые на партии, отравляемые распространяющимся ядом еврейства и не защищенные от него, не охраняемые щитом нашего сегодняшнего, не идущего на компромиссы, мировоззрения, мы бы уже давно пали под бременем этой войны и стали бы объектом безжалостного уничтожения со стороны наших противников».

Следующий отрывок из речи, обращенной к военно-морскому флоту 21 июля 1944 года. Она еще раз показывает фанатизм подсудимого. Пожалуй, следует прочесть первую фразу.

«Моряки военно-морского флота! Священная ярость и беспредельный гнев наполняют наши сердца в связи с преступным покушением, которое могло бы стоить жизни нашему любимому фюреру. Провидение не допустило этого. Провидение охраняло и защищало нашего фюрера и не оставило наше отечество в его судьбоносной борьбе».

И затем он продолжает говорить о судьбе, которая должна ожидать этих предателей.

В третьем отрывке говорится о введении нацистского приветствия в вооруженных силах. Я думаю, это не следует читать. Как господа судьи увидят, именно подсудимый Кейтель и подсудимый Дениц являются ответственными за изменение приветствия в германских вооруженных силах и за принятие нацистского приветствия — ответственными вместе с Герингом, я должен был сказать — подсудимые Геринг, Кейтель и Дениц.

Следующий документ представляет собой сообщение о речи, произнесенной подсудимым по радио, в которой он объявил о смерти Гитлера и о том, что он является его преемником. Это документ Д-444, ВБ-188. Я зачитаю его часть. Время произнесения речи отмечено на документе — 22 часа 26 мин.

Я цитирую:

«Из ставки фюрера сообщили, что наш фюрер Адольф Гитлер умер сегодня вечером в своем боевом штабе в им-

перской канцелярии, сражаясь до последнего дыхания за Германию против большевизма».

«30 апреля фюрер назначил гросс-адмирала Деница своим преемником. Гросс-адмирал и преемник фюрера обратится к германскому народу».

И затем первый абзац его речи:

«Немцы, мужчины и женщины, солдаты германских вооруженных сил. Наш фюрер, Адольф Гитлер, мертв. Германский народ склоняется в глубочайшей печали и уважении. Он рано осознал ужасающую опасность большевизма и посвятил свою жизнь борьбе против него. Его борьба закончена. Он умер смертью героя в столице германской империи, прожив целеустремленно, без ошибок и колебаний, жизнь».

Далее этот документ содержит приказ, изданный подсудимым в этот день примерно такого же содержания.

Помимо его деятельности в создании подводного флота имеется убедительное доказательство того, что подсудимый, будучи командующим подводных сил, принимал участие в планировании и проведении агрессивной войны против Польши, Норвегии и Дании.

Следующий документ из книги документов, С-126/С-126(а), ВБ-45, уже был представлен.

Это меморандум подсудимого Редера от 16 мая 1939 года, и я обращаю внимание Трибунала на то, кому был разослан этот меморандум. Шестая копия была послана «фюреру подводных сил», то есть подсудимому Деницу. Этот документ представляет собой директиву о вторжении в Польшу, план «Вайс», и я не буду ее читать, поскольку она уже зачитывалась.

Следующий документ, С-126(е), ВБ-45, на второй странице того же документа, также был представлен как доказательство. Это меморандум из штаба подсудимого Редера от 2 августа 1939 года, обращенный к флоту и затем к флагману подводных лодок — это, конечно, подсудимый. Меморандум включает сопроводительное письмо относительно оперативных указаний об использовании подводных лодок, которые должны быть посланы в Атлантику как предупредительная мера на тот случай, если не изменится намерение о проведении плана «Вайс». Второе предложение важно:

«Главнокомандующий подводных сил передает оперативные приказы в штаб руководства войной на море главного командования ВМС к 12 августа. Решение об отправке подводных лодок в Атлантику будет, вероятно, вынесено в середине августа».

Следующий документ — С-172, ВБ-189. Он состоит из оперативных инструкций самого подсудимого всем подводным лодкам о проведении операции «Вайс». Документ под-

писан подсудимым. Он не имеет даты, но из самого содержания ясно, что дата должна быть до 16 июля 1939 года. Я не думаю, чтобы содержание этого документа прибавило что-нибудь новое. Это просто оперативная инструкция об осуществлении директивы Редера, уже представленной как доказательство С-126(с).

Следующий документ — С-122, ВБ-82. Это отрывок из военного дневника штаба руководства войной на море главного командования военно-морского флота Германии от 3 октября 1939 года. Здесь зафиксирован тот факт, что начальник военно-морского штаба запрашивает о точке зрения руководства на возможность захвата оперативных баз в Норвегии. Он уже зачитывался, и я только обращу внимание Трибунала на текст в скобках, в абзаце, обозначенном буквой «d»:

«Главнокомандующий подводными силами уже рассматривает эти гавани как чрезвычайно полезные базы боевой техники и материального обеспечения для подводных лодок Атлантики, которые могут время от времени туда заходить».

Следующий документ, С-5, уже был представлен как доказательство ВБ-83. Этот документ исходит от подсудимого как главнокомандующего подводными силами и адресован главному командованию военно-морского флота в штаб руководства войной на море. Он датирован 9 октября 1939 года. В нем выражаются взгляды подсудимого о преимуществах Тронхейма и Нарвика как военно-морских баз. В документе предлагается создание базы в Тронхейме, а Нарвик рассматривается как альтернатива.

Следующий документ, С-151, уже был представлен как доказательство ВБ-91. Это совершенно секретный оперативный приказ подсудимого его подводным лодкам об оккупации Дании и Норвегии от 30 марта. Этот приказ засекречен словом «Хартмут». Члены Трибунала вспомнят, что в документе в последнем абзаце говорится:

«Военно-морские силы, когда они войдут в гавань, должны поднять британский флаг до тех пор, пока не высадятся войска; предположительно этого не следует делать в Нарвике».

Приготовления к войне против Англии, пожалуй, лучше всего видны по расположению подводных лодок, которые находились под командованием Деница на 3 сентября 1939 года, когда разразилась война между Германией и западными союзниками. Места, где произошли потопления в следующую неделю, включая потопление «Атении», о котором говорил мой ученый друг майор Элвин Джонс, подтверждают это. Я представлю в качестве доказательства две схемы как документ Д-652, ВБ-190.

У меня имеются копии схем для членов Трибунала. Схемы были приготовлены британским адмиралтейством. Первая — показывает расположение подводных лодок на 3 сентября 1939 года. К этой схеме в левом углу приколот текст освидетельствования документа, который я должен прочитать.

«Эта схема была составлена на основании изучения приказов, изданных Деницем между 2 августа 1939 года и 3 сентября 1939 года, впоследствии захваченных. Эта схема показывает примерное расположение подводных лодок согласно приказам от 3 сентября 1939 года. Точность ее во всех деталях не может быть гарантирована, поскольку собрание трофейных приказов неполное и некоторые из показанных здесь подводных лодок, очевидно, будучи в море, получили приказ 3 сентября или около этой даты переместиться на новые оперативные участки.

Документы, на основании которых составлена эта схема, в настоящее время хранятся в британском адмиралтействе в Лондоне».

У меня есть два замечания по первой схеме. Первое, членам Трибунала должно быть ясно, что подводные лодки, которые находились на этих позициях 3 сентября 1939 года, вышли из Киля задолго перед этим. Второе замечание, которое я хотел бы сделать, важно в связи с делом подсудимого Редера, которого будет представлять мой коллега майор Элвин Джонс. Речь идет о местонахождении подводной лодки «U-30».

Вторая схема показывает потопления, произведенные в течение первой недели войны, место потопления «Атении» будет отмечено. Здесь имеется также краткое удостоверение в левом углу на копиях, имеющихся у судей.

Эта схема составлена на основании официальных данных Британского адмиралтейства в Лондоне. Она отражает расположение и потопления британских торговых судов действиями противника в течение 7 дней после 3 сентября 1939 года.

Я обращаюсь к участию подсудимого в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Военные действия, которые велись против нейтральных и союзных судов подводными лодками под руководством подсудимого, велись со все возрастающей жестокостью. Подсудимый проявил свое «высочайшее мастерство, действуя сообразно изменению хода военных событий». С первых дней торговые суда, как союзные, так и нейтральные, топились без предупреждения. Когда германское адмиралтейство объявило опасные зоны боевых действий, эти потопления продолжали иметь место как в пределах, так и вне этих зон. За некоторыми исключениями, в первые дни

войны не принимались меры к спасению команд и пассажиров потопленных торговых судов. Заявление с требованием полной блокады британских островов послужило просто для того, чтобы подтвердить создавшееся положение, при котором подводная война проводилась без какого-либо учета установленных международных правил ведения войны или норм человечности.

Ход ведения войны на море в течение первых 18 месяцев суммирован в двух официальных британских отчетах, сделанных в то время, когда те, кто их составлял, не знали о некоторых приказах, которые сейчас находятся в наших руках.

Я обращаюсь к следующему документу Д-641(а), ВБ-191. Это отрывок из официального отчета британского МИДа касательно германских атак на торговые суда в период с 3 сентября 1939 года по сентябрь 1940 года, то есть в первый год войны. Отчет был составлен вскоре после сентября 1940 года.

Я бы хотел процитировать второй абзац на первой странице.

«В течение первых 12 месяцев войны из-за действий противника было потеряно 508 судов союзников общим водоизмещением 2 081 062 тонны, кроме того, было потеряно 253 судна нейтральных государств общим водоизмещением 769 213 тонн. Почти все эти торговые суда были потоплены подводными лодками, минами, военно-воздушными силами или надводными силами ВМФ. Большинство из них было потоплено тогда, когда они совершали обычные торговые рейсы. 2836 торговых моряков союзных стран погибли на этих судах».

Во время войны практика ведущих держав так отдалилась от признанных норм, что они сочли необходимым снова изложить правила ведения войны, в особенности по отношению к подводным лодкам. Это было сделано в договоре, подписанном в Лондоне в 1930 году. Германия присоединилась к условиям договора, которые гласили:

«1. В действиях по отношению к торговым судам подводные лодки должны подчиняться правилам международного права, которым подчиняются надводные суда.

2. В частности, за исключением случая настойчивого отказа остановиться после требования или активного сопротивления посещению и обыску, военное судно, будь то надводное судно или подводная лодка, не может потопить или вывести из строя торговое судно без того, чтобы прежде не были определены в безопасное место пассажиры, команда и судовые документы. В этом плане спасательные лодки не могут рассматриваться как безопасное место в случае, если не может быть уверенности в безопасности

пассажиров и команды, в связи с состоянием моря, условиями погоды, близостью земли или наличием другого судна, которое может взять их на борт».

Затем следующий абзац:

«В начале настоящей войны для регулирования ее ведения на море и в качестве руководства для своих военно-морских офицеров был издан указ о захвате трофеев. В 74-й статье этого указа излагаются правила о подводной войне, заимствованные из Лондонского договора. 72-я статья, однако, предусматривает, что захваченные вражеские суда могут быть уничтожены, если представляется нецелесообразным или небезопасным вести их в порт. В статье 73 имеется такая же норма по отношению к нейтральным судам, которые могут быть захвачены в связи с тем, что шли в сопровождении конвоя противника, применяли силу либо оказывали помощь противнику. Эти положения не соответствуют традиционной британской точке зрения, но важный пункт заключается в том, что даже в этих случаях указ о захвате трофеев предусматривает сначала захват торгового судна и лишь затем его уничтожение.

Другими словами, если бы немцы придерживались правил, изложенных в их собственном указе о ведении подводной войны, мы могли бы спорить с ними по узким юридическим вопросам, но у нас не возникло бы с ними резких разногласий ни по более широким правовым проблемам, ни по вопросам гуманности. В данном случае, однако, совершенно ясно, что почти с самого начала войны немцы отказались от своих собственных принципов и вели войну с неуклонно возраставшим пренебрежением к международному праву и к тому, что является главным принципом всякого права — защите человеческой жизни и собственности от произвольных и безжалостных атак».

Я перехожу к третьему абзацу на следующей странице, где приводятся два примера:

«30 сентября 1939 г. имело место первое потопление нейтрального судна подводной лодкой без предупреждения и с потерями человеческих жизней. Это было датское судно "Вендиа", которое шло в Клайд с балластом. Подводная лодка произвела два выстрела и вскоре после этого торпедировала судно. Торпеда была выпущена, когда капитан судна сигнализировал, что он подчиняется приказам подводной лодки, и прежде, чем команда получила возможность оставить судно. К ноябрю подводные лодки начали регулярно топить нейтральные суда без предупреждения. 12 ноября норвежское судно "Арне Кьеде" было торпедировано в Северном море без какого бы то ни было предупреждения. Это был танкер, который шел из одного нейтрального порта в другой. Капитан судна и четыре члена

команды были убиты, а оставшиеся в живых в течение многих часов находились в открытых лодках, пока их не подобрали. В последующем, в дополнение к тому, что немцы отказались от установления характера груза, появилось другое примечательное явление, а именно все возрастающее пренебрежение к судьбе команды».

Далее, в связи с атаками на союзные торговые суда, даются некоторые цифры:

241 потопленное судно,

221 зафиксированное нападение на суда,

112 незаконных нападений на суда.

По крайней мере, 79 из 112 судов были торпедированы без предупреждения.

Биддл: *В таком случае, они были незаконно потоплены?*

Филлимор: *Да, сэр.*

Биддл: *Согласно этому документу, заявления немцев были приняты на веру ввиду отсутствия доказательств обратного.*

Филлимор: *Да, мне следовало прочитать эту фразу. Благодарю, Ваша честь. Перехожу ко второму отчету, Д-641(б), ВБ-191. Этот отчет, охватывающий 6 следующих месяцев, начиная с 1 сентября 1940 года...*

Я прочту два первых абзаца на третьей странице:

«К середине октября подводные лодки топили торговые суда, не обращая никакого внимания на безопасность команд. Но через четыре месяца немцы все еще официально заявляли, что они действуют в соответствии с указом о захвате трофеев. Но их собственные полуофицальные комментаторы, однако, прояснили это положение. Что же касается нейтральных судов, то официальные лица в Берлине в феврале заявили, что любое нейтральное судно, которое добровольно или по принуждению идет в порт противника, включая порты, контролирующие контрабанду, тем самым теряет свою нейтральность и должно рассматриваться как вражеское.

В конце февраля положение окончательно выяснилось, благодаря заявлению о том, что нейтральное судно, которое получило охранное морское свидетельство от британского консула для того, чтобы избежать захода в британскую базу контроля за контрабандой, подлежало потоплению германской подводной лодкой, даже если оно шло из одного нейтрального порта в другой.

Что касается союзных судов, то в середине ноября 1939 года Берлином было издано предупреждение о том, что британские суда не должны вооружаться. К этой дате ряд британских торговых судов были незаконно атакованы огнем из орудий или торпедами, выпущенными подводными лодками, а после этой даты еще пятнадцать невооруженных

союзных судов было торпедировано без предупреждения. Поэтому ясно не только то, что вооружение было полностью оправдано как мера защиты, но также и то, что ни до, ни после германской угрозы германские подводные лодки не делали различия между вооруженными и невооруженными судами».

Последний абзац только подводит итоги, но не прибавляет ничего нового.

Обращаюсь к документу Д-641(b), который представляет собой аналогичный отчет, охватывающий следующие 6 месяцев. Я прочту пять первых абзацев на 1-й странице:

«30 января 1941 года Гитлер объявил: "Каждое судно, идущее с конвоем или без, которое появляется перед нашими торпедными аппаратами, должно быть торпедировано"».

На первый взгляд это заявление не допускает компромисса. Единственная оговорка, вытекающая из контекста, сводится к тому, что угрозы, непосредственно предшествовавшие этой фразе, конкретно адресованы народам американского континента. Германские комментаторы, однако, в последующем пытались смягчить сказанное, утверждая, что Гитлер имел в виду только те суда, которые пытались войти в ту зону, где предполагалось действие германской тотальной блокады.

Не имеет большого значения то, что именно имел ввиду Гитлер, поскольку единственный вывод, который может быть сделан после изучения фактов ведения противником войны против торговых судов, заключается в том, что действия противника в этой области никогда не были ограничены теми принципами, которые высказывались его официальными представителями, но единственно определялись наличием или отсутствием возможностей в данное время.

Председатель: *Полковник Филлимор, не является ли этот документ, который Вы сейчас читаете, аргументацией по правовым вопросам?*

Филлимор: *Частично, да, Ваша честь. Трудность заключается в том, чтобы, оставив в стороне эти части документа, выбрать факты.*

Председатель: *Очень хорошо.*

Филлимор: *В третьем абзаце, если опустить оставшуюся часть второго абзаца, заключается следующее:*

«Целью германской тотальной блокады было помешать нейтральным судам входить в морскую зону колоссальных размеров вокруг Британии (область, простиравшуюся примерно на 500 миль к западу от Ирландии и от широты Бордо до широты Фарерских островов) под угрозой, что они будут потоплены без предупреждения, а их команды уничтожены. Фактически, по крайней мере 32 нейтральных судна, исключая те, которые шли в сопровождении британ-

ских конвоев, были потоплены противником после объявления «тотальной блокады».

И, наконец, последняя фраза в следующем абзаце, связанная с потоплением торговых судов без предупреждения.

Хотя во многих случаях информация отсутствует, наличествует ряд деталей, доказывающих, что в течение обозреваемого периода, по крайней мере 38 союзных торговых судов, исключая те, которые сопровождались конвоем, были торпедированы без предупреждения в самой зоне «тотальной блокады» или вблизи ее.

То, что сами немцы не преувеличивали значения этой зоны, доказывается тем фактом, что из 38 судов, о которых шла речь, по крайней мере 16 было торпедировано за пределами военной зоны.

На следующей странице излагается конкретный случай, иллюстрирующий изложенный выше вопрос. Первый абзац на этой странице, третья фраза:

«Потопление судна "Сити оф Бенарес" 17 сентября 1940 года является ярким примером этого. "Сити оф Бенарес" — линейный корабль водоизмещением в 11 000 тонн со 191 пассажиром на борту, включая около 100 детей. Это судно было торпедировано без предупреждения за пределами «военной зоны». Погибло 258 человек, включая 77 детей и команду. Когда судно было торпедировано около 10 часов вечера, шел дождь с градом, дул резкий ветер и море было очень бурным. В темноте из-за условий погоды по крайней мере 4 из 12 спущенных спасательных лодок опрокинулись, остальные заливала вода, и многие люди были сброшены в море волной. Только в одной лодке 16 человек, включая 11 детей, погибли от того, что были оставлены на произвол судьбы, в другой погибло 22 человека, включая 15 детей, в третьей — 21 человек.

Следует подчеркнуть не только необычную жестокость этого нападения, но и то, что подобные результаты неизбежны, когда нападающий пренебрегает правилами ведения войны на море так, как это делали и делают немцы».

Я думаю, что остальная часть этого абзаца не является важной.

Я обращаюсь к документу Д-641(с), который представляет собой часть документа ВБ-191.

Председатель: Я думаю, что из тех фактов, которые вы изложили, ясно, что никакого предупреждения не делалось.

Филлимор: Нет, милорд.

Председатель: Мы думаем, что Вам следует прочесть и следующий абзац.

Филлимор: Если Ваша честь желает.

«Имеются сотни подобных же историй, историй о странствиях в течение многих дней в открытых лодках в атлантических штормах; о людях в воде, цепляющихся за плот и в течение нескольких часов один за другим выпускающих его; о командах, которые под пулеметным огнем пытались спустить лодки или плыть на них; о моряках, разорванных на куски снарядами, торпедами и бомбами. Противник должен знать, что подобные вещи являются неизбежным результатом избранного ими способа ведения войны».

Остальная часть во многом такого же содержания.

Следующий документ Д-641(е) является удостоверением, в котором приводится общее число потопленных подводными лодками судов в течение войны — 2775 британских, союзных и нейтральных судов общим водоизмещением 14 572 435 тонн.

Милорд, возможно, следует обратиться к одному примеру, не процитированному в этих отчетах, о жестоком характере действий, проводившихся под руководством командиров подводных лодок, находившихся в ведении подсудимого, особенно поскольку имеются британские и германские версии потоплений.

Я обращусь к другому документу: «Потопление судна "Шиф Мид"». Это документ Д-644, ВБ-192. Я прочту первый абзац:

«Британское судно "Шиф Мид" было торпедировано без предупреждения 27 мая 1940 года...»

Председатель: Это германские данные, не так ли?

Филлимор: Это документ в форме британского отчета. Он включает в себя германскую версию в виде законченного отрывка из судового журнала.

Председатель: Там написано «совершенно секретно»?

Филлимор: Да, милорд, в то время это был совершенно секретный документ. Это было некоторое время тому назад.

«Британское судно "Шиф Мид" было торпедировано без предупреждения 27 мая 1940 года, погиб 31 человек из команды. О командире подводной лодки, ответственном за этот акт, сообщается, что он вел себя исключительно жестоко по отношению к людям, которые пытались вскарабкаться на перевернутые лодки и куски дерева. Предполагается, что этот человек — капитан-лейтенант Орн, командовавший подводной лодкой "U-37"».

Следующий отрывок из судового журнала от 27 мая 1940 года не оставляет никакого сомнения в этом и говорит сам за себя в отношении его поведения.

Снова обращаемся к соответствующему отрывку из судового журнала, на второй странице, время, отмеченное на документе, 15 час. 54 мин.

«Мы на поверхности. Корма находится под водой». Имеется в виду судно, которое было торпедировано. «Корма под водой. Носовая часть поднимается вверх. Лодки спущены на воду. Им повезло. Картина представляет собой полный порядок. Они находятся на некотором расстоянии. Нос поднимается совсем высоко. Два человека появляются откуда-то в носовой части судна. Они бегают вдоль палубы. Корма исчезает, судно перевертывается. Потом следует страшный взрыв парового котла. Два человека взлетают в воздух, раскинув руки и ноги. Гром и треск. Затем все кончено. Всплывает масса обломков. Мы приближаемся, чтобы определить название судна. Команда спасается на лодках и обломках судна. Мы вылавливаем спасательный круг. На нем нет названия. Я спрашиваю человека на плоту. Он говорит, почти не оборачиваясь, — "Нет названия".

Юноша в воде призывает на помощь. Другие очень спокойны. Они, по-видимому, промокли и устали. На лицах выражение холодной ненависти. Идем старым курсом. После того как смыли краску со спасательного круга, обнаруживается название судна: "Гретафилд", Глазго. 5006 тонн».

«Идем прежним курсом» — означает, что подводная лодка ушла.

Следующая страница этого документа содержит отрывок из отчета старшего машиниста «Шиф Мид». Первый и последний абзацы, на которые я буду ссылаться:

«Когда я выплыл на поверхность, оказалось, что я нахожусь у левого борта, то есть ближе к подводной лодке, всего около пяти ярдов от нее. Капитан подводной лодки спросил вестового о названии судна и последний назвал ему его. Затем он выловил один из наших спасательных кругов. На нем было имя "Гретафилд", поскольку наше судно носило это имя, прежде чем оно было заменено на "Шиф Мид", в январе прошлого года».

В последнем абзаце:

«Два человека стояли у борта с баграми для того, чтобы отгонять нас. Подлодка кружилась вокруг нас в течение получаса, и эти люди фотографировали нас в воде. Больше они ничего не делали, просто смотрели на нас, но ничего не говорили. Затем подводная лодка погрузилась и удалилась, не оказав нам никакой помощи».

Председатель: Не имеется ли в германском отчете какого-либо упоминания о том, что было дано предупреждение?

Филлимор: Нет, милорд, совершенно ясно, что предупреждения не было дано.

В записи, относящейся к 14 час. 14 мин., описывается, как было замечено судно и как трудно его опознать. Затем, наверху страницы:

«Расстояние уменьшается. Расстояние до судна быстро сокращается, но координаты все еще 40 — 50. Я еще не могу видеть корму. Торпедные аппараты готовы. Отдавать команду или нет? Орудийные расчеты также готовы. На борту судна виден желтый крест на фоне маленького темно-синего квадрата. Шведское? Очевидно, нет. Я поднимаю немного перископ. Ура! Орудие на корме — зенитное орудие или что-то похожее. Огонь! Я не могу промахнуться...» Затем потопление.

Теперь, когда возможно изучить некоторые подлинные документы, которыми подсудимый и его сообщники отдавали приказы в нарушение международного права, можно подумать, что те, кто составляли приводившиеся выше отчеты, преуменьшили факты. Эти приказы относятся не только к периоду, на который имеются ссылки в отчетах, но также и к последующим периодам ведения войны. Интересно отметить по ним шаги, предпринимавшиеся подсудимыми к достижению поставленной цели. Сначала они удовлетворялись тем, что нарушали нормы международного права до той степени, что топили торговые суда, включая нейтральные, без предупреждения в ситуации, когда имелась разумная перспектива избежать в дальнейшем разоблачения. Факты, на которые я уже ссылался, показывают, что вопрос о том, имели ли суда оборонительное вооружение или находились ли они в объявленном районе боевых действий, не имел практически никакого значения.

Я обращаюсь к документу С-191, ВБ-193. Это меморандум германского военно-морского штаба от 22 сентября 1939 года. Здесь говорится:

«Главнокомандующий подводными силами намеревается дать разрешение подводным лодкам топить без предупреждения любое судно, идущее без огней».

Я читаю с третьего предложения:

«Практически не представляется возможным атаковать суда ночью, поскольку подводная лодка не может определить цель, представляющую из себя тень, так, чтобы полностью исключить возможность ошибки. Если политическая ситуация такова, что даже возможные ошибки должны быть исключены, подводным лодкам должно быть запрещено производить какие-либо атаки ночью в тех водах, где могут находиться французские и британские военно-морские силы или торговые суда. С другой стороны, в тех водах, где ожидаются только английские соединения, меры, которые желательны для командующего подводными силами, следует проводить. Разрешение предпринимать такой шаг не дается в письменном виде, но базируется на невысказанном одобрении главного военно-морского оперативного штаба. Командиры подводных лодок будут информированы устно и

потопление торгового судна должно быть оправдано в военном дневнике как происшедшее в связи с тем, что торговое судно было принято за военный корабль или вспомогательный крейсер. В настоящее время подводные лодки в проливе Ла-Манш получили инструкции нападать на все суда, идущие без огней».

Я перехожу к следующему документу — С-21, ВБ-194.

Этот документ представляет собой ряд отрывков из военного дневника штаба руководства войной на море главного командования германского ВМФ. Во втором отрывке на странице 5 говорится о совещании с начальником штаба руководства войной на море. «Отчет от 2 января 1940 года».

Цитирую:

«Доклад, исходящий от 1-а». Это доклад оперативного отдела о директиве верховного командования вооруженных сил от 30 декабря.

«Согласно этому, фюрер, в связи с докладом главнокомандующего военно-морским флотом, решил:

а) торговые греческие суда должны рассматриваться как вражеские суда в зоне, блокированной США и Британией;

б) все суда, проходящие через Бристольский залив, могут быть атакованы без предупреждения. Для общественного мнения эти атаки должны выдаваться за подрыв судов на минах. Обе меры должны быть приняты немедленно».

Следующий отрывок, доклад 1-а, то есть оперативного отдела военно-морского штаба, о директиве верховного командования вооруженных сил от 30 декабря:

«Касательно усиления мер в воздушной и военно-морской войне в связи с планом "Гельб"».

«Согласно этой директиве, военно-морской флот получает право, одновременно с общим усилением войны, силами подводных лодок топить все суда без какого-либо предупреждения в водах вблизи берегов противника, где могли быть применены мины. В этом случае для объяснения можно высказать ту причину, что были использованы мины. Действия подводных лодок и употребление ими оружия должны быть приспособлены к данной цели».

И затем третий отрывок от 6 января 1940 года.

«Фюрер принципиально согласился — протокол доклада главнокомандующего военно-морским флотом от 30 декабря — допустить стрельбу без предупреждения в некоторых частях американской зоны блокады, по-прежнему выдавая атаки за возможный подрыв на минах».

Этот приказ был затем передан главнокомандующему подводными силами, проводившему в жизнь это решение.

Следующий отрывок от 18 января 1940 года несколько дополняет предыдущий, и я его прочту:

«Верховное командование вооруженных сил издало следующую директиву от 17 января, отменявшую предыдущий приказ, касающийся усиленных мер в войне против торговых судов.

Военно-морской флот получает право, немедленно вступающее в силу, на потопление без предупреждения силами подводных лодок всех судов в водах вблизи берегов противника, где могли быть применены мины...»

Следующий документ С-118, ВБ-195. Это отрывок из военного дневника подсудимого, датированный 18 июля 1941 года. В нем идет речь о дальнейшем расширении этого приказа, поскольку сокращаются категории судов, не подлежащих атакам.

«В дополнение к приказу, запрещающему до настоящего времени атаки на военные и торговые суда США в зоне боевых действий в Северной Атлантике, фюрер приказал следующее:

1. Атаки на торговые суда США, идущие с британским конвоем или конвоем Соединенных Штатов, или без конвоя, разрешаются в самой зоне боевых действий, которая соответствует своими размерами зоне блокады США и которая не включает морской путь США — Исландия».

Как видно из этих приказов, в один и тот же день суда одной нейтральной страны при определенных условиях могли быть потоплены в то время, как суда другой нейтральной страны не могли быть потоплены. Было бы легко представить Трибуналу огромное количество приказов и конкретных примеров для того, чтобы показать, что отношение к судам различных нейтральных стран менялось в разное время.

Дело в том, что подсудимый вел подводную войну и против нейтральных судов с полным цинизмом и оппортунизмом. Все зависело от политического отношения Германии к конкретной стране в конкретное время. Это определяло, топит ли Германия суда данной страны.

Я обращаюсь к следующему документу в книге документов — к документу Д-642, ВБ-196. Милорд, это — серия приказов. Первый из этой серии обязывал командиров подводных лодок не только уклоняться от спасения команд, не только не оказывать им никакой помощи, но преднамеренно уничтожать их.

Милорд, в течение представления мною доказательств по этому вопросу я вызову двух свидетелей. Первый свидетель даст суду показания о речи, произнесенной подсудимым в то время, когда он издал этот приказ, в котором описывается отношение к вопросу спасения союзных ко-

манд. В приказе говорилось о том, что спасению следует помешать любыми средствами.

Второй свидетель — офицер, который практически инструктировал команды по этому приказу.

Милорд, этот документ представляет собой отрывок из постоянно действующего приказа командования подводными лодками — отрывок из постоянного приказа номер 154, подписанного подсудимым.

«...Не подбирайте спасшихся и не забирайте их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли. Заботьтесь только о своем собственном судне и боритесь только за то, чтобы достичь следующего успеха как можно скорее. Мы должны быть жестокими в этой войне. Враг начал войну для того, чтобы нас уничтожить. Поэтому ничто другое не имеет значения».

Председатель: *Каким числом датирован документ?*

Филлимор: *Милорд, этот приказ — копия, которую мы имеем, не датирована, но следующий приказ номер 173, который был издан вслед за оперативным приказом, датирован 2 мая 1940 года. Поэтому Трибунал может считать, что этот приказ был издан ранее 2 мая 1940 года.*

Председатель: *Раньше чем в мае 1940 года?*

Филлимор: *Да, раньше, чем в мае 1940 года.*

Однако в 1942 году, когда вступили в войну Соединенные Штаты с их колоссальными возможностями в построении флота и вызванное этим обстоятельством изменение ситуации обусловило необходимость дальнейшего регулирования методов, принятых подводными лодками под командованием подсудимого; на подсудимого следует возложить вину за приказ, в котором говорилось не только о потоплении торговых судов и уклонении от спасения команд, но и об их преднамеренном уничтожении.

Следующий документ показывает развитие событий. Это — документ Д-423, ВБ-197 — запись беседы между Гитлером и японским послом Осима в присутствии подсудимого Риббентропа 3 января 1942 года.

«Фюрер с помощью карты объясняет японскому послу настоящее состояние морской войны в Атлантике, подчеркивая, что он считает наиболее важной задачей полное развертывание подводной войны. Подводные лодки сейчас реорганизуются. Прежде всего, он отозвал все подводные лодки, которые действовали в Атлантике. Как указано выше, они отныне будут патрулировать вблизи портов Соединенных Штатов. Позднее они будут заходить в район Фритауна, а лодки больших размеров даже до самого Кейптауна».

Далее детали:

«После того как фюрер дал дальнейшие объяснения по карте, он указал, что сколько бы судов ни построили Соединенные Штаты, одной из самых больших проблем для них будет недостаток личного состава. По этой причине даже торговые суда должны топиться без предупреждения с намерением уничтожить по возможности максимальное число членов команд.

Когда обнаружится, что большинство моряков погибло при потоплении судов, американцы столкнутся с трудностями в наборе новых команд. Подготовка членов экипажей требует очень много времени. Мы боремся за наше существование и наши позиции не должны основываться на каких-либо человеческих чувствах. По этой причине он должен отдать приказ, что в случае, когда иностранные моряки не могут быть взяты в плен, что чаще всего невозможно на море после того, как судно торпедировано, подводные лодки должны подняться на поверхность и расстреливать людей в спасательных лодках.

Посол Осима сердечно согласился с высказываниями фюрера и сказал, что японцы тоже вынуждены следовать этим методам».

Следующий документ Д-446, ВБ-198. Я не намереваюсь зачитывать его. Это отрывок из военного дневника от 16 сентября 1942 года, продолжение повествования в том смысле, что речь идет об эпизоде, который произошел на следующий день после того, как был издан приказ, который я инкриминирую подсудимому. Защита, очевидно, также пожелает сослаться на этот эпизод. В дневнике рассказывается об атаке на подводную лодку, которая спасала тонувших, преимущественно итальянцев, спасшихся с союзного линейного корабля «Лакония», и была атакована союзной авиацией.

Следующий документ — Д-630, ВБ-199. Он представляет собой четыре документа. Первый — совершенно секретный приказ, направленный всем командирам подводных лодок из штаба подсудимого 17 сентября 1942 года.

«1. Никаких попыток не следует делать для того, чтобы спасать членов экипажей потопленных судов. Это распространяется на вылавливание людей из воды и помещение их в спасательные лодки, выправление перевернутых спасательных лодок и снабжение людей пищей и водой. Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд.

2. Приказы относительно захвата капитанов и главных инженеров все еще остаются в силе.

3. Помощь потерпевшим кораблекрушение следует оказывать только в том случае, если их сообщения могут быть важны для вашей лодки.

4. Будьте жестоки, помните, что враг не принимает во внимание присутствие женщин и детей, когда бомбардирует германские города».

Этот приказ сформулирован в очень осторожных выражениях. Его цель совершенно четко выявляется в следующем документе на этой же самой странице — отрывке из военного дневника подсудимого, и я должен сказать, что, как это видно из копии, врученной суду, военный дневник подписан лично подсудимым Деницем. Это выдержка из его военного дневника от 17 сентября 1942 года.

«Внимание всех командиров снова привлекается к тому факту, что все усилия, направленные на спасение членов команд потопленных судов, противоречат элементарным требованиям ведения войны, т. е. задаче уничтожения вражеских судов и их команд. Приказы, касающиеся захвата капитанов и главных инженеров, все еще имеют силу».

Последние два документа на этой странице содержат телеграмму от командира подводной лодки «Шахт» в штаб подсудимого и ответ на нее. Подводная лодка «Шахт» принимала участие в спасении погибавших с «Лаконии». Телеграмма с подводной лодки «Шахт» датирована 17 сентября 1942 года. В ней говорится:

«163 итальянца были переданы на судно "Аннамит". Штурман с "Лаконии" и другой английский офицер взяты на борт». Затем в телеграмме рассказывается о положении оставшихся в живых англичан и поляков в спасательных лодках.

В ответе, посланном 20 сентября, говорится:

«Действие, описанное в телеграфном сообщении от 17 сентября, было неправильным. Лодка была направлена для спасения итальянских союзников, но не для спасения англичан и поляков».

Это маленький эпизод, но следует обратить внимание, что слово «направлена» относится ко времени до бомбардировки.

Следующий документ — Д-663, ВБ-200 — был издан позднее и, возможно, не вошел в книгу документов Трибунала.

Это отрывок из оперативного приказа. Оперативный приказ «Атлантик № 56» от 7 октября 1943 года. Копия является частью приказа подводной лодке о выходе в море. Я докажу при допросе второго свидетеля, что, хотя дата этого приказа 7 октября 1943 года, на самом деле это воспроизведение приказа, который был издан гораздо раньше — осенью 1942 года.

«Спасательные суда» — судно специального назначения, обычно придается каждому конвою, доходящее водоизмещением до 3000 тонн, назначением которого является

подбирать тонущих после атаки подводных лодок. В большинстве случаев эти суда снабжены большими моторными лодками, сильно вооружены глубинными бомбами и способны маневрировать так, что часто командир подводной лодки принимает их за мины-ловушки».

И затем последняя фраза: «Имея в виду желательное уничтожение экипажей судов, потопление таких судов является чрезвычайно ценным».

Если я подведу итоги по этим документам из военного дневника от 17 сентября, ясно, что приказы по вопросам, обсуждавшимся между Гитлером и Осима, в самом деле были изданы, но мы их не захватили. Возможно, это произошло потому, что они были изданы устно и что подсудимый ожидал подходящей возможности, прежде чем подтвердить их.

Случай с бомбардировкой подводных лодок, которые были откомандированы для спасения итальянцев, находившихся на «Лаконии», предоставил такую возможность и был издан приказ ко всем командирам. Намерения этого приказа очень ясны, когда вы рассмотрите его в свете военного дневника. Формулировки этого приказа, конечно, очень осторожны, но для любого опытного офицера содержание его было очевидным и он бы знал, что преднамеренные действия по уничтожению оставшихся в живых будут одобрены, согласно этому приказу.

Вам скажут, что этот приказ, хотя, возможно, неудачно сформулированный, был просто рассчитан на то, чтобы остановить командира от того, чтобы он подвергал опасности свое судно, пытаясь произвести спасательные действия, когда это становилось все более опасным в результате расширявшихся действий союзной авиации над океаном. И якобы пресловутая акция командира подводной лодки «Экка» — потопление греческого судна «Пелеус» и затем расстрел из пулеметов команды, находившейся на плотах — была исключением, и копия этого приказа была на борту лодки «Экка» и эта акция была произведена командиром исключительно, как он сам поклялся, по его собственной инициативе.

Я бы хотел указать Трибуналу, что если задачей этого приказа было остановить спасательные работы в интересах сохранения подводной лодки, то, прежде всего, это было бы сделано путем привлечения внимания к постоянно действующему приказу 154.

Во-вторых, сам этот факт был бы совершенно ясно выражен в приказе; жестокие приказы такого характера не составляются опытными офицерами штаба без боль-

шой осторожности и предвидения возможного захвата их врагом.

В-третьих, если бы было необходимо избежать риска, связанного с нахождением на поверхности, то там не только бы не говорилось об этом, но вообще не могла бы идти речь о взятии каких бы то ни было пленных, за исключением только, когда нахождение на поверхности не представляло бы риска.

В-четвертых, последнее предложение первого абзаца излагалось бы совершенно по-другому.

И, в-пятых, если на самом деле — а обвинение этого не принимает ни на один момент — подсудимый не имел в виду приказывать совершать убийства, его приказ был так сформулирован, что он не может избежать ответственности, связанной с таким документом.

Милорд, я вызываю первого свидетеля Петера Хейзига.

(Входит свидетель)

Председатель: *Как Ваше имя?*

Хейзиг: *Петер Иосиф Хейзиг.*

Председатель: *Повторяйте за мной.*

«Клянусь Богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

(Свидетель повторяет слова присяги)

Филлимор: *Петер Иосиф Хейзиг, Вы были в Германии старшим лейтенантом флота?*

Хейзиг: *Я — старший лейтенант военно-морского флота Германии.*

Филлимор: *Вы были взяты в плен в 1944 году, 27 декабря, и с тех пор Вы являетесь военнопленным?*

Хейзиг: *Да.*

Филлимор: *Вы дали письменное показание под присягой 27 ноября 1945 года?*

Хейзиг: *Да.*

Филлимор: *Это Ваша подпись?*

(Документ Д-566 предъявляется свидетелю)

Филлимор: *Милорд, это документ Д-566, ВБ-201.*

Хейзиг: *Да, это документ, который я подписал.*

Филлимор: *Возвратитесь мысленно к осени 1942 года. В каком чине Вы находились в то время?*

Хейзиг: *Я служил старшим лейтенантом во 2-м учебном дивизионе подводных лодок.*

Филлимор: *Вы проходили там курс обучения?*

Хейзиг: *Я проходил специальный курс обучения для вахтенных офицеров подводных сил.*

Филлимор: *Помните ли Вы последний день Вашего обучения?*

Хейзиг: *В последний учебный день гросс-адмирал Дениц, который был тогда командующим подводными силами, произвел смотр во 2-м учебном дивизионе подводных лодок.*

Филлимор: *И что случилось в конце смотра?*

Хейзиг: *В конце смотра, то есть не совсем в конце, а во время смотра, гросс-адмирал Дениц произнес речь, которая была обращена к офицерам 2-го учебного дивизиона подводных лодок.*

Филлимор: *Не можете ли Вы вспомнить дату этого смотра?*

Хейзиг: *Я помню только примерно, что это, очевидно, было в конце сентября или в начале октября 1942 года.*

Филлимор: *Не изложите ли Вы перед Трибуналом содержание того, что было сказано адмиралом Деницем в его речи? Говорите медленно.*

Хейзиг: *Гросс-адмирал Дениц говорил в своей речи, что действия подводных лодок в последнее время стали менее успешными. Причиной этого являлся сильный воздушный контроль со стороны противника. Он сказал, что сконструированы новые зенитные средства, которые впоследствии дадут подводным лодкам возможность защищаться от атак с воздуха. Гитлер заверил его лично в том, что подводные лодки прежде, чем какие-либо другие рода войск, получат на вооружение эти зенитные пушки. Поэтому следует ожидать, что через несколько месяцев вновь можно будет подойти к уровню первоначальных достижений. Гросс-адмирал Дениц затем остановился на взаимопонимании, которое было достигнуто у него с Гитлером, и затем перешел к программе вооружения Германии.*

На вопрос одного из офицеров относительно газетной статьи, в которой говорилось о том, что союзные державы ежемесячно строят торговый флот водоизмещением более чем на 1 000 000 тонн, Дениц ответил, что он сам сомневается в достоверности этой цифры и что данные эти были сообщены на основании слов президента Рузвельта. Затем гросс-адмирал Дениц кратко остановился на личности Рузвельта и программе вооружений Америки, а также на ее военном потенциале. Далее он говорил о том, что союзники находятся в чрезвычайно затруднительном положении в отношении комплектования команд кораблей. Путь через Атлантический океан из-за действий немецких подводных лодок стал очень опасен, так как немецкие подводные лодки топят большое количество кораблей союзников. Многие из союзных моряков по нескольку раз подвергались торпедированию. Об этом шло много разговоров и это заставляло моряков уклоняться от выхода в море. Некоторые из них даже пытались увильнуть от атлантических рейсов,

так что власти союзников вынуждены были удерживать команды на борту кораблей принудительным образом или, если это было необходимо, прибегать к силе закона. Все эти признаки являются для немцев весьма благоприятными. Из тех фактов, что во-первых, союзники строят много торговых кораблей и, во-вторых, сталкиваются также с большими затруднениями в связи с тем, что необходимо укомплектовывать экипажи этих судов, гросс-адмирал Дениц сделал вывод, что проблема укомплектования экипажей у союзников является очень серьезной. Потери в людях очень сильно бьют по союзникам. Во-первых, так как у них нет достаточного количества резервов, во-вторых, потому...

Филлимор: *Я не хотел бы Вас перебивать, но говорил ли он вообще что-нибудь о спасении команд? Вы говорили нам о потерях союзников и о том, насколько они были серьезны.*

Хейзиг: *Да. Он говорил относительно спасения людей, но я об этом хочу сказать несколько позднее.*

Гросс-адмирал Дениц говорил далее, что потери союзников являются для них очень чувствительными, так как, во-первых, они не имеют резервов и обучение новых моряков требует длительного времени. Поэтому он считал непонятным, что и сейчас подводные лодки...

Председатель: *Полковник Филлимор, простите, я думаю, не следует приводить полностью речь адмирала Деница. Хотелось бы услышать ее существенную часть.*

Филлимор: *Вы говорили о потерях. Обратитесь к тому, что гросс-адмирал сказал в конце своей речи. Что говорил далее гросс-адмирал?*

Тома *(защитник Розенберга): Хотя показания свидетеля непосредственно меня не касаются, хочу возразить.*

По немецкому уголовно-процессуальному кодексу свидетель должен сказать все, что он знает по данному делу. Когда его спрашивают относительно речи гросс-адмирала Деница, то он не должен, по крайней мере, согласно немецкому праву, давать показания только о тех частях речи, которые, по мнению представителя обвинения, являются неблагоприятными для подсудимого. Я полагаю, что этот принцип должен быть сохранен и для данного процесса во всех случаях, когда допрашивается свидетель.

Председатель: *Трибунал не руководствуется принципами германского права, и я уже сказал, что Трибунал не желает заслушивать от этого свидетеля полностью речь гросс-адмирала Деница.*

Любому защитнику будет дана возможность провести перекрестный допрос свидетеля. Ваше вмешательство поэтому не было вызвано никакой необходимостью.

Филлимор: *Обратитесь к решающим частям речи гросс-адмирала Деница.*

Хейзиг: *Гросс-адмирал Дениц продолжал свою речь примерно следующим образом. При данной ситуации он не понимает такого положения вещей, при котором германские подводные лодки, подвергают себя опасности, пытаясь спасать корабли и экипажи потопленных ими торговых кораблей противника, ставя при этом под угрозу свои суда. Это значит действовать на руку врагу, так как спасенные экипажи выйдут в будущем в море на новых торговых судах. Сейчас необходимо вести тотальную войну также и на море. Экипажи кораблей для подводных лодок являются такой же целью, как сами корабли. Это приведет к тому, что союзники не будут в состоянии укомплектовать экипажи своих новых кораблей. С другой стороны, следует ожидать, что в Америке и соответственно во всех других союзных странах вспыхнет забастовка, так как уже сейчас часть моряков отказывается выйти в море. Таких результатов можно ожидать, если наша тактика сделает войну на море более решительной. Если такая тактика покажется кому-то из нас жестокой, мы всегда должны помнить о том, что наши жены и наши семьи на родине подвергаются бомбардировкам противника.*

Таково было содержание речи гросс-адмирала Деница в ее существенных чертах.

Филлимор: *Сколько приблизительно офицеров присутствовало и слушало эту речь?*

Хейзиг: *У меня нет опыта в установлении количества людей в больших залах. Я могу сказать весьма приблизительно. Примерно 120 офицеров.*

Филлимор: *Милорд, можно перейти к перекрестному допросу свидетеля...*

Кранцбюллер *(защитник Деница): Я защищаю гросс-адмирала Деница.*

Председатель: *Защитник гросс-адмирала Деница, то, что я сказал доктору Тома, не имеет никакого отношения к Вашему перекрестному допросу. Это было сделано только для того, чтобы сократить время. Трибунал не желал заслушивать не имеющих значения частей речи подсудимого Деница. Однако Вам предоставляется полная свобода задавать любые вопросы, которые Вы пожелаете.*

Кранцбюллер: *Обер-лейтенант Хейзиг, Вы сами участвовали в боевых операциях?*

Хейзиг: *Да.*

Кранцбюллер: *На какой лодке и под чьим командованием?*

Хейзиг: *На подлодке «U-877», под командованием капитан-лейтенанта Финкайзена.*

Кранцбюллер: *Имели ли Вы успехи в действиях против кораблей противника?*

Хейзиг: *Лодка была потоплена в то время, как она следовала в район боевых действий.*

Кранцбюллер: *До того, как Вы потопили судно противника?*

Хейзиг: *Да.*

Кранцбюллер: *Какими средствами противника была потоплена Ваша лодка?*

Хейзиг: *При помощи глубинных бомб. Два канадских фрегата обнаружили и затем потопили лодку глубинными бомбами.*

Кранцбюллер: *Ваши сегодняшние показания несколько отличаются от того объяснения, которое Вы дали 27 ноября, причем расхождения имеются в весьма существенных пунктах. При каких обстоятельствах Вы давали свои показания 27 ноября?*

Хейзиг: *Я давал эти показания для того, чтобы содействовать защите моих товарищей, которые предстали перед военным судом в Гамбурге и были там приговорены к смертной казни по обвинению в убийстве моряков, потерпевших кораблекрушение.*

Кранцбюллер: *Ваши показания начинаются следующими словами:*

«Мне стало известно, что германские моряки обвиняются в убийстве, и поэтому я считаю себя обязанным дать следующие показания под присягой».

О каких сведениях Вы говорили и когда Вы их получили?

Хейзиг: *Это было в начале гамбургского процесса по делу капитан-лейтенанта Экка и его офицеров. Я тогда находился в лагере военнопленных в Великобритании и слышал по радио, а также читал в газетах о том, что эти офицеры должны быть преданы суду. Так как я очень хорошо знал одного из обвиняемых офицеров, лейтенанта Августа Гофмана и говорил с ним на эту тему два или три раза, я чувствовал себя обязанным помочь ему и содействовать его защите.*

Кранцбюллер: *Скажите, во время Вашего допроса 27 ноября не говорили ли Вам тогда, что смертный приговор, вынесенный капитан-лейтенанту Экку и лейтенанту Гофману, был уже утвержден?*

Хейзиг: *Не знаю, было ли это 27 ноября. Я знаю только то, что мне стало известно только здесь, что смертная казнь была приведена в исполнение. Какого числа — я точно не помню, так как меня допрашивали несколько раз.*

Кранцбюллер: *Скажите пожалуйста, зная все эти обстоятельства, можете ли Вы еще утверждать, что в речи гросс-адмирала Деница каким-либо образом говорилось о том,*

что следует открывать огонь по потерпевшим кораблекрушение морякам?

Хейзиг: *Нет, на основании его замечания о бомбардировках мы сделали вывод о том, что тотальную войну следует вести против судов и команд. Так мы поняли. Я об этом говорил с моими товарищами, на обратном пути в Ганзу. Мы были убеждены, что гросс-адмирал Дениц это имел в виду. Он, однако, прямо этого не говорил.*

Кранцбюллер: *Скажите, говорили ли Вы со своим начальством в школе на эту тему?*

Хейзиг: *В тот же день я уехал из школы, но я помню, что один из начальников, фамилию я не помню и в какой связи это было я также сейчас не могу вспомнить, однажды беседовал с нами на эту тему. И, в частности, он советовал нам, чтобы на командном мостике присутствовали офицеры, готовые осуществлять уничтожение потерпевших кораблекрушение, в случае, если для этого представится возможность или если в этом будет необходимость.*

Кранцбюллер: *Это говорил Вам один из Ваших начальников?*

Хейзиг: *Да, но я не помню в какой связи это было сказано и где это было. Мне давалось очень много указаний со стороны начальства по большому количеству вопросов.*

Кранцбюллер: *Это было в школе?*

Хейзиг: *Нет, я в тот же день убыл из учебного дивизиона подводных лодок.*

Кранцбюллер: *Вам разъяснили в школе постоянно действующие военные приказы?*

Хейзиг: *Да, нам разъяснили постоянно действующие военные приказы.*

Кранцбюллер: *Скажите, в этих постоянно действующих военных приказах говорилось что-либо о том, что нужно стрелять по потерпевшим кораблекрушение или уничтожать их спасательные средства?*

Хейзиг: *Нет, в них об этом не говорилось, но мне кажется, из некоторых высказываний капитана Рольмана, который был тогда командиром офицерской роты, можно было заключить, что незадолго до этого была получена какая-то телеграмма, содержавшая приказ, согласно которому всякое спасение потерпевших запрещалось...*

Кранцбюллер: *Скажите, в запрете осуществления спасательных мер Вы усматриваете распоряжение об открытии огня по потерпевшим кораблекрушение?*

Хейзиг: *Мы пришли к этому...*

Кранцбюллер: *Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос, усматриваете ли Вы это?*

Хейзиг: *Нет.*

Кранцбюллер: *Благодарю Вас...*

Филлимор: *Я вызываю сейчас моего второго свидетеля — Карла Гейнца Меле. Письменные показания под присягой, которые он дал, являются следующим документом в книге документов.*

(Вводят свидетеля)

Председатель: *Как Ваше имя?*

Свидетель: *Карл Гейнц Меле.*

Председатель: *Повторяйте за мной слова присяги...*

Филлимор: *Карл Гейнц Меле, Вы имели воинское звание капитана 3-го ранга в германском военно-морском флоте?*

Меле: *Да.*

Филлимор: *Вы служили в германском военно-морском флоте с 1930 года?*

Меле: *Да.*

Филлимор: *Не сообщите ли Вы Трибуналу, какие награды Вы имеете?*

Меле: *Я получил военный значок подводника, железный крест 2-го класса, железный крест 1-го класса, рыцарский крест, крест за военные заслуги 1-го и 2-го класса и серебряный крест.*

Филлимор: *Не давали ли Вы письменные показания под присягой 21 июля 1945 года?*

Меле: *Да, это мое показание, данное под присягой.*

Филлимор: *Не является ли предъявленный Вам документ ПС-382 Вашим письменным показанием?*

Меле: *Да, это мое показание, данное под присягой.*

Филлимор *(обращаясь к Трибуналу): Этот документ, ПС-382, ВБ-202, я представляю в качестве документального доказательства. (Свидетелю) Осенью 1942 года не командовали ли Вы 5-м дивизионом подводных лодок?*

Меле. *Да.*

Филлимор: *Не была ли Ваша база в Киле?*

Меле: *Да.*

Филлимор: *В течение какого времени Вы занимали этот пост?*

Меле: *Четыре года.*

Филлимор: *Это продолжалось с июня 1941 года до момента капитуляции?*

Меле: *Да.*

Филлимор: *Каковы были Ваши обязанности в качестве командира этого дивизиона?*

Меле: *Главными моими задачами как командира дивизиона было материальное снаряжение подводных лодок, направляемых с тыловых баз на фронт, и сообщение им приказов командования подводными лодками.*

Филлимор: *Несли ли Вы какую-нибудь особую ответственность в отношении приказов для командиров подводных лодок?*

Меле: *Да, я отвечал за то, чтобы выходящие в море подводные лодки имели все новые приказы командования подводных сил.*

Филлимор: *Несли ли Вы какую-нибудь ответственность за разъяснение содержания приказов?*

Меле: *Приказы командования всегда были очень ясны и недвусмысленны. При неясностях я обычно консультировался в штабе главнокомандующего подводными силами.*

Филлимор: *Видели ли Вы лично командиров лодок перед тем, как они выходили в море на выполнение заданий по патрулированию?*

Меле: *Да. Каждый командир лодки перед выходом на задание получал у меня инструкции.*

Филлимор: *Из чего состоял этот инструктаж? Задавались ли во время него какие-либо вопросы относительно приказов?*

Меле: *Да. На этих совещаниях с командирами обсуждались опыт предыдущих выходов в море и все вопросы, касающиеся оборудования. Командиры лодок имели возможность на этих совещаниях выяснять все проблемы, задавая вопросы.*

Филлимор: *Помимо совещаний с Вами, на которых производился инструктаж, приезжали ли командиры лодок в штаб Деница для получения там инструкций?*

Меле: *По мере возможности это делалось, главным образом, с того момента, когда главнокомандующий подводными силами перевел свою ставку из Парижа в Берлин.*

Филлимор: *Не помните ли Вы приказ, изданный осенью 1942 года, относительно спасательных лодок?*

Меле: *Да, в сентябре 1942 года мне была передана радиограмма для командиров всех лодок, находящихся в море, в которой говорилось об этом.*

Филлимор *(обращаясь к председателю): Не взглянете ли Вы на этот документ? Ваша честь, это документ ВБ-199, который я уже представил.*

Председатель: *Какой у него другой номер?*

Филлимор: *Это документ Д-630. (Обращаясь к свидетелю) Не является ли это приказом, на который Вы ссылаетесь?*

Меле: *Да, это тот приказ.*

Филлимор: *Видели Вы этот приказ в период после того, как Вы были взяты в плен, и до последней пятницы?*

Меле: *Нет.*

Филлимор: *Я думаю, что из этого следует, что показания об этом приказе Вы дали по памяти?*

Меле: *Да, только по памяти.*

Филлимор: *После того как Вы получили этот приказ, Вы посещали ставку гросс-адмирала Деница?*

Меле: *Да. После получения этого приказа я во время следующего посещения ставки главнокомандующего подводными силами говорил относительно этого приказа со специалистом штаба капитан-лейтенантом Куппишем.*

Филлимор: *Не сообщите ли Вы Трибуналу, о чем говорилось во время этой беседы?*

Меле: *Во время этой беседы я спросил, как следует понимать имеющиеся в этом приказе двусмысленные места? Он разъяснил мне приказ на двух примерах.*

Первый пример. Одна подводная лодка в Бискайском заливе при выходе на операцию заметила надувную лодку с оставшимися в живых членами экипажа одного английского самолета. Так как подлодка еще только шла на операцию, то есть была при полном снаряжении, она не имела возможности взять к себе экипаж этого самолета, хотя именно в это время было бы очень желательно доставлять с собой специалистов по радиолокации со сбитых самолетов для того, чтобы получать от них полезные сведения. Лодка обошла на большом расстоянии эту надувную лодку и продолжала свой маршрут. По возвращении с операции он рассказал об этом случае в штабе командующего подводными силами и офицеры штаба упрекнули его в том, что если уж он не мог захватить с собой этих специалистов по радиолокации, то по крайней мере ему следовало было уничтожить экипаж этого самолета, ибо следует ожидать, что максимум через 24 часа эта надувная лодка будет подобрана английскими сторожевыми кораблями и они...

Филлимор: *Простите, я Вас прерву на минуту. Я не вполне понял, что Вы сказали относительно того, как следовало поступить в данном случае. Вы сказали, что правильнее было бы...*

Меле: *Правильно было бы, если уж нельзя было взять с собой экипаж или специалистов, уничтожить их, ибо следует считаться с тем, что этот экипаж в самое короткое время будет подобран и спасен английскими сторожевыми кораблями и при случае сможет снова потопить одну или несколько германских подводных лодок.*

Второй пример. В первые месяцы подводной войны против Соединенных Штатов большое количество тоннажа, точную цифру я не помню, было потоплено в непосредственной близости от американского берега. После этих потоплений большая часть экипажей спаслась благодаря близости суши. Это очень прискорбно, ибо в систему торгового судоходства входит не только тоннаж, но и экипажи. Со временем эти экипажи в состоянии занять свое место на новых судах.

Филлимор: *Вы говорили относительно двусмысленности приказа. Известно ли Вам, как обычно формулировал свои приказы адмирал Дениц?*

Меле: *Я не совсем понял вопрос.*

Филлимор: *Известно ли Вам, как обычно адмирал Дениц формулировал свои приказы?*

Меле: *Конечно. По моему мнению, приказ должен был бы лишь гласить: «Вновь указывается на то, что ради безопасности подводных лодок спасательные мероприятия проводиться не должны». По моему мнению, приказ следовало бы составить так, если бы были запрещены только спасательные меры. Все...*

Филлимор: *Не хотите ли Вы сказать этим, что если были бы запрещены только меры по спасению, то было бы достаточно сослаться на предыдущий приказ?*

Меле: *Конечно, этого было бы достаточно.*

Филлимор: *Имелась ли на предыдущем приказе пометка «совершенно секретно»?*

Меле: *Этого я не могу точно вспомнить.*

Филлимор: *Какая пропаганда проводилась в то время относительно экипажа?*

Меле: *Пропаганда в то время сводилась к тому, что противнику очень трудно укомплектовать достаточно экипажей для своих торговых судов...*

Председатель: *Вопрос относительно пропаганды носит слишком общий характер, и ему трудно ответить.*

Филлимор: *Ваша честь, я не настаиваю. (Свидетелю) На основании Вашей осведомленности о том, каким образом формулировались приказы, не скажете ли Вы Трибуналу, каким образом Вы истолковывали этот приказ?*

Меле: *Приказ, по моему личному мнению, означал, что спасательные мероприятия по-прежнему запрещены и что, с другой стороны, желательно, чтобы при потоплении торговых судов никого не оставалось в живых.*

Филлимор: *И не потому ли, что Вы так истолковывали этот приказ, Вы тогда направились в ставку гросс-адмирала Деница?*

Меле: *Я поехал в ставку главнокомандующего подводными силами не только по поводу этого приказа. Такие визиты происходили довольно часто и имели цель выяснять также и другие вопросы, чтобы иметь возможность постоянно знакомиться с мнением главнокомандующего подводными силами, ибо я должен был сообщать об этом командирам подводных лодок.*

Филлимор: *Каким образом Вы инструктировали командиров лодок относительно этого приказа?*

Меле: *На совещаниях с командирами я зачитывал им текст этой радиограммы без всяких комментариев. В неко-*

торых немногочисленных случаях командиры спрашивали меня о значении этого приказа. В таких случаях я излагал командирам подводных лодок оба примера командующего так, как они были рассказаны мне в ставке. При этом я добавлял: командование подводными силами официально не может дать вам такой приказ, каждый должен решить этот вопрос в соответствии со своей совестью.

Филлимор: *Не помните ли Вы приказ относительно спасательных судов?*

Меле: *Конечно.*

Филлимор: *Не можете ли Вы сказать, когда он был издан?*

Меле: *Точную дату я не помню. Он должен был быть издан приблизительно в то же время, как и приказ от сентября 1942 года.*

Филлимор *(обращаясь к председателю): Могу ли я предъявить свидетелю документ Д-663, который я представлял вчера?*

Председатель: *Да.*

Филлимор: *Я показываю ему не подлинник, а немецкую копию приказа, оригинала документа у меня сейчас нет.*

Меле: *Да, я узнаю этот приказ.*

Филлимор: *Как Вы видите, дата этого документа — 7 октября 1943 года.*

Меле: *Да. Этот приказ содержится в общем оперативном приказе по Атлантике № 56. Я помню, этот приказ содержался также в предыдущем оперативном приказе № 54, он входил в радиограмму с информацией о практическом опыте и инструкциях. Я точно не помню. Дата — октябрь 1943 года.*

Председатель: *Полковник Филлимор, этот приказ имеется в указателе?*

Филлимор: *Да, Ваша честь. Это документ Д-663, ВБ-200, который я представил вчера. Если он опущен в указателе, то это потому, что мы только что получили этот документ.*

Ваша честь помнит этот приказ. Он относится к специальным судам, которые входили в состав конвоя, и это последнее предложение, на которое я ссылался.

Председатель: *Да. Я хотел только услышать текст приказа.*

Филлимор: *Да, Ваша честь, передо мной находится подлинник. Может быть, есть необходимость в том, чтобы показать этот подлинник свидетелю, но он видел копию. (Обращаясь к свидетелю) Не помните ли Вы приказ относительно ведения боевых действий?*

Меле: *Да. Точной даты я не помню, но в свое время был издан приказ о том, что потопления и другие действия, противоречащие международным соглашениям, не должны заноситься в журналы боевых действий, а что об этом сле-*

дует сообщать по возвращении в порт базирования только устно.

Филлимор: *Не скажете ли Вы, по каким причинам Вы даете показания по этому делу?*

Меле: *Да, ибо при моем аресте меня обвинили в том, что я являюсь автором этих приказов, а я не хочу, чтобы такое обвинение было связано с моим именем.*

Филлимор: *Ваша честь, свидетель может быть подвергнут допросу моими коллегами и перекрестному допросу.*

Председатель: *Может быть, кто-либо из защитников хочет задать вопрос этому свидетелю?*

Кранцбюллер: *Капитан 3-го ранга Меле, с какого времени Вы в подводном флоте?*

Меле: *С конца 1936 года.*

Кранцбюллер: *Знаете ли Вы лично гросс-адмирала Деница?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *С какого времени?*

Меле: *С октября 1937 года.*

Кранцбюллер: *Узнаете ли Вы его в этом зале?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Где?*

Меле: *Слева сзади.*

Кранцбюллер: *Известен ли Вам гросс-адмирал Дениц как адмирал, с которым командир дивизиона или подлодки никогда не мог говорить?*

Меле: *Нет.*

Кранцбюллер: *Или как раз наоборот?*

Меле: *С ним каждый мог говорить в любое время.*

Кранцбюллер: *Вы сами командовали подводной лодкой?*

Меле: *Да, десять операций.*

Кранцбюллер: *С какого и по какое время?*

Меле: *С начала войны до апреля 1941 года.*

Кранцбюллер: *Сколько судов Вы потопили?*

Меле: *20 судов.*

Кранцбюллер: *После потопления судов Вы уничтожали спасательные средства или расстреливали команду?*

Меле: *Нет.*

Кранцбюллер: *Был ли у Вас приказ так поступать?*

Меле: *Нет.*

Кранцбюллер: *Исчезала ли опасность для подводной лодки после атаки торгового судна?*

Меле: *Нет, опасность для подводной лодки не исчезала после нападения.*

Кранцбюллер: *Почему?*

Меле: *В большинстве случаев потопления корабль в состоянии подать сигналы «SOS» и сообщить местонахождение*

и тем самым в последний момент навести противника на подводную лодку.

Кранцбюллер: *Существовал ли в подводных лодках принцип: «Борьба прежде спасения?».*

Меле: *Этого принципа в такой формулировке я никогда не слышал.*

Кранцбюллер: *Известны ли Вам другие приказы, изданные до приказа от сентября 1942 года, в которых запрещалось бы спасение людей с опасностью для подлодки?*

Меле: *Конечно. Но мне неизвестно, когда и где был изложен этот приказ. Существовал приказ, что безопасность подводной лодки прежде всего.*

Кранцбюллер: *Об этом издавался приказ один или несколько раз?*

Меле: *Не могу этого сказать.*

Кранцбюллер: *Известно ли Вам, что приказ от сентября 1942 года был издан на основании случая, когда германские подводные лодки проводили спасательные меры в нарушение изданных приказов?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *И при этом были атакованы союзными самолетами?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Вы охарактеризовали приказ от сентября 1942 года как двусмысленный? Это верно?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Командирам подводных лодок Вы разъясняли его в том смысле, что он предполагает уничтожение спасательных средств и уничтожение команд? Это верно?*

Меле: *Не совсем, только в случае вопросов со стороны командиров я приводил оба примера, как они были даны мне в штабе главнокомандующего подводными силами. Из этих двух примеров они сами могли прийти к этому выводу.*

Кранцбюллер: *В какой части приказа Вы увидели скрытое предложение уничтожать потерпевших крушение и уничтожать спасательные средства? Я сейчас прочитаю Вам каждую фразу приказа, я читаю из документа Д-630:*

«1. Не следует делать никаких попыток спасения членов экипажей потопленных судов, т. е. вылавливание людей из воды и помещение их в спасательные лодки, выправление перевернутых спасательных лодок и обеспечение людей пищей и водой». Это предложение?

Меле: *Нет.*

Кранцбюллер: *(читает) «Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны, предусматрива-*

ющим уничтожение вражеских судов и команд». Это предложение?

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Говорится ли в этом предложении что-нибудь об уничтожении оставшихся после потопления людей?*

Меле: *Нет, об экипажах.*

Кранцбюллер: *В конце приказа находится предложение: «Будь жесток!» Вы слышали тогда эту фразу в первый раз?*

Меле: *Нет.*

Кранцбюллер: *Употреблял ли это предложение главнокомандующий подводными силами, чтобы добиться строгости командиров к себе самим и экипажу?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Вы говорили об этом приказе с капитан-лейтенантом Куппишем?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Вы это точно помните?*

Меле: *Насколько я могу полагаться по прошествии такого длительного времени на свою память.*

Кранцбюллер: *Где состоялась Ваша беседа?*

Меле: *В штабе главнокомандующего подводными силами, кажется, в Париже.*

Кранцбюллер: *Какое положение занимал тогда Куппиш?*

Меле: *Насколько я помню, он руководил тогда отделом, ведавшим конвоями противника, но я не могу этого точно сказать.*

Кранцбюллер: *Был ли начальником Куппиша капитан 3-го ранга Хесслер?*

Меле: *Начальником? Этого нельзя сказать, ибо капитан Хесслер занимал то же положение, что и Куппиш. Он был начальником отдела.*

Кранцбюллер: *Был ли начальником Куппиша адмирал Гот?*

Меле: *Да, как начальник штаба.*

Кранцбюллер: *Вы говорили с капитаном Хесслером, с адмиралом Готом или с самим гросс-адмиралом относительно истолкования сентябрьского приказа?*

Меле: *С капитаном Хесслером — я не помню, а с остальными двумя — лично нет.*

Кранцбюллер: *Вы сказали, что капитан Куппиш рассказал Вам о мнении, которое господствовало тогда в штабе главнокомандующего подводными силами?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Об отношении к летчикам в Бискайском заливе?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Сказал ли он Вам, что это мнение самого гросс-адмирала?*

Меле: *Этого я не помню, ибо это было слишком давно. Для нас, командующих флотилиями, было само собой разумеющимся, что если на совещаниях в штабе главнокомандующего подводными силами начальник отдела высказывал мнение, то мы воспринимали это как официальное мнение главнокомандующего подводными силами. С личным вопросом обращались обычно к адмиралу Готу или самому главнокомандующему подводным силами только в том случае, если начальники отделов не могли дать окончательного ответа и взять на себя ответственность за какой-либо ответ.*

Кранцбюллер: *Стало ли Вам известно, что в истории со сбитыми над Бискайским заливом летчиками в действительности все происходило наоборот?*

Меле: *Я не понимаю.*

Кранцбюллер: *Я продолжаю, что командира упрекали за то, что он не доставил их в порт базирования, хотя это и означало прекратить операцию?*

Меле: *Нет, об этом мне неизвестно.*

Кранцбюллер: *В связи со вторым примером, который Вы упомянули, сказал ли Вам Куппиш, что потерпевшие крушение у американского побережья или их спасательные средства должны быть уничтожены?*

Меле: *Нет, он только сказал, что следует сожалеть о том, что экипажи были спасены.*

Кранцбюллер: *Из этого Вы сделали вывод, что желательно уничтожать потерпевших крушение?*

Меле: *Я не делал никаких выводов, ибо я без комментариев пересказывал другим эти примеры.*

Кранцбюллер: *Знаете ли Вы приказы главнокомандующего подводными силами?*

Меле: *Конечно.*

Кранцбюллер: *Содержались ли в них принципы ведения подводной войны?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Был ли среди этих приказов какой-либо предписывавший или рекомендовавший уничтожение людей, потерпевших крушение, или уничтожение их спасательных средств?*

Меле: *Насколько я знаю, нет.*

Кранцбюллер: *Какую степень секретности имели эти постоянно действующие приказы?*

Меле: *Насколько я помню, совершенно секретную.*

Кранцбюллер: *Помните ли Вы, что в приказе номер 511 приказывалось следующее...*

Господин председатель, я читаю из приказа, который позже я представлю как доказательство. Я сейчас не могу этого сделать, ибо у меня еще нет подлинника:

«Постоянно действующий военный приказ № 511 главнокомандующего подводными силами от 20 мая 1943 года. О взятии на борт офицеров потопленных судов:

1. Насколько позволяют условия на борту подлодки, капитанов и главных инженеров потопленных судов следует брать с собой. Противник пытается воспрепятствовать этому намерению и издал следующий приказ:

а) Капитаны не должны на допросе называть себя, а должны по возможности подставлять вместо себя специально выбранных для этого матросов.

б) Экипаж должен заявить, что капитан и главный инженер остались на борту. Если, несмотря на энергичные вопросы, не удастся установить, кто капитан и кто главный инженер, то следует взять с собой других корабельных офицеров...

2. Брать с собой капитанов и корабельных офицеров нейтральных судов, которые могут быть потоплены, согласно постоянно действующему приказу № 101 (например, шведские суда вне Гетеборгского водного пути), не следует, ибо интернирование этих офицеров явилось бы нарушением международного права.

3. Если взять в плен корабельных офицеров невозможно, следует брать с собой других осведомленных членов экипажа, насколько это допускает наличие места и дальнейшие задачи подводной лодки, с целью допроса пленных в военных и пропагандистских целях.

4. Если удастся потопить отдельный вражеский эсминец, корвет или сторожевое судно, то следует при всех обстоятельствах попытаться взять пленных, если это возможно сделать, не подвергая опасности подводную лодку. Допрос пленных в транзитном лагере военнопленных может дать ценные данные относительно тактики противолодочной обороны, техники и вооружения противника. То же самое остается в силе в отношении экипажей сбитых самолетов».

Известен ли Вам этот приказ?

Меле: Да, кажется он мне известен.

Кранцбюллер: Известен ли Вам приказ № 513 главнокомандующего подводными силами от 1 июня 1944 года о взятии с собой пленных?

«1. Показания военнопленных — самый надежный и ценный источник сведений относительно тактики, вооружения, техники и методов противника. Пленные с самолетов и эсминцев имеют для нас особую ценность. Поэтому, если это возможно без создания опасности для лодки, следует сделать все для того, чтобы захватить таких пленных.

2. Так как пленные под влиянием захвата в плен особенно охотно дают показания, их следует допрашивать тут же на борту. Прежде всего нас интересует, каким образом противник устанавливает местоположение подводных лодок с помощью самолетов, с помощью ли радара или с помощью пассивных методов обнаружения цели, например, с помощью установления электрического или теплового излучения подводной лодки. О взятии в плен по возможности быстро докладывать на случай возможной передачи пленных на возвращающуюся подводную лодку».

Известен ли вам этот приказ?

Меле: Да.

Кранцбюллер: Не видели ли Вы и не пытались ли объяснить противоречие между этими приказами относительно спасения в любом случае экипажей самолетов и распространявшимися Вами рассказами об уничтожении экипажей самолетов?

Меле: Дело в том, что в приказе от сентября 1942 года было также сказано, что приказ относительно взятия с собой капитанов судов и главных инженеров остается в силе.

Кранцбюллер: Слышали ли Вы о каком-либо случае, когда подводная лодка взяла бы с собой капитана и главного инженера, а остальных членов экипажа расстреляла бы?

Меле: Нет.

Кранцбюллер: Считаете ли Вы вообще возможным, что такой приказ мог быть дан, то есть что часть экипажа приказывают спасать, а другую часть экипажа уничтожать?

Меле: Нет. Приказывать этого нельзя.

Кранцбюллер: Слышали ли Вы, что какой-нибудь командир подводной лодки, исходя из Вашего инструктажа, уничтожал бы спасательные средства или оставшихся в живых?

Меле: Нет.

Кранцбюллер: Было ли разрешено атаковать нейтральные суда вне установленной зоны блокады?

Меле: Только тогда, когда на них не было установленных опознавательных знаков нейтральных судов.

Кранцбюллер: Относился ли главнокомандующий подводным флотом особенно строго к проведению в жизнь этого приказа о защите нейтральных судов?

Меле: Поскольку такие случаи мне неизвестны, я ничего не могу сказать об этом.

Кранцбюллер: Известно ли Вам, что командирам подводных лодок грозил военный трибунал, если они не выполняли приказов, изданных в защиту нейтральных судов?

Меле: Да. Я помню один такой случай, происшедший в Карибском море.

Кранцбюллер: *Помните ли Вы приказ от 1944 года, в котором приказывалось задерживать нейтральные суда для осмотра?*

Меле: *Да, но дату я не помню. Мне было приказано, что особенно следует задерживать и осматривать конкретные испанские и португальские суда в Северной Атлантике.*

Кранцбюллер: *Передали ли Вы этот приказ командирам подводных лодок?*

Меле: *Насколько я помню, этот приказ был издан в письменном виде и был включен в один из официальных сборников приказов. Я передавал командирам приказы только в тех случаях, когда они не входили в какой-то сборник приказов.*

Кранцбюллер: *При передаче этого приказа говорили ли Вы что-нибудь дополнительно о том, следует ли выполнять этот приказ?*

Меле: *Да, я помню, что я сказал, когда этот приказ был получен по радио и еще не был известен командирам, что они должны быть очень осторожны при задержании нейтральных судов, ибо постоянно существовала опасность, что даже и нейтральное судно может выдать по радио местоположение подводной лодки. Вследствие превосходства противника в воздухе в Северной Атлантике всегда было бы безопаснее и лучше, если бы не принуждали проводить осмотры.*

Кранцбюллер: *Это дополнительное сообщение было сделано по приказу главнокомандующего подводными силами?*

Меле: *Насколько я помню, один из начальников отделов — это был, кажется, капитан Хесслер — сказал, что всякое задержание судна, даже нейтрального, представляет собой существенную опасность для подводной лодки.*

Кранцбюллер: *Из-за охраны с воздуха?*

Меле: *Да, из-за охраны с воздуха.*

Кранцбюллер: *Был Вам показан приказ относительно так называемых «спасательных судов»?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Вы помните его?*

Меле: *Да.*

Кранцбюллер: *Были ли эти спасательные суда по нормам международного права госпитальными судами с соответствующими опознавательными знаками?*

Меле: *Насколько мне известно, нет.*

Кранцбюллер: *Какие приказы существовали относительно отношения к госпитальным судам?*

Меле: *Где изложены эти приказы и в письменной ли форме — я сейчас не помню. Я только помню, что главнокомандующий подводным флотом часто указывал команди-*

рам на то, что госпитальные суда пользуются абсолютной неприкосновенностью.

Кранцбюллер: *Известен ли Вам какой-либо случай, когда какое-нибудь госпитальное судно было бы атаковано подводной лодкой?*

Меле: *Нет, неизвестен.*

Кранцбюллер: *Если бы главнокомандующему подводными силами понадобилось, нарушая международное право, уничтожать беспомощных людей, то не было бы потопление госпитальных судов особо действенным средством для этого?*

Меле: *Без сомнения.*

Кранцбюллер: *У меня нет больше вопросов.*

Председатель: *Может быть, кто-либо еще из защитников хочет подвергнуть этого свидетеля перекрестному допросу?*

(Ответа не последовало.)

Биддл: *Спасали ли Вы когда-нибудь оставшихся в живых людей с торпедированных вами судов?*

Меле: *Нет, из-за военного положения я не имел возможности делать это.*

Биддл: *Вы имеете в виду, что это было опасно для подводной лодки?*

Меле: *Не только это. Большая часть произведенных мною потоплений произошла или в конвое, или при бурном море, так что навигационные условия не позволяли принимать меры для спасения людей.*

Биддл: *У меня больше нет вопросов.*

Председатель: *Полковник Филлимор, Вы хотите продолжить допрос?*

Филлимор: *Да, у меня есть еще три вопроса.*

Председатель: *Хорошо.*

Филлимор: *Когда Вы сами были командиром подводной лодки, каковы были приказы относительно спасения?*

Меле: *В начале войны нам было сказано, что безопасность собственной подводной лодки — самое главное и что подводная лодка не должна подвергать себя опасности из-за мер по спасению. Существовали ли эти приказы в начале войны в письменном виде, я уже не помню.*

Филлимор: *Когда Вы получили этот приказ от 17 сентября 1942 года, рассматривали ли Вы его только как приказ о запрещении спасения или истолковывали его иначе, то есть более широко?*

Меле: *При получении этого приказа мне бросилось в глаза, что он был не очень ясен, какими обычно были приказы главнокомандующего подводными силами. В этом приказе можно было видеть двусмысленность.*

Филлимор: *Вы не ответили на мой вопрос. Считали ли Вы, что этот приказ означал, что командир подводной лодки должен был только воздерживаться от принятия мер по спасению или же это было что-то идущее дальше?*

Меле: *Я воспринимал этот приказ так, что его следует понимать более широко. Правда, это не было сформулировано как приказ, а лишь представлено как нечто желательное.*

Филлимор: *По поводу примера, который Вам привели об инциденте в Бискайском заливе. Известны ли Вам какие-либо факты об этом инциденте?*

Меле: *Нет, обстоятельства этого случая мне неизвестны.*

Филлимор: *Что Вы конкретно сказали, когда Вы передавали командирам подводных лодок этот приказ?*

Меле: *Командирам подводных лодок я говорил дословно следующее: «Мы переходим теперь к очень трудному и щекотливому вопросу. Речь идет об отношении к спасательным лодкам. Главнокомандующий подводными силами передал в сентябре 1942 года следующую радиограмму» — затем я дословно прочитал радиограмму от сентября 1942 года. В большинстве случаев тема таким образом исчерпывалась. Ни у кого не было вопросов. Объяснения, если не было вопросов, не давались. В некоторых, редких, случаях командиры подводных лодок спрашивали: «Как следует истолковывать этот приказ»? Тогда я приводил оба рассказанные мне в штабе примера и добавлял к этому: «Официально вам это приказать не могут, каждый должен согласовывать это со своей совестью».*

Филлимор: *Не помните ли Вы какие-нибудь замечания командиров подводных лодок после того, как Вы зачитывали этот приказ?*

Меле: *Да, многие командиры подводных лодок, после оглашения без всяких комментариев, говорили: «Он однозначен, хотя и чертовски суров».*

Филлимор: *Ваша честь, у меня нет больше вопросов...*

Сейчас я представлю Трибуналу два случая, когда этот приказ от 17 сентября 1942 года был приведен в действие. Первый случай изложен в документе Д-645, ВБ-203.

Это отчет о нападении на рыболовецкий траулер «Норин Мари», который был потоплен 5 июля 1944 года германской подводной лодкой «U-247». Первая страница этого документа содержит отрывок из журнала подводной лодки. Время, на которое делается ссылка в документе, — 19 час. 43 мин., затем идет сообщение о пуске двух торпед, которые не попали в судно, и затем в 20 час. 55 мин. в журнале записано:

«Подняться на поверхность... Открываем огонь... Оно останавливается через три минуты», затем идет сообщение о выстреле, произведенном после того, как траулер остановился, и, наконец, последняя запись: «Потоплен залпами в борт. Пошел под воду кормой».

На следующей странице документа имеется оценка действий командира подводной лодки и в последней строчке говорится:

«Признанный успех: рыболовное судно "Норин Мари" потоплено».

Дальше имеется письменное показание под присягой Джеймса Мак Алистера — палубного матроса на борту «Норин Мари» во время потопления. Милорд, я читаю последний абзац на первой странице письменного показания. Выше речь идет о том, что он видел следы торпед, которые не попали в траулер.

В последнем абзаце говорится:

«В 21 час. 10 мин. На траверсе по правому борту, примерно в 50 ярдах на северо-восток, на поверхность всплыла подводная лодка и без какого-либо предупреждения открыла пулеметный огонь по судну. Мы были в 18 милях на запад от мыса Рэт и шли курсом норд-вест со скоростью 3 узла в час. Погода была ясная, солнечная, с прекрасной видимостью, море было спокойно, дул легкий ветерок».

Далее в следующем абзаце рассказывается об обстреле. Я хотел бы зачитать из второго абзаца на второй странице.

Председатель: Почему бы не прочесть первый?

Филлимор: Если Вы желаете, Ваша честь.

«Когда подводная лодка поднялась на поверхность, я увидел людей, вылезавших из боевой рубки. Капитан думал сначала, что подводная лодка британская, но когда она открыла огонь, он немедленно ослабил тормоз для того, чтобы снять нагрузку и пошел полной скоростью — примерно до 10 узлов. Подводная лодка гналась за нами, стреляя из пулеметов, и с первых же очередей было убито 2 или 3 человека, включая капитана, которые были на палубе и не имели времени укрыться. Затем подводная лодка открыла огонь из более тяжелого орудия, помещавшегося в ее боевой рубке. Первый такой выстрел взорвал паровой котел. Судно окуталось паром и остановилось.

К этому времени команда укрылась, но, несмотря на это, почти все, за исключением четырех человек, были убиты. Подводная лодка тогда начала кружиться перед судном и прошла мимо борта, продолжая непрерывный огонь из обоих орудий. Судно медленно кренилось на левый борт, но не загорелось.

Штурман и я пытались спустить спасательную лодку, которая находилась на корме, но штурман был убит и я отказался от этой затеи. Затем я спустился вниз в кладовую, которая была ниже ватерлинии, чтобы укрыться там. Судно все сильнее кренилось и наконец в 22 час. 10 мин. оно перевернулось и затонуло и четыре человека, оставшиеся живыми на борту, были сброшены в море. Я не знаю, где укрывались остальные три человека в течение всего этого времени, поскольку я не слышал и не видел их до тех пор, пока они не оказались в воде.

Я плавал в воде, пока мне не попалась под руку сломанная носовая часть нашей спасательной лодки, которая была перевернута. Даже теперь подводная лодка не погружалась, но преднамеренно шла в направлении ко мне и, когда она была только в 60 или 70 ярдах от меня, открыла по мне стрельбу короткими очередями из пулеметов. Так как ее намерение было совершенно очевидно, я погрузился в воду и оставался там до тех пор, пока подводная лодка не прекратила огонь и не погрузилась, после чего я вскарабкался обратно на дно лодки. Подводная лодка вела стрельбу из орудий в течение часа».

Затем, в письменном показании, данном под присягой, описываются попытки второго механика и других спастись и оказать друг другу помощь и сообщается о том, как они были подобраны другим траулером.

В последнем абзаце на этой странице говорится:

«На борту "Лэди Мадлен" второму механику и мне перевязали раны. Позднее я узнал, что второй механик получил 48 ран шрапнелью, а осколок в два дюйма длиной остался у него в теле».

Дальше имеется фраза, на которую я не ссылаюсь, последняя фраза:

«Я получил 14 ранений шрапнелью».

И, наконец, два последних абзаца письменного показания:

«Это четвертая опасность, с которой я столкнулся в дни войны. До этого я плавал на китобойных судах "Сильвестер" (взорвано миной) и "Нью-Севилль" (торпедировано) и на траулере "Оушен Тайд", который наскочил на мель.

В результате этой атаки подводной лодки потери составили: шесть человек было убито, двое — пропали без вести и двое были ранены».

Следующий документ, который я представляю в качестве доказательства, — Д-647, ВБ-204.

Милорд, это отрывок из показания, данного вторым офицером судна «Антонико», которое было торпедировано, подожжено и потоплено 28 сентября 1942 года у берегов

французской Гвианы. Трибунал увидит, что этот инцидент произошел через 11 дней после издания приказа.

Я прочту, начиная со слов: «...свидетель увидел убитых». Немного ниже на первой странице. Здесь приводится рассказ о нападении на судно, которое в это время было уже охвачено пламенем:

«...свидетель увидел убитых на палубе судна "Антонико" тогда, когда он и его команда пытались спустить спасательные лодки, атака была молниеносной — продолжалась почти 20 минут. Свидетель, находясь уже в спасательной лодке, старался отойти от борта "Антонико" для того, чтобы его спасательная лодка не была потоплена судном "Антонико", и также потому, что "Антонико" была целью агрессора. Это было темной ночью и поэтому было очень трудно разглядеть подводную лодку, но огонь на борту "Антонико" осветил то место, где судно тонуло, что обеспечило противнику возможность заметить две спасательные лодки, пытавшиеся скрыться. Враг безжалостно стрелял из пулеметов по беззащитным матросам, находившимся в спасательной лодке, где находился и свидетель; второй штурман Арнальдо де Андраде де Лима был убит и трое из команды были ранены. Свидетель дал приказ своим товарищам выброситься за борт для того, чтобы спастись от пуль, таким образом они были защищены и находились вне поля зрения за спасательной лодкой, которая уже наполнилась водой. Даже тогда спасательная лодка продолжала подвергаться атаке. В это время свидетель и его товарищи находились примерно на расстоянии 20 метров от подводной лодки».

Милорд, у меня нет здесь журнала подводной лодки с записью этого случая, но, как Вы помните, согласно приказу, касающемуся записей в журналах, в него не полагалось заносить ничего компрометирующего, и поэтому он был бы нам полезен не более чем в случае с предыдущим инцидентом.

Милорд, следующий документ — Д-646(а), ВБ-205. Это перехват радиопередачи германского военно-морского репортера службы радиопропаганды на длинных волнах из Фрисланда. Дата — 11 марта 1943 года. Передача велась на английском языке. Я цитирую:

«"Санта Лючия" в Вест-Индии представляла собой идеальное место для приключений, но теперь в этих водах очень опасно плавать, опасно для американцев и британцев и для всех темнокожих, которые служат на их судах. Совсем недавно с подводной лодки, которая курсировала в этих водах, заметили парусник. Потоки трассирующих пуль были направлены на паруса и большинство негров — членов экипажа — выпрыгнуло за борт. Считая, что это судно

может быть западней, подводная лодка подошла ближе, на расстояние 20 ярдов, откуда с нее стали бросать ручные гранаты. Тогда и оставшиеся негры прыгнули в море. Парусник затонул. Остались только обломки, спасательные лодки, набитые людьми, и моряки, плававшие в воде. Акулы уже раскрыли свои пасти в ожидании добычи. Такова была судьба тех, кто плавал под флагом Великобритании и Америки».

Следующую страницу документа я не буду читать. Это отрывок из журнала подводной лодки, которая, как предполагается, затопила это судно.

Я читал это потому, что в моем представлении это показывает, что с самого начала политикой противника было терроризировать команды и что это было частью приказа, относившегося к спасательным судам, и приказа об уничтожении моряков.

Хочу сказать, предвосхищая перекрестный допрос, обвинение не инкриминирует того, что спасательные суда атаковывались. Смысл приказа заключался в том, что их должны были атаковать в первую очередь, и поэтому этот приказ тесно связан с приказом от 17 сентября 1942 года. Учитывая программу союзников по строительству флота, противнику стало совершенно необходимо предотвратить возможность обеспечения судов командами.

Милорд, я сейчас перейду к периоду, когда подсудимый Дениц занял место подсудимого Редера.

Следующий документ ПС-2098. Мы на него ссылались, но мне кажется, как доказательство он не был представлен. Я представляю его официально как доказательство ВБ-206. Милорд, я не буду его зачитывать. Здесь просто утверждается, что подсудимый Редер должен обладать рангом, эквивалентным званию имперского министра, и я прошу Трибунал считать, что подсудимый Дениц, заняв место Редера, очевидно, получил и соответствующие права.

Председатель: Начиная с 1938 года?

Филлимор: Да, начиная с 1938 года.

Следующий документ, Д-648, который я представляю как доказательство ВБ-207 — письменное показание, данное под присягой, или скорее официальный отчет, заверенный чиновником Британского адмиралтейства. Свидетельство находится на последней странице, и здесь указывается количество совещаний, даты этих совещаний, имена тех, кто присутствовал на них по случаю встреч между подсудимым Деницем или его заместителем и Гитлером с того времени, когда он занял место Редера и до конца. В свидетельстве говорится: «Я составил из них» — то есть из захваченных документов — «приложенный к сему список тех эпизодов, когда адмирал Дениц посещал совещания в гитлеровской

ставке. Список других высоких официальных лиц, которые присутствовали на этих совещаниях, прилагается в тех случаях, когда подобная информация содержалась в захваченных документах. Я заверяю, что этот список является подлинной выдержкой из собрания документов, которые я изучил и которые сейчас находятся в Британском адмиралтействе в Лондоне».

Я не буду читать весь список. Я только привлеку внимание Трибунала к тому факту, что адмирал Дениц или его заместитель — контр-адмирал Фосс присутствовали на каждом из этих совещаний и что среди прочих постоянно присутствовавших были подсудимые: Шпеер, Кейтель, Иодль, Риббентроп и Геринг, а также Гиммлер и его представители: Фегелейн или Кальтенбруннер.

Я бы хотел, чтобы Трибунал сделал из этого документа вывод, что с того времени, как подсудимый занял место Редера, он был одним из руководителей империи и ему, несомненно, были известны все решения, все основные политические решения.

Я перехожу к следующему документу — С-178. Он был уже представлен как доказательство США-544. Это внутренний меморандум военно-морского штаба, написанный отделом, который занимался международным правом, и адресован другому отделу и тема его — приказ, касающийся расстрела командос от 18 октября 1942 года, с которым Трибунал, я думаю, уже знаком.

Суть документа заключается в том, что появилось сомнение в некоторых кругах относительно понимания приказа, и в последней фразе меморандума предлагается: «Поскольку это касается военного флота, остается рассмотреть, можно или нет использовать этот случай для того, чтобы быть уверенными после совещания с главнокомандующим военно-морским флотом, что все отделы, которых это касается, имеют ясное представление о том, как следует поступать с лицами, входящими в отряды командос. Милорд, мне неизвестно, имело место это совещание или нет. Судя по дате, документ исполнен примерно по прошествии 11 дней после того, как подсудимый занял место подсудимого Редера.

Но следующий документ из книги документов Д-649, который я представляю как доказательство ВБ-208, содержит описание эпизода, имевшего место в военно-морском флоте и относящегося к июлю 1943 года. Речь идет о передаче СД для расстрела личного состава норвежского и британского флотов, на который, по мнению германского военно-морского флота, распространялся этот приказ. Это письменное показание британского юриста, который был на процессе по делу членов СД, исполнявших этот приказ.

В первом абзаце говорится о том, что свидетель был адвокатом на процессе по делу 10 членов СД, который проводился военным судом, происходившим в Осло с четверга 29 ноября 1945 года по вторник 4 декабря 1945 года...

Я прочту из четвертого абзаца:

«Суду было представлено доказательство, которое не оспаривалось защитой, о том, что торпедный катер № 345 вышел из Нарвика в район Шетландских островов с целью совершить торпедные атаки на германские суда, отходившие от норвежских берегов, и для того, чтобы установить мины на этом участке. Все лица, упомянутые в обвинении, были членами команды этого торпедного катера».

Пятый абзац:

«Защита не оспаривала, что каждый член команды был в военной форме в тот момент, когда он был захвачен. Имеются многочисленные свидетельства многих лиц, некоторые из которых немцы, о том, что они носили свою военную форму и после того, как их захватили».

Шестой абзац:

«27 июля 1943 года торпедный катер достиг острова Аспо около норвежского берега, севернее Бергена. На следующий день вся команда была захвачена и была взята на борт германского военного судна, которое находилось под командованием адмирала фон Шрадера — адмирала Западного побережья. Команда была доставлена в Бергенхуз в 11 часов вечера 28 июля. Там команда была допрошена лейтенантом Фангером — лейтенантом военно-морского резерва, согласно приказу капитана 3-го ранга Эгона Драшера — оба из германской военно-морской разведки. Этот допрос проводился по приказу из штаба адмирала Западного побережья. Лейтенант Фангер сообщил офицеру, который был начальником отдела разведки в Бергене, что, по его мнению, со всеми членами команды следовало обращаться как с военнопленными, и этот офицер, в свою очередь, сообщил об этом устно и письменно командующему морскими силами в Бергене и письменно адмиралу Западного побережья».

Седьмой абзац:

«Допрос, произведенный отделом военно-морской разведки, закончился рано утром 29 июля и почти немедленно после этого все члены команды были переданы, согласно срочному приказу командующего морскими силами в Бергене, оберштурмбаннфюреру СД Гансу Вильгельму Бломбергу, который в это время командовал полицией безопасности в Бергене. За этим последовало совещание между Бломбергом и адмиралом фон Шрадером, на котором

Бломбергу была показана копия приказа фюрера от 18 октября 1942 года. В этом приказе говорится о различных категориях лиц, на которых не должны распространяться положения Женевской конвенции и с которыми не следовало обращаться как с военнопленными, но которых по взятии в плен следовало передавать СС. Адмирал фон Шрадер сказал Бломбергу, что команда этого торпедного катера, согласно приказу фюрера, должна была быть передана СД».

Девятый абзац:

«Затем СД произвела свой собственный допрос».

Председатель: *Может быть, Вы изложите остальной текст?*

Филлимор: *Как Вы желаете, Ваша честь.*

В девятом абзаце описывается допрос, проводившийся чиновниками СД и что эти чиновники придерживались такого же взгляда, как и офицеры военно-морской разведки, а именно, что члены команды имели право на то, чтобы с ними обращались как с военнопленными, и что, несмотря на это, они были выведены и расстреляны специальным отрядом СД.

Затем имеется описание того, как поступили с трупами.

Милорд, последний абзац, пожалуй, очень важен в связи с делом подсудимого Кейтеля.

Председатель: *Да, прочтите его.*

Филлимор: *«Из доказательств выясняется, что в марте или апреле 1945 года приказ из ставки фюрера, подписанный Кейтелем, был передан германским властям в Норвегии. Содержание этого приказа заключалось в том, что с членами командос, которые попадают в плен к немцам, начиная с даты приказа, следует обращаться как с обычными военнопленными. В этом приказе имеется ссылка на приказ фюрера, о котором говорилось выше. Трибунал, несомненно, обратит внимание на дату. Для них наступило время, когда им следовало привести в порядок свои дела.*

Милорд, следующий документ — С-158. Я представляю его как доказательство ВБ-209. В нем содержатся две выдержки из протоколов совещаний от 19 и 20 февраля 1945 года — совещаний между подсудимым Деницем и Гитлером. Я прочту первое и последнее предложения из первой выдержки:

«Фюрер рассматривает вопрос о том, не следует ли Германии отказаться от соблюдения норм Женевской конвенции». Это, конечно, конвенция 1929 года, касающаяся военнопленных.

И последнее предложение:

«Фюрер приказывает главнокомандующему военно-морским флотом рассмотреть положительные и отрицательные стороны этого шага и сообщить о своем мнении как можно скорее».

Затем, во второй выдержке, подсудимый Дениц высказывает свое мнение в присутствии подсудимого Иодля и представителя подсудимого Риббентропа. Это два последних предложения, на которые я сошлюсь:

«Наоборот, ущерб — то есть ущерб при отказе от соблюдения конвенции — перевесит преимущества. По мнению главнокомандующего будет лучше проводить те меры, которые мы находим необходимыми, без предупреждения и любыми путями сохранять вид законности для внешнего мира».

Милорд, вопрос, освещенный в этом документе, представляет большую важность, когда мы вспомним, что, благодаря этой конвенции, около 165 000 британских и от 65 000 до 70 000 американских военнопленных были должным образом возвращены по окончании войны, поэтому выступление за нарушение этой конвенции не является таким вопросом, которому не следует придавать значения.

Следующий документ — С-171, ВБ-210 — другая выдержка из протокола совещания между подсудимыми Деницем и Гитлером от 1 июля 1944 года. Он подписан подсудимым Деницем.

«Относительно общей стачки в Копенгагене, фюрер заявил, что единственным оружием для борьбы с террором является террор.

Процессы, проводимые военно-полевыми судами, создают мучеников. История показывает, что имена этих людей на устах каждого, тогда как забвение — удел тех многих тысяч, которые потеряли свои жизни при подобных обстоятельствах, но без какого-либо военно-полевого суда».

Следующий документ — С-195, ВБ-211. Это меморандум, подписанный подсудимым Деницем и датированный концом 1944 года. Точной даты на этом документе нет, но я думаю, что он относится к концу 1944 года, примерно к декабрю. На третьей странице имеется указание о том, кому был разослан этот документ: Гитлеру, Кейтелю, Иодлю, Шпееру и главному командованию военно-воздушных сил.

Милорд, я прочту второй абзац. Здесь идет речь о потерях германского флота:

«Кроме того, я предлагаю усилить состав рабочих бригад в доках за счет пленных из концентрационных лагерей и в качестве специальной меры для разрешения проблемы существующего в настоящее время недостатка рабочих, особенно в строительстве подводных лодок, я предлагаю использовать котельщиков, высвободившихся в результате

сокращения паровозного строительства, на строительство кораблей».

Затем он затрагивает вопрос о саботаже и последние два абзаца на этой странице следующие:

«Поскольку в ряде мест меры, предпринятые для возмещения убытков, нанесенных рабочими в результате саботажа, оказались успешными и, например, саботаж в доках, во Франции, был полностью подавлен, то аналогичные меры следует предпринимать и в отношении скандинавских стран».

Председатель: *Есть ли необходимость читать дальше?*

Филлимор: *Нет, милорд. В последнем предложении этого документа на следующей странице говорится:*

«12 000 пленных из концентрационных лагерей должны быть использованы в доках в качестве дополнительной рабочей силы (служба безопасности согласна с этим)».

Этот человек был одним из руководителей Германии и в моем представлении одного только этого документа достаточно, чтобы осудить его.

Не без причины на этих встречах присутствовали Гиммлер и его заместители Фегелейн и Кальтенбруннер. Они присутствовали там не для того, чтобы обсуждать вопросы о подводных лодках и боевых кораблях. Мне ясно из этого документа, что подсудимый знал все о концентрационных лагерях и об использовании труда узников и, как один из руководителей Германии, должен полностью нести свою долю ответственности за это.

Я перехожу к последнему документу Д-650, ВБ-212, который я представляю в качестве доказательства.

В нем содержатся приказы, изданные подсудимым в апреле. Документ, который я представляю, показывает фанатическую приверженность подсудимого к нацистским идеям и его готовность даже на этой стадии продолжать уже безнадежную войну за счет человеческих жизней, хорошо зная о масштабах разрушений и страданий для мужчин, женщин и детей его страны.

Я прочту последний абзац на второй странице:

«Я поэтому требую от офицеров, занимающих командные должности в военно-морском флоте, чтобы они ясно и неуклонно следовали по пути военного долга, что бы ни случилось. Я требую от них, чтобы они безжалостно подавляли все признаки и тенденции у своих подчиненных, которые угрожают следованию по этому пути».

Затем он ссылается на приказ:

«Я требую от командиров, чтобы они принимали такие же безжалостные меры против любого командира, который не выполняет свой воинский долг. Если командир думает,

что у него нет достаточной силы воли для того, чтобы занимать свой пост как руководителя в полном смысле этого слова, он должен сообщить об этом немедленно. В таком случае он будет использован как солдат в этой роковой борьбе на другом посту, на котором не будет обременен задачами руководителя».

И теперь последний абзац на этой же странице из приказа от 19 апреля. Здесь дается пример типа офицера, который должен быть повышен.

«Пример. В лагере для заключенных военнопленных крейсера "Корморан" офицер, который выполнял обязанности старшего офицера лагеря, систематически уничтожал коммунистов, которые как-либо проявляли себя среди остальных заключенных, и делал это таким образом, что стража этого не замечала. Этот младший офицер может быть уверен в том, что я полностью одобряю его решение и то, как он проводил его в жизнь. По его возвращении я всеми средствами буду повышать его, поскольку он показал, что он способен быть лидером».

Милорд, конечно, неважно — соответствуют ли эти факты действительности, — важен характер изданного приказа.

Милорд, я подведу итоги: подсудимый не был простым моряком, находившимся на службе офицером, лояльно подчинявшимся приказам правительства. Он был ярым нацистом, который делал все что мог для того, чтобы внедрить в военно-морской флот и в германский народ нацистские идеи. Не случайно именно он был избран преемником Гитлера, а не Геринг, не Риббентроп, не Геббельс, не Гиммлер. Он играл большую роль в построении подводного флота — одного из самых смертоносных орудий агрессивной войны. Он помогал планировать и вести агрессивную войну. И мы не сомневаемся, что он хорошо знал, что эти войны являлись преднамеренным нарушением договоров. Он был готов нарушить любые правила, если он думал, что это не будет обнаружено. Нарушение Женевской конвенции или принципа нейтралитета производилось там, где он пытался утверждать, что потопление произошло из-за мины. Он был готов отдавать приказания, и действительно отдавал их, убивать беззащитных людей, спасавшихся с потопленных судов, — действия, которые можно сравнить только с действиями их японских союзников.

Милорд, имеется мало стран, где бы вдовы или родители не оплакивали моряков торгового флота, которые погибли в результате безграничной жестокости, с которой подводные лодки, по приказам этого человека, делали свое дело.

Д.А.ШПРЕХЕР(США)

Об индивидуальной ответственности Фриче[1]

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 23 января 1946 г.

Господа судьи! На меня возложена обязанность и мне предоставлена честь предъявлять сегодня материалы об индивидуальной ответственности подсудимого Ганса Фриче за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, поскольку они непосредственно относятся к общему плану или заговору.

С разрешения Трибунала предполагаем представлять этот материал по трем основным разделам:

во-первых, краткое перечисление различных постов, которые занимал подсудимый Фриче в нацистском государстве;

во-вторых, рассмотрение заговорщической деятельности Фриче в министерстве пропаганды с 1933 года вплоть до нападения на Советский Союз;

в-третьих, рассмотрение причастности Фриче, как нацистского пропагандиста, к зверствам и безжалостной оккупационной политике, которые являлись частью общего плана или заговора.

Перечисляя посты, которые занимал Фриче, мы не собираемся сразу говорить о его функциях на этих постах. Впоследствии, останавливаясь на некоторых актах заговорщической деятельности Фриче, я затрону подробнее вопрос о некоторых занимаемых им постах.

Членство Фриче в партии и различные посты, которые он занимал в пропагандистком аппарате нацистского государства, явствуют из двух письменных показаний, данных самим Фриче под присягой. Это документ ПС-2976, США-20, который уже представлен в качестве доказательства, и документ ПС-3469, США-721. Оба эти аффидевита были переведены на все четыре рабочих языка Трибунала.

Фриче стал членом нацистской партии 1 мая 1933 года и оставался ее членом вплоть до разгрома Германии в 1945 году. Фриче начал работать в штате министерства народного просвещения и пропаганды, впоследствии называемого министерством пропаганды, 1 мая 1933 года и он оставался на работе в этом министерстве до падения нацизма. До того как нацисты захватили политическую власть в Герма-

[1] IMT. Vol. 6. P. 53 — 73.

нии, начиная с сентября 1932 года, Фриче возглавил информационное радиоагентство имперского правительства, еще во время пребывания у власти правительства фон Папена. После того как информационное радиоагентство было включено в министерство пропаганды доктора Геббельса в мае 1933 года, Фриче продолжал оставаться его главой до 1938 года. После перехода в министерство пропаганды в мае 1933 года Фриче стал также главой отдела информации при отделе печати министерства пропаганды. Он оставался на этом посту до 1937 года. Летом 1938 года Фриче был назначен заместителем некоего Альфреда Ингемара Берндта, который был тогда главой отдела германской печати.

Отдел германской печати называется в обвинительном заключении отделом внутренней прессы. Поскольку «отдел германской печати» является наиболее точным переводом, то мы его называем в данном случае именно так. Мы в дальнейшем покажем, что этот отдел был главным подотделом отдела печати имперского кабинета.

В декабре 1938 года Фриче стал преемником Берндта на посту начальника отдела германской печати. Между 1938 годом и ноябрем 1942 года Фриче три раза был повышен в должности. Он последовательно был повышен в чине со старшего государственного советника до министерского советника, министериальдиригента и, наконец, министериальдиректора.

В ноябре 1942 года Фриче был освобожден от должности начальника отдела германской печати доктором Геббельсом и принял от него вновь созданный пост в министерстве пропаганды, а именно пост уполномоченного по политической организации пангерманского радио Германии. В то самое время он также стал главой радиоотдела министерства пропаганды. Он сохранил оба эти поста на радио до падения нацистского режима.

В обвинительном заключении имеются два обвинения в связи с постами Фриче, по которым мы не можем представить доказательства. Первое обвинение, которое не может быть подтверждено доказательствами, гласит, что Фриче был «главным редактором официального германского информационного бюро». Второе обвинение, которое мы не можем подтвердить, гласит, что Фриче был «главой радиоотдела в секторе пропаганды нацистской партии».

В своем письменном показании под присягой Фриче отрицает, что он занимал эти посты. Поэтому оба эти обвинения должны отпасть за отсутствием доказательств...

Трибунал заметит, что книга документов сравнительно небольшая. Она помечена как книга документов «ММ». В ней только 32 страницы, которые пронумерованы для вашего удобства красным карандашом. Небольшое количество

документов в данном случае объясняется только тем, что мы располагаем пространным письменным показанием, данным под присягой подсудимым Фриче, которое было подписано им 7 января 1946 года.

Я считаю, что прежде всего необходимо остановиться на этом важном документе. Он находится перед вами, господа судьи, под номером ПС-3469 и начинается в книге документов на странице 19. Как я и говорил, он переведен на четыре рабочие языка Трибунала.

Это письменное показание, данное под присягой, содержит материалы, которые Фриче добровольно дал по запросу, сделанному мной через его защитника доктора Фрица. Некоторые части из его показаний были первоначально написаны от руки или напечатаны самим подсудимым Фриче во время процесса и во время каникул. Затем все эти материалы были объединены в одно общее письменное показание, данное под присягой.

Эти письменные показания содержат рассказ Фриче о событиях, которые привели его в министерство пропаганды, и о его позднейших связях с этим министерством. До того как Фриче дал свои письменные показания о роли пропаганды в важнейших внешнеполитических событиях, ему были показаны соответствующие заголовки и статьи, которые появлялись в то время в немецких газетах, с тем, чтобы он мог освежить свою память и дать более точные показания. Я думаю, что Трибунал пожелает рассмотреть многие разделы из этого аффидевита, независимо от обвинения по данному делу, вместе с доказательствами относительно применения заговорщиками пропаганды как одного из главных орудий заговора. Некоторые из этих доказательств, как вы вспомните, уже представлялись майором Уоллисом в начале этого процесса в связи с досье «Е», озаглавленным: «Пропаганда, цензура и надзор за культурной деятельностью», и соответствующей книгой документов, на которую я обращаю теперь внимание Трибунала.

В аффидевите, данном Фриче, имеется большое количество показаний, которые следует отнести к категории заявлений в свою пользу. Обвинение просит Трибунал рассматривать эти заявления лишь в свете всего заговора и в свете неоспоримых фактов, записанных в протоколе. Обвинение считало возможным, как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения экономии времени, просить Фриче, через его защитника доктора Фрица, изъять некоторые из этих оправдательных заявлений из письменного показания и представить их позже в связи с его защитой. Поскольку я буду неоднократно ссылаться на этот аффидевит, быть может, члены Трибунала пожелают отметить для себя в книге документов место, где помещены эти показания.

Обращаясь к абзацам 4 и 5 этих показаний, Трибунал заметит, что Фриче был преуспевающим журналистом в прессе Гугенберга, одним из самых значительных газетных концернов в донацистской Германии. Этот концерн имел собственные газеты, но, прежде всего, его значение заключалось в том, что он помогал газетам, которые в основном поддерживали так называемые «национальные» партии империи, в том числе и национал-социалистскую германскую рабочую партию.

В пятом абзаце своих письменных показаний Фриче рассказывает о том, что в сентябре 1932 года, когда подсудимый фон Папен был имперским канцлером, Фриче получил пост начальника информационного радиоагентства, сменив на этом посту человека, который был политически неприемлемым для режима фон Папена. Я бы сказал, что эта радиослужба явилась правительственным органом по распространению новостей по радио.

Фриче начал выступать по радио примерно в то же время, он пользовался очень большим успехом. Это было признано Геббельсом и впоследствии Геббельс сумел очень хорошо воспользоваться успехами Фриче в интересах нацистских заговорщиков.

Нацисты захватили власть 30 января 1933 года. Из письменных показаний Фриче мы узнаем, что в тот же самый вечер 30 января 1933 года Фриче посетили два посланца от Геббельса. Один из них был Дреслер-Андресс — глава отдела нацистской партии по вопросам радио, второй — его помощник по фамилии Садила-Мантау. Эти два посланца объявили Фриче, что хотя Геббельс и сердится на него за то, что он написал критическую статью против Гитлера, но все же Геббельс признает успех выступления Фриче по радио, начиная с осени предыдущего года. Они далее сказали, что Геббельс желает сохранить Фриче в качестве главы информационной радиослужбы, но на известных условиях.

Первое — чтобы Фриче уволил всех евреев, второе — чтобы Фриче уволил всех других работников, которые не хотят вступать в нацистскую партию, и третье — чтобы он включил в штат информационной радиослужбы второго посланца Геббельса — Садила-Мантау.

Фриче отказался выполнить эти условия, за исключением последнего — приглашения на работу Садила-Мантау. Это один из первых явных компромиссов после захвата нацистами власти, на который пошел Фриче на своем пути в лагерь нацистов.

В течение этого периода Фриче продолжал выступать по радио. В этих передачах он поддерживал национал-соци-

алистское коалиционное правительство, которое тогда все еще находилось у власти.

В начале 1933 года отряды СА несколько раз посещали информационное агентство и Фриче с некоторыми трудностями удавалось не допускать их к выступлениям по радио для передачи новостей.

В апреле 1933 года Геббельс вызвал к себе молодого Фриче для личной беседы. В документе ПС-3469 Фриче добровольно показал следующее относительно своих отношений с доктором Геббельсом:

«Я был знаком с доктором Геббельсом с 1928 года. По-видимому, я ему понравился, не говоря уже о том, что в моей прессе я всегда занимал дружескую позицию по отношению к национал-социалистам до 1931 года. Еще до 1933 года Геббельс, который был редактором нацистской газеты "Дер Ангриф", неоднократно делал лестные замечания о форме и содержании моих работ, которые я писал в качестве сотрудника многих газет и журналов национального направления, в числе их были и редакционные издания».

Во время первого разговора в начале апреля 1933 года Геббельс сказал Фриче, что он принял решение включить, начиная с 1 мая 1933 года, информационное радиоагентство в состав министерства пропаганды. Он предложил Фриче произвести некоторые перемены в штате, которые заключались в устранении евреев и других лиц, не поддерживавших национал-социалистскую партию. Фриче спорил с Геббельсом касательно некоторых из этих мер. Следует сказать, что в течение этого периода Фриче предпринимал усилия, чтобы подыскать для евреев другую работу.

Во время второго совещания с Геббельсом, состоявшегося вскоре после первого, Фриче сообщил Геббельсу относительно шагов, которые он предпринял по реорганизации информационного радиоагентства. Геббельс тогда информировал Фриче о том, что он хочет, чтобы Фриче реорганизовал и модернизировал всю информационную службу в Германии, находящуюся под контролем министерства пропаганды.

Трибунал, вероятно, помнит, что 17 марта 1933 года, а именно примерно за два месяца до этого разговора, специальным декретом было создано министерство пропаганды — «Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1-я, страница 104, наш документ ПС-2029. Фриче был заинтересован предложением Геббельса. Он продолжал проводить реорганизацию агентства, согласно указаниям Геббельса, и 1 мая 1933 года вместе с сохранившимся персоналом службы он перешел в министерство пропаганды. В тот же день он вступил в национал-социалистскую партию, приняв обычную присягу в безоговорочной верности фюреру. С этого времени, како-

вы бы ни были несогласия Фриче с ходом событий при нацистском режиме тогда или позже, Фриче находился целиком и полностью в нацистском лагере. В течение следующих тринадцати лет он участвовал в создании и применении основных пропагандистских приемов, которые заговорщики использовали с таким потрясающим эффектом на каждой из главных фаз данного заговора.

С 1933 по 1942 год Фриче занимал различные посты в отделе германской печати. Он фактически возглавлял этот отдел в течение четырех решающих лет с 1938 по 1942 год. Это был период, когда нацисты начали военное вторжение в соседние страны, и поэтому мы полагаем, что есть необходимость несколько подробнее осветить для Трибунала функции этого отдела германской печати. Таким образом, станет ясно, какое важное и даже исключительное положение занимал этот отдел германской печати как орудие нацистского заговора, не только для того, чтобы господствовать над умами и психологически воздействовать на самих немцев через германскую прессу и радио, но также как орудие внешней политики и психологической войны против других народов.

И без того широкая юрисдикция министерства пропаганды была еще более расширена декретом Гитлера от 30 июня 1933 года, который помещен в «Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1-я, страница 449. Я процитирую из этого декрета только одну фразу. Наш документ — ПС-2030, страница 3 книги документов.

«В юрисдикцию имперского министерства народного просвещения и пропаганды входят все вопросы, связанные с духовным воспитанием нации, с пропагандой в интересах государства, культуры и экономики, с освещением этих вопросов как внутри страны, так и за границей. Более того, ему поручается руководство и учреждениями, которые служат этим целям».

Необходимо подчеркнуть, что целью этого министерства было «освещение вопросов как внутри страны, так и за границей».

Для того чтобы ясно представить себе функции отдела германской печати министерства пропаганды, Трибуналу следует обратиться к документу ПС-2434, страница 5 книги документов, который представляется в качестве доказательства под номером США-722. Это выдержка из книги Георга Вильгельма Мюллера, министериальдиректора в министерстве пропаганды. Мы просим Трибунал принять этот документ без доказательства.

В письменном показании Фриче вы найдете изложение функций отдела германской печати, описание которых подтверждает и дополняет сведения, данные в книге Мюллера.

В письменном показании Фриче об этом отделе германской печати сообщается следующее.

«В течение всего периода с 1933 по 1945 год задачей отдела германской печати было наблюдать за всей внутренней прессой и давать ей свои директивы, с помощью которых этот отдел стал эффективным орудием в руках руководства. Более чем 2300 германских ежедневных газет находилось под его контролем. Цель этого наблюдения и контроля в течение первых лет после 1933 года заключалась в том, чтобы коренным образом изменить условия, которые существовали в прессе до захвата власти. Это означало координацию и включение в новый порядок всех тех газет и журналов, которые находились на службе частных капиталистических интересов или партийной политики. В то время как административные функции во всех случаях, когда это было возможно, выполнялись профессиональными ассоциациями и имперской палатой печати, политическое руководство германской прессой было доверено отделу германской печати.

Глава отдела германской печати проводил ежедневные пресс-конференции в министерстве для представителей всех германских газет. Таким образом, здесь давались все инструкции представителям печати. Эти инструкции давались почти всегда ежедневно и, главным образом, по телефону из штаб-квартиры доктором Отто Дитрихом, руководителем имперской прессы, в форме официальных текстов "ежедневных брифингов шефа имперской прессы".

До того, как формировались эти ежедневные сообщения, глава отдела германской печати передавал ему — Дитриху — пожелания Геббельса и других министров в отношении прессы. Это, в особенности, касалось пожеланий министерства иностранных дел, по поводу которых доктор Дитрих всегда желал принимать решения лично или через своих представителей в штаб-квартире Гельмута Зюндерманна и главного редактора Лоренца.

Таким образом, практическое применение общих инструкций в каждом отдельном случае было полностью предоставлено каждому редактору. Поэтому совершенно неверно, что отдел германской печати монопольно распоряжался всеми газетами и журналами или что статьи и передовицы должны были представляться ими в министерство на предварительную цензуру. Даже во время войны это практиковалось только в исключительных случаях. Менее значительные газеты и журналы, которые не были представлены на ежедневных пресс-конференциях, получали свою информацию в другом порядке: они или снабжались готовыми статьями и репортажами, или получали секретные печатные инструкции.

Кроме того, издательская деятельность всех других официальных агентств также руководилась и направлялась отделом немецкой прессы. Для того чтобы журналы, со своей стороны, могли получать информацию о повседневных политических вопросах, освещавшихся в газетах, и для того чтобы иметь возможность подробнее разбирать их, специально для журналов издавалась так называемая «информационная корреспонденция». Впоследствии это издание перешло в отдел периодической печати.

Отдел германской печати руководил также фоторепортажем, поскольку он заведовал приглашением на работу фоторепортеров, снимавших важнейшие события.

Таким образом, и поскольку это в каждом отдельном случае обусловливалось текущими политическими событиями, вся немецкая пресса при посредстве отдела немецкой печати постоянно являлась орудием министерства пропаганды и благодаря этому вся немецкая пресса была подчинена политическим целям правительства. Это выражалось в выборе времени для опубликования статей и в уделении повышенного внимания таким вопросам для полемики в прессе, которые были наиболее полезны в каждый данный момент, как например: "Классовая борьба в эру национал-социализма", "Принцип фюрерства и тоталитарное государство", "Партия и интересы политики в эру национал-социализма", "Еврейский вопрос", "Заговор мирового еврейства", "Большевистская опасность", "Плутократическая демократия за границей", "Общие расовые проблемы", "Церковь", "Экономический упадок за границей", "Внешняя политика и жизненное пространство"».

Это описание, данное Фриче, с точностью устанавливает, и притом в его собственной формулировке, что отдел германской печати являлся орудием для подчинения всей германской прессы политическим целям правительства.

Мы переходим теперь к началу деятельности Фриче в пользу заговорщиков в отделе германской печати.

Будет уместно снова зачитать выдержку из его аффидевита, 23-я страница книги документов. Фриче описывает свое совещание с Геббельсом в конце апреля или начале мая 1933 года. Цитирую:

«В этот период доктор Геббельс предложил мне в качестве специалиста по вопросам организации информации создать информационный подотдел внутри отдела прессы его министерства и руководить им с тем, чтобы полностью реорганизовать и модернизировать германские информационные агентства.

Проводя в жизнь эти указания, данные мне доктором Геббельсом, я взял на себя руководство всей информационной деятельностью всех бюро по снабжению новостями

германской прессы и радио в соответствии с руководящими указаниями, которые я получал из министерства пропаганды. Однако сначала в мою юрисдикцию не входило германское информационное агентство».

Очевидно, что руководство германским информационным агентством не входило в компетенцию Фриче в тот период по той причине, что бюро было организовано только в 1934 году.

Далее Трибунал обратит внимание на то, что Фриче были предоставлены очень большие суммы для создания нацистской службы информации. Бюджет германских информационных агентств был увеличен империей примерно в десять раз — с 400 тысяч до 4 миллионов марок.

Фриче сам подбирал и приглашал главного редактора для информационного агентства «Трансоцеан», а также для агентства «Европа-пресс». Фриче заявляет, что «некоторые из указаний министерства пропаганды, которым я должен был следовать, заключались в том, чтобы... любой ценой увеличить распространение новостей из Германии за границей... и распространять благоприятные новости относительно внутреннего строительства и мирных намерений национал-социалистской системы».

Примерно летом 1934 года подсудимый Функ, бывший тогда руководителем прессы имперского правительства, сумел добиться слияния двух важнейших агентств по распространению информации внутри страны: телеграфного агентства Вульфа и Телеграфного союза и создать таким образом официальное германское информационное агентство, обычно известное под названием «ДНБ».

Трибуналу уже указывалось, что в обвинительном заключении Фриче неправильно вменяется в вину, что он сам был главным редактором агентства «ДНБ». Фриче никогда не занимал никакого официального поста в этом агентстве. Однако, поскольку Фриче являлся главой подотдела информации отдела германской печати, агентство «ДНБ» входило в его юрисдикцию, а оно после 1934 года являлось официальным агентством империи по распространению информации внутри страны.

В последней части 17-го абзаца своего письменного показания Фриче утверждает, что он координировал работу различных агентств по новостям из-за границы «внутри страны, на европейском континенте и в заокеанских государствах друг с другом и с "ДНБ"».

Информационная радиослужба возглавлялась Фриче с 1930 по 1937 год. После января 1933 года это агентство было официальным орудием нацистского правительства для распространения новостей по радио. В то же время, когда Фриче возглавлял это агентство, он лично выступал по

радио с речами, обращенными к германскому народу. Эти радиопередачи, естественно, контролировались министерством пропаганды и отражали его цели и задачи. Влияние, оказанное этими передачами Фриче на германский народ в течение периода консолидации нацистского контроля, тем более важно, поскольку Фриче в то же время был главой информационного радиоагентства, которое осуществляло правительственный контроль за всей информацией по радио.

Всему миру хорошо известно теперь, что нацистские заговорщики пытались быть и часто в действительности были большими специалистами в области ведения психологической войны. Перед каждой большой агрессией, за исключением некоторых случаев, когда имелись в виду, главным образом, соображения стратегии быстроты, они начинали кампанию в прессе, рассчитанную на то, чтобы ослабить свои жертвы и подготовить германский народ психологически к предстоящей безумной авантюре нацистов. После своих первых завоеваний они использовали прессу как средство для дальнейшего воздействия на внешнюю политику и маневрирования перед следующей намеченной агрессией.

Ко времени оккупации Судетской области 1 октября 1938 года Фриче стал заместителем начальника всего отдела германской печати. Фриче заявляет, что германская пропаганда перед заключением Мюнхенского соглашения по поводу Судетской области проводилась под руководством его непосредственного начальника Берндта, который был главой отдела германской печати. В 27-м абзаце аффидевита Фриче описывает эту пропаганду, проводившуюся под руководством Берндта. Говоря о Берндте, Фриче заявляет:

«Он сильно преувеличивал незначительные события и иногда использовал старые эпизоды, выдавая их за новые. Даже из Судетской области приходили жалобы, что многие из новостей, которые сообщаются германской прессой, совершенно неправдоподобны. Дело в том, что после большого политического успеха в Мюнхене в сентябре 1938 года наступил значительный кризис доверия германского народа к правдивости его прессы. Это было одной из причин отстранения Берндта от этой должности в декабре 1938 года после окончания Судетской операции и для назначения меня главой отдела германской печати. Кроме того, благодаря своим действительно успешным, но слишком примитивным приказам германской прессе, напоминающим военные приказы, Берндт потерял доверие германских издателей и редакторов».

Что же случилось в это время? Фриче стал главой отдела германской печати вместо Берндта. Между декабрем

1938 года и 1942 годом Фриче в качестве главы отдела германской печати лично давал представителям основных германских газет так называемые «ежедневные брифинги руководителя имперской прессы». В течение этого исторического периода он был главным из заговорщиков, непосредственно ответственным за деятельность прессы.

Первой значительной внешней агрессией после того, как Фриче стал главой отдела германской печати, была операция по включению Богемии и Моравии в состав империи. В 28-м абзаце его аффидевита Фриче сообщает о пропагандистской деятельности, которая проводилась в связи с включением Богемии и Моравии в состав империи, следующее:

«Операция присоединения Богемии и Моравии, которая была проведена 15 марта 1939 года в то время, когда я возглавлял отдел германской прессы, не готовилась так долго, как Судетская операция. Насколько я помню, в феврале я получил от руководителя имперской прессы доктора Дитриха приказ, неоднократно повторенный от имени посла Пауля Шмидта из министерства иностранных дел о том, чтобы обратить внимание прессы на стремление Словакии к независимости и на постоянную антигерманскую коалиционную политику пражского правительства. Я это сделал. Ежедневные брифинги руководителя имперской прессы, а также протоколы пресс-конференций, имевших место в то время, дают точное представление о формулировке соответствующих инструкций. Типичными заголовками ведущих газет и пышных передовиц германской ежедневной печати в то время были:

1. Терроризирование немецкого населения на чешской территории путем арестов, расстрелов немцев государственной полицией, разрушениями и повреждениями немецких домов чешской толпой.

2. Концентрация чешских войск на судетской границе.

3. Похищения, ссылки и преследование чехами словацких меньшинств.

4. Чехи должны очистить Словакию.

5. Тайные заседания красных функционеров в Праге.

За несколько дней до посещения Гахи я получил предписание опубликовать в печати поступающие сведения о беспорядках в Чехословакии, привлекая к ним повышенное внимание. Эти сведения я получил только частично от германского информационного агентства "ДНБ". В большинстве случаев они исходили из отдела прессы министерства иностранных дел, а иногда и из газет, имевших свои собственные службы новостей. Среди этих газет была прежде всего газета "Фолькишер Беобахтер", которая, как я узнал позже, получала свои сведения от штандартенфюрера СС

Гюнтера Д'Алквена, находившегося в то время в Братиславе. Я запретил всем службам новостей и газетам печатать сведения о беспорядках в Чехословакии, пока я предварительно не просмотрю их сам. Я хотел избежать повторения весьма неприятных последствий пропаганды, проводившейся во время судетской операции. Я хотел избежать потери своего личного авторитета в связи с распространением ложных сведений. Таким образом, все сведения, проверенные мною, были, несомненно, тенденциозны, но тем не менее не выдуманы. После посещения президентом Гахой Берлина и после начала вторжения германских войск, которое началось 15 марта 1939 года, германская пресса получала достаточно материала для описания этих событий. Исторически и политически этот факт был оправдан указанием на то, что объявление независимости Словакии потребовало вмешательства и что Гаха своей подписью избежал войны и вновь восстановил союз тысячелетней давности между Богемией и империей».

Пропагандистская кампания в печати перед вторжением в Польшу 1 сентября 1939 года и, таким образом, пропагандистская деятельность, предшествовавшая началу второй мировой войны, вновь является делом рук подсудимого Фриче и его отдела германской печати. В 30-м абзаце своих показаний Фриче говорит о том, как заговорщики проводили пропагандистскую подготовку к этому эпизоду. Цитирую:

«Очень сложной и меняющейся была трактовка польского вопроса в прессе и пропагандистских материалах. Под влиянием германо-польского соглашения в течение многих лет германской прессе было официально запрещено публиковать что-либо о положении немецкого меньшинства в Польше. Это запрещение все еще было в силе весной 1939 года, когда немецкая печать получила предписание быть несколько более активной в отношении вопроса о Данциге. Даже тогда, когда начались первые польско-английские переговоры и когда от германской прессы потребовалось занять более резкую позицию в отношении Польши, даже тогда вопрос о немецком меньшинстве в Польше оставался в тени. Но летом этот вопрос был поднят вновь и немедленно вызвал весьма ощутимое обострение ситуации. Редакторы крупных немецких газет уже давно располагали большим количеством материалов о жалобах и протестах немцев в Польше, но они не имели возможности использовать этот материал. Немецкие газеты с того времени, когда проблема немецкого меньшинства обсуждалась в Женеве, все еще имели своих корреспондентов или добровольных сотрудников в Катовицах, Быдгоще, Познани, Торуни и так далее. Их материалы неожиданно стали помещаться на вид-

ном месте в газетах. К тому же основные немецкие газеты, подчиняясь инструкциям, которые они получали в так называемых "ежедневных брифингах", настойчиво публиковали следующие материалы:

1. О жестокостях и терроре, направленных против этнических немцев, и об уничтожении немецкого населения в Польше.

2. Строительство оборонительных сооружений в Польше руками тысяч немецких мужчин и женщин.

3. Польша — страна рабства и беспорядков. Дезертирство польских солдат. Рост инфляции в Польше.

4. Провокации пограничных конфликтов по указанию польского правительства. Польша стремится к захватам.

5. О преследовании чехов и украинцев в Польше.

Польская печать реагировала почти на все это чрезвычайно остро».

Кампания прессы, которая предшествовала вторжению в Югославию, проводилась примерно по тому же шаблонному плану. Вы обнаружите здесь обычную ложь, подстрекательство и угрозы, а также традиционные попытки разделить и ослабить страну-жертву.

32-й абзац показания Фриче на 28-й странице книги документов следующим образом описывает эту пропагандистскую кампанию:

«В течение времени, непосредственно предшествовавшего вторжению в Югославию 16 апреля 1941 года, немецкая печать подчеркивала в заголовках и передовых статьях газет следующие темы:

1. Систематическое преследование немцев в Югославии, в том числе сжигание немецких деревень сербскими солдатами, а также заключение этнических немцев в концлагеря. Физические насилия, совершаемые над лицами, говорящими по-немецки.

2. Вооружение сербским правительством сербских бандитов.

3. Подстрекательство плутократами югославского общественного мнения против Германии.

4. Рост антисербских настроений в Хорватии.

5. Хаотическое состояние экономических и социальных условий в Югославии».

Поскольку существовал пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также поскольку заговорщики хотели воспользоваться преимуществом неожиданности, специальная пропагандистская кампания непосредственно перед нападением на Советский Союз не проводилась. Фриче в 33-м абзаце своего аффидевита описывает формы пропаганды, которая все же проводилась для оправдания

этой агрессивной войны в глазах германского народа. Цитирую:

«В ночь с 21 на 22 июня 1941 года Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на котором присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил нам, что в этот же самый день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную для защиты отечества, как войну, которую мы вынуждены начать из-за непосредственной опасности нападения на Германию со стороны Советского Союза. Утверждение о том, что эта война была превентивной, было повторено позже газетами, которые получили инструкции от меня во время очередного ежедневного брифинга начальника имперской прессы. Я сам давал такую же интерпретацию причин войны в своих регулярных выступлениях по радио».

Фриче на протяжении всего своего письменного показания постоянно говорит о своей технической помощи и консультациях, которые он давал колоссальному аппарату министерства пропаганды. В 1939 году его, очевидно, перестали удовлетворять существовавшие возможности отдела германской печати, лившего воду на пропагандистскую мельницу. Он создал новое орудие для повышения эффективности нацистской пропаганды. В 19-м абзаце своего письменного показания, страница 24 книги документов, Фриче описывает этот новый механизм пропаганды следующим образом. Цитирую:

«Примерно летом 1939 года я создал внутри отдела германской прессы подотдел, названный "служба скорости"». Я пропускаю часть текста и цитирую дальше:

«Вначале задачей этого подотдела была проверка правильности известий, получаемых из-за границы. Впоследствии, примерно начиная с осени 1939 года, этот подотдел также начал работать над сбором материалов, которые предоставлялись в распоряжение всей германской прессы. Например, данные о британской колониальной политике, начиная с политических заявлений британского премьер-министра, сделанных в прошлом, описания социальных беспорядков во враждебных странах и т. д.».

Почти все германские газеты использовали этот материал как основу для той полемики, которую они вели. Таким образом, было достигнуто большое сосредоточение огня на боевом фронте германской прессы. Название «служба скорости» было выбрано потому, что материалы для комментариев по текущим вопросам поступали с необычайной быстротой.

В течение всего периода, предшествовавшего агрессивным войнам, и включая период ведения агрессивных войн, Фриче постоянно выступал по радио, обращаясь к германскому народу с речами на следующие темы: «Политический обзор газет», «Политический радиообзор», «Говорит Ганс Фриче». Его передачи, естественно, отражали полемику печати, а также руководящие указания его министерства и, таким образом, шли в русле целей общего плана или заговора.

Обвинение утверждает, что Фриче, являясь одним из наиболее выдающихся сотрудников группы пропаганды Геббельса, серьезно содействовал тому, чтобы погрузить мир в кровавую пучину агрессивной войны.

С разрешения Трибунала мы перейдем теперь к доказательствам, которые подтверждают, что Фриче подстрекал к зверствам и поощрял безжалостную оккупационную политику. Результаты осуществления пропаганды как оружия нацистских заговорщиков имеют отношение к каждому аспекту этого заговора, включая аморальное и бесчеловечное поведение, с которым связаны зверства и бесжалостная эксплуатация оккупированных стран. Большая часть рядовых немцев никогда бы не приняла участия в этом, если бы они не были подготовлены и приведены к варварским убеждениям и ложным идеям в результате постоянной «работы» нацистской пропагандистской машины. В действительности, пропагандисты, которые предоставили себя для выполнения этой преступной миссии подстрекательства и пособничества, гораздо более виновны, чем их легковерные и бездушные приспешники, которые возглавляли отряды поджигателей и пускали в ход газовые камеры, о чем здесь так много говорилось, потому что легковерие и бездушность этих людей в большой степени также явились результатом постоянной и злонамеренной пропаганды Фриче и его официальных помощников.

Далее, вопрос о евреях. Отдел пропаганды в министерстве пропаганды имел специальный подотдел, который занимался «просвещением германского народа и мира по еврейскому вопросу, борясь орудием пропаганды против врагов государства и враждебной идеологии». Эта цитата взята из книги, написанной в 1940 году министериальдиректором Мюллером и озаглавленной «Министерство пропаганды». Это документ ПС-2434, страница 10 книги документов, который мы представляем в качестве доказательства под номером США-722.

Упоминая об этом документе, Ваша честь, я должен был также назвать документ номер ПС-2434(а). Это еще одна выдержка из той же книги Мюллера и я прошу суд

принять ее без доказательства ради одной только зачитанной мною фразы.

Фриче в своих радиопередачах принимал особо активное участие в этом «просвещении» в области еврейского вопроса. Эти передачи буквально кишели провокационными клеветническими измышлениями против евреев, логическим результатом чего могло быть только побуждение Германии к дальнейшим жестокостям против беззащитных евреев, которые оказывались во власти немцев.

Документ ПС-3064 содержит большое количество полных передач, которые готовились Фриче и были перехвачены британской радиовещательной корпорацией и переведены ее должностными лицами. Для удобства Трибунала и чтобы проиллюстрировать типичные для Фриче радиопередачи, те выдержки, на которые обвинение опирается, были гектографированы и собраны в один документ США-723, который я представляю в качестве доказательства. Даже подсудимый Штрейхер, главный юдофоб всех времен, едва ли может превзойти Фриче в некоторых его клеветнических выступлениях против евреев. Все выдержки в документе ПС-3064 взяты из речей Фриче, которые он произнес по радио в период 1941 — 1945 годов. Это, как мы доказали, был период усиления антиеврейских мер. С разрешения Трибунала я хотел бы зачитать некоторые из этих выдержек.

Это 14-я страница нашей книги документов, выдержка первая. Из радиопередачи от 18 декабря 1941 года:

«Судьба еврейства в Европе оказалась столь же неблагоприятной, какой она, по предсказаниям фюрера, должна была стать в случае европейской войны. С распространением войны, явившейся результатом подстрекательства со стороны евреев, эта печальная участь может также постигнуть их и в Новом Свете, потому что с трудом можно предположить, что народы Нового Света простят евреям те бедствия, которые Старый Свет им не простил».

Из радопередачи от 18 марта 1941 года, страница 2032 перевода, я зачитаю следующее:

«Но венцом неправильно применяемой Рузвельтом логики является следующая фраза: "Никогда не было расы и никогда не будет расы, которая может служить остальному человечеству, господствуя над ним".

Мы можем только приветствовать такое заявление господина Рузвельта. Именно потому, что не существует расы, которая может господствовать над остальной частью человечества, мы, немцы, взяли на себя смелость уничтожить господство еврейства и его капитала в Германии, еврейства, которое верит в то, что оно унаследовало весь секрет мирового господства».

Я хочу также попутно упомянуть, что, как нам кажется, это не просто похвала за прошлые акты преследования евреев, но и объявление о том, что предполагается проведение дальнейших преследований и поощрение их.

Я хочу зачитать еще одну выдержку из радиопередачи от 9 октября 1941 года:

«Мы хорошо знаем, что эти немецкие победы, не имеющие аналогов в истории, еще не покончили с источниками ненависти, из которых долгое время черпали вдохновение поджигатели войны и из которых эта война берет свое начало. Корни международной еврейской демократически-большевистской кампании подстрекательств против Германии все еще скрываются в той или иной лисьей или крысиной норе. Мы видим слишком часто, как поражения, которые терпят поджигатели войны, только удваивают их бессмысленную и бессильную ярость».

Еще одна передача от 8 января 1944 года. Ваша честь, я старался подобрать наиболее характерные передачи, имевшие место в различные периоды.

«Еще раз установлено, что ни система управления государством, ни молодой национализм, ни новый и, конечно, правильно развивающийся социализм не являются причиной этой войны. Единственно виновными являются евреи и плутократы. Если обсуждение задач послевоенного периода так ясно говорит об этом, то мы приветствуем это как ценный материал для будущих дискуссий, а также как вклад в борьбу, которую мы сейчас ведем, потому что мы отказываемся верить, что мировая история вверит свое будущее развитие тем силам, которые расширяли войну. Эта клика евреев и плутократов вложила свои деньги в промышленность вооружения и она должна была позаботиться о том, чтобы получить свои прибыли и спасти свои капиталы. Для этого они расширяли эту войну».

Я располагаю еще одной цитатой, касающейся евреев, которая относится к 1945 году. Это передача от 13 января 1945 года:

«Если еврейство являлось звеном, связующим такие различные элементы, как плутократия и большевизм, и если сначала еврейство имело возможность действовать успешно в демократических странах для подготовки этой войны против Германии, то теперь евреи окончательно встали на сторону большевизма, который своими порочными лозунгами расовой свободы, противопоставляемой расовой ненависти, создал именно условия, необходимые евреям в борьбе за господство над другими расами».

Я пропускаю еще несколько фраз и цитирую следующее:

«Однако не последним результатом германского сопротивления на фронтах, столь неожиданного для противника, явился процесс подчинения британской политики далеко идущим еврейским планам, процесс, развивавшийся в течение предвоенных лет. Он начался очень давно, когда еврейские мигранты из Германии приступили к подготовке к войне против нас, находясь на британской и американской территориях».

Я пропускаю еще несколько фраз и перехожу к последнему предложению на этой странице:

«Все попытки, имеющие своей целью установление еврейского мирового господства, что теперь становится все более ясным, достигли своей критической фазы в тот самый момент, когда осознание народом своего расового происхождения было уже достаточно пробуждено, поэтому нельзя было ожидать успеха этих попыток».

Господа судьи, мы считаем, что это фактически побуждение к дальнейшему преследованию евреев и, по существу, к их уничтожению.

Фриче также подстрекал к безжалостным мерам против народов СССР. В своих регулярных радиопередачах Фриче часто связывал свои подстрекательства против народов СССР с клеветническими заявлениями против евреев, и, безусловно, эти подстрекательства были не менее поджигательными. Если бы эти клеветнические заявления были не так трагичны в их связи с убийством миллионов людей, то они бы казались комичными и даже нелепыми. Действительно звучит иронией, что клеветнические пропагандистские измышения против народов СССР, касающиеся зверств, фактически являлись, как мы это теперь хорошо знаем, описанием ряда зверств, совершенных самими немецкими захватчиками.

Следующие цитаты вновь взяты из радиопередач, перехваченных и переведенных в период, непосредственно последовавший за вторжением в СССР в июне 1941 года.

Первая цитата находится на 16-й странице книги документов. Я зачитаю только последнюю часть 7-го отрывка, начиная с 3-го абзаца:

«Письма, доходящие до нас с фронта от представителей ПК» — я здесь прерываю цитату для того, чтобы сказать, что ПК — роты пропаганды, которые придавались германской армии, где бы она ни была, — «письма, доходящие до нас с фронта от представителей рот пропаганды и солдат, находящихся в отпуску, свидетельствуют о том, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого, не одно мировоззрение против другого, а культура, цивилизация и человеческое достоин-

ство борятся против дьявольских принципов мира "недочеловеков"».

Затем другая цитата в следующем абзаце:

«Только решение фюрера нанести своевременный удар спасло нашу родину от вторжения этих "недочеловеков" и спасло наших мужчин, женщин и детей от тех невыразимых ужасов, которые им были уготованы, если бы они стали их добычей».

Теперь я хочу процитировать отрывок из следующей передачи от 10 июля 1941 года. В первом абзаце Фриче говорит о бесчеловечных деяниях, совершаемых на территориях, подконтрольных Советскому Союзу. Он говорит, что всякий, кто сам убеждается в совершении этих зверств, далее я цитирую: «приходит к святому решению помогать окончательному сокрушению тех, кто способен на такие подлые деяния».

Я снова цитирую последний абзац:

«Большевистские агитаторы не пытаются отрицать, что сотни и тысячи трупов мужчин, женщин и детей, убитых или замученных, были обнаружены в деревнях. Однако большевистские агитаторы утверждают, что это было сделано не советскими комиссарами, а германскими солдатами. Но мы, немцы, знаем своих солдат. Ни одна немецкая женщина, ни один отец или мать не нуждаются в доказательстве того, что их мужья или сыновья не в состоянии были совершать такие зверства».

Доказательства, которые были уже представлены нашими советскими коллегами, покажут, что представители этих нацистских заговорщиков, не колеблясь, уничтожали советских солдат и гражданское население путем массового применения «научных» методов.

Эти подстрекательские заявления Фриче делают его прямым соучастником этих преступлений, так как, клеветнически называя советских людей «недочеловеками», стремящимися к уничтожению германского народа, и делая подобные чудовищные заявления, он помогал этими пропагандистскими клеветническими речами созданию психологической атмосферы ненависти и безрассудства, которые побуждали к жестокостям на Востоке или делали их возможными. Хотя мы не можем сказать, что Фриче приказал убить 10 000 или 100 000 человек, достаточно остановиться на вопросе о том, насколько труднее было бы заговорщикам без этих подстрекательств Фриче создать условия, при которых стало возможным уничтожение миллионов людей на Востоке.

Фриче поощрял, поддерживал и восхвалял политику нацистских заговорщиков, направленную на безжалостную эксплуатацию оккупированных стран. Я вновь зачитаю вы-

держку из его выступления по радио 9 октября 1941 года. Эта выдержка находится на страницах 2102 и 2103 перевода. Я бы хотел ее сократить, но это одна из тех длинных немецких фраз, которую никак нельзя разбить:

«Сегодня мы можем сказать: блицкриг или нет, но германская гроза разрядила атмосферу в Европе. Совершенно верно, что угрожающие нам опасности устранены одна за другой с молниеносной быстротой в результате молниеносных ударов, которые сокрушили союзников Англии на континенте. Мы видели в этом не доказательство слабости, а доказательство силы и превосходства гения фюрера как государственного деятеля и военного руководителя, доказательство силы германского народа. Мы усмотрели в этом также доказательство того, что ни один противник не смог устоять против храбрости и дисциплины, готовности к самопожертвованию, проявленных германским солдатом. И мы сейчас особенно благодарны за эти молниеносные и непревзойденные победы потому, что, как подчеркнул фюрер в прошлую пятницу, они дали нам возможность приступить к организации Европы и к использованию богатств — я бы хотел подчеркнуть это — к использованию богатств — этого старого континента уже сейчас в середине войны в то время, когда для миллионов германских солдат нет нужды день и ночь быть начеку на той или иной границе, которая подвергается опасности. Потенциал этого континента столь велик, что можно удовлетворить все нужды военного или мирного времени».

Относительно эксплуатации иностранных государств Фриче заявил сам в абзаце 39 своего письменного показания, данного под присягой:

«Использование производительных возможностей оккупированных стран в интересах увеличения военного потенциала я открыто и с гордостью восхваляю, тем более что компетентные власти предоставили в мое распоряжение многочисленные материалы, особенно по вопросу использования рабочей силы на добровольных началах».

Фриче был ревностным пропагандистом, если с гордостью восхвалял эту эксплуататорскую политику германской империи, главным образом потому, что эти компетентные власти давали ему рекламный материал для его выступлений об использовании рабочей силы на «добровольных началах».

Я остановлюсь на вопросе о Фриче как руководителе всей системы германского радио. Фриче оставался на посту руководителя отдела печати Германии и после того момента, как заговорщики приступили к осуществлению своей последней агрессии. В ноябре 1942 года Геббельс создал новый пост — пост уполномоченного по вопросам полити-

ческой организации пангерманского радиовещания. Фриче был назначен на этот пост и оказался единственным, кто его занимал.

В 35-м абзаце документа ПС-3469, представляющего собой письменное показание подсудимого Фриче, говорится о том, каким образом под его руководством была организована вся система германского радио. Это страница 29 книги документов, которая имеется у Трибунала. Он заявляет:

«Мое учреждение фактически представляло собой высшее руководство германским радио...»

В качестве особого уполномоченного по политической организации пангерманского радио Фриче передавал по телетайпу приказы всем пропагандистским учреждениям империи. Они все использовались для того, чтобы подчинить всю систему радио Германии интересам заговорщиков. Геббельс обычно в 11 часов утра проводил совещания со своими ближайшими сотрудниками в министерстве пропаганды. Когда Геббельс и его заместитель, доктор Науман, отсутствовали, то Геббельс после 1943 года обычно поручал проводить эти встречи с прессой Фриче. В документе ПС-3255 суд найдет, как Геббельс восхвалял радиопередачи Фриче. Эти восхваления мы находим в предисловии к книге «Война поджигателям войны», написанной Геббельсом. Я хотел бы огласить эту выдержку в качестве доказательства под номером США-724. Это документ из радиоархива, который имеется на 18-й странице книги документов. Геббельс говорил:

«Никто не знает лучше меня, сколько труда вложено в эти радиопередачи. Сколько раз переделывались и диктовались в течение нескольких последних минут тексты выступлений для того, чтобы несколькими минутами позднее могли быть услышаны всей нацией».

Так мы узнали от самого Геббельса о том, что вся германская нация с готовностью слушала Фриче после того, как он завоевал свой авторитет на радио.

Говорили, что Фриче был «голосом своего хозяина». Это, конечно, было следствием функций Фриче. Когда Фриче выступал по радио, то германскому народу было ясно, что они слушали заявления высшего руководства заговорщиков в этой области.

Фриче не характеризуется обвинением как тип заговорщика, который подписывал декреты, или как заговорщик, который заседал на тайных советах. Функции пропаганды по большей части отличаются от такого стратегического планирования. Функции отдела пропаганды имеют скорее нечто общее с агентством реклам или отделом по контактам с населением, задача которых заключается в том, чтобы сбыть товар и завоевать рынок для соответствующего предприятия.

Здесь мы утверждаем, Ваша честь, что он был таковым. Выступая по данному делу, обвинение утверждает, что пропаганда имела огромное значение как орудие заговорщиков.

Мы также утверждаем, что ведущие пропагандисты были главными соучастниками в заговоре, что Фриче являлся одним из главных пропагандистов.

Когда Фриче занял свой пост в министерстве пропаганды, самой поразительной фабрике лжи, которая когда-либо существовала, то он таким образом стал участником заговора. Он сделал это более сознательно, чем большинство заговорщиков, которые вступили в заговор значительно раньше. Еще до захвата нацистами власти, Фриче занимал важную в стратегическом отношении позицию для того, чтобы наблюдать, как заговорщики обманывают германский народ и весь мир.

Трибунал вспомнит, что в 1938 году Фриче еще до того, как дать клятву партии в беспрекословном повиновении и послушании фюреру, избавив себя, таким образом, от моральной ответственности, лично наблюдал и был очевидцем действий штурмовых отрядов и применения нацистской расовой теории на практике. Когда он, несмотря на это, предпринял попытку поставить всю информационную службу Германии под фашистский контроль, то он узнал из уст самого Геббельса о многочисленных интригах и клеветнических измышлениях против оппозиции как вне, так и внутри Германии. Он видел, что происходило с журналистами-оппозиционерами, людьми, чья профессия еще недавно была ему близка, лишенными средств к существованию, которые либо должны были приспособиться, либо подлежали уничтожению. Но он продолжал поддерживать заговорщиков. Он изо дня в день изучал искусство интриг и клеветнических измышлений для того, чтобы совращать германскую нацию, приобретая все больший престиж и влияние по мере того, как он преуспевал в этом искусстве.

Как Трибунал вспомнит, Фриче говорил о том, что его предшественник Берндт был снят с поста руководителя отделом германской печати частично потому, что он переборщил в своих успешных, но чрезмерно прямолинейных и зашедших далеко манипуляциях в отношении судетской пропаганды. Фриче заполнил тогда брешь, которая образовалась в результате утраты доверия со стороны как редакторов, так и германского народа. И Фриче выполнил свою работу хорошо.

Вне всякого сомнения, Фриче не был таким недальновидным человеком, как тот, которого он сменил. Свойственные ему проницательность и хитрость, его способность внушать доверие, а также способность — как говорил Геб-

бельс — «находить жадных слушателей в лице всей нации» — вот что делало его одним из самых полезных соучастников заговора.

Нацистская Германия и ее пресса вступили в фазу военных операций, имея Фриче в качестве руководителя именно того механизма пропаганды, который контролировал германскую прессу и германскую информационную службу.

В 1942 году Фриче был переведен из области прессы в область радио, и этот перевод состоялся тогда не потому, что им были недовольны, а потому, что Геббельс больше всего нуждался в нем как в главном руководителе радио. Фриче находится на скамье подсудимых не как независимый журналист, а в качестве активно работавшего контролировавшегося нацистами пропагандиста, который помогал нацистам затягивать удавку на шее у германского народа, пропагандиста, который цинично восхвалял варварский расизм, пропагандиста, который хладнокровно призывал немецких обывателей к слепой ярости против людей, которые, по его словам, являются низшей расой и виновниками всех страданий немцев, страданий, в которые германский народ был ввергнут нацистскими заговорщиками.

528

Н97 **Нюрнбергский** процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 6. Об индивидуальной ответственности главных нацистских военных преступников. — М., Юрид. лит., 1996. — 528 с.

ISBN 5-726-0795-6

В шестой том сборника помещены выступления обвинителей об индивидуальной ответственности главных нацистских военных преступников — Геринга, Риббентропа, Гесса, Кейтеля, Кальтенбруннера, Франка, Бормана и других руководителей "третьего рейха". Они раскрывают преступную деятельность партийных и государственных пидеров цепого государства, ппаномерно готовивших агрессивные войны, намеревавшихся установить господство в мире, разрабатывавших инструкции и приказы о массовых расстрелах и казнях, уничтожении целых народов, ограблении стран, создании системы рабского труда, бесчеловечных опытах над людьми и руководивших претворением в жизнь этих директив.

Для юристов, историков, широкого круга читателей.

Н $\frac{1207000000-019}{012(01)-96}$ подписное **67.91**

Редактор *В.В. Титов*
Художник *В.И. Пантелеев*
Художественный редактор *Э.П. **Батаева***
Технический редактор *А.А. **Арсланова***
Корректор *М.А. Кузнецова*

Лицензия ЛР № 010152 от 26 декабря 1991 г.
Сдано в набор 7.06.95 г. Подписано в печать 15.10.96 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура Гельветика. Печать офсетная
Объем: усл. печ. л. 33; учет.-изд.л. 33,59
Тираж 5000 экз. Заказ № 1429

Издательство "Юридическая литература"
Администрации Президента Российской Федерации
121069, Москва, ул. Малая Никитская, д. 14.

Отпечатано в типографии издатепьства "Дом печати"
432601 г. Ульяновск, ул. Гончарова,14.